История Сибири

П.А. Словцов

История Сибири

ББК 63.3(2)44-46
С48

Вступительная статья, подготовка текста
В.А. Зернова

Словцов П.А.
С48 История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П.А. Словцов. — М.: Вече, 2006. — 512 с.: ил. — (Великая Россия).
ISBN 5-9533-1139-7

Уникальный труд замечательного мыслителя Петра Андреевича Словцова (1767—1843) «Историческое обозрение Сибири» по праву называют «энциклопедией сибирской жизни». Словцов всесторонне показал рачительное обживание Сибири россиянами на протяжении двух с лишним столетий после похода дружины Ермака. Ученый планировал довести исследование до времен правления Александра 1, но в действительности подробное освещение событий заканчивается на первых годах правления Екатерины II (некоторые примечания, правда, касаются 1830-х и начала 1840-х гг.).

Мудрый Словцов у Сибири один — так распорядилась сама История, — недаром его называют «сибирским Карамзиным». Однако до самого последнего времени имя П.А. Словцова оставалось современному читателю практически не известным. Настоящее издание публикуется под названием «История Сибири. От Ермака до Екатерины II».

ББК 63.3(2)44-46

ISBN 5-9533-1139-7

ОПАЛЬНЫЙ ИСТОРИК,
или путь к радуге

1.

Главная книга замечательного сибирского мыслителя Петра Андреевича Словцова (1767—1843) «Историческое обозрение Сибири» написана в первой половине XIX века. Возникает вполне естественный вопрос: а не устарела ли она в наше время — в начале XXI века? Ведь со времени создания книги прошло более полутора столетий. Ответ на такой вопрос однозначен: нет, не устарела. Напротив, актуальность «Исторического обозрения Сибири» в осмыслении и понимании сибирской жизни со временем, несомненно, будет возрастать, потому что книга эта особенная. В ней мудрому и проницательному Словцову неким загадочным образом удалось как бы сконцентрировать мощную животворную энергию суровой и горячо любимой им Сибирской земли, удалось ярко передать во времени сам дух могучей Сибири! А произведения такого рода обладают счастливым свойством не стареть, они сохраняют сквозь время неувядаемую юную свежесть, как сохраняют ее некоторые, скажем, сибирские песни. Более того, Словцов с его трепетной озабоченностью судьбой природы, с обостренной нравственностью оказался в начале XXI века на стрежне самых больных и острых проблем современности, современной истории. Однако Словцов есть явление отнюдь не локального сибирского характера и не только сибирской историографии. Имя Словцова принадлежит также и поэзии, литературе в целом, принадлежит общерусской культуре. Но по стечению ряда обстоятельств это имя современному русскому читателю практически неизвестно.

Когда Словцову едва исполнилось двадцать пять лет, с его стихами познакомился Гаврила Романович Державин, он даже пригласил молодого поэта-сибиряка к себе домой, говорил с ним о Сибири, жизнью в которой весьма интересовался — Державин не раз обращался к реалиям Сибири в стихах, косвенно сибирские мотивы присутствуют в его малоизвестной опере «Рудокопы». Напомню также, что именно Державин сочинил, например,надписи к памятнику Г. И. Шелихову, установленному в Иркутске в 1800 году. Там есть такие гордые державинские слова: «Колумб здесь росский погребен...». В Сибири у Державина было немало горячих почитателей.

Конечно, Словцов трепетал и перед встречей, и во время встречи с действительно державным поэтом. Гаврила Романович тепло встретил молодого сибиряка в столице, долго расспрашивал его об особенностях жизни в зауральской части России. Во время встречи Словцов прочитал написанное еще в Тобольске стихотворение «К Сибири», а также свое недавнее нашумевшее стихотворение «Китаец в Петербурге». Державин, отметив несомненные достоинства стихов Словцова, все-таки его главные будущие успехи связывал не с поэзией, а с деятельностью на государственном поприще, с государственными делами. Разговор с патриархом русской поэзии, с государственником Державиным, с поэтом, который «истину царям с улыбкой говорил», не мог не сказаться на дальнейшей судьбе Словцова — он стал

уделять стихам внимания все меньше и меньше (хотя поэтическое восприятие действительности сохранил на всю жизнь), а его резко выраженный государственный склад мышления в наибольшей степени воплотился через многие годы в его замечательном труде «Историческое обозрение Сибири».

О Словцове знали, принимали так или иначе участие в его судьбе Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I...

П. А. Словцов входил в жизнь, работал в то время, когда шло интенсивное формирование первых слоев собственной сибирской интеллигенции. Фигура Словцова возникла не на пустом месте, в своем времени он вовсе не выглядит одиноким в своеобразном культурном пространстве огромной Сибири — за ним стоит вполне определенная среда, в которой он сформировался, вопреки многим внешним обстоятельствам, как сложная крупная творческая личность. Среди его наиболее талантливых предшественников в Сибири можно назвать, например, имя С. У. Ремезова (1642 — после 1720) — выходца из служилых людей Тобольска, первого сибирского историка, картографа, архитектора, автора «Истории сибирской» (Ремезовская летопись). На Алтае пытался реализовать свои передовые для своего времени технические идеи Ив. Ив. Ползунов (1728—1766) — талантливый теплотехник, предложивший "первый в мире проект пароатмосферной машины непрерывного действия.

Уже в XVIII веке (и раньше) русские парусники бороздил и дальневосточные моря, заходили в Америку. Велось изучение дальневосточных побережий. В экспедициях участвовали, вносили свой вклад в исследования загадочных пространств и сибиряки, среди которых были и талантливые ученики С. У. Ремезова.

При жизни Словцова заявил о себе как об историке и талантливом писателе уроженец Иркутска Н. А. Полевой (1796—1846) — одна из наиболее ярких фигур в культурной жизни России первой половины XIX века (Полевой является автором известной повести «Сохатый», находящейся у истоков сибирской прозы). Н. А. Полевой создал своеобразный научный труд «История русского народа», основал и был редактором журнала «Московский телеграф», в котором печатались произведения А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, на страницах журнала нередко печатались материалы о Сибири, публиковались в журнале также и обстоятельные очерково-публицистические произведения П. А. Словцова.

В начале XIX века лучшей для своего времени в Сибири Тобольской гимназией руководил даровитый педагог И. П. Менделеев (1783—1847) — отец гениального русского химика Д. И. Менделеева. Среди сибиряков — современников Словцова нельзя не назвать поэта П. П. Ершова (1815—1869)— создателя бессмертной сказки «Конек-Горбунок». После учебы в Петербургском университете П. П. Ершов, будучи уже знаменитым сказочником, обласканный Пушкиным и другими поэтами, продолжительное время руководил Тобольской гимназией — как раз в те годы, когда П. А. Словцов работал в Тобольске над «Историческим обозрением Сибири».

Формированию сибирской интеллигенции в заметной степени способствовало и возникновение книгопечатания в Сибири. Произошло это опять же в То-

больске —там купцами Корнильевыми была построена первая в Сибири типография, в 1789—1791 годах выходил первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», а в 1793— 1794 годах издавался журнал с витиевато-пространным названием «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателя». Постепенно в крае возникали культурные центры. На фоне общей отсталости Сибири по сравнению с Центральной Россией в ней всегда было немало людей прогрессивно мыслящих, деятельных, пытливых, неравнодушных к судьбе сурового и богатого природными ресурсами края.

Хорошо известно, что, при всей пестроте и противоречивости в заселении Сибири, россияне с самого начала прилагали колоссальные усилия к изучению, постижению ее загадочно-таинственной сущности, чтобы она по праву стала органической частью России, но все-таки с весьма своеобразными особенностями в культуре, традициях, дыхании жизни. И всегда сибиряками двигала высокая вера в то, что сибирская земля станет со временем, по словам Словцова, «теплее, благосклоннее». В постижение своеобразия края большой вклад внес Петр Словцов своим «Историческим обозрением Сибири». Нужно сказать, что книга выходила в трудных условиях, печаталась она в Петербурге, а Словцов жил в Тобольске. И если, например, Владимир Даль провел лично 14 (!) корректур своего знаменитого «Толкового словаря», и то в нем изредка встречаются опечатки, то Словцов не имел возможности держать и одной корректуры своего историчес-

кого труда!.. После выхода труда судьба его складывалась тоже неудачно. Скажем, и после издания «Обозрения» в 1886 году сразу двумя книгами оно оставалось известным лишь узкому кругу читателей, уникальное издание находило своего читателя до обидного медленно.

Выразителен следующий пример. В 1890 году на остров Сахалин совершил поездку А. П. Чехов. Перед отправлением в нелегкую дорогу через Сибирь он выписал много литературы об азиатской части России. В частности, писатель ознакомился с «Сибирской историей» И. Фишера, с книгами Г. Н. Потанина, Н. М.Ядринцева, С. В. Максимова. Однако о существовании «Исторического обозрения Сибири» Словцова Чехов не знал, имени историка он нигде не упоминает. Хотя как раз на страницах «Обозрения» писатель нашел бы сверхценные сведения и оригинальные мысли о Сибири и сибиряках.

Не был знаком с «Обозрением» и вообще с творчеством Словцова В. И. Ленин, не оставил о нем одобрительного отзыва. Это, разумеется, не могло не сказаться на отношении к изданию произведений Словцова после 1917 года. А такое знакомство вполне могло произойти весною 1897 года, когда Владимир Ильич в Красноярске ожидал открытия навигации по Енисею, чтобы на пароходе проследовать по реке в Шушенское. Во время вынужденной остановки он почти два месяца регулярно занимался в знаменитой библиотеке известного сибирского издателя и библиофила Геннадия Васильевича Юдина.

Названная сокровищница книг заслуживает того, чтобы о ее печальной судьбе было здесь сказано хотя бы не-

сколько слов, поскольку библиотека имела богатые запасы литературы для изучения истории Сибири, то есть имеет прямое отношение к многострадальной истории Сибири. По книгозапасу юдинская библиотека была второй после библиотеки Томского университета, но по некоторым параметрам превосходила ее, она содержала в себе по истории России, особенно по истории Сибири, уникальный запас книг, среди которых было немало изданий редчайших! До февраля 1907 года юдинская библиотека находилась в Красноярске, а потом (вслед за русской Аляской!) стала собственностью Америки — книги из Красноярска перекочевали под своды прекрасной Библиотеки Конгресса в Вашингтоне. Нужно сказать, что Юдин прилагал большие усилия, чтобы его библиотека, имевшая книгозапас около 80 тыс. томов, осталась в России, причем чтобы она сохранялась в своем целостном, нерасчлененном виде. Однако российский император Николай II на соответствующем прошении директора Публичной библиотеки в Петербурге Н. К. Шильдера о выделении денег для приобретения замечательного сибирского собрания книг наложил следующую резолюцию: «Из-за недостатка средств— отказать!» У Америки же средства нашлись, причем их потребовалось столь смехотворно мало, что директор Библиотеки Конгресса Герберт Пэтнам в 1907 году докладывал конгрессменам о бесценном сибирском приобретении «как о даре» красноярского собирателя книг. Ныне юдинский «дар» представляет собой самое крупное за рубежом собрание книг по истории России. Таковы масштабы невосполнимой утраты. Для сибиряков же переброска

библиотеки за океан оказалась, пожалуй, самой большой духовной потерей за всю историю Сибири.

Ленин (в то время Ульянов) почти ежедневно работал тогда в юдинской сокровищнице книг над своим трудом «Развитие капитализма в России», и то, что он не ознакомился с «Историческим обозрением Сибири» Словцова, скорее всего, следует считать чистой случайностью — ведь человек он был дотошный, в изучении вопросов отличался скрупулезностью. Но вот велика ли надежда, что после возможного знакомства он оставил бы одобрительный отзыв о нашем сибирском историке-христианине Словцове и его произведениях, на этот счет имеется большое сомнение.

После 1917 года П. А. Словцов среди отечественных теоретиков устойчиво числился по разряду «буржуазного историка». Необходимо также иметь в виду, что в отечественной исторической науке после Октябрьской революции прочно утвердился тезис, согласно которому подлинная история Сибири начинается только после 1917 года, а весь предшествующий период является лишь предысторией.

В самом начале разговора о творческом литературном наследии П. А. Словцова считаю необходимым отметить, что его книга «Историческое обозрение Сибири», помимо бесценного содержания, разнообразных сведений, а также проницательных размышлений над историей Сибири, отличается еще, я бы сказал, крылатым благородством, энергичностью слога. П. А. Словцов, большой мастер слова, отменно знающий и чувствующий оттенки и нюансы родного языка, его народные сибирские особенности и наречия, использует имеющий-

ся у него мощный лексический арсенал, накопленный задесятилетия общения с сибиряками разных возрастов, профессий и социальных положений на пространствах от Урала до Камчатки, использует свои богатые познания, чтобы как можно точнее выявить, вскрыть «характер подлинности», по выражению самого историка, важнейших для Сибири явлений в ее жизни. Однако особенности его стиля порою пытались оценивать люди, не обладавшие и десятой долею ни практических, ни теоретических познаний в области языка, по сравнению с познаниями самого Словцова. На бездоказательные укоры в свой адрес Словцов в таких случаях реагировал спокойно, отвечал не без оттенка иронии: «За всеми не угоняешься»! И продолжал настойчиво вершить свое нелегкое дело, идти собственной дорогой в работе над «Историческим обозрением Сибири», которое и ныне существенно может помочь нам в постижении «характера подлинности» Сибири и сибиряков. Историк в «Обозрении» нередко обращается к особенностям русской речи в Сибири, делает меткие замечания. На основании личных наблюдений историк приходит к интересным, живым выводам. В частности, он делает следующее весомое замечание о трансформации русской речи в условиях Сибири: «Сибирское наречие в произношении буквы "о" свято держится букварного выговора так, как бы всегда лежало ударение на ней. Сверх того, наше наречие удержало обветшалые слова, уполномочило самодельные и переиначило ударение многих». А насколько интересно другое наблюдение: «Сибирский разговор ленив и холоден, но без легкомыслия, не текуч и малословен, как бы с числом и весом, и, к сожалению, темноват по привычке пропускать глаголы, оживляющие мысль».

Воспринимая жизнь не засушенным, скушным взглядом отрешенного от действительности фиксатора событий, будучи далеким от пуританства, Словцов оставляет свое трепетное мнение по различным сторонам сибирской жизни. И сколь же великолепен, например, на страницах «Обозрения» его простодушный, веселый, пронизанный чувством народного мироощущения гимн вину, произнесенный человеком, сполна познавшим не только огромную радость творческого труда, но и ценящим отраду праздного, праздничного общения с другими людьми за чаркой божественного напитка.

А «замалчиванию» исторического труда Словцова, как мы попытались обозначить выше, способствовало стечение целого ряда неблагоприятных обстоятельств. Об историке время от времени писали (так, например, в № 9 журнала «Сибирские огни» за 1961 год была опубликована небольшая статья А. Ф. Плахотника «Труд по истории Сибири», в Кемерове в 1964 году вышел очерк историка В. Г. Мирзоева «П. А. Словцов», в Свердловске в 1973 году издана книга литературоведа Л. Г. Беспаловой «Сибирский просветитель»), на его мнение ссылались, однако произведения Словцова, имеющие огромное государственное значение в патриотическом воспитании сибиряков, держались в тени.

2.

Так кто же он — Петр Андреевич Словцов?

Родился будущий историк и мыслитель, поэт и публицист, религиозный и

общественный деятель 16 января (ст. стиля) 1767 года в семье заводского священника на Урале. В «Историческом обозрении Сибири», повествуя об истории уральских заводов, Словцов попутно обращается ко времени своего детства. «На Нижнесусанском заводе, да простит читатель эгоизму, — взволнованно говорит Словцов,— я родился в 1767 году. Рассматривая причины своих погрешностей, я иногда покушаюсь спрашивать себя: не стук ли молотов, от колыбели поражавших мое слышание, оглушил меня надолго для *кротких (курсив* мой. — *Е. 3.)* впечатлений самопознания?» Места, в которых прошло детство будущего историка, будут крепко его притягивать к себе на протяжении всей жизни!

От отца Петр Словцов получил первые навыки грамоты, а когда мальчику едва исполнилось 12 лет, отец его умер. Тогда-то мать и определила сына-сироту на учебу за казенный счет в Тобольскую духовную семинарию. Заметим, что с Тобольском, с городами горнорудного Урала, с Иркутском и многими поселениями в Якутии у Словцова связаны значительные периоды его жизни, об этих местах он говорит в «Обозрении» особенно пристрастно, явственно ощущается, что пером автора движет большое вдохновение.

В истории освоения Сибири россиянами Тобольску принадлежит, особенно в начальный период, едвали не самое значительное место. Здесь казаки Ермака заявили и отстояли решительное право государства Российского на Сибирь, смело направив свои ладьи к крутым берегам Чувашского мыса и повергнув войско хана Кучума. Предание донесло до нас следующие слова бесстрашного атамана: «Казачье вершим дело, а обернулось оно общерусским». Многие десятилетия Тобольск был столицей Сибири, отсюда определялись пути освоения Россией новых земель, огромного простора от Урал а до Камчатки и Чукотки, отсюда на Север и Восток распространялась православная вера, игравшая в движении народа в сторону Великого океана отнюдь не второстепенную роль. Разумеется, в духовном освоении Сибири Церковь действовала не в одиночку, однако драматизм этого освоения мы постоянно ощущаем на страницах главного труда П. А. Словцова: «...Кончится ли когда-либо у Церкви и Правительства сугубая борьба с духом мира, по-видимому, побеждаемым и вечно воинствующим...»

В судьбе П. А. Словцова Тобольск занимает особое место на протяжении всей жизни, отношение историка к Тобольску очень личностное. Недаром в его книге «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году», изданной в Москве в 1834 году, мы находим такие слова: «Мне хотелось показать Тобольск с окрестностями, во всех возможных для меня отношениях, не для того, что он поставлен Сибирским учреждением во главу Западной Сибири, а для того, что в нем я первоначально учился Латинской Грамматике и Риторике. Давние впечатления и ныне отсвечивают в моих воспоминаниях...»

Предтечей этого очень своеобразного сибирского города стал Небольшой острог, заложенный в 1587 году на крутом берегу Иртыша письменным головой Данилой Чулковым с 500 казаками. Из городов Сибири старше Тобольска Тюмень (всего лишь на год) — ее основание относится к 1586 году.

Когда 12-летний Петр Словцов в 1779 году приехал в Тобольск на учебу в духовную семинарию, то среди множества впечатлений наиболее сильное воздействие на юную душу оказала красота главного города Сибири. Удивителен был белокаменный кремль, гордо утвердившийся на головокружительной высоте дикого Троицкого мыса-крутояра на берегу Иртыша. Позднее Словцов объедет всю Сибирь, но ничего прекраснее Тобольского кремля и Софийского собора (сибирской Софии!) так нигде и не встретит, потому что такой красоты в Сибири больше нигде нет. Тот, кто сомневается, что именно такие чувства испытывал Словцов в Тобольске, пусть обратится к его стихотворению «К Сибири», написанному 15-летним поэтом-семинаристом. В подавленном состоянии подобные стихи создать невозможно. Словцова завораживал утренний перезвон десятков мелодичных церковных колоколов. И хотя семинария находилась в подгорной части города, семинаристы нередко поднимались на территорию кремля, где дыхание сибирской истории было особенно осязаемо. Это дыхание в Тобольске Словцов будет чувствовать всю жизнь. А вокруг проявляла себя деловая Сибирь — через Тобольск шла интенсивная торговля с Китаем и Бухарой, Индией и Монголией, Хивой и Афганистаном...

Чтобы хотя бы контурно представить себе Тобольск того далекого времени, ощутить атмосферу его жизни, желательно, конечно, побывать в Тобольске нынешнем. Поклониться его немногим отреставрированным, многим разрушенным и полуразрушенным храмам. Попросить у них прощения. Прикоснуться к бесценным сокровищницам кремля, в свое время ставшего как бы символом русской победы под Полтавой в 1709 году. Как следствие этой победы в сооружении каменного кремля в 1711 — 1717 годах участвовали пленные шведы. Петр I благоволил строительству в Тобольске! Тем более что в то время, после разделения России на восемь губерний, первым губернатором гигантской Сибирской губернии, раскинувшейся от Вятки и Соликамска до Камчатки, был назначен любимец Петра князь Матвей Петрович Гагарин. Строительство кремля в Тобольске велось по архитектурным проектам и под руководством Семена Ульяновича Ремезова. Энергичные действия М. П. Гагарина по укреплению и украшению столицы Сибири, проводимые им преобразования в губернии продолжались около восьми лет.

А потом разразилась гроза — губернатор был обвинен в злоупотреблениях и стремлении к сепаратизму. После длительного следствия, продолжавшегося три года, «за неслыханное воровство» Гагарин в 1721 году в Петербурге, на Васильевском острове был публично повешен. Причем тело казненного, в назидание остальным государственным мужам, снимать запретили. А когда веревка перегнила, то велено было останки казненного вздернуть на железной цепи... Говоря о Тобольске, о его неповторимом кремле, Словцов в своем историческом труде размышляет и о трагической судьбе князя Гагарина.

С Сибирью в разное время были связаны судьбы и таких крупных прогрессивных государственных деятелей, как Соймонов, Чичерин, Сперанский (его памяти Словцов посвятил вторую книгу «Обозрения»).

Во многом через Тобольск Словцов ощущал связь Сибири с историей всей огромной России. Недаром в «Обозрении», не чураясь патетики, он обращается к современникам и потомкам: «Сыны Сибири! Слышите ли вы в душах своих этот грохот, все отдающийся от громов Полтавской победы? Вы должны его слышать, потому что ваши предки участвовали на великом позорище победы и видели, как грозными редутами Петровыми раздирались ряды гордого неприятеля».

Пожары не щадили Тобольск. Впрочем, как и другие сибирские города. Не раз он дотла сгорал за свою 400-летнюю историю, но снова и снова, как сказочная птица Феникс, возрождался буквально из пепла. И все-таки особенно жутко было видеть следы пожара 1991 года, практически напрочь уничтожившего знаменитое деревянное здание театра, возведенное в конце XIX века (единственное в своем роде в Сибири!), перед огнем совершенно беззащитное...

Тобольск разделяется на верхний (нагорный) и нижний (подгорный) город. В верхнем городе расположены кремль, установлен памятник Ермаку, находится Завальное кладбище, то есть кладбище расположено за городским валом, служившим для города некогда в качестве укрепления. Нижний город и ныне в основном деревянный, в нем расположены многие церкви, Знаменский монастырь, в который в конце XVIII века была переведена славяно-латинская школа, преобразованная впоследствии в семинарию. В нижнем городе находятся пристань, базар, жилые дома. Верхний и нижний город связаны между собой посредством Никольского Прямского (Софийского) и Казачьего взвозов.

Со смотровой площадки соборной колокольни хорошо виден первый в России памятник Ермаку, установленный в 1838 году на мысе Чукман. Памятник представляет собой четырехгранный обелиск, изготовленный из мрамора на Урале. Проект памятника разработал академик архитектуры А. П. Брюллов — старший брат известного живописца К. П. Брюллова. В подгорной части города выделяется здание семинарии, в которой учился, а позднее и преподавал П. А. Словцов.

Недалеко от бывшего здания духовной семинарии установлен памятник поэту П. П. Ершову (скульптор В. Белов), открытый в 1973 году, — поблизости находится деревянный дом, в котором в последние годы жил поэт.

В нижнем городе живут ожиданием на возрождение чудом уцелевшие церкви.

Исходя из собственных наблюдений, П. А. Словцов утверждал, что большинство сибирских городов «один на другой похожие». Однако Тобольск, бесспорно, имеет собственное неповторимое лицо! Это лицо в XX веке подвергнуто искажению и его предстоит восстанавливать, раскрывать, как раскрывают на иконах прекрасные лики, искаженные позднейшими богомазами и копотью времени.

Пытаюсь представить себе страдания первого ссыльного в Тобольск. Перед высылкой его жестоко мучили: вырвали язык, отрезали ухо, его нещадно пороли плетьми. Ссыльным был мятежный угличский вечевой колокол — после убийства в Угличе малолетнего царевича Дмитрия в 1593 году он своим набатом призывал горожан к возмущению. Борис Годунов был с колоколом беспоща-

ден, жестоко с ним расправился — велел сбросить его с колокольни, подвергнуть экзекуции, а затем отправил в далекую сибирскую ссылку. Колокол до Тобольска волоком тянули 500 провинившихся жителей Углича (весил колокол 19 пудов 20 фунтов), потом их определили на жительство в Пелым. Ссылка колокола была самой продолжительной — лишь после 300-летнего заточения, в 1892 году, его возвратили в Углич. А во время ссылки он должен был благовествовать «часы богослужения при архиерейской крестовой церкви». Как заметил П. А. Словцов, провинившийся угличанин оказался . «первым и неумирающим ссыльным, предвозвестив будущую судьбу страны», которая в дальнейшем сибирским историком была названа «страной исправительной».

И скольких же людей пытались исправить посредством Сибири?! Одним из первых на «исправление» в Тобольск в 1661 году, был отправлен славянский писатель и ученый Юрий Крижанич (историк С. М. Соловьев называет его сербом, другие исследователи — хорватом). Крижанич приехал в Россию в 1659 году, во времена царствования Алексея Михайловича. Он был одержим благородными идеями славянского всеединства, имел конкретные планы действий, пытался привлечь на свою сторону русского царя. Однако, обвиненный в неправославии, оказался на целых 15 лет в Тобольске. Реформаторские идеи Крижанича позднее своеобразно аукнулись в преобразованиях Петра I. В Тобольске Ю. Крижанич вел деятельный, активный образ жизни — он собрал обширный материал по истории Сибири, ее географии и экономике. Собранные сведения позволили ему позднее написать обстоятельный труд «История Сибири» (на латинском языке). Таким образом, ссыльный Ю. Крижанич оказался одним из первых ученых, предпринявших шаги к изучению истории Сибири задолго до П. А. Словцова*.

Несколько раньше Крижанича, в 1653 году, в ссылке в Тобольске, а затем в Даурии находился вместе с семьей непокорный протопоп Аввакум. Его дорога в далекую Даурию и обратно (в 1664 году) проходила через Тобольск, однако в своем знаменитом «Житии» об этом городе протопоп говорит очень скупо.

Вслед за протопопом Аввакумом и Ю. Крижаничем в Тобольске, не по собственной воле, побывали многие выдающиеся люди России: А. Н. Радищев, декабристы В. К. Кюхельбекер, М. А. Фонвизин, А. М. Муравьев-Апостол, братья П. С. и Н. С. Бобрищевы-Пушкины. Здесь в разное время находились неугодные властям украинский поэт П. А. Грабовский, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, М. И. Михайлов, В. Г. Короленко. Могилы многих ссыльных находятся на Завальном кладбище в Тобольске.

На рубеже двух столетий дважды Тобольск посетил Николай II: в первый раз

*Юрий Крижанич (1618—1683) родился вХорватии, окончил Загребскую духовную семинарию; затем учился в Вене и Болонье. С 1640 г. проживал в Риме, где заканчивал греческий коллегиум св. Афанасия. Он полагал, что содружество славянских народов может быть достигнуто под эгидой Русского государства *с единой униатской церковью. В* ссылке вТобольске находился в 1661 —1676 гг., в 1678 г. покинул пределы Русского государства. В Тобольске написал книги «Беседы о правительстве» («Политика») и «По иностранным и русским источникам» (о русской истории). — *Примеч. ред.*

во время кругосветного путешествия в 1891 году, а вторично — уже после отречения от императорского престола, в 1917 году, будучи вместе с семьей сосланным в этот сибирский город по решению Временного правительства.

Летом 1819 года через всю Сибирскую губернию проехал с ревизией, вплоть до Нерчинска, старый друг П. А. Словцова М. М. Сперанский, незадолго до поездки назначенный сибирским генерал-губернатором. Внимательно ознакомившись с работой чиновников Тобольска, Сперанский ужаснулся и пришел к выводу, что их надо «отдать всех под суд». Но когда генерал-губернатор проехал дальше на восток, то, возмущенный состоянием дел, о чиновниках Томска вынужден был отозваться еще более круто: «...здесь оставалось бы всех повесить. Злоупотребления вопиющие...»

П. А. Словцов, накрепко и навсегда связав свою судьбу с Тобольском, тем не менее не все в городе, в том числе в его природной среде, считал удачным, писал об этом резко, порой язвительно. «Климат здоров, но почва, на которой стоит город, нездорова, как сырая, болотная и гнилая. В городе видят немало слепых, хромых, горбатых и калек. Природные тоболяки не переживают 90 лет и столетних стариков не слышно» — так историк отзывается о Тобольске в «Обозрении». А в «Прогулках вокруг Тобольска...» он говорил еще более резко: «Что же такое наш город, как не предместье кладбищ?» И все-таки он любил Тобольске его «гнилой почвой», любил его таким, каким он был в реальности. И отвечая своему другу, писателю И. Калашникову, на предложение переехать в Петербург, Словцов, не раз все передумав, принимает в Тобольске окончательное решение, заявляет в письме: «...потребнасила, а не красноречие, чтобы оторвать меня от почвы, к которой прирос». В этом городе прошла его юность, написаны лучшие произведения. В Тобольске, наконец, приходило к нему вдохновение во время многолетней работы над «Историческим обозрением Сибири».

Вряд ли возможно сохранить внутреннее спокойствие, когда ходишь по улицам и улочкам нынешнего Тобольска, поднимаешься из нижнего города, где жил Словцов, к кремлю. Ведь 198 деревянных ступенек крутого Прямского, или Софийского, взвоза, разделяющего кремль на Софийский двор и Малый (Вознесенский) город, не дают позабыть, напоминают и о крутых ступенях сибирской истории. Стык же истории и современности почти всегда непрост, драматичен.

Сегодня Тобольск — всего лишь город областного подчинения. Но еще в конце XVIII —начале XIX века он не те рял надежды, что по-прежнему будет находиться в центре экономической и культурной жизни Сибири. Ведь в соответствии с планом Александра I, помеченным 1803 годом, Тобольск, наряду с Киевом, Казанью, другими городами, должен был со временем стать университетским городом. В 20-е годы XIX века мысль о необходимости открытия университета в Сибири (разумеется, в Тобольске!) высказывал устно и письменно П. А. Словцов генерал-губернатор) Сибири М. М. Сперанскому. Открыть первый университет в Сибири в Тобольске не удалось. Он был открыт в 1888 году в Томске. Тобольск начал стремительно терять свое положение

столицы Сибири. В 1804 годуизТобольской губернии выделилась губерния Томская. Ас 1839 года центром Западной Сибири становится Омск. Причиной печальных изменений в судьбе Тобольска стал тот непреложный факт, что он оказался в стороне от новых главных сухопутных транспортных магистралей: сперва из Екатеринбурга мимо Тобольска, через Тюмень, Ялуторовск и Ишим прошел тракт, а позднее город оказался и в стороне от Транссибирской магистрали.

Д. И. Менделеев, совершив по заданию правительства в 1899 году поездку на Урал, навестил и свой родной город. Ученому было обидно за судьбу Тобольска. «Великая сибирская дорога пробудила всю Сибирь, но этого одного пути, очевидно, мало, - высказывал свое мнение великий ученый, — необходимы другие, и первым по очереди, конечно, будет путь на Тобольск, потому что тут исторически и самой природой скоплены судьбы всей Западной Сибири. Тогда только, когда дойдет железная дорога от центра России до Тобольска, родной мне город будет иметь возможность показать свое превосходнейшее положение и настойчивую предприимчивость своих жителей».

А что касается Словцова, то своими действиями он являет пример человека истинно государственного. И в этом нас убеждают не только многие страницы его исторического труда, но и те практические меры, которые он предпринимал, многие годы трудясь на ниве народного просвещения в Сибири. Ас 1821 года Петр Андреевич был официально утвержден высочайшим именным указом визитатором всех сибирских училищ!

В Тобольске П. А. Словцов общался со многими людьми, наиболее близкие из них постоянно приходили к нему домой, вели с историком «умные беседы», навсегда оставались благодарными ему за минуты общения. В дошедших до нас воспоминаниях об историке есть слова о том, что Сибирь и сибиряков он любил страстно, «радовался благополучию и успехам их, как собственных детей». Тепло относился к будущему краеведу Н. А. Абрамову, к тем, кто изучал историю края.

В круг общения Словцова в Тобольске, наряду с поэтом П. П. Ершовым, отцом Д. И. Менделеева — И. П. Менделеевым, инспектором Тобольской гимназии И. П. Помаскиным, входил и композитор А. А. Алябьев, сын правителя Тобольского наместничества, сосланный из столицы империи в родной город. Словцов, с благоговением относившийся к музыке, называл композитора «тобольским Россини».

О характере Словцова, об его отношении к Тобольску и тобольчанам, к Сибири в целом мы можем также судить по тому, как историк отреагировал на некоторые страницы из сибирских записок французского аббата Ж. Шаппа д'Отроша. Обращаясь к запискам, Словцов в «Обозрении» приводит из них много интересных наблюдений, сделанных Шаппом в Тобольске. Однако в записках устраивает Словцова далеко не все, особенно возмущают его отзывы аббата о некоторых сибирских нравах, оскорбляющие национальные чувства сибиряков, и он считает необходимым сообщить читателям свое нелицеприятное мнение по поводу таких отзывов француза: «...мы с негодованием пропускаем колкие высказывания о наших

обычаях и свадебных обрядах, общих в то время с Россиею, и притом представленных Шаппом без целомудрия и даже без благопристойности». К научным сведениям, полученным Шаппом в Сибири, Словцов довольно часто обращается в «Обозрении», но мнения по поводу нравственности француза не изменяет, хотя и делает оговорку, что нужно прислушаться к замечаниям аббата, «не всегда приятным, иногда резким, но стоящим внимания». Однако о случаях некорректных высказываний аббата по поводу сибиряков П. А. Словцов не забывает, его вывод по отношению к Шаппу звучит очень жестко — это одни из самых суровых и бескомпромиссных строк в историческом исследовании сибиряка. «По заслуге достойный Паллас, — пишет историк, — назвал ученого аббата вертопрахом, и этот вертопрах в последней половине XVIII века был один из безнравственных французских ученых». Читая такие строки, необходимо иметь в виду, что П. А. Словцов хорошо знал европейскую культуру, к иностранцам относился кдолжным пиететом, постоянно следил за развитием европейской научной мысли, в том числе и в области истории.

Вот в таком сибирском городе, в городе с драматической судьбой, формировался характер будущего сибирского историка, мыслителя, писателя, религиозного и общественного деятеля. Судьба Словцова в какой-то мере сходна с судьбой Тобольска — такое же стремительное начало, а затем полуторавековое полузабвение. Следует подчеркнуть, что известность к Словцову как к писателю и ученому пришла за несколько десятилетий до создания им фундаментального «Исторического обозрения Сибири», первая книга которого вышла в 1838 году, а вторая — в 1844. Но уже в 1815 году, по материалам публицистических выступлений в журналах, Словцов был избран в почетные члены Казанского общества любителей словесности. В 1821 году он становится почетным членом Санкт-Петербургского вольного общества российской словесности. Президент этого общества князь Салтыков писал тогда Словцову об уважительном отношении к его научным поискам, высоко отзывался о его трудах, «подъятых для пользы отечественной словесности».

3.

В период учебы в Тобольской семинарии, лучшем по тому времени учебном заведении Сибири, Словцов показал незаурядные способности по всем дисциплинам. Он увлеченно изучал, наряду с русским языком, греческий, латинский, французский. В семинарии преподавали даже татарский, чтобы подготовить будущих священнослужителей к миссионерской деятельности среди коренного населения Сибири. Кстати, в Иркутском училище, кроме русского языка, тогда же шло изучение и монгольского. Разумеется, для будущих священнослужителей главными были богословские науки, но семинаристы также обучались рисованию и красноречию, изучали историю, математику, основы стихосложения. Тобольская семинария, созданная в самом начале XVIII века по указанию Петра I как славяно-латинская школа, имела в своем составе превосходных учителей, приглашенных в Сибирь из Киева, Чернигова, других городов. Семинария же откры-

лась позже, но в 1748 году обучение в ней велось уже по всем классам. Словцов вспоминает, что во время его учебы к семинарии хорошо относился сибирский губернатор Д. И. Чичерин, «несколько говоривший по-латински». Губернатор не забывал о подарках для семинаристов и преподавателей — по его распоряжению на Святки в духовное учебное заведение каждый год присылали «дичины и говядины по нескольку возов».

В XVIII веке различные учебные заведения открываются во многих городах Сибири, вплоть до Петропавловска-Камчатского. В далеком приморском городе Охотске, например, начинает работать навигацкая школа. В технической школе на Алтае детей горному искусству обучали опытные иностранные мастера. Поэтому неудивительно, что историк Словцов позднее расскажет о том, как в середине XVIII века многие ссыльные грамотными становились именно в Сибири, «потому что множество грамотных толпилось вокруг...».

Уже в Тобольской семинарии Петр Словцов проявил незаурядные поэтические способности. Об этом его даровании знал даже ректор семинарии отец Геннадий, и по его просьбе Словцов написал торжественное стихотворение «К Сибири», которое читал публично 30 августа 1782 года во время праздничного открытия Тобольского наместничества. В этом патриотическом стихотворении, которое и сегодня воспринимается не без интереса (оно изредка публикуется и в наше время), 15-летний поэт не только воспевает Сибирь, но и высказывает предостережение по поводу чрезмерной самоуверенности людей, особенно наделенных большой властью.

После блестящего окончания семинарии Петр Словцов вместе со своим соклассником Львом Земляницыным рекомендуется ректором семинарии отцом Геннадием для продолжения обучения. Молодых сибиряков, с благословения архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама, отправили в Санкт-Петербургскую высшую Александре-Невскую духовную семинарию, преобразованную в дальнейшем в духовную академию. Столичная духовная семинария находилась в подчинении митрополита Гавриила — он был родным братом сибирского архиепископа Варлаама. Поэтому сибиряки были встречены в столице с неподдельной теплотой, радушно. К тому же юные тобольчане привезли с собой рекомендательное письмо Варлаама к его высокопоставленному брату.

Четыре года жизни в столице дадут Петру Словцову неимоверно много, значительно обо гатят его духовный мир, он углубит и расширит познания в древней и современной ему западной философии, в частности отдаст много времени обстоятельному изучению произведений Руссо. В столице Словцов познакомится, а потом и сдружится с новыми людьми, причем дружба эта пройдет через всю его жизнь. Соучеником Петра Словцова окажется Михаиле Сперанский (он приехал в Петербург из Владимирской семинарии) — в дальнейшем известный государственный деятель либерального направления. Сперанский в конце жизни получит дворянский титул графа, в 1819—1821 годах будет занимать пост сибирского генерал-губернатора. Сперанский написал устав для Царскосельского лицея. Общие духовные интересы сблизят во время учебы Петра Словцо-

вас Иваном Мартыновым, окончившим семинарию в Полтаве. В дальнейшем Иван Иванович Мартынов станет академиком, будет преподавать в Царскосельском лицее латинскую и русскую словесность, станет директором Департамента народного просвещения, переведет на русский язык «Илиаду», предпримет издание журналов «Муза» и «Северный вестник», в которых, наряду с произведениями известных писателей того времени, будут публиковаться стихи Словцова, Сперанского, самого Мартынова. Во время учебы в Петербурте три друта — Слеранеиий, Мартынов и Словцов — не отдавали себя во власть грустного настроения, с юмором и шуткой относились к полуспартанскому образу жизни. Молодость и кипучий ум брали свое! Им было о чем поговорить и поспорить. Кстати, все они выходцы из обыкновенных семей деревенских священников.

Не лишне здесь заметить, что в Сибири, в силу исторических обстоятельств, собственных потомственных дворян практически не было. Например, М. М. Сперанский прямо писал, что «в Сибири нет дворянства». Словцов приводит в «Обозрении» некоторые сведения о сибирских дворянах на основании рапорта сибирского губернатора Д. И. Чичерина в Сенат в октябре 1778 года. Вот эти сведения: «В управление Чичерина было сибирских дворян по московскому списку 6 фамилий: Рачковские, Сухотины, Крутиковы, Годлевские, Куртуковы и Мельниковы; но ныне все перевелись. Что касается до Иркутской губернии, там боярские дети и дворяне производились из казаков и крестьян». Словцов повествует, что после открытия российскими первопроходцами островов близ Камчатки губернатор Чичерин сделал соответствующее донесение императрице Елизавете, и она повелела нескольких особо отличившихся казаков, участников замечательного открытия, произвести в звание сибирских дворян!

Из Европейской России родовитые дворяне оказывались в азиатской части страны чаще всего не по собственной воле, а будучи сосланными временно в Сибирь, как это случилось с А. Н.Радищевым, дворянами-декабристами и другими.

Иногда некоторые из потомственных российских дворян получали назначение в Сибирь на высокие должности. Среди приезжих нередко были личности весьма яркие. Так, например, в результате проведения Сибирской реформы 1822 года, подготовленной Сперанским, пост гражданского губернатора новой Енисейской губернии занял выходец из старинного российского дворянского рода сорокалетний Александр Петрович Степанов — человек энергичный, прогрессивных взглядов, ставший впоследствии известным писателем. В юности Степанов участвовал в Итальянском походе Суворова (гениальный полководец называл Степанова за острый ум и дерзкое владение словом «маленьким Демосфеном»!). На посту губернатора Степанов оказался при содействии правителя дел Сибирского комитета в Петербурге, известного сибиряка, будущего декабриста, Г. С. Батенькова. В Сибири А. П. Степанов проявил себя очень ярко, о его плодотворной деятельности на посту губернатора писал в журнале «Московский телеграф» Словцов. Историк подчеркивал, что Степанов великолепно к достойной «государственной службе присоединяет перо прозаика и мастерство

поэта». В «Обозрении» Словцов не раз ссылается на обстоятельную книгу Степанова «Енисейская губерния», приводит ее в списке использованной литературы...

К высказываниям Словцова и Сперанского в отношении генеалогии сибирского дворянства, в сущности, мало что добавляют и материалы современных историков по названной теме — я имею в виду, например, насыщенную фактическим материалом статью М. М. Громыко «К характеристике сибирского дворянства XVIII века» (см.: Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973). В Сибири не было «дворянских гнезд», как не было и помещичьего землевладения, а звание сибирского дворянина носило ненаследственный характер. Духовно-христианские же гнезда в Сибири закладывались и развивались прочно. Крупнейшее, основательнейшее из них находилось в Тобольске.

Та роль, которую играло в европейской части России передовое дворянство, в Сибири выпала на энергичное купечество и нарождающуюся буржуазию — в этом состоит одна из особенностей исторического развития на Сибирской земле. И эта особенность не укрылась от проницательного взгляда Словцова. Недаром вопросам торговли, деятельности купечества историк уделяет в «Историческом обозрении Сибири» особенно пристальное внимание.

Петр Андреевич Словцов в дальнейшем стал действительным статским советником. А созданием своего «Исторического обозрения Сибири» он совершил настоящий духовный подвиг, внес непереоценимый вклад в духовную жизнь Сибири, в развитие сибирской историографии. Нужно сказать, что деятельность П. А. Словцова как бы предвозвестила и интеллектуальный всплеск рода Словцовых — например, его внучатый племянник И. Я. Словцов (1844—1907) хорошо известен в Сибири как разносторонний ученый-натуралист, краевед, крупный педагог, автор многих научных работ. Он родился в Тюмени, многие годы проводил там свои научные изыскания...

Иван Мартынов, Михайло Сперанский, Петр Словцов — они, как три богатыря, поныне здравствуют в насыщенном, беспокойном, напряженном, динамичном, животворном пространстве отечественной культуры! Видно, родители за будущее Ивана, Михаилы и Петра молились неустанно и зело усердно с их младенческих лет... М. М. Сперанский, И. И. Мартынов в течение всей жизни переписывались с П. А. Словцовым, их переписка, вызванная глубокими душевными потребностями каждого из друзей, разумеется, не носила формального характера. Сперанский,например, всегда, как мог, старался принимать участие в судьбе своего не только талантливого, смелого и вольнодумного, но одновременно и кроткого, влюбленного в Сибирь друга. В духовной семинарии друзья, отдавая должное изучению многих наук, одновременно постигали ценность человеческих взаимоотношений, дорожили бескорыстной, сердечной дружбой. Освоение же наук ипо не без оттенка юмора. «В Главной семинарии мы попали к одному такому учителю, — вспоминал позднее Сперанский, — который или бывал пьян, или, трезвый, проповедовал нам Вольтера и Дидерота».

Из Петербурга, окончив семинарию, Словцов возвращался в Тобольск с не-

истребимой жаждой деятельности на благо родной земли... Ему еще не раз придется преодолевать расстояние междуТобольском и Петербургом то с окрыляющей надеждой, то с невыносимо горьким разочарованием. На этот раз молодой Петр Словцов, как и его земляк Лев Земляницын, был окрылен, весел, полон уверенности в своих силах, желания по-настоящему, от души потрудиться во имя сибиряков, милой Сибири. За ним была репутация ярко одаренного человека, мыслящего, стойкого в своей вере христианина!

Самостоятельную жизнь в Тобольске он начинаете преподавания в духовной семинарии философии и красноречия. Он чувствует себя уверенным. И его совершенно не смущает, что тобольчан несколько шокируют его белая шляпа и модная одежда. Но ведь кто-то же должен знакомить молодую сибирскую столицу с нравами, модой, утверждающимися в еще более молодой столице Российской империи!

Священнослужитель-белец Петр Словцов не отказывается от выступлений с проповедями перед жителями Тобольска в белокаменном Софийском соборе, прекраснейшем во всей Сибири. Открытость, сердечность молодого Словцова, блестящее владение живым словом быстро снискали ему признательность, уважение среди прихожан, семинаристов и товарищей.

4.

Проповеднические выступления П. А. Словцова в Тобольске продолжались недолго, завершились большим скандалом, повлиявшим на всю дальнейшую судьбу будущего историка. **В проповеди,** произнесенной в день рождения Екатерины II 21 апреля 1793 года, Словцов резко говорил о тех, кто любыми способами стремился пробраться к верш и нам власти. Проповедник пренебрежительно отзывался о наградах на груди чиновников: «...сии звезды и кресты суть искусственные насечки, доказывающие только то, что мы имеем художества». Но настоящий скандал вызвала другая проповедь — ее Словцов произнес в утренние часы 10 ноября 1793 года в Софийском соборе. Некоторые места проповеди духовное начальство восприняло как чрезмерно вольные, представляющие опасность для государственных устоев. На выступлении молодого священнослужителя присутствовал и наместник Тобольского наместничества А. В. Алябьев — отец будущего композитора А. А. Алябьева. После выступления Словцова наместник не просто обеспокоился, а попросил, чтобы ему доставили текст, с которым проповедник обратился к прихожанам (отец композитора был несколько туговат на ухо и не все расслышал). А. В. Алябьев, познакомившись с текстом проповеди, долго раздумывал, а затем все-таки счел необходимым обратиться с пространным письмом к генерал-прокурору А. Н. Самойлову в Санкт-Петербург, изложив собственное отношение к выступлению 26-летнего проповедника. В письме Алябьева к главе российской Фемиды были, в частности, и такие слова о проповеди Словцова: «...Я усмотрел в ней многое, по понятию моему, противное высшей власти и непозволительное говорить верноподданному Ея Императорского Величества...»

А проповедь, в которой была усмотрена страшная крамола не только одним тобольским наместником, Словцов произносил в тот день, когда в соборе происходил молебен в связи с бракосочетанием царского наследника Александра Павловича. Среди слов, произнесенных в Софийском соборе Петром Андреевичем, конечно, были такие, которые просто не могли остаться незамеченными, не привлечь к себе внимания. Эти слова звучали резко и вызывающе. «Тишина народная есть иногда молчание принужденное, продолжающееся дотоле, пока неудовольствие, постепенно раздражая общественное терпение, наконец не прервет оного. Если не все граждане поставлены в одних и тех же законах, если в руках одной части захвачены имущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов или одни несчастия, то там спокойствие, которое считают залогом общего счастья, есть глубокий вздох, данный народу тяжким ударом; то спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столь же расстояния, сколь от невольника до гражданина. Еще прибавим, что целый народ не был искони ни в чем единодушен, разве в суеверии и заблуждениях политических». Текст этой, как и других проповедей Словцова, намного позже был опубликован в издании «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М., 1873. Кн. 3).

Россия еще не забыла страшный пугачевский бунт, «бессмысленный и беспощадный», по-пушкинскому определению, только что весь мир потрясла гроза Французской революции... А Словцов позволяет себе выступать перед согражданами-христианами со словами, отнюдь не призывающими к тишине и спокойствию. Возмущен был не только тобольский наместник — не находили себе места архиепископ Варлаам, ректор Тобольской семинарии архимандрит Геннадий. Им опять и опять слышались дерзкие слова, сказанные в храме любимцем паствы. «Могущество монархии есть коварное оружие, — заявлял проповедник, — истощающее оную, и можно утверждать, что самая величественная для нея эпоха всегда бывает роковою годиною... Рим гордый, Рим, воспитанный кровию целых народов, готовился уж раздавить почти всю вселенную, но что ж?.. Оплачем надменную его политику. Он ниспал под собственною тяжестью в то время, когда наиболее дышал силою и страхом. Есть меры, далее коих не дерзает преступить счастие народов».

Подобных слов и разъяснений стены белокаменного Софийского сибирского собора никогда не слышали! Однако проповедник и не помышлял снижать напряженность в своем Слове: «Не заключайте, чтобы церковь роптала противу сих покровителей отечества! Нет, она окровавленным их теням приносит жертвы курения и чтит воинский меч, как спасения орудие».

Тобольск буквально гудел после столь взволнованного обращения проповедника к народу. Но арестовали Словцова лишь в начале февраля 1794 года — к тому времени текст проповеди архиепископ Варлаам уже отправил митрополиту Гавриилу. С проповедью ознакомилась и Екатерина II — она велела столь смелого проповедника доставить в Петербург, чтобы самолич-

но на него поглядеть. Приказ императрицы был исполнен незамедлительно. Опального проповедника везли в столицу той же дорогой, по которой три года назад по велению Екатерины II из Петербурга препровождался с длительной остановкой в Тобольске «бунтовщик, хуже Пугачева» А. Н. Радищев, сосланный на «10-летнее безысходное пребывание» в Илимский острог.

Словцова по назначению велено было доставлять в большой строгости — в городах выходить из экипажа не позволяли. Зимняя дорога основательно его измотала — лишь в небольших населенных пунктах он покидал возок на время ночлега либо выходил из него с позволения сопровождавшего где-нибудь между селеньями.

В Петербурге провинившегося Словцова тщательно, подробно допросили и митрополит Гавриил, и глава Тайной экспедиции С. И. Шешковский (во время допроса у него на столе лежала плетка!), и в канцелярии генерал-прокурора А. Н. Самойлова. И все же П. А. Словцову удал ось убедить допрашивающих, что в своем выступлении он не имел никаких противогосударственных намерений и тайных замыслов!

Однако дальнейшее развитие событий приобрело поворот совершенно парадоксальный и заставляет нас обратиться, как это ни покажется странным, к имени Александра Македонского, с историей России в целом, а уж тем более Сибири, практически никак не связанного. Лишь в отношении одного человека за всю историю России было проведено дознание для выяснения его взглядов на деятельность великого монарха. Таким человеком оказался П. А. Словцов!.. Опальному преподавателю Тобольской духовной семинарии было предъявлено обвинение в намерении... оскорбить честь и достоинство могущественного монарха.

На каком основании возникло столь дерзкое обвинение? Оно появилось в результате того, что при обыске среди изъятых у Словцова бумаг оказались странички, на которых действительно был написан его рукой текст с нелестным отзывом по поводу пристрастия монарха к завоеваниям. Однако по выдвинутому обвинению Словцов объяснил в Тайной экспедиции, что текст на листках принадлежит не ему, а представляет собой перевод из книги известного римского историка и ритора Курция Руфа Квинта «История Александра Великого Македонского». Перевод выполнил и записал сам Словцов, готовясь к проведению очередного занятия в семинарии. И хотя отпало и это нелепое обвинение, все же Словцову за свое чрезмерное пристрастие к справедливости и за интерес к драматическим страницам мировой истории пришлось давать длинные подробные оправдательные показания.

О результате следствия доложили императрице, и она, проявляя заботу о будущем Словцова, посоветовала отправить ни в чем не виновного молодого проповедника на исправление в один из отдаленных монастырей. Место ссылки определил сам митрополит Гавриил.

Так Словцов оказался на острове Валааме в Ладожском озере, в одной из келий знаменитого Валаамского монастыря.

5.

Из заточения П. А. Словцов в 1794 году писал в стихотворном «Послании к М. М. Сперанскому»:

Теперь какая жизнь моя?
Что я? Раб? Нет, -
Когда захочет он, своей рукой умрет...
Скот? Нет, он будущих ударов не трепещет.
Мертвец? Спокоен он, в нем сердце
не скрежещет.
Сижу в стенах, где нет полдневного луча,
Где тает вечная и тусклая свеча.
Я болен, весь опух и силы ослабели;
Сказал бы более, но слезы одолели.
Я часто жалуюсь: почто простой народ
Забыл естественный и дикий жизни род?

Состояние здоровья Словцова на сыром острове стало сильно ухудшаться, он не исключал для себя и самый худший исход:

Прозябнут былия над кучкою моей,
Вот весь мой памятник! Вот весь мой
мавзолей!

Завершается послание-завещание просьбой поэта передать несколько приветных слов Марфиньке — сестре М. Сперанского, с которой Словцов, будучи еще семинаристом, встречался, был очарован ею:

Твоей... боюсь сказать... сестрице
возвести,
Что льстился я... Любовь и дружество —
прости!

Нельзя не обратить внимания и на то, что о «любви и дружестве» П. А. Словцов говорит в допушкинские времена. В этом пространном стихотворении, высказав свое отношение ко времени Екатерины II, в котором им довелось жить, питать надежды на свободное высказывание мыслей, Словцов, отталкиваясь от собственного горького опыта, предостерегает своего хотя и осмотрительного, но не боящегося смелых, крамольных мыслей, друга: «не начинай играть Вольтеровым пером!»

На мой взгляд, необходимо внимательно вглядеться в периоды жизни Словцова, во время и события, предшествовавшие написанию «Исторического обозрения Сибири», ибо многие концепции «Обозрения», в частности, очень сильная гуманистическая линия, элементы психологизма, формировались не вдруг, а задолго до того, как историк стал непосредственно писать страницы своей главной книги.

Говоря о внутреннем духовном мире, о складе характера Петра Андреевича Словцова, нельзя не обратить внимание на то, что он довольно рано стал всерьез задумываться над смыслом жизни, над тем, какой след на земле оставит после ухода из бренного мира. Наделенный повышенной чувствительностью к любой несправедливости, откуда бы она ни исходила, пусть даже и от самой императрицы, Словцов постоянно стремился обрести состояние внутренней гармонии в окружающем его дисгармоничном мире. Хорошо зная о своем импульсивном, резком характере, он смирял, сдерживал себя. И ему это все больше и больше удавалось. Он готовил себя для достойного дела, знал, что путь к нему лежит только через внутреннее самосовершенствование. Недаром еще в 15-летнем возрасте в стихотворении «К Сибири», к которому мы уже обращались, он к наибольшим достоинствам человека относит «кроткое сердце».

При том темпераменте, которым был наделен Словцов, ему было нелегко сдерживать свой острый ум, быть кротким, да и обстоятельства жизни далеко

не всегда способствовали развитию кротости.

Что же касается его отношения к Сибири, то оно также проявилось весьма рано, а в стихотворении «К Сибири» есть, в частности, и такие строки:

> Велю, чтоб друг на фобе начертил
> Пол-линии: **и я в Сибири жил.**
> (Выделено автором. — *В. К.)*

На острове Валааме здоровье Словцова ухудшилось настолько, что он уже с трудом передвигался, все реже и реже мог выйти из своей сумеречной кельи. О плохом состоянии здоровья ссыльного известили митрополита Гавриила, и он, опасаясь за жизнь своего подопечного, к которому, между прочим, всегда относился внимательно, уважительно, считал его во время учебы одним из самых способных семинаристов, дал распоряжение, чтобы его отправили при первой возможности в Петербург.

С острова Валаама Словцов привез рукопись переведенной им с латинского книги, заинтересовавшей его покровителей. Это еще больше укрепило мнение о нем как о наиболее даровитом выпускнике Александро-Невской духовной семинарии. Здоровье постепенно шло на поправку. На самочувствии Словцова благотворно сказалось и то, что в Петербурге он встретил старых друзей — Ивана Мартынова и Михаилу Сперанского, — теперь они уже преподавали в семинарии.

Намечался новый поворот в судьбе Словцова. Поворот оказался столь резким, что едва можно было поверить в то, как судьба начинала благоволить опальному сибиряку... Через некоторое время митрополит Гавриил обсудил участь Словцова с генерал-прокурором А. Н. Самойловым, а вскорости доверил возвратившемуся из заточения в Валаамском монастыре священнослужителю преподавать красноречие в столичной Александро-Невской высшей духовной семинарии.

В этот период Словцов, Сперанский, Мартынов имеют возможность для частых встреч. Они много времени проводят в спорах, за обсуждением прочитанных книг. Бередящая нравственная рана, после Тобольска и Валаама, у сибиряка начинает постепенно заглаживаться.

К Словцову стучится поэзия, он пишет стихи с глубокой философской подосновой (такие как «Древность», «Материя»). Но после одного длительного спора со Сперанским, когда они обсуждали возможное монашеское будущее (постричься в монахи и Словцову, и Сперанскому не раз терпеливо предлагал митрополит Гавриил), Словцов написал стихотворение, адресованное Сперанскому, «Продолжение к вчерашнему разговору». Нужно заметить, что у Словцова почти нет лирических стихотворений, тем более с оттенком юмора. В этом же послании он сразу предлагает другу отрешиться от «философского взора», обращается к нему с прямым вопросом: «...Ты взвесил ли монахов скуку и сочел ли, сколько грузу в ней?» Далее Словцов без всякого пуритански-ханжеского налета рисует картину преодоления возможных амурных искушений. Живые строки стихотворения, написанного в то время (1796 год!), когда литературный язык находился еще в стадии становления, воспринимаются и сегодня как весьма смелые.

Словцов советует своему другу решительно выходить в море мирской жизни,

оставить надежды, связанные со смиренным бытом монаха— смиренность там все-таки лишь видимая. Об этом Петр Словцов неплохо знал по опыту пребывания на Валааме. Он советует другу смело «по ветру парус распустить». Но есть у Словцова к другу Михаилу Сперанскому небольшая просьба:

Как гальоттвой по зыбям помчится,
Так причаль за борт и мой челнок;
Если вал девятый и случится,
То удар мне сбоку, чай, легок.

М. М. Сперанскому эти стихотворные строки запомнятся на всю жизнь, они будут не раз всплывать в его феноменальной памяти...

В самом конце царствования Екатерины 11 свою мечту удалось осуществить И. И. Мартынову— он начал издавать журнал «Муза», очень популярный в высших кругах. В журнале публикуются и стихи Словцова («К Сибири», «Материя»), и Сперанского, других авторов, близких к Александре-Невской семинарии.

После смерти Екатерины II в России происходили крутые перемены. В новой обстановке уход Сперанского, а затем и Словцова из семинарии стал не только возможным, но и превратился в реальность. Правда, для ухода Словцова из семинарии потребовалось разрешение Павла I, но государь не стал препятствовать перемещению сибиряка на службу в светское учреждение, даже поспособствовал такому переходу! В результате Словцов некоторое время успешно работает в канцелярии генерал-прокурора—в тех самых стенах, где не так-то давно его усердно допрашивали. Положение Словцова в Санкт-Петербурге неуклонно укрепляется, ему постоянно надежную поддержку оказывает М. Сперанский, уверенно поднимающийся все выше и выше по крутой и скользкой лестнице высшей государственной службы.

Позднее, уже в царствование Александра I, Словцов начинает служить в Министерстве коммерции, выезжает на юг с ответственным поручением составить описание черноморской торговли. Более года Словцов напряженно работает то в Крыму, то в Одессе, то в других местах побережья. На основании тщательного обследования и анализа хода торговых дел он составил обстоятельный отчет, который получил наивысшую оценку в Министерстве.

Через собственную практическую деятельность Словцов основательно знакомится с функционированием многих тогдашних государственных структур России, подробно узнает жизнь европейской части империи. У него вырабатывается собственный взгляд на государственное развитие, опирающийся на личный опыт. Да и дружеское общение с М. М. Сперанским, одним из оригинальнейших государственных умов России, тоже не могло не сказаться на выработке у Словцова взгляда на исторический процесс, на осмысление им места Сибири в российской государственности. Названные особенности жизненного опыта Словцова, в дальнейшем его многолетняя работа в Сибири, в соединении с глубоким знанием мировой истории, и позволили ему позднее взяться за создание исключительно сложного исторического труда...

Пока же в качестве достойной награды за большую работу, выполненную Словцовым на юге России, министр

граф Румянцев вручил ему бриллиантовый перстень. Его производят в чин статского советника.

Перед Петром Андреевичем, как и прочил ему некогда Гаврила Романович Державин, открываются широкие возможности в полной мере проявить способности на государственной службе, укрепить собственные позиции в столице. И он такие возможности использует достаточно успешно...

На этот раз опасность подкралась с той стороны, откуда ее появления Словцов и предположить-то не мог — завистники предъявили в его адрес обвинение ни больше ни меньше как во взяточничестве! И хотя расследование показало полную абсурдность выдвинутых обвинений, отмело какие-либо подозрения в отношении его лихоимства, тем не менее тень на репутацию была брошена.

В феврале 1808 года Александр I подписал указ, по которому П. А. Словцов был отправлен в распоряжение сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля. Не в первый раз П. А. Словцов оказывается в опале — виной тому послужили его незаурядные способности, благодаря которым он то стремительно поднимается по служебной лестнице, то резко падает вниз, оказываясь жертвой грязных хитросплетений и интриг со стороны бездарных завистников. И хотя М. М. Сперанский в это время был одним из самых приближенных к царю людей, тем не менее незаслуженную кару от Словцова отвести не удалось, высылка в Сибирь оказалась неотвратимой!

Словцов получил в Тобольске служебное место при канцелярии сибирского генерал-губернатора. Примерно через год он предпримет попытку все-таки возвратиться в столицу, в какой-то мере заручившись поддержкой со стороны И. Б. Пестеля, знавшего о дружеских отношениях Словцова со Сперанским и о влиянии Сперанского на ход государственных дел. С канцелярией генерал-губернатора, направлявшейся в Петербург, он даже доедет до Новгорода, но там получит указание немедленно возвратиться в Тобольск.

Нервы Словцова были напряжены, чувствует он себя неспокойно, да и физическое здоровье тоже оказалось расстроенным. В это время он выехал на Урал, ему удалось побывать в родных местах, посетить многие заводы и прииски. Великолепная природа Урала, общение с деловыми людьми, горнозаводскими рабочими — все это помогло ему несколько выйти из угнетенного состояния, обрести живой интерес ко всему, что происходит вокруг. Он делает многочисленные тщательные записи, связанные с развитием промышленности на Урале, собирает ценнейшую коллекцию уральских минералов. И если позднее он напишет о сказочных богатствах Урала — «тут целая аристократия пород»! — то раньше побывает в штольнях и на гранильных фабриках, проплывет по уральским рекам.

Коллекцию уральских минералов, представляющую собой высокую научную ценность, а также собранную им богатую коллекцию сибирских растений в конце жизни Словцов завещал Казанскому университету, будучи уже почетным членом Казанского общества любителей словесности и почетным членом Санкт-Петербургского вольного обществалюбителей российской словесности.

В другой приезд на Урал, в 1812 году, до Словцова дошла весть о том, что

М. М. Сперанский отстранен от должности, его обвинили в действиях, направленных на подрыв государства, выслали из столицы. Александр I не посчитался с заслугами своего ближайшего помощника — отправил его в Нижний Новгород, а оттуда в Пермь. Говорят, что царь со слезами на глазах отправлял Сперанского в ссылку...

Словцов переживал за Сперанского. В конце концов и осмотрительному Сперанскому не удалось избежать коварного удара со стороны завистников, особенно со стороны тех, кому его решительные реформы подрезали крылья, ограничивали пределы самодурства, не позволяли вольготно жить за счет славы предков. Дороги Сперанского и Словцова еще пересекутся на пространствах Сибири. А читатели «Исторического обозрения Сибири» найдут в книге следующие сердечные строки: «Бессмертному имени Михаила Михайловича Сперанского, некогда бывшего сибирским генерал-губернатором, посвящается вторая книга».

6.

Однако подошло время, когда возок, в котором Словцов уезжал из Тобольска, стал направлять свой путь не только на запад, но и на восток. По распоряжению генерал-губернатора И. Б. Пестеля, управлявшего Сибирью исключительно из Петербурга (по этому поводу ходило немало острот в отношении необыкновенной зоркости Пестеля, видящего Сибирь из столицы), Словцов был направлен для выполнения заданий канцелярии в Иркутск — т.е. в отдаленные места Сибири. Как известно, места ссылки в России делились на *отдаленные* (Восточная Сибирь) и *места, не столь отдаленные,* — к ним относились Западная Сибирь и Закавказье.

Во всех поездках П. А. Словцов возил с собой толстую тетрадь из плотной бумаги и, как только появлялась возможность, делал в ней подробные записи, еще не очень-то представляя себе, насколько и зачем эти записи потребуются ему в будущем. Но исподволь, интуитивно, по некоей подсказке свыше, он уже собирает материал для того большого научного труда, который составит «чекан его души»!..

Вот он обозревает присутственные места в Забайкалье. Видит, как по этапам проводят арестантов, беседует с ними, узнает массу невообразимых историй, связанных с кровавыми преступлениями. Он вникает в различные стороны быта арестантов не просто как чиновник, а как человек, в достаточной мере познавший, с какими унижениями, душевными муками связано ограничение свободы, тем более если оно осуществляется по несправедливости. Впрочем, он также никогда не откажется и от собственного мнения, что «филантропия утешительна, достохвальна, когда те, которых щадят, умеют искренно ценить любовь мудрую».

С 1814 года Словцов надолго свою судьбу связал с Иркутском и Восточной Сибирью в целом. Ему уже около 50 лет, и он — один из самых образованных людей в России. У него есть серьезный опыт работы в столичных государственных структурах — о нем помнят в Санкт-Петербурге. В Иркутске Словцов занял должность совестного судьи, а позднее был назначен директором Иркутской гимназии. В это же время он руководил работой приходского и уездного учи-

лищ — с его именем связаны многие добрые изменения в работе учебных заведений Восточной Сибири. Ему удалось открыть несколько новых училищ в уездных городах и селах, улучшить быт учителей, поднять качество обучения.

Сибирский писатель-краевед Н. С. Щукин (старший), современник Словцова, в очерке «Житье сибирское в давних преданиях и нынешних впечатлениях» с должным почтением пишет о том времени, когда «приходские училища были открыты по всем волостям Иркутского и Киренского уездов стараниями бывшего директора Иркутской гимназии П. А. Словцова». До 1827 года, когда Словцов в последний раз приезжал в Иркутск, он смог побывать в самых отдаленных местах Восточной Сибири. «Как уроженец Сибири, объехавший ее от Урала до Камчатки и проживший в ней много лет, — вспоминает о Словцове краевед Н. А. Абрамов, — он коротко знал многие частности сей страны. Глубже и вернее других мог он проникнуть во многие обстоятельства и собрать сведения для точного географического описания ее. Весь свой ум он употреблял на воспоминание своей родной страны и по возможности старался изобразить ее историческое обозрение твердой рукой мастера, ибо История Сибири была потребностью его души». Именно П. А. Словцову удалось привлечь Абрамова к подробному изучению местной истории, краевед многие годы знал Словцова по Тобольску, часто встречался с ним, был одним из близких для историка людей.

Однажды, приехав по делам образования в Нерчинск, Словцов зашел в местный архив. Там в его руках оказались несколько сибирских свитков, и он «был устрашен в своем археографическом любопытстве и пылью, и старинною скорописью». Содрогнулась душа... Пожалуй, именно с этого времени, с лета 1814 года, когда в Нерчинском архиве Словцов почувствовал, насколько сильно могут его взволновать реалии и раритеты, связанные с историей его родины, и началась неформальная работа над «Историческим обозрением Сибири», страницы которого в немалой степени насыщены личными наблюдениями историка над многообразием сибирской жизни.

В своем историческом труде он скажет, что «Сибирь завоевана не генералами», покажет, как «приливы русских продолжались по назначению и по воле. При городах и острогах чередились предместья, в полях, где текут воды, росли деревни». Еще не раз и не два вспомнятся сибирякам простодушные и мудрые слова историка П. А. Словцова, что «кайла без сохи работает дорого...»! Правда, о том времени, когда «сибирячки соболей били коромыслами», он сможет рассказать, лишь прибегая к отдаленным воспоминаниям потомков тех мужественных россиян, которые среди первых рискнули перевалить через Каменный пояс. Именно богатый личный жизненный опыт позволяет Словцову проникнуть в тайну человеческой сущности, показать психологию тех сибиряков, которые обрабатывали землю, возводили остроги, обживали суровую страну. В сущности, он первым сделает смелую попытку понять характер сибиряка-труженика, прикоснуться к самым интимным сторонам его души. Словцов, работая над своим историческим научным трудом, анализируя ход важнейших государственных дел, сумеет соединить

в себе трепет перед историческим свитком с удивлением перед глубиной душевного мира конкретного живого человека. «Этот угрюмый, несловоохотливый посадский, этот крестьянин с черствым видом, но не сердцем, знаете ли вы, носят к себе тайну благоговейное™ и сострадания к неимущим братиям. Чтобы исторически засвидетельствовать истину обоих чувств, — продолжает Словцов, — стоит перенестись в средину Святок». Обращаясь к обычаю сибиряков радушно встречать странников, многоопытный Словцов утверждает, что каждый человек как божественное создание в своей подоснове добр. «Надобно только... поднять завалившиеся сокровища со дна душевного, чтобы увидеть человека любви...» — напоминает нам историк!

После глубоких-глубоких раздумий, после разговоров с таежными людьми Словцов покажет нам, сколь большую роль в освоении Сибири, в поддержании нравственных основ сибирской жизни играли христианство, религиозные воззрения на мироздание. «Посмотрите на артели витимских звероловщиков, —пишет историк, —и полюбуйтесь чувством их богобоязливости, которою они освящали, так сказать, лес и природу».

Словцов считал, что его предки были выходцами из окрестностей Великого Устюга, поэтому с особым трепетом он подмечает, что за благородными качествами «витимских звероловщиков», образы которых ему так ярко запомнились, «отсвечивал образец устюжский»! Между прочим, заданным наблюдением Словцова стоят исторические факты: непереоценима роль устюжан в освоении Сибири, азиатских побережий и морей России. Эти люди не просто добывали таежного или морского зверя, чтобы обеспечить собственное существование. За ними шла вера в благородство собственных деяний, которая согревала и одухотворяла их жизнь.« Расходясь по лесам из первого стана, раздельные партии выслушивали от главного передовщика наказ ставить становья сперва во имя церквей, потом во имя Святых, которых иконы сопутствуют артели, — делится Словцов достоверными сведениями. — Соболи, изловленные около первых становьев, назывались Божиими и в свое время отсылались в церкви». Словцов не утверждает, что именно так все происходило на всех пространствах Сибири. Огромная Сибирь, даже в северной ее части, отнюдь не была однородной и однообразной по живым людским потокам; «...правила, исполняемые Витиму и Лене, были вдохновляемы духом западным, а не Киренском. Киренску и Якутску, куда не переставала прибывать сволочь людей и где нехотя перенималось кое-что из житья инородческого, еще не наступали подобные очереди остепенения». В срединных же сибирских городах и в южных районах Сибири историк встречал «не менее того примеры пороков и бесчинств», немало таких пороков встречал Словцов и в Тобольске, его окрестностях... А собственные наблюдения он весьма ценил!

И если уж П. А. Словцов отведет несколько строк в «Обозрении» для описания природных явлений в пределах Яблонового хребта (Яблонного, в написании Словцова), расскажет о случающихся там нередко сильных бурях, грозах, сопровождающихся ливнями, то он поделится с читателями и собственными наблюдениями: «Раз случилось и

нам, при переезде через хребет, провести ночь в крайнем беспокойстве, среди беспрестанной молнии и неумолкающего грома, тогда как дождь лился ливнем».

Во время одной из вынужденных таежных остановок постоянный спутник Словцова в поездках по Восточной Сибири нижнеколымский казак Кривогорницын укрывал брезентом лошадей и кибитку. Словцов мимолетно обратил внимание на крупноствольную пихту, стоявшую невдалеке, и зачарованно улыбнулся: из сухонького дупла-гнездышка при мощных раскатах грома то и дело высовывалась любознательная мордочка белки... Неспешно перебежали дорогу довольные ливнем сохатые. Шла обыкновенная жизнь тайги, возникшая не по воле человека, — и потому ее грешно обижать: все находится во власти божественной силы, во власти Провидения...

При чтении «Обозрения» порой складывается ощущение, что историк видел рельеф сибирских пространств не только вблизи, но и бросал взгляд на Землю, на могучую Сибирь словно бы сверху, из Космоса, охватывая азиатскую часть России единым взором (заметим, что «панорамностью зрения» отличались древнерусские летописцы). Кстати, в «Обозрении» по поводу автора одной рукописи он делает похвальное замечание, что тот «не чужд ведения космографического», а рассматривая закономерности, определяющие направление стока сибирских рек, выразительно пишет о «планетарной сфероидальности и южном положении горных кряжей», задающих направление, «по которому реки катятся к северу, из большей или меньшей дали, по наклонности Сибирского долосклона, как вашгерда гигантского». И в то же время (что особенно удивительно!) мудрый историк Словцов хорошо слышал, как, например, среди алтайских просторов и гор поют свои проникновенные песни телеуты, как громко радуются дети проталинкам и ручьям после долгой сибирской зимы, как на вечерней заре бьют веселые перепела во ржи где-нибудь над кручами Ангары, Енисея, Оби или Иртыша...

Глубокое проникновение в жизнь огромного края позволяло Словцову нередко оспаривать сведения о Сибири, приводимые различными известными авторами. Так, он с иронией говорит, например, о забавном случае, узнанном из записок академика Гмелина, про то, как в Якутске некий «воевода, идучи в канцелярию, за 80 шагов стоявшую, отморозил руки и нос, хотя и был одет в теплую шубу. Верно, — подшучивает Словцов, — воевода шел к должности в каком-нибудь глубоком раздумье, чтобы в минутном переходе дойти до таких крайностей». И с целью опровержения сибирской байки авторитетного ученого Словцов напоминает, что ему в самые сильные морозы приходилось шесть раз проезжать через те места, в которых проживал незадачливый воевода, останавливаться там, но «не доводилось испытывать толь страшных морозов, какими Шапп с Гмелиным пугали Европу». Кто-кто, а уж Словцов-то не раз сталкивался с проявлениями суровых природных условий Сибири, с которыми шутки плохи.

Не следует, однако, сетовать по поводу того, что Словцов, пристрастный к Сибири, подчеркивал ее достоинства, порой даже как бы несколько облагора-

живал ее природно-климатические условия, представлял их, так сказать, в более гостеприимном ракурсе, и уж тем более не ужесточал их, не «пугал Европу»! Но ведь в сущности и беспристрастный к Сибири Сперанский не только с улыбкой назвал ее «отчизной Дон Кихотов», но и с почтением говорил, что «природа назначала край сей... для сильного населения... для всех истинно полезных заведений», хотя, продвигаясь по Сибири, ему, призванному утверждать справедливость, то и дело приходилось произносить суровое слово «арестовать!» — так сильна была тогда преступность в крае на всех уровнях жизни. А к сибирским злодеям Сперанский был беспощаден, арестовывал их немедленно, как, например, арестовал при встрече на реке Кан кровожадного нижнеудинского исправника Лоскутова, державшего в страхе население всей округи, так что при аресте запуганные сибирские старцы произносили, глядя на избавителя: «Батюшка, Михаиле Михайлович, не было бы тебе чего худого: ведь это Лоскутов»! И недаром отлитый из бронзы портрет Сперанского мы видим рядом с портретами Ермака и Муравьева-Амурского на гранях пьедестала памятника в честь постройки Транссибирской магистрали, открытого в Иркутске в 1908 году, — так много Сперанский сделал для блага Сибири.

В литературе отзывы о Сибири и сибиряках отличаются большим разнообразием, как разнообразна и сама Сибирь. Словцов к разнообразию мнений относился очень взвешенно, критически...

Что же касается достоверности, то ею Петр Андреевич всегда весьма дорожил. Так, обнаружив неточности во второй части «Русской истории», касающиеся похода дружины Ермака в Сибирь, Словцов тотчас пеняет историку Устрялову: «Надобно, чтобы почтенный сочинитель истории объяснил, на чем он основал свои особливые мнения». Он развеет Миллерову легенду о Ермаковой перекопи — некоем канале, будто бы прорытом казаками Ермака для спрямления пути по длинной дуге Иртыша. Словцов критически отнесется к публикации известным историком и археологом Григорием Спасским «Летописи сибирской, содержащей повествование о взятии сибирские земли русскими, при царе Иване Грозном, с кратким изложением предшествовавших оному событий», вступит в данном случае в спор не только со Спасским, но и с Карамзиным. Ознакомившись с конкретными фактами, приводимыми известным историком Сибири Фишером по поводу похода по Амуру вместе с Хабаровым казака Степанова, Словцов заявит: «Не верю Фишеру!»

Сибирский историк предпочтение всегда отдавал истине, экзотика его не привлекала. Например, в соответствующем месте «Обозрения» он безоговорочно скажет по поводу сведений, приводимых уже известным нам Шаппом: «Француз прав!» Однако Словцов жестко ответит на «злоречивое» описание Гмелина в 1734 году нравов сибиряков, когда тот укорял их в пьянстве и распутстве. Историк, не оправдывая пороков своих земляков, все же не может ограничиться тривиальным укором. В «Обозрении» мы читаем мудрые замечания историка по этому поводу: «Кто же такие были создатели многочисленных в Сибири храмов, начиная с Верхотурья до церквей Аргунской или Нижнекам-

чатской? Те же сибиряки, которых самолюбивый иноземец без разбора именует пьяницами и распутными. И развратность в жизни и благочестие в деле Божием! Как совместить одно с другим? Стоит только заглянуть в бедное сердце человека, в котором растут вплоть подле пшеницы и плевелы». А дальше Словцов, проявляя не только смелость, но и прозорливость, считает нужным резонно заметить: «Пожалеем о характере заблуждений, нередких и в звании Гмелиных, нередких и в нашем веке, и наверстаем порицаемую чувственность взглядом на христианскую жизнь слобод, исстари заселенных крестьянами, а не поселыциками». Однако заблуждения никак не переводятся.

Не будучи кабинетным исследователем, хорошо представляя себе по личным впечатлениям тот огромный край, об историческом процессе в котором он говорит, Словцов и природу, ландшафт также считает существенной составляющей истории.

Конечно, в данном случае Словцов и не претендует на роль первооткрывателя: историю народов от среды их обитания не отрывали ни древний Геродот, ни современник Словцова Иоганн Готфрид Гердер с его «Идеями к философии истории человечества», ни отечественные историки — опыт предшественников (в том числе концепции историзма, развитые Гердером) он не просто учитывал в своей работе, но опирался на него, то есть стоял, как образно говорил некогда Исаак Ньютон, на плечах гигантов.

Словцов испытывал как историк творческое беспокойство и наслаждение не только тогда, когда в архиве находил вдруг неизвестный свиток или когда ему удавалось восстановить тот или иной исторический пробел, но и тогда, когда внимательно всматривался в особенности естественной окружающей среды, ибо он не игнорировал природу при рассмотрении исторического процесса (за что ему нередко приходилось выслушивать упреки!), не очень-то оберегая стерильность исторического жанра.

7.

Взгляд историка на исторический процесс отличается истинным демократизмом. Именно демократизмом взгляда вызвано уважительное, достойное отношение Словцова к нравам,традициям, особенностям характера и быта сибиряков, раскрытым на страницах «Обозрения», что впоследствии во многом послужило серьезным основанием, чтобы назвать этот исторический труд «энциклопедией сибирской жизни». Следует также отметить, что одна из особенностей «Обозрения» заключается в том, что I оно представляет собой одновременно i как проповедь теоретических взглядов! Словцова на историческое развитие об-; щества, так и его духовную, душевную; исповедь как человека и гражданина! «сибирской нации» (так обозначена на-1 циональность Словцова в одном из документов, составленных в Тобольской! семинарии).

Когда через многие годы Словцов станет денно и нощно просиживать кабинете, расположенном в одном из домов подгорной части Тобольска, перелистывая собственные записи в многочисленных тетрадях, обращаться редким книгам — ему будут так необходимы тишина и уединение. Литература, приведенная в научном труде Словцова и обозначенная как «Руководства при

составлении обозрения», должна будет всегда находиться под руками. Он еле сможет выкраивать небольшое время для столь им любимых пеших прогулок...

А пока Петр Андреевич, не пугаясь ни мороза, ни ледяного ветра, одетый в надежную медвежью доху, в бобровой шапке, смахивая с бровей меховыми рукавицами искрящийся на солнце иней, едет то в Якутск, то к рыбакам Байкала, то в дальние поселения ссыльных...

В жаркий день, коротая длинный путь, он сбрасывает с себя сюртук, остается в одной рубашке. Просит, чтобы казак остановил возок посредине поляны, где расцвели купальница сибирская, золотистая примула, сарана, зверобой. Он торопится побывать везде, многое разглядеть и понять!.. Он пытается убедить иркутского губернатора Трескина, что учебные заведения губернии находятся в бедственном положении — необходима помощь. Тот сперва поддерживает Словцова, но вскорости ни о какой помощи и слушать не желает.

В Иркутске к П. А. Словцову часто приходит домой любознательный молодой человек Иван Калашников. У историка нередко бывают в гостях учителя Кокорин и Щукин — иркутяне, недавно окончившие Петербургский педагогический институт, открытый в свое время при содействии И. И. Мартынова. Особенно большое участие Словцов принимает в судьбе Калашникова —даровитого человека, пробующего свои силы в литературе. В дальнейшем Калашников станет одним из наиболее популярных писателей-сибиряков, с помощью Словцова переберется в Петербург. Роман Калашникова «Камчадалка», другие его произведения привлекут внимание Пушкина, о книгах сибирского романиста будут писать, хотя и чрезмерно предвзято, В. Белинский, Н. Полевой. Калашников и Словцов станут близкими друзьями, несмотря на то, что их разделяла 30-летняя разница в возрасте...

Оказавшись после Петербурга сначала снова в Тобольске, а затем в Иркутске, Словцов мучительно переживал столичные перипетии. Перед ним со всей очевидностью обозначилась колоссальная опасность; он столкнулся с реальной угрозой сбиться со своего истинного пути, изменить природным дарованиям, отказаться от высоких целей, связанных с творчеством, с ориентацией на лучшие человеческие порывы. Он прекрасно осознавал, что в Сибири лишается многих возможностей, в сравнении с Петербургом, для проявления себя на государственной службе, в науке, в литературе, в других сферах интеллектуальной деятельности. Словцов несколько раз предпринимал энергичные попытки к возвращению в столицу, но они оказались тщетными... А когда разрешение на возвращение в Петербург наконец-то было получено, то он уже и сам не пожелал уезжать из Сибири! А житейских, обыденных трудностей у него всегда было предостаточно. Недаром историк, не привыкший жаловаться, все-таки писал Ивану Калашникову в Петербург летом 1829 года, уже работая над «Обозрением»: «...Я остаюсь среди волков, нападающих на меня в злобе и неведении». Но и в такой обстановке Словцов не терял главного ориентира: «Он один (Бог. — *В. К.)* наш защититель, — говорит Словцов в том же письме к Калашникову, — и если бы сего верования не имел я, то давно бы жизнь моя излилась, как вода, по словам Давида». Вот мы и нашли главный источник,

из которого историк черпал силы для жизни и творческой работы...

В Иркутске затяжная борьба Словцова с косностью местных высокопоставленных особ в конце концов была вознаграждена для него событием праздничным! В 1819 годуМ. М.Сперанский, освобожденный из ссылки, назначается Александром I на пост сибирского генерал-губернатора. От этой должности И. Б. Пестель был отстранен, а иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин вскорости отдан под суд. Перед Сперанским в Сибири императором были означены две труднейшие задачи: выкорчевать злоупотребления властью чиновниками и реформировать управление Сибирью — «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края». Император хорошо себе представлял, что лучше Сперанского приопемы Сибири понять и разрешить '• сможет никто. Ведь в отношении Сперанского, пожалуй, и сегодня остаются справедливыми следующие слова: «Со времен Ордин-Нащокина, — писал историк В. О. Ключевский, — у русского престола не становился другой такой сильный ум; после Сперанского, не знаю, появится л и третий». В Сибири Сперанский проделал огромную работу, его реформы поныне остаются самыми мощными и самыми разумными за всю историю Сибири. Среди различных документов тогда были подготовлены и приняты два важнейших: «Учреждения для управления сибирских губерний» и «Устав для управления сибирских инородцев». Приступая к подготовке Сибирской реформы, Сперанский исходил из собственного взгляда на окраины империи как на «гетерогенные» образования, требующие и в управлении и в решении иных вопросов индивидуального подхода. При этом необходимо помнить о следующем: Сперанский подчеркивал, что «следует вводить новый порядок *постепенно»,* что все его новшества «представляют более план к *постепенному* образованию сибирского управления,*нежели внезапную перемену»* (выделено мной. — *В. К.),* — так он говорил в письме к П. М. Капцевичу, назначенному генерал-губернатором Сибири ему на смену. Сперанский многое сделал для решения так называемых «сибирских вопросов», над дальнейшим «снятием» которых позднее почти безуспешно бились «областники», другие деятели, неудовлетворенные развитием нашего сибирского края...

Приехав в Иркутск, Сперанский часто встречается со своим старинным другом Словцовым, который разделяет его взгляды на реформирование управления Сибирью. Они сразу же провели несколько вечеров в бурных разговорах, воспоминаниях. Словцов оказывается советником Сперанского! Главную, важнейшую тему их бесед составляли размышления о переустройстве настоящего и прогнозные обсуждения достойного будущего Сибири, — эти разговоры имели немалое значение для подготовки Сперанским знаменитой Сибирской реформы, начатой в 1822 году и по существу задавшей направление в развитии Сибири вплоть до XX века. К сожалению, многое из намечаемого к реформированию было приостановлено после восстания декабристов.

Словцов считал необходимым поделиться со Сперанским как с государственным деятелем собственными наблюдениями, накопленными за многие годы, чтобы оказать влияние на судьбу в развитии Сибири. Петр Андреевич ви-

дел реальные успехи в обживании края, однако считал, что «их было бы более, если бы предприятия частные не сталкивались с бесчисленными преградами». Он убежденно говорил Сперанскому, оперируя цифрами, о «недостатке капиталов и недостатке руд дельных», чтобы доводить до конца «начинания, сколько-нибудь значащие». Словцов размышлял о предметах животрепещущих и, кажется, очевидных: для поднятия благосостояния народа и Сибири в целом следует не «брать за одну вещь четыре или пять раз больше, но... одну вещь умножать в четыре или пять раз»! А ведь Сибирь необыкновенно богата для счастливой жизни!

Когда однажды речь зашла о развитии земледелия в Сибири, то Словцов, размечтавшись, стал даже говорить о том времени, когда появится возможность «осушить Барабу водопроводами», чтобы использовать эту огромную равнину под тучные нивы и пастбища. Его взгляд простирался и дальше, на север, к Васюганью, где, по мнению Словцова, «потомки на болотах учредят сенокосы, потом нивы, а на других станут добывать топливо». Словцов, хорошо зная о зависимости благосостояния страны от самочувствия земледельцев, а также о том, что работа с землей требует не только больших знаний, но времени и терпения, поведал Сперанскому про то, как «татары чулымские, буряты, жившие по Ангаре, Иркуту, Селенге и Оке долго не принимались за соху из опасения хлопот, с земледелием связанных».

Убежденный сторонник грамотного частного землепользования, Словцов, размышляя о будущих изменениях в сибирском земледелии, заразит и Сперанского своей убежденной, действенной страстностью: «Нетрудно предвидеть, как плодоносно расцветут нивы, когда наука европейского полеводства, породнившись со смышленостию сибиряков, ознакомит их с полезными агрономическими открытиями!»

Из поля зрения Петра Андреевича Словцова не выпала и Кулундинская степь, через которую он не однажды проезжал. Разве не ясно, что она лучше, чем какие-либо другие места Сибири, «пригодна своими травами для утучнения рогатого скота и лошадей. Тут наилучшее место для стад и табунов»! Минувшее время показало, что потомки далеко не всегда прислушивались к разумным советам Словцова.

Во время одного из разговоров на квартире Словцова в поздний морозный вечер Словцов, разгорячившись, убеждал сибирского генерал-губернатора Сперанского в том, что безнравственно «заселять пространную к востоку Сибирь чрез устранение в нее преступников, гуляк беспаспортных», поскольку именно такое заселение и позволяет зачастую некоторым чиновникам считать сибиряков «людишками худыми, скудными и неспособными к казенным поручениям». Трудные это были разговоры двух умнейших людей России.

Высказал Петр Андреевич и свое отношение к торговле на сибирских пространствах — она должна быть позволена каждому, «кто примет на себя обязанности торговые». А чиновникам всех рангов нужно хорошо понимать, что они, «придираясь к торговцу, посягают на свободу торговли, на ценность товаров и на собственность потребителей».

Необыкновенно темпераментной, захватывающей оказалась беседа, во время которой Словцов настоятельно подчеркивал, что сибирская жизнь на-

ходится на таком рубеже, когда многое зависит от грамотности людей, работающих в богатейшем крае, за которым угадывается чрезвычайно энергичное будущее. Он убеждал Сперанского, что необходимо добиваться немедленного открытия университета в Сибири! Сибирская молодежь должна иметь возможность к получению современного высокого образования у себя на родине. Сибирская земля нуждается в науке, как нива нуждается в теплом ливне. Нельзя стоять спиной к европейской науке!..

Сперанский, разделяя мнение друга, попросил его, чтобы свои мысли по поводу открытия университета в Сибири он изложил в письменном виде. Словцов уже в конце 1819 года написал такую записку, вручил ее Сперанскому. Однако решение животрепещущего вопроса об открытии университета в Сибири затянулось на целых 70 лег!.. После многочисленных иркутских бесед со Словцовым Сперанский, не раз убедившись в глубоко пристрастном отношении друга к судьбе Сибири, сообщал о нем в одном из писем дочери Елизавете в Петербург: «Кажется, если бы предложили ему место канцлера, то и тогда он не двинулся бы никуда отсюда».

Результаты работы Словцова в области народного просвещения в Восточной Сибири были весомы, его репутация становилась все более и более высокой — тому способствовали высокая образованность и талантливость Петра Андреевича, его независимость во взглядах, щепетильность в работе и безукоризненная честность. Возрастанию известности Словцова среди грамотного населения Сибири поспешествовала также публикация его статей в журналах. Так, в 1816 году читатели в «Казанских известиях» познакомились с его статьями «Из записок о числе поселенцев, водворенных за Байкалом», «Замечания о реке Ангаре», «Общий взгляд на Иркутскую губернию», «Несколько слов о городе Нерчинске» и другими. Статьи возникли как результат длительных поездок по Восточной Сибири, а также на основе изучения архивных и других материалов.

В 1821 годуП.А. Словцов, по рекомендации министра просвещения А. Н. Голицына, был утвержден Александром I визитатором всех училищ Казанского учебного округа, в который входили тогда все училища Сибири. Интерес Словцова к новым местам получил теперь практически неограниченные возможности для своей реализации. В поле его зрения оказалась сеть учебных заведений от Охотска и Якутска до Вятки и Соликамска. Время проходило в нескончаемых поездках, в знакомстве с работой учебных заведений, при самом горячем желании сделать все возможное, чтобы обучение молодых сибиряков, которым самим предстоит определять судьбу своей страны, отвечало требованиям жизни. Он писал записки в Министерство просвещения и в Казань, просил помощи, предлагал преобразовательные меры. Нередко случались и жесткие разговоры с теми директорами учебных заведений, которые не очень-то радели за судьбу дела.

У него собираются новые материалы о проблемах сибирской жизни, и они ложатся в основу статей, которые в первой половине 20-х годов прошлого века он печатает в журналах «Вестник Европы», «Сибирский вестник», в это же время в «Азиатском вестнике» начинают печататься с продолжением его знаме-

нитые «Письма из Сибири», публикация которых завершится в журнале «Московский телеграф».

В 1822 году П. А. Словцов остановился на поселение в Тобольске. В это время из Иркутска к нему приехал любимый ученик И. Т. Калашников, чтобы вскорости с помощью своего учителя перебраться навсегда в Петербург, крепко связать свою жизнь с литературой.

Как-то, по старой памяти, визитатор Словцов зашел в Тобольскую духовную семинарию, и в канцелярии ему неожиданно показали ведомость за 1783 год! В ней, напротив своей фамилии в графе «Из каких чинов», он прочитал — «Из духовенства». А рядом было написано: «Сибирской нации»! И снова в душе у него что-то сильно и резко дрогнуло, как тогда, в Нерчинском архиве, когда он, волнуясь, развернул запыленный свиток... Петр Словцов... Сибирской нации... Из духовенства... Теперь эти слова из старой семинарской ведомости становились как бы определяющими в его судьбе...

Он уже почти ощущает необыкновенные чувствования людей, одними из первых доверительно и бесстрашно шагнувших в загадочные гиперборейские просторы, чтобы проникнуться их беспредельным духом. Ведь Сибирь одним лишь бесстрастным умом, увы, не постичь! «Миллер, Гмелин, Штеллер, Крашенинников, Делиль де ла Кройер, Красильников, геодезисты и флотские офицеры, более или менее искусные, — делится с нами своим сокровенным наблюдением П. А. Словцов, — первые открывают на необъятном пространстве страны некоторый таинственный праздник, в тихом созерцании природы, во славу неизреченного Зиждителя».

В Тобольске, в кабинете, опершись на подлокотник старенького кресла, он будет читать подробные письма от друга юности Ивана Мартынова — академика, переводчика. Вряд ли им когда-либо придется еще поговорить. Но ведь и письма не безмолвны!

Свое 60-летие Словцов встретит в Иркутске и больше уже никогда не приедет в этот город.

8.

К нему пришла весть, что Николай I собственноручно подписал разрешение, позволяющее Словцову возвратиться на постоянное место жительства в Санкт-Петербург... Но поздно. Он останется в Сибири навсегда. В одном из писем Ивану Калашникову, написанном в Петербург из Тобольска, он скажет без тени жалобы, спокойно и достойно: «Вот моя жизнь, и другой, к счастью, не желаю».

В 1829 году, в чине действительного статского советника, он уйдет в отставку, ему назначат пенсию. Теперь (наконец-то!) он сможет до конца отдавать все свое время осуществлению давней дерзновенной мечты — созданию исторического труда о судьбе своей суровой родины! В сущности, он готовил себя к этой невероятно сложной миссии всю жизнь. Читая «Историческое обозрение Сибири», многие статьи Словцова и его проповеди, пожалуй, трудно не ощутить, что с нами беседует не только сибирский историк, но и поэт, религиозный деятель — названные ипостаси в душе Словцова были единосущны и нераздельны! Недаром перед Словцовым как мыслителем, перед его нравственным обликом преклонялся даже Михай-

ло Михайлович Сперанский, называл его «судьей совести».

В самом конце 1820-х годов Словцов подготовил несколько статей на материале теперь уже Западно-Сибирской губернии. Все статьи («Журнал весны тобольской», «Письма из Вятки» — Вятка входила тогда в Западно-Сибирскую губернию, «Письма к брату И. В. Словцову в Стерлитамаке», «Тобольск в разных отношениях» и другие) напечатаны в журнале «Московский телеграф», который издавал и редактировал уроженец Иркутска Н. А. Полевой, крепко хранивший привязанность к своей родине — Сибири. Первая повесть Полевого «Сохатый» полностью посвящена Сибири, ее природе. Названия его последующих произведений говорят сами за себя: русская быль «Параша-сибирячка», «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь». П. А. Словцов помнил Полевого по Иркутску, когда будущий известный писатель и издатель был еще отроком. Позднее Полевой напишет о родном городе и Сибири: «...тут мечтал я, плакал над Плутархом, думал быть великим человеком... Ты не забыта мною, моя далекая родина, Сибирь, богатая золотом, дремучими лесами, морозами и дивными явлениями природы!..» Как видим, привязанность Петра Андреевича Словцова к журналу «Московский телеграф» имеет под собой хорошую сибирскую подоснову! Словцов внимательно относился и к историческим исследованиям Н. А. Полевого, следил за выходом его «Истории русского народа», сочувственно о ней отзывался. «Я читал I том "Истории" Полевого, — писал Словцов, — и методу, с какою он принялся за нашу историю, нельзя не одобрить, как методу светлую и в Европе принятую». Полагаю, что нужно напомнить и об отношении Словцова к «Истории» Карамзина — он не считал ее образцом совершенства, находил в ней избыток «искусства красноречия»...

В одной из статей, опубликованных в «Московском телеграфе» в 1830 году (статьи Словцова о Сибири были, по существу, образцами первой сибирской публицистики), он, обеспокоенный будущим сибиряков, высказывал убежденность и надежду, что «наши зауральцы не сделаются вице-машинами и не будут терпеть от машин, как в Англии». Озабоченность Словцова будущностью сибиряков не потеряла, к сожалению, актуальности и в наше время, перенасыщенное технократически-экологическими проблемами.

После завершения работы над статьями, носившими зачастую краеведческий характер, он скажет в книге «Прогулки вокруг Тобольска...», что считает их «небольшим своим снопом... украдкой положенным в большую скирду сведений о Сибири». В названной книге мы находим краткие сведения о встрече Словцова в Тобольске с Александром Гумбольдтом — этим «Аристотелем XIX столетия», как его называли современники. Тобольск был первым сибирским городом, в котором накануне своего 60-летия остановился прославленный ученый, давно мечтавший побывать в Сибири. Финансировал экспедицию Николай I, чем в значительной степени приподнимал в глазах Европы собственную репутацию просвещенного монарха. Словцов беседовал с Гумбольдтом на французском языке, высказал ему мнение, что будущий историк Сибири не должен проходить мимо сведений естественных наук об этом крае. Гумбольдт великодушно

согласился с мнением образованнейшего сибиряка. Они были почти ровесники — Словцов старше всего на два года. В «Историческом обозрении Сибири» есть краткая ссылка на работу Гумбольдта «Фрагменты...» о его путешествии по Сибири (книга издана в Париже в 1831 году).

Однако подошло время, когда Петр Андреевич Словцов приступил к сооружению и собственной «скирды». Перед его взором уже ходили волны-периоды на ниве послеермаковской сибирской истории. Предстояло теоретически осмыслить богатейший собранный материал, систематизировать его, отыскать для выражения собственных взглядов необходимую форму. Для Словцо ва-художника и Словцова-ученого страницы «Обозрения» были одинаково дороги. А создавать труд, за который принялся Словцов, в Тобольске было нелегко: недоставало справочной литературы, ежедневно возникало множество сложностей. Он даже «нередко винил себя за предприятие историческое в таком краю, который глух и холоден для содействия подобному труду», — такие жалобы от историка не могли вырваться случайно. Но в Тобольск уже шли письма, посылки, поток их все возрастал, корреспонденция поступаладаже из Петропавловска-Камчатского - отгуда сведения присылал священник Громов.

К. М. Голодников, хорошо знавший Словцова, так писал про образ жизни историка во время его работы над «Обозрением»: «Вставал он утром часов в шесть, около часу молился Богу и читал Евангелие, потом, напившись чаю, садился за свой труд. В час пополудни, выпив рюмку красного столового вина, обедал за весьма неприхотливым столом. Затем, после короткого отдыха, работа продолжалась часов до 10 вечера».

В соответствии с замыслом и тогдашним развитием исторической науки книга Словцова включила в себя не только Собственно исторические материалы, связанные с развитием общества, но и сведения из ботаники, географии, геологии, гидрологии, данные по развитию сибирского земледелия, сведения из этнографии, климатологии, фенологии, кроме того, делился историк и собственными меткими сведениями из психологических наблюдений. Словцов, несомненно, относится к числу немногих крупных сибирских энциклопедистов. С молодых лет он был предрасположен не только к занятиям литературным творчеством, но и большой интерес проявлял к естественным наукам, развивал его в течение всей жизни. Особенности натуры Словцова определили и особенности его исторического труда, ставшего яркой вехой в сибирской историографии. Различные исследователи отмечали то одни, то другие достоинства в «Обозрении», но практически все они подчеркивали незаурядность исторического труда Словцова. «Первый историк, у кого прорывалось первое теплое чувство к краю, кому стала понятна ее (Сибири. — *В. 3.)* судьба и рядом с этим, у кого блеснула художественная струя,- писал сибирский публицист Н. М. Ядринцев в статье "Судьбы сибирской поэзии и старинные поэты Сибири", — был Петр Андреевич Словцов. Словцов не был сухим летописцем и историком Сибири. По его способу изложения видно, что это был человек с душой, патриот своей родины...» А «Энциклопедический сло-

варь» Брокгауза и Ефрона определяет «Обозрение» как «единственную наручную историю Сибири». В «Сибирской советской энциклопедии», материалы в которой отличаются известным скептическим отношением к периоду до 1917 года, тем не менее отмечена методологическая новизна «Исторического обозрения Сибири», в названной Энциклопедии сказано, что книга Словцова является «одной из крупнейших и полных исторических монографий о Сибири». Роль П. А. Словцова высоко оценена в 5-томной «Истории Сибири», вышедшей в 1960-е годы в издательстве «Наука». В этом издании подчеркнуто, что исторический труд Словцова во второй половине XIX века «оказал огромное влияние на развитие общественно-политической мысли в Сибири».

9.

Для России первая половина XIX века характерна, в частности, большим всплеском интереса к историческим знаниям о родине, вызванным потребностью глубже вникнуть в «биографию», в «генетику» огромного государства, раскинувшегося на пространствах Европы и Азии. После Отечественной войны 1812 года, когда во всей грандиозности проявилась роль народа в судьбе Родины, особенно интенсивно и пристально осмысливается исторический путь страны, при этом осмысливаются различные слои в духовной жизни народа.

Как раз в это время писатель Н. М. Карамзин работает над многотомной «Историей государства Российского» (1816—1826). Во многом в противовес труду Карамзина уже упоминавшийся нами писатель Н. А. Полевой создает и издает 6-томную «Историю русского народа» (1829—1833). В далекие оренбургские степи по местам пугачевских повстанцев отправляется А. С. Пушкин. Он изучает документы, связанные с восстанием, разговаривает *с* живыми свидетелями грозных событий, записывает песни и рассказы, вскорости пишет «Историю Пугачева». В те годы в Оренбурге с А. С. Пушкиным встречается В. И. Даль, собиравший народные сказки, поговорки, песни, только что издавший книгу «Русские сказки. Пяток первый» (1832). Даль в то время, с одобрения Пушкина, уже накапливал материалы к своему знаменитому «Толковому словарю живого великорусского языка». Проявляется большой интерес и к истории отдельных регионов, представляющей собой незаменимую первооснову для написания истории страны. Особенно примечательна в данном случае книга В. Д. Сухорукова «Историческое описание земли Войска Донского» (1824) —о ней с восторгом отзывался А. С. Пушкин, лично знавший автора. В ряду названных произведений, созданных подвижниками отечественной культуры, и должен, по нашему убеждению, восприниматься замечательный труд Петра Андреевича Словцова «Историческое обозрение Сибири».

Из предшественников П. А. Словцова наиболее обстоятельно историей Сибири занимался участник Академической экспедиции по изучению Сибири в 1733— 1743 годах Герард Миллер (1705—1783) — его «История Сибири» включает в себя колоссальный фактический материал. Кстати, попытка издать этот труд в 1937— 1940-е годы осталась неосуществленной — вышло только два тома из трех.

Отдав должное кропотливой работе, проделанной в Сибири Герардом Миллером, Словцов видит, что на основе имеющихся материалов необходимо прошлое края подвергнуть основательному анализу, попытаться нащупать тенденции в развитии исторического процесса в Сибири, при этом для историка очевидны огромные трудности на новом пути исследователя. Обращаясь к образу Миллера со словами признательности и благодарности, Словцов рассчитывает именно на его безмолвное благословение. «Вечная тебе память! Без твоего прихода Клио Гиперборейская, — пишет П. А. Словцов в посвящении историку, —доныне перешептывалась бы с дьяком Есиповым и сыном боярским Ремезовым, потому что архивы наши сгорели, рукописные летописи редеют, а в обителях и благородных сословиях не заметно ни Нестора, ни Болтина». А затем Словцов делает оговорку, словно бы предчувствуя, что на долгом неизведанном пути произойти может всякое: «...выйдет ли целое или торс, не я в ответе». Обратим также внимание еще на одну существенную горькую оговорку Словцова, когда он пишет, что «принимает к сердцу как усмешку, так и скорбь родины...».

Нельзя не сказать и о том, что в «Обозрении» встречаются отдельные неточности. К разряду таких неточностей, курьезных ошибок относится, например, оспаривание Словцовым открытия С.Дежневым пролива между Азией и Америкой. При этом П. А. Словцов, основываясь на «здравом смысле», темпераментно отстаивает свой ошибочный взгляд! Но названная оплошность является чуть ли не единственной крупной ошибкой на весь обстоятельный труд.

Петр Андреевич Словцов рассматривает в «Обозрении» историю Сибири после похода дружины Ермака и заявляет по этому поводу, что «история Сибири для нас выходит из пелен самозабвения не ранее, как по падении ханской чалмы с головы Кучумовой», хотя приводимым в «Обозрении» фактическим материалом и вносит поправки в эту жесткую формулу. Своей главной задачей историк считает «протянуть чрез данное пространство времени нить историческую», а также «напомнить постепенность мер и видов правительства, более или менее по обстоятельствам поспешествовавшего благоустройству или безопасности страны, выставить учреждения, ускорявшие или замедлявшие силы жизни, а более всего представить жизнь частную и общественную...».

Словцов отчасти отказывается от традиционной последовательной хронологической описательности событий. Его интересуют прежде всего скрытые пружины, причины, определяющие тот или иной ход в историческом процессе. Причем он никогда не теряет из виду судьбу Сибири в целом.

Историк подразделяет рассматриваемое им историческое время на четыре периода. В каждом периоде Словцов прослеживает возникновение первоистоков для качественных изменений, когда постепенно развиваются явления, поначалу еле заметные, однако неизбежно перерастающие в новые качественные формирования или события.

«Историческое обозрение Сибири» включает в себя две книги, хотя у Петра Андреевича Словцова было намерение написать и третью книгу — об этом он говорит на страницах «Обозрения».

Книга первая состоит из трех периодов.

Период I — от начала похода Ермака до 1662 года. Впрочем, историк постоянно обращается и кдоермаковской Сибири. В пространстве данного периода в основном шло стихийное заселение Сибири. Но уже с первых страниц книги Словцов показывает, сколь важную роль играло Православие при продвижении русских людей в новые для них азиатские просторы. При этом историк не обходит противоречий и сложных вопросов, трудностей, с которыми сталкивались христиане-миссионеры. Подчеркивается большая роль казачества в освоении, изучении, обживании Сибири. Историк обстоятельно повествует о развитии сибирского земледелия. Мы узнаем также о подробностях продвижения россиян в Якутию, об экспедициях Василия Пояркова и Ерофея Хабарова на Амур. Уже в первом периоде рассматривается формирование законодательства, анализируются пограничные проблемы и тревоги. Прослеживается развитие свободной торговли, формирование сибирских обычаев и нравов.

Период II —с 1662 по 1709 год. В пределах этого периода заселение уже шло. как говорит Словцов, «по направлению начальства и самого даже правительства». Обрисовано открытие Камчатки, других дальневосточных земель. Рассказывается о взаимоотношении с Китаем, о событиях на границе, о героической защите Албазина. Показано развитие узаконений. Мы узнаем также о создании первой географической карты Сибири.

Период 111 — с 1709 по 1742 год. Только что образована огромная Сибирская губерния с центром в Тобольске, «какой никогда уже не будет в России, — замечает историк, — губерния, раскинувшаяся от берегов Вычегды до устья Камчатки». В Сибири интенсивно развивается торговля. На Камчатку и в Пекин направляются христианские миссии. П. А. Словцов рассматривает результаты крупных научных экспедиций в азиате кую часть страны. Он подчеркивает, что при всех изменениях Сибирь всегда жила по общим с Россией законам.

В первой книге историк обращает внимание и на противоречивое положение Сибири в составе Российского государства. «Сибирь как страна заключала в себе золотое дно, — констатирует П. А. Словцов, — но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область». О намечаемых исправлениях такой несправедливости говорится уже во второй книге «Исторического обозрения Сибири».

Вторая книга включает в себя лишь один период.

Может вызвать некоторое удивление «неточность» в авторском обозначении ближней к нам хронологической границы (1823 год) второй книги. Впрочем, фактический материал «Обозрения» нередко относится даже к реалиям сибирской жизни 1830-х годов. Показательна в этом отношении, скажем, «Историческая выметка о пяти сибирских городах», помещенная еще в первой книге. За названной «неточностью» пунктуального Словцова кроется, однако, некая загадка.

В пределах этой книги «Обозрения» историк показывает усовершенствование законодательства, анализирует развитие сибирских городов. Во второй книге подробно показано дальнейшее формирование горного искусства на сибирской территории, включая Урал, Ал-

тай и Дальний Восток. Словцов во второй книге при анализе исторического процесса уже оперирует новым административным делением Сибири, возникшим в результате проведения знаменитой Сибирской реформы 1822 года, подготовленной и осуществлявшейся под руководством М. М. Сперанского.

Однако «Историческое обозрение Сибири», как мы уже говорили, не завершено автором, как не завершены, впрочем, ни «История государства Российского» Н. М. Карамзина, ни «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева. По моему убеждению, в связи с незавершенностью «Обозрения» требуются тщательные изыскания среди архивных материалов Словцова, могущие нам принести самые неожиданные дополнительные сведения о творческом наследии замечательного сибирского ценителя и аналитика старины.

Целью истории, в понимании Словцова, является непрерывное всестороннее совершенствование человека и общества на основе религиозных воззрений. Однако процесс совершенствования идет сплошь и рядом драматично, далеко не всегда удается избежать периодов «обезьянничаний», по выражению Словцова. Историк смотрит на народ как на обладателя мощной созидательной энергии, реализуемой нередко и вопреки действиям самозваных лжемессий, нагло выступающих от имени Бога милосердного. Словцов резко говорил об этом и в молодые годы в известных проповедях.

Петр Андреевич Словцов постоянно размышлял, работал над усовершенствованием своего исторического труда, даже обращал внимание на возможные перестановки в тексте в будущем. Так, во второй книге он писал: «Все прибавления, очень поздно и порознь до меня доходившие, можно будет в свое время разместить по своим местам, в приличные главы первых двух книг». В настоящем издании некоторые пространные замечания автора, данные в конце первой книги, перенесены в соответствующие места основного текста и выделены шрифтом. Воля автора отчасти исполнена.

Вглядываясь в древность, Словцов видел ее не только глазами мудрого спокойного историка, но и охватывал взором взволнованного вдохновенного художника. Недаром о «блистательной радуге» П. А. Словцов говорит и в «Обозрении», когда обращается к факту участия сибиряков в Полтавской битве, — так что образ радуги для него вовсе не случаен.

И нам не только чрезвычайно интересно, но и крайне необходимо мысленно подняться по этой постоянно движущейся исторической радуге Словцова, чтобы с жаждой заглянуть за горизонт минувшего, ограниченный не столь уж и большим отрезком времени каждой отдельной человеческой жизни. Такое заглядывание тем более актуально, что другой конец этой исторической радуги, уходящей в будущее, невозможно даже пытаться представить себе, не прочувствовав пристально и вдумчиво седую древность родной земли и родного народа.

В завершение отметим следующее. В 1990—1993 годах «Историческое обозрение Сибири» в сокращенном виде публиковалось в журнале «Сибирские

огни». В 1995 году труд П. А. Словцова вышел отдельной книгой в Новосибирске в издательстве «Вен-Мер». Считаю необходимым выразить признательность администрации Новосибирской области за содействие в издании книги; поблагодарить директора Новосибирской областной научной библиотеки Н. А. Бредихину и сотрудников библиотеки за помощь в доступе к редким материалам, профессора Г. В. Крылова — за полезные замечания в процессе подготовки издания.

Ныне, в 2006 году, новое издание «Исторического обозрения Сибири» предпринято московским издательством «Вече» под названием «История Сибири. От Ермака до Екатерины II».

Виктор Зернов,
Новосибирск, 1993—2006

ИСТОРИЯ СИБИРИ

От Ермака до Екатерины II

ДОСТОПАМЯТНОМУ имени Миллера,
КАК ПИСАТЕЛЯ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ,
посвящается

Сто лет в расходе у Сибири, как по рассеянным ея городам и слободам странствовал ты, достойный друг сибирской истории! Сто лет, как ты помышлял о первых днях нашей родины, как сличал годы полутора веков с летописями городов наших, и поверял их иногда со столбцами архивов. Вечная тебе память! Без твоего прихода Клио Гиперборейская доныне перешептывалась бы с дьяком Есиповым и сыном боярским Ремезовым, потому что архивы наши сгорели, рукописные летописи редеют, а в обителях и благородных сословиях не заметно ни Нестора, ни Болтина.

Праздный в старости и свободный от сует, я решился собрать твои сказания о Сибири в один состав, и в радости перекрещусь, когда кончу работу без хулы соотечественников. Но прости, достопамятное имя, сократителю, столь же беспристрастному, сколь и почтительному, что он перекопь Ермакову давно засыпал, как небылицу; что бессмертие, каким ты наделил казака Дежнева, он прекращает по недоказанности права; что селенгинския хлопоты, приписываемыя тобою хитрости маньчжу-китайцев, он относит к смутным обстоятельствам халхаев.

Позволишь ли еще сказать, бессмертный дух историографа? Ты не был внимателен к общим итогам и выводам, как будто не думал стоять в шкафах любопытного потомства; ты, заглядевшись на списки ясачные, не развернул писцовых книг, тогда не утраченных, да и не всегда был отчетлив, когда из архивных сундуков Сибирского Приказа, в 1768 г. (от 15 января) тебе переданных по воле правительства, в Сибири ждали, ждали изложения сведений, и не дождались. Но смею ли винить тебя я, тунеядец, который пользовался услугами чужих упражнений, и не умел в свое время поставить себя в доступности к архивным папкам.

В пополнение очерка твоей сибирской истории, я удовольствуюсь прикинуть несколько вставок, для наполнения пробелов, часто оказывающихся в пустоте сибирского быта, несмотря на многое множество, писанное о Сибири урывками, без связи, и даже с противоречиями, поставить известное на своем месте, устранить мелочи, ничего не сказывающие, обойти противоречия, и протянуть через данное пространство времени нить историческую, вот моя работа! А выйдет ли целое или торс, не я в ответе.

В Тобольске
1837 года ***Петр СЛОВЦОВ***

П.А.Словцов

РУКОВОДСТВА
при составлении обозрения

Полное собрание законов Российской империи. Бесценное сокровище для истории!

Собрание государственных грамот и договоров. Немаловажное пособие для истории сибирской!

Сибирская история Миллера.

Сибирская история Фишера, последователя и дополнителя Миллерова, мужа ученаго, с методою странною.

Краткое Показание о воеводах и губернаторах в Сибири, печатанное в Тобольске 1792г., верное относительно приезда и выезда архиереев сибирских, а не воевод и губернаторов. Например, под 1693 г. поставлен Салтыков вместо Нарышкина. Под 1698 г. не сказано о товарище воеводы кн. Черкасского, у которого был в том звании кн. П. М., потом кн. А. М. Черкасский. Далее между губернаторством Плещеева и Шипова пропущен Бутурлин. Тем менее эта книжка заслуживает доверенность в рассуждении воевод прочих городов.

Рукописный Сборник библиотеки Тобольской семинарии, несправедливо названный сибирскою летописью, от времени Ермакова до 1760 г. сокращенно доведенный разными сократителями, из коих первый, вероятно геодезист, не чужд ведения космографического. Вообще заметно, что сборник выправлен после издания Миллеровой *Истории.* В нем происшествия, учреждения, явления мощей в селе Меркушине и Мангазее, постройки общественной важности, проезды замечательных лиц и пересылки с смежными ордами выставлены не всегда в своих годах; следственно, сказания о пожарах, наводнениях и т.п. случаях требуют сличения. В духе своего времени сборник обстоятельно означает породы зверей по уездам с постепенным их уменьшением. Я пользовался этой рукописью не без осторожности.

Краткое описание остятского народа, приведенного в христианскую веру, сочиненное около 1715г. Григорием Новицким на славянском языке и посвященное сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину. Оно принадлежит библиотеке Тобольско-Софийского собора. Жаль, что эта рукопись не кончена, да и последние страницы писаны другим подмастерьем.

Древняя Вивлиофика Новикова, равно продолжение ее и опыт повествования о древностях русских, для сибирской истории довольно сухи. Жаль, что грамоты ногайские, иногда говорящие о Сибири, изданы не вполне и весьма небрежно.

Хозяйственное описание Пермской губернии в 2 част., 1811 года, по смежности с Сибирью, довольно занимательно для ее истории.

Белево путешествие в Пекин, или Посланничество Измайлова, изд. 1776 года. Путешественник отличается говорливостью, не всегда верною, как, например, он видит в Сибири дубы, а в нашем Забайкалье — сарачинское пшено, когда не могло быть и просяного пшена, которое недавно стало засеваться по Онону. Тут же присоединен дневник агента Лоренца Ланга, требующий подтверждения по части его изъяснений с пекинскими министрами. Но, кажется, стыдно бы русскому агенту, как и переводчику, принадлежавшему к штату Петербургской Академии наук, не знать, что ссоры

за Албазин происходили не в 1715 г., а прежде 1689 г.

Статистическое обозрение Сибири 1810 г. В нем много погрешностей, даже исторических, не касаясь разных неисправностей, как, например,основание Верхнеудинска отнесено к 1643г. Нельзя винить редактора Баккаревича, писавшего с чужих бумаг, без критики.

Voyage dans le nord, par le Commodore Billings, redige par Sauer, u Paris, 1802.

Первое морское путешествие россиян Верха, 1823 г.

Восточная Сибирь Семивского 1817г. В материалах сего сочинения можно найти многое для истории церквей. Отрывочные взгляды Семивского удовлетворительны, но взгляд статистический на губернию по большей части занят из рукописи 1789 г., составленной тамошними землемерами и напечатанной в *Древней Вивлиофике.*

Замечания о Сибири сенатора Корнилова, в 1828 и 1829 годах изданные, не заключают ничего ни для истории, ни для статистики. Сочинителю неприлично бы помещать предположения на обстоятельства, уже в 1822 г. разрешенные сибирским Учреждением.

Описание всех в Российском государстве обитающих народов, 1776 г. Оно доныне служит краеугольным камнем этнографии, повторяемым в последних сочинениях нашего времени. Но как цель моего труда состоит в том, чтобы следить за русским устройством в Сибири, то охотники до азиатских одежд и обычаев сыщут себе удовлетворение в указываемом описании, равно в *Сибирском вестнике* и в *Енисейской губернии.*

Сибирский вестник г. Спасского, с 1818 по 1825 г. издававшийся, заключает множество разнообразных сведений. Трудно указать журналиста, более занимательного насчет Сибири, особенно по части древних достопамятностей.

Енисейская губерния г. Степанова есть живая похвала его по части статистической и этнографической. Жаль, что при таких дарованиях и на месте губернаторском не вздумал он подарить достойным очерком местной истории. Вместо преждевременной статьи о температурах, приятнее бы от него услышать что-нибудь летописное, так как в Енисейске, по слухам, была летопись. За давностию я не мог достать ее.

Историческое обозрение ойрадов о. Иакинфа осветило, в глазах сибирской истории, заграничную темноту. После суждения, какое помещено в журнале М. Н. П. за 1835 г., надобно прибавить сожаление, что сочинитель умолчал об обстоятельствах Урянхайского ханства и других владений, к Хакасской системе прилегавших.

Иркутская летопись (письменная), доставленная мне директором училищ Щукиным, начинается, собственно говоря, с 1695 г. и продолжается до начала XIX века. Это краткая записка XVIII века, не заслуживающая сравнения с *Тобольским Сборником.* В ней очень мало летописного. Она походит на станционную записку о приезде и выезде чиновников, да о приходе и отходе казенных караванов. Хронология летописи не безукоризненна; где есть возможность к поверке, я наводил справки.

Акты Археографической Экспедиции ссужают историю сибирскую несколькими пополнениями; но как они дошли до меня поздно, по совершенном изготовлении первой части моего *Обозрения,* то и нельзя было ими воспользоваться

иначе как разместив их беглым образом в приличных местах. Получая книги из столиц, для мелочных иногда справок, чрез полгода и более, я нередко винил себя за предприятие историческое в таком краю, который глух и холоден для содействия подобному труду.

введение

Не замечательно ли, что в конце XV века, втоже время, когда Эммануил Португальский снарядил Васко де Гаму дня обхода Африки на восток, Иоанн III послал также на восток, за Югорский Камень, своего сухопутного Васко де Гаму, в Обдорию, или низовую обскую страну, не выше р. Конды*? Промышленность вычегодская еще прежде опознала пути за Камень, но не промышленность указала их, а государственная гордость за покушения закаменных звероловов на безопасность великой Пермии. Меч московский около 1501 года омылся в крови дерзких. Древки знамен и рукояти бердышей обвились, так сказать, бобрами и соболями, и победа властным пером приписала к титулу повелителя московского два вечных слова: обдорского и кондийского.

Промышленность вычегодская вскоре и надолго, без военной помехи, опять скрепила свои связи с прежними знакомцами по Сосьве, Конде, Оби и Тазу. Привозы пушных товаров скоплялись на Выми и Вычегде, откуда переходили они на ярмарки великоустюжские. Если новгородская торговая деятельность замялась для Ганзы, то она около половины XVI века оправилась в Архангельске и столкнулась тут опять с Пермью, Печорою и Югрою, некогда бывшими в числе волостей Великого Новгорода и в 1504 году завещанными** престолу московскому от того мужа, который возвеличил Конду и Обдорию помещением в высоком титуле.

Аника, родоначальник фамилии Строгановых, на странице сибирской истории является солеваром и соучастником вычегодских промышленников. От тесноты и совместничества он подвинулся вперед на Чусовую, где уже становится представителем промышленности и главою деловых людей, служащих ему, по препорученности, за Камнем, в непосредственном вымене мехового товара у звероловов. Сыновьям его с 1558 г. двукратно жалованы были земли по Каме и Чусовой с правом строить городки, иметь пушки, ружья и пушкарей; за что возлагалась на них обязанность препровождать и довольствовать посланников, едущих из Москвы в Сибирь или из Сибири в Москву. Один из преемников Аники, будучи большим помещиком и не переставая быть солеваром, торговцем и деятельным домовладыкою, он по способам обширного хозяйства служил Чердыни и государству своею предприимчивостию. Глядя на ход вещей выше и далее своего времени, он в 1581 году выписывал искусных мореходцев из Антверпе-

* Нет исторического доказательства ни даже вероятности: 1) чтобы Иоанн из Чердыни рассудил послать в голодную и болотную страну 4000 войска, когда для испуга достаточна была и 10-я доля; 2) чтобы этот отряд доходил до Оби. Довольно бы с него появиться при верховьях рек Вогулки, Сосьвы и Конды. Иным мечтается, что с тех пор и городок Обдорский заведен. За всеми не угоняешься,

** *Отказная грамота Новгорода* от земли Двинской и Пермской, 11 августа 1471 г., *и Духовная Иоанна Великого* 1504 года. Акты Арх. Эксп. и 2-й *том Древней Вивлиофики.*

на и, вероятно, других мастеров из ганзейских городов.

Без сомнения, вслед за строгановскими промыслами дошла до правительства и Европы молва о Сибири, которую и правительство и Европа полагали за Уралом, тем уверительнее, что при перевале на восточную сторону, выше Ляллинского спуска, русские нашли ничтожную речушку Сибирку в широте 59° 12'. С половины XVI века летописи начинают говорить об Едигере (Етыгаре по татаро-тобольскому выговору) и потом о Кучуме. Государственные листы в разных грамотах называют первого сибирским князем, а последнего сибирским царем*.

Из сокращенного чтения тех листов открывается:

а) Что *Сибирь* не есть слово местное, от вогулов или зырян занятое, но общее уральским племенам, слово, затверженное многочисленною ногайскою ордою, господствовавшею на Яике и распространившеюся до Дона.

б) Что пространство земли, называвшееся Сибирью Едигера, не далеко лежало от главного Ногайского юрта; и едва ли юрт Сибирский не стоял между Исетью и Миассом, при озерах Иртяше и двух Наннягах, где на южном берегу одного из озер виден курган из полевого шпата, с древним укреплением и рвом, обведенным около кургана наподобие венка, а на северо-восточно-северном скате мыса, при протоке между обоих Наннягов, еще не осыпался ров, на 130 сажен выказывающийся. К предпо-

* Из ногайских грамот, помещенных в продолжении *Древней Вивлиофики,* и из собрания государственных грамот выписываются все слова, сказанные или писанные о сибирском князе Едигере и потом о сибирском паре Кучуме в предположении — нельзя ли из этого извлечь что-нибудь дельное.

О Едкгере. Царь Иоанн 13 сентября 1563 г. объявил ногайским посланцам (часть X), что сибирского князя Едигера посланца Чибиченя повелел отпустить.

Там же, в грамоте к ногайскому князю от 22 сентября, царь писал: «Твоей дочери, жене сибирского князя, и сына ея не отпустил к тебе для того, что зять твой, сидя в Сибири на нашем юрте, не дает дани, за что я хочу ему мстить и доступать тот юрт, дабы после наделить им твоего внука. На сей раз я не отпустил к тебе сибиренина Тагикина, потому что он пришел ко мне из Сибири в посольстве от царевича Ахмет-Кирея, а сибиренина Чибиченя велел отпустить». В грамоте царя Феодора I к Кучуму от 1597 г. выводится родословие владетелей сибирских, как будто бы последовательно правивших Сибирским юртом, т.е. после Ибака князя Тайбучина рода, после них Махмет К..., после него князь Кизый, после князь Едигер, и все они давали (будто бы) дани отцу и деду Феодора.

О Кучуме. В 1564 г. ногайский князь, преемник Измаила (часть XI), писал к царю, что между ими и сибирским царем ходят люди ветовые, и «ты бы Маминшиха и Тагикина батыря, приехавших к тебе из Сибири, отпустил: они люди мои из Тюркмен-улуса, а сибирский посланец Тагикин в Сибири был мне другом». В июне 1565 г. царь, посылая к ногайскому князю посланца, велел говорить, что сибирский царевич Муртаза (вероятно, Маметкул) наделал множество обид моим данникам, и поэтому Маминшиха и Тагикина отпустить непригоже.

В 1577 г. кЛачинову, к ногаям посланному, приезжал от имени сибирского царя посланец Тайляк и говорил, что Кучум хочет быть в дружбе с царем московским. Этот Тайляк прислан к Ик-Мирзе за лошадьми и овцами, следовавшими от Мирзы в калым за дочь Кучумову. Другой посланец, Мальцев, доносил царю, что сибирский царевич Алекочума (алей Кучумов) женился на дочери ногайского князя, который вскоре писал к царю, что, выдав дочь за сына Кучумова, сроднился с царем сибирским. В марте 1578-го, а не 1575-го, как написано в книге, царь, изъявляя удовольствие насчет нового родства, извешает, что прошлым летом был в Москве от Кучума посланец, с обещанием давать дань, какая издавна лежала на сибирской земле, и что царь хочет брать ее по старине, за чем и отправлен с Кучумовым посланцем Добыча Лачинов. Отсюда следует, что первая грамота от Кучума, вольного человека (Усбека), привезена была в Москву в 1577-м, несмотря на то, что она во 2-й ч|асти] государственных грамот напечатана под

ложению юрта Едигерова на этом месте склоняет грамота царя Иоанна от 30 мая 1574 г., в которой нашествие Маметкула представляется, хотя и не буквально, с верховьев Тобола.

в) Что пределы сего юрта на западе Урала могли простираться от истоков Уфы до Утки, близ которой, в значении границы, течет другая речка Сибирка, впадающая в Чусовую, в широте 57°9'; что юрт Едигеров, населявшийся черемисами, вогулами, башкирами, а к стороне Тюмени татарами и бухарцами, и к Миассуногаями, не потому ли лежал на сердце ногайских князей, Измаила и Тинехмана, так искренно заступавшихся у московского государя за сибиренинов.

г) Что нет исторической достоверности относить юрт Едигера на Иртыш, как потому, что первые дани с него пересылались северными, т.е. ближайшими путями, что Тобол и Иртыш, если бы сведомы были правительству Иоанна, чрез описания московских бывальцев или посланцев, не были бы пожалованы вместе с Обью дому Строганова в 1574 г., т.е. в то же лето, когда приезжал от Кучума посланец с первою грамотою, так и потому, что владетельные юрты Сибири не всегда бывали в одном месте, например, хан Онсон кочевал на устье Ишыма, Тайбуга с детьми на Туре в Тюмени, внук его на Иртыше, где после был Искер Кучумов.

д) Что, судя по согласию Иоаннову брать дань с Кучума по старине, или иначе по тысяче соболей и по стольку же белок, приходится отвергнуть преувеличенное показание никоновского летописца насчет дани Едигеровой*, показание, беспрекословно допущенное в 6-м томе *И[стории] Русского] Н[арода Н. Полевого]*.

е) Что, если раз усомниться вАбулгазиевом выводе родословия Кучума из шейбанцев, нечем уже увериться в пресловутом происхождении его, потому что ни сам Кучум, называющий себя вольным человеком, ни ногайский

1570 годом. Этот татарский барон выказывает в своем послании и самохвальную решимость к войне, и податливость к миру. В той же части государственных грамот выставлена под 1571 г. присылка посланца Таймоса и гонца Аисы, которые от лица Кучума привезли тысячу соболей; и договорились ежегодно за сибирскую землю давать дани по 1000 соболей и для посланца по 1000 белок, и сему договору, утвержденному в Москве, надлежало свершиться в Сибири, при свидетельстве посланца Третьяка Чабукова, который и отправился с приезжими двумя татарами. Тут, в сообразность с прежнею пересылкою, надобно вместо 1571-го подразумевать 1578 год. Нельзя упрекать меня в самоуправстве хронологическом, потому что в самой выписке из титулярника заметна путаница во времени и в написании года: то 1699, то 1572г.

В грамоте к тарским воеводам 1597 г. Кучум, изгнанный и скитающийся по Вагайской степи, просит их, чтобы из захваченной посылки, которая была везена к нему, отдать один тюк с лекарствами от глазной болезни. Грамота скитальца оплавляется: «Бог богат».

Царь Феодор в грамоте 1597 г. укоряет Кучума в прежнем убийстве посланца Третьяка Чабукова, присланного за данью (за свершением договора) и в многократных нашествиях на пермскую землю (которые, впрочем, надобно относить не к Кучуму, а к вторжениям вогуло-остятских партий). Царь христианский, забывая все неправды хана-убийцы, приглашает сего степного скитальца приехать в Москву и воспользоваться великими милостями, по примеру сына и племянника. Едва ли эта грамота дошла до Кучума, который в том году исчез с глаз Сибири.

Вот все положительно известное об Едигере и Кучуме.

* По соболю и белке с головы 30 700 улусников Едигеровых.

князь не говорят о важности его рода, да и по изгнании с Искера не оказалось у него никаких связей с Бухарией, равномерно и в счастливое время связи его ограничивались сватовствами с ногаями, для умягчения мести их за низложение Едигера.

и) Что если Кучум с племянником Маметкулом, при разных своих перекочевках, разорил владения Едигера и в другой раз успел уходить его с братом Бекбулатом, чему надлежало случиться около 1556 и 1572 годов, все нельзя определить времени прихода мнимый шейбанцев на Искер, едва ли кем занятой, потому что появление их на Искере не есть следствие похода воинственного, а постепенная перекочевка с места на место, где и удавалось подбирать толпу охотников для преднамереваемого нападения. Поэтому выводимое летосчисление ханства Кучумова на Искере* не может быть достоверным.

к) Что приближение Маметкула (Махмет-Кула) к чусовским городкам, конечно, случилось в то же время, когда ему удалось разграбить или разрушить владение Едигера, а не в особливом походе с Искера, как с точки отдаленной. Впрочем, странно то, что по нашим летописям Маметкул подходит к Строгановским городкам не с дружиною чжагатайцев, татар, ногаев или башкир, ас сволочью закамских черемис, мордвы и т.п. Тот ли это Махмет-Кул, который впоследствии пленен Ермаком, или другой Махмет-Кул, из ногайских мирз, живашй в Москве в предохранении и упомянутый в ч. XI Продолжения *Др. Вивл.* на 142-й странице? Тождеименностьординцев, часто коверкаемая легковерными летописцами, не раз затрудняла критическую историю.

л) Столь же трудно разгадать незнание, в каком летописи, по приходе волжских казаков на Чусовую, держат Семена Строганова в рассуждении сделанного в Сибири убиения царского переговорщика, так как бы этому мужу, имевшему близкие знакомства в Чердыни, Казани и Москве, вовсе было неизвестно ни о предварительном договоре с Кучумом, ни о последовавшем бесчеловечном поступке его. Есть и другие статьи, показывающие, в каких потьмах ходили летописцы, при сближении с Сибирью, пока Ермак не дошел до устья Тобола и приступом не взял 23 октября 1581 г. Подчувашского нагорного укрепления.

Вскоре, по овладении Искером и духом устрашенных жителей, можнобыло смекнуть, что ландкарта Кучумовой Сибири или ханства Иртышского ограничивалась к северу речкою Демьянкою, в Иртыш падающею, к востоку юртами Вагайскими, к югу холмом Атбашским, где после был наш острог, к юго-западу устьем Туры, к западу устьем Тавды. Далее же сих пределов кочевали союзники малозависимые или независимые: остятские князцы, барабинцы, киргис-кайсаки, ногаи, туралинцы Чингидинского улуса, князцы Вогульские, Епанчинский и Пелымский. Ханство Кучумово ныне вмещается в уезде Тобольском, как моллюск в раковине.

Потомство будет спрашивать, кто такой был Ермак**, облагородивший себя

* Искер по производству с яз[ыка] татарского значит старое городище, чем он и был до занятия Кучумова.

** Ермак сказывал о своем происхождении, что дед его был посадский Оленин, а отец, принужденный искать пропитание инде, сперва приютился на Усть-Каме, потом переселился, с прозванием По-

счастливыми успехами доблести, и в тех ли намерениях, в каких кончил знаменитое свое дело, было оно им предпринято?

История, редко не краснея за своих героев, с откровенностью отвечает за казака, превзошедшего свое имя, свое намерение, и ныне идущего среди потомства вровень с историческою пирамидою, — отвечает, повторяем, что Ермак принадлежит к особливому разряду людей необразованных, которым, как говорится, на роду написана большая игра желаний и надежд, поочередная смена удач и опасностей, которые, несмотря на тяжкие испытания, неуклонно стремятся к целям своих впечатлений и среди бедствий бросаются из отваги в отвагу, ощущая в духе какую-то мечту чего-то лучшего, пока схватят венок мечты или сделаются мучениками ея. Завоеватель Кучумова юрта действительно схватил венок свой, покорил страну, собирал дани и в очаровании самоудовольствия с месяц принимал подданство устрашенных аулов на свое имя*, а не на имя своего природного государя, которого столица за десять лет (1572) была превращена в пепел от крымцев, и чуть ли еще не пылала она в голове Ермака — хана иртышского, попрекаемого старыми расчетами совести.

Но приятно ли сибиряку, многократно любовавшемуся на Искере нагорным и подгорным ландшафтом, на Искере, где некогда кручинный Ермак с умилением выслушал милостивую грамоту царя Грозного, удовлетворенного отмщением хану-убийце, где с благоговением принял дары царские с двумя кольчугами, — приятно ли менять события важные, минуты торжественные на подозрения недобрые, в угодность исторической строгости?

Введением сим хотелось, да не удалось, сказать главнейше то, что промышленность звериная познакомила Россию с северною полосою Восточной Азии, что она же, чрез посредство промышленника вооруженного, каким представляется Ермак в первоначальном намерении, заманила Россию в Сибирь, и что Правительство с лишком полтора столетия, не иначе как по частной идее усвоения промышленности, управляло судьбою сей страны, не вдруг обратившей на себя лучшее воззрение.

Предыдущего изложения довольно, чтобы читателю не ожидать от нас сказок об истории татарской**. История

волжского, на Чусовую к Строгановым, с двумя сыновьями, из коих один назывался Василием, т.е. он сам. Тут Ермак привык к разгульной жизни на судах; после чего оставался шаг до известного промысла каспийских флибустьеров. Поэтому Ермак, с возвращением на Чусовую, увидел свою родину; следственно Горнашитская пирамида, для Тобольска вытесанная в память Ермака, может считаться поминком родины (из *Тобольского Сборника).*

* Фишер на стр. 134 и 135. То же у Миллера. Кажется, что Ермак, отправив Кольцова в Москву с донесением о покорении Сибирского царства и с богатым приношением даней, желал присылки войска, а не смены себе. Ибо, когда кн. Волховской от царя прибыл на Искер с 500 ратников и с преимуществом власти, Ермак перестает действовать, не заботится о продовольствии прибывших казаков, умирающих от голода и цинги, пока не скончался воевода Волховской. Тогда Ермак опять начинает принимать известные ему средства к обеспечению здоровья команды. Чему это приписать? Ошибке ли воеводы или оскорбленному честолюбию Ермака?

** С чего стали называть известные орды татарами? Этот вопрос, по словам о. Иакинфа, рассмотрен худо Клапротом; но и решением самого критика, помещенным в *Записках о Монголии,* решением натянутым, едва ли можно удовольствоваться.

Сибири для нас выходит из пелен самозабвения не ранее, как по падении ханской чалмы с головы Кучумовой. Касательно повествования о приобретении, заселении и дальнейшем завладении страны, с Урала до Авачинской губы, это дело сделано Миллером, светильником архивов, уже истребленных огнем и временем*, хотя оно сделано вполовину и, к сожалению, безвозвратно: историограф не спохватился выписать число сил, какими жили страна и управление. Хотите ли нравоописания сибирских племен и сличения их наречий? То и другое исполнено, на первый раз, хотя этнография наша, без коренного изучения наречий, в их историческом ходе, изображает одни наружности обычаев, кажущихся то смешными, то глупыми, без углубления в сокровенные основания. Равномерно и тонические своды наречий не во всей полноте удовлетворяют цели, для которой предпринимались те своды, т.е. для узнания сродства или чужеродства племен. При всем том, благодаря академикам и другим ученым мужам, преимущественно же мановению и мудрости монархов России, ученая история Сибири, со времени второго путешествия Берингова, сделала большие шаги на пути человеческого ведения. Миллер, Гмелин, Штеллер, Крашенинников, Делиль дела Кройер, Красильников, геодезисты и флотские офицеры, более или менее искусные, первые открывают на необъятном пространстве страны некоторый таинственный праздник, в тихом созерцании природы, во славу неизреченного Зиждителя. За ними поочередно восходят на горизонте нашем другие созвездия испытателей, но здесь не место именовать их, а лучше подумать, что остается еще сделать.

Что остается сделать? Этот вопрос щекотит сибиряка, который не приготовился быть ориенталистом для окрестных наречий и который не прицепился ни к одной ветви естествознания. Он мыслит, что возобновить в памяти сибиряков изменившийся состав управления, как быль, уже не существующую, напомнить постепенность мер и видов правительства, более или менее по обстоятельствам поспешествовавшего благоустройству или безопасности страны, выставить учреждения, ускорявшие или замедлявшие проявление сил жизни, а более всего представить жизнь частную и общественную, он мыслит, что это зов его, слышимый из-под развалин 250 лет.

Откликаясь на зов сей и принимая к сердцу как усмешку, так и скорбь родины, я недоумеваю только в одном: история страны невеселой, зимуя среди пестрых нравов и обычаев, без мечтаний славы, без проявления гения, без побед, без политики, история, не видавшая у себя Великих мира, кроме великих изгнанников его, наследовавшая вместо Эллорских храмов одни курганы или не прочитанные на утесах писанцы, и покоясь с одною книгою законов, под таинственным знаменем креста, безмолвно на вышине возносящегося, безмолв-

* Дела, столбцами писанные до 1700 г., замечены мною в Верхотурье, близ Туринска в Панаевой фабрике, в Нерчинске и Якутске. Есть и в Кузнецке до сотни столбцов, восходящих к царствованию Михаила и без описи легко исчезающих, как и недавно (после 1822 г.), было взято несколько столбцов бывшими начальниками. Не святотатство ли это для истории? Вообще старина юридическая попалась в опалу с открытия наместничеств, все прежнее было брошено с пренебрежением.

но, быть может, водруженного и в глубине сердец, оправдает ли скромное полуимя *Исторического обозрения!* Но, если были в стране свои отдельные обстоятельства, свои занятия при особых взглядах правительства, свои последствия, если заметны переходы в усовершенствовании быта частного и общественного, вероятно, читатель усмотрит предметы, не недостойные его размышлений, особенно когда представится ему самому возможность судить, чему и с которой поры Сибирь одолжена была возрастанием, не так скорым: характеру ли ея правителей или невольному шествию вещей; учреждениям ли, собственно для нее изрекавшимся, или влиянию общих государственных узаконений?

Чтение, по рассматриваемым переливам в бытиях страны, делится на неутомительные роздыхи, или периоды.

В тые дни не рекут к тому: отцы ядоша кислая, а зубы детем оскоминишася.

Пр. Иерем. XXXI, 29

КНИГА ПЕРВАЯ

с 1585 по 1742 год

Период 1
с 1585 до 1662 года = 76 лет

отделение первое
до 1631 г.

Глава I
обстоятельства СИБИРИ

1. Возобладание Сибирью. 2. Племена туземные. 3. Верования и черты из жизни. 4. Покорители. 5. ПЛАН завладения по линиям. 6. Оправдание первоначального плана. 7. Внешние враги. 8. Сибирь **в смутное время.**

1. Наследство, какое нам досталось от Ермака, есть мраморная пирамида да память благочестивого очувствования и воздержания, двух нравственных пауз, в которые, при наступивших предприятиях сомнительной развязки, не раз он одумывался и жил с дружинами по-христиански. Да! благоговейность и чистота суть преимущества вождей, свыше благословляемых, начиная с Навина вдохновенного до Суворова непостигнутого, вечные символы душевной доблести, какой иначе нельзя бы ни понять, ни изъяснить, при взглядах на удивительные дела Ермака Тимофеевича. Эти два иероглифа духа его, как две царские кольчуги, можно бы символически вытесать в качестве барельефов на гранитном подножии тобольской пирамиды.

Мраморная пирамида. Памятнику Ермакову, пирамидальному и четырегранному, собственное имя — обелиск. На сем обелиске высечены надписи со стороны ***З. — Покорителю Сибири, Ермаку, с Ю. - 1581, с С. - 1584, с В. — Воздвигнут в 1839.*** *Подножие из гранита вышиною в* 1,5 *ар., весу в нем до 5292 пуд. Вышина обелиска в 7саж., весу в мраморе 6431 пуд., не считая забутки внутри обелиска. В заключение нельзя не сказать, что обелиск в постановке явился на глаза не так высок, как мечталось. Этот памятник для памяти, а не для фантазии.*

Если неоспоримо, что от завоеваний необыкновенного казака ничего нам не осталось, даже и мнимой перекопии*, то возобладание Сибирью, возобладание не шаткое, конечно, было творением царским. Оно началось с 1585 г., когда первый русский городок явился на Оби, против последнего устья Иртыша, и, по слову воеводы Мансурова, привел пушечным выстрелом в трепет скопища

* *Письма из Сибири,* 1828 печат. В них доказана небывальщина Ермаковой перскопи и ничтожность *Сибирской летописи,* 1821 г. изд. Г. И. Спасским. *Энц. Словарь* в VIII томе еще продолжает уверять, что Иртыш будто бы ушел из Вагайской Луки в Миллерову псрекопь.

вогулов и остяков (1)*. Вот где опнулась русская держава над Сибирью и встревоженные остяки вызвались в 1586г. чрез старшину Лугуя вносить царюдвугодовой ясак (по 14 сороков соболей) на Выми, в том расчете, что после дани незачем русским являться на Обь: но остятская политика дала промах. Русская держава вскоре перенеслась в Тюмень, потом в Тобольск, из которого она распространялась смело и который в 1590 году сделался главным местом Сибири. В 1594 году правительство освободило кетского из остяков старшину Алачева с братом, за оказанное усердие, от платежа ясаку с 11 душ, дабы чрез них удобнее распространять и власть и дань ясачную. В 1596 году велено в сибирских городах принимать торговых бухарцев с возможным приятством и с привозимых товаров не брать пошлин, которые поступали уже в казну с покупателей подданных. В ноябре 1597 г. издан закон, что бежавшие, за шесть и более лет люди, чьи бы они ни были, остаются в своих убежищах. Этот закон придуман не для Сибири, но он, по уважению 6-летней давности, стал доброю закваскою Зауральской земледельческой населенности. С тех пор свободное новоселье русских в Сибири как бы благословлено законом, и отлучившиеся из отчин, из деревень, начали приселяться за Уралом, ктридцати семьям, которые по грамоте 3 мая 1590 года из Сольвычегодска посланы в Сибирь с лошадьми, коровами, овцами и земледельческими орудиями**; стали приселяться и к другим хлебопащцам, прежде и после того переведенным, как увидим в своем месте.

2. Какими же туземцами была населена Сибирь в то время, как русские спознал и ее до берегов Енисея? Теми же племенами, какие и ныне видим, в меньшем только числе поколений, которые, во время русского завладения или вымерли, или уклонились на юг: к последней категории относятся ногаи, киргизы и калмыки. Таким образом, племена западной или первоначальной Сибири состояли из остяков-финнов, как древнейших насельников, из вогулов-угров, потом из самоедов, позднее водворившихся, и наконец из татар турецкого происхождения. Вогулы называли себя манзи, остяки — хандихо, самоеды — хазови, а до совершеннолетия ниючи; они же от остяков прозваны урьягами, с чем сходствует и книжное название урянхаев. Что касается до татар, то они называют себя мусульманами, если не идолопоклонники, или слывут от мест, как то: барабинцы, абинцы, качинцы, кизилы или чулымцы, саянцы. К ним же причисляются, хотя и несправедливо, выродившиеся теленгуты, или телеуты, по корню калмыки, по цвету похожи на татар. Вся четверичная населенность с подразделениями, как и Восточная Сибирь с Камчаткою, была не иное что, как намыв обломков, выброшенных из Средней Азии, когда она пенилась переворотами племен, а пенилась многократно, во времена хуннов, киданей, нючжей, татаней и чингисханцев. Все они, по нынешнему обобщению, принадлежат к семейству финнов***.

* «Ссылки на грамоты и указы» в конце периода *(В. 3.)*.

** Акты Археограф. Экспедиции, том I.

*** Так говорю я в духе времени, но наизусть не верю, чтобы по всей северной полосе от восточного океана по Китайскую стену и Алаунскую возвышенность, до Лопии, все были финны. Ни черепословие, ни физиология, ни лингвистика не доказывают сходства.

Такая хаотическая смесь, если почтить татар исключением, смесь дикарей, существовавших звероловством и рыболовством, болтавших разными наречиями, следственно и принадлежавших разным странам и племенам, коих отчизны и места ими забыты, дикарей, скитавшихся за добычами по угрюмым ухожам, любивших, однако ж, ратную повестку сзыва, чувствительных к радости мщения, но неустойчивых, имевших какую-то связь с поколениями смежными, но вовсе не знакомых с понятиями порядка общежительного — эта сволочь человечества, скажите, не сама ли себя осудила на все последствия твердой встречи. Просвистала подле ушей Закаменных пуля из большой пищали, и Сибирь северная стала для России самородным зверинцем, кладовою мягкой рухляди.

3. Вот туземцы, которые пресмыкались от Урала до Енисея, по трем продольным плоскостям, из которых одна тундропромерзлая, другая лесисто-болотная и третья хлебородная, заселенная татарами, пахарями в одной крайности. Вот сограждане, поневоле примирившиеся с русским новосельем, потому что не бывало у них в руках огнестрельного оружия*, кроме лука и стрелы, страшной для зайца и тетерева. Они также не были знакомы с письменами, кроме татар, достигнувших письменности чрез чтение корана, в новый довод, что письмена букварные или гиероглифические идут рядом с религиею, начертываемою на камне, дереве, папире и пергаменте. Татары-мусульмане могли хвалиться догматом поклонения Единому Богу, в древности ведомому в одной Иудее, догматом великим и глубоким, но, к сожалению, у них запятнанным чрез присловие пророка-самозванца, мужа плоти и крови, и чрез утешение чувственности в мире и вечности.

Вогулы, разнящиеся от прочих и наречием, и особливостию истуканов, поклонялись, до призвания в христианство, изображению копья, в камне утвержденного, близ Пелыма, и далее по Тавде и Конде человекообразным кумирам, наряженным в облачения. Благоговение к копью намекает что-то важное, но теперь поздно отгадывать, когда вогулы превратились в христиан.

У остяков-нехристиан был и есть род кереметей, в которых отправляют странные молебствия и продолжают богомолье плясками и музыкою. У них есть стародавний праздник, доныне отправляемый, при котором в честь одного из главных идолов через три года топят в Оби, при начале губы (в Яровских юртах), оленей по сороку. Осенью с первого новолуния они по ночам празднуют и заунывными песнями как бы возглашают об оптимизме бывалой родины. Божатся водою, землею и волком, как предметами страшными, а медвежья кожа употребляется на подстилку присяги или клятвы. Сия орда, любящая пляску и песню, чувствительна к смер-

* О настоящих успехах инородцев можно здесь заметить, что самоеды ныне из ружья бьют птиц на лету без промаха; что, продолжая питаться по-прежнему сырыми животными и лакомиться рыбьим жиром, употребляют уже взварь из муки и печеный хлеб, для которого у русских обдорцев заведены огромные печи; что от любострастной болезни начали там спасаться взваром из сальсапарели; что, употребляя табак трояким образом, самоеды курят его с приложением моху, а остяки нюхают его с пережженною березовою губою; что дети вогулов и остяков крещеных, хотя и сызредка, учатся грамоте в Тобольске или Березове.

ти самых близких сродников, но с женским полом ведет расчет уничижительный. Остячка-родильница, отделяемая в особую юрту, для возврата к мужу очищается чрез окурку; всякая вещь, хотя бы то была веревочка, если случится через нее перешагнуть остячке, окуривается струею или пахучим веществом. Условия упомянутые не имеют места у самоедов*; но есть принадлежности, общие обеим ордам, так, например: детям их не дается имен, кроме шуточных, прежде поступления в повинность ясачного тягла, и тогда взрослым нарекаются действительные имена, заимствуемые из семейства предков. Женский пол ни в девстве, ни в замужестве не заслуживает имен. Не менее странно и то, что у сына самоеда не доспросишься об имени отца, если посторонний не вызовется сказать. Есть, без сомнения, в народном духе основания к такой сокровенности.

Самоеды, соплеменники манчелов, юраков, камашинцев, сойготов и карагасов, уклонившиеся на тундры Студеного моря**, начиная с Хатанги до Мезени, куда не может досягать ни образованность, ни порча человеческого общежития, но куда досягает оспа и вино, самоеды доныне сохраняют честность и правдивость. Они не имеют праздников и не чувствуют удовольствий от пляски, хотя с них бы надлежало начинаться этой гимнастике, толь приличной полярному климату. Одна склонность, общая самоеду и остяку, может помирить их с европейским самолюбием, и эта склонность — фантазия, они страстно любят свои сказки. Наука могла бы воспользоваться неожиданными изъяснениями, но кому подслушивать Шахеразаду их без ученого языковедения? Может быть, тогда узнали бы большую важность в лице шамана или шаманки, арктического Валаама и арктической Сивиллы.

Самоеды признают Бога небесного, именуя его Нум (Numen) и веруют в духов. Сверх того они возят с собою идолов, из дерева тесанных, поклоняются в разъездах и камню, и дереву, и чему вздумается, обмазывая чествуемый предмет звериною кровью. Не достает у самоеда только благоговения к светилам небесным, чтобы помыслить обличать их в неумышленном всебожии. Точно так! Самоед не поклоняется ни Солнцу, ни Луне и не обращает внимания на великолепное зрелище северного сияния; но не в этом он виноват, виноват, что чувство благое и набожное, каким нагрето сердце, расточает он пред вещами недостойными, подобно дитяти, искренно приветствующему своих кукол. Есть сильная причина уповать, что тот же перст, который трогает внутреннюю струну, дико, но всеместно воющую горе, настроит ее во свое время для гармонии истинной, духовной.

Все сии верования, русскими виденные от Урала до Енисея и какие они увидят далее по северо-восточному материку, пока не придвинутся к кумирням шагямонианского закона, покрываются служением шаманства как общим процессом суеверия. Шаманство происходит от легкомыслия знать свое будущее

* Напротив, по словам штурмана Иванова, самоеды печорские показывают к женщинам все пренебрежение, какое замечено между остяками. Надобно это предоставить дальнейшему испытанию, чтобы поверить разнообразность одного племени. *Четырехкратное пут.* Литке.

** Так называется Ледовитое море в сибирских летописях и в новгородских грамотах на Вотскую пятину.

и от самообольщения предсказателей, чрез мнимое их вопрошение духов, преклоняющихся открывать удачу или неудачу житейскую. При всей грубости, оно облагораживается происхождением от астрологии и родством с семитическим волхвованием, покушавшимся подражать вдохновениям пророков, человеков Божиих. Принадлежности, без которых шаман или шаманка не могут производить свой фокус-покус, требуют жреческого облачения, ночной поры, бубна, кружения, ускоряемого около раскладенного огнища, припева верных, вскружения головы или исступления, падения и самообагрения поддельного своею кровью по примеру лжепророков Бааловых*, вот чего требуют и вместе свидетельствуют о примеси древних языческих религий. Казак того времени смотрел на сцену шаманскую как на диво, промышленник — как на демонское игрище, а глаз верных, разумеется, — как на дело религиозное. В одном ли этом разительное разногласие, когда обыкновенно в точке зрения между божественным и демонским, между чудесным и естественным, помещается ум человеческий? Но разительнее всего неизгладимое свидетельство, что умилостивление неведомого Бога написано у всех на сердце.

4. Услышав теперь имя казака и промышленника, пора в благодарности признаться, что покорением племен зауральских Россия одолжена дружинам казаков**, старшинами предводимых по распоряжениям голов и воевод да вольнице промышленников, по большей части из Устюжского края на лыжах или нартах за Камень явившихся, с пищалью и луком за плечом. Последние (почти всегда) впереди обглядывали аул, число жителей, богатство уловов звериных; и, если не считали себя равносильными, соединялись с первыми, чтобы провозгласить найденных инородцев подданными московского государя и обложить их данью ясака, для царского величества. Это было законно, потому что дань есть послепотопная законность всего мира.

По следам сих покорителей, метавшихся направо и налево по рекам и речкам в лодках, а по льду и тундре на собачьих или оленьих нартах, и под стать на лыжах, по следам их воеводы, снабженные наказами, вновь назначали зимовья, остроги, после города***, не иначе, как с царских разрешений, выходивших по образцу грамот, дабы с теми вместе испросить прибавку военных команд и огнестрельных снарядов, для ближайшего взимания ясака с прилежащих улусов, равно и для удержания зе-

* Третья книга Царств. XVIII, 28.

** Под именем казаков в сем сочинении разумеются вообще все служилые того времени: дети боярские, стрельцы, подлинные казаки, литовцы, поляки, немцы, на войне взятые и посылавшиеся на службу в Сибирь. Это сокращение оправдывается тем, что все особые названия служилых после слились в имени казачьем.

*** Грамоты в Сибирь насылались из Приказа Посольского при сыне Грозного, не успевшего при себе ничего установить для правления Сибирью, потом, с 1596 г., из чети дьяка Вахрамея (Варфоломея) Иванова, правившего Сибирью под диктантом боярина Б. Ф. Годунова; потом, с 1599 г., из Приказа Казанского Дворца, тогда заведыванного двумя дьяками, и наконец с 1637 г. — из Приказа Сибирского, в котором всегда заседал кто-нибудь из важных лиц. Если правда, что при сыне Грозного Сибирь считалась степным отъезжим полем, то больше правды в том, что укрепление этой страны за Россией принадлежит царю Борису.

мель и самих жителей в подданстве к государю.

Заметим вообще, что предприятия завладения не всегда шли от севера к югу, а иногда от середины к северу и опять от севера к югу, в виде огромной латинской буквы W, прорезываемой продольными линиями. Надобно заметить и то, что год заложении какого-нибудь укрепления есть время покорения окрестных улусов. Даром лес не падал под топорами казачьими. Некоторые из укреплений разорялись от неприятелей и потом возобновлялись, некоторые же от перемены обстоятельств уничтожались или изменялись в деревушки, так что имена старинных мест впоследствии часто не соответствуют историческому значению или превышением или ниспадением.

5. Дабы беспристрастно оценить правительственный план завладения, проведем в своем уме IV линии укреплений, повременно тянувшиеся вдоль Сибири и под конец склонившиеся к северо-востоку по Лене, а отсюда впоперек к югу, как бы в подпору линий недочеркнутых: потому что они, по ту сторону Енисея и Кана, долго колебались без водружения.

I. На Главной линии заложены*: Верхотурье (1598 г.), Туринск (1601), Тюмень (1586), Тобольск (1587), остроги вверх по Иртышу: Каурдацкий, Тебендинский, Ишимский ниже устья Ишима, и все три — 1630; опять города и остроги : Тара (1594), Томск (1604), Мелес-

* Несмотря на числовую пестроту, признано за лучшее означить города и остроги в порядке топографической последовательности, с отметкою года стройки, дабы одним взглядом видеть поспешность или медленность исполнительности управительной. В пополнение того здесь вкратце показывается, с какими иноплеменниками имели дело города и остроги 4 линий.

Верхотурье — с вогулами, жившими по рр. Ляле, Лозьве, в предгорьях Урала, а на правой стороне с теми же родами и татарами по рр. Тагилу, Туре и Верхней Нейве. После были на время приписаны Сылва и Чусовая.

Туринск — с вогулами и татарами вверх до устья Тагила.

Тюмень — с татарами туралинскими, так прозванными по ограждению юрт от соседних наглостей. Главные неприятели Тюмени: ногаи, киргизы, кучумовцы и калмыки.

Тобольск — с вогулами по Тавде, к северу с остяками, с окрестными татарами и бухарцами прежнего водворения.

Три острога вверх Иртыша — с татарами, частью с барабинскими.

Тара — с татарами, киргизами, кучумовцами и калмыками.

Томск — с татарами, жив. около вершин Томило Нарыма, с чатскими, жив. по Оми, потом по Оби, с телеутами, киргизами и калмыками.

Острог Мелесский, 57°17' **ш. по Мессершмидту** — с татарами чулымскими и кизыльскими, с виду похожими на якутов, киргизы и сюда вбегали для грабежа.

Ачинск — построен на Июсе собственно для преграждения киргизских вторжений. По разорении снова построен при той же реке, на другом месте, где ныне.

Красноярск — с татарами кестенскими, жив. по левую сторону Енисея, аринами, котовцами, тубинцами, камашинцами между Каном и Енисеем. Они то подданные, то неприятели, заодно с киргизами и бурятами.

Лозьва — с вогулами предгорий, после отшедшими к Верхотурью и Пелыму.

Пелым — с вогулами по Сосьве, частью Тавде, с Кондою Малою и Большою.

Березов — с остяками до Обдорска, частью с самоедами и вогулами по Сосьве.

Сургут и Нарым — с остяками обскими. Нарыму добровольно поддался татарский род, именуемый Еушта.

Кетск — с остяками по Кети, озерам и речкам окрестным. До постройки Енисейска и Красноярска воевал с аринами и тунгусами, а с Мангазеею затеял спор о так называемых енисейских остяках, говорящих особливым наречием.

ский около 1620-го на Чулыме, Ачинск (1642), Красноярск в Тулкиной землице (1628). Окончательный проспект сей Главной линии до Байкала обозначится с точками заселения и времени во 2-м отделении периода. Мы называем эту кривулю главною не по действительному проезду той поры, но по срединному положению и по будущей просеке сообщений, потому что водяной путь по северной параллели предпочитался долго правительством и купечеством, несмотря на неудобства климата и широты.

II. На северной параллели застроены города и остроги: Лозьва ненадолго, до появления Верхотурья, Пелым (1592), Березов и Сургут (1593), Нарым и Кетск (1595), Маковский (1618), а Вельский после Енисейска, застроенного в 1619.

III. Третья линия, из всех древнейшая, прокрадываясь севером с берегов Выми, Мезени и пр. при указании затесей на лиственницах или при руководстве живых урочищ и в разные времена года, убегая от себя самой то на воды, то на тундры, или в разлоги гор, представляла дорогу промышленничью. Было время, что пустозерцы, ходившие водяным путем до городка Рогового, устроенного вверху р. Усы, зимою проезжали к самоедам, которые, нуждаясь в ножах, топорах, копьях и прочих заповедных товарах*, служили им оленями и прикрывали тайнопровозителей.

Было также время, что от Архангельска и других приморских мест плавали в губу Карскую, из нее в Мутную, а отсюда перетаскивались на реч[ку] Зеленую, падающую в Обскую губу. Эти и подобные пути, писанные то на воде, то на мхах, правительство силилось запретить и затоптать, начиная с царя Бориса. Городок Обдорский и ост[рог] Мангазейский (последний в 1600 г.) созданы были именно для пресечения беспошлинной и заповедной мены между поморскими торгашами и самоедами, и царь Борис предписывал (2) мангазейским воеводам разведать между торговцами, где лежит их дорога, летняя и зимняя, где по ней становья и городки, дабы годные из них обратить в государевы городки. В самом деле, некоторые проезды узнаны, выставлены на них от городка Обдорского две заставы, Картасская и Собская, а в 1603 г. разрешен переезд чрез тамошний Камень, так как бы удостоверялось, что нет обходных путей.

Маковский — для охранения судов, оставляемых в вершине Кети. После была тут поверка таможенная при погрузке товаров китайских — нет ли недосмотренных.

Вельский — для поддержания сообщений и земского порядка.

Енисейск — частью с остяками от Кети до Енисея, тунгусами, чапогирами, тасеевский род долго не поддавался.

Мангазея — с самоедами юрацкими, не исключая пясидских; впоследствии юрацкие самоеды, удалясь к левому берегу Енисея, разместились по тундре между лиманами Енисейским и Тазовским.

Зимовья туруханские и инбацкие — с самоедами и тунгусами, долго не поддававшимися острогу Кетскому.

Остроги Южной линии — служили для ограждения от набегов со степей Миасской, Исетской и Абатской, которая разумелась преддверием степи Барабинской.

Кузнецк — имел дело со многими родами разных племен, жив[шими] до Абакана, пока Красноярск не вошел в свои права, и с теми же неприятелями, которые были и у Томска, т.е. стелеутами, киргизами, калмыками, а подчас также с кистимцами, тулыбартами, бирюссами, койбалами, бельтирами и прочими саянцами.

* Прочие заповедные товары были ружья, свинец, порох и панцири. Едва ли они могли быть привозимы мелочными торгашами?

В 1620 г. правительство, разведав о потаенных проходах торгашьих, решительно запретило переезд чрез Камень, и не иначе как в ворота Верхотурской таможни. Подобным образом в 1631 г. решено пресечь полуводяную тропу от Оби к Енисею, тянувшуюся пореч[кам] Тыму и Сыму. Потаенный провоз спрятался было в ш. 64° в протоках Ваха и Елогуя, где опять приперли его дозорные заставы. Если посудить по сим примерам, сколь трудно вывесть из ума хитрую любостяжательность и привесть ее в послушание государственной полезности, то не лучше ли вместо застав, тут и там являвшихся, также незаветных и также продажных, не лучше ли бы не пугать торговли безместными требованиями? Тогда пошла бы она в таможенные ворота, стала бы качаться на весах и хвалиться штемпелем. Это урок не историка, а истории, к сожалению безвременный, потому что царствовавший тогда тариф был с двумя руками, внешнею и внутреннею.

К сей линии, от Обдорска чрез Мангазею проходившей, надобно относить зимовья: Туруханское и инбацкие, учрежденные около 1609 г. Далее за Енисеем эта линия пойдет по Нижней Тунгуске на Вилюй.

IV. Вот и Южная линия, в двояком намерении брошенная, дабы приурочить от степей плодоносные и вместе приятные места, и оградить притом цепь Главной линии от набегов неприятельских. На ней поставлены остроги: Катайский (1658 г.), Исетский при оз. Лебяжьем (1650), Ялуторовский на Тоболе (1639), Тарханский при устье Туры (1631), Атбашский при Вагае (1633), Кондобский вверху р. Кондомы для объясачения бирюсинцев, Кузнецкий при устье Кондомы (1618г.), среди абинцев, знавших плавку руд. На том и кончалась эта линия. Во все продолжение первого периода линия больше по имени, чем по делу, потому что ведена без опоры на собственных ея концах, в далеких отвесах от городов, и связывалась не единовременно, беспечно, не так, как первые линии. К сей же линии, часто прорываемой, но почти всегда неприступной в своих замках, хотя и деревянных, надобно отнести два острога, Сосновский и Верхотомский, в 1657 г. явившиеся на плодоносных почвах, для перерезки вторжений и для связи с своим городом.

6. Показав перечень завладения Сибирью, сперва быстрого, потом медленного, и признав сие завладение творением царским, мы, сыны Сибири, должны в лице Бориса Феодоровича Годунова чтить искусного хозяина, разумно и деятельно принявшегося за дело нашей родины, несмотря на худую славу, какую он наследовал за изуродование архангельской промышленности при царственном зяте, чрез непомерное угождение вольностям английского торга*. Устроитель Сибири, сперва в качестве ближнего сановника, потом в сане государя, дабы безвозвратно связать Сибирь с Россиею, развил в течение 20 лет, от подошвы Урала к Енисею, непрерывную прогрессию сил, ряд замков и городов, взаимно себе помогавших, как ряд редутов, надвое разрезавших племена подозрительной верности. К северу очутились отделенными вогулы, остяки, частью татары, самоеды, тунгусы —

* Грамота от 29 марта 1588 г. об исключении англичан из таможенных сборов в Архангельске. Акты Арх. Экспед., том I.

племена, в идее подданства движимые, как их стрелы, и также виляющие после минуты направления. Параллельная Северная линия, разъединив в свою очередь однороднее и надзирая за их расположениями, совершенно с севера обезопасила главную просеку водворений. С картою в руке не лучше можно бы распорядиться. Укрепления в Обдорске и на Тазе, заставы на западном берегу Оби со стороны Обдорска, и другие заставы к Енисею, по правилу подражания позднее брошенные, представляют в Борисе государя, умеющего раскидывать сеть таможенную; в самом деле, если уже решено, что между Сибирью и Россией все привозы и вывозы подлежат в Верхотурье пошлине, то нет и побочных дорог, кроме указной. Можно бы в духе пререкания унижать план устройства подставною мыслью, что естественное направление рек само руководило назначением водворений — можно бы; но не в том ли и выражается ум государственный, чтобы уметь пользоваться раскинутыми силами природы, пользоваться берегами как основаниями населенности, реками как дорогами страны неизведанной? Потом, если в первых десятилетиях не было, по-видимому, думано о начине укреплений, к верховьям рек, с юга в Сибирь вливающихся; не очевидна ли и тут осмотрительность управления в первой половине периода? Конечно, хан Кучум, дважды разбитый двумя тарскими воеводами кн. Елецкими, после послания к ним с красноречивым оглавлением исчез с 1597 г. с глаз Сибири, не сождав царской приветной грамоты; но его ли одного надлежало остерегаться со степи?

7. Взгляните на юго-восток, по опушке тогдашней Сибири, и исчислите неприятелей! Там обитали:

а) По сю и по ту сторону Уя, обсеянного, так сказать, архипелагом озер, роды ногаев*, господствовавших над башкирами восточно- и западно-уральскими, которые, с уклонением господ за Волгу и Дон, стали развивать отдельное бытие, но бытие освобождающихся рабов знаменуется озорничеством и разбоем.

б) Племена киргизов**, в древности кочевавших и за Байкалом, а в последние два столетия скитавшихся от Абакана до Яика и при случае готовых завиваться около наших водворений, как степные пески около кустарных прутьев.

в) Татары-магометане, не разлучившиеся грезить о восстановлении опустелого Искера, по обольщениям кого-нибудь из Кучумовой родословной.

* Ногайская орда, не вся подчиненная одному князю, у которого в лучшее время было под рукою до 300000 м. подданных, стала упадать с 1556 г. и переселяться к Дону и Крыму, потому что по взятии Казани и Астрахани пресеклись ей способы к грабежам. Унижением сей орды Россия обязана уму царя Иоанна, хорошо знавшего: divide et impera. Он, привязав к себе милостями ногайского владетеля, не оставлял жаловать и других мирз, ему не послушных. В XVII веке оставалось вверху Яика немного отдельных мирз, с которыми башкиры уже вели себя наравне.

** О. Иакинф различает кэргизов от киргизов, т.е. монгольских от самоуправляющихся; но разность зависимости чту за основание для различения племени? Знаю, что у бурят забайкальских киргизские кладбища называются могилами кэргетов, но, пока другой Абульгази не докажет, что у кэргетов и киргизов были два родоначальника, монгольский и туркестанский, дотоль не для чего изменять имя орды. Кстати, заявляю, что и в Сибири есть клочок бурутов, живущих в степи Кырме, недалеко от Манзурки в Иркутском уезде.

г) Далее по наклонам, простирающимся от Большого Алтая почти до вершин Ишима, калмыки (усунь, древние иссидоны), по изгнании монголов из Китая составлявшие союз ойрадов, потом исчезнувшие в безвестности и в первые годы XVII столетия приведенные в брожение самовластием чоросского поколения тайши Харахулы до того, что при народном ропоте, превратившемся в раздор, иные поколения пошли прочь, и начали в 1606 г. роды их выбрасываться даже на сопредельные степи Сибири. Две страны, Сибирь и Чжунгария, движимые одним началом единодержавия, представляли два противные явления; одна из малодушия дробится и разметывается, другая в мужестве разметывается и все подбирает в царскую десницу. Обе стерегутся столкновения. Соседка северная почти через полтора века увидит, как новое ойратство падет и расшибется в скалах Алтая и Богду; тем не менее полтора почти века надлежало Сибири стоять на страже, и не без досад.

д) Ателенгуты? То присягают России, то отпадают как бы в свою улику, что в них борются две жизненные стихии.

е) Далее к юго-востоку, между систем Алтая и Саянадо вершин Енисея, урянхаи (сойиоты), отделившиеся в состав владения алтынхана*, у оз. Убсы кочевавшего, и двоемысленно являющегося в сценах Сибири то подданным, то независимым, но постоянно вероломным, постоянно корыстолюбивым.

При толикой толще недоброхотов кавказского и монгольского облика, разнящихся с нами происхождением, языком, мнениями, верованием и всеми образами жизни хищно-пастушеской, благоразумно ли было бы выказывать свои намерения к распространению южной границы? Вот для чего управление сначала усыпляло соседей то отправлением своих посланцев с гостинцами, то ласковым приемом их переговорщиков, честя приезжих угощениями и взаимными проводами до кочевья их родоначальников. Поведение расчетливое, чтобы не раздражать тех, с кем нельзя искренно сдружиться, стоило бы неизменного подражания и в следующее время.

8.В столь щекотливом состоянии Сибири, весьма обширно обхваченной малою горстью русских, легко чувствовать, каким сомнительным помышлениям предавались градоначальники ея в смуту и потом в междуцарствие. Перевороты царственные носились над главами, как неожиданные тучи над горами Уральскими; новые лица, как кровавые столпы северного сияния, выступали, двигались, блистали холодным светом и сменялись. Очарователь Отрепьев в июне 1605 г. повелевает сибирским воеводам привесть всех жителей к присяге на подданство ему, как природному государю; в декабре лицемер приказывает пелымским начальникам вырыть тело скончавшегося в заточении боярина В. Н. Романова и отпустить в Москву. В мае 1606 г. инокиня царица Марфа, в подтверждение правительственной грамоты, возвещает сибирским воеводам, что Гришка Отрепьев не сын ея, что он, как самозва-

* О. Иакинф в *Истор. об. ойр.* уверяет, что урянхайский владетель был подданным чжунгарского (чоросского) тайши; но со слов Фишера можно заключать противное. Посмотрим, что скажет акад. Шмидт.

нец, вор и богоотступник убит, а избран на царство Василий Иванович Шуйский. В декабре 1606 г. новый царь уже извещает верхотурских воевод о приходе под Москву возмутителей-казаков. В июле 1610г. послана и в сибирские города окружная грамота о сложении царем с себя короны и о вручении правления кн. Мстиславскому с другими боярами. В декабре 1610г. временное правление извещает Сибирь об избрании на царство Владислава, сына Сигизмундова. О град православных, венец славы, веселие всей земли, что сделалось с тобою? В июне 1611 г. воеводы, освобождавшие Москву, посылают в Сибирь окружную грамоту о вероломстве поляков и требуют утверждать всех жителей в борьбе против врагов отечества. В 1612 г. тобольские воеводы читают послание (от 10 июня) военачальника кн. Пожарского, готового двинуться с ополчением к Москве в такой силе, что в Великом Новгороде, занятом шведами, без нарушения православной веры и без разорения жителей, помышляют об избрании шведского королевича, и потому русский Камилл просит у всех сибирских воевод совета в толь великом деле.

Заглянем же, что в эту годину делалось в Сибири. Горестные вести о плачевных событиях, переносясь чрез Урал, без утайки разглашались вогулами, остяками и татарами, радовавшимися беде русской и уже не помнившими о примерной милости, какую царь Борис даровал им льготою от ясака на весь 1600 год. Еще в 1607 г. пелымские вогулы, условившись с остяками сургутскими и самоедами, замышляли разорить Березов, но благовременною казнью зачинщиков несчастье было упреждено. В 1609 г. вогулы, остяки и татары, в надежде на помощь калмыков, мечтали разрушить Тюмень и в распространении этого умысла участвовала новокрещеная жена кетского князьца Алачева, так что стрела с вырезкой злых духов, как обычная повестка к восстанию, пересылалась из юрт в юрты, пока не попалась в руки березовских казаков. Гиероглиф остятский изменил тайне злоумышленников, и был свидетелем смертного приговора, совершившегося над главными из них. Такой же участи подверглись преступные весельчаки из пелымских вогулов, подмеченные на тамошней варнице в нескромной радости. В 1612 г. вогулы, затвердив, что в России нет царя, еще раз покушались сжечь Пелым, но воевода при малолюдстве казаков умел управиться с глупцами. Легко понять, что и южные соседи, ногаи, башкирцы, кучумовцы и калмыки, знали о помрачении Москвы, светозарной для них даже в ея хвосте, но от чего-то не могли произвесть ничего важного, кроме стычек, из которых казаки всегда выходили с честью. Такова звезда Сибири, что, несмотря на остановку военных подкреплений, снарядов и провианта из Сольвычегодска, Вятки и Перми, с 10 января 1609 г. тщетно поджидаемых до 1613г., несмотря на болтливость беглых простолюдинов, как газеты, распространявших уныние, несмотря, что из Приказа редко насылались кой-какие разрешения с прописанием имен, при царском титле повелительных, держава Русская в Сибири не помрачалась. Отдадим справедливость правителям сибирским, которые, не поддаваясь ни слухам времени, ни внутренним или внешним покушениям, единодушно пребывали верными долгу,скипетру и отечеству, не

терпели крамольных толков*, не выводили также покоренных иноплеменников из терпения, хотя и не все были чисты на руку.

Только в отдаленной глуши, какова Сибирь тогдашняя, только среди думы и раздумья, каких не могли в себе преодолеть главные тобольские воеводы кн. Катыре в-Ростовски и и Нащокин, можно оценить всю торжественность окружного послания кн. Трубецкого и Пожарского, в последних числах декабря 1612г. писанного и полученного сперва в Верхотурье, об очищении Москвы от врагов отечества. Верхотурский воевода Годунов пишет, что там с полными слез глазами воздали хвалу Богу, и пели молебствия во всех храмах, со звоном, по три дня. Наконец запись Московского земского совета, в феврале 1613г. разосланная во все города, об избрании на царство Михаила Федоровича, разлила радость по Сибири. И как не радоваться о восстановлении природного престола?

ГЛАВА II
учреждения

1. учреждения низшие. 2. Ясак. ***3.*** **Гоньба** ямская. 4. **Десятинная** пашня. 5. СЛОБОДЫ. 6. **Распорядок Сулешева о пашне.**

1. К счастью, предшествовали смутной 8-летней године учреждения, без которых Сибирь в беспомощное время должна бы выпить горькую чашу. Учреждения, сверху помянутых, были следующие:

а) В 1606 и 1607 гг. устроен в Соликамске ям из 70 ямщиков, с парою лошадей у каждого, с тем чтобы возить воевод и дворян в Сибирь зимою с кладью по 15 п[удов], летом по 4 п[уда], а где сидят сами — одной епанчой и с насущным хлебом; сибирских же казаков, посылаемых в погоню за беглыми, возить за поверстные прогоны. Мосты к Верхотурью мостить от земли пермской.

б) В октябре 1609 г. разрешено, для понижения хлебных цен в Сибири, возить туда из-за Урала хлеб на вольную продажу, с тем чтоб воеводы не отбирали у продавцов хлеб на имя государево**. Само собою разумеется, что ограничения, в грамотах помещенные, гласят о притеснениях ямщикам и продавцам.

в) Около 1597 г. в умягчение ропота со стороны вогулов дозволено им продавать ножи, топоры и другие железные вещи неопасные. При неблагодарности, какую они оказывали, не осталось им по крайней мере утешения жаловаться на недоброхотство русского правительства.

г) После скотского падежа, в первые годы нового столетия в Тюменском округе и городе случившегося, крестьяне тамошние наделены от казны купленным рогатым скотом, и позволено черемисам и татарам скотоводцам безданно

* Посольству 1618г., отправленному к персидскому шаху, наказано в случае речи о Сибири отвечать, что во время смуты никто там не соблазнился, а все прилежало к Москве. *Древн. Вивл.,* Учасіь.

** Акты Арх. Экспед., том II.

прогонять скот на продажу в Тюмень и Туринск. Начались ярмарки.

д) В 1607 г. даны канцелярские печати Тобольску, Верхотурью и Березову для наложения слепков на товары, пошлиною очищенные (а в 1625 г. даны новые печати всем сибирским городам).

е) По неудачным опытам, какие предпринимались для выварки соли по Пелымскому округу на трех варницах, одна за другою следовавших, о чем с 1600 г. настоятельно пеклось Тобольское воеводство, возложено на Тару довольствовать Сибирь солью из прилежащих соляных озер. В 1610г. встретилось затруднение от калмыков, овладевших теми озерами, но сильным казачьим отрядом трех городов восстановлено прежнее право на добычу сол и, а через другую вооруженную посылку Западная Сибирь ознакомилась в 1613 г. с богатою ямышевскою солью. Всеми сими распоряжениями правительство разматывало на новоселье русском нити своей власти, хозяйственности, законности; и мы намерены попространнее упомянуть о прочих учреждениях, больше обеспечивавших твердость власти общим порядком.

2. Сия дань взималась соболями, лисицами, бобрами, песцами белыми и голубыми, куницами, горностаями, рысью, белкою и зайцами лучшего, разумеется, разбора. Ясак был троякий: а) податный по 10 соболей с женатого и вполы с холостого по установлению Бориса, как будто и женщины звероловствуют, б) десятинный, т.е. десятый зверь всякой породы, в) поминочный, или поклонный, которого количество определялось доброю волею и усердием приносителя к особе царской и к наследнику престола. Правило, чтобы платить ясачный от 10 до 20 соболей, сначала при покорении новых волостей объявлялось, но редко исполнялось. Так, например, пелымские вогулы в 1598 г. внесли ясака 68 сороков, но в 1609 просили сбавить ясак до 7 соболей, как установлено по Тобольскому уезду. Прошение уважено не без условия, но в 1609 г. получено с них менее и против уступни. У правительства не было неумолимой строгости. Затем, во уважение старости, болезни или увечья, давалась свобода от ясака и еще требовалось, чтобы ясачные сами привозили дань свою в город или острог. Но в продолжение времени вошло в обычай у воевод посылать казаков за сборами. Правда, царь Борис запретил (3) сборщикам брать для себя поминки из обещаний рассрочки и возить с собою товары для подмены рухляди высокоценной на плохую, какую они достают за свои лоскуты; но впоследствии вкралось столько подлогов и ухищрений, что ни наказы государей, ни обещания милостивые, ни угрозы гневные не довольны были к прекращению рассчитанного грабежа. У воевод, разумеется не всех, рука руку мыла.

В 1623 и 1624 гг. воеводствовал в Тобольске боярин кн. Сулешев черкасского происхождения*, в два последовавшие царствования с похвалою упоминаемый. Он, как предано памяти в П. С. Законов, сделал для Сибири положение о сборе ясака и о десятинной пашне: мы тотчас увидим распорядок его о пашне, но в чем состояло положение об ясаке, нам не случилось встретить того нигде. Думать надобно, что, по уменьшении уло-

* Берг, издатель *Царствования Михаила,* неосновательно подозревает Сулешева в измене на сторону Владислава, по внезапному отъезду его из-под Смоленска в Москву. Боярин спешил донести об уловке неприятеля царю, который не перестал отличать его пред прочими, и притом кн. Сулешев не был под Смоленском в числе военачальников.

вов звериных, он представил уменьшительное расписание ясака, и притом с расчислением на деньги. При покорениях по Енисею и далее количество ясака ограничивалось добровольным приносом и некоторою надбавкою при вымогательстве.

3. Переезды в Сибирь и обратно были бесчисленны, не говоря о должностных пересылках с Москвою. Одни воеводы, чрез три года приезжая и отъезжая семейственно, иногда и барски, с большим поездом и трехгодичными запасами, хотя бы запасы и не превышали установленной впоследствии меры, должны бы вконец разорить прилегающих к дороге инородцев, если б те же реки, при которых основаны города и остроги, не способствовали летом к сплаву транспортов, начиная с Верхотурья до Тары, к северу до Березова и Мангазеи, к востоку до Нарыма и Маковского. При всем том требовались люди в нарочитом числе, когда суда тянулись против воды.

Насчет сухопутного переезда, сверх помянутого по Соликамскому яму, в июне 1607 г. огражденного от самовольства проезжих чинов и казаков, мы читаем историческое свидетельство в жалобе 30 лялинских вогулов, дошедшей до Бориса в следующих подробностях: у них было в течение 1598 г. 320 лошадей, на которых возили ясачную казну, воевод и всяких служилых людей в один конец до Соликамска, а в другой — до Тюмени или Пелыма; в течение года лишились 123 лошадей, узд и седел. Государь, в грамоте на Верхотурье, повторяя челобитную, предписывает (4) воеводе уменьшить ясак с вогулов-челобитчиков, впредь ограждать их от обид, от насильного завладения лошадьми и вообще беречь их, дабы не вздумали разбежаться. Этим не кончилось дело: с 1600 г. началось действительное переселение ямщиков с семьями в Верхотурье, на Тагил, в Пелым, Туринск, Тюмень и Тобольск, хотя и не в том порядке, в каком — мы пишем; впоследствии же число их умножилось прибылыми охотниками, понаслышке о приволье в землях и промыслах. В других местах, где было уже довольно посадских, велено записывать в ямщики из них с денежною подмогою от города.

В правление царя Михаила в 1637 г. заселены на Нижнем Иртыше два яма: Демьянский и Самаровский ямщиками из-за Урала*. Нельзя в жителях сих поселений не приметить и ныне духа русского, духа деятельности, старинной набожности и старинной чинности в платье. Я проезжал там лет за десять. В одном из следующих периодов доведется возвратиться к сей статье; а теперь скажем, что во многих по Сибири местах заметны нравственные и физические отделы людей, чему и нельзя не быть в стране, слишком разноместной и разнообразно заселенной, без общего народного образования, которое одно может приводить свежие поколения в лучший образ. Но кто бы пожелал изменения в трудолюбии и набожности двух помянутых селений?

4. Царь Борис, осведомясь, что пашнею занимаются татары только около Тюмени и в Табаре по Тавде, в 1599 г. назначил Тагильские юрты на пашню с тем, чтобы вместо ясака взимать с них хлебом для казенных житниц, а между тем ускорил отправление крестьян с Камы, начиная с Лаишева, и распреде-

* В *Геогр. Слов.* Щекатова показаны переселенцы из Сольвычегодска, Чердыни и Соликамска; но в этом случае вероятнее сказание устюжского летописца, говорящего, что в 1637 г. отправлено в Тобольск 500 семей и 150 девок, для женитьбы казаков, из Вологды, Тотьмы, Устюга и Сольвычегодска.

лил всех их под продовольствие команд городских и острожных. В 1609г. (от 6 августа грамота) велено отправить в Пелымский уезд, в Табары на пашню 50—100 охочих крестьян с мирскою подмогою и с обещанием годовой льготы при водворении; но и в 1613 г. Пелымское воеводство не имело своих хлебопашцев. Из наказов царских не видно определения обязанностей в рассуждении казенной пашни, вероятно потому, что сия повинность, происшедшая от половничества, как обычная в России, должна и в Сибири быть исправляема по принятым обыкновениям; только то известно, что татарам табаринским и тюменским, еще в 1596 г. облегченным, она не полюбилась. Первые по вторичному прошению освобождены и перечислены в ясак, из последних же несколько бежало в степь Исетскую. Рим во свое время, по одинаковому с Россией побуждению, учил покоряемых народов своему земледелию и не терпел отговорок или отбывательств. Но за Уралом не Италия.

В наказах последующего времени видна таже неопределительность десятинной пашни, которую надбавлять на крестьян предоставлялось рассмотрению воевод. Одно установление, небывалое в Сибири, впрочем основанное на естественной ответственности всякого промысла общему благу*, было следующее: со всех обывателей, с подьячих, торговых людей, не исключая священников и диаконов, занимающихся для себя пашнею, брать 4-й сноп из хлеба доброго, 5-й из среднего, 6-й из худого, заставляя самих хозяев обмолачивать снопы. Установление сие, более века остававшееся в силе, не отменялось и земскими распоряжениями известного боярина кн. Сулешева. Прежде нежели коснемся распорядка его о десятинной пашне, посмотрим наперед, как и где заселялась крестьянами Сибирь.

5. Посмотрим не по преемству времени, а по порядку и падению рек, держась Верхотурья, как оглавления, с предварительным пояснением, что слободы заселялись или непосредственным попечением воевод, или услугою поверенных, слободчиками прозванных, чрез вызов в обоих случаях казенных крестьян из северных уездов нынешних губерний: Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской. Переселенцам обещаемы были льготы в подати или пособия хлебом и деньгами. Такой порядок завелся в 1613 г.; однако ж не следует думать, чтобы прежде того не было добровольных переселений, как уже замечено при 6-летней давности 1597 года. Притом с 1602 по 1607 г. опять крестьяне, получив законную свободу бродяжничать, властно переходили в Сибирь, и порядочные селились близ новых городов. Эта переселяемость уже не прерывалась, по обстоятельствам смуты, и потому по допущению самого правительства, смотревшего на то равнодушно не только до 1687 г., но и до первой народной переписи. Но дело у нас идет о дозволенном заведении слобод.

Завелись слободы.

По Сосьве — Гаринская (1623 г.), по Тавде — Табаринская для пашни, особая от иноверческой (1618), Еланская и Тавдинская — около 1620 г.

При перевале за Урал — селение Павдинское с таможенным постом в 1598 г. как преддверие Верхотурья.

По Туре — подгорная Верхотурская не позже 1623 г.**, Меркушинская (1620),

* Оно законным языком после выражено. Гл. XIX, 3. Уложения.

** Руководитель Миллер относит основание этой слободы к половине XVII века; но как Сулешев упоминает о ней в своем распорядке, надлежало ей существовать прежде.

Епачинская (1604), Благовещенская (1639), Туринская (1645).

На Тагиле, при разделении дороги Верхотурской на Туринск или Нейву — Тагильская и Мугальская (1613 г.).

По Нейве — Краснопольская (1645), Мурзинская (1639), после прославившаяся кристаллами, дер. Алапаиха тогда же, Невьянская (1619) и выше ея Невьянский монастырь с селением, прежде (1621) бывшим. Последние два водворения, как родина моих родителей и прадедов, из Устюжской четверти переведенных по воле патриарха Иова, достовернее для меня, чем северный Туле Птолемеев земного шара. В первый раз, и это было в 1778 г., увидел я Нижненевьянский деревянный острог со стрельницами, и как я тогда удивлялся этим твердыням, могшим превратиться в пепел от искры! После, как уже язык мой познакомился с Горациевым словом: nil admirari, я смеялся над простотою неприятелей Сибири, до Ницы вторгавшихся, что они в полтора века не надумались, как пепелить деревянные наши твердыни.

По Режу — Арамашевская(1631), Ключевская, или Зырянский Ключ, после.

По Нице — Михалева, Рудная, где в 1631 г. началась плавка железной руды. По тогдашнему неуменью и по трудному добыванью руды из болотного урочища плавка была маловажная, но ради первой находки толь необходимого металла дело считалось весьма важным в глазах тобольского управления. Далее по Нице явились Ницынская (1622 г.), Киргинская (1633), Чубарова (1624), Верхницынская (1627), Бабровская среди прелестного ландшафта, Красная (одногодка с Чубаровою, после переименованная в ост. Краснослободский) и Усть-Ницынская (1645 г.).

По Ирбити — Белослюдская среди открытых видов (1644), Зайковская, Жмакова, Усть-Ирбитская (1645 г.). Это не та Ирбитская, которая после полюбилась торговле и которая, засев в 1635 г. на самом устье при Нице, справедливее могла бы называться именем самозванки. Усть-Ирбитской не было уже при Миллере.

По Пышме — Пышминская, Беляковская (около 1646) и некоторые починки.

По Исети — Далматов монастырь (1644*) и Рафаилов монастырь (1645) на живописном месте, за пять лет до Исетского острога, с которым он мог чрез колокольню перекликаться знаками, в случае набегов.

Надобно взглянуть на пространство, между Турою и Исетью заключающееся, на эту живую трапецию с плодородною почвою, с текучими водами, с красивыми берегами, с веселыми местоположениями, которые сменяются увалами или наклоненными равнинами; надобно видеть, чтобы понять, сколь много было побуждений для водворений, которые сперва, как говорится, клик кликали, а после доброю волею с запада сбегались и приселялись тихомолком. Это пространство, само собою после насаждавшееся людьми, было рассадником для распространения русской населенности за Енисеем.

6. Теперь выносим на суд учреждение боярина и воеводы Сулешева, с тем предварением, что оно было последствием правительственной заботливости, какая началась с 1621 г. насчет камеральных в Сибири сведений о земледелии частном и казенном, о количестве земель, о заселении пустырей, о торгах и промыслах, о доходах, о поименном числе жителей (5). Кстати заметить мимоходом, что 1621 год достопамятен для Сибири по воззрению как хозяйственному, так и

* Об основании Далматова монастыря в П. С. Законов, № 15786.

нравственному. Последнее скоро увидим, но вот учреждение Сулешева: верхотурский подгородный крестьянин, обрабатывающий на государя 1 десятину в поле, и вдву потому ж, пользуется для себя землею вполовину; тамошний же крестьянин, обрабатывающий для казны по 2 д[есятины] в каждом из трех полей, имеет для себя по 15 д[есятин] в каждом поле. В тагильских селах за 2 д[есятины] казенных имеет для себя по $12^{1}/_{2}$ д[есятины]. В ПелымеДуринске, Тюмени и Тобольске за $2^{1}/_{4}$ д[есятины] казенных в каждом поле пользуются для себя уже по 10 д[есятин] в трех полях; а 1 $^{1}/_{8}$ каз[енных] д[есятины] получают для себя по 5 д[есятин] в каждом поле. Вот распорядок кн. Сулешева!

Трудно ныне постигнуть причины разнообразия в пропорциях, определенных, вероятно, особливыми нуждами местности, а не расчетами разностей почвы; понятно, однако ж, коренное основание учреждения, т.е. кто хотел увеличивать доход казенный, тот вправе увеличивать и собственный, как награду за усердие к казне. Награда уменьшилась от Верхотурья кТобольску в порядке чисел: $3,2^{2}/_{5},2$, из чего можно бы заключить, что земли к Тобольску представляли большие ценности, иначе — больше населенности, но заключение сие, само по себе сомнительное, опровергается сравнением земли пелымской, вовсе не пахотной, с тобольскою и тюменскою, и тем еще, что русская населенность, как известно, началась числительнейшею оседлостью между Турою и Исетью, минуя возвышенность Урала. Равномерно трудно отдать себе отчет, для чего обработка одной казенной десятины в Верхотурье штрафуется уменьшением права на землю, а в Тобольске и в других городах идет в порядке своей пропорции. Останавливаясь на огромности участков земли, какие назначались за услугу казенной пашни, можно сделать себе вопрос: была ли возможность пользоваться толь обширным хозяйством? Сим самым, надобно думать, и высказывается безгласное переселение беглых из России людей, и свидетельством тому служит примолвка, в царских грамотах иногда употреблявшаяся, чтобы воеводы, вновь определяемые, означали число прибылых душ.

Далее читаем в П. С. Законов, что тот же распорядитель установил детям боярским и другим служилым, пашнею для себя занимающимся, производить хлебное жалованье не сполна, а с зачетом собственной пашни, принимая уже в рассмотрение разность земель, где оне находятся: в Тюмени ли, вТобольске, Таре или Томске. К сему прибавочному учреждению, которое лучше обдумано против первого положения о десятинной пашне, впоследствии сделано другое применение, как увидим во втором периоде.

ГЛАВА III
учреждения высшие

1. учреждения высшие. 2. Наказы. *3.* Вечные письмена Христианства. 4. Сближения с урянхаями и торготами. 5. Связь и правление Сибири.

1. Из распорядка сулешевского уже видно, что, через рассчитанное хлебопашество» он установлен для обеспечения Сибири служебной в продовольствии. Здесь кстати пояснить, что сибирские города делились у правительства на хлеб-

ные и бесхлебные; что к бесхлебным сперва причислялись: Березов, Мангазея, Сур гут, Томск, Тара и временно Пелым, куда для хлебного жалованья на 1609 год (по грамоте от 13 января) велено было вышепомянутым западным городам отпустить 9750 четвертей ржаной муки, круп и толокна; что в бытность Сулешева Пелым, Тара и Томск уже поступили в число хлебных мест; что для прочих северных городов и во втором периоде, когда Сибирь уже вошла в силу земледельческую, сбор денежный в счет хлебных запасов не переставал продолжаться с западных городов от Устюга до Соликамска, в меньшем, конечно, количестве, по усилению местного хлебопашества, ободренного мерами Сулешева; что равномерно и денежное жалованье служилым шло с тех же городов, во мзду богатых сибирских отпусков мягкой рухляди; что этот порядок продовольствия хлебного и денежного продолжался, кажется, до первого трактата с Китаем, т.е. до 1689 года, пока с помощью Нерчинского торга и других совокупных доходов начали покрываться расходы Сибирских штатов.

До сих пор мы видели учреждения земские, но не видели основных учреждений управления, вероуправления христианского, ни суда, ни расправы. Государевы наказы, воеводам даванные, вечные истины вероучения и Соборное Уложение, на смену Судебника устарелого, вот письмена, которые надлежит считать в том времени основными законами Сибири, с тем замечанием,что наказы, до учреждения в 1621 г. архиепископской кафедры, были единственными начертаниями тогдашнего благоустройства во всех отношениях. В сих зерцалах, отливающих к потомству подлинный туск жизни сибирской, мы увидим, как все там шло по букве наказов.

2. Извлекая из П. С. Законов один наказ 71 19 лета (6), как тип наказов, какие следовали до самого почти открытия Сибирской губернии, мы надеемся сим памятником оживить идею минувшей Сибири. В нем изображены права и обязанности властей.

I. По управлению		приказному
II.	«	военному
III.	«	казенному
IV.	«	земскому

По управлению приказному предписывалось

а) По приезде на место взять у предшественников все государевы грамоты.

б) Доносить о пограничных движениях орд и разведывать, нет ли в них намерений против сибирских водворений.

в) Чинить расправу по правде, без лицеприятия.

По управлению военному

г) Взять ключи города и крепости (острога), осмотреть укрепления острожные, городские и поправить их.

д) Поверить порох (зелье), свинец, снаряды пушечные, ядра, ружья и сабли — по книгам.

е) Пересмотреть налицо и по книгам детей боярских, литовцев, атаманов, казаков, стрельцов и всех служилых, в числе которых состояли немцы и татары.

и) Объявить всем служащим, что великий государь пожаловал их на нынешний год хлебным и денежным жалованьем.

к) Держать город или острог с осмотрительностью от неприятеля, высылая на приличные места конных стражей.

По управлению казенному

л) Поверить денежную казну по книгам,

м) Освидетельствовать мягкую рухлядь во всех статьях и поверить количество связок всякого зверя по книгам.

н) Казну мягкой рухляди сбирать с ясачных без оплошности; не присвоивать себе шкур высокой цены и не давать сборщикам пользоваться от сборов, высылая навстречу им верных людей ко времени возвращения из волостей.

о) Не заменять жалованья дачею рухляди, а всю сполна отсылать в Москву,

п) Из каждой волости, по приезде воевод, повестить ясачных по два человека лучших, принимать их воеводам не иначе как одетым в цветное платье, притом в окружении служащих, прилично также одетых и вооруженных; объявить им в Приказной Избе жалованное царское слово, уверить их, что великий государь прислал новых воевод для охраны их покоя и животов от притеснения и корыстолюбия. Почему и посоветовать им сказать с откровенностью, не было ли им от сильных людей обид, тесноты, прижимок. Наконец, повелевалось на казенный счет угостить приглашенных ясачных, накормить и напоить гораздо (или) как мочно.

р) Освидетельствовать хлебные запасы в казенных житницах по книгам.

с) Умножить хлебные запасы для казны, раскладывая десятинную пашню на семьи с надбавкою и взыскивая повинность сноповую (пособную).

По управлению земскому,
или полицейскому

т) Пересмотреть налицо и по книгам пашенных крестьян и обывателей.

у) Позволять торговать только в гостином дворе для умножения анбарного сбора, воспрещая всякую мену в домах или деревнях заграничным приезжим (бухарцам), служилым людям, подвергая нарушителей строгому наказанию и остерегая себя и своих родственников от такого поползновения. Крепко смотреть, чтобы черно-бурых лисиц и дорогих соболей никто и никому не смел продавать, усвоивая их одной казне.

ф) Крепко смотреть, чтоб никто и нигде не варил пив, медов и не содеял вина под опасением заказнения посуды и денежного взыскания с производителей и питухов.

х) Взыскание удвоять и утроять в две последующие поимки, с прибавкою тюремного заключения и телесного наказания в третий раз.

ц) Для свадьбы, именин, крестин и поминков позволять подавать челобитные о праве сварить меду или пива и по ним удовлетворять с установленным взятьем за четверть пива и пуд меду.

ч) Самим воеводам ничем не корыствоваться из ясака или хлеба, ничего возбраняемого не закупать для себя ни в городе, ни в уезде чрез родственников, служащих или посторонних угодников под опасением опалы.

Кто не почувствует, сколько было ума, совета и мудрости в Царской думе? Кто опять не поболезнует о мнении, в каком тут представляются правители Сибири? Кто не видит стеснения для промышленности и житейских потребностей? Кто из живых сынов Сибири не поздравит себя с запоздалым рождением на свет, а не в том веке, когда сибирячки били соболей коромыслами? Слава Богу, что далеко откатился от нас этот век! Судя по воспрещениям наказов, надлежало или жить в лишении обыкновенных житейских отрад, или выку-

пать необходимые отрады у воевод*. Но утешимся!

3. Утешимся и поспешим к новым храмам Вечной Премудрости, к храмам, без пышности срубленным за гребнями скал: Растесной, Конжековской, Павдинской и других таких же гор, на горы вздвинутых, покрытых на севере снегами до половины июня, а на юго-западе зеленью. В храмах сосновых или кедровых, явившихся по берегам рек, сыны России, странствовавшие между идольских мольбищ и мечетей, начали возносить славословие Богу Триединому; в них души, утружденные переходами житейскими и, быть может, томлениями совести, начали отдыхать духовно, как в древности сыны Израиля телесно отдыхали при источниках Элима, осенявшихся финиковыми пальмами.

Еще царь Борис разумел эту жажду душ православных и соорудил церкви в городах и острогах, построенных во дни его царствования**. Он украшал алтари иконостасами, царскими вратами, утварями и посылал церковные книги, свечи***; и все это шло из самой Москвы, и все это, как родное, радостно напоминало про святую Русь русским, так далеко зашедшим за Камень. Конечно, сердце и чувства нагревались, умягчались, но довольно ли того для паствы, так отдаленной и так рассеянной? Смутное время прояснилось, народное разорение умягчилось, сближалась пора благоустройству; и патриарх, отец юного царя, помышлял, что в Сибири недостает жезла архипастырского, недостает светильника для великой страны и властей ея, безотчетно господствовавших. К удивлению, первые семеналожной жизни, направление к праздному провождению времени, игра в кости (зернь) и в карты, вспохватливость к обманам, сперва невинным, были заброшены в Сибирь литвою, служившею в рядах с казаками, не замедлившими тому же научиться, как видно из грамоты царя Бориса в Мангазею (7). Чем больше проходило времени, тем далее распространялось это худо, усиливаемое извинениями места и дня полярного. Чувственное житье магометан и идолопоклонников, не осуждаемое ни верованиями, ни их нравами, бессемейность казаков, одиночками отправлявшихся в страну нехристианскую, военная и удалая их жизнь, одурелость промышленников, давно с роднёю расставшихся, падкость к прибыткам, выдуманная безгрешность обирать и обсчитывать некресть, наконец, новая покатость к смелостям после государственного потрясения, там и сям заявившая себя, и веселая беззаботность, пенившаяся из кружечных дворов, в 1617г. в Сибири открытых,

* Нарочные следователи присылались из Москвы для исследования правления главных тобольских воевод: боярина кн. И. С. Куракина, боярина М. М. Годунова, стольника кн. Ф. А. Телятевского. Это происходило между 1619 и 1633 годами.

** В правление царя Бориса построены церкви: в Тобольске 1601 и 1602 годов Вознесенская, Троицкая и Никольская, все три на горе; в Тюмени (в 1600 и 1601) — Рождественская и Борисоглебская; в Туринске(1604) — Покровская; в Верхотурье того же года — Николаевский монастырь; в Березове(1603) — Воскресенская, равномерно и в Мангазее. Конечно, в те же годы строились церкви в Пелыме и Таре, но нет в виду прямого известия. Всего удивительнее, что в юртах князьца Алачева, в 1599 г. обратившегося в христианство, построена церковь около 1602 г. — там, где ныне Кондинский монастырь.

*** Борис также назначил священнослужителям жалованье денежное и хлебное. Следственно, оброчная сноповая повинность взыскивалась с белого духовенства, возделывающего землю, как с земледельцев, а не как с духовных.

представляла при безгласности приходского духовенства картину жизни языческой. Казаки, увлекшись обычаем многоженства, вздумали иметь жен не однех, то чрез обольщения из России привозимых, то понимаемых в улусах и особо содержимых по городам и на отъезжих постах; но тех и других, иногда венчанных по воеводским приказам, они закладывали и мало заботились о выкупе их и участи детей. Благочестивый Михаил, лишь только отдохнул от внешних государственных дел, поспешил в 1621 г., по мысли родителя-патриарха, пресечь в Сибири поток безнравия, толь ненавистного церкви и престолу, назначение в Тобольске кафедры архиепископской, могущей стыдить пороки сильных и назидать слабых, примерами увлеченных. Киприан, первый архиепископ Сибирский, получил в 1622 г. обличительную грамоту, в которой описаны нравы русской Сибири гораздо явственнее против нашего очерка (8), получил с тем, чтобы прочитать ее с пояснениями в тобольских и прочих церквах епархии, при собрании воевод и жителей; разумеется, что голос, поддерживаемый твердостью уважаемого монарха и родителя-патриарха, воздействовал над необузданностью, над легкомыслием, и церковь Сибирская впоследствии уверилась, что в душах сынов ея не погас лен курящийся. Таким образом, воззвав паству к правилам веры, Киприан возгласил вечную память казакам-победителям, положившим живот свой при первом покорении Сибири, и тем привлек к алтарю Вечного Агнца сердца храброго сословия. Не. нашего пера зов, чтобы исчислять увещания, настояния, добрые учреждения по духовенству и подвиги сего архипастыря, в служении Богу-Слову и в сооружении храмов подъятые; мы только исторически заметим, что проповедь Евангелия в Сибири, как и *Летопись Сибири,* начались вместе с иерархией, по доброй связи дела божественного с человеческим. Киприан, отобрав изустные известия от остальных сослуживцев Ермака, положил начало столбцу историческому.

4. Между тем Томск, не унывая от вероломств, какие испытывал со стороны поддавшихся разноплеменников, уже в 1616 году простер свои виды за хребты к юго-востоку и послал пригласить Урянхайского владетеля в подданство московского царя. Вера и успокоенная Москва усугубляют смелость Сибири. Русские протоптали сквозь хищных улусов дорогу к куреню урянхайскому, а урянхайские посланцы препровождались к Москве на готовом иждивении, но в 1620 г. Алтын-хан, как корыстолюбивый лицемер, покинут русскими с негодованием.

В то время южная пустыня озер заиртышских, прерываемых группами гор или холмов, в параллели от 50° до 55° была вовсе не знакома Западной Сибири. Торготские тайши, как несогласные на первенство чжунгарского диктатора Хара-Хулы, оставив отечественные кочевья, пошли к северо-западу искать независимых кочевьев. Из помянутой параллели, где меньше могло быть столкновений с ордами киргизскими, калмыки, не столько внимательные к намерениям старшего тайши Урлука, сколько к добычам, начали с 1621 года выступать на степи: Миасскую, Исетскую, Ишимскую, а на Барабинской их же братья бесчинствовали уже с 1607 г. Передовые толпы, разведав о сибирских городах и острогах, при одном случае послали своих выборных в Тюмень с предложением мирного соседства, в то время как Приказ, соскучив расходами угощений и подарков, бесполезно расточавшихся на приемы маловажных

азиатцев, запретил тратить казну на подобные лакомства (от 30 октября 1623 г.); и поэтому присланные калмыки были приняты в Тюмени с пренебрежением. С сих пор умножились набеги калмыков, вспомоществуемых еще кучумовцами и ногаями. Ч срез девять лет (в 1632 г.) Приказ разрешил обосляться с тайшами, предложить им мирное соседство, с неприкосновенностью сибирской границы, также свободу взаимной мены, в противном же случае, как впоследствии прибавлено, отражать силу силою. На сей конец действительно были отправлены к значащим тайшам гонцы с условиями и подарками. Урлук и другие, будучи довольны частью переговоров и подарков, согласились на предложение тем с большим удовольствием, что и не желали ссориться с храбрым соседом, и замышляли откочевать за Яик; но от тайшей, оставшихся по уходе главных, и не меньше от других, кочевавших к озеру Чанам, наглости продолжались по границе с прежним неуважением. Сибирь на протяженной границе не знала и не ведала главы грабителей, потому что Хара-Хула имел отдаленную от Сибири войну с киргизами, войну, в которой, по общей ненависти, потухали внутренние распри ойрадов. Провидению угодно было прикрыть русское насаждение, которое было и юно и зелено, соседнею ссорою и потом войною, как благотворным облаком. Не очевидно ли, что оно помогало рассадке христианства, хотя и внешнего, на первых порах?

5. Воздадим же благодарение Богу, что огонь Православия к 1629 г. засветился впотьмах кочевой страны от подошвы Урала до Енисея, что Русский дух и Русская жизнь зажглись по всем сторонам Тобольска от Верхотурья до Тюмени, от Тары до Томска, от Мангазеи до Кузнецка и от Красноярска до Енисейска. Города, остроги и зимовья явились по большим и вливающимся в них рекам, падающим к северу. Конда, Сылва, Обь, Таз, Пясина, Хатанга с низовьем Енисея, Кан, Чулым и Томьосмотрены больше или меньше, и орды везде положены в ясак, силою увещания или оружия, раз навсегда: ибо ясак, однажды взятый, влек за собой вечную обян занность подданства, сколько крат не изменили бы объясаченные. И за это правило Сибирь не щадила своей крови и устояла в правиле.

Заселение Сибири равномерно совершалось и в христианском разуме чрез сооружение часовен, церквей, монастырей и соборных храмов. Общее правило тогдашних русских: где зимовье ясачное, там и крест или впоследствии часовня; где водворение крепостное: там церковь и пушка, ибо среди значительных отрядов, по благословению то больских первосвященников, обыкновенно путешествовал священнослужи тель со святынею. А где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь, кроме церкви

За всем тем обыкновенный путь сообщений от Тобольска к водворениям на Енисее лежал по Иртышу, Оби и Кети пустынной, но в летнее время обсаженной черною смородиной, чрез остроги, означенные в прежних перечнях линий. Барабинская степь*, от Тары

* По словам о. Иакинфа, Бараба еще до Р. Х. отдана была хуннами китайскому полководцу в ленное владение. Желательно бы прочитать не копию с пожалования, а описание урочищ и примет, чтобы согласиться, что королевство **Динлин** точно Бараба. Бараба нами названа от Барамы — одной татарской волости.

до Чаусска разлегшаяся промеж туземных татар, признавших над собою власть российскую, не представляла, однако ж, постоянно верного проезда к Томску, исключая казачьих дружин, по причине частых впадений со стороны калмыкских тайшей и сообщников киргизов или родовичей Кучумовых. Первые считали барабинцев своими подданными, вероятно, по праву старого ойрадского союза, давно рушившегося; и выскоблить память этого права, основанного на богатстве оленей, лосей и других ценных зверей, какими тогда изобиловала Бараба, стоило Сибири многих битв, переговоров с калмыками и опять битв.

Томск и Кузнецк, богатые рыбною ловлею и окружаемые плодородными окрестностями, ожидали крестьянской оседлости, которая местами и началась под непосредственною защитою мест укрепленных. Красноярск, по распоряжению Тобольского воеводства выстроенный расторопным дворянином Дубенским, красуясь среди живописных видов, завел вскоре по р. Кану зимовье, жатвы, сенокосы, а около себя заимки и, кажется, не предвидел предстоявших бедствий, когда в 1631 г. торжествовал над киргизским родоначальником Иженеем. В случае нужд служебных сей город пересылался с Томском, по примеру Тобольска, чрез казачьи дружины, которые брали про вожатых у спопутных инородцев. Что касается до Енисейска, он, стоя в тылу от затейливых и переметывающихся племен, разбрасывал зимовья по Тунгускам и становья на задах к Томску, сверх остр. Вольского, Мелесского и Рыбенского, в запас для переду сделанного (1628 г.) на Верхней Тунгуске.

В сем напряжении дел и умов воеводства: Мангазейское, Енисейское и Красноярское, соответствуя порывам своих команд, заглядывали порознь за преграды рек к востоку, получали ясак, с кого и сколько можно было, и слушали нелепые вести о заенисейских племенах и о больших у них колоколах*. Приказ, как одобрявший полезные замыслы, усмотрел необходимость в 1629г. объявить Томск вторым областным городом или, как тогда писалось, велел Томску сидеть своим столом, приписав к его ведомству Нарым, Кетск с воеводским правлением, Енисейск, Красноярск и Кузнецк с зависящими от них острогами и зимовьями. Поэтому в разряде Тобольска остались города: Верхотурье, Пелым, Туринск, Тюмень, Тара, Сургут, Березов и Мангазея, с малыми острогами и зимовьями.

Здесь место изъяснить, что воеводство областное (Тобольское или Томское) состояло из 2 воевод, одного главного и товарища, из 2, иногда 3 дьяков, еще из 2 или 3 письменных голов. В звании последних бывали и стольники. Средние воеводства, как то: Верхотурское, Тарское, Мангазейское, Енисейское и т.п., вверялись по большей части 2 воеводам, из Москвы присылаемым, при письменном голове и дьяке, вместо которого бывал с приписью подьячий. Малые воеводства, куда назначение воеводы зависело от областного,состояли из одного лица и подьячего с приписью или без приписи. О Томском воеводстве как областном надобно прибавить, что штат его всегда был малочисленнее против тобольского. Впрочем, несмотря на степени и преимущества воеводств одного пред другим, не было установлено

* Не прилетают ли на р. Тунгуску дрозды-звонари? Тогда бы звон и трезвон надлежало приписать живым колоколам.

зависимости органической, в чем виною Приказ, как непосредственно списывавшийся порознь с воеводствами и еще требовавший, чтобы каждое воеводство, середнее и малое, отправляло ясачную казну в Москву, прямо от себя. По недоверчивости не было в Сибири совокупности, не было управления; разъятые части принадлежали к целому отдаленному, к Приказу, не мыслившему об единстве частей и заботившемуся об одном итоге ясака.

Сей 1629 год печальный не столько для Тобольска, сколько для сибирской истории, у которой пожаром тогда похищены все свитки сибирских воевод со всеми бумагами канцелярии, этот год по крайней мере достопамятен тем, что по распоряжению московского патриарха Филарета, в благодарение Всевышнему, даровавшему наследника престола, царевича Алексия, и в ознаменование народной радости, Сибирь во все воскресные дни пела весь год молебствия с колокольным звоном. Целый год пели, звонили, молились истинно по-русски и вымолили у Вечной Премудрости Законодателя. Молитва за Богом не пропадет; пусть и история помнит пословицу русскую, как истину незабвенную, вечную.

Между тем служилые русские, полные упования и духа, переходят Енисей, великую реку, так прозванную в царских грамотах, но мы остановимся на четверть часа, дабы оглянуться на следствия прожитого времени и былого управления.

Глава IV
СЛЕДСТВИЯ

1. Внутренние притеснения. 2. Пограничные тревоги.

1. Местные правители, особливо в отдаленном краю, если измеряют только силу власти, им вверенной, и утешаются впечатлением страха, легко выступают из мер справедливости и при малом неудовольствии предаются жестокостям, притеснениям, пока не будут смягчены пожертвованиями притесняемых. Корыстолюбие есть спелый плод неправды, подобно как озлобление, скрытное или вспыхнувшее, бывает мздою корыстолюбия. Прожитое время Сибири не скудно примерами. В 1606 и следующем году остяки совокупно с соседями намеревались разрушить Березов; в 1608 г. затевались так называемые бунты — Нарымский и Кетский. В 1616г. сургутские остяки убили 30 казаков, и все эти преступные дерзости, оглашенные именем возмущений*, что другое означали, как не болезненные припадки отчаяния, как не такие ж сцены, какие П. С. Законов передано о Тарском бунте, в грамоте 7116 лета? Тут государь (7) поставляет на вид новоопределенным в Тару воеводам, что ясачные барабинцы, не стерпя вымогательств и насильств, предместниками их кн. Шаховским и Кайсаровым, равно и низшими подчиненными деланных, вместо первого намерения выжечь Тару с деревнями, лучше решились откочевать.

' У Миллера и Фишера.

Почему приказывается преемникам воевод исследовать поступки предшественников, а бежавших татар обнадежить прощением и льготами. Люди служивые, судя по словам летописей того времени, именуют описываемое беспокойство бунтом, а угнетенных бунтовщиками; но, когда Верховный Правитель прикрывает возмутившихся милостивым воззрением, кого должна судить история? Тех ли, которые, полагаясь на высокое покровительство, в царских грамотах всегда завещанное подданным, и которые, взнося в казну уреченную дань, не могли только насытить мамону исполнителей, и каких исполнителей! Не уважавших ни верования, ни обычаев племени платящего и никогда не подававших ему ни совета, ни наставления в житейском быту?

История не одобряет резкого поведения барабинцев, потому что российские государи всегда являлись благосердными к воплям инородцев, но не может за словом царским и обвинять их. Могло быть даже, что от сведения притесняемых бедняков с намерением скрывали отраду правды монаршей.

2. Чему надобно приписывать разорения, опустошения и истребления, южными соседями нанесенные Сибири впервой половине периода? Без сомнения, разным причинам, и мы наперед исчислим из Фишера бедствия по годам, чтобы тем основательнее дознаться до самых причин.

В 1606 г. киргизский родоначальник Намча послал жену к томским воеводам просить о принятии его в подданство, но воеводы насильно сняли с нея соболью шубу, в которой она явилась; кто ж виноват, что родовичи озлобленного мужа пристали к нашим недругам? В том же году калмыки, как прежде замечено, делали разорения в Тарском округе, оглашая барабинцев своими подданными, среди которых и кочевать расположились. В 1610 г. ногаи напали на Тюменский округ в окрестности Исети. В 1622 г. киргизы разорили Томский округ. В 1624 г. кузны, сговоренные телеутами, отложась от нас, отказались платить ясак, а телеуты, разорив все встретившееся, подступали к Томску. В 1628 г. калмыки из числа торготов, кочевавшие между Тоболом и Миассом, отомщая за пренебрежение, уже нам известное, разорили всякую оседлость до Пышмы. В том же году киргизы с аринцами делают нападение на Красноярск. В 1630 г. Аблай, внук Кучумов с телеутским родоначальником Абаком, зорит Томский округ. В 1632 г. тот же Аблай делает поиски по Тюменскому округу и, через 3 года прорвавшись до Ницы, выбрасывает пламя в две слободы — Чубарову и Верхницынскую; плен был воздаянием его злодейств. В 1634 г. толпа калмыков опустошила Тюменский округ, а другая толпа, вместе со внуками Кучумовыми, упражнялась в грабеже по округу Тарекому.

Все исчисленные бедствия протекали из того: а) что Приказ Казанского Дворца не обращал должного внимания на безопасность по границе; б) что он же, не давая полномочия или перевеса воеводству Тобольскому в общей связи сибирского управления, разрушал сею недомышленностью единство всего целого; в) что поэтому смежные воеводы не принимали совокупных мер против вторжений, а были и такие, которые избегали требовать пособий, дабы не быть в необходимости делиться добычами, у неприятеля отнимаемыми; г) что Приказ, сперва запретив принимать посланцев и потом в 1633 г.

возвратись к прежнему гостеприимству, обнаружил только бессилие наших водворений, не обезоружив неприятелей, которые уже хотели переведываться силою, после отказа в уважении соседства; д) что воеводы, раздробляя малочисленные команды на новые предприятия вперед да вперед, для удовлетворения алчности, оставляли при себе так мало ратников, что некого было выслать в поле, не обнажив стрельниц крепостных. Рассчитывая неприязненные вторжения и собственные вины, мы передаем на волю читателя вопрос: кого следует больше обвинять за бедствовавшую границу, самихли себя или неприятелей?

К счастью новонасаждаемой Сибири, курени главных властелинов красовались при младенчестве ея, как и во время Дизабула, на юге Алтая и Саяна, в благоприятнейшем климате: след[овательно], мы имели неприятелей на своих руках, или толпы, отторгшиеся от цельных толщей, или клочки, вторгавшиеся от имени последних.

отделение второе
до 1662 г.

ГЛАВА V
обстоятельства СИБИРИ

1. Дела за Енисеем, с предварительным взглядом за границу. 2. Начало Илимска. *3.* Начало Якутска. 4. Отдельное Якутское воеводство. 5. Деятельность двух томских воеводств.

1. В то время как мысли и силы двух областей Сибири собирались к востоку, горы Алтая и Саяна как бы понизились; от главных куреней словно дымом наносило на Сибирь, и областные воеводы смотрели за хребты не без внимания. Хан урянхайский, томимый алчностью, в 1632 г. сам подает Томску конец дружелюбного снура, который в 1620 г., по собственной его вине, порвался и никогда хорошенько не сплетался. За вызовом Алтын-хана опять начались лады и уверения, переговоры и пересылки, подарки царские и дани, ханом присылаемые, так ничтожной цены, что, если бы свести счеты, далеко не стоили бы издержек, употреблявшихся на одни проезды посланцев мнимого вассала. Сношения с ним описаны у Фишера так подробно, что нет более нужды тратить даже страницу на бесплодный рассказ о поступках владетеля, вовсе не исторического.

Какое-то замечательное лицо мелькает там, за Алтаем; и в то же время, как бы по сочувствию ревности или по современному воспоминанию чингисханского века, дом маньчжурский пошел большими шагами к престолу Китая. Лицо замечательное есть тайша Батор, сын Хара Хулы, участвовавший в правлении, как видно из Фишера, прежде отцовской смерти. В 1635 г. Батор, принудив мечом или убеждением большую часть ойрадских тайшей признать себя

за единодержавца, вместе с тем принял и титло контайши*.

Сначала Чжунгар самовластный представляется дружелюбным к Сибири, потому что он по доброй воле возвратил Таре прежде захваченных барабинцев с тысячью лошадей, обещавшись не только впредь возвращать беглецов, но и помогать Сибири в войнах, с невозбранным притом дозволением брать ей соль из оз. Ямышева, как и пользовались ею тобольские и тарские команды с 1613 г., не всегда, однако ж, бесспорно. Воеводство Тобольское, узнав через Тару о миролюбном вызове контайши, отправило посланцев на р. Или уверить его во взаимной готовности помогать ему против неприятелей, включая в договор и то, чтоб он своих подданных вывел из пределов Сибири и возбранил тайшам делать вторжения и обиды. На все согласился глава ойрадов, присовокупив, что за услуги ожидает лучших подарков и, как после оказалось, панциря непроницаемого, постельных собачек, индейских кур, свиней и боровов, верно для хутора, иной бы подумал, напротив, для прожектируемого города, по словам самого контайши. Но потому ли, что Батор кончил войну с ханом Туркестана (города, в древности созданного пресловутым в Персии Джемшидом) и возмечтал о своей непоколебимости или, по надеждам предзаятым на бывшем в 1640 г. съезде в его Урге монгольских властителей**, для прослушания степного уложения, им составленного, снисхождения Московского Двора побудили контайшу не к признательности, а к неожиданной дерзости и к нарушению прежних условий в рассуждении прав на Барабу, хотя можно предполагать, что при съезде монгольском было главным предметом не присвоение предпочтения чжунгарскому главе, а совещание об успехах и последствиях маньчжурской предприимчивости.

Но возвратимся из Урги илийской к шествию Сибири.

Итак, русские, имея шаг на Верхней Тунгуске, повторим теперь, с твердостью переходят великую реку около 1636 г.***, памятуя из воеводских наказов два слова: ясак и месторождение руды золотой или серебряной. Переходят и открывают для себя новый мир — трех сильных и многочисленных племен: бурят неопрятных, тунгусов крепких, якутов проворных и всех как побе-

*Хонь-тайдзи, по письму Иакинфову, а по выговору покойного Игумнова — ХуньТайджи, но я следую употреблению государственных бумаг. Отчего бы Батору не называться ханом, если бы, по уверению Иакинфа, отец его действительно пользовался этим титлом? Стало, что неправда уверение ориенталиста. У него все родоначальники ойрадские пожалованы в ханы до тарготского урлука. Но правительство наше в приведенном им самим договоре 1655 г. и последовавшем в Сибирь указе видит одних тайшей. Еще о. Иакинф в *Ист. об. ойр.* поминает о престолах в каждой юрте нового тайши всех 4 поколений в полуторавековой их безвестности, подобно как у Фишера повсеместно повторяются принцы Кучумова поколения. Такая безрасчетность в словах, имеющих высокое и определенное значение, возмущает вкус читателя.

**О. Иакинф, пользуясь съездом монгольских властителей, выводит, что поколения ойрадские в первых годах XVII века разошлись к Хухонору и к вершинам сибирских рек, будто по умышленному плану оцепления Средней Азии. Но сличая стр. 27-ю с 67-й *Ист. об. ойр.,* легко убедиться, что предумышленный план есть фантазия, худо соображенная с премиссами своего сочинения. Еще-таки при съезде можно бы поскользнуться на подобную догадку, но можно ли доказать и ее историческими последствиями? Сомневаюсь.

*** Конечно, переходили за Енисей и ранее сего года, особливо партии мангазейские, но все сии попытки оставались без последствий до 1631 г.

дителей климата, какой кому из них достался, довольными и веселыми: слышат у них про новых богов, про духов благих и злобных, видят новые суеверия, новые обряды со старыми бубнами шаманства; видят три большие реки, вливающиеся в великую, видят светлые воды, грозные пороги* по двум крайним Тунгускам, на Нижнем Енисее и Кане; видят сплошные кряжи гор, другую почву, другие прозябения, свежесть атмосферы высшего как бы слоя, прохладность ночей летних в широтах меньших против старой Сибири; они видели и другие свидетельства, что когда-то кора земная там шевелилась. В параллели Красноярскадолго, очень долго русские не могли подвинуться к востоку при многих усилиях; и вот почему Главная линия укреплений переломилась к северу и упала на Лену.

2. Важный пост, какой успели опознать (1631 г.) за Енисеем, есть становье Илимское, как опора между Енисейском и цепью следовавших предприятий. По р[екам] Илиму и Куту енисейский отряд выплыл на устье последнего. Усть-Кут показался точкою, закрытою по тесноте горизонта, да и Лена тут не оправдывала наслышки о своей великости, тем не менее с приобретением сего места, обращенного в пристань и укрепление, открылся обоесторонний ход к югу и востоку на тысячи верст.

3. К полдню явился (1632 г.) острог Тутурский и в том же году Якутский, впоследствии перенесенный на необозримую песчанистую равнину, где Лена уже является второю великою рекою, — острог, важный по срединному положению промеж всех северо-восточных племен. Жиганцы тотчас и без сопротивления вступили в платеж ясака. С сих пор по всей водяной полосе живо загорелась жизнь казачья и промышленническая. Как ни велико было это протяжение, особливо с распутиями впадающих рек, но не тут стояли пределы предприимчивости, которая двигалась двумя порывами: пользою казенною и собственною.

Проведите черту от Тутурска до устья Уды на Ламе** и уверьтесь, что вся безмерная покатость, опрокидывающаяся в Ледовитое море между Тауем и Колымою, с противной же стороны между Анабарою, была бы в течение десяти лет, т.е. с 1632 г., разграблена командами и артелями, посменно приходившими из Мангазеи, Енисейска и Томска, если бы племена поддавшиеся не обладали многочисленными стадами и если бы дикие семейства дорогих зверей могли иметь инстинкт уклониться от жадности пришлецов. Команды городов, как воюющих государств, дрались между собою за право сбирать ясак, будто бы не для того же государя; якуты воспользовались расстройством своих притеснителей и с 1634 г. не по один год старались сгладить с своей равнины Якутск; но умеренностью управлявшего острогом казака Галкина удержалось на стенах знамя русское. История должна бы это время наименовать масленицею казачьею, если бы вместе с тем не уважала нарочитых услуг в распространении державы.

В самом деле, около 1639 г. учреждены ясачные зимовья: на Усть-Адцане, Усть-Мае, Амге, Усть-Улье и Усть-Уде, также

* О порогах можно читать в *Восточной Сибири г.* Семивского и в *Енисейской губернии* Степанова.
** В сибирских летописях так называлось Охотское море, хотя и небезызвестно, что тунгусское речение *лама* есть общее имя морей.

на Усть-Тауе. В то же время с 1636 по 1642г. отважным Бузою-десятником, с винтовкою в руке, положены в ясак бродячие звероловы по Оленску, Нижней Лене, Яне, Индигирке и устроены засеки, где следовало, для ясачного сбора.

4. Приказ Сибирский получал для двора огромные тюки дорогой рухляди, не мог, однако ж, не слышать о казачьих самовольствах в обширном краю и в сем уважении испросил (1638 г.) введения нового порядка. Начальства тобольское и томское, действовавшие чрез Ангару и Вилюй посредством своих смежных воеводств, поставлены в естественные границы; полномочие за Анабарою и Ангарою, до исхода последней из Байкала, вверено независимому от старой Сибири Якутскому воеводству с известным подтверждением о ясаке и поиске руды серебряной или золотой. Впоследствии, для содействия овладения между Ангарой и Леной, открыто в 1649 г. Илимское воеводство, простиравшееся от Чечуйского зимовья до вершины Лены, с зависимостью от Якутска. Первые якутские воеводы прибыли на место не ранее 1641 г.

Избегая, сколько возможно, чресполосности в рассматривании завладений наших, предварительно представим, как действовало томское областное начальство на пространстве земли, простирающейся от Енисея до Ангары. Мы чуть было не забыли сказать, что в 1633 г. послано с Тагила и Нейвы в областной город Томск 80 семей пашенных*.

5. После того как в 1641 г. московским дворянином Тугачевским, набравшим в городах Тобольской области достаточный отряд, решительно разбиты красноярские неприятели, киргизские родоначальники Ижей и Ижиней, которые господствовали по окрестностям Красноярска, после того сей город отдохнул от долговременных утомлений и угроз разгромления. Он не замедлил распространяться во все стороны, снова утверждая в ясачной повинности аринов, камашинцев, упрямых тубинцев, и опять киргизов, все мятущихся. На западе достойным преемником Тугачевского сооружен среди кизилов ос. Ачинский, как уже замечено в перечне Главной линии. К югу в верх Енисея отнесен далее ос. Караульный, на востоке же главным делом было устроение в 1645 г. острога Канского на безопаснейшем против прежнего месте (где ныне город) для подручного управления ясачными, рассеянными по узлам тамошних рек и речек. Но, чтобы наложить ясак на карагасов, по Чунь-Уде кочевавших, и чтобы остепенить в подданстве бурят, заложен в 1652 г. ос. Удинский, откуда и открывался путь сообщения с Ангарою, по которой Енисейск в свою очередь шел шаг за шагом с укреплениями.

Енисейск, который умел и завоевывать и хозяйствовать, заметив ошибку Мангазейского воеводства, затеявшего в 1637 г. Дубчевскую слободу для хлебопашества в широте 61°, где может размахиваться коса, а не серп, завел около 1650 г. к югу по Енисею пашенную Над - порожную слободу и любовался жатвами. К известным делам, какие произведены на Лене Енисейским воеводством, прибавить следует, что оно же (1631 г.) завело на Ангаре ос. Братский и несколько раз исподволь передвигало его как деревянную юрту к нижней протоке Оки, дабы вдруг соседством крепостцы не испугать туземных бурят. К сча-

* Акт. Арх. Эксп., том 101, 1637, февр. 2.

стью Средней Сибири, в 1641 г. енисейцами открыты соленые ключи на речке Манзе (Усолке), впадающей в р. Тасеевку. По опытам выварки, рассол нашелся так достаточным, что можно одною десятиною, казне принадлежавшею, содержать гарнизон города.

В 1654 г. воеводство завело на прелестной равнине, близ Ангары раскинувшейся, ос. Балаганский для обложения бурят, на левой стороне кочевавших. У них енисейский кузнец, нарочно присланный, научился плавить чугун из руд и с сим необходимым искусством тогда же ознакомил свой город, который после по части железного мастерства превзошел своих наставников, равно и так называемых енисейских остяков, завилюйских якутов и бельтиров, первобытных цеховых кузнечного дела. Воеводство, дабы породнить искусства общежития, взаимно препроводило к ос. Балаганскому 60 крестьянских семей, которые, по причине песчанистого кряжа, вероятно, недолго тут оставались и переселились либо к Шеверам, либо на берега р. Зимы. Быт русский мало-помалу подавался в верх холодной Ангары; но что сказать, когда читаем, и не в первый раз читаем, что енисейцы с красноярцами, сюда проникнувшими от Нижнеудинска, встретились, и команда с командою, хотя обе одной области, вступили в сражение за принадлежность бурят? Не ясно ли, что казак разумел ясачных собственностью того или другого острога? И от этого превратного разумения произошло столько негодований, столько потерь и побегов во владение Саян-Наяна, наТункинские степи!

В 1652 г. при устье Иркута возведено енисейскими казаками ясачное зимовье, ив 1661 г. оно возведено на степень острога. Вот и наречение Иркутска, до выслуги лучшего имени! Если теперь оглянуться и посмотреть на огромный треугольник, залегший своими углами в Иркутске, Енисейске и Красноярске, чему следует приписывать, при малом числе казаков, одоление бурят, опиравшихся с юга на значащем ханстве, с востока на Бурятской степи и на ольхонской собратий, бурят, которых убеждали, побеждали, опять оскорбляли, и опять усмиряли? Чему, повторим, надобно приписывать преодоление орды многочисленной и не расположенной к новому порядку? Частью счастливому у бурят недостатку наследственных владельцев, частью отсутствию общего союза, частью глупости шаманства, обольщавшего своими предсказаниями, и вместе некрепко соединявшего здешний отдел племени с другим ламского закона, и не меньше того — благоразумию тогдашнего енисейского воеводы А. Ф. Пашкова, управлявшего с 1652 до 1656 г. и потом до 1662 г. в звании нерчинского начальника, заведывавшего забайкальскими острогами, со включением и Иркутского, который под его распоряжением и был устроен сыном боярским Полабовым*.

Во время Пашкова начала утихать борьба в части помянутого треугольника, между стихиями разнородной жизни: зверолово-пастырской, казачьей, промышленнической и земледельческой.

* В *Кратком описании воевод* Пашков и сын его написаны воеводами в Иркутске с 1656 до 1661 г., т.е. в одно и то же время, как они воеводствовали в Нерчинске. Пок. Семивский ошибся, приписав устроение ос. Иркутского воеводе Ржевскому.

ГЛАВА VI

предприятия якутского воеводства

1. Предприятия Якутского воеводства. 2. Поиск Перфильева. 3. Усмирение бурят верхоленских 4. Проход Пояркова ид Амур. 5. Степанов вместо Хабарова. 6. Дела по Забайкалью. 7. Суждение о Хабарове. 8. Предприятие нд Колыме. 9. О Дежневе.

1. Теперь, относительно к продольным линиям завладения, мы выходим на поперечные; пойдем же сперва в верх между Леной и Витимом, потом между Ангарой и Леной, начиная с Олекминского острога, в 1635 г. заведенного, потом близ взморья Ламы и так далее, пока увидим отплытие судов из устья Колымы кЧукотии.

2. Поиск атамана Перфильева в 1640 г. по Витиму, которым он доходил до оз. Баунта (где после был острог, а ныне сходбище ясачных), не послужил к распространению власти в той нагорной возвышенности, а только доставил изустные тунгусские показания о стойбищах монгольских при оз. Еравне, да некоторые слухи о даурских родоначальниках, и втом числе о Лавкае, который на Амуре славился хлебопашеством, скотоводством, рудниками, также торгом с Маньчжурией. Здесь можно заметить, что не Перфильеву Сибирь одолжена открытием витимской слюды; потому что она за шесть лет (с 1634 г.) уже разрабатывалась промышленниками; равномерно не чрез него узнано об еравинских сердоликах и темно-зеленом баунтовском базальте. Вообще, казаки не были внимательны к сокровищам ископаемых, хотя и поручалось им разведывать о признаках руд, не лучше того и к подробностям управления племен, покоренных или соседних. По соображению, однако ж, казачьих преданий, выказывается некоторая вероятность, что в племенах верхнеамурских и забайкальских господствовала наследственная власть родоначальников, но до какой степени эти родоначальники подчинялись сильнейшим ханам, осталось дело в неизвестности.

3. Около того времени по тесным раскатам берегов ленских установлялись роздыхи или зимовья, именно: против устьев Витима, на Чечуе, у Киренги, луке Орлинской, на устье Илги, и, не повторяя об Усть-Куте и Тутурске, в 1641 г. вырос ос. Верхоленский, острог, через шесть лет перенесенный на господствующий Крутояр к устью Куленги и, можно сказать, к устью бурятских родов, которые верст на двести к Иркутску кочевали со стадами по злачным долинам, разделяющимся лесистыми холмами. Верхоленску, как обязанному распространять власть русскую, предстояли и подвиги и опасности с самого основания. В 1648 г. по заговору многочисленных бурят, отстаивающих мнимую святыню известного Шаманского Камня, острог действительно приближался к разгромлению, если бы якутский воевода, в Илимске зимовавший, не прислал на помощь 200 промышленников. Долговременные, однако ж, беспокойства, которые наскучили самим бурятам, решили их наконец покориться требованиям русской власти, и вскоре по приятным долинам, стадами и юртами усеянным, восстановились к 1656 г. спокойствие и мена.

4. Кто бы подумал, что замысел проникнуть за Амур будет затеян и осуще-

ствлен чрез Якутск, против извилистых стремительных рек, представляющих еще преграды Станового хребта. Тем не менее, первые якутские воеводы по рассмотрении местных сведений (1642 г.) отправили письменного голову Пояркова во 130 чел. с полуфунтовую пушкою вверх по Алдану. После красивыхдолин, какие Поярков видел по берегам реки и другой Май, со стойбищами бодрых якутов и с многочисленными их табунами и стадами, он выплыл на Учур, потом зимою перешел за хребет на Зею, и весною передовой отряд его гостеприимно принят туземцами в городке Пельничегди на устье Селмнди. Отряд, не довольствуясь хлебом-солью, жаждал завладеть укреплением дучеров, и за неудачную отважность расплатился изгнанием и отказом в продовольствии, какое сперва радушно было предложено. Тогда Поярков, отложив разведывание о месторождении руд, принужденным нашелся проплыть мимо озлобленных дучеров и зимовать на устье Амура у гиляков, с которых собрал ясака 12 сороков соболей да 16 мехов собольих. В 1645 г. он плыл обратно Ламою до устья Ульи, где было заведено в 1639г. ясачное зимовье. По трехлетней с лишком отлучке Поярков возвратился и заронил на Амуре невыгодную молву о духе русских.

В государственной жизни есть помыслы, которые, независимо от неудач, иногда возобновляются не в свое время. Надобно намерениям, если раз не посчастливилось им, полежать под спудом, дабы и сами они вызрели, и возбужденные противодействия ослабли. Но нашелся человек, который, расставшись с посадом Устюжским, промышлял то хлебопашеством на Енисее, потом на устье Киренги, то вываркою соли в Усть-Куте; этот человек, не вмещавшийся как бы в своем состоянии, вызывается в 1647г. якутскому воеводе покорить прилегающий к Амуру край собственным иждивением с вольницею промышленников. Что могло быть обольстительнее такого вызова? Воевода, не обдумав ни средств предприятий, ни обстоятельств новообзаводимого края, ни последствий огласки о походе, могшей тотчас перелететь на Амур чрез тунгусов, объявил свое согласие Хабарову, который и накликал себе вольницу, до сотни промышленников-завоевателей, поднявшись по рр. Олекме и Тугиру, находит в 1648 г. пустоту на Амуре, брошенные жилища и самые городки, в которых можно бы защищаться против сволочи. Хабаров в досаде, плывучи от городка до городка, случайно попадает на разговор с пресловутым Лавкаем, который на ласку отвечает: «Знаю вас, казаков, вы пришли не для торга, а для грабежа, для умерщвления нас, для пленения наших жен и детей», — и тотчас с окружающими скачет прочь. Слова даурского родоначальника жестки, но, к сожалению, оправданы поведением Хабарова.

Хабаров нашел в пяти городках значительные запасы хлеба и, пленясь плодородием земли, изобилием в реке белуг (ac. huso) и разной рыбы, лесными ухожями дорогих зверей, поспешно возвращается вЯкутскдля привлечения всего внимания к новому краю. Набирает еще до 117 охотников, получает от воеводы 21 казака с 3 пушками, и, выслушав наказ не лить крови без крайности и не раздражать жестокими поступками, он зимует (1651 г.) уже в Албазине. Весною доплывает по I Амуру до трех укреплений, соединенных насыпями, требует сдачи, но ему отвечают стрелами. Хабаров переговаривается с упрямым недругом ядрами, овладевает укреплениями, в которых найдено убитых более 600, спрятанных женщин и детей до

350, и равное последнему количество лошадей и рогатого скота.

В июне того же года победители, спускаясь по Амуру, узнают, что по Зее, недалеко от устья, есть новая крепость, тремя родоначальниками занимаемая. Наши берут ее врасплох, и веселившиеся старейшины предлагают себя в заложники с уговором ежегодного ясака с тысячи душ. Тут Хабаров, усыпленный взаимною доверенностью, вдруг видит себя обманутым простодушными дучерами, которые все по условию скрылись, кроме немногих подручных. Он свирепствует над осталыми бедняками, вопреки наказу, и тем не менее теряет плод победы.

На зиму флотилия Хабарова спускается к наткам, рыбою питающимся, среди которых также зимовал Поярков, и тут возводится острог для безопасного пребывания. Тысяча туземцев вздумали осадить острог, но одной вылазки было довольно, чтобы заставить всех разбежаться и принудить ко взносу ясака. В марте 1652 г., рано поутру, нечаянно под стенами острога раздались пушечные выстрелы, и это были приветствия 2-тысячного маньчжурского отряда. День проходит в перестрелке, и победа следовала опять за вылазкой; на месте остались 676 трупов, две чугунные пушки, ружья, знамена и 830 лошадей.

Хабаров, видя необходимость воротиться на сообщение с Якутском и быть ближе к хлебным запасам, в апреле поднимается по Амуру и при попутном ветре, под парусами пробегает устье Шингала, где 6000 маньчжуров стояли в засаде на судах. Выше он встречается с казаком Чечигиным, из Якутска посланным на подмогу со 144 чел. Доходят вместе до Зеи и тут по раздорам партий, алчущих добычи и самовольства, расходятся. Чечигин идет на низ, а Хабаров с 212 чел. решился укрепиться в Комарском городке, так как предусматривал преследование маньчжуров; благовременно же послал партию в Якутск с ясачною казною и донесением о счастливых успехах российского оружия.

Между тем как слава о неисчерпаемом богатстве и благоденствии на Амуре разнеслась по Лене от Олекмы до Верхоленска, жители уже оседлые, очаровываясь слухами, словно помутились в мыслях. Скопляющиеся шайки их, вместе с промышленниками и даже с беглыми казаками, разоряют свои жилища, грабят казенный провиант, порох, свинец и казну, чтобы было с чем перебраться на Амур, несмотря на Олекминскую заставу, которой дано приказание не пропускать на Амур без видов. Среди сей суматохи, продолжающейся больше двух лет, спешил к Хабарову из Москвы дворянин Зиновьев* с 320 золотыми медалями (копейками) для храбрых его сподвижников и главнейшее — с наказными статьями, с военными снарядами и земледельческими орудиями.

Встретясь с Хабаровым на устье Зеи: а) объявляет, чтобы он готовился в Мос-

* Зиновьев отправлен собственно для заготовления дороги к походу 3-тысячного корпуса, которому предполагалось идти на Амур под начальством окольничего, но, к счастью войска и Сибири, поход не состоялся. С чего же Зиновьев велел заготовлять провиант для 5 или 6 тысяч войска? Неосновательность его видна и в следующем: 1-е — везенные им снаряды, как бы ненужные, зарыв в землю в ос. Тугирском и дважды тут зимуя, не позаботился о доставке на Амур; 2-е — послал казака Чечигина в Китай с голыми руками, как будто московскому дворянину неизвестно достоинство китайского хана. Желая избавить его от последней укоризны, я бы думал, что Чечигин послан к правителю Маньчжурии. Жаль насильственной смерти храброго, но какую роль мог бы он представлять пред лицом даже правителя? Конечно, Сибирь завоевана не генералами, но договоры не обошлись без дипломатов.

кву для точных донесений об Амуре; б) казаку Степанову передает команду с приказом посылать ясачную казну прямо в Москву; в) наказывает выстроить три крепости на уу. Уркана, Зеи и третью, средоточную, на месте Албазина; г) распространить хлебопашество, достаточное для продовольствия 5 или 6 тысяч войска; д) при себе отправляет казака Чечигина (провожатыми убитого) в пределы Китая*. Касательно военных снарядов и пахотных орудий Степанову известно, где они зарыты в Тугирском остроге, в 1653 г. выстроенном для проезда Зиновьева. Только и пользы от присылки Зиновьева, что явилось пристанище наТугире, по странному согласию в широте и во времени постройки другого ос. Тугурского, чрез 18° долготы заложенного казаком Нагибою, искавшим и не нашедшим Хабарова.

5. Вот в каких обстоятельствах Хабаров расстается с Амуром, по которому пустил полымя, и счастлив, что не зажигателю довелось тушить пожар. Мужественный преемник, приняв приказания и зная, что без крестьян нельзя завести хлебопашества, как и без хлеба строить крепости, принужден в ту же осень искать продовольствие экзекуциею на р. Шингале и зимовать у дучеров. В 1654г., поднимаясь вверх, был окружен маньчжу-соединенною флотилией, которую разогнав, тянулся все вверх за недостатком провианта и военных снарядов и на пути присоединяет к себе дружину казаков, из ос. Нерчинского ушедших от голода, а вслед за ними подоспел с остальными и сам начальник — сын боярский сотник Бекетов. Этот служака, бывший строитель многих острогов, не поколебался записаться в рядовые. Какой пример! В чем же пример? В службе, в характере, в духе, и, если хотите, в самоотвержении.

По долговременном плавании Степанов решился зимовать в городке Комарском, опять тунгусами разоренном. Он укрепил его, и не напрасно: ибо весною 1655 г. маньчжу-соединенное войско с 15 орудиями три недели осаждало городок, и после удачной вылазки русских, которых всего-навсе было около 500 ч., отступило в чаянии, что если не мужеством, то голодом будут русские отогнаны от Амура, потому что уже последовало от Чунджия (тогдашнего богдохана) повеление вывести всех жителей с рек, падающих в Амур.

Степанов домогается пороху и свинца** в Якутске, но остается без удовлетворения и отповеди.

Вот что значит прямая посылка ясака в столицу, а может быть правда и то, что при общей ленской сумятице доставка снарядов по бесхлебной Олекме и не лучшему Тугиру сделалась затруднительною. Как бы то ни было, Степанове 1656 г., не скрывая отчаяния, отправляет ясачную казну с 50 казаками и приказывает им уже не возвращаться; с ними вместе отправился Бекетов в Енисейск и Пущин, строи-

* Чечигин, вероятно, подарил бы подобным путешествием, какое от имени казака Петлина напечатано в *Сиб. вестнике,* 1818г. Положим, что это не сказка, а быль, но что за польза в такой были?

** Воспользовался ли он порохом и свинцом зиновьевским? Фишер уверяет, что теми снарядами воспользовалась толпа промышленников. Но как могла она вырыть и утащить их из острога, где без сомнения был караул? Ведь это не перстни и не кольца. Не верю Фишеру и спрашиваю, чем Степанов три недели отстреливался в Комарском городке, когда у него уже во время плавания оказался недостаток в военных запасах. Я полагаю, что зиновьевские запасы были подвезены зимою в городок, а молва о похищении их артелью промышленников была пустая сказка.

гель Аргунского зимовья, обас ясаком, но последний со 120 сороками соболей, взятых с дучеров и гиляков.

В 1658 г., разъезжая по Амуру для обеспечения своей команды продовольствием, Степанов сошелся с 47 судами неприятельскими, которые были вооружены пушками и мелким оружием. Он тут погиб в числе 270 храбрых, 180 подлецов отвалили в пылу боя, остальные трусы сдались. Кого винить при таком падении дел? Храбрость Степанова, как и его предшественника, неоспорима, достохвальна; но одна храбрость, часто покрывающаяся лавром в быструю минуту крайности, никогда не торжествует в делах протяжных, сложных.

Между тем Сибирский Приказ, слишком отдаленный, чтобы знать или предвидеть горькое окончание дел на Амуре, лет за семь предполагал там учредить отдельное воеводство и послать туда трехтысячный корпус, но, вероятно, передумал, сообразив трудности перехода и неминуемое разорение, какому подверглась бы малолюдная страна, на чрезвычайном протяжении без хлебных запасов, без дорог, без казарм для роздыхов. В конце 1654 г. Приказ обрадовался основательному соображению, до него дошедшему от известного нам енисейского воеводы Пашкова. Сей благоразумный правитель по своему начальству над забайкальскими острогами, а не по ложной славе, зная в прямом виде ненадежное состояние дел на Амуре и из ревности к государю и государству, представил правительству зрелую мысль, чтобы сперва учредить одно главное место у Ш илки и из сей твердыни уже действовать со временем на покорение Амура. Предположение Пашкова не могло быть не одобрено. Велено набрать в старой Сибири для него 300 ч., снабдить его из Тобольска военными снарядами, послать из Илимска провиант в ос. Тугирский и подчинить ему все команды амурские. Но дело делается не так скоро, как сказка сказывается, особливо при своекорыстии воевод, не видевших в новом порядке личных выгод, и при нерадении подчиненных Якутского воеводства, приученных в последнее время выкупать вины подарками или палками. Но прежде переберем вкратце дела забайкальские.

6. Мы видели, что западная сторона Ангары принадлежала Енисейскому воеводству, след., и западным точкам Забайкалья, по черту Верхней Ангары, надлежало считаться в уезде Енисейском*.

Можно ли ожидать лучших оснований в распределении земель в такое время, когда Приказ не имел и не нуждался иметь карту края? Эта дальность со временем послужит Енисейску к возвышению его на степень области.

Начнем тем, что русские не прежде 1643 г. спознались с Байкалом. Малой дружине казаков, из Якутска отряженной, удалось врасплох втереться на ос. Ольхон, взять ясак, но заводить зимовье не посмели. Енисейский атаман, три года с командою шатавшийся без пользы по берегам Байкала, в 1647 г. успел построить за озером ос. Верхнеангарский, из которого, по ложной наслышке о серебряной руде, послал несколько человек на оз. Еравну, потом на Селенгу, где родоначальник Турухай, дружелюбно подарив им серебряные чашечки и несколько золота, приказал препроводить их к своему начальнику с

* Грамота туринскому воеводе (1673, в октябре) о крепком содержании изменников. Из нее видно, что Селенгинский острог состоит в уезде Енисейском.

уверением, что искомые металлы родятся в Китае. Следовавший затем начальник казачьего отряда Похабов виделся с Турухаем у Селенги и убедил сего сговорчивого табунана дать ему средство побывать в Урге Цецен-хана*, для ближайшего разведания о месторождении руд. Хан также дружелюбно принял гостя, подтвердив уверение о сказанном месторождении руд, и сверх того доверил свою внимательность к боярскому сыну Похабову тем, что по его предложению не отказался с ним отправить (1648 г.) своих посланников в Москву, откуда и возвратились они через два года, в сопровождении тобольского боярского сына Заболоцкого, убитого монголами там, где Посольский монастырь.

Похабова заменил Галкин, начальник казачьей команды. Он построил в 1648 г. ос. Баргузинский, снабдил провиантом и гарнизоном Верхнеангарск и послал партию на Витим для объясачения тунгусов. Наложил также ясак на кочевавших около оз. Еравны и (1650 г.) посылал казаков за Яблонный хребет для разведываний**.

Ос. Баунтовский построен (1652г.), так сказать, в оглавлении Витима при преемнике Галкина.

В это время воеводствовал в Енисейске незабвенный Пашков, которому, именем истории, мы засвидетельствовали вечную память. Пашков, отобрав от бывалых казаков возможные сведения о забайкальских местностях, реках, озерах, сообщениях и расстояниях, признал за полезное состроить ос. Иргенский в связи с Баргузинским, и другой Нерчинский (о чем представлял и после Приказу, как уже известно) для обхвата тунгусов и хоринских бурят***; а для исполнения сих поручений отрядил известного служаку Бекетова, с которым не неприятно увидеться нам и во второй раз.

Бекетов, предпослав часть команды чрез Баргузинск на оз. Ирген для заготовления судов, на которых бы осмотреть течение рек, сам зимовал в Прорве. Казаки еще осенью осмотрели невиданные устья Селенги, а зимою — юго-западный и северо-западный берег Байкала; обуздали бурят, живших на западе к Иркуту и на востоке к Голоусной, уверились в изобилии рыбной ловли, побывали у родоначальника Хултуцина, который ласково принял их и с откровенностью рассказал им о Хилке. Тут казаки видели ламу, молельню, служение и курение идолам серебряным и позолоченным, отправляемое по шагямонианскому обряду****.

Соображая казачьи вести о добродушии, честности и благорасположении двух забайкальских родоначальников, Турухая и Култуцина, невольно любуешься чертами патриархальной их беззаботливости, хотя они жили под какою-то властью ханов.

* Сецен-хан, по выговору акад. Шмидта.

** Расторопности Галкина, наверное, огорчившего еравинских инородцев строгим взысканием ясака, надобно приписывать насильственную смерть Заболоцкого. Монголы стали видеть в русских опасных завоевателей.

*** Яблонный хребет под именем monies churinarii упоминается у Птолемея. Не принадлежали ли хоринцы к дворцовым волостям чингисханской столицы: Хорин или Харахорум?

**** Вот довод, что учение Шагямония, из Монголии изгнанное, с изгнанием в 1368 г. Хубилаева поколения из Китая, опять возвратилось даже на берега Байкала не в XVIII веке, как покойный Игумнов писал в *Сиб. вестн.,* 1819 г.

Доводом пастырской жизни, какую тогда провожали за Байкалом, служит свободный и безопасный проезд Бекетова в 1653 г. по Селенге и Хилку. Плывя по реке последней, он был обрадован встречным судном предпосланной команды, которая сверхясака вручила ему чертеж Ирганя, Хилка, Ингоды, Шилки и других рек. Не в первый раз летописи сибирские сказывают, что тогдашние казаки смыслили чертить съемки гидрографические и топографические. Но признайтесь, не весело ли жить с Бекетовым за Байкалом?

Бекетов возвел ос. Иргенский, снова положил тунгусов в ясак, послал в Енисейск 19 сороков и в 1654 г. переехал в новый острог, командою наскоро выстроенный за Шилкою, против устья Нерчи, без сопротивления тунгусов, принесших еще и ясак. Но с сих пор настают для служаки дни черные. Гантимур, тунгусский родоначальник, с Науна перекочевавший за Нерчу от маньчжурского ограничения патриархальной его свободы, и теперь предвидя не лучшее соседство с другими повелительными пришельцами, откочевал на прежнюю родину и тем самым побудил соплеменных тунгусов к злобе против русского водворения. Острог осаждается, посеянный хлеб вытоптан, голодовка недалека, часть казаков уходит на Амур, куда и Бекетов, как уже читали, отступает с остальною частью, но в каком нерадостном положении открылись им дела расславленного Амура, мы также читали.

Почтенный Пашков вследствие своего предположения, которое велено исполнить ему самому, двинулся из Енисейска Верхнею Тунгуской в 1656 г. чрез Байкал Селенгою и Хилком на Иргенский острог, и, приведя его в лучшее оборонительное состояние, продолжал путь в 1658 г. на устье Нерчи, где и положил твердое основание Нерчинску, а не за Шилкою, как было при Бекетове. По заложении острога он обратил внимание на Амур и с казачьим отрядом послал предписание к Степанову о вверенном ему начальстве с требованием, чтобы тот поспешил с сотнею казаков в Нерчинск для положения дел на мере; но казаки возвратились ограбленными от мародеров, которые бежали с последнего на водах боя, притом с вестью о погибели Степанова и об отказе тех грабителей служить в команде воеводы. Беда родит беду. Привезенный с собою провиант выходил, илимский же расхищен в пути голодными шайками, с Амура рассеявшимися , о хлебопашестве некогда было думать, военных запасов вовсе не послано из Тобольска, и между тем бунт тунгусский у Ингоды. Воевода спешит в ос. Иргенский, посылает для усмирения бунтовщиков сына с отрядом, присоединив к нему несколько казаков, на службу явившихся, которые, лишь перебрались за Ингоду, обокрали товарищей, начальника и исчезли. Это было в 1661 г., когда ехал на смену почтенного Пашкова другой воевода. Сколько требовалось твердости, чтобы не пасть духом среди непрерывных противностей! Он дождался на Иргене преемника, которого, верно, встретил с просиявающею на лице улыбкою, а поехал в 1662 г. в Москву, конечно, с глубоким горем, что не был полезен, как предполагал. Но ты ли виноват, верный слуга государя и государства? За твое имя стоит история.

7. Желательно бы тотчас обратиться к предприятиям Якутского воеводства на северо-востоке, дабы прикрыть другою краскою позорище похорон, брошенных и неоплаканных на Амуре. Но вот сам Хабаров, уже сын боярский и уп-

равитель Усть-Кутской волости, надпоминает о себе появлением на Тугире в 1660 г. для указания места отряду Пашкова, где были зарыты Зиновьевым военные снаряды, давным-давно исчезнувшие. Хабарову совестно приблизиться к Амуру и взглянуть на берега, по которым тогда валялись трупы русских, погибших то от голода, то от неприятеля. Этот необыкновенный посадский, необдуманными обещаниями увлекший легкомысленного воеводу, по сие время не усчитан в уронах, в бедствиях, какие он нанес краю, всей Сибири и даже государству. Только что начал восточный край гнездиться в заселении и домоводстве, пришелец уводит с Лены на Амур в два приема до 250 чел. и, отняв столько рук, подрывает промышленность вместе с деревенским обзаводством. Отряды казаков, на вспоможение туда посланных, уменьшают силу сибирских острогов, в непрерывной борьбе и не всегда успешно ограждающих свои окрестности; а во что оценить побеги жителей и казаков, разграбивших свои и чужие селения, казенный провиант, порох, свинец? Во что оценить ниспровержение собственности, благочиния и даже святыни образов, серебром обложенных, где не было ничего неприкосновенного, ничего святого? Если предположить, по меньшей мере, что 1500 чел. в течение десяти лет ушли на Амур и там изгибли, каких сил и какого поколения лишился край пустынный? Заменит ли ясак Хабарова одну пагубу, какую служба потерпела от голодовки, от бесчинств неподчиненности, от пренебрежения к властям и от подобных самовольств, не так скоро исправляемых в отдаленности? Во что поставить озлобление и отчуждение миролюбивых племен, по Амуру особняком живших и против воли вынужденных прибегнуть к покровительству маньчжуров? Не сами ли мы сделали соседей врагами себе в таком числе, в каком умножили подданных Китая? Если правительство ласкалось приобретением Амура, то видим ли какой-либо план в безместных шатаниях Хабарова по водам? На зиму укрепляют место, весною бросают его на разорение прибрежных жителей; где же опора, где пребывание власти? Если и Степанов расточал силу и время на подвиги грабительства, то все надобно винить Хабарова, который в пользу свою имел и всеобщий пополох по Амуру и благоприятное время, для утверждения главного места в любом из оставленных городков. Не только в 10, но и в 5 лет можно бы обезопасить себя и дружбою соседей, и хлебопашеством, и военным ограждением. Но, к несчастью, при всеобщей неурядице, господствовал один дух ясака и грабежа.

8. Обратимся теперь на северо-восток к зимовьям холодным, как и светилаих.

После зимовья Тауйского, прежде помянутого, основан в 1647 г. острог на р. Охте, за 6 верст выше устья, для сбора подати с ламутов. Он оставался в ничтожности, пока не началось плавание на Камчатку. В том же году открыт на речке Кемпенде, в Вилюй впадающей, чудный фонтан соли, водометно бьющей в виде тонкой пыли. В 20 верстах оттуда найдена гора разноцветной соли, называемой сокольею.

В 1644г. Колыма была перерезана тремя крепкими зимовьями, потому что тут бывали сходбища для обмена звериных шкур на мелочи надобные. По ней, начиная с верховьев, жило тогда многочисленное племя, которое, распространяясь по всей площади, заключающей-

ся в развилине Станового хребта от Яны за Колыму, разноименно называло себя по родам, а у нас везде слыло юкагирами; оно вело войну до лимана Анадырского с коряками и чукчами, из которых последние не меньше воинственны, хотя на досуге и расписывают себя пунктирными разводами. И дикий щеголяет, и дикий воюет от безделья! Суетность и злоба, стало, не русскими занесены на Анадырь.

Якутское начальство, верное ясаку, как магнитная стрела полюсу, продолжает рассылать для разведки, нет ли еще где человеческих гнезд необъясаченных? Анадырь и Чукотия были в предмете, тем более что промышленники не раз к последней подходили на судах и менялись на зверя, на моржовый зуб. Щепы летели по берегам Колымы, и суда заготовлялись с году на год более. Приказчик одного купца, колмогорец Алексеев, берет казака Семена Дежнева в виде казенного досмотрщика и 20 июня 1648 г. из дельты Колымы снимаются с деревянных якорей семь кочей и плывут под ровдужными парусами на восток к р. Анадырю, который по тогдашней наслышке падал в Студеное море. На каждой коче сидело казаков и промышленников до 30. Четыре кочи погибают, а оставшиеся на прочих Алексеев и Дежнев с частью своих товарищей 20 сентября дерутся с чукчами на берегу, как между тем бурею разносит их суда, и одно из них выброшено к югу будто бы за Анадырем к Олюторской губе. Кой-как удалые, в числе 25, через 10 недель доходят до Анадыря и частью погибают от холода и голода. На другой год поднимаются по Анадырю и при устье Майна строят зимовье, впоследствии сделавшееся острогом. Года 4 не знали ничего об Алексееве и Дежневе, из коих первый от ран умер в руках неприятеля, не знали о них, пока другие казаки, сухопутно из Колымы отправленные на Анадырь, не натакались на скитальцев.

9. Кстати здесь пересмотреть отписки Дежнева, в Якутском архиве валявшиеся и (1736 г.) Миллером поднятые напоказ как доказательства, что Дежнев, его выведенец, обогнул в своем плавании Чукотский Нос и доплыл морем до Анадыря. Из доказательств его:

1) «Что, по словам Дежнева, Чукотский Нос протянулся в море между С. и В. и поворачивает кругом до Анадыря». То же мог бы Дежнев сказать и о Западном Чаунском мысе, приняв р. Чаун за Анадырь, по тогдашнему мнению.

2) «Что для различения между русской и чукотской стороны пала в море речка, при которой сделана башня из китовых костей». Речка, сказано, и притом с русской стороны; не очевидно ли, что сражение с чукчами было близ речки, текущей между Колымы и Чауна? Миллер ли или Дежнев назвал башнею кучу костей, только это не башня, а жертва религиозная.

3) «Что против Чукотского Носа два острова, на которых живут чукчи с прорезными губами и со вставными моржовыми косточками». Здесь место вопросу: против которого Чукотского Носа, потому что со времен Миллера до атласа капитана Литки, показывались на картах два Чукотских Носа, или мыса, Северо-Восточный и Южный? Против Восточного или около него вовсе не два острова; да притом, что шаг по проливу, является разница в видении мысов, представляющихся глазу островами отдельными, опричь действительных. Против Южного Чукотского мыса о. св. Лаврентия мог бы показаться Дежневу вдвойне, и могли тогда промышлять на

острове американцы с прорезными губами; но все это у Дежнева подделка поздняя, дабы отдалить место стычки и удивить мерою водоходства. Между тем, по всем вероятностям, стычка происходила или при Чаунской губе, где группа островов могла показаться раздвоенною на взгляд перспективный, или при мысе Шелагском, которому также идут сбивчивые черты дежневского описания, и также есть два острова, подле Кекурного мыса. От того или другого места сражения Дежнев с товарищами мог в 10 недель добраться до залива Креста, и через 4 года скитальчества то к взморью Анадырскому, то к губе Пенжиной немудрено было ему в отписках и рассказах бахвалить с дерзостью.

Тут сказано по старым описаниям, что при Чаунской губе группа островов могла показаться Дежневу раздвоенною; а на самом деле в этой губе точно два острова, по уверению г. Врангеля, след., стычка и конец плавания могли быть около мыса Шелагского или Кекурного. При том и другом мысе в заливах по паре островов, а у Дежнева такая пара есть характеристика Носа Чукотского.

4) «Что судно Дежнева, долго носившееся по морю, брошено было к полдню и, — по догадке Миллера, — к Олюторской губе». Можно ли так далеко видеть и так наугад говорить, когда лучше бы запросто понимать, что судно или затерто во льдах, или исчезло из глаз за островом, за мысом. Да и до того ли было при стычке, чтоб наблюдать за судном?

5) «Что на р. Камчатке, как после узнано, жили русские, вероятно, спасшиеся от крушения Дежнева судна». Могли быть из их числа, но чем увериться, что они туда зашли не иначе, как по морском обходе Чукотского Носа? Могли также быть занесены русские и с западного берега Ламы к устью Большой реки или Тигиля.

Вот все доказательства, по которым Миллер отдает первое открытие арктического пролива человеку*, по его же речам, не промолвившему слова ни о проходе до Носа, ни о наплывных льдах, ни о туманах, ни о жестоких осенних ветрах Ю. и С.-З. в проливе, могших ежедневно преграждать плавание и не на хилых судах, — человеку, не засвидетельствованному ничем и никем из товарищей и противоречащему себе, когда полагал он Чукотский Нос от Анадыря то в 3 днях ходу сухопутного и водяного, то опять в далеком расстоянии.

Мы не отвергаем возможности пройти водяную черту, не пройденную, однакож, ни Лаптевым, ни Шалауровым, ни Биллингсом, ни Врангелем; но не видим ничего убедительного, чтобы, без самообличения в народном самолюбии, осмелиться считать казака в Америко-Азийском проливе предтечею мореходца, которому морская история там завещала неоспоримое бессмертие имени.

* Колмогорец Алексеев, а не Дежнев, которого с казаками надобно считать пассажирами, был начальником судов, плыл 90 дней, и проплыл было Чукот. Носа 28° — 1324 вер., датам до губы вер. 400, с береговыми извилинами всего 2000, след., по 22 в. на день. Дело легкое на бумаге, но примите в расчет все неудобства судов, широты мест, жестоких ветров, маловедения морского, и вы должны будете назначить бой гораздо ближе Чук. Носа. Притом, когда 3 дня ходу от Носа до Анадыря, с чего Дежнев после боя шатается 10 недель, чтобы добраться до реки? Вся повесть его не отличается от сказок, какими казаки XVII века не уступают старым испанским морякам, включая сюда и сказку Стадухина о большой земле между Яны и Индигирки. Впрочем, если бы обход Ч. Носа был истинен, честь принадлежала бы не седоку, а хозяину, правившему судном.

Глава VII
ЗАКОНЫ

1. Соборное Уложение. 2. Продолжение законодательства для Сибири. 3. Оглядки на зады Сибири.

1. Среди завоеваний и утрат, среди бедствий и успехов протекло больше, чем полвека, как держава России укореняется в Сибири и, укореняясь, расширяется. Много пало храбрых, редкий в Сибири город или острог основался не на кости русской; много пало и иноплеменников неприязненных. Прошла мимо истории колония смелых, до первого самозванца в Сибирь явившихся; исчезли с лица степей, по тому же закону кратковременности, старейшины хищных орд, вторгавшиеся в нашу неопытную, прозрачную границу. Поколения их стихли, поколения внутренних крамольников свыклись с порядком непобедимым, а между тем приливы русских продолжались по назначению и по воле. При юродах и острогах чередились предместья, в полях, где текут воды, росли деревни. И русские, и племена подвластные начинали считать себя принадлежащими к одной великой семье. Кстати, как бы для скрепы сего союза и для счастия всей страны, славный преемник царя Михаила, сын и законодатель, обнародовал (10) в 1650 г. в Сибири и на великой реке Лене Соборное Уложение для поступления по нему в суде и расправе. В этом творении мудрости и опытности русских веков изложены священные обязанности к Богу в вере, к царю в преданности, также изложены права и обязанности всех состояний в общежитии. Какое благодеяние, какое счастье увидеть вдали от Москвы каждому русскому себя, свою семью, свой труд, свою собственность под защитою законов в жизни и по смерти! В стране, зарождающейся из многочисленных зародышей, хотя зародыши сии и не были еще мыслящи, не радостно ли предусматривать сложение будущей съединенной жизни, жизни небывалой.

Подобные предощущения, без сомнения, принадлежали душам, уверенным, что все, исходившее за именем и печатью царя, должно считаться святым, непререкаемым. Может быть, самовидец той эпохи сетовал, что книга законов, назначенная для народного благоденствия, быв прислана по одному экземпляру на воеводство, могла оставаться под спудом воеводы и его письмоводца; но обозревателю истории, знающему влияние письмоводцев и позднее, не всегда прилично быть чутким к подсказу стародавних наслышек, а довольно с него не быть глухим к преданиям неоспоримым. Он считает своим долгом заметить из Уложения особенные статьи, насчет Сибири поставленные.

На воевод, приказных и служилых людей, в Сибири находящихся (гл. X, 14), давать суд не прежде, как по окончании службы их в Сибири и по возврате в Москву. Кроме воевод, приказных и служилых, дозволяется (XXI, 117) всякому покупать в Сибири и вывозить в Россиютатар взрослых и малолетних. За проезжие грамоты (XVIII, 47) не брать печатных пошлин с сибирских служилых, с посадских и пашенных крестьян, потому что места дальние, да и приезжают в Москву временно. Если истец или

ответчик будет (XX, 109) ссылаться в своей правде на сибирские города, то не посылать за справками, а решить дело по открывшимся обстоятельствам.

Из всего видно: а) что Уложение, за отсутствием высшего в Сибири судилища, где бы рассматривалось поведение должностных лиц, не разумело их навсегда бессудными, но кто из обиженных туземцев захотел бы отыскивать удовольствие в столице отдаленной? Стало, неправды многие выходили правыми, от категорий места и времени; б) трудно вообразить причину, для чего Уложение, уступая право покупать азиатцев всякому, возбраняет его лицам должностным; в) исключение, для беспошлинного проезда дозволенное сибирякам без различия состояния, показывало благорасположение правительства к дальним подданным; г) из последней статьи, чтобы не откладывать решений в долгий ящик за справками с Сибирью, выказывается опытность судебная. Ибо по чрезвычайному расстоянию, бездорожицею увеличиваемому, Сибирь представлялась страною отдаленною, но не колониею, потому что ни Уложение, ни правительство не выражало подобной мысли. Скорее, судя по исключительному царскому праву на мягкую рухлядь, можно бы помыслить, что Сибирь в уме правительства считалась государевою отчиною. Если р. Лена, чрез 15 лет приобретения, уже назначается Уложением (XIX, 13) в страну исправительного переселения для посадских и тяглых людей, которые закладывали себя высшим сословиям для отбывательства от податей и служеб, причина сему та, что правительство недоумевало иначе заселить русским племенем край суровый, заселить не для хлебопашества, а для приюта и тепла. Теплая там изба в морозы, захватывающие дух, есть рай, особенно на полатях*.

2. Мы дали шаг Уложению, как вечному первообразу законодательства пред кратковременными распоряжениями, которые теперь и помещаются.

В сентябре (1633 г.) потребовано (11) под Смоленск из ближних городов Западной Сибири по человеку со 150 чет[вертин] земли, а из дальних — по 20 р. за человека, не исключая в обоих случаях ни воевод, ни приказных, ни стрельцов, ни казаков, ни татар. Это первый и последний в Сибири набор с земли.

В марте 1646 г. при сибирских соляных озерах и городских продажах учрежден надсмотр за денежным сбором с пуда соли по 15 к. без надбавки, введенной в России, и вскоре отмененной Сибири. Надсмотр вверен купцам гостиной сотни Еремееву и Третьякову с товарищи.

В феврале 1648 г. велено продавать от казны табак, которого завезено из Москвы в Сибирь до 130 пудов по 10 к. золотник тертого, а сырого — по 8 к.** с строжайшим воспрещением частной продажи, привоза или посева в Сибири, вырученные же деньги употреблять на закупку соболей.

Поэтому казна выручила бы за 130 п[удов] 45 000 р., сумму изрядную, если бы в декабре того же года не последовало повеление о сожжении остального табаку повсеместно, как и в Мангазее, с запрещением привозить и разво-

* Не раз мне доводилось подниматься в этот рай, и я таял в сладком забвении тамошней медвежьей температуры.

** Монета, известная в Судебнике и законах XVII века под именем **деньги,** слыла в народе **копейкою,** устоявшею и под казенным чеканом. Поэтому деньга принята здесь за копейку.

дить это растение. Должно думать, что причина быстрой перемены в законе основывалась на усмотренной невозможности пресечь корчемство при казенной продаже, с попущением же корчемства, без сомнения, сибирские ясачные звероловы прокурили бы знатную часть высокой рухляди.

В 1653 г. получена духовным начальством Сибири Корчмая [Кормчая] (Номоканон), переложенная и напечатанная при патриархе Иосифе, но разосланная при его преемнике Никоне. Это кормило к утверждению государственных законов руководствовало церковь и пастырей ея правилами, почерпнутыми из учения св. апостолов, соборов и св. отцов, с прибавками из греческого градоправления. Глава о степенях родства была необходима для церкви и не менее для гражданского судопроизводства.

До 1653 г. имя Сибири было символом богатства и пышности, местом предприимчивости и счастья; но с этой поры, для уменьшения как бы очарования, велено (12) воров и разбойников, присужденных к отсечению перста левой руки, отсылать в Сибирь. Можно бы подумать, что Сибирь, в понятиях щекотливо го характера, потемнеет и останется темницею злодеев; но, как правительство, не смешивая достоинства страны с унижением частным, не переставало отправлять туда правителей из родов знаменитых, особенно в Тобольск, Сибирь осталась в уме правомыслящих людей такою ж, какою казалась сперва. В самом деле, чести и бесчестию, добродетели и пороку есть где разместиться.

В 1654 г. состоялось (13) учреждение об уничтожении по всему государству сборов, пошлин и откупов на землях владельческих и духовных для освобождения промыслов и торгов с тем, однако ж, чтобы при постах и перевозах установить сбор казенный во всех местах, без различия собственности. Грамота сия могла иметь некоторые последствия для Сибири в одном понижении с товаров провозной цены, а не во внутренней отмене сборов по имениям владельческим, как небывалым. Правда, наклевывались деревеньки на землях жалованных и примерных у Софийского дома и монастырей, но нет исторических свидетельств, чтобы в них взимались проезжие сборы.

В 1657 г. дана верхотурскому воеводе грамота с предостережением (14) от морового поветрия. Карантинные наставления того времени, как любопытные, помещены в скобке грамоты.

В апреле 1657 г. велено взимать в Сибири подати и пошлины одною серебряною монетою, с позволением казакам и жителям расплачиваться между собою сею монетою, особливо мелкою, медную ж, ходячую в России, исключить из обращения сибирского. Тут заметно довольно важное установление одной серебряной монеты для Сибири. Если, с одной стороны, выражается тем изобилие в серебре и испытанная удобность вывозить казну серебром в Москву, то, с другой, не было ли намерения чрез металлическое свидетельство показать соседям Азии богатство и могущество России?

Вот и другое еще обстоятельство по торговле. Бухарцы, давно знакомые с Москвою еще до появления прикащика Дженкинсона в сей столице (1558), привозили в Томск, Тару, Тобольск и Тюмень ревень в числе прочих товаров. Но в ноябре 1657 г. последовало запрещение на торг в Сибири ревенем черенковым и копытчатым с повелением не пропускать сего растения ни в Россию, ни к Архангельску и возвращать его с хозяевами за границу потому-де, что в

России нет похода на ревень. Согласны, что русским не было знакомо употребление сего растения, но когда греки и другие иноземцы приезжали в Астрахань для закупки ревеня, как видно из того же узаконения, прилично бы заметить государственную погрешность в напрасном заграждении случая к транзиту в двух пограничных исходах, если бы благо транзита могло быть понимаемо политикою того времени. История ревенная, здесь начавшаяся, теперь пойдет безотлучно с судьбою Сибири при бесчисленных изменениях, и разве одна гомеопатия изгонит сие насильственное лекарство, как сперва оно было изгнано упомянутым указом.

С 1657 до 1662 г., когда в этот промежуток строились и перестраивались, терпели и отражали нападения по Южной Сибири, начальства сей страны не получали от престола особых установлений. Ибо во все это время с 1654 г. внимание монарха, хотевшего поправить трактаты своего родителя и поместить в титуле Литву, и даже Польшу, было отвлечено на борьбу то с Польшей, то со Швецией, то с Малороссией, столь же шаткою в подданстве, сколь легкомысленною в выборе своих гетманов. Воспользуемся же досугом, дабы сообразить следствия завладения и управления Сибирью, а наперед изъяснимся о предложенных законах в отдельном смысле к Сибири. Это правда, что с падением Судебника Сибирь перестала знать судей с боярским и наместническим судом, и истец не обязывался платить двойственных процентов с рубля одних, со времени царя Бориса присвоенных казне вполне, сколько следовало по Судебнику судьям и их канцеляриям, а других, взамен того предоставленных на произвол судей и дьяков; правда, что судному грабежу, как Татищев характеризует его, миновала пора с появлением Уложения; но Уложение без блюстительной власти успело ли переломить долговременные навыки, когда оно, сделав легкую острастку воеводам, покинуло дальнюю страну в их руках. Конечно, не дошло до нас положительных известий, как тогда судили и судились; но ошибемся ли, когда вообразим себе, что по иску, справедливому или затейному, воевода сам допрашивал ответчика в кандалах, забирал всех, чье имя будет промолвлено на суде, и садил их в тюрьму, сам по крестном целовании сказывал приговор и сам исполнял его, или по воле его был исполняем. Сибирь была в руках воевод.

3. При сближении с следствиями, происшедшими от Управления и нового быта, нельзя не оглянуться на зады Сибири, которая с тех пор, как мы ушли из нея далеко на восток, продолжала нередко терпеть по границе тревоги и даже разорения, несмотря на укрепления, строившиеся по линии Южной.

Мы видели, что в 1641 г. Красноярск успокоился, подкрепляясь притом Ачинским острогом, на некоторое время смятым и опять возникшим. Не лучше того происходило и на западе, с переменным счастьем. В 1640 г. Давлет-Кирей, кучумовец, ограбив и разорив деревни около Тарханского острога, не смог только повредить самому острогу. Столь близкая к Тобольску дерзость была огорчительна тем более, что этот город с окружными деревнями в 1636 г. понес от великого наводнения несметные убытки в строениях, запасах, скоте и во всей почти собственности.

В 1641 г. калмыки торготского поколения, в числе 700, бились с казаками, принужденными спасаться втом же укреплении. В 1646 г. по большему движению, какое замечено у калмыков, кочевавших по Ишиму и Тоболу, тобольское началь-

ство, не полагаясь на защиту Южной линии, как ослабленной в числе ратников, часто удаляемых за Енисей, опасалось осады для самого Тобольска*, но пополох миновал без всякой беды, в 1651 г. разорен и выжжен кучумовцами монастырь Долматов.

В том же году застроенная на Утке от Верхотурского воеводства слобода вскоре разорена сылвинскими татарами. В следующем году телеутские родоначальники Маджики Кока, сын известного Абака, прежде подданные московского царя, делают набеги на Кузнецкий округ. Они продолжают то же ремесло и в 1656 г., ачерездва года, теснимые ополчениями контайши, снова прибегают в подданство России, так что значительная часть телеутов, увидев коловратность своих вождей, переселяются навсегда в округи Кузнецкий и Томский. В 1659 г. Абугай, кучумовец, вспомоществуемый калмыцкими родоначальниками, расхитил на Барабе деревню Татарскую и успел ускользнуть от посланного отряда. В 1660 г. калмыки, подданные контайши, опять грабили Барабу, на которой кровь человеческая не переставала литься, как будто на римской позорищной арене. При сем случае произошли два достопамятные обстоятельства, одно безрассудное, другое благоустройственное. Тарские воеводы, известясь о помянутом набеге, послали гонца на Москву

* *Сборник* при этом случае передает из *Осадного списка* любопытное расписание оборонительного приготовления с показанием сил человеческих и воинских.

а) Быкасовскую башню от осыпи Иртыша до Воскресенских ворот на 250 саж. ведать сын-боярскому Черницыну и атаману Антонову. У них в команде 180 казаков пеших. На башне пушка по длине 9-четвертная, по выбрасываемому металлу $2\frac{1}{4}$-фунтовая; при ней 10 пуль железных, $22\frac{1}{2}$ [фунта] пороху пушечного да на затравку ручного $\frac{1}{2}$ ф. Пушкарь Сидоров, для поворота 2 крестьянина пашенных, у боевых окон 4 казака пеших. Всех 189.

б) Наугольную башню до казачьих ворот на 200 с. ведать сын-боярскому Бовыкину и атаману мурзе Выходцеву. У них 30 стрельцов, 50 казаков пеших, 81 посадских. На башне пушка медная $1\frac{1}{4}$-фунтовая, при ней 10 пуль железных, пороху $20\frac{1}{2}$ ф. Пушкарь Тенеярыков, для поворота I крест, пашенный, у боевых окон 4 казака пеших. Всех 169.

в) Казачьи ворота до ворот Пермских на 125 с. ведать сын-боярскому Кибарову и атаману Сыркову. У них 30 посадских, 89 крестьян. На башне пушка полуторная 4-фунтовая, при ней 10 пуль железных, 40 ф. пороху да на затравку фунт. Пушкарь Ильин, для поворота 3 крест., у боевых окон 4 казака пеших. Всех 119.

г) Пермские ворота до Базарных ведать сын-боярскому Аршинскому и атаману Выходцеву. При них 20 архиерейских служителей, 14 церковных, 78 казачьих детей, 44 служивых тобольских, живших в городе и в очередь свою нанимавших за себя. При воротах медная пушка 2-фунтовая, 10 п[уль] жел[езных], пороху $20^{1}/$, ф. Пушкарь Ширков, для поворота 1 крест., у боевых окон верхних и нижних 8 казач. детей. Всех 168.

д) В Базарных воротах до городской стены на 20с. 5 казач. детей. Пушка 2-фунт., при ней 10 пуль, пороху $20\frac{1}{2}$ ф. Пушкарь и для поворота крестьянин, у боевых окон 4 чел., 2 воротника из казач. детей. Всех 13.

е) У нагорных надолб, что у Воскресенских ворот, быть 2 детям боярским с 30 каз. пеших и во всех ворогах городских по 8 стрельцов.

ж) Государевы анбары под горою ведать атаману с 35 тюменских казаков. У подгорных надолб быть литовскому ротмистру и головам конных казаков с литвою, конными казаками и татарами служилыми.

з) Под горою у Знаменского монастыря быть атаману с 30 тюменских казаков-годовальщиков.

Всех, кроме отряда при анбарах и стражи городских ворот, было 721 чел. Да отставных, о коих сведение взято отсюда же в статью о населенности, жило в Тобольске 911.

Кроме 5 помянутых пушек, оставалось в запасе 4 медных и при них 560 пуль железных. Пороху ручного 759 п. 30 ф., пушечного 690 п. 28 ф., свинцу 907 п. 21 ф.

в Сибирский Приказ, который ничего другого не мог сделать, как велеть соединить команды смежных городов тобольского разряда, но время, разумеется, ушло. Тогда Тобольское воеводство, как областное, признав своею обязанностью представить о вреде, какой может происходить и впредь от самовластия городов, успело испросить в 1661 г. постановление, чтобы без ведома тобольского начальства подведомные воеводства не имели права ни вступать в поход, ни принимать посланников, обыкновенно приезжавших с караванами. Из того вышел оборот, что и караванам надлежало приходить в Тобольск, в предосуждение прежнего торга Тары и Тюмени и в неожиданную выгоду Тобольска.

ГЛАВА VIII
СЛЕДСТВИЯ ПО ОБОИМ ОТДЕЛЕНИЯМ

1. Состояние границы. 2. ЗНАКОМСТВА заграничные. *3.* ОСПА. 4. Торговля древняя. 5. Первоначально-сибирская. 6. Инородческая. 7. Пути сообщений. 8. Язык. 9. Населенность. 10. Сходство туземных племен.

1. При конце первого отделения изъяснив причины пограничных тревог, теперь пополним то изъяснение двумя остальными, т.е. медленным, бессвязным устройством Южной линии, как можно увериться одним взглядом на перечень ея острогов, и нескладностью сибирской границы, начиная с Камы.

Довольно сказать о Южной линии, что она росла на земле медленнее, чем линия Вобановых твердынь на Рейне, по беспечности и разномыслию воевод, по малочисленности воинских людей и не менее — по частой смене первых, чрез каждое трехлетие. Какое усердие могли они посвящать стране, когда только ознакомятся с нуждами и средствами местными, как и должны сдавать дело благоустройства, словно дежурство, в новые руки?

Относительно нескладной границы надобно начать с того, что в первом периоде не было даже Восточно-Закамской черты*, кроме одной Уфы, выброшенной в степь Башкирии.

Не было Красноуфимска, ни Ачитского укрепления, кроме Кунгурас поскотиною, в 1624 г. построенного выходцами из Чердыни в надежде на верность башкирцев, тогда еще не изменявших. Поэтому пограничная черта России, проходящая по Каме, переломясь под углом при устье Чусовой, падала на восток к Уралу, где, опять уклонясь к хребту Павдинскому, шла оттуда на юг по поскотинам и полям округа Верхотурского, с запада и юга открытого; далее по Исети шла она чрез ос. Катайский, любуясь двумя монастырями и связываясь четырьмя укреплениями до ос. Усть-

* О Закамской линии некоторые заключали, что она заведена еще в царствование Феодора Ивановича для защиты от крымцев и шла чрез Заинек, Новошешминск, Билярск, а за Волгою — чрез Тагай. Не имея надобности замечать несовместность крымских натисков на Каму, скажем, что поименованная линия разумелась до 1662 г. простою границею, хотя некоторые из местечек и существовали по дорогам от Лаптева и Елабуги к Уфе. Линия Тагайская, или Симбирская, под смотрением боярина Хитрова с 1648 до 1654 г. строившаяся для безопасности от калмыков, не принадлежит к Закамской.

Ишимского; отсюда вверх по Иртышу до ос. Усть-Омского* и оттуда, возвратись по той же реке, вперед к востоку падала чрез татарские деревни Тарского округа, непрестанно тревожимого, пока не сблизилась с зимовьем Чаусским. От Ч аусска она выбрасывалась до Кузнецка и оттуда бежала на Чулым и Красноярск. Таким образом, мы видим границу от Камы до Енисея, кривляющуюся без всяких предначертаний к ея обороне, мы видим близ себя мятущихся варваров во всех ея направлениях: и по сторонам Урала, и по самому Уралу, и в степи Исетской, Ишимской и Барабинской даже до ос. Канского. К счастью нашему, по неискусству орд в водоходстве, и неприязненных и покоренных, мы были безопасны со стороны рек, с юга вливающихся в Сибирь.

2. Заграничные знакомства Сибири необходимы в долге разведываний о силе соседей, но в отношении к последствиям довольно маловажны. Они обращались главнейше к контайше, частью к Алтын-хану, однажды к Цецен-хану и раз к маньчжу-китайскому хану.

Тайша Батор, сын Харахолая, чрез посланцев бил челом в Москве царю, чтобы жить ему под высокою рукою царя и служить ему ратными людьми. Государь, похвалив преданность и готовность к сл'ужбе, позволил улусникам его приезжать в сибирские города для торга лошадьми, скотом, товарами и обещал приказать воеводам жить в дружбе с калмыками. Грамота от 14 апреля 1618г., писанная за приписьюдьячьею, как к подданному, отдана посланцам. Подобная грамота вручена от 25 мая 1620 г. посланцам тайши Харахолая, домогавшегося о принятии его под Российскую державу, причем пожалован Харахолай тканью золотною с пуговицами и серебряным кубком под золотом. Замечательно, что в обеих грамотах отец и сын именуются просто тайшами и что при позволении торга улусникам их не сказано: без пошлин. С сих пор надлежало бы начаться пересылкам между воеводами и ойрадами, но по разладице, между калмыками продолжавшейся, пересылки становятся гласными между Тобольским воеводством и Чжунгарией по делам пограничным, не ранее как со времени управления контайши Батора из чоросского племени. Посланец наш подавал стоящему без шапки контайше лист, данный из царствующего града Тобольска такого-то года, числа, месяца; лист по титуле начинался: и тебе б NN контайше принять жалованье В. Г. Его Царского Величества**, бить челом на государской милости, служить верно, во всем прямить и пр. Потом посланец читал чрез переводчика наказные статьи именем государя, при произнесении которого контайша, вставая с места, стоял без шапки, как и во время спроса его о здоровье Московского Величества. Один дельный договор, какой был добыт в 1636 г. у контайши помянутым воеводством, состоял в непрепятствовании брать сибирским командам соль из Ямышевского озера, с прочими статьями внешней безопасности, но калмыки контайшинские не вовсе унялись от бесчинств. В 1649 г. послан был в степь стрелецкий капитан Кляпиков протестовать о нарушении

*Об ос. Усть-Омском и двух других, не наименованных, уверяет посланник Байков. См. *Путем,* его
в Китай, напеч. *ч Др. Вивлиоф.*

** Из сей формулы видно, что контайша, по примеру ногайского князя, получал царские милости. Сибирские воеводы не называли ни Галдаки, ни его преемников ханами.

договора, но полного удовлетворения не последовало, по пристрастному и превратному суждению. Контайша Батор раза два списывался с самим государем, в тоне сверстническом, посылал подарки степные и просил отдарков больше странных и затейливых, чем убыточных. Двор Московский едва ли отвечал контайше, потому что в Собрании Государственных грамот того нет, а приказывал воеводству удовлетворять его. Посылка серебряной посуды, принимаемая за факт, должна быть препровождена при листе воеводе. В 1648 г., по шаткому поведению контайши против Сибири, посланцы его не пропускались из Тобольска в Москву.

Алтын-хан как сосед и соперник контайши начал с 1632 г. искать покровительства России и через два года присягал на верность подданства московскому царю, не сам своим лицом, а чрез своего племянника и двух шуряков-табунанов. Двору довольно было этой торжественности, чтобы считать хана данником; но хитрый данник смекал в своей присяге, как искусный банкир в своем векселе, один выгодный перевод. Посылая ясак, он всегда желал несоразмерных отдарков, и такому же барышничеству следовали его близкие. Сверх того, он не прежде отпускал посланцев наших, как успеет обобрать их дочиста. Если б этот грабитель не расстался в 1657 г. с душой жадной, вероломной и прямо степной, сын его Лоджан (Лацзан), пробиравшийся с многочисленным ополчением и с вестью о смерти отца возвратившийся домой, наделал бы Томску много хлопот.

Цецен-хан, как выше сказано, раз отправлял своих посланников в Москву, где, вероятно, предложены были выгоды взаимного торга и требования свободного проезда в Китай, чрез его владения.

Двор российский, получив чрез все сии каналы достаточные сведения о Китае, решился наконец измерять расположение сей державы, тем более что по завязавшимся на Амуре делам Россия сближалась с отчизною хана маньчжу-китайского. Царь Алексий, полный удовольствия, какое чувствовал от воссоединения Малороссии с ея отечеством, и оживляемый надеждами военного счастья, велел в том достопамятном 1654 г. отправить в Китай посланником дворянина с грамотою царскою* и с подарками, в приличной свите, и в сем звании отправлен из Тобольска сын боярский Банков.

Путь ему назначен через западные области Китая и для поспешествования препоручен от воеводства тайше Аблаю, за Иртышом владевшему независимым аймаком, в котором заключались и изве-

* Грамота сия напеч. у Верха в *Царствовании А. М.,* 2-й том, 172-я стр. В грамоте государь, изобразив славу и величие государей, своих предков, просит боглохана сказать свой полный титул, изъявляя желание быть с ним в крепкой дружбе и пересылке, а о делах торговых и амурских ничего не помянуто, потому ли, что это поручалось изустному переговору посланника, или что не считали Амура принадлежностью Китая, или надеялись успехами русского оружия заставить правительство пекинское вызваться на изъяснение. Нельзя также не заметить, что в грамоте не выставлено имя посланника, названного только дворянином, из чего можно заключить, что избрание сего лица предоставлено Тобольскому воеводству, которое и назначило тобольского сына боярского Ф. И. Байкова.

В сибирской истории часто встречаются дети боярские (тобольские, енисейские и т.п.), также и архиерейские. Дворяне ли они или нет? Это обязывает взглянуть на старину и обратить взгляд на последствия недавние.

стные развалины Аблайкида*, издали величающиеся гранитными зубцами прилежащего хребта, — тому Аблаю, который по настоятельной просьбе получил прежде в подарок Ермаковы кольчуги.

Байков, испытав много затруднений вдороге, наконец во владениях китайских потребовал себе и свите содержание и подвод и все то получил не прежде, как по разрешении. Он приехал в Пекин в марте 1656 г., т.е. через год после славного отбоя, Степановым выдержанного в Колмарском городке против многочисленного маньчжу-китайского войска, о чем посланник не имел никакого слуха. Когда потребовали у него именем богдохана Чуньджи привезенных подарков и грамоту, Банков передал первые, но не грамоту, которую-де велено лично поднести богдохану. Был приглашен в коллегию церемоний для научения поклонению, но посланник отказался, оправдываясь тем, что он послан от государя к государю. Министерство, заметив после упорства Степанова другой опыт неуступчивости, отказало посланнику в чести представления, возвратив ему и подарки.

Байков выехал из Пекина в напутствии двух чиновников, но недовольно почетно, как он сам изъяснился в *Журнале путешествия***.

Миллер и другие некоторые хвалят твердое поведение Байкова, и мы бы похвалили, если бы дело шло о ничтожном личном point d'honneur; но на Байкове лежал высокий долг начать дружбу политическую с государством самодовольствующимся, ни в ком не нуждающимся и независимым географически и камерально. Как же можно согласиться бить челом? Также, как последовавшие

В 1550 г. в числе тысячи охранителей, в 60 и 70 вер. около Москвы размещенных, полагались и дети боярские 3 статей. Не говоря о первых двух статьях, в которых был и записаны дети истинно бояре кого и знатного происхождения, в списке дворянских детей 3-й статьи провертываются и такие, которые написаны полуименами. Сии последние не были ли выборные городов ил и неважных городов дети боярские? Ибо известно, что в России города имели, по примеру дворян подлинных и выборных: а) своих постоянных детей боярских, которые считались ниже дворянства городового, и б) выборных детей боярских, или зауряд, по вытребованию правительства.

Я думаю, что последние под бук. «а» и <-б» перешли в Сибирь в немалом числе и на новоселье стали называться по именам городов, в которых зачислены на службу. Из произведенных в звание сына боярского, в пространстве I периода, нам известен не один Ерофей Хабаров.

В следующих затем периодах за отличие производились, то Сибирским Приказом, то воеводами, с дозволения главных воевод и потом губернаторов, в звание детей боярских нижние служилые и даже крестьяне, служившие в казачьей службе, без исключения из подушного платежа, согласно высочайшей резолюции от 16 августа 1721 г.

Дети боярские были при Тобольском Софийском доме, как при Патриаршем, при Новгородском и других архиерейских домах. Что за степень архиерейских боярских детей? Вопрос сей разрешается силою высочайшего указа, 25 августа 1719г. последовавшего; им велено взять в рекруты 200 ч. из монастырских служек и боярских детей Тобольского архиерейского дома. Вот уравнение, под которое подходят сибирские боярские дети всех начальств!

* О развалинах Аблайкида писали Миллер и Паллас, но с большею отчетливостью Г. Спасский в *Сиб. вести.* 1818 г. Еще подлежит вопросу: не древнее ли Аблаева времени эти развалины, может быть только возобновлявшиеся в проезде Байкова? Невероятно, чтобы при раздоре Аблая с тайшами пострадало капище общего их поколения. Не современны ли они Хубилаю, когда буддизм распространялся по всей Монголии и потом был ниспровергнут в течение 200 лет?

** Он напечатан в *Др. Вивлиофике.* Можно по сей части читать Миллера в *Ежем. соч.* Замечательно, что и в первом посланничестве, и в последнем посольстве, также неудачном, Байковы имели свои роли. При графе Головкине Банков был старшим секретарем посольства.

за тем посланники вразумели эту необходимость. Пока Россия принадлежала по своим обычаям к Древнему Миру, разве не любила бить челом? Если справедливость требует, чтобы смотреть на Китай как на монументальное государство Древнего Мира, на государство, которое властью обычаев неоднократно покоряло духу своих преданий самых свирепых победителей, то для чего бы посланнику, без армии издалека прибывшему, не подчиниться закону земли, исполняемому первыми ея чинами? Изменять тысячелетние обряды принадлежит не временной группе гостей, но собственной мудрости или внешней силе. Тогда дела наши на Амуре могли принять благоприятнейший для Сибири оборот.

3. Одно из последствий русского завладения Сибирью, самое гибельное, как и неотвратимое, было внесение оспы в среду орд, которые не только по своему неведению, но и по образу житья должны были испытать всю жестокость заразы. Инородцы оставляли юрты, бросали заболевших без призора, почти без жалости, довольствуясь одною детскою хитростью, чтобы при входах юрточных ставить натянутые луки со стрелами для поражения повальной болезни, которую они воображали в виде непримиримого чудовища, или выжигали на лице ямки для показаний ему, что этот запятнанный человек уже был в переделе.

В 1610г. оспа появилась среди остяков Нарымского ведомства, в 1631 г. она свирепствовала около Туруханска над остяками и самоедами, опустошив за год людность Нарыма, и без того расстроенного от недавнего пожара, потом от необычайного наводнения. В 1651 г. тому же злополучию подверглось племя якутов, и эта беда была только первым испытанием. Летописи наши молчат о степенях опустошений, но по изустным сказкам, по соображению бесприютного жилья в жестоком климате и по сравнению поздних утрат, какие замечены в Камчатке, надобно полагать, что оспа во времена своего появления пожинала не $^1/_{10}$ или $^1/_7$, $^1/_5$, как бывало в Европе до введения искусственного прививания, но инде $^1/_3$, инде $^1/_2$ и даже $^3/_4$. Все отделы племен сократились в людности, и иные даже вымерли, если не во время, здесь означенное, то в последовавшие повторения болезни. Вот изъяснение, отчего туземная населенность Сибири в поздних наших переписях выражается не в тех итогах, в каких была при завладении края.

4. Вела ли Средняя Азия когда-нибудь торг чрез страну Тоболо-Иртышскую (чрез Зап. Сибирь) с Югрою, Пермью и Лопией, т.е. с древнею Биармией? Нет сомнения, что болгары, до 1236 г. господствовавшие на устье Камы, имели связи с торговыми городами Мавераннегра и, опоясывая своею промышленностью обе населенные покати Уральского хребта, развозили ткани, свою юфть и другие изделия до Миасса и, может быть, до Исети, а на западе по Каме — до Югры, Печоры и Перемни, пока места сии с Западною Лопией не вошли в свое время в число волостей Великого Новгорода. Равномерно, по уничтожении болгарской самостоятельности, новые торговые города при чжагатайском, тимуритском и шейбанатском поколениях, в междуречье Дерьинском возрождавшиеся, могли устремляться для сбыта и закупа в степи западно-сибирские, ногаями, башкирами и пр. занятые; но чтобы дорога торговая лежала на запад чрез Урал, нет следов в пространстве обоих времен.

Есть, конечно, исключение, совместное в обоих временах, и это северная

дорога затесей, которая у нас названа древнейшею. Очень вероятно, что поморье, между Камнем и Лопией лежащее, производило закупку и продажу на счет болгаров или новгородцев в поморье восточном тою же оленною и полуводяною тропою, по какой впоследствии сообщались зыряне с Обдорией до берегов Енисея.

Берх, любитель древностей и истории, рылся около 1821 г. в близких к Чердыни городищах, как то в Искоре и т.п., находил в них, как и прежде него находили, металлические поделки чистой обработки, свидетельствующие, что там или инде живало племя, имевшее вкус к изделиям сего рода. В 1828 г. и мне показывали затейливые галантерейные вещицы, вырытые в земле старого Чердынского городища. Не смешивая древних находок с нашим вопросом о древней сибирской торговле, можно относить их ко времени незапамятному или к болгарскому, только не к новгородскому. Великий Новгород XII и XIII веков не был в своих выходах так скрытен, как Карфаген, и в каких-нибудь хартиях оставил бы известия о северных ярмарках поморских волостей, разве только по соперничеству с болгарами воспротивился их торгам и прекратил ярмарки.

Приближаясь ко времени, которое предшествовало взятию Сибири, можно с достоверностью полагать, что караваны бухарские ходили до Искера с тех пор, как учредился в нем курень владетельный; что сверх того они странствовали по степям Ишимской, Исетской и Барабинской, когда видели там кочующих татар разного наименования, выменивая чрез них мягкую рухлядь собственной их добычи, или чрез вымен же получаемую от вогулов и остяков. На переходе торговли от древней к новосибирской стояли те же бухарцы, чему свидетельством служит грамота Байсеит-мурзы, в 1597 г. напечатанная во 2-й ч. Госуд. грамот.

5. Лишь только начали русские овладевать Сибирью, как и встретились в Тюмени, Тобольске, Таре и потом вТомске с бухарцами, с давними знакомцами по Москве. Не только в это время, но и ранее четвертью века, англичане и голландцы предпринимали протереться мимо берегов Сибири в Восточную Индию. Англичанин Бурро в 1556 г. достиг до Вайгачского пролива; земляки его Пет и Жакман в 1580 г., в одно время с походом Ермаковым, дошли до устья Печоры; голландцы три раза пытались пройти Ледовитым морем, и одному из них удалось только зимовать на восточной стороне Новой Земли; англичанин Вуд в 1676 г. потерял корабль во льдах того же острова*. Если бы кому-нибудь из них посчастливилось пройти вместо Индии до губы Обской или Енисейской, Сибири можно бы, по крайней мере, мечтать о торговле приморской, вместо которой ныне суждено довольствоваться одною караванною и гужевою. Таким образом, торгаши бухарские безостановочно привозили шелковые, бумажные и шерстяные ткани средственной доброты, мерлушки, шкуры корсачьи, иногда даже леопардовые и тигровые, также плоды сушеные, для обмена на мягкую рухлядь. Соотчичи их, до Кучумова и после Кучумова времени поселившиеся в разных местах Сибири, занимались тем же ремеслом. Со стороны России торговые люди Устюга, Лальского посада, Архан-

* Подробный отчет об этих плавателях, не принадлежащий к нашему намерению, можно читать в *Четырехкратном пут.* Литке, и мореходца и писателя отличного.

гельска и даже из Москвы приезжали с деньгами или простонародными товарами для приобретения мягкой рухляди из рук казаков, промышленников и приближенных к воеводам. Нельзя определить из добрых начал величину ни торговли, ни капитала денежного, след., и оборота полного; но то известно, что она была огромна числом, по дешевизне цен (как, напр., фунт бобровой струи продавался 40—50 коп.) и равно не безденежна по количеству серебряной монеты к концу периода, пока Россия была богата серебром, как мы видели из грамоты 1657 года.

По соображении всего выходит, что первоначальная сибирская торговля, стесняемая всемерными ограничениями, как читали в приведенном наказе, попалась в две руки: служебную и посторонне-посадскую. Поэтому торговли, принадлежащей собственно переселенцам русским, не было, да и могла ли быть она честным путем? Они не принесли мастерств, кроме навыка срубить дом и заготовить упряжь, да пахотные способы: женщины их умели только соткать толстый хрящ и сермяжное сукно для своего обихода. Однако ж переселенцы скоро сбросили лапти по изобилию кож и по невсеместному липняку.

6. По движениям завоеваний, еще не конченных, и по необузданности завоевателей мена инородцев как-то робела, отчего и средоточия торговые, т.е. ярмарки городов и острогов, гораздо позднее улегшиеся, только наклевывались. Одна ярмарка Обдорская, известная с создания Сольвычегодска, но в настоящую пору стоящая под стражею таможенных застав, не могла уже пользоваться свободою без ограничения: ибо высокая мягкая рухлядь была заповедным товаром. Полагать надобно, что и сами инородцы, имея для своего продовольствия в водах, на водах и в лесах, где есть леса, рыбу, прилетных птиц, дичь лесную, лосей и т.п., были равнодушны к надеждам улучшить свое состояние, тем более, что их женщины имели в руках искусство выделывать кожи звериные или птичьи для парок или куклянов, одежды зимней, ловко опоясывающей и красиво вышиваемой их же руками, равно для лета легкие камлейки из кож осетровых или налимовых.

7. Сибирская дорога от Москвы к Тобольску, после водяного Ермакова пути, лежавшего по рр. Журавле, Баранче, Тагилу и Туре, дважды была изменяема. Сперва, и ненадолго, она проходила чрез Чердынь и Растесной Камень, оттуда на восточной стороне по Лозьве, Тавде и Тоболу; после, с 1597 г., переведена посредством расчисток и гатей на Соликамск, Верхотурье и Туринск. От Соликамска к России было 4 направления*. Кроме того, была еще летняя тропа для верховой езды, пролегавшая из Туринска, после и Тюмени, чрез Катайский острог на Уфу, по западной стороне Урала с пересечкою его подле Азовской горы; и по этой тропе происходили

* 1-е направление — чрез Верхотурье, Соликамск, Лальск, Устюг, Тотьму, Ярославль и Ростов.

2-е напр. — чрез Верхотурье, Соликамск, Вятку, Яранск, Санчурск, Нижний Новгород и Володимер.

3-е, летнее, — чрез Соликамск, Новоусолье, Ягошиху, Осу, Сарапул на Казань.

4-е, летнее ж, — из Нижнего и Казани Волгою, Камою до Соликамска и оттуда сухопутно на Верхотурье, хотя и установлено правительством не ранее 12 сентября 1682 года *(Акт. Арх. Эксп.,* том IV); но надобно полагать, что этот путь давно употреблялся купечеством, Строгановыми, воеводами сибирскими, да и само правительство отправило в Тобольск железо Волгою в 1680г., как видно будет во II периоде.

пересылки воевод в нужных случаях, особенно в последнюю декаду периода, исключая одного раза, когда в 1594г. велено было отряду служилых, из 554 чел. состоящему, пробраться в Сибирь от Уфы степью. Отряд сей шел на построение Тары, но начальник его кн. Элецкий, как обязанный в сибирских городах набрать два таких же отряда, следовал большою дорогою.

До которых же пор большая чрез Соликамск и Верхотурье дорога продолжалась? До 1763г., т.е. до упразднения уральских таможень, потому что непроходимые топи и болота, по обеим сторонам этой государственной дороги лежавшие, делали ее безопасною от провоза заповедных или беспошлинных товаров. В правление императрицы Анны протоптали было неуказную дорогу чрез Екатеринбург и Кунгур, но по недочетам в сборах Верхотурской таможни она строго возбранена в 1739 г. Самовольный проезд чрез Кунгур ввел в ошибку Фишера, как можно видеть на 393-й стр. его *Истории.*

Рассказав государственную дорогу до Тобольска, можно присовокупить, что отсюда она шла зимою и летом по Иртышу, Оби, Кети и сухопутно до Енисейска, откуда опять водою по Верхней Тунгуске до Илимска, где дорога делилась на две ветви: к северо-востоку чрез Усть-КутпоЛенедоЯкутскаидалее, акюго-востоку — по Ангаре, чрез Байкал на Баргузинск и ос. Иргенский до Нерчинска. Вот главные пути сообщений в периоде оканчиваемом!

8. Слово, сие чудесное дарование Божие, сие музыкальное возглашение духочеловека, обнаруживающее всю внутреннюю жизнь его, как и безмолвную, но красноречивую жизнь Неба и Земли, выражается бесчисленными изменениями в одном даже племени, если племя делится временем, местом, категорией быта и иногда климатом, — это слово называется языком. Знать господствующий говор языка —значит знать частипу его, конечно лучшую и любопытнейшую, если отсвечивает в ней ум или сердце; но, во всяком случае, нет вечности для наречия, сколь бы ни казачосьоно выработанным. Наречие новгородское есть второе дитя славянского языка, если должно признавать наречие южное за первенца. Сколь ни грубо новгородское, но по долговременному и обширному влиянию Новгорода на севере, оно, как неизменный стереотип, везде печатается в разговоре до Камчатки, до Кадьяка. Сибирский говор есть говор устюжский, подражатель новгородского. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами и их собратией, говорившею тем же наречием. Устюжане дали нам земледельцев, ямщиков, посадских, соорудили нам храмы и колокольни, завели ярмарки, установили праздники Устюжских Чудотворцев, вошли как хозяева в доверенность у инородцев, скупапи у них мягкую рухлядь на табак, на корольки и топоры, а к ним привозили серебряные кресты, перстни, запонки, финифтяные табакерки и прочие щепеткие изделия своей работы. По какому-то жребию единообразия, даже казачьи команды пополнялись из таких городов, где говорили тем же наречием. Стефан Великопермский, по плоти устюжанин, низлагая с 1383 по 1397 г. идолов Угры и Печоры, пермяков и зырян, кажется, с берегов Выми благословил путь к востоку своим землякам, даже до Баранова, перенесшего устюжскую образованность на берег Америки. Как бы то ни было, нельзя, однако ж, не видеть причины, для чего московский говор, легкий и приятный, как счастливый баловень, не успел в

Сибири взять поверхности. Воеводы и их товарищи, дьяки и письменные головы, хотя приезжали с семьями и домочадцами, отделялись степенями состояния от жителей, которые, если видят к себе презрение, любят лучше передразнивать надменных, чем им подражать. Много было детей боярских и стрельцов, но не москвичи урожденные.

Сибирское наречие в произношении буквы «о» свято держится отдельного букварного выговора так, как бы всегда лежало ударение на ней. Сверх того, наше наречие удержало обветшалые слова, уполномочило самодельные и переиначило ударение многих. Сибирский разговор ленив и холоден, но без легкомыслия, не текуч и малословен, как бы с числом и весом, и, к сожалению, темноват по привычке пропускать глаголы, оживляющие мысль. Перевалясь из Екатеринбурга в Тобольск, замечаешь чувствительную разницу в разговоре и оттого, что он свертывается в домашний и томится около своих муравейников. В Иркутске тем чувствительнее разница, чем далее от России. Разумеется, что эти замечания, высказываемые против старого времени или старых людей, не падают на лица образованные, ни на молодежь купеческих детей XIX века, посещающих государственные ярмарки для обмена товаров и поверьев.

Что касается до наречий инородческих, не имея данных, чтоб судить о них, мы довольствуемся бросить несколько слов о наречиях остятском и самоедском в пределах острогов Березовского, Мангазейского и Нарымского. Остяко-обдорское наречие, начиная с Урала, по какой-то твердости доныне остается неизменным в выговоре слов, напротив, остяки, выше по Оби живущие к Березову, сокращают выговор обдорский, как бы срезывая окончания слов. Остяки кызымские столько различаются в наречии, что не всякий из обдорян может их разуметь; остяки, к Нарыму прилегающие, те самые, которые прежде слыли пегою ордою, как-то шепеляют*. Самоеды обдорские, начиная также с Урала, говорят твердо и резко; но живущие за Тазовской губой произносят в нос. Поэтому видно, что изменчивость наречий определяется не всегда климатом, не всегда большим расстоянием, но разобщением, небывалостью письменности и отсутствием чтения, которое одно, независимо от пространств, примиряет причуды наречий, хотя на выговор и не вполне действует. Вообще замечают, что голосовой орган звучнее и громче у самоедов, чем у остяков.

Мы разделяем заключение первого енисейского губернатора, что язык тамошних остяков не имеет сходства с языком тех же поколений, живущих инде в Сибири**. Еще два слова. Доктор Кибер, около 1821 г. навестивший Колыму, отзывается, что ламуты, тунгусы и юкагиры говорят с живостью о своих промыслах и что язык первых богат и сладкозвучен при изобилии букв гласных. Но при конце первого периода инородческие наречия в таком ли состо-

* Некоторые из путешественников в наречии сургуто-нарымском признавали камачинское.

** Одному купеческому сыну А. Чечерову, хорошо знающему по-остятски и недурно по-самоедски, я читал из *Енисейской губернии* г. Степанова числительные и другие слова обоих языков. В отделе самоедском он признал несколько знакомых слов, но все остятские показались ему невразумительными.

Если правда, что Тобольская епархия заботится переложить Св. Писание на язык остятский, то не должно ли, дабы труду не остаться малоплодным, предварительно решить, которое из наречий было бы общее для целого племени?

яли разногласии, как слышат их нынче? Нетрудно решить, но трудно доказать. Если прежняя многочисленность, какую не замедлим мы показать в первобытных ордах, давала им больше плотности, больше взаимных отражений для обобщения разговорного и если самознание народности, к которому возводила их благородная дикость под девизом независимости, содействовало к расширению одинакового словаря; то, с другой стороны, противные приключения: болезни, смертность и выморочная малолюдность не заготовляли ли те же наречия к постепенным разладам? Может быть, музыкальный смычок решит вопрос по некоторому сходству с языком народным. Не правда ли, что смычок тем лучше поет, чем долее держится в руке художнической, и опять тем хуже становится, чем более трется усилием скрыпача? Следственно, язык, улучшается ли или дичает, все изменяется: следственно, наречия покоренных азиатцев при завладении Сибирью иначе на их губах дребезжали, а не так, как ныне.

О разногласии остятских наречий. Священник Лука Вологодский, живший в остяках, утверждает: а) что наречие обдорское есть коренное, прочие же наречия более или менее испорчены; б) что в нарымском, которое у меня названо шепеляющим, он видит одну странность, что остяки по соседству с самоедами привыкли оканчивать свои слова по-самоедски. Священник Л. Вологодский замечает, что остяк называет себя астаг и что это слово сложено из речений: ас — Обь и тага — место. Поэтому Фишеров уштяк есть пустое умничанье.

9. Чтобы при конце периода определить приблизительно населенность и русскую и туземную Сибири, надобно поставить в виду два отношения: одно — к современному периоду населенности смежного края Средней Азии, а другое — к статистическим исчислениям российского правительства, даром что они слишком поздни для нашего намерения.

Положим, напр., число туземцев м[ужского] п[ола] в 288 000 и посмотрим, соответствует ли оно современному числу сопредельной Тартарии от Каспийского моря до Татарского залива простиравшейся. Площадь ея, по взгляду на карту, в шесть или семь раз была обширнее против площади тогдашней Сибири, кончавшейся при Тауйском меридиане и в редких точках прикасавшейся к 56° ш.; число же обитателей Большой Тартарии, по вероятностям, не превосходило 2 000 000 м[ужского] п[ола] после долговременного запустения, какому подверглась она чрез бесчеловечное избиение народов, совершившееся в годину зверя Чингисхана. Поэтому седьмая доля, относительно к площади и населенности в наделе Сибири принимаемая, не может казаться ни малою, ни великою. Пусть скажут, что калмыки, киргизы и т.п. часто врывались в пределы Сибири; но это происходило не от тесноты в размещении по предгорьям и долинам их, а от ордынского навыка к даровщине и к степному разгулью.

Относительно к исчислениям российского правительства мы не знаем старшего числа, кроме переписи сибирских инородцев в 1763 г., а по этой переписи выходит их м[ужского] п[ола] 132 000. Другое, следовавшее затем число, 184 448, есть счет их по 5-й ревизии; третье число, 220 300, есть итог 7-й ревизии*. Следственно, по сим данным можно бы взойти к счислению инородцев первого периода, решив посред-

* Манифест о пятой ревизии состоялся 23 июня 1794 г., а о седьмой в 1815 г.

ством их же важный вопрос: в количное время и количными процентами возрастает или убывает человечество полярное и предполярное?

Первое число возросло до 184 000 в 31 год, увеличившись в это время 39 процентами на сто, след., оно удвоилось бы чрез 78 лет, т.е. 132 000 с 1763 г. дали бы к 1841г. 264 000 инородцев-мужчин. Второе число пятой ревизии, увеличившись в 21 год 19 процентами на сто, удвоилось бы чрез 70 лет, или дало бы к 1864 г. 440 000. Не наша вина, что публично заявленные числа не ведут к пропорциональным выводам, но, принимая их за основные, отчего бы они ни разнились, мы должны заключать, что первое число переписи 1763 г., если бы поворотить его назад не в такой убывающей постепенности, в какой прибывало, а в рассроченной на другие 70 лет, неминуемо исчезло бы к 1607 году, или, говоря иначе, задолго до Ермака не было бы за Уралом ни одной души, против кого бы атаману довелось обнажить свой булат или зарядить винтовку; следственно, он сражался бы, подобно Дон Кихоту, с ветряными мельницами вымерших табаринцев и туралинцев. Выводы сего рода ab absurdo указывают путь, чтобы, минуя чисел инородческой и общенародной переписи, как пострадавших от гибельных учетов оспы, и след., по своей малочисленности неприличных к рассмотрению вопроса, согласиться признать за имоверное 288 000 туземцев, число до поятения оспы сбыточное по современному сравнению с населенностью, начиная от Татарского залива до р. Урала.

Теперь должно выговорить количество русской населенности, и не без основания следует положить ее в 70 000 м. п., не заботясь на первый раз о количестве женском, как доныне, меньшем против числа мужеского, в Восточной особенно Сибири, у русских и инородцев. При настоящем неведении, как определить силу и время воспроизводимости племен, толкущихся около межи Полярного Круга (67° ш.), не излишним считается благовременно предъявить, что в рассуждении племен инородных и русского, размещающихся в полосах лесистой и пашенной, начиная с 6Г ш. к югу, принимается, как и в России, удвоение воспроизводимости их в пространстве 80 лет. Таким образом, выходило бы, что против 1 русского тогда было 4 инородца. Кто ж русские, сперва пришедшие на заселение Сибири? Вот примерный перечень их по городам, острогам, зимовьям, слободам, деревням и починкам сперва к началу 1622, потом вообще к началу 1662 года.

К началу 1622 г.

а) Духовенства белого с принтами 100 семей или с детьми м[ужского]	300	'350
п[ола] черного	50	
б) Чиновников высших и средних с подьячими	200	
в) Воинских людей или вообще Казакове новокрещеными	6500	
г) Промышленников оседлых, и в том числе плотников и других мастеров, под именем посадских, в числе которых и 60 семей угличан, из Пелыма переведенных в Туринск и Тюмень	4000	
Промышленников расхожих, следовавших за партиями казаков	2000	
д) Служителей архиерейских, монастырских, дворовых господских и деловых людей	1000	
е) Ямщиков, казною переведенных, и к ним присоединившихся из-за Урала бобылей	1000	

К началу 1662 г.

а) Духовенства белого с причтами, вновь переселенного с поколением

от прежнего, и с боярскими детьми	
архиерейского дома	1500
черного	100 J1600
б) Чиновников высших и средних	
с подьячими	1200
в) Воинских людей, не исключая	
казаков новокрещеных	10000
отставных	3000
г) Промышленников оседлых,	
и вновь водворившихся с поколением от прежних, под именем посадских	6000
Из 2000 бездомовых промышленников водворилось в 4 заангарских воеводствах	300
Промышленников расхожих, сколько бы их ни было, по неводворении долой со счетов.	
д) Служителей архиерейских, монастырских, дворовых господских и деловых людей	3000
е) Ямщиков, вновь казною присланных с поколением от прежних и с вновь присоседившимися	3000
ж) Пашенных крестьян, вновь казною переведенных с поколением от прежних, и с прибылыми к ним	3000
Крестьян, по воеводским вызовам семейно переселившихся,	
и пришлых к ним	31 500
к) Ссыльных 7400, из них:	
по р. Енисей	3000
за Ангару	4400
t	
Всего	70 000*

* Представление сибирской населенности в числах есть дело соображений, потому что ни летопис ни грамоты древние, доныне известные, не помогают этому делу. Все достоверные свидетельства о пер селении ямщиков, крестьян и воинских людей, свидетельства, мною упомянутые в первых двух глава так малозначащи относительно чисел, что приобретение Сибири, как будто безлюдной, можно бы с честь за находку даровую. Но этому быть нельзя, и лучше признаться, что письмена археографическ относительно переселений не сбережены летописями во всей полноте. Если в начале XVIII века числ дворов в Сибири восходит до 37 000, а в 1727 г. число ревизских душ до 170 000, то зрителю Историче кой Сибири нельзя быть столько хладнокровным, чтобы не желать доискиваться, сколь людна бы Сибирь в I и II периодах, дабы самым усилием изыскания дойти до указаний населенности и впосле ствии сойтись с двумя государственными числами. Ибо эти числа суть произведение задних сумм.

В доказательство неполноты сведений остановимся на числе воинских людей (казаков). Летописи 1586 по 1601 год, исчисляя казаков и стрельцов, посланных с воеводами из Москвы, других городов, такж взятых на службу из строгановских отчин, всего-навсе до 1100 человек, после покидают счет до 1634 г. котором из Нижнего и Вологды единовременно прислано в Тару для казачьей службы 300 семей. Лет писи и указы также молчат о присылке на службу сибирскую литовцев, поляков, немцев и малороссия а между тем поговаривают о недостатке казаков и приглашении вольницы в казачье звание. Мудрено после этого сочинителю *Енисейской губернии* молвить наобум, что в Сибири не бывало казаков более 500 Но этот недостаток не значит такую малость, какую себе представил А. П. Степанов, а означает малочи ленность относительную к обширности занятого пространства. Приведите себе на память грамоту 1609 во II главе мною помещенную, и припомните, что на один тот год для служивых 5 непахотных город следовало провианта 9750 чет., следственно, служивых было 3250, да в 5 пахотных городах: в Верхотур Пелыме, Туринске, Тюмени и Тобольске, надобно полагать, по крайней мере, такой же экземпляр каз ков, вот и 6500, когда не было ни Кузнецка, ни Енисейска, ни Красноярска, ни восточных водворени А в эту пору мало и 10 тысяч, к числу которых надобно еще присоединять особые команды западн славян с немцами, особенно с 1655 г., и татаро-казачьи команды тобольско-томские. Если бы и действ тельно не было из России нарочных присылок команд, как водилось сначала, то, наверное, с приезд каждого воеводы из Москвы приезжало по десятку воинских людей, и воеводских приездов можно н считать до 500 в течение периода.

Вот основание, почему положено у меня казаков с отставными до 13 тысяч. Даже из *Осадного списк* 1646 г. видно, что в Тобольске находилось тогда отставных 911, и в том числе христиан-европейцев 650

Пока не было в виду грамоты 1609 года, я выводил такое же число казаков из числа городов, острог и зимовьев и тою же ощупью находил и нахожу число духовенства и чинов управления, потому что было острога, не говоря о городе, без священнослужителя, не было острога без начальника и подьячег не было зимовья без полудюжины казаков. Вот данные для счисления трех состояний, а счеты проч пополнены произвольно пришлыми. Ведь сибиряки не из земли выросли.

Теперь следует вымерять площадь нашего завладения, протоптанную смелою ногой 70 000 русских, площадь, по которой разъезжали 288 000 туземцев на оленях, собаках, лошадях и верблюдах. Площадь завладения, делимая на три полосы (о чем будет речь при конце III периода), начиная с меридиана Верхотурского до Тауйского, без выходов на Колыму и Анадырск, имеет длины 90°, в ширине же, к северу и югу, часто переменной, стелется сперва при западном основании от 58°до 70° к Карскому заливу, потом от полуденника тюменского выпадая к югу на Г, далее у Кузнецка на 4°, далее то суживаясь, то расширяясь к Нижнеудинску до 55° и еще выдаваясь на 2° при Баргузине и при Яблонном хребте у Тугирска, ложится восточным основанием при Тауйске, откуда до Ледовитого моря около 12°, как и на западном основании. Карта показывает, что в самой большой ширине тогдашней площади содержалось 23°. С помощью подобных приемов и с учетом кругов параллельных, площадь тогдашней Сибири выходит около 4 500 000 кв. верст*, следственно, на каждого мужчину русского и туземца доводилось бы с лишком по 12 кв. верст.

10. Пользуясь речью о населенности, надобно прибавить пропущенное замечание, что, если немногие племена из туземцев были многочисленны, все они сходствовали между собою в образе древнеазийского быта. Многочисленнейшие из них были: а) остяки, до берегов Енисея широко раскинувшиеся; б) татары, тою же рекою как бы остановленные в расселении к востоку; в) тунгусы (эвоены) между Анабарою и Омолоном, от Ледовитого моря до Шилки, не все еще уместившиеся; г) якуты (сохи), в конце XIV века оттесненные с северобайкальских степей на рр. Лену, Олекму, Вилюй и впоследствии, когда война и оспа уходила юкагиров, разделившие достояния их вместе с тунгусами; и д) буряты, междурр. Ои и Уя кочевавшие. Сочинитель *Описания народов,* в России обитающих, причислял еще самоедов к многочисленным племенам, так что они будто превосходили остяков своим числом. Быть может, но история не запомнит такой славы превосходства, разве в соединении самоедов наших с урянхаями заграничными.

Относительно сходства, все покоренные племена, большие и малые, кроме последователей исламизма, поклонялись двум началам добра и зла, как бы в поравнение безграмотных орд со старыми философскими сектами, изъятыми только от шаманства. Все были рыболовы, звероловы и скотоводцы млекопитающих: оленя, собаки, лошади, быка, барана и верблюда, по степеням теплоты; все вели лунное времясчисление; все питались рыбою свежею, сушеною или вяленою, мясами животных воздушных, земных и водяных, не исключая трупа китового, также растениями по широтам мест, в случае же голодовки, по инстинкту самосохранения**, древесною корою, вывариванием кож,

* Я не переменил своего измерения, хотя и видел в *Энцикл. Словаре* и у г. Булгарина площадь настоящей Сибири меньшею вполовину. Кстати здесь примолвить, что гг. Семивский, Спасский и Степанов в своих сочинениях по части Сибири писали измерение поверхности сибирской, частной или общей, без принаровки к сфероидальной поверхности.

** Кроме ягод древесных, кустарных и стеблевых служат им доныне в пищу: черемша (Allium ursinum), сарана (Lilium Martagon et L. pomponium), узик (Tormentiila erecta), пьянишник (Rododendron Chrisanthum), толокнянка (Arbutus UvaUrsi), марьин корень (Paeonia), КрасHorcmoBHHK(Sanguisorbaoff.), сибирская гречуха (Poligonum tataricum, Pol. bistorta и другие виды), сибирский чай (Spirea Ulmaria), грушанка — чай бурятский (Pirola rotundifolia) и т.п. до мучнистого кандыка (Erictonium dens canis).

ремней, старых брошенных костей a la Roumfordt, и даже болюсовою землею, называемою *земляная сметана*.

Все в обычаях, житье и даже одежде, из кожи или ткани сшитой, сходствовали больше или меньше, не исключая и якутского племени, щегольством и своим вкусом отличающегося. Все, если многочисленны или если дышали благорастворением юга, любили пляски и пособляли самозабвению на севере мухомором, на юге — закваскою молочною; все платили за жену вено. Словом, древнеазийский северный тип не начинал еще стираться ни с лица, ни с души наших земляков.

заключение

Мы оканчиваем период в такое время, когда толпы мужественных, хотя и необразованных соотчичей, случайно побеждаемых, но в душе непобедимых, проникли на Амур, проплыли западный берег Ламы, коснулись взморьев Студеного моря, не в одной притом точке, всегда с неизменным безотчетным словом: **ясак царю!** О, это слово, жестокое в ушах иноплеменников, есть всемогущее слово духа сильного, обрекшегося на служение отечеству и престолу! Оканчиваем, говорю, в такое время, когда Сибирь явственно обрисовалась в своем исполинском пространстве, — когда орды, покоренные винтовкою, потом убавленные оспою, расположились к мирному повиновению, а соседственные, утомясь от частых попыток, или откочевали, или начали при новых поколениях признавать Сибирь соседкою вечною, — когда тайши торготские, с 1621 до 1646 г. появлениями на степях сопредельных возбуждавшие в Тобольском воеводстве негодования, вовсе перебрались заЯик и поддались России,— когда кичливый контайша, основатель владетельной династии (с 1635 по 1758 г.) чжунгар, конечно, странный по докучливости, но умеренный против Сибири, был заменен преемником неславным, — когда и чванливый Алтын-хан, монгол столь же презренный по вероломству, сколь низкий по корыстолюбию, вышед из среды живых, перестал лгать под пластом земли.

Повторять ли здесь, что четь Вахрамеевская, впоследствии разросшаяся в три области (Тобольскую, Томскую и Якутскую), испытала многие превращения, многие утраты от раздельности управительной, особенно на Амуре? Приказу Сибирскому был наилучший урок, чтобы отдать главное начальство одному из местных воеводств, как могущему ближе наблюдать и пособлять отдаленным краям Сибири, но история показывает только некоторое предпочтение, уступленное Тобольскому воеводству* в конце I или в начале II периода. Предпочтение сие состояло в подставлении тобольских чинов на убылые воеводские места в Илимске и Нерчинске, также в обеспечении Нерчинска военными и жизненными припасами посредством Енисейского воеводства, в безвозбранном препровождении к Енисею крестьян из Верхотурского ведомства и т.п.

Повторять ли, что областные правления, занятые преимущественно сборами

* Нет бумажного акта, чтобы Тобольскому воеводству присвоялось первенство над прочими областями, но есть случаи. Не к личному ли достоинству воевод надобно это относить?

зоографического богатства, не обращали внимания на устройство городское и крепостное. Несмотря, что на Амуре явились пред нами укрепления или городки из битой земли и что в одном из таких Степанов, с $^1/_{18}$ долею людей против неприятеля, превосходившего еще числом огнестрельных орудий в пять раз, удержался с честью, начальства продолжали сооружать остроги и общественные здания из бревен. По всей Сибири не было каменного ни казначейства, ни алтаря, кроме печей из битой глины. Остроги иногда робели от поджогов, леса горели от палов, но воеводы, жившие как бы вровень с лесом, считали пожары попущением Божиим или случаями к расчистке дремучих лесов, как и сам Сибирский Приказ еще не помышлял тогда предписывать о предупреждении лесных пожаров для соблюдения даже соболиных и других звериных ухожей. Мы пересказываем это без всякой мысли винить кого-либо в Сибири за незнание благоустройства в первой половине XVII ве.ка. Довольно и того, что воеводы даже уездные берегли свои остроги от неприятелей и по данной власти* без оттяжки казнили возмутителей против державы.

Напоминать ли о том, что железную руду и ея плавку на рр. Нице, Томи, Енисее и Вилюе указали русским Сибири дикари местные? Что за волшебный покров, который расстилался в том веке по царству ископаемых? Конжековский великан, потом Павдинская сопка, мимо которых пролегали первые уральские дороги, ни величественными своими вышинами, ни медистыми кружевами, какими изукрашены в прозелень бока и гребни первого**, не могли возбудить внимание проезжавших воевод от Верхотурья до Лены или Шилки.

Зимний белый саван и летний покров Конжековского Камня, испещренный цветами дикого льна, косматого переloя (Androsace villosa), 8-листной сибирячки (Dryasoctopetala), альпийской драбы, горной ветреницы (Anemone umbellata), скрадывали сокровища от глаз проезжего. Около 50 тысяч перешло через Урал в трех пересечках, и как легко бы наслышаться или насмотреться искусству плавки и ковки железа в чусовских городках (15), но никто из них, как бы заранее отуманенных глянцами сибирских бобров и соболей, никто до появления двух Тумашевых не подумал из несметных уральских сокровищ сковать топор, отлить котел из чугуна или ямской колокольчик из меди конжековской. Металлургическое, однако ж, неведение, хотя совестно и выставлять и таить его, послужило торгашам прекрас-

* Право живота и смерти относительно к ясачным оставалось правом сибирских воевод до 26 декабря 1695 года.

** В 1722 году выстроен Лялинский медеплавиленный завод в 48 вер. от Верхотурья на устье Каменки, впадающей в Лялю. Руда доставлялась с вершин и боков Конжековского Камня, но затруднительная перевозка руды положила конец заводу. Вместо того возник зав. Нижнеполдинский.

При конце I периода было сказано в примечании, что нет бумажного акта, которым бы установлялось первенство воеводства Тобольского над всеми прочими. Напротив, нашелся этот акт в *Русском, историческом Сборнике* во II томе на стр. 134. Тут приведен указ, в 1599-м данный царем Борисом Феодоровичем тобольскому воеводе окольничему С. Ф. Сабурову, чтобы воеводы и головы всех сибирских городов не писали в Москву мимо Тобольска ни о каких делах. Каким образом это благоразумное установление утратило силу в последствии времени, трудно изъяснить — от забвения ли, которому причиною могло быть Смутное время, или от пренебрежения Сибирского Приказа к распоряжениям, вышедшим при Казанском Приказе, к числу которых относится и помянутое повеление. Как бы то ни было, мы видели, сколько вреда произошло в сибирских делах от неподчиненности воевод.

ным случаем к обогащению; они, по словам Миллера, продавали самоедам, конечно, жившим в глуши, а не обдорским, котел медный или железный не иначе как с уговором накласть в него лучших соболей и черно-бурых лисиц дополна. Такой обмен котлов, по всей вероятности работанных в строгановских отчинах, мог продолжаться до открытия Невьянского завода. Другая странность та, что завоеватели, протоптав дороги по месторождениям металлов, принялись прилежно разнюхивать металлы не прежде, как по приходе в Даурию и за Байкал. Но теперь не до попреков.

В каких бы человеческих расчетах ни завладели русские страною, населенною гуще в четыре раза против пришельцев, но пришельцы пришли не в гости, а с неведомою им самим тайною покорить хозяев своей вере и истине, одушевляющей их таким мужеством, что одна рука торжествовала против четырех стрел. В каких бы правилах ни поступали второпях русские с поддавшимися племенами, не слыхавшими о праве народном, ни об уставах общественных, но племена сии, волею и неволею, снабжали их продовольствием, одеждами, гостинцами и приносили дани на имя повелителя всей северной страны; след., они были споборниками нашего водворения, нашей славы и преобладания над собою. Поэтому российские государи, в опровержение оскорбительных предубеждений времени, всегда по своей мудрости показывали, сколь они далеки от того, чтобы считать покоренные орды невольниками постоянного ясака*, постигая, что Всеблагое Провидение постепенно ведет людей, племена и народы чрез цели частные, общественные и государственные к целям своего высшего порядка. Не вдруг, конечно, могло статься, чтобы Россия, предназначенная к духовному и потом умственному восхождению, осветила тьму северо-восточного материка, чтобы устроила страну заброшенную, чтобы открыла в кряжах сокровища для всемирного употребления и дала цену спрятанному веществу; но, удовлетворяя целям частного и общественного порядка, она тотчас платила дикому сыну природы, как соотчичу, за древесную смолу, за кедровую шишку, за кожу, за птичий пух, за Мамонтову кость, за моржовый зуб; дала притом законы для житейской его безопасности не только в лесу и юрте с его семьею, но и в городе; установила в родах его степени старейшинства, отдала самому ему право разбираться дома не в важных случаях; присвояла и присвояет инородцу гражданские и военные отличия за заслуги, и все это для того, чтобы смягчаемый общением, признательностью, уверенностью в покровительстве, предрасполагался он поклоняться Богу своих покровителей, Богу Триединому. Кто улыбнулся бы при этих словах, тот пускай послушает тунгуса-язычника**, принесшего в Православную Церковь богатый дар мягкой рухляди и на вопрос отвечавшего вот что: «Этим я жертвую Богу по моему обещанию за выздоровление брата крещеного, который, на одре смертном, не

* Довольно надгтамянуть о том, что царь Феодор дозволил остякам представлять ясак на Выми через два года, что царь Борис подарил ясак за целы и 1598 год всем сибирским ясачным, что последовавшие из дома Романовых государи, государи благосердные, повременно сбавляли количество взимаемого ясака.

** См. *Voyage dans le Nordpar le commodore Billings,* tome. 1, page. 89. С удовольствием также указывается в Семивском, № 40, из его *Записок.*

приняв пособий шаманских, призывал себе на помощь Николая-угодника Божия». Ответ неожиданный, ясный, поучительный! Тут нечего прибавить, кроме того, что, если бы дело обращения не совершилось, тщетно было бы завоевание края, тщетна торговля со всеми корыстями, тщетны добычи золота, серебра и драгоценных каменьев, добычи, проскользнувшие сквозь пальцы у Кира и Рима; тогда заразительные болезни, опустошавшие и опустошающие страну, были бы неоплатными бедствиями пред Всевышним Оком. Вот высокая цель, назначенная Сибири преимущественно и окончательно!

Не стыдно ли сибирякам-христианам минувших времен, что они попустили исламизму до половины XVIII столетия сманивать барабинских татар из заблуждения шаманского в другое? История, замечая эту оплошность косыми буквами, должна ли относить ее к ложному предуверению, что рыболову и звероловy, самоеду или тунгусу той же окраины, будто бы трудно быть христианином? Почему же? Если тот или другой способен сделаться поклонником лжи, для чего бы не способен он переделаться в поклонника истины? Разве душевный залог истины тяжелее для бродячего и кочевого, нежели для горожанина, обремененного лишними заботами, лишними увлечениями мира? Нет. Пускай те равнодушные, которые в ложном смиренномудрии извиняются превыспренностью путей Провидения, напомнят себе, по крайней мере, исторический путь человеческих обществ, что никакая сила, никакая политика не сдружает и не единит племен земных, как единоверие.

приложения

Замечательные лица	Когда?
Архиепископ Киприян как пастырь и как начинатель сибирской истории. Воевода тобольский, боярин кн. Юрья Эйшеевич Сулешев, из черкасов, как установитель земского порядка.	Оба они современники, первый с 1621 до 15 февраля 1624г., другой с 1623 по 1625г.
Воевода енисейский и потом нерчинский, Афанасий Филиппович Пашков, ревностный и твердый духом, при всех неблагоприятных обстоятельствах как образец правителей, не для одного I периода.	С 1652 по 1661 г.
Енисейский сын боярский сотник Петр Бекетов как строитель пяти острогов и служака с самоотверже н нем.	Отличался во время Пашкова.

Число архиереев и воевод в I периоде

Архиереев в Сибири	5
Воевод с их товарищами в Тобольске	49
Воевод с товарищами в Томске	34
Воевод с товарищами в Якутске	8

ССЫЛКИ НА ГРАМОТЫ И УКАЗЫ В I ПЕРИОДЕ

1. Грамота царя Феодора Ивановича в августе 1586 г. Во II части Собр. Госуд. грам. Главный смысл грамоты тот, что Л угую, старшине обских остяков, дозволено сдавать ясак на Выми через два года. Это продолжалось до постройки ос. Сургутского. Тут говорится о первом городке на Оби, о котором сомневался Миллер.

Прим, в I периоде, в статьях **Смутного времени и продолжении законодательства** заимствованы без указания многие грамоты из Собр. Госуд. грам. Читателю предоставляется читать их в этих книгах.

2. Грамота царя Бориса Феодоровича к мангазейским воеводам 1601 г. у Миллера.

3. Грамота в Пелым от 8 декабря 1600 г. у Миллера.

4. Грамота к верхотурскому воеводе от 28 апреля 1599 г. у Миллера.

5. Грамота в Сибирь к туринскому воеводе 26 февраля 1621 г. о составлении и присылке в Москву положительных камеральных сведений. Из грамоты видно, что такие же сведения ожидались и из прочих городов сибирских. В III част. Собр. Госуд. грам.

6. Наказ лета 7119/ 1611 г. в январе, напечат. в III томе Полного Собрания Законов. К какому бы царствованию ни относился сей наказ, я, не заботясь о верности или неверности отмеченного года, признал сию государственную бумагу соответственно своей цели и только изменил в ней редакцию, сообразно способу времени.

7. Грамота царя Б. Ф. к мангазейским воеводам 1601 г. у Миллера.

8. Грамота патриарха Филарета 11 февраля 1622 к сибирскому архиепископу Киприану, нап. в III част. Собр. Госуд. грам. К описанным в ней беспутствам казаков служила основанием какая-то грамота за подписью дьяка Андреева, вероятно, на радостях данная Сибири при возврате атамана Кольцова из Москвы. В этой грамоте позволялось казакам, конечно adinterim, увозить из городов жен и девиц, чем и пользовались они до настоящей поры. Патриарх, приказав Киприану (о чем подтверждено и Тобольскому воеводству) выслать в Москву казачью привилегию как неуместную, поставил в виду его: а) что в Сибири не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывают их на срок и, не имея чем выкупить, женятся на других; и б) что духовные венчают без оглашений, постригают в иноки и инокини таких, которые, уходя из монастырей, опять живут в мире; что сами духовные потворствуют воеводам, которые краденных в России девиц продают из корысти в замужество и заставляют при себе их венчать. Вот каковы вести о начальной Сибири!

9. Грамота в Тару лета 7116/ 1608 г., нап. в III томе П. С. Законов. Грамота, несмотря на отметку года, там отнесена к царствованию Михаила Феодоровича почему-то, и безошибочно. Барабинский бунт и в *Тобольском Сборнике* описывается под 1628 г., да и воеводы тарекие, кн. Шаховский и Кайсаров, виновные в причинах бунта, выставлены в *Кратком Показании* под 1627 г.

10. Грамота Окружная к Илимскому воеводе о рассылке Уложения от 19 января 1650 г., напеч. в П. С. Законов. При грамоте посланы два экземпляра Уложения для отсылки одного в Якутск.

11. Грамота в Туринск о наборе со 150 чет. земли по человеку или по 20 р. за человека. В I I I част. Собр. Госуд. грам.

12. Указ 20 октября 1653 г. в П. С. Законов.

13. Грамота Уставная 1654 г., апреля 30, о мытах и откупах подорожных, за подписью царя Алексия, с привескою золотой печати. Она на сохранение положена под престолом в Успенском соборе и в приказе казны. Смысл грамоты, чтобы отменить все самовольные по дорогам требования владельцев и помещиков и в приличных местах учредить казенные сборы для умножения государственных доходов.

14. Грамота 22 февраля 1657 г., о предосторожностях от морового поветрия, с повелением верхотурскому воеводе поставить заставы на летних дорогах от Осы и Уфы и никого, едущего из мест опасных, не пропускать в Сибирь под смертною казнью; в случае же мора, могущего открыться по селениям Верхотурского ведомства: а) окружить те селения и пресечь с ними сообщения; б) сжигать пла-1 тье и постель умирающих, а прочее платье, до которого не касались умершие, вымывать и выветривать; в) здоровых из дома зараженного переводить в другой, а дом зараженный вымораживать две недели, потом дня три протапливать дровами можжевеловыми с полынью, так, чтобы запахом их пропахло вдоме; г) спустя \ два месяца, как перестанет поветрие, и не ранее, открывать сообщение зараженных мест с благополучными. В IV час Собр. Госуд. грам.

15. Грамота царя Иоанна IVот 30 мая I 1574 /7082 г., позволяющая дому Строгановых учреждать крепости и пр. для обеспечения металлических заведений от набегов. Это та же грамота, на кото-1 рую делались ссылки в *Приложении* в *Ист. Сибири Миллера.*

Период II

с 1662 до 1709 $^1/_2$ = 47$^1/_2$ лет проспект периода

1. В течение 76 лет Сибирь Русская разостлалась от Растесного Камня до Тауйского меридиана, как пустыня необмежеванная, и мы это видели. Русский не такой человек, чтобы стал греться у чувала якутского и долго покоиться по зимовьям Станового хребта; он пойдет без ландкарты, куда наслышка и глаз поведут. Придет время, когда русскому полюбится измерять вышины гор, искать растений в их расселинах и следить судьбы земного шара! Но тогда не тот был век и ум, чтобы даже думать учреждать соответственное хозяйство на пройденном пространстве.

Решительная разница между периодами первым и вторым была та, что распространение происходило сперва наобум, на выдержку, а после по направлениям начальств и самого даже правительства, хотя цель обоих периодов состояла в увеличении ясака, тем более что он назади

уменьшался от расширения населенности, отопустошений оспы и, можетбыть, от злоупотреблений должностных захребетников*. Теперь требовалось с лука не более семи соболей или сколько где можно, а не столько, как полагалось в начале столетия. Небось! В этом периоде не придут с ясаком, как бывало, енисейские тунгусы на лыжах, подбитых соболями** или бобрами, в собольих или лисьих шубах, на диво казакам, одетым в тулупы овчинные.

При заключении периода мысленно рукоплескали мы внутренней тишине Сибири и успокоению сопредельных орд. Конечно, южная граница и в сем периоде остается колеблющеюся, с открытыми промежутками чрезвычайной длины и глубины, но велика для нас выгода, что познаны состояния и виды главных соседей от Урала до Амура. Калмыки торготского поколения, прежде около Уя до Миасса толкавшиеся, перешед за Яик к Волге, и за Волгой разметавшись до Маджирских развалин, с признанием над собою верховности московского царя, оттесняют с тем вместе ногаев то к Астрахани, то к Манычу и в частых стычках режутся около Эмбы с киргизами. Телеуты, опасные во время Абака и Коки, теряют в начале второго периода сомнительную независимость и вносятся в каталог сибирских ясачных. Второй преемник Батора Галдан с большими качествами, обнадежась миролюбием Сибирского Управления, станет обращать силы свои на подчинение раздельных монгольских владений, в числе которых он изгладит через несколько лет имя лоджана (лацзана) урянхайского, в 1664 г. поддавшегося России, и внесет оружие в Халху. Далее к юго-востоку наше правительство, по-видимому отложив замысел на Амуре, оставляет славного из Маньчжурии Кансия***, вступившего на престол китайский в первом году второго сибирского периода, препираться во всю жизнь с чжунгарскою династией. Благоденствие, казалось, веяло на Сибирь по всей полуденной стороне; но всегда ли можно предвидеть невзгоду в происшествиях человеческих и, предвидя, унять ее по желанию? Это случилось на обоих краях безмерной границы — у хребта Уральского и на Амуре.

* В *Статист, обозр. Сибири* 1810 г. на стр. 48 и 49 писано, что будто бы наши промышленники, сперва завладев северною полосою, испугали и выгнали дорогих зверей в Даурию, Монголию и Чжунгарию. Погрешность сего мнения, уже оговоренная покойным Семивским, очевидна из того: 1) что русские промышленники не сами занимались звероловством, а только пользовались меною с туземными звероловами и что зверь не мог бежать туда, где превосходная населенность, какова была в поименованных странах, могла бы препятствовать прихотям его; 2) что известные породы звериные, и даже известного цвета и известного руна, добываются неизменно на прежних местах, пока не обселены людьми или не опустошены пожарами; 3) с чего редакция *Статист, обозр.* взяла, что в соседственных землях не было зверей дорогого руна до изгнания их из Сибири?

** Полагая, что не всякому известны редкие и необыкновенные изменения в цвете дорогих зверей, здесь со слов *Тоб. Сборника* и Миллера *(Ежем. соч.,* март 1756) рассказывается, что бывали соболи **белые,** зайцы **черные,** лисицы совершенно **черные и белые** опять. Раз тобольские ценовщики, призванные оценить лисицу черную, как смоль, поравняли цену ея с суммою серебряных копеек, сколько уйдет их в лисью шкуру. В 1554 г. при рождении царевича один из илимских жителей представил воеводе лисицу белую для поднесения новорожденному царевичу. Царь, само собою разумеется, наградил приносителя по-царски. Ныне что-то не слыхать подобных редкостей в числе рухляди.

*** У о. Иакинфа **Кхан-си,** у акад. Шмидта **Кхангги.**

Предметами периода будут взгляды на обстоятельства: I в Сибири Тобольской, II в Томско-Енисейской, III за Байкалом, IV взгляды на открытие Камчатки, V на бедствия и забавы народные, VI на законы и учреждения, VII на последствия, по примеру прежнему.

Глава I
обстоятельства

1. В Сибири ТОБОЛЬСКОЙ. Беспокойства. 2. Современный взгляд нд Амур. 3. Дороговизна. 4. Продолжение населенности. 5. Первая находка на Урале. **6. Строительство. 7. Счисление, измерение, хлебная мера и первая карта Сибири. 8. Снабжение солью. 9. ОБЛАСТЬ Верхотурска. 10. Перечень посланцев и дипломатических чиновников.**

1. Перед 1662 г. по селениям Закамо-Восточной черты были деланы легкие укрепления в упреждение дерзостей, какие начинали показываться в поведении башкир, некогда стенавших под тяжестью хана ногайского и с 1573 г. начавших отдыхать под Российскою державою и под защитою Уфы. Но народ дикий, между собою только свыкшийся, как табун степных лошадей, без правды естественной, без понятия о человеческом праве собственности, вовсе не знакомый с нравственной честью, и тем менее верный, чем более одолженный, думает ли хранить признательность к деснице миловавшей? Правительство, сведав, что на утверждение Закамской черты смотрят как на оковы, нарядило воеводу Зеленова при первых оказательствах злоумышленности в походе со стрелецкими полками на Каму, куда велено стягивать команды казаков, и с разных мест Великопермии велено тотчас набрать 1104 ратника с отдачею их в команду стольника Языкова. Предвидело ли оно, что волнение может расторгнуть прозрачную границу Сибири, или по общему устройству еще с 1660 г. стало заготовлять в Сибири воинскую опору и в 1661 г. прислало в Тобольск многих европейских офицеров, приказав из родовых служилых тобольского разря устроить пехотный тысячный полк другой рейтарский пятисотный, с правильным обучением военным движениям сообразно Воинскому Уставу 1647 г. впервые наделе показавшемуся в Сибири. В 1662 г. оба полка под командой полковника Полуевктова выступили в поход на Тобол и Исеть, для оборонь слобод, по границе водворенных, каш между тем по обширному заговору башкирского старшины Сеита, увлекшего в свой замысел не только всех башкир, но и черемис, татар и даже киргизов, вспыхнул по обеим сторонам Урала и по сибирской границе распространился гораздо восточнее. Пока полки тянулись, Долматов монастырь сравнивается с землею, слобода Мурзинская на Нейве гибнет, деревни томские и кузнецкие как бы по одному выстрелу разграблены; отовсюду имущество и скот расхищается; люди убиваются или от-

* В 1660 г. послано из Москвы в Тобольск 2000 п. пороху, 4000 п. свинцу, 1000 п. фитиля, 1000 мушкетов с бандеролями. Акт. Арх. Эксп., том IV.

водятся в полон для продажи: но бедствия опустошения были бы несравненно горестнее, если бы полки Полуевктова не предуспевали встречать и поражать. А там — за Уралом, Кунгур сглажен до подошвы, Закамской черты как не бывало, все живое предается смерти или плену. Уфа держится только в пространстве своего палисада, пока московский воевода успел обхватить шайки бунтовщиков. Бунт сеитовский продолжался три года, а по границе исетской четыре, судя по отбытию полков Полуевктова и по возврату их в Тобольск не прежде 1667 г.

2. Как подумать, чтобы через несколько лет после невыгодного отступления с берегов Амура толпа русских тихомолком явилась на пепелище Албазина, возобновила укрепление, стала собирать ясак с прежних данников тунгусов и была причиною дипломатического съезда двух держав? Все это сбылось неожиданным образом. Черниговский, один из малороссийских казаков, сделавшись убийцею илимского воеводы, возвращавшегося с Киренгской ярмарки, спасается от правосудия с сообщниками на Тугире, оттуда с 84 казаками ускользает на остатки Албазина и, там основавшись лучше, чем Марий на развалинах Карфагена, добровольно в 1669 г. подчиняет свое заведение Нерчинску и, постоянно посылая туда сбираемый ясак, не забывает искать себе помилования в преступлении. По представительству Тобольского воеводства, оценившего раскаяние, покорность и полезную расторопность Черниговского, государь склонился решить судьбу преступника с заслугами: 15 марта 1672 г. осудив его на смерть с 7 главными сообщниками и 46 менее виновных на телесное наказание, чрез два дня изрекает в милостивом указе всем им прощение, сверх того, повелевает послать 2000 р. награды албазинским казакам , а на воеводство в Албазин отправляет Любима Евсеева, который, прибыв на место, повторил во всеуслышание всех именем государя мир и радость. Это одно выражает, сколько чувствителен был государь-законодатель к возвеличению России! При Любиме Евсееве водворено в Албазине несколько пашенных семей. Независимо от водворения, обстоятельства тамошнего края соткнулись с щекотливым маньчжурским правительством. Ибо многие из наших ясачных тунгусов, кочевавших по рр. Олекме и Ниоксе, по прекращении русской власти на Амуре перешли на р. Зею и должны были платить ясак за Амур по подручности, а по старому праву — в Нерчинске*; тут две пограничные руки мешали одна другой. Притом Гантимур (Кентимур по-маньчжурски, а Катана сын его) снова с р. Науна прежде 1670 г. перекочевал в сотне с лишком душ в округе Нерчинска за р. Ингоду, а за ним последовали Тойдогон и Боодай с улусниками. Вскоре поступили от маньчжурского начальства, именем богдохана, требования о выдаче беглых звероловов, но нерчинский воевода Аршинский всякий раз отвечал на требования, что

* Соур в *Биллингсовом путешествии,* том II, стр. 225, рассказывает, что будто в 1767 г. шесть тысяч якутов ушли за Амур из уездов Вилюйского, Якутского и Олекминского, со стадами и юртами, и будто он слышал о том в доме Гарновского. Надобно быть иностранцем, чтобы решиться выставить преувеличенное происшествие позднее целым столетием и легкомысленно увериться в возможности скрытного побега с Вилюя за Амур со стадами и скарбом, в деятельные годы царствования Екатерины. Без сомнения, столь важное происшествие было бы поставлено в вину Иркутской губернской канцелярии, чего вовсе нет в П. С. Законов. С покойным Гарновским в последние годы его жизни я был знаком и никогда не слыхал о нелепом слухе секретаря Биллингсова.

без воли своего государя он не властен выдать прибегнувших под покровительство всемилостивейшего государя, еще до вступления его в настоящую должность, т.е. до 1668 года. От совокупности всех случаев туманилось на Амуре, и в 1684 г. составленный в Тобольске 600-й полк из разногородных казаков и их детей препровожден в Енисейск, где и отдан в команду военнопленного подполковника Бейтона, родом шотландца, для следования в Албазин.

3. После сего эпизода должно л и присовокуплять, что во время западной заворохи вздорожал хлеб в области Тобольской, так что в главном городе продавался пуд по рублю, вместо семикопеечной цены, обыкновенной и прежде, и после*.

Повышению цен немало содействовала небывалая подать, в ноябре 1662 г. поведенная (1), чтобы из животов и промыслов, с людей всякого звания и чина, единовременно взять под присягою пятую деньгу на жалованье войску. Если в том веке под именем животов разумелись не домы из 4 углов, не платье и не деньги, как глухие животы, а лошади, скот и хлеб; под именем же промыслов, промыслы мельничные, кузнечные, рыбные и т.п.; то подать все-таки весьма значительна — по 20 со %! Мы узнаем об этом сборе из грамоты к туринскому воеводе, не находя в П. С. Законов подобных требований от других сибирских воеводств; но, зная, что в июле того же года такая ж подать требовалась с Великопермии, мы не думаем ограничивать требования по Сибири одною округою, а полагаем, что сия мера простиралась не только на города и слободы Тобольского разряда, но и на людные места томские. Всякое лицо и звание, получавшее с чего-либо прибыль, кроме ясачных, подвергалось 20-процентному платежу деньгами. Подобная 10-процентная подать при открытии Турецкой войны требовалась в 1673 году с Сибири. Вот случай, чтобы надоумить Сибирь поставить себе в честь, что она в первый раз призвана, вместе с Россиею, в соучастие необыкновенного налога. Прежде сего времени, при открытии войн на европейской границе, вспомогательные денежные капиталы, разнообразно определявшиеся с подданных России и Великопермии, всегда останавливались на отчинах именитых людей Строгановых, как будто бы Сибирь подразумевалась малолетнею домочадкой.

К предложенным причинам дороговизны, в Сибири оказавшейся, надобно присоединить естественный упадок цены медных денег, неуравнительно возвышенных в достоинство серебряных, и еще злоупотреблениями монетных мастеров, униженных до того, что за один серебряный платилось, наконец, 50 рублями лжесеребряными. Относительно Сибири как такой страны, в которой довлело бы казенной надписи для установления ценности и из которой притом велено было в 1657 г. извлечь медную монету, казалось бы, не надлежало опасаться чувствительных последствий от нарицательного чекана; но, когда сам монарх заботится (2) о присылке жалованья серебром для всех людей, состоящих в Туринске на жалованье, с повелением изъять новочеканную медь из народного обращения, нельзя опровергать события соображением вероятностей. Может быть, по размеру тогдашнего хозяйства довольно было и

* По Верховой выписке из летописей видно, что в 1661 и 1662 гг. был неурожай и в Соликамском округе.

небольшой подмеси оподозренных денег, чтобы затруднить доверие в сделках покупки и продажи.

4. Неунятый переходлюдей за Урал и дубровы строевых лесов скоро вознаградили утраты в людях и строениях, причиненных диким вторжением соучастников башкирского бунта. Мурзинская слобода на Нейве ограждается острогом, монастырь Долматов в 1664 г. возобновляется ревнителями благочестия. Работящий народ поморских мест, как бы соскучив сырым, холодным положением своего кряжа, продолжает, начиная с Вычегды, переселяться на Туру, Ирбит, Ницу, Пышму, где в 1667 появился Камышлов в виде слободы, переселяться далее на И сеть и на устье Миасса. Оставляя внутреннее распространение Сибири, мы придержимся границы.

На Исети, пленяющей приятностью своих положений, застроены: Шадринск в виде слободы (1662), недалеко оттуда при протоке — ос. Масленский (1668), Красногорский при протоке (1671), Мехонский (1662); слободы: Бешкильская с надолбами и рогатками (1668), Ингалинская (1676),Терсютская вверх по реке (1668), Барневская(1686), Усть-Миасская с надолбами, рогатками и с башнею на стене, окружавшей слободу. Выше по Миассу — ос. Окуневский (1676). Из военного устройства, перенесенного в слободы, можно судить, что на исетском отрезке границы сильно была чувствуема опасность от набегов.

В это время исетские поселяне ощупью познакомились с жерновым камнем 4 гор по Исети, также с местными диковинками, как то: с пещерами, с подземными проходами в дачах нынешней Смолинской волости, со слоновою костью близ Тамакульской слободы. Познакомились с былыми следами прежнего быта, т.е. с земляным валом, рвом и с насыпными курганами, устроенными на красивом месте по речке Юрыме, в 7 вер. от ос. Исетского. Равномерно в 6 вер. от Шадринска подле протоки найдено городище с земляным валом и рвом. Нужно ли повторять об остылых следах при Наннягских озерах, где мы указывали место Едигерова юрта и где ныне Кыштымский завод собирает железную руду? Один с веселою надеждою созидает, другой с дикою радостью приходит разрушать; и не в этом ли состояла история Азии человеческой?

Далее, к сожалению, южные реки, катящиеся по направлению меридианов, не представляли для цепи наших водворений такого удобства, как Пышма или Исеть; тем не менее Управление считало долгом, для округления, отодвигать границу к югу. Около 1680г. были слободы вверх по Тоболу Белозерская, Царево Городище (Курган) и последняя Утяцкая в ш. 55°, по Ишиму Абацкая, потом (1670 г.) село Коркино, за которым и осталось нынешнее имя Ишима. Для чего бы и здесь не предупредить будущих бед военным устройством? По Иртышу, вследствие известного договора с контайшою, ходили из Тобольска и Тары суда за солью к оз. Ямышеву. Обращаясь к северу Тобольской области, должно припомнить, что начальство Мангазеи в 1672 г. переведено в Туруханск, а при Устье Ирбита около 1665 г. в слободе Ирбитской образовалось разменное место для товаров российских и сибирских,под заведыванием Верхотурского воеводства. Время и промышленность нарекли оба сказанные места в ярмарки, медленно увядающие.

5. Боясь опоздать, мы здесь записываем время достопамятных открытий на Урале, открытий, принадлежащих двоим Тумашевым. В великолепную, неприкосновенную раку Урала, в этот

саркофаг природы уже непервобытной, Тумашевы засунули свою счастливую руку и первые выняли несколько кладов. Один из них, Михаил, в 1667 г. нашел близ Мурзинской цветные камни и медную руду, другой, Дмитрий, в следующем году открыл недалеко оттуда наждак, два малиновых шерла, несколько аметистов, топазов и, что всего важнее, предъявил железо, уже им выкованное из найденной руды, и все сибирские гостинцы отправлены через начальство в Москву. Остальное в своем месте.

6. Хотя и поздно, все надобно когда-нибудь сказать, что сибирские города и остроги, без расколотки домов, без линий, без всякого понятия о градском зодчестве строившиеся, неоднократно от пожаров превращались в уголь со своими храмами, еще в продолжение I периода; но ни утраты казенные и частные, ни вопли погоревших не возбуждали градоначальников к мерам правильного или кирпичного строительства, конечно, потому, что строевой лес был дешев и что недоставало уменья иначе строиться.

Не совокупляя печальных известий о пожарах городов сибирских, довольно упомянуть об одних важных, опустошавших Тобольск. Кроме первого пожара 1629 г., оплакиваемого Сибирскою историею, второй случился в 1643-м, третий — в 1677-м, четвертый — в 1680-м; последний, хотя не всеобщий, но также многоистребительный. После стольких злополучий Сибирский митрополит Павел осмелился в 1680 г. представить государю о надобности и возможности соорудить соборную церковь из кирпича. Царь Феодор III внял представлению митрополита, своего богомольца, — и закладка каменная начата в том же году.

Не излишним считается выписать из царской грамоты* к тобольским воеводам (от 28 апреля 1680) представленные способы к каменному сооружению, и пособия, правительством назначенные. В тех и других заметны также черты сибирского быта. Представлялось, что кирпичной глины близ города довольно, и уже обожжено кирпича до ста тысяч, что известь найдена по р. Режу близ, ел. Арамашевой, что заготовлено ея до 1500 бочек и до 50 приплавлено в Тобольск, что бутовый камень найден на Нейве и Туре, в 400 вер. от города, и можно доставлять его на досчениках и плотах казенными пашенными крестьянами, что понадобится только железа связевого из Устюга или Москвы, да 5 каменщиков и 20 кирпичников. Сверх того, испрашивалось позволение взять на строение из Абалацкой церкви 700 р., в архиерейском доме ныне хранящихся из опасения, чтобы попы и церковники, бражничая вместе со старостою и раздавая церковную казну в долги, не растратили ея вовсе, и к той сумме еще прибавить бы из государевой казны. Было повелено: соборную церковь Софии, Премудрости Слова Божия, строить каменную, по образцу церкви Кремле-Вознесенской Девичьего монастыря, на счет государев, мастеровых сыскать на месте, дать нужное число из пашенных крестьян на приплавку материалов, без отягощения их и без помехи в десятинной пашне, церковную же абалацкую сумму взять от митрополита в Приказную Избу для выстройки в Абалаке каменной церкви. Касательно железа, ныне же отправленного водою до Соли-

* Копия с грамоты получена мною от покойного софийского ключаря, протоиерея П. М. Карпинского.

камска, софийский сын боярский Як. Бязев доставит на место 682 пуда.

Показав время, когда началось в Сибири каменное зодчество, прибавим, что соборный храм кончен и освящен в 1688 г. во имя Успения Пресвятыя Богородицы, вероятно, по высокой мысли, что Приснодева, носившая на земле Премудрость Слова Божия, восходит на небо в существенное единение с Премудростию Божиею. Поэтому собор, с переменою посвящения, не перестал именоваться Софийским*.

Вскоре затем начали в Тобольске сооружать каменные церкви: Преображенскую в Знаменском монастыре, заложенную в 1686 г., бывшую Троицкую, Богородице-Рождественскую и Абалацкую. Успешный начин каменного строительства был поощрен царем Петром. Он в 1697 г. наказывал воеводам тобольским приступить к каменной постройке Приказной Палаты, города с каменными стенами и башнями; также приказывал советовать жителям строиться из кирпича, для безопасности от пожаров. Воля государева, объявленная и другим воеводствам, быстро исполнялась по казенной части в Тобольске, Верхотурье и Иркутске. В первом Приказная Палата кончена в 1702 году; во втором начали в 1698-м строить из кирпича и частию гранита (с шерловою пересыпью) и слюдистого сланца Приказную Избу, крепостную окружную стену с башнями и соборный храм, а в третьем строении Приказной Избы начато в 1701. Спасская тамошняя церковь, на казачий вкус строенная, заложена была в 1706 г.

Что касается до частных каменных строений, Сибирь не имела их в продолжение второго периода.

7. Пора узнать, с которых пор правительство стало обращать государственный свой взгляд на заселяемую Сибирь. Из грамоты 1678 г. к туринскому воеводе (3) видно, что перепись земель и людей по Сибири была в 1659 году, кажется, посредством местных начальств; но сей опыт не мог надолго казаться удовлетворительным, по многим рассуждениям. Вследствие общего государственного распоряжения о межевании земель присланы (4) в 1680 г. в Сибирь писцы для счисления жителей в городах, острогах и уездах. Этим делом в Сибири Тобольской и Томской заведовал Лев Поскочин, который разослал привезенных или в Тобольске избранных писцов и кончил работу в 6 лет.

В 1686 г. присланы из Москвы в Тобольск медные для хлеба меры, из заржавелых денег сделанные для всего государства, именно четверть, осьмина и четверик, — присланы с тем, чтобы, сделав точные снимки, разослать их повсю-

* Образ св. Софии, бывший храмовым до третьего пожара, ныне стоит на левой стороне во втором месте иконостаса. На нем изображается, под сению 7-ми, а не 6-ти столпов, Приснодева с Превечным Младенцем стоящею на амвоне 7-ступенчатом, посреди Аарона, Исайи и Давида с правой стороны, Моисея, Даниила и Захарии — с левой. Свыше сени парит Дух Святый, исходящий от Всевышнего, окружаемого тмами Своих Святых. Везде приличные надписи. В описании Киевской Иерархии замечено, что Тобольская икона Св. Софии ближе подходит к Новгородской, чем к Киевской, не потому ли, что архиепископ Герасим, при котором деревянный собор заложен и освящен (1646 и 1648 г.) во имя Софии, происходил из архимандритов Тихвинского монастыря, как и преемники его до Павла из монастырей новгородских?

О Тобольском соборе надобно еще сказать, что иконостас его возобновлен на счет всемилостивейше пожалованной тысячи рублей при митрополите Филофее и в 1710 г. освящен. Тогда поставлены три местные иконы: Бога-Спасителя, Богоматери и Св. Николая, писанные важною, художническою кистью, в греческом вкусе. Больше ста лет иконостасу, но три святые лика так свежи, так живы, облачения их так новы, что, кажется, вчера они сошли с мастерского станка.

ду, не исключая слобод и деревень. Царь Петр, во время своего единодержавства, подтверждал в одном из наказов нерчинскому воеводе принимать и выдавать хлеб помянутыми мерами, а не пудами. Где же та мера, которою бы безошибочно измерить толь дробную заботливость сего монарха?

В 1687 г. вымерены по Сибири расстояния между городами, полагая 1000 саж. в версту, с назначением прогонов по 3 деньги на версту с проезжающих, исключая одних тобольских воевод. На чем основывалось исключение, трудно понять, так тобольские воеводы не хотели понять, что каждый шаг властей, как будто шелест, отдается в слухе истории.

Через два года по окончании переписи Поскочиным, т.е. в 1688 г., последовало повеление, чтобы пашенных крестьян, прибывших в Сибирь после переписи, отослать в Иркутск на водворение с женами и детьми, и таковых пришельцев, по словам *Сборника,* отправлено до 500 человек. Воспоминание сие подтверждается событиями самой России, потому что движения беглых сделались в ней явными около 1683 года. В одной из пермских грамот (у Верха) предписывалось в том году воеводам чердынскому и Соликамскому учредить крепкие заставы, для воспрепятствования беглым, во множестве опять пробирающимся в Сибирь чрез пределы Верхотурского и Тобольского уездов. Но можно ли было в том успеть при недостатке земской полиции, когда и на деле оказалось противное? История замечает это время как самое плодовитое для Сибири по приливу людей.

По причине движимости в народонаселении снова наряжен из Москвы в декабре 1697 г. дворянин Качановдля повторительной переписи в Сибири дворов, людей и межевания земель, во всех без изъятия имениях, разумеется, кроме Сибири Заенисейской. Поэтому указная вервь обошла все пашни, сенокосы, угодья, мельницы и места дворовые, в городах и селениях. Мудрено ли, что около красивой Исети нашлась заселенная заимка от имени Кондинского (Кодского) монастыря, когда подобная деревенька там же обозначилась принадлежностью Великоустюжской Архангельской обители. Не живой ли это вексель, Сибирью данный Устюгу, в уплату за все одолжения, пособия и даже хлебные присылки? Хотя летопись не сказывает чисел писцовой работы, и, к сожалению, писцовых книг, из которых бы можно ныне извлечь таблицы сравнительной статистики, вовсе нет в Сибири; однако ж читатель, когда усмотрит число дворов в Сибири, может с вероятностию вывесть счет земель, сохою и косою тогда обхваченных, чрез среднее число из разных наделов, какие сулешевским распорядком установлены по уездам. Кроме того, надобно заметить, что правительство, пока чрез двукратную смену не возобладало статистическими сведениями, колебалось назначать в Сибири постоянное рекрутство или установлять повинности камеральные. Не ранее как с началом следующего столетия Сибирь примет на свои рамена, еще не довольно крепкие, долю государственного бремени.

Из некоторых случаев видно, что к концу XVII столетия правительство имело частные карты городов с округами, составленные из добротных казачьих чертежей, сведенных по воеводствам, но не имело общей карты Сибири. Поэтому в январе 1696 г. оно потребовало чертежа на холсте с означением городов, острогов, слобод, расстояний и с размещением племен внутренних и соседей со-

предельных. Через два года, говорит *Сборник,* требованный чертеж, разумеется, без проекции,послан в Сибирский Приказ. Над этой холстиной трудился тобольский сын боярский Ремезов вместе с сыновьями. Все лучше видеть что-нибудь, нежели ничего.

8. Любопытно вспомнить, с каким вооружением в конце XVII столетия ходили из Тобольска за солью к оз. Ямышевуили Коряковскому. По распоряжению кн. Черкасских, в 1699 г. отправлен водяной караван из 25 досчеников, к которым присоединилось из Тары еще 5; на них под командою дворянина Фефилова посажено воинских людей: стрельцов, пушкарей, барабанщиков, казаков конных, пеших и татарских с рабочими, при сотниках и атаманах, около 840. Дано пищалей медных 11 с железными ядрами 2- и 3-фунтовыми до 314, ружей приличное число, пороху ручного и пушечного 79, а свинцу 50 пуд, фитиля по расчету и полковое из камки знамя. Приказано плыть и останавливаться с лагерными осторожностями, по причине тогдашних неприятельских вторжений и по угрозам какого-то батыра Кокона, недалеко от Барабы при озере кочевавшего. По достижении соляного озера велено построить 3 острожка, а тайшам, если тут случатся на кочевке, предложить подарки, после погрузки соли открыть ярмарку с калмыками на праве таможенном, по старому договору, с запрещением променивать военные статьи и выменивать ревень или китайский табак. Караван возвратился без неприязненной встречи*.

9. Не выходя из Тобольской Сибири, следует заметить, что правительство, более и более удостоверяясь в потаенном провозе в Россию дорогой рухляди, решилось в 1688 г. по сомнениям против главных воевод установить, чтобы верхотурский воевода сидел своим столом, как учреждено и в Енисейске с 1676 г., и вот область, с подчинением Пелыма, Туринска и ярмарки Ирбитской**. Как не вспомнить, что некогда, во дни безвременья, ехал было сюда славный боярин Матвеев уездным, воеводою и что после Пустозерска погиб он у подножия престола, за шесть лет до учреждения Верхотурской области, которая, в виде, опыта, существовала только до 1693 г., или до определения в Тобольске главным воеводою стольника А. Ф. Нарышкина. Из одного выговора фамилии воеводы, который и приехал к месту в сопровождении знатных молодых людей, можно уже отгадывать, что отмена области сделана из доверенности к этому лицу, не менее по надежде на плебейское беспристрастие верхотурского таможенного головы, облаченного в небывалую власть силою наказа 11 июля 1692 г., как увидим в своем месте.

10. Для облегчения взгляда на разновременные посылки по делам пограничным, со стороны соседей и правительства, здесь место совокупить их в одну точку, так как все посылки происходили чрез Тобольск, или не без ведома воеводства Тобольского.

Отлоджана урянхайского проезжали в 1664 г. посланцы в Москву, вероятно, с ничтожною данью, главнейше же с признанием подданства, которое он за

* Для подарков тайшам даны: половинка гамбургского сукна, 6 ведр горячего вина, 2 пуда меду, 2 чет. ржаной муки, 1 чет. круп. Статья сия взята из *Памяти,* данной Фефилову, и сохранившейся у наследников Ивановых.

** Грамота воеводе гр. Фом. Нарышкину, 15 декабря 1687 г.

4 года вменял себе в бесчестие. Академик Шмидт, уповательно, даст нам надлежащие пояснения об Урянхайском ханстве.

От преемника Баторова, тайши Сенги (другого титла не дается ему в сибирских летописях), приезжал посланец в 1663 г., вероятно, с таким же требованием о телеутах, какое он делал и в Томске в 1665 г. В соответствие, послан к нему из Тобольска гонец с подарками и ехал 3 месяца, может быть, потому, что наши гонцы всякий раз, как посылались в степь, набирали с собою товаров и торговых людей также с товарами.

От того же Сенги в 1671 г. прибыли посланцы с требованием возврата шести сот беглых его подданных и проживающих в-Томской области, в случае же неотдачи будет он мстить Томску, Кузнецку и Красноярску. Посланцы встречены на Посольском Дворе и приняты почетно. Один из них пропущен в Москву, а другого назад напутствовал наш гонец с приказанием внушитьтайше, что он получит удовлетворение без неприязненных действий. В числе угроз Сенги помещалось и то, что татарина, в Китай посланного за покупками, он на возвратном пути не пропустит в Тобольск. Те сочинители, которые мечтают о сибирских торгах с Китаем до трактата 1689 г., пусть наконец узнают о бедности способов, какими пользовались сибирские начальники для получения китайских товаров!

В 1672 г. пограничное маньчжурское начальство убедило нерчинского воеводу Аршинского послать кого-нибудь в Пекин из уважения соседства, и были посланы из казаков Милованов и Кобяков* с товарищами. Приняты благосклонно и одарены. Старшим из них вручен из трибунала лист к российскому правительству о возвращении Гантимура и других звероловов, а для выразумления листа употреблено со стороны маньчжурского начальства старание о переводе его. Перевод, разумеется, был плохой.

По поводу сего листа, как не выразумленного, отправлен в 1675 г. из Москвы в Пекин переводчик Посольского Приказа Н. Г. Спафарий, родом молдавский грек, в качестве посланника. К нему в Тобольске присоединено 6 кречетных помытчиков, 30 конных казаков, 6 детей боярских, для сопровождения казенного каравана. Цель миссии состояла частию в испытании выгод китайского торга, частию в отмене китайского настояния о возвращении Гантимура с улучниками, в освобождении русских пленных, хотя бы и с выкупом, и главнейше в склонении к удержанию Албазина во власти русской. Но посланник, которого китайцы справедливо считают первым, а не вторым из России, сколь ловко ни уверял, что содержание прежнего листа не выполнено российским правительством по темноте перевода, возвратился без успеха и без ответной грамоты, больше по неровности характера, то уклончивого, то невнимательного к требованиям Церемонного Двора, нежели по маловажному настоянию о Гантимуре.

Тут под графою замечено, что от нерчинского воеводы посланы в Пекин казаки Милованов и Кобяков и записаны в архив монгольского трибунала Игнатъем и Сидором. Напротив, в выписке из этого архива за 16-й год Кансиева царствования, взятой нашими студентами (до 1808г. в Пекине жившими), стоит, что начальник Албазина Любим Евсеич в 1677году

* Они, кажется, играют роли Игнатия и Сидора в Пекинских актах, при рассмотрении дела о проезде Спафария в Пекин. *Сиб. вестн.*, 1823 г., 17-я книжка. О проведении Спафария в Пекин можно читать в V ч. *Словаря достопамятных людей Русской земли.*

имел повеление наведаться об успехе Спафария и послал военного человека Игнатия сказать пограничным маньчжурским начальникам, что уласиры, килеры, шамаи-касаки и пр., прежде кочевавшие по Олекме в числе наших промышленников, платили дань в Якутске, и что, после житья разбойнического, были они прощены при воцарении Феодора III. «Скажи это им и расспроси о договоре Спафария насчет помянутых родов». Слова наказные переданы с границы в Пекин и рассматривались не только в трибунале, но и в совете князей и министров, где и отложены без решения затем, что Спафарий умолчал о принадлежности казаков и пр. к России. Поэтому велено сказать на границе Игнатъю, что, несмотря на грубость и упрямство посланника, торг и пересылка не будут воспрещены, если сохранится тишина на границе. Сидор, конечно, был товарищ Игнатья.

В 1678 г. прибыли посланцы от нового контайши Галдана (Бошохту-хана) со множеством товаров, с которых взяты пошлины. Они по назначению пропущены в Москву. Контайша просил воевод жить в мире и не задирать на границе. Из последствий будет видно, что он оказывал Сибири доброжелательство.

В том же году посланцы лоджановы пропущены из Тобольска в Москву. После того еще дважды они проезжали, но последняя резолюция царской грамоты от 6 марта 1680 г. заключалась в том, чтобы лоджан, любезно-верный подданный, по делам своим сносился с тобольскими воеводами.

В 1686 г. проскакали в Пекин из Посольского Приказа подьячие Винюков и Фролов с известием о назначении посла. Вскоре за ними туда же промчался гонец Логинов с подтверждением о действительном выезде посла из Москвы. Появление курьеров в Пекине было очень благоприятно для Албазина, как впоследствии окажется.

В 24 марта 1686г. прибыл в Тобольск окольничий, брянский наместник Ф. А. Головин, назначенный послом в Китай, и здесь свиделся с своим родителем-боярином, который служил в Тобольске главным воеводою, и показал некоторые опыты градоустройства. Не место здесь говорить о взаимных чувствах между отцом и сыном, а следует познакомить читателя с лицами посольства и всего поезда. Товарищем посла назначен нерчинский воевода, наместник элатомский И. Ев. Власов, дьяком С. Карницкий с 2 подьячими; в сопровождении посольства состояли: стольник Синявин и 5 московских дворян. Для весу посольства следовал 500-й стрелецкий полк при 5 сотниках, сверх которых при после находились 3 полковника: Ф. Скрыпицын, П. Грабов, АН. Смаленберх, подполковник С. Богатырев и прочие штаб- и оберофицеры до прапорщика, потому что надлежало в Сибири присоединиться к посольству двум казачьим полкам с ратною амунициею. По вскрытии вод посольство поплыло Иртышом и Кетью на 23, из Енисейска на 50 досчениках, а из Иркутска, по недовольному числу судов, люди и военные снаряды отправлялись по частям. Сам посол 28 сентября 1687 был уже за Байкалом в Удинске, спеша, по слухам, подать помощь осажденному Албазину и, удостоверясь в перемирии, послал 19 ноября в Пекин дворянина Коровина с известием о своем прибытии и с просьбою о приезде пекинских полномочных в то место, какое назначит богдохан.

Прежде, нежели важное и блестящее посольство начнет беседовать о дележе Восточной Азии с полномочными вечного государства, история поспешает за ним чрез Сибирь Среднюю.

Глава II
В СИБИРИ ТОМСКО-ЕНИСЕЙСКОЙ

1. Продолжение заселения. 2. Попытки рудные. 3. Указания на источники заселения. 4. Иркутск.

1. Томск и Кузнецк по счастливому положению своих округов, лежащих на хлебородной почве, несмотря на случавшиеся разорения, увеличивались в населенности как числом острогов, так и крестьянских починков. Ос. Уртамский на Оби, по дороге к Таре, построен 1692 года, ос. Умревинский также на Оби выше первого в 70 верстах — 1696, Чаусское зимовье при конце периода превращено в крепкий замок с пушками, Бийск выстроен 1709 года; в те же годы явились остроги по р. Томи Сосновский и Верхотомский для связи Кузнецка с Томском. Нарочитое пространство между Обью и Томью от Кузнецка до Томска было ограждено казачьими постами. Под защитою их размножались деревни, а за поселянами дело не стояло, потому что они не переставали переселяться из Верхотурского округа, чему препятствовать не было нужды. Из грамоты 1678 г. к туринскому воеводе, в I главе помещенной с выпискою, видно, что велено было Тобольскому воеводству перевесть в Томский уезд для десятинной пашни всех пришлых людей, без пожалования водворенных на землях монастырских или Софийского дома; неизвестно, в каком числе совершилась эта колонизация.

В числе переселенцев II периода начали во множестве являться те люди, которые после исправления священных и церковных книг, подняв жалкое знамя раздора с церковью, в 1684 г. видели свое осуждение в Москве, в лице дерзкого еретика попа Никиты. Старообрядцы в Сибири нашли три пристанища: в Тюмени, Таре и Томске; отчего ж не далее и не инде? Своеумию вздорливому и несговорчивому очень шло укрываться в муромских, поморских и уральских захолустьях, но найти приют в трех торго- I вых городах, эшелонами отстоящих от Урала, это означало какое-то намерение и вместе покатость к промышленности, в которой вознаграждает себя класс ненавидимый, для постановки своей с другой стороны в утраченном мнении. Ничего не стоило бы пропустить без внимания появление старообрядцев, если бы они не стоили Сибири тяжких воспоминаний, о каких нельзя слышать равнодушно.

Судя по времени, нетрудно заключить, что и Красноярский округ, красивый местоположениями и лежащий на почве легкопахатной, размножался по мере пришельцев. К югу, по падении Урянхайского ханства, явились под конец XVII столетия* у подошвы Саянских гор форпосты: Таштыпский, Арбатский, Саянский, Шадатский и прочие.

Что ж касается до Енисейска, в котором еще с 1676 г. велено быть разряду и столу, или иначе — области, с заведыванием ангарских и забайкальских острогов, и следственно со включением Илимска, Иркутска и Нерчинска, Избранд Идее в свой проезд 1692 г. заметил в соседстве с сим городом многие селе-

* В *Енис. губ.*, часть II, стр. 135.

ния и монастыри, под именем которых надобно разуметь часовни, в личном или народном благоговении строившиеся. Енисейск, блюститель устюжской набожности и торговли, посредник в сибирских сообщениях между востока и запада, неминуемый ночлег дальних проездов и путей, долго пользовался почетностию и в уме правительства, когда в 1695 г. пожаловано ему знамя; судя же по приливу и отливу людей, к восточному или южному краю стремившихся для торгов, равно и пересылаемых на Лену и за Байкал преступников, можно бы назвать этот город порто-франко. Тут не спрашивалось у последних: кто и откуда, а приказывалось, куда должно следовать, потому что возложено на Енисейск под главным наблюдением Тобольска во всем поспешествовать делам забайкальским и камчатским.

По сродству заселения с обработкою земли впишем, кстати, одну меру Сибирского Приказа, заботившегося опоместить два класса служивых, военных и приказных в Енисейске, Илимске, Верхоленске и, конечно, Индинске, в 1672 г. выстроенном. Приказ 1679 года в поправку сулешевского пашенного распорядка* сделал особое распоряжение, чтобы детям боярским, атаманам, казакам и подьячим, в тех местах служащим, давать пашенные места за полные оклады от 5 до 10 десятин.

На севере весьма естественно монете быть заменяемой хлебом, потому что денежная ценность там сильно изменяется в отношении к хлебу из года в год. То же почти можно приложить и к прочим заенисейским острогам, где подвоз хлеба был труден и где недоставало хлебопашцев, избегавших мест лесистых и сырых, исключая Верхоленск. Почва и климат Верхоленска так хороши, что можно пожалеть, для чего начальства минувших времен, на основании IVстатьи расписания поместных окладов (16 марта 1676 г.), не ходатайствовали о превращении пашенных участков, детям боярским и атаманам назначаемым, в прямые поместья? Что за экономия в землях беспредельного края?

2. В предгорьях Алтая блеснула надежда на открытие серебряной руды. В Кузнецком округе на речке Коштаке, невдалеке от речек Баракдитаи Китати, огласился прииск в 1695 г., и в следующем прислан грек Александр Л евандиана (5) с товарищами: ему удалось как-то выплавить из 16 п. руды 25 зол. чистого серебра. Выстроен острог на Коштаке для прикрытия от немирных соседей с поручением князцу Мышину оберегать заведения от степных наездников; но, когда работы были поведены в гору по приметам лучшей руды, сперва одолели воды, потом наскакали киргизы и погромили заведения. Руда, присланная в Москву из последних работ, испытана Вениамином Левандианою, братом первого, и признана негодною. Вот каков минералог, вдалеке управляющий горным производством! Между тем он требовал 250 работников, жизненных припасов по соразмерности и особых укреплений от набегов. По рассмотрении обстоятельств было предписано: а) в случае, если отыщется добрая руда, взять в Тобольске сотню человек из гулящих, с поденною платою на каждого по 4 деньги, сделав, однако ж, расчет между расходом и прибылью; б) если по расчету промысел представится убыточным, оставить производство и Л еванди-

* В наказных статьях нерчинскому воеводе от 2 января 1701 г. повторены в совокупности все распоряжения по предмету пашенному, для подражания и в том краю. Статья 48.

ану отправить на нерчинские прииски не прежде, как по удостоверении, что там руды добыты и есть дрова. Неизвестно, долго ли на Коштаке продолжалось рудное пачканье, но ос. Коштакский оставался и в следующем столетии.

3. Выше было упомянуто о повелении отослать 500 крестьян с семьями к Иркутску, как пришедших в Западную Сибирь после переписи Поскочина. Если в позднейшее затем время, т.е. в 1697 году, государь в наказе верхотурскому воеводе не изъявляет негодования насчет крестьян, перешедших из-за Урала в верхотурские пределы от неурожаев, и предлагает обратить их на десятинную пашню, очевидно, что 500 семей посланы к Иркутску не за вину, а в удовлетворение государственное, чтобы заселить хлебородную пустыню, между Окою и Иркутском впусте лежавшую, как она действительно и заселилась, по уверению Избранд Идеса. За два года пред тем окольничий Головин на возвратном пути, видно, по просьбе крестьян, худо полагавшихся на бурятское соседство, приказал выстроить при устье р. Белой ос. Вельский, который и кончен в 1691 году.

С такою же мыслью, с какою водворены сюда крестьяне, надобно смотреть на многие постановления правительства, которое, не озабочивая себя трудным способом колонизации, помышляло заселить пространную к востоку Сибирь чрез устранение в нее преступников, гуляк беспаспортных и чрез попущение добровольных переселенцев из Верхотурского ведомства. Из числа таковых постановлений известны:

а) 24-й и 33-й пункты Новоуказных статей 1669 г., также милосердные указы Феодора III (6) о ссылке в Сибирь на пашню воров с семьями за одно и за два воровства, без отсечения рук и ног, равно и повинившихся в разбое без убийства, с отрезанием левого уха и с отсечением двух меньших пальцев на левой руке. Три указа, о которых речь идет, изданные при Феодоре в короткое время, свидетельствуют потомству, какими недугами тогда страдала Россия, не забывшая еще ужасной школы исторического злодея Стеньки Разина.

б) Указ 1686 г., которым повелевалось гулящих в Москве и пришлых людей без узаконенных видов штрафовать в первый раз 20-ю, в другой 50-ю, в третий 100 рублями, при невозможности же взыскания удалять их в Сибирь. Думать надобно, что такое повеление немало содействовало к пополнению городов сибирских, потому что нелегко в тогдашнее время было найти в кармане выкуп даже первой степени. В том же году даны 19 марта объезжим головам статьи, из которых 4-ю и 5-ю велено ссылать в Сибирь на вечное жилье кулачных бойцов и извощиков, на вожжах пойманных.

в) Особый наказ государев, нерчинскому воеводе 1701 года (от 1 февраля) данный, показывает, что тамошний край, вопреки обыкновенному мнению, полагалось заселить крестьянами, семейно бежавшими в Сибирь в больших толпах. Так, напр., в 1697 г. послано в Нерчинск беглых крестьян с женами и детьми 624 души; к сожалению, и третьей доли не дошло до места, как видно из помянутого наказа*. Ибо сибирские начальства, ограничивавшиеся одним казачьим надзором за переходом семей, не пеклись подавать пособия просто-

* В *Сиб. вести.* 1823 г. сказано, что в 1708 г. первоначально водворено в Даурии из Енисейска 104 семьи крестьян. Это те самые, на которых мы указывали из нерчинского наказа; следственно, надлежало бы *Вестнику* сказать: **чрез Енисейск,** а не из Енисейска и притом показать ранее несколькими годами.

душным переселенцам, гибнувшим на Оби и Кети, худо обселенных. Отдавая дело сие как невозвратное на душу тогдашних воевод, не без удовольствия мы надпоминаем, что в происхождении переселенцев надобно искать изъяснение, отчего в нравах крестьян Нерчинского уезда и тамошних заводов доныне так прекрасно рисуется простота, добродушие, набожность и хлебосольство, несмотря на карымскую физиономию.

Вот указания на начала главнейшего заселения Иркутской губернии. Нет сомнения, что Лена от Усть-Кута, Колыма до Нижнеколымска равно и другие северо-восточные места, где завязалось русское племя, заселены больше или меньше преступниками, каковые были московские бунтовщики (1662), подделыватели противозаконной монеты и стрелецкие мятежники разных времен, не на службу посланные. В физиономии ленских жителей, которых не раз я видел, еще отливается какая-то безотрадность, сказывающая о жалком их происхождении. Если бы хотеть приписывать это климату, для чего же видишь лицо якута, полное свободы и живости?

4. Что касается до Иркутска, это ясачное зимовье, постепенно обселявшееся сходцами промышленников и проворных людей, не замедлило, по важности положения среди бурят, превратиться в укрепление. Людное местечко состроило в замке Спасскую, сперва деревянную, церковь, с 1672 г. застроило Вознесенский монастырь, потом обнесло жилища свои стеною, все из дерева, и в 1686 г. получило действительное имя острога с правом управлять нарочитым округом насчет уездов Енисейского и Илимского. Остроги: Балаганский, Идинский, Верхоленский, слобода Бирюльская, в верху Лены, и впоследствии ос. Вельский приписаны к Иркутску вследствие грамоты от 21 апреля упомянутого года. Казалось бы, надлежало и острогам забайкальским (Верхнеудинскому и Селенгинскому) отойти от Енисейска в уездное ведомство Иркутска, но нет данных, чтобы утверждать это с достоверностию, тем более, что и самый Иркутск тогда состоял в областной зависимости Енисейска.

Через 26 лет казенного управления Иркутск представил послу Головину в 1687 и 1688 годах суда и способы к постепенной переправе за Байкал артиллерии, пороховой казны и 3 полков. Средоточная соседственность с Селенгою, Тунгускою и Леною, с тремя важными реками, открывающими пути к югу, западу и северо-востоку, с самого начала завещали Иркутску бесспорное значение в составе Сибирского Управления, несмотря на то, что низменная площадь, на которой уселся острог с селитьбою, есть речной намыв Ангары, известковый и холодный, едва ли к концу лета нагревающийся до +7° — 0°. Действительно, физическое положение этого места неважно: горизонт зрения перегорожен береговыми кряжами, с одним просветом к Тобольску, почва беспокойна по смежности волканических Байкальских гор, быстротекущая Ангара и Иркут безрыбны, одна Ушаковка дает легкую воду и целебное купанье. Ангара, говорят, прозрачная, но прозрачная, как душа холодная и едкая.

Пристань в горле, или истоке, Ангары, задвинутая береговыми хребтами с востока и запада, в виду Шаманского Камня, подле плещущейся волны Байкала, пристань Никольская, с песчанистым отстоем для судов, если бы и не знали ея прежде, в это время, конечно, вступила в свое назначение. Поспешим же за Байкал, чтобы поравняться историческою отчетностью с занятиями посла.

Глава III
ЗАБАЙКАЛЬЕ

1. Взгляд по ту сторону ЯБЛОННОГО хребта. 2. Поиск руд близ Аргуни. 3. Распоряжения скоропоспешные. 4. Осада и сдача АЛБАЗИНА. 5. Возобновление АЛБАЗИНА. 6. Взгляд по сю сторону хребта. 7. Селенгинск и Верхнеудинск. 8. Посол за БАЙКАЛОМ. 9. Беспокойство со стороны Халхи. 10. Отсрочка приезда послов пекинских. 11. ЗАНЯТИЯ ПОСЛА НА Селенге. 12. Переговоры. 13. Трактат Нерчинский.

Забайкальская страна, раздвоенная Яблонным хребтом, набросанная по обоим его сторонам горами волканического образования, дикого и чудесного, содержащими разнообразные сокровища, попеременно ниспадающая в долины, как в цветники, пленяющие глаз растениями и деревьями, в которых видно больше обезьянства, чем подражания прозябаемости умеренных климатов, — страна, расчерченная негеометрически четырьмя большими реками, смотрящаяся в свои озера соляные или пресные, как в зеркала, если достойна естественной истории, то меньше ли достойна и истории житейской? Река Херулун, соседка Чингисовой молодости, и Харахорум*, столица его, как хана и трех преемников, достойных крови фамильной, свидетельствуют, что страна Забайкальская, быв смежною, некогда пресмыкалась под их стопами. Потом до половины XVII столетия страна, по сю сторону хребта лежащая, слушалась 2 ханов халхасской системы, а остальная, Заяблонная, отдыхала, как паровая земля, в руках ничтожных родоначальников. Россия, как уже читано, врезалась своею грудью в возвышенную средину их при смычке Байкальской группы с хребтом Яблонным; и, на Баунте осмотревшись, спустилась и протянула руку дружную, сперва за хребет, потом с оз. Иргена на долины онинские, селенгинские, на прибережье Забайкальское и под конец на плоскость Тунгусскую. Россия явилась среди забайкальских тунгусов и бурят колена монгольского с лучшим и благороднейшим правом, чем Батый на Волге или Днепре, явилась с предложением дружбы, торговли и благоустройства, с воззванием к истине от басней тибетских. Посему новейшая забайкальская история представляется в двух взглядах, в одном по сю сторону хребта Яблонного, или, по слову Птолемееву, Хоринского, и вдругом — по ту сторону его.

1. Сперва бросим исторический взгляд по ту сторону.

Известный тунгус Гантимур, с сродниками и улусными людьми возвратившийся с р. Науна на Ингаду, не менее того восставший из праха Албазин, сделались двумя нестерпимыми занозами для Кансия. Спафарий, посланный для умягчения сих пограничных нарывов, имел еще обязанность сверх торговли и размена пленных договариваться о позволении вывозить из Китая ежегодно 50 000 фунт, серебра, камни драгоценные, шелк в тканях, пряже и сырце и выпросить на время мастеров для соору-

* Харахорум, или Хорин, по словам о. Иакинфа, находился на восточной стороне Хангая, между рр. Орхон и Тамир.

жения каменных мостов. Грамота, на среднем александрийском листе писанная с золотыми буквами обоих имен царя и богдохана, принята, царские подарки возданы соразмерными дарами, одарены с посланником все принадлежавшие к его свите, канцелярской и военнопоходной, но по известной несговорчивости посланника ни одно из предложений его, несколькими инстанциями пересмотренных, не принято, пока перебежчики не будут возвращены. Непонятно, для чего Спафарий не сказал истины, что Гантимур был давний подданный России, не убежавший с Науна, но возвратившийся в Нерчинскую область, чего желали и амбани, и министры, говоря, что после такого изъяснения и кончилось бы затруднение. Посланник, в 1677г. возвращаясь, послал из Нерчинска в Албазин наказную память, чтобы ограничиться в поисках по Амуру, не требовать ясака с тун гусов, живущих по Зее, и жить на страже от нападений. Вероятно, он был засгращен в Пекине и, вероятно, слышал или видел по дороге военные приготовления, но завещание умеренности вменено Спафарию и в Нерчинске, и в Албазине в измену. По отъезде его начали опять жить нараспашку, тем более что воеводы обоих мест, часто сменяясь, пренебрегли вникать в намерения соседа огорченного.

2. Здесь кстати бы отдать справедливость заботливости нерчинского начальства о разведывании руд, но заботливость его не увенчалась с 1676 по 1679 г. успехом. По словам тунгусов, надлежало открыть руды золотую, серебряную и оловянную около 3 речек, в Аргунь падающих; дважды ездили из Нерчинска на указанные речки, видели около 20 старинных плавилен, принадлежавших безвестному народу, брали с собой желтой и серой руды, да пять разных земель, и выплавили в Нерчинске из серой руды только свинец. Показаны были руды иноземцам, ездившим со Спафарием, но и они показали не больше знания. Мешки с рудами и землями посланы в Тобольск^ в Москву, и на сей раз дело тем кончилось, только государь подтвердил Нерчинского острога голове Лисовскому продолжать рачение по сему предмету (7).

3. Благоразумно ли, или нет Спафарий наказывал не дразнить маньчжу-китайцев на Зее, мы скоро увидим; только воеводство Нерчинское, принимая сию реку за тыл Албазина, почло нужным оградить себя по той линии. Поэтому в 1677 г. послано казаков и промышленников поставить в верху Зеи острог под именем Верхозейского. В 1679 г. поставлены на Зее другие два острога — Селимбаевский и Додонский. В 1681 г. воевода нерчинский послал в Албазин указ набрать охотников в службу, чтобы при наступлении весны идти на судах по Амуру до устья, осмотреть берега поморские и наложить дань на спопутных иноплеменников. Экспедиция сия не сбылась по малому числу охотников и по недостатку снарядов; втом году только построен ос. Аргунский, вероятно, там, где было зимовье Пущина. Этот 1681 год был последний год благоденствия и покоя для Албазина, потому что наступает время самоуправства и безначалия в Албазине, а извне приближаются опасности нашествий.

В 1682 г. построено на р. Амгуне Дукачакское зимовье для взимания ясака с неподвластного Маньчжурии племени. Другая партия якутских казаков, присоединясь к албазинской на Амгуне и распространив свои действия по левой стороне Амура, прогнала натков и гиляков, хотевших разорить острогТугурский на

Ламе. В 1683 г. послана из Албазина на смену партия из 67 человек на Амгунь; она, дойдя до города Сахаинула, на правом берегу Амура крепко выстроенного для главного управления Амурским краем, была обхвачена, так что немногим удалось убежать в ос. Удский или в Албазин. Вот начались вторичные уроки растянутого на Амуре распространения! Маньчжу-китайцы, изведав нашу захватчивость без оглядки, противополагают дерзости коварство, мужеству силу. Права на берега Амура были равны у нас и у них, но не равны силы.

В 1684 г. двое пленных русских подосланы из Пекина к Албазину с воззванием сдать укрепление в силу обещаний или угроз. Послание прочтено казакам самим воеводою, из среды их самовольно выбранным, но все они отвечали в один голос, что станут защищать свое место до последней капли крови. Жалеть надобно о том, что мало было ратников, что недоставало военных снарядов и, главнейше, недоставало воеводы благоразумного и надежного. В Тобольске известно было критическое положение Албазина из частных донесений, но за дальностию трудно вскоре помочь людьми и снарядами. Мужественный, однако ж, Толбузин благовременно туда прибыл на воеводство, а в Нерчинск переведен из Иркутска благоразумный воевода Ив. Евст. Власов. Между тем разорены маньчжурами все остроги и зимовья, с 1676 г. заведенные, не исключая и Тугурского, в полон взятого со всеми людьми. В марте 1685 г. неприятель опустошил уже окрестности Албазина, а 12 июня последовала осада.

4. У Толбузина было казаков, посадских, промышленников и крестьян, из деревень собранных, не более 450 чел. да 3 пушки и 300 мушкетов. У неприятеля 100 судов с 4500 чел. и 10 000 сухопутного войска, полевых пушек 125, осадных до 45. Деревянные стены и башни острога сильно пострадали, ктомуже не стало ни пороху, ни свинца. Прошедшая безрассудность очевидна, но невозвратима. Строитель Спасского монастыря, незадолго достроенного, и священник крепостной церкви вместе с жителями просили 22 июня воеводу войти в переговоры с неприятелем о свободном отступлении их к Нерчинску. Неприятель убеждал поддаться богдохану, но, кроме 25 низких душ, прочие отвергнули льстивые предложения и пошли с Толбузиным к своим, быв лишены всей собственности наравне с казною.

На дороге встретились они со 100 чел. и с 5 пушками, посланными из Нерчинска на помощь осажденным. Неприятель дозором следовал за отступающими до последних албазинских заимок.

5. В это время как воевода Власов давал чувствовать великость утраты в утрате Албазина, подходили в Нерчинск военные припасы из Енисейска, подходили и люди Бейтонова полка, давно жданные, но задержанные около Верхнеудинска отыском полковых лошадей, отогнанных монголами. С появлением Толбузина решено предпринять снова восстановление Албазина и на сей конец послан отряд на легких стругах осведомиться о состоянии потерянного места. Августа 7-го получено известие, что острог со*всеми деревнями выжжен, что хлеб на полях стоит невредимым и насчитано его в посеве до тысячи десятин. После такой вести тотчас решено привесть Албазин в лучшее оборонительное состояние, послать воеводою того же выхваляемого жителями Толбузина, а наперед для снимки хлеба и прочих заготовлений отрядить Бейтона с 200 человеками. Толбузин прибыл на

пепелище 27 августа, за ним и Бейтоном последовало 671 чел. всякого звания, пять пушек медных и три чугунных, прочее отправится с остальными казаками Бейтонова полка.

Вместо острога заложен земляной четырехугольник из дерна, глины и кореньев, в основании толщиною в 4 саж.,и к 11 октября возведен на 1 $^1/_2$ саж. В ос. Телембинском, который выстроен незабвенным Пашковым, начали плавить чугун в ручных горнах и ковать железные вещи. Хлеба было довольно. В 1686 г. уже сбирали ясак с живущих около р. Зеи. Маньчжуры, сведав о восстановлении Албазина, стали подсылать присматривать за нашими, а наши за ними. Толбузин, узнав, что прошлогоднее неприятельское войско остановилось около Сахалинула-хотона, не мог не предвидеть, что летом опять будет военное дело; тем не менее хлеб засеян прошлою осенью и весною, крестьяне и жители, оставя поля и домишки, сошлись на житье в городе, в вырытых ямах. Всех состояний было 736 чел.

В июле 1686 г. подступило конного войска до 3000, да на 150 судах было до 4500 чел., и пушек на них до 40, тогда как боевая сила крепости состояла из 8 орудий! Осада продолжалась с настойчивостию, равною твердости, с какою осажденные оборонялись. Неприятель много потерпел от крепостной пальбы и от вылазок; русские же в исходе сентября были опечалены смертию мужественного Толбузина, убитого неприятельским ядром. Впрочем, осаждаемые не столько пострадали от неприятеля, сколько от болезней и цинги, усилившихся в продолжение осени. За всем тем Бейтон, достойный преемник Толбузина, выдерживал осаду с неуступчивостью и искусством. Неприятель, отчаясь в успехе своей артиллерии, начал бросать к осажденным стрелы с записками, в которых обещались милости желающим сдаться, но и тут не было выигрыша. В конце ноября осада переменена в облежание, а с 6 мая 1687 г. неприятель отступил от города на 4 версты, так что осажденные стали жить, как живут во время перемирия. Неприятель предлагал Бейтону лекарства и лекарей, а Бейтон, чтобы скрыть бедственное состояние города, отклонил пособия и послал ему пирог весом в пуд. После такого размена учтивостей неприятель 30 августа вовсе удалился от Албазина; воеводство и город вступили в прежние права управления и водворения. Не трудно понять, что отступлением и совершенным удалением неприятеля обязаны двукратному приезду в Пекин московских курьеров, решивших Кансия прекратить неприязненные действия, о чем и вручен нашим курьерам лист на высочайшее имя. Неприятелю надлежало бы отступить от Албазина ранее, но он замедлением мечтал принудить коменданта албазинского к приличному для своей чести вызову. Можно бы здесь усмехнуться насчет осадного искусства Кансиева времени, но история осклабляется без осмеяния, как и пересказывает без злости.

6. Из плавания по Селенге и Хилку служаки Бекетова должно уже заключать, что Забайкалье было негусто населено, что оно за Селенгу к востоку подчинялось Цецен-хану; но в рассуждении российского овладения и заселения предстоит много нерешенных вопросов. Когда и из какого острога заложены водворения по Селенге? Когда и кем привлечены к платежу ясака буряты хоринские, селенгинские и прибережные кударинские!

7. Почти достоверно, что Селенгинск, с 1666 г. существующий, застро-

ен командою ос. Иргенского, спустившеюся по Хилку; что этот новый замок, конечно, распространил свою власть на бурят селенгинских до р. Джиды и не замедлил завести солеварню на известном Селенгинском озере*; что ос. Еравинский, в близкой связи с Иргенским, пригласил в ясак бурят хоринских и, среди них проложив дорогу, поставил на западной меже этой орды, не всей, по-видимому, отложившейся от Цецен-хана, поставил в 1668 г. ос. Удинский, опирающийся на Селенгинск; что нижние по Селенге остроги заведены несколько позднее, как увидим далее. Изложив выше стихии восточно-сибирского заселения, здесь не нужно входить в подробности сего рода, а довольно опровергнуть общее мнение, присвояющее Верхнеудинску первоначальную селитьбу из сосланных стрельцов. Первый стрелецкий бунт происходил в 1682 г., а Верхнеудинск начался ранее, по крайней мере 13 годами. Мы не отвергаем, что с 1683 г. могли быть туда посланы на службу стрельцы, когда из грамоты от 4 января того же года (в Собр. Госуд. гр., 1Уч.) убеждаемся, что ихсобратия находились в Илимске. Кударинские буряты, как отдаленнейшие от Цецен-хана, прежде прочих обложены данью из Баргузинска. Селенгинский Троицкий монастырь, близ рыбачьих шалашей и заимок Кабаньей и Ильинской, начат в 1682 г. строителем, пришедшим со стороны Нерчинска. Соображая все события от Амура до Селенги, надобно принять за историческую истину, что после 1662г. Нерчинск с Телембинском и Иргенском, устроенный одною рукою разумного Пашкова, был впоследствии оглавлением распространения российского по обеим сторонам Яблонного хребта, равно и то, что из Селенгинска, ныне так ничтожного, развилось русское оцепление Забайкалья до груды гор, накиданных от оконечности Байкала к р. Джиде**.

8. Вот изображение, в каком представился послу в 1687г. Забайкальский край. Уже читано, что посол из Селенгинска 19 ноября отправил в Пекин дворянина Коровина с известием о своем приезде и с приглашением на съезд полномочных китайских. Прежде того посол, еще в Удинске, предварен был приездом чиновников от лица Джебдзуна халхасского кутухты (геген-хутухту) и брата его Батура Очароя, Саин-хана, приветствовавших с прибытием***.

Именем обоих посланные поднесли подарки, предлагали отправлять курьеров в Пекин чрез халхасскую Ургу в небольшом числе, и изъявляли сожаление о смутных пограничных обстоятельствах. Посол отвечал вежливостию за вежливость, отдарками за подарки, заметив, что давно можно бы кончить раздоры переговорами. В январе следующего 1688 г. встретились неожиданные неприятности.

9. Батур Очарой-хан открыл наступательную войну против забайкальских водворений, без всякого от нас оскорбления, без всякого с его стороны права, по причинам, доныне темным, только он поскользнулся на этом шагу, стоя нетвердо и дома. В прошлом году, для при-

* В *Сборнике* замечено, что во время нападений монгольских в 1688 г. сковороды с посудою благовременно были сняты,

** Нигде, к сожалению, не замечено, в чем состояло енисейского начальства содействие возведению Удинского и Селенгинского острогов? Поэтому желал я заглянуть в *Енисейскую Летопись.*

***То, чего нет у Миллера и Иакинфа, заимствовано из известного *Сборника,* который, к сожалению, в эту пору путается в именах лиц монгольских.

мирения хана Очароя с Дзасакту-ханом в спорах поземельных, надлежало быть в Урге первому посредническому съезду. За Очароя стоял Кансий,заханаДзасакту Галдан, вследствие чего, по намерению Кансия, и приглашен далай-лама на третейское разбирательство. Три кутухты, считая и брата Очароева, не успели сесть в звании посредников, как и рушилось их посредничество от занятия высшего места Джебдзуном пред представителем Чжунгарии. Галдан не замедлил прислать брата своего для завладения Халхою и сам туда же готовился.

Когда в начале 1688 г. появились около Хилка и Селенги густые кочевья халхасских монголов, то, по словам *Сборника,* очутился между озерами Соленым и Гусиным 20-тысячный корпус будто бы калмыков, наблюдавший за русскими. Если бы это были калмыки, можно бы почесть, что приближался к нам брат Галдана. Напротив, тут стоял как бы в засаде Очарой. Можно предполагать, что Галдан, умевший ссорить между собою ханов, вовлек чрез искусные внушения Очароя в распри с Сибирью, для того чтобы самому легче завладеть его ханством. Можно думать итак, что Очарой в отмщение за Цецен-хана, нами обобранного, хотел возвратить себе Забайкалье как достояние монгольское. Или, подозревая, что русское войско пришло с послом на подкрепление Галдана, которому не учиться разглашать подобные слухи, предпринимал заранее истребить подкрепление. Во всяком случае, несовместно приписывать оказательства халхов недобросовестности Кансия, даже потому, что во всех схватках не замечено у халхов артиллерии, спутницы маньчжу-китайского содействия во время Кансия.

Без причины начались дерзости со стороны монголов против отводных казачьих притонов, а затем и сшибки. Потом, подступив под Селенгинск, они пускали из луков зажигательные стрелы с медными трубками и в город бросали зажженные пуки из тростника; но 200 казаков и жителей удинских, подкрепленные ротою стрельцов, ниспровергли назойливость неприятеля. Посол приказал своему войску, по низовьям Селенги стоявшему, стянуться к Удинску. Нападение было и на Удинсктакже без последствий. Около заимки Ильинской (что ныне многолюдная слобода) неприятель напал в больших силах на один полк, проходивший вверх по реке, но нескольких пушечных выстрелов было довольно для приведения себя в почтение. Сумятица кончилась около 20 марта, неприятель исчез со всех точек, потому, вероятно, что брат Галдана действительно вступил в дело с Халхою. Посол не велел следить отступавшего неприятеля, потому что конница была так плоха, что не могла поймать языков, при всех усилиях селенгинского сына боярского Дамьяна Многогрешного, предпочтительно послом употребляемого в конных посылках.

По отступлении неприятеля кутухта прислал объявить послу, что по совету его хан Очарой оставил русских в покое. Как? — подхватил посол. Опрокинутый везде неприятель должен был убраться и без советов. Если хан уважает советы брата Гегена, для чего кутухта не отсоветовал ему тревожить наши границы? Кутухта, почувствовав укоризну посла, снова прислал изъясниться, что он никогда не советовал нападать на русских. Разумеется, что при всякой посылке сыпались из обеих рук подарки и отдарки. Языкдружеский в Азии, кажется, не может говорить с голыми руками.

10. 1688 г. 28 июня возвратился Коровин с известием, что богдохан, избрав

Селенгинск, где посол пребывает, местом съезда, назначил и послов, которые вскоре и выехали, но, узнав на границах Халхи о вторжении в сие ханство самого Галдана, они уведомили посла, по воле Кансия, об отсрочке поездки чрез трех чиновников, которые, между прочим, сказывали, что кутухта и брат его хан бежали из Урги и вступили, как после сделалось известным, в подданство Китая для приобретения защиты против Галдана. Посол 8 августа отправил в Пекин ответ на русском и латинском языках со включением, что, оставаясь покамест на границе, он предоставляет себе честь осведомиться о времени и месте съезда чрез нарочного. Нет нужды тщеславиться похвалою, какую отдает езуит Гербильион стилю и приличию посольского ответа, но нельзя опустить, что обещанный курьер отправлен в Пекин не ранее 13 мая 1689 г., вследствие чего и назначен местом съезда Нерчинск, куда китайские послы и отправились 3 июня.

11. Посол препроводил минувшее время не в праздности. Он велел отстроить деревянную крепость около Удинска, который и начал с тех пор называться пригородом. Заключил (8) в январе 1689 г. договор с шестью тайшами, бывшими подданными хана Очароя и, может быть, участвовавшими в недавнем его походе, о вечном их подданстве Российскому Престолу, с тем чтоб им с улусниками поселиться около Селенги, платить ясак скотом и подлежать, в случае преступлений, ответственности. По низложении Галдана и по восстановлении Китаем хана с прозванием Тушету*, не все сполна сии роды возвратились восвояси; следственно, нанесенные потери уплатились против воли самого начинателя раздоров. Потом (9) посол в марте заключил другой договор с табунитскими сайтами о вечном подданстве с платежом ясака. Они вышли с вершин Енисея, или, иначе, с развалин Урянхайского ханства. Неизвестно, где они поселились, только в составе селенгинских монголов есть 4 рода табангутских, кочующих в раздельных местах. Об одном сайте, которого семью не отпускал Галдан, по прежней принадлежности, была переписка между Тобольским воеводством и контайшою. Думать надобно, что в последний благоприятный год, какой препровождал посол на Селенге, присоединились, по причине заграничных смятений, к поддавшимся родам хоринцев и остальные роды, подобно Даши тайше Дзясакту, который в ту сумятицу с Вацара-дара, внуком Очароя, и с меньшим братом кутухты Гундзшджабом, в числе 600 м. п. вышел из Халхи и поддался Российскому Престолу. Но важнейшая заслуга Ф. А. Головина есть сохранение Забайкальского края, который без благоразумия и заботливости мог быть отторгнут монголами и потом перейти в достояние Китая вместе с Халхою.

О табунитских сайтах. Профессор Монгольской кафедры О. М. Ковалевский замечает, что табуниты, или табангуты, правильнее называются табунангуты, по имени предка ихДалык-гуна, который был при Цецен-хане главным чиновником и ханским зятем, т.е. табунаном. От него произошли роды табунангутских бурят, водворившихся по Селенге в силу договора, заключенного при окольничем Головине.

12. Посол, извещенный, что китайские послы 21 июля приехали в Нерчинск и остановились на лугу против города, прибыл и сам 10 августа, скры-

* По выговору акад. Шмидта, Тушьету-хан.

вая в душе подозрение о многочисленном войске, сухопутно и водою предшествовавшем, чему воевода Власов, следуя внушениям посла, не мог воспрепятствовать одними письменными предварениями.

Переговоры начались 12-го, в 200 саж. от Нерчинска, под шатром из двух сложенных палаток, российской и китайской. В первой на столе, который накрыт ковром, из шелку и золота вытканным, стояли, сверх письменного прибора, богатые боевые часы, а во второй поставлена низкая скамья под накинутыми полстями. Посол и товарищ его сели на креслах, а подле них на стуле дьяк. На скамье уселось семь китайских полномочных. Два иезуита, Гербильион и Перейра, держались впереди служителей посольства. Соглашеность, чтобы по сторонам шатра, с каждой стороны, стояло в строю по 260 чел. с холодным оружием, да 500 перед городом и столько же по берегу Нерчи у китайских судов. После взаимных приветствий надлежало, по мнению окольничего, предъявить обоюдные полномочия, но китайцы, с сим порядком незнакомые, не смотрели и русского кредитива. Потом дворянин посольства, свободно говоривший по-латински*, изъяснил основания, на каких прилично вступить в переговоры; и вследствие того соглашеность не говорить о происшедших ссорах, а заняться определением границ между обоих государств.

Окольничий предложил р. Амур границею, так, чтобы дауры разных именований, живущие на правой стороне реки, хотя доныне платили ясак в Албазин, принадлежали срединному государству, и обратно. Напротив, китайские полномочные требовали всех забайкальских водворений, не исключая Албазина, Нерчинска и Селенгинска, под свою державу. Такое неуместное изъяснение легко было русскому посольству опровергнуть надпоминанием, что китайское влияние на Амуре началось позднее нашего, что все места к западу никогда не принадлежали китайцам и что Маньчжурия не наследница Монголии. Вечером собрание дипломатов рассталось до завтра.

13-го китайцы, явясь в заседание без иезуитов, оподозренных будто бы в поноровке российскому посольству, несколько отступили в требованиях и признали Нерчинск за пограничное место для производства из него торгов в Китай. «Очень благодарен я, — с усмешкою окольничий сказал, — что дозволяют мне ночлег у себя. Нет, я прошу делать предложения праведливые, с которыми можно бы согласиться». За всем тем китайцы упорствовали, и заседание кончилось ничем. После того вместо заседаний переговоры продолжались через пересылку чиновников или иезуитов, которые по известной ловкости выиграли доверенность у окольничего и оправились в мнении китайцев.

15-го окольничий послал просить письменного удостоверения в содержании двукратных совещаний, но китайцы отказали, хотя прежде и признавали это за справедливое. У них было твердое намерение, чтобы отвесть русских от Амура и отнять Албазин. Иезуиты принялись будто от себя внушить это окольничему, который вместо ответа хотел посмотреть, чего держаться, когда узнает ultimatum китайцев.

16-го окольничий послал к китайцам осведомиться о их намерении. Китайцы, показывая на своей карте р. Кербечи (Горбицу), выпадающую из хребта,

* Может быть, со временем узнаем, кто этот латинист, воспомянувший в Даурии язык Сципионов.

идущего к восточному океану, предложили сию речку и вершины хребта за границу, а к полдню р. Аргунь. Желали также, чтобы русские не вступали далее в земли Халхасского ханства, как недавно поддавшегося Китаю; но посол не хотел слышать о халхасцах, как без права нападавших на наши водворения, и китайцы от сего предложения, как им не порученного, тотчас отстали.

17-го китайцы желали, чтобы ос. Аргунский был перенесен на левую сторону реки, но не соглашеность. Посол для удержания Албазина показывал на своей карте границу по р. Зее. Иезуиты, поспешив уверить китайцев в согласии на поступку Албазина потому только, что накануне говорено о халхасских землях, и в то же время ни слова об Албазине, сделали ложное внушение о желании границы и потом сложили вину пред китайцами на неустойчивость российского посольства.

Китайцы, иезуитами введенные в заблуждение, положили в военном совете прекратить переговоры, осадить Нерчинск и возмутить монголов и тунгусов, недавно поддавшихся.

18-го китайцы действительно подняли свой лагерь. Окольничий, хотя к обороне Нерчинска и были приняты меры, опасаясь не столько последствий демонстрации, сколько отпадения новых ясачных степи Агинской, принужденным нашелся согласиться на поступку Албазина, правого берега Аргуни и на черту по Горбице, дабы теми жертвами купить мир необходимый. Переговоры возобновились,

Три дня сочинялся проект трактата, который прочитав российское посольство дивилось, что вместо вершин хребта поставлен границею Становой хребет, к Чукотскому Носу пролегающий.

23-го окольничий не приказал ответствовать на такую затейливость до вручения письменной протестации на латинском языке. Китайцы, одумавшись, призвали на совещание иезуитов, которые отвечали, что нельзя ожидать на эту статью согласия, потому что они видели на российской карте* конец сего хребта в ш. 80°.

Иезуиты объяснили чрезвычайность расстояния от Пекина. Китайцы сдались, после чего решены статьи об оставлении перебежчиков там, где находятся, о выдаче будущих, о наказании нарушителей пограничной неприкосновенности и о свободном торге между обоими государствами. Таким образом, Гантимур, служивший некоторым поводом к раздорам, и уже в 1687 г. под именем Павла как окрещенного, с отцом Петром пожалованный в московские дворяне, по силе переговоров освободился от притязаний маньчжурских**.

13. На сих основаниях сочиненный в семи статьях трактат (10) подписан 27 августа и клятвенно подтвержден с обеих сторон. Китайские полномочные, подняв руки выше головы, клялись, что

* На карте посла Становой хребет идет до ш. 80°. Речь моя не об ошибке, а о том, откуда он получил карту. В Москве еще не была получена работа Ремезова при отъезде окольничего; карта Н. Витзена 1687 г., изданная с Кемпферова начертания южного края Камчатки, не доходила до черты Станового хребта. Очевидно, что это была копия с ремезовского чертежа, полученная в Тобольске из канцелярии боярина Головина.

** В *Древн. Вивл.* есть и другие неважные подробности о Гантимуре, но можно заменить их следующими, из Иркутского архива извлеченными С. С. Щукиным.

а. По указу 16 марта 1685 г. нерчинскому воеводе велено построить в Нерчинске дом для Гантимура Катаны (Павла), производить ему жалованья по 30 р. в год, хлеба против того вдвое и соли по 6 п.

китайского водворения не будет в Албазине. Обе стороны разменялись трактатом на отечественных языках, латинский же перевод в двух экземплярах, также обоюдно подписанный, постановлен в виде акта, общего обеим сторонам.

28-го послы дарились, и пекинские на другой день отбыли со всем ополчением. Исполнение по трактату началось той же осенью и кончилось весною. Бейтон* со всеми русскими и со всеми имуществами пришел в Нерчинск.

Аргунский острог перенесен весною; окольничий перед отъездом заложил, крепость деревянную, усилил гарнизон Нерчинский людьми и артиллериею, разместил казаков двух сибирских полков в Селенгинске и Удинске и отбыл в Москву с полком стрелецким. Весьма вероятно, что по приказанию сего же мужа**, искусного в воинском и посольском деле, устроены на Селенге новые остроги: Итанцинский, Ильинский и Кабанский, остроги, которых не было за три года и о которых Избранд Идее уже поминает в 1693 году. Жаль, что окольничий, столько заботившийся об устроении крепких мест, не рассудил ввести строения земляного, по примеру Албазина.

В Сибири были и естьлюди, которые сетуют о потере Албазина, иные же, вслед за Миллером, повторяют, что при переговорах разумелась другая Горбица, далее 20 верстами отстоящая от принятой за границу. Нетерпеливость и мелочничество! Да помыслят эти политики о благодеяниях мира, всегда и особенно в данное время вожделенного, необходимого, благотворного! Не довольно ли того, что полтора века в отдаленном беспомощном углу наслаждаются плодами собственности, промыслов, торгов и горорытства покойно, ненарушимо? Если мы сами, по невинной оплошности, не спохватились занять выговоренную Горбицу, стоит ли хлопотать о 20-верстном клочке, диком, едва ли способном к обработанию? Заметьте притом, что пограничной черте сперва надлежало бы начаться на западе, с Уфы или от Урала, но, когда она про графилась с востока, по рекам Уди, Аргуни до озера Хулуна, не следует ли лучше гордиться упредительным продолжением государственной межи, нежели сетованием уменьшать важную услугу замирения? Еще одно слово, на расстанях с Амуром! Если судьбами времен предопределено Албазину когда-либо воскреснуть, то

б. Указом 30 декабря 1710 г. тамошнему воеводе Качанову велено кн. Лариону (сыну Павла) Гантимуру дать в отчину земли, с излишком против дворянских дач, к производимому жалованью прибавить 10 р., к 30 четв. ржи и к такому же числу овса прибавить по 10 четв. того и другого, да сверх того ежегодно давать ему 10 ведр вина, и писать кн. Лариона стольником. Вероятно, были заслуги, за которые Гантимур награжден так щедро, по тогдашнему времени.

Но чтобы Кансий соглашал в 1700г. Гантимура, вопреки торжественному трактату, перейти в Китай, с чрезвычайными обещаниями чиновного повышения и жалованья, как писано в одной статье *Сиб. вестн.* 1822 года, это надобно считать тунгусскими сказками, как и то, что будто бы Гантимур-отец, когда жил при Науне, считался у богдохана четвертым боярином. В старинных маньчжурских требованиях Гантимур именуется старшиною звероловов.

* Бейтон продолжал после службу по Иркутскому воеводству в Верхоленском и Балаганском острогах. Сын его женат был на дочери селенгинского боярского сына Дамьяна Многогрешного, и от сего брака идут две линии, пользующийся в Иркутске хорошим именем по учебной и гражданской службе.

** В милостивом слове, при высочайшем присутствии 2 февраля 1691 г. объявленном послу Ф. А. Головину и товарищу Власову за совершение мира и за другие услуги, это, правда, не упоминается о трех острогах, быть может потому, что они заложены по отъезде посла (IV ч. Собр. Госуд. грам. и договоров).

орел его воспарит из пепла, как феникс, не с луком и стрелою, но с грозным штыком и огнедышащею пушкою, только бы наперед удостовериться: благословенный климат Амура не так же ли обманчив, как климат Ингоды и Шилки*?

Знаете ли р. Пенжину? Там, на устье Аклана, с 1679 г. стоит ос. Акланский. Пойдем туда и к знакомому Анадырску, откуда казаки, космополиты сибирские, разведывали к северу и югу о произведениях земли, о числе и могуществе жителей.

Глава IV
ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ

1. Открытие камчатки. 2. казачьи поезды в камчатку- *3.* Мятеж. 4. Изображение камчадалов. 5. Коряки. 6. Верования обоих племен. 7- Отступление в Сибирь. 8. Продолжение перечня посланцев и дипломатов.

1. Не зная, долго ли устоит предложение, что общежития древнего мира сперва явились на горах и потом в долинах, не зная, которые места после переворота наперед годились к селитьбе, долы ли обсохшие или погасшие хребты, волканическою силою воздвигнутые, мы ограничиваемся местною истиною, что Сибирь, малолетная по счислению овладения, селилась и заселялась по рекам, куда бы оне ни текли. На сем основании русские, водворившиеся на Анадыре и Аклане, завладели площадью между двух этих рек и других также двух, Олюторы и Таловки, заключающеюся. Эта площадь в тогдашнее время называлась Заносьем. В Заносье казаки, знакомые несколько с чукчами оседлыми, более с юкагирами, опять сошлись с этими и вновь познакомились с олюторами и коряками, из коих последние родичи с одним отделом чукчей, по обычаю своего племени избегая родниться с соседями, остаются по отчуждению и по самому родословию безродными, так сказать, сиротами на краю вселенной. При новых знакомствах казаки заслышали в 1690 г. о Камчатке, географически начинающейся с рек Таловки и Олюторы, по мнению ж Крашенинникова, с рр. Пустой и Анапкой, — о Камчатке, которую они найдут сперва малолесистою и малоснежною, вдоль раздвоенною хребтом и рекою на две части, орошаемые бесчисленным множеством речек.

* *Земледельческой газетой* в № 20, 1836 и № 12, 1837 гг. возвещено, что для надежного изведания зерновых урожаев предположено завести два опытных хутора на р. Аргуни, что один уже заведен, и жатва снята за первый год. Честь и благодарность генерал-губернатору Восточной Сибири С. Б. Броневскому! В первый еще раз Сибирь видит примерное попечение о хозяйственности края в общенародном разуме. В XVII веке, когда народонаселение было малочисленно, сибирские воеводы ревностно пеклись о продовольствии вверенных мест, но попечительностию их стеснялась общая народная хозяйственность; потом, когда с умножавшимся числом хлебопашцев умножились способы продовольствия, начальства должны были оставить десятинную пашню и с тем вместе упустили из виду хозяйственность народную; поэтому встречалась внезапная дороговизна на хлеб, казна тратилась по временам, но существенное дело хозяйственности, как будто ни до кого не касалось. Крестьяне, как исстари обыкли, работали на полях, но им никто не помогал ни словом, ни делом. Земледелие считалось неблагородным, мужичьим ремеслом. Наконец, слава просвещению! Работа крестьян, некогда утеха добродетельных римлян-дворян, облагораживается в Сибири начальственным вниманием.

2. Пятидесятник Атласов из Анадырека послал к югу казака Морозко с дружиною для сбора ясака с неподвластных коряков, и Морозко не дошел до острожка, на р. Камчатке стоявшего, задень ходу, но привез сверх ясака бумаги японские, в корякских, а не в камчадальских юртах найденные, что и подтвердилось при другом поезде к Тигилу открытием японского судна, потерпевшего крушение.

В 1697 г. Атласов и Морозко с 60 казаками и с таким же числом юкагиров пустились на полуостров, взяли 3 острожка, или 3 деревушки, защищавшиеся палисадами сколько от неприятелей, столько и от единоземцев, взяли и, разделясь на две дружины, следовали по восточной и западной стороне и по своем соединении завели верхнекамчатское ясачное зимовье, в котором и оставлен Серюков с 16 казаками для сбора ясака. Атласов с 80 сороками соболей, с сотнею лисиц, с десятками бобров (Castor Fiber) и бобров морских (Enydris Stelleri), не считая 11 сороков соболей, будто бы приобретенных чрез торг, отправлен в Москву по милости якутского воеводы. Между тем Серюков ждал, ждал подкрепления и, не сождав, в 1699 г. отправился с товарищами в Анадырск и на дороге убит со всеми от коряков. Мягкая рухлядь сделалась добычею убийц. **И невесть, кому соберет,** вечное поучение для всего мира, не для одной Камчатки или Сибири!

В 1700 г. послан из Якутска на Камчатку сын боярский Кобелев с отрядом казаков, в числе которых находились и Козыревские отец с сыном, или по Миллеру один отец, дело неважное. Кобелев почел справедливостию отмстить корякам, убийцам Серюкова, разорением их городка Кохча. В следующем году получено в Тобольске известие, что Кобелевым возобновлен Верхнекамчатский острог и застроен Большерецкий; нельзя не похвалить умного выбора сих двух местоположений, указанных какою-то счастливою ощупью, оправдывающеюся и в современном обозрении полуострова. Кобелев доставил сведение о лисицах, огневками называемых, и о камчатских бобрах, не имеющих ни чешуйчатого хвоста, какой у бобра-строителя, ни его струи (Castoreum), этого довольно для казачьей зоографии. В 1702 г. послан из Якутска туда же казак Зиновьев с командою и, собрав ясак, построил ос. Нижнекамчатский, также не без ума. Он завел ясачные книги для камчадалов. В 1704г. под осень прислан на полуостров пятидесятник Колесов с казачью командою и правил до апреля 1706 года. Он привел в подданство Курильскую землицу.

В то время как Зиновьев и Колосов правили Камчаткою, Атласов, пожалованный в Москве казачьим головою, вез повеление взять в сибирских попутных городах до 70 казаков вооруженных, с 4 пушками, и в прибавку к тому набрать в Якутске волею и неволею до 100 чел., также вооруженных, с тем, чтобы по предварительной выдаче им двугодового жалованья и провианта, следовать на полуостров; но распоряжение сие осталось неисполненным по вине самого Атласова и по следствию, над ним R Якутске производившемуся. Команды, как и прежде, посылались из Якутска по заведенному порядку.

3. Между тем камчадалы* (ительмены), вспомнив прежнюю вольность и

* Соур во 2-м томе, стр. 208, *Биллингсова путешествия* уверяет, что ительмены прежде назывались ниючами и что поклонялись Богу Ниючичу, у которого Кутха не более как гений-покровитель их. Это повело меня к справке и своду языка камчадальского с самоедским. Сравнивая каталоги слов, в *Енис. губерн.* и в *Биллинг. путеш.* помещенных, я не нашел сходства, кроме одного слова: вода.

невзлюбив постоянных повинностей, сборщиками требуемых, убивают сборщика с казаками и разоряют ос. Большерецкий. Возмущение продолжалось в 1707 г. и утишено в следующем. Атласов, там явившийся, способствовал успокоению мятежа; но не долго пользовался данною ему полною властию над командою. За выпуск аманатов и за лишний сбор ясака в свою пользу, а более за жестокие поступки с казаками, он самовольно ими лишен власти, после чего возникли сильные беспорядки в позор службы и возмущения со стороны камчадалов и коряк, явно продолжавшиеся несколько лет.

4. Итак, 13 лет казаки властно ездили по всему эллиптическому полуострову с переметными сумами и вьюками, набивали их дорогими шкурками, отбираемыми у испуганных жителей, до 10 тысяч в обоих полах простиравшихся, а по другим исчислениям — от 12 до 15 т.*

Казаки построили три укрепления, которые были бы непоколебимы, если бы, взыскивая ясак, не позабыли объясачить сердце ясачных собственным бескорыстием, прямодушием и с тем вместе доверенностию к Русской Державе. Ибо одна доверенность, а не страх скрепляет общества; люди, чтоб избавиться от тяжкого чувства, выжидают минуты, и она выпадает на беду. Таким образом, неумеренные стяжатели испытали и гостеприимство и мщение, покорность и восстание племени, радушного, беззаботного, чувственно-веселого и замысловатого, племени, чуждого для вселенной и безвестного для истории, может быть, большинством своим погрязшего в глубине океана, вместе с землею волканическою, и, может быть, сюда зашедшего из отечества ниочжей во время оно, когда гряда Курильских островов тянулась поверх воды в виде сплошной насыпи (шоссе) до материка Татарского. Как бы то ни было, история приветствует храбрых, хотя и самовольных, казаков за потушение мятежа, но может ли она, по совести вековой, обвинять камчадалов, без сомнения вызванных казацкою затейливостию? Может ли строго судить этих детей природы, живой, шумливой, кипучей, бешеной, ужасной, великолепной, и среди великолепия поступающей с ними наподобие мачехи, которая то разрушает их балаганы и землянки, то похищает их запасы, то поглощает их самих в своем зеве и беспрестанно угрожает общим истреблением из огнедышащих жерл? Так они, подобно запачканным детям мачехи, не дорожат своею жизнию и пресекают ее от досады, как мы от скуки обрезываем себе ногти. Хорошо, что это племя любит сказки и поэтическими мечтами усыпляет роковые потрясения своего ложа! О, это племя, в ребяческой беззаботности, хотя и не так невинной, покинутое, достойно снисхождения и почтения! Да, почтения! Где вы найдете племя, рождающееся, как говорится, в сорочке, и с так удивительным знанием ботанизирующее? Камчадал и камчадалка, самоучки, как бы дети первого человека, нарекшего имена всем творениям по внутренним качествам, знают вредоносные, питательные, целебные,

*С некоторою вероятностью можно число жителей камчатских м[ужского] п[ола] вывесть из тогдашнего сбора ясака. В *Сборнике* предложены двугодичные счеты шкурок, собранных на Нижнекамчагском и Большерецком концах. Половина годовая немного более 4000, как, напр., соболей 3520, лисиц 500, бобров 47. Полагая, что в то время не все жители являлись с податью и что казаки участвовали в уменьшении приемов, выходил бы maximum сбора 5000 штук. Если по ценности камчатских шкурок требовалось начальством по одной штуке с души, то и населенность будет не более того количества.

лакомые силы всех прозябений и трав, на их полуострове растущих. Вот их титло на дружество людей просвещенных! Одного недостает к похвале, что они не нашли у себя железной руды и не умели вываривать соли из морской воды, в замену чего у коряков около р. Ямы выжигалась соль из дерев, морскою водою проникнутых. Собаки заменяют у ительменов лошадей, а рыба дает продовольствие им самим и собакам.

5. Коряки, брезгующие смешивать свою кровь с соседями, как выше замечено, тогда занимали западную покатость Камчатки от Тигиля и, окружая кочевьями залив Пенжинский и губу Гижигинскую до р. Асиглана, распространялись от взморья до тунгусов и юкагиров к юго-западу, а к северу — в виде жителей оседлых, наподобие камчадалов, и местами оленных. Оленные называют себя тумугуту, а оседлые — чаучу. Все поморье от Акланска почти до Тауйска не принадлежало к области Сибирского Управления. Брезгливость ли к соседям утверждала коряков в любви к дикой независимости, или любовь к независимости располагала их к брезгливости, только они жили с прочими не в мире, в задирчивости, в жестокосердии и в вероломном поведении, не так, как сироты, а как злые повелители края. Они, чтобы отделаться от русских, подущали против них соседей и чукчей; следствием их нетерпимости было, что от войны и впоследствии от оспы много уменьшилось это вздорливое племя.

6. Мы пропускаем говорить об обычаях и верованиях камчадалов и коряков как потому, что те и другие подробно описаны Крашенинниковым, так и потому, что в верованиях не видно ничего особого, кроме имен и басней, ничего отличного от верований,какие замечены у племен северо-западных. Выше глаз или северное сияние, или пламя волканическое, следственно, и в голове одинаковое омрачение. Очень естественно в странах бесплодных или опасных быть воображению пугливым и раболепным; зло и добро физическое там сеется, так сказать, вдруг обеими руками; поэтому поклонение двум противоположным силам есть богослужение естественное на межах Полярного круга и на полуострове неверном. Есть, однако ж, у камчадалов важная отменитость в ежегодном месяце очищения грехов, празднуемом по окончании осени. Обряды сего месяца отзываются странностями верований индийских. Не меньше удивительно, что времясчисление у камчадалов, у коряков и окрестных к востоку племен не лунное, а заимствованное от физических явлений года. В этой разнице обнаруживается особая азбука ведения и происхождения.

7. Пора возвратиться. От хребта Уральского до другого, также волканического, также от юга к северу выброшенного, но еще не успокоившегося, в течение целого века сопутствовав казаку и промышленнику. Расставаясь с ними в виду Курильской гряды и Шантарских назади островов, где они не замедлят побывать, мы возвращаемся в среду Сибири, не для пересказа о втором Башкирском бунте, от злобы алдарь-бая Исекеева в конце 1704 г. вспыхнувшем около Уфы и, к счастию, не распространившемся к Сибири при трехлетней суматохе*, но для того возвращаемся, что-

* Главною причиною 2-го Башкирского бунта надобно полагать не поступок уфимского воеводы, но укрепления Закамской линии, в 1700 г. начавшейся с Алексеевского и продолжавшейся в следующих годах на рр. Сане, Черемшане и Шешме. Башкирцы видели оковы своему самовольству.

бы собрать разбросанные по Сибири черты и происшествия, какие там перепадали после нашего ухода за Байкал и в Камчатку.

При возвращении в среду Сибири мы встречаемся с правительственным актом, в ноябре 1699 г. состоявшимся для области Енисейской. В Сибири Западной и Средней исчисление жителей и земель дважды уже производилось под ведением Поскочина и Качанова, а в Восточной наконец поручается московскому дворянину Юрью Глинскому переписать в течение 3 годов пашенные земли и крестьян, начиная с Енисейска, как усилившегося в населенности, и продолжая чрез Иркутскдо Нерчинска, чрез Илимск до Якутска. Не ручаясь, началось ли в черте Якутского воеводства хлебопашество ячменное, потому что еще не было Амгинской слободы, мы вызываемся здесь повторить за всю Сибирь, что десятинная пашня тогда требовалась с неослабною строгостию, как видно из *Тобольской наказной памяти* 1693 года*.

8. Затем дочитаем перечень посланцев и дипломатов, не дослушанный в Тобольске.

В 1691 г. Тобольское воеводство отправило к Галдану, находившемуся тогда с войском в Халхе, сына боярского Юдина с наказными статьями, чтобы контайша возбранил своим подданным ссориться с русскими у оз. Ямышева, собирать ясак с киргизов и тубинцев, как ясачных Сибири, и чтобы тайшу Даичина Калтазею, как поддавшегося Российскому престолу, не присвоивать и не притеснять. Юдин, проехавший в Иркутск и, понаслышке о выходе контайши из Халхи, решившийся добраться до него чрез Красноярск, потом чрез улусы упраздненного Урянхайского ханства, достигает до Галдана не ранее как в 1693 г. по неожиданным наглостям красноярского воеводы Мусина- П ушкина**, доказывающим, что характер посланца не охранял тогда от последнего бесчестия, если воеводе вздумается, для удовлетворения алчности, ограбить сослуживца и подвергнуть его истязаниям телесным, под каким-либо предлогом. Славный чжунгар, наслышась о неприятностях и задержках Юдина, велел в своих улусах помогать ему в пути и по приезде дал ему три приема. Смысл ответов состоял в том, что контайша не учит своих подданных беспорядкам, что подданных Сибири, если бы они убежали в его владения, он выдаст, а от своих не намерен отказываться. Причем Галдан как потерпевший поражение не скрывал от посланца сетования на измены своих, изъявлял готовность содействовать возвращению Албазина, никогда не принадлежавшего Китаю. Если контайша так говорил, то, конечно, не в той надежде, чтобы успеть завлечь в свои замыслы такого царя, каков Петр, у которого был свой царь в голове, но в смятении духа, когда обыкновенно честолюбцы злопо-

Если дело обошлось в Сибири без тревоги, тем не меньше правительство усматривало надобность в бережливости. Ибо к чему иному должно относить издание указа 3 февраля 1705 г., которым отменялись сборы с тобольских татар, бухарцев и служилых иноверцев впредь до указа и которым повелевалось отдать угодья, прежде того у них отобранные?

* Столбец этой *Памяти,* данной Фефилову, прикащику Киргинской слободы (длиною в 7 аршин, еще без начала) вмещает: а) главнейше подробности десятинной пашенной обязанности, б) неварение пива и вина, также сбор таможенный, в) запрещение пропускать беглых из поморских городов, г) расправу наказаний и право судное в ведомстве слободы, по Уложению.

** Обстоятельства поездки Юдина точно так же предложены в *Тобольском Сборнике,* как и в *Сибирском вестнике.*

лучные бывают доброжелательны. Впрочем, Юдин рассказывал, что Галдан потерял в Халхе из 40 000 войска половину от оспы и что, возвратясь домой, находится в разладе с племянником Цаган-Рабтаном. Были и прежде того пересылки, но по неизвестности побуждений, в каких оне делались, должны быть умолчены.

В 1692 г. отправлен Избранд Идее в Пекин в звании посланника для испрошения вольностей торга в городах Маньчжурии и удобств для хождения казенных караванов в столицу Китая. Избранд Идее плыл весною по Чусовой, прельщался флорою по обеим сторонам реки, имел роздых в замке на р. Утке. Он проехал чрез Тобольск в августе с подьячим, с 5 иноземцами и с казенным караваном. Тут получив проезжую грамоту к забайкальским тайшам насчет подвод и провожатых до границы, выехал из ос. Аргунского 5 августа 1693г., по пути к Чичигару. В Пекин выехал 4 ноября с торжественностию, на третий день представлялся богдохану, который принял его с отличною благосклонностию. Дважды приглашен был к столу богдохана и в последний раз — 9 февраля 1694 г. Все представления, какие возложены были на Избранд Идеса по делам торговым, приняты, во удовольствие миролюбивого соседственного государя, отказавшего в помощи контайше; и вследствие этих переговоров Маньчжурия открывается для русского торга, а Пекин — для повременных караванов. Посланник воротился на берег Аргуни27 мая, в Тобольск 29 октября, а в Москву 1 января 1695 года*.

Заметки его о ценах на жизненные припасы в Тобольске и Иркутске были следующие:

В 1-м городе:	
$2\frac{1}{2}$ п. ржаной муки	16 к.
Бык	2'/,р.
Свинья	35[к]
Осетр 50-фунтовый	5 и 6 к.
Во 2-м городе:	
$2\frac{1}{2}$ п. ржи	7[к].

Соль, говядина и рыба дешевы.

1701 г. января 24-го проехал чрез Тобольск от нового контайши Цаган-Рабтана (Шорухту-хана) к государю с подарками**.

После пропуска его получен указ из Сибирского Приказа в такой силе, чтобы в случае приезда посланцев от контайши спросить их: киргизы и калмыки, недавно делавшие разорения в Кузнецком уезде, подданные ли контайши? При утвердительном ответе конфисковать все их товары и вещи и их самих задержать. На возвратном пути посланца наслано повеление проводить его восвояси с честию. Между тем по слухам известно, что Рабтан разыскивал в киргизских улусах, кто был начинщиком грабежа на русской границе.

* *Путеш.* Избранд Идеса напеч. в VIII *томсДревн. Вивлиофики.* За границей оно издано амстердамцем Тессингом. В проезд царя Петра Тессинг испросил право издать карты и чертежи Избранд Идесовы с русскими подписями. Странно то, что этот словолитный шрифт впоследствии перешел в Данциг, русским корпусом осаждаемый, и служил Данцигу для печатания прокламаций против военных видов Петровых.

** Рабтан, по мнению о. Иакинфа, наследовал правление Чжунгарии по смерти Галдана в 1697 году. Есть л и верность в годе смерти и наследования, я ни отрицаю, ни утверждаю, а скажу только, что Петр от
5 января 1701 года в наказе нерчинскому воеводе упоминает о Галдане как живом. Ужли 4 года не знали о перемене чжунгарской ни в Тобольске, ни в Посольском Приказе? Ужли Рабтан рекомендовался подарками так же через 4 года. Липовцов в *Сиб. вести.* 1821 г. дела и происшествия Галдановы выводит позднее против Иакинфа.

1702 г. Тобольское воеводство посылало к контайше гонца о взыскании с виновных грабежа, равномерно о высылке купецких прикащиков, давно жданных с товарами. Этот гонец вытерпел не менее Юдина. В степи съехались с ним 4 сибирских крестьян, ограбили его, потом высекли и отпустили живого к Рабтану, кочевавшему тогда у оз. Тениса. На другой год гонец возвращался в сопровождении калмыков, которые в свою очередь ограбили и покинули его у оз. Ямышева. Подобного поругания не бывало при предшественниках контайши. Подложив под стекло читателя замечательные пересылки, мы даем ему возможность выразуметь усилия правительства в пользу Сибири, не скрывая в частном поведении лиц того, что достойно порицания. Он видит, конечно, что Сибирь проходила во II периоде жизнь деятельную, хлопотливую, жизнь, не только не цветущую, но едва ли начинавшую развертываться из зимней почки.

Глава V

Бедствия народные

1. Бедствия народные. 2. От оспы. *3.* От старообрядчества. 4. От пограничных вторжений. 5. От поползновений высшего и низшего состояния. 6. ЗАБАВЫ народные.

1. Источники забав народных текут из нравов, с изменением нравов изменяются и забавы, не так скоро отцветающие в простом народе, напротив, источники огорчений народных многочисленнее. И земля, и атмосфера, и поветрия, и мнения суеверия, и навыки, и перемены терзают в свою очередь общества.

2. Жизнь северных инородцев подверглась неотвратимой опасности от смертоносной оспы, в 1664 г. вторично показавшейся в Нарыме и Кетске и погубившей множество остяков по обоим ведомствам. В якутских и северо-тунгусских улусах оспа свирепствовала в трех годах: в 1681, 1691 и 1695-м, но самый опустошительный год был 1691-й. Тогда погибло племя юкагиров и племя русское не видело себе пощады, потому что зараза распространилась до Колымы.

Повествуя о болезненном страдании северных жителей, нельзя не припомнить любопытного известия Миллера, который сказывает со слов енисейских старожилов, что от лихорадки уезжали из Енисейска в Мантазею и на половине дороги от нея освобождались. В известиях штаб-лекарей Керна и Шаврова, в первой четверти настоящего столетия посещавших Обдорское низовье, не видно и не слышно по сей части ни подтверждения, ни опровержения, но мы считаем долгом, для уважительного внимания к сказанию Миллерову, присовокупить новейшее свидетельство купеческого сына Чечурова, который в течение 20-летнего пребывания в Обдорске заметил, что и там не бывает перемежающейся лихорадки и что приезжающие туда с нею тотчас освобождаются*.

* В *Поездке в Обдорск* Г. Белявский в число климатических болезней ставит и перемежающуюся лихорадку, но кто из читателей не смекнул, что эта книжка написана не по изучении крал, а понаслышке, и с земских донесений.

3. В Западной Сибири открылась другая оспа, от жалкого упрямства так называемых старообрядцев, о которых читатель уже предварен во II главе сего периода. Сии противоборцы, не умев оценить любовь, кротость и истину Церкви и отдав немощную совесть в руководство лжеучителей, то бедных грамотеев, то отрешенных попов, предавались злоречию и ожесточению против прежних братьев во Христе или унынию и отчаянию, ведущему к неминуемой гибели. В 1679 г. собралось обоего пола с детьми до 2700 душ* из разных мест Сибири, на Березовке при Тоболе, и сделали из себя всесожжение. В 1687 г. в селе Каменке, что под Тюменью, в день Пасхи, когда православная церковь была наполнена прихожанами, числом до 400, вдруг она вспыхнула, и редкий успел выскочить, не изломав руки или ноги. Каменка, которую можно похвалить за тканье ковров, доныне продолжает болезновать в духе тем же недугом. Летопись замечает, что в том же году около Тюмени в трех деревнях: Куяровской, Боровиковой и Нагормыче сожглось около 323 душ обоего пола. Глядя на толь бедственные приключения, можно ли класть на одни весы изуверство Каменки с самоотвержением прочих? Кто бы не почувствовал, сколь высока жертва самосожжения за мнимую истину? Конечно так, душа и рассудок этих злополучных были в омрачении, но какое сердце, какое покорное сердце билось в этих самоубийцах?

4. Это правда, что Чжунгария кочевая, распространяющаяся во все стороны, не представляла за себя поручительства, чтобы на слово полагаться в непреложности границ с нею, правда и то, что правительство наше, заботящееся о положении границы, еще нигде по мудрости своей не промолвилось с контайшою поп plus ultra; но, пока Галдан не отдалял своих сил от р. Или, подвластные ему улусы пребывали в покое с Сибирью. Когда же он решился положить оплот притязаниям Кансия на ханства Монголии и когда погрузил все силы в Халхах, власть его ослабла на западе, и подданные его разных наименований стали попирать обязанности пограничной неприкосновенности. С нашей стороны оплошности, а с их стороны приманки для нажив.

В 1690 г. ос. Тарханский разорен киргизами, скот отогнан, несколько человек убито и до 30 взято в полон. Погоня поздняя осталась без удачи. В следующем году киргизы с каракалпаками разграбили Царево городище (Курган) и Утяцкую. В 1694 г. в юмлядских селениях крестьяне и казаки побиты, и 33 человека уведены в полон. В 1698 году киргизы, поймав 10 томских казаков, убили их и все имущество захватили. В 1700 г. в Бурнашевой и Бердиной, двух деревнях Томской округи, киргизы побили людей и многих увели с собой, а в сентябре киргизский старшинаЯренечка вовсе разорил несколько так называемых починков и выразил свою зверскость на людях и животных; но эти злодейства не сошли ему с рук даром. В том же сентябре тысячи полторы киргизов, татар и калмыков осадили Кузнецк, сожгли загородный монастырь, разорили уезд, жителей убивали или брали в плен, скирды хлебные жгли, скот уводили или кололи. Гарнизон из 200 чел. делал по три дня сшибки безуспешные, пока не подоспела из Томска сотня казаков.

Пересказываю и не ручаюсь за число. Вероятнее бы 270.

Толь многократные разорения, всегда деланные во время полевых работ, довлели бы для принятия точных мер против разбойников, пользовавшихся разделением людей, по полям, но оба областные воеводства оставались в непонятном бездействии, пока в 1701 г. не последовало разрешение из Сибирского Приказа:

а) Предписано по линии Калмыкской, как и Башкирской, ввести во всех слободах и деревнях такой порядок, чтобы каждый крестьянин имел копье, бердыш, ружье, порох и свинец, чтобы везде выбрать десятских и сотских, могущих обучать свои участки оборонительному искусству для отпора от наездников. Сего порядка, если б он был заранее распространен воеводами, достало бы пограничным жителям для отучения врывавшихся озорников.

б) Спрошено: до какой цены простираются убытки, причиненные киргизами и калмыками? Когда ответствовано, что убытки имуществ ценятся по уезду Томскому в 11 994 р., по Кузнецкому в 12 343 р., разрешено воздать такою же мерою разорителям, и действительно нарочитые отряды казаков воздали им с лихвою. Что ж касается до разорений по тобольской границе, летопись умалчивает о сумме утрат, равно и об удовлетворении, потому ли, что события случились при воеводах, давно сменившихся.

5. Среди толь чувствительных бедствий воля человеческая вместо того, чтобы стремиться к уменьшению зол, нередко уносится в особенные беспорядки в дальнем краю, где она не подозревает надзора. Правительство нашлось в необходимости, на разных точках Сибири, бороться то с правилами лиц, которые им самим облечены в права доверенности, то с злоупотреблениями ничтожных исполнителей, то с необузданностиютакихлюдей, которые установлялись во имя Церкви наблюдать за благолепием храмов и поведением церковнослужителей. Дух того времени едва ли был собственно сибирский.

Приказ, несколько лет получавший из Сибири ясачную подать невысокого достоинства, проведав об изобилии в московских гостиных рядах дорогих мехов, дознался наконец в 1692 г., что воеводы (11), в Сибирь едущие, возят с собою в незаконном излишестве меда, пива, вино, табак и другие товары, на которые роднёю их и приближенными выменивается мягкая рухлядь первой руки, и на возратном пути провозится в скрытных укладках, в платье, постелях, полозьях, хомутинах, а золото — в печеных хлебах. Какие ж примеры подавались подчиненным?

Такие, какие представляет в 1697г. необинующаяся история законодательства (12). Служилые Сибири, и особенно Якутской области (т.е. казаки, дети боярские и, без сомнения, с приписью подьячие), одеваются в платья бархатные, объяренные, парчовые, золотом или серебром перетканные (в таких при Царском Дворе XVII века являлись первые чины, в известные только праздники). Жены и дети их, продолжает грамота государева, наряжаются в дорогие материи, с золотыми или серебряными кружевами, а зимние платья носят на соболях и черно-бурых лисицах. К чему другому должно отнести это великолепное шутовство, как не расхищению государственного достояния и не к совершенной глупости маскерадных лиц, явно изобличающих себя в преступлении должностей? Петр, которого ни современники, ни потомки не упрекнут в излишестве для своей особы, возбраняя описанную пышность в одеждах, довольствуется заметить енисейскому воеводе, что лучше бы излишки состояния употреблять на приобретение доброго ратного вооружения.

Правда твоя, Великий Государь, но кто в отдаленной твоей Сибири не своевольствовал? Десятильники Тобольской митрополии (13) делали по Енисейской округе мирянам самые затейливые притеснения, а девицам самые безнравственные поругания и принуждали их выходить в замужество за тех, которые им, а не невестам нравились. Служители Софийского дома еще в 1695 г. (от 27 ноября) боярским приговором замечены были в своевольстве по таможенной части на Ирбитской ярмарке.

Вот черты, живописующие быт сибирский! Из них видно, что Сибирь как страна заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область. Посадский, поселянин, промышленник или торгаш туземный и инородец трудился, но трудился, как половник. Sic vos non vobis nidificatis, velificatis* и подобные припевы Вергилиевы очень приличествовали тогдашней Сибири.

6. Если Сибирь, рассматриваемая в качестве области политической, есть не иное что, как часть России, передвинувшаяся за Урал с своими нравами и поверьями, то и забавам сибирским надобно быть русской отпечатки. В самом деле, Сибирь продолжала веселиться в праздники или в часы досуга русскими играми, которых характер состоит в силе, проворстве и ловкости. Кулачный бой двух силачей, кулачный бой между юношеством двух сторон (стена на стену), борьба между молодцами, бег на иноходцах или рысаках, горы масленичные, качели, городки, свайка, игра мячом и живая пляска исстари были забавами сибирской колонии. Кулачный бой первого разряда продолжался в Тобольске и после открытия наместничества, абой, называемый «стена на стену», вышел из обыкновения в Иркутске не прежде начала XIX века; прочие игры и ныне в немалом ходу.

Шахматы, зернь и карты с самого начала занесены в Сибирь, как сказано в I периоде, но по особому характеру, и характеру иноземному, служили занятием состояний сидячих и праздноживущих, стариков, лентяев и военных людей, готовых слушать сказки, песни и городские сплетни. Зернь и карты, по Тобольской Сибири, причислены к статьям откупным, неизвестно, по распоряжению ли областного воеводства или Сибирского Приказа, только в сентябре 1668 г. велено исключить игральную статью из откупа по всем городам и острогам. Такая поблажка к комнатным забавам, происшедшая, конечно, не без уважительной причины, приятна была для собеседников того века, в котором не могло быть беседы ни светской, ни умственной. Однако ж игра празднолюбцев недолго оставалась без пошлины, как увидим в III периоде. Что касается до забав женских, как то: капусток осенних, жмурок, гаданий и других святочных резвостей, оне, как бушевания сердца, во II периоде одушевляли женский пол во всех состояниях Сибири**.

Теперь переметим узаконения, какие Сибирь получила в течение периода, и раздробим их по частям Управления.

* Так и вы — на себе вьете гнезда и ставите паруса (лат. — *В. 3.).*

** Забавы женские, описанные в *Записках и замечаниях о Сибири,* 1837 г., упали в Тобольске с открытием наместничества и сохраняются в низшем мещанском состоянии да по деревням; в Иркутске оне продолжались в лучших домах, можно сказать, до 1812 года и также остались в низших состояниях. Упомянутые *Записки и замечания* дают случай здесь сказать: а) что сочинительница их купецкая жена Авдеева, которую покойный кяхтинский таможенный директор П. Д. Вонифантьев, чиновник недюжинный,

ГЛАВА VI

учреждения и узаконения

1. Оглавление ГЛАВНЫХ УЗАКОНЕНИЙ. 2. Подать. 3. Денежная. 4. Личная. 5. Установления насчет азиатцев. 6. Духовенство. 7. Сообщения. 8. Рудное дело. 9. Продовольствие вином. 10. Правление и преобразование.

1. а. Новоторговый устав 1667 г., изданный для всего государства и частию для Сибири (14), заключал в себе, особенно для последней страны, 39-ю статью, которою повелевалось с сибирских товаров, проезжими видами снабженных, взимать в западных от Верхотурья городах, в Москве или Архангельске по 5 %*, а без проезжих грамот — вдвое. Статья, до Сибири относившаяся в 1682 г., была облегчена тем, чтобы во взыскании пошлин держаться сибирской, а не московской оценки, как видно из указа большой Московской таможни от 16 октября: ибо московская оценка дороже ставила мягкую рухлядь против сибирской.

б. В 1687 г., по словам *Сборника,* присланы в Тобольск новоуказные статьи, пополняющие Уложение, и с нарочными разосланы по городам. Из того видно, что не однажды присылались в Сибирь пополнения к Уложению, потому что проект последних статей кончился в 1695 г., как видно из указа 6 июня того года.

в. Наказ 1692г., облекший голову верхотурских сборов в небывалую доверенность, в предосуждение сибирских властей, наделал много хлопот воеводам, проезжавшим вперед и обратно. Набогатившиеся рады бы заплатить пошлины, но соболь, лисица, бобр и проч. высокой цены подлежали заказненью (конфискации). Наказ подвергал при проезде все состояния, без различия пола и возраста, строжайшему осмотру от человека до последней вещи, могущей содержать вместимость или пустоту — от хомута до печеного хлеба. На окольные заставы, около Верхотурья расположенные, никому не позволялось ездить, даже и верхотурскому воеводе.

К наказу приложена опись казенных печатей 20 сибирских городов и острогов (15).

г. Наказ, таможенным сибирским головам в 1693 г. данный, повелевал (16) взимать:

В сибирских городах со всякого товара по 10 % без зачета пошлин, в России взятых. Сему подлежали все чиновники, за исключением денег, на проезд положенных. В 1696 г. деньги воевод и дьяков, по боярскому приговору, освобождены от осмотра.

Анбарных с товаров за неделю по 9%.

С хлеба своей пашни по $2\frac{1}{2}$ процента, ас перекупщиков — по 10 %.

С рыбы, лошадей и скота вещественно или монетою по 10 %, кроме алтына за гривну и двух алтын за два рога.

С китайских или бухарских тканей и чаев — десятый кусок или ящик. И т.д.

называл умненькою и певицею с нежным голоском, б) что она сестра гг. Полевых, двух известных сочинителей. Здесь помешаю наблюдение, не одним мною сделанное, именно, что Сибирь не имеет собственных ни песен, ни голосов, и что ей очень кстати название **безголосой.** Поет в Сибири заезжий чиновник, солдат или поселенец, жена или дочь их.

* См. 12-ю скобку в III периоде.

д. К счастью страны, на всяком шагу покупки и продажи, столько стесненной, утвержден в 1698 г. новый торговый устав в 22 статьях. Сей великодушный устав во вступлении своем признает погрешность прежнего управления, что от возведения пошлин до 30 % казна не видела приращения в доходах, что одни сборщики обогащались при дорогой обкладке и что торговцы упадали в своих предприятиях и состояниях. В уважение чего государь, милосердуя о Божиих и своих людях, повелел облегчить сибирскую торговлю (17).

Основные положения устава были следующие. С товаров или денег, на Верхотурье привезенных, брать по 10 % вещественно или монетою, после чего уже нигде по Сибири не требовать пошлин при продаже тех товаров или при покупках на те деньги, ни даже в Нерчинске при отпуске их за границу, равномерно с товаров, купленных за границею и оплаченных пошлиною в Нерчинске, не требовать ничего нигде, ни в самом Верхотурье. С товаров, ошибкою не объявленных, по цене около 200 р. брать уставную пошлину, в случае превышения сей цены вдвое, в случае подлога отлучать виноватого от сибирского торга, а при изобличении в утайке китайского золота, серебра и дорогих каменьев отбирать спрятанное в казну. Возбранено пропускать за границу для торга чиновников, духовных или их поверенных, также иностранцев, с воспрещением всем им торга и внутри Сибири.

Силою сего устава отменен устав 1667 г. равномерно и наказ 1693 г. относительно торговли заграничной и внутренней товарами или деньгами, но относительно статей продовольствия и промыслов наказ акцизный долженствовал оставаться в своей силе. В отличную хвалу сего устава должно вменить то, что действие его в сибирских таможнях, не исключая и Троицко-Савской, продолжалось до 1761 г.

Можно здесь заметить, что в том же году, когда торговый устав состоялся, отправлен из Москвы первый казенный караван, который и перешел китайскую границу в 1699 г.

е. Пять или шесть наказов, с 1696 г. данных разным сибирским воеводам и правильно изложенных, но в одинаковых понятиях с наказами первого периода, без всякого нововведения, кроме отпуска в Китай караванов с казенными и частными товарами, свидетельствуют, что правительство с аналитическим изложением идей своего века не вдруг подается к новым. Немалая, впрочем, мудрость не бросаться на новости опрометью.

Из означенных узаконений заметить можно, что преимущественное попечение правительства состояло: 1) в выгодной продаже казенных товаров в Китае, в покупке там благородных металлов, 2) не меньше в покровительстве частным торгам, не мешающим торгу казенному заповедными товарами, 3) в приобретении таможенного дохода серебром или золотом китайским, и в этом намерении золотник последнего металла, по наказу,1701 г. (5 января), принимался в пошлинах за 105 коп., 4) в отвращении подрыва заграничному нашему торгу чрез уменьшение частных отправлений, и насей конец в 1706 г. (28 января) запрещено пропускать в Китай без видов Сибирского Приказа, изъемля из запрещения сибиряков.

Заповедный торг для частных людей состоял в торге: дорогою мягкою рухлядью с кем бы то ни было, табаком по улусам, ружьями за границу, бобровым пухом за границу же, в покупке и продаже ревеня под смертною казнию, потому

что закупка сего растения до 300 пуд. возложена на воевод с тем, чтоб они послали за покупкою к оз. Ямышеву или в Турфан и Хамил (18) тобольского татарина Сабанака Кулмаметева.

Из выведенных следствий правительственной заботливости по заграничному торгу проглядывает, по-видимому, какой-то эгоизм в лице казны, но, кто остановился бы на таком помышлении, много бы погрешил. Правительство, во всяком случае обязанное устранять вредное совместничество для блага самой торговли, имело за себя в данных обстоятельствах еще непререкаемое сознание, что караванный Нерчинский торг, благоприятствованный со стороны богдохана подставными подводами и готовым в Пекине содержанием, состоялся в личном уважении к российскому монарху. Если притом помыслить, что плод казенного торга, приобретение металлов, возвышение таможенного дохода, при таком монархе, каков Петр, обрекались не на роскошь, а на благоустройство людей Божиих и его, то настоящие мечтания свободной торговли будут ли здесь у места?

2. Земли в России были белые и черные; в Сибири одни последние, т.е. тяглые. Там оброк платился с земли и двора, подать с лица или души, различно в разных обстоятельствах. Там взыскивались деньги ямские и полонянычные по гривне и в половину с двора.

3. В Сибири подать с души полтина (19), оброк с крестьянского двора заменялся повинностию десятинной пашни, толь выгодный для казны оброк с посадских дворов был, кажется, по рублю*. О ямских и полонянычных деньгах Сибирь не слыхала, но несла свои поборы. Из наказа, в 1697 г. данного тобольским воеводам князьям Черкасским, видно, что с сибирских крестьян взыскивались денежные поборы на струговые скобы, гвозди и пр.; почему, в отвращение притеснений государь препоручает им совокупить те поборы в одну постоянную статью, без отягощения, и по совещанию с лучшими крестьянами.

В 1701 г. (от 20 июня) велено взимать с бухарцев оброк за владение землями и угодьями, именно: по 15 к. сдес., рожью засеянной, и по 5 к. с дес. ярового зерна. Не отсюда ли произошло, что, вообще, татары предпочтительно сеют ячмень и овес?

В 1706 г. велено (20) собрать в сибирских городах на жалованье рекрутам с одних посадских по 4 к. с двора за год и в два года вдвое. Сим четверичным числом выражалось ли временное содержание количества рекрутского или понятие городского двора, которого семья, вообще, состояла из 4 душ по причине тесной и ничтожной обстройки, производившейся, как говорится, на живую нитку.

Для совокупности можно привесть себе на память бывшие требования 5 и 10-йденьги, в виде чрезвычайной меры.

4. Личная подать до начала XVI11 столетия ограничивалась набором из казаков или вольницы, для полков, составлявшихся, как видели, на охрану самой Сибири, и еще: погодною службою нескольких крестьян, под именем годовальщиков, требовавшихся в прибавок к казакам в остроги, в городовые крепости, в случае малолюдства или опасности. Наборы сего рода не истощали населенности, а только размещали ее. Сибирь, как великая поляна, беспечально

* Из бумаг туруханского воеводы Фефилова видно, что в три года с 1705-го гулящие люди ежегодно были им записываемы в посадские с оброком по рублю.

возрастала из собственных стеблей и наносных семен, пока не были обмежеваны жилые земли и угодья, пока дворы ея не сосчитаны. В 1703 г. велено (21) служивым всякого чина и торговцам подать сказки о числе дворовых и деловых людей, не касаясь азиатцев и пленных европейцев, в рабстве или услужении состоящих, для взятья в службу 5-го из дворовых и 7-го из деловых. По *Сборнику* можно заключить, что в городах по р. Енисей* набрано в два года прибывшим из Москвы дьяком Ратмановым 1200 чел., которые и пошли в Россию, но с дороги большею частию бежали. Не сомневаясь в готовности и возможности к побегу, надобно бы подивиться 7-тысячному числу двух состояний, находившихся в трех областях: Тобольской, Томской и Енисейской; но дивиться нечему, когда деловые люди торговцев зашли из Устюга и поморских мест. Кого там не нашли, искали в Сибири.

В 1705 г. был о два набора (22), один в феврале, другой в декабре, по человеку с 20 дворов. Первый коснулся в Сибири только 5-й доли или имений духовных, в которых в то время не могло быть более 5000 дворов, и рекрут с них 250. Полный набор декабрьский и три такие же в 1706, 1707 и 1708гг., следовавшие в одинаковом содержании к населенности, изъяли бы из Сибири по р. Ангару в 4 года 5000 человек, 20-ю долю населенности, определяя ее на первых порах не более как в 25 000 дворов, без причисления дворов свободного троякого состояния. Таким образом, в каждый из 4 рекрутских годов убывала в Сибири полупустынной арифметическая слобода из 312 дворов мужчин-четвериков. В это число, как замечено, не входил Заангарский край, потому что, *по Летописи Иркутской,* там производился первый набор в 1710 г. для Якутского ополчения на оборону всего Северо-Востока.

5. Азиатцы оседлые были ясачные, или хлебопашцы, или служивые. Одни татары мусульманского закона соединяли со службою и хлебопашество.

В улусы ясачных, особенно неоседлых, всеми наказами и особливо повелениями воспрещалось вводить игру картами и зернью, также вино и табак, для мены на мягкую рухлядь. Воспрещалось, а исполнялось ли, это другое дело.

Ясачные оседлые и неоседлые не могли подвергаться, за силою указа 1695 г. (22 декабря), ни пыткам, ни казням без доклада государю. Притом наказывалось охранять их от накладов, притеснений и всяких обид. Монархи российские, чем больше видели простодушия в подданных, тем великодушнее являлись к ним, без различия племен.

Татары Тобольского разряда всегда были покорны законам, добрые ясачные, добрые служивые, всегда честны и дружелюбны. При оседлости они имели для зимы и лета двоякие юрты. Бухарцы, любящие больше базар, чем землю, никогда не входили в обязанность службы государевой. Мечтая, что предки их во время Кучумово принесли из Маваренмагра на север магометанство, они некстати оскорблялись преимуществами христианского духовенства и вместе с татарами, от них подущаемыми, иногда приносили жалобы в Москву то на отнятие у них к духовным имениям земель и угодий (23), то на усильное крещение их единоверцев, которые, переменяя заблуждение на истину, уходили от хозяев, как плуты, со сносом. Надобно признаться, обе жалобы не были вымышленны, как уже показано в I главе, по

* Такой указ в Туруханске или Мангазее я читал подлинником в бумагах Фефилова.

части земель и угодий, присвоенных духовными властями.

Бухарцам Тобольского разряда, которым в 1686 г. возобновлено право ездить для торга к Архангельску и Астрахани, хотелось всегда и вести торг, и владеть землею без дани и оброка, наподобие беломестцев, не бывалых в Сибири. На сей счет законодатель велел в 1698г. (28 марта) внушить им, что не водится того и в бусурманских землях, чтобы пришлому иноземцу жить без дани, когда природные подданные пользуются правами жительства не даром. Поэтому, как мы видели, положен в 1701 г. оброк на пахотные их земли.

С приложением установлений мы совокупили и изображения быта татаро-бухарского. В дополнение остается сказать, что бухарцы, пока в Сибири и на важных ярмарках требовались ткани бухарские и китайские, имели в делах значительный оборот. Свидетельством тому может служить азиатское тщеславие, с каким они отправляли свадебные обряды, оканчивая веселости открытыми конскими скачками и выставками призов. Наши тезики* кланялись низко местным начальникам, и начальники не чуждались юрт, а люди с доверенностию держались у них на руке. Есть, надобно признаться, какая-то сладость сталкиваться и пустословить с людьми, иначе заправленными, иначе живущими, иначе верующими, с людьми, которых дух, при слиянии Тобола с Иртышом, навевает Востоком.

6. Тобольские архиереи пользовались приличным уважением у государей, которые называли их своими богомольцами, и в личном благоволении в 1684г. позволили митрополиту Павлу ежегодно из Москвы выписывать вещей на 200 р. беспошлинно. Равномерно архипастыри видели со стороны сибирских градоначальников почтение с благоприятством, и они сносились с иногородними воеводами чрез грамоты, посылаемые с детьми боярскими Софийского дома, как видно из митрополичьей грамоты 1671 г. к туринскому воеводе. Народ благоговел к владыкам, пока старообрядцы, после большого Московского собора 1667 г. рассеявшиеся по Сибири, не покусились отвлекать простяков от Церкви и паствы.

Если государи жаловали архипастырей для важных целей Веры и государства, то и не позволяли им выступать из пределов законности. Несколько тому примеров встречается во II периоде, но здесь довольно повторить грамоту 1678 г., в которой воспрещалось продавать и чрез вклады уступать архиерейскому дому или монастырям поместья, земли, сенные покосы, рыбные ловли и всякие угодья, без государева указа.

В 1681 г. (27 ноября) полагалось в епархии Тобольской по чрезвычайному ея пространству учредить подвластные митрополиту викариатства, и в сем намерении представлялись три росписи для всех в России епархий. По росписи первой предполагались викариатства в Верхотурье, Тюмени, Енисейске и в Даурии, по другой — в Томске и на Лене, а последняя соглашалась с первою. В 1682 г. снова представлен от духовного собора Патриарху Иоакиму (в IV ч. Собр. грам. и догов.) доклад о

* Так назывались таджики в старых наших столбцах. Празднование татарских богатых свадеб с конским рыстанием всегда водилось, как и при Гмелине в 1734 г., в юртах Сабанаковых и на моей памяти в 1788 г. на горе за валом при губернаторе Алябьеве.

прибавке архиереев в Сибири по причине, что в восточных ея пределах христианская вера не распространяется, а противники ея умножаются; но при ближайшем рассмотрении населенности и сил Сибири, без внимания к пространству, план иерархии толь многосложной остался без последствия.

В 1697 г. запрещено (24) лишенным прав состояния и пришлым монахам строить по Енисейскому округу монастыри без указа. В другой статье читатель увидит, на чей счет последовало благоразумное ограничение, равно увидит он в примечании 24-й скобки число существовавших и доныне существующих в Сибири монастырей. Вообще, надобно принять за положительную известность, что в течение будущего столетия монастыри убавлялись в своем числе, или упраздняемые в одном месте, возводились в другом.

В 1700 г. (18 июня) государь, полный теплой веры во Христа Бога, как и любви к отечеству, изрек апостольскую мысль о распространении христианского закона не только около Тобольска, но и далее, в идолопоклоннических ордах и даже в пределах Китая. Да, в пределах Китая! Ибо прозорливому государю, после многократных дипломатических посылок, не могло быть безызвестным, что там преобладает древний панфеизм, государственно исповедуемый, и что буддизм есть верование орд, за великою стеною кочующих. Успешность пропаганды римской давала ему не меньше упования на распространение православной веры. К выполнению благой мысли Петр приказал для занятия Тобольской кафедры назначить пастыря, ученостию и доброю жизнию отличающегося, с тем чтоб он привез с собою и достойных иноков, могущих проповедовать Евангелие в Китае. Для такой цели назначен был митрополит Дмитрий, неизвестно почему не прибывший в Тобольск, а чрез два года перемещенный в Ростов и замененный митрополитом Филофеем, мужем ученым и ревностным распространителем христианства. Читатель увидит в следующем периоде спеяние мысли Петровой.

Викариатство Тобольской кафедры, в 1706 г. установленное для Иркутска, есть развитие одной и той же мысли. В следующем году Иркутск увидел первого своего епископа Варлаама, викария Тобольской кафедры.

7. Внутренние сообщения Сибири и сообщения с Россиею оставались прежние, кроме трех нововведений.

1) Без перемены дороги верхотурской дозволено в 1697 г. (в наказе 1 сентября) Тобольскому воеводству, для скорейшего отправления нужных бумаг, открыть в летнее время путь чрез Утку и Кунгур на Казань. Сей путь сообщения долженствовал быть, кажется, водяной, потому что от Утки, где строились и спускались на воду суда, не было заселения до помянутого города.

2) На основании благотворного торгового устава 1698 г. в облегчение переписки торговой учреждена пересылка писем по государевой почте, которая трижды летом ходила от Москвы в Сибирь до Нерчинска и Якутска и обратно столько же раз. Платежная такса недорога.

3) На основании того же устава оказано китайским выменным товарам, плывущим до Оби, исключительное благоприятство в том, что они могли, не опасаясь поисков Верхотурской таможни, переваливаться чрез Камень на р. Вычегду, с платежом в Собской заста-

ве по рублю с судна, товарами погруженного*.

8. Показав в обоих периодах начин рудного дела, должно теперь оглянуться назад, чтобы податься вперед, в связи исторической. Тот, которого имя достойно оглавлять Сибирскую историю, первый позаботился искать богатства на восточных пределах своего государства. Рудокопы, которых повелитель обдорский и кондийский в 1489 году выписывал из Германии чрез грека Трахониота, нашли медную руду около Печоры на р. Цыльме. Внук его также выписывал рудознатцев из Швеции и наказывал Якову Строганову доносить себе о приисках рудных. Борис не менее пекся о толь важной ветви хозяйства, но смуты не дали развиться его попечениям. При Михаиле первый прут железный, как выше сказано, был вытянут в 1630 г. на берегу Ницы; потом близ Камы на реч. Камкарке в 1640 и 1641 гг. плавлена медная руда рудознатцем Аристом Петцольтом, из Германии выехавшим вследствие вызова, в 1634 г. разглашенного. После Петцольта и его товарищей осталось до 750 п. руды, добытой в рудниках Григоровском и Кужгортском,да при русских урядниках в 1642 г. слишком 2000 ггуд. В следующем году на место гостино-сотенного Босого прислан такого ж звания Онуфриев. Ему, между прочим, велено: а) осмотреть старый плавильный завод, который заведен при окольничем Стрешневе и существовал при госте Надее Светешникове, б) содействовать людьми и снастями стольнику Ладыгину, посланному для прииска руд в Соликамских кряжах**. После 1643 г. Камский медеплавильный завод продолжался лет 20 и сдан Тумашевым, нашим знакомцам, которые чрез два года уехали в Сибирь. Завод погас, это правда, но из школы его замелькали люди с заводским уменьем.

Из наказа, в мае 1661 -го данного дьяку Шпилькину, видно, что правительству хотелось возобновить прииск руд за Печорою на Цыльме. Но главная цель сего отправления состояла в прииске серебряной руды около Мезени на Канином Носу и близ моря на Югорском Шару. В июле 1666 г. поручено кн. Милорадовым и сотнику Некрасову возобновить разведки на Мезени***.

В июне 1666 послан полковник фон Кемпен с мастеровыми и десятником Коноваловым для осмотра на р. Двине алебастровой горы, л ежащей во 100 верст выше Холмогор, с препоручением отыскивать соляные рассолы, слюду и всякие руды.

Тумашевы в горе Мурзинской и Тальянской нашли некоторый просвет к сокровищам Урала. Упомянутый Михаиле в 1667 г. получил от Сибирского Приказа в награду 164 р. с полтиною. Другой уст-

* Из *Тобольской наказной памяти* 1690 г. видно, что в Собскую и Обдорскую заставы на время водяного хода присылался из Тобольска дворянин с 32 стрельцами и казаками для досмотра проезжих грамот и товарных мест на судах, для поимки беглых и беспаспортных, ноне видно, велико ли купеческое водоходство тогда было, для избежания худой дороги от Верхотурья до Соликамска? С чего и для чего ныне подстрекают к канальному соединению р. Соби с р. Усою, когда гужевой провоз дешев и неудобство каналов в подобных широтах дознано? Полковник Попов, посыланный для осмотра Соби, вероятно, не так донес, как судит губернатор Корнилов, увлекшись мыслию, преподанною ему от начальствовавшего над департаментом сообщения. Не более нужды представляется и в соединении р. Тагила с р. Серебрянкою.

** Акты Арх. Эксп., том III, № 320.

*** Собр. Госуд. грам., ч. IV, эта и следующая статья.

роил выше ел. Мурзинской на Нейве доменную печь, два горна, молот, наковальню, и в подлинности заведения был свидетельствован 1670 года от тобольского начальства. Вот где явился первый на Урале ребяческий образчик заводского устройства, впоследствии столько возмужавшего. В Тобольске тогда получена грамота о позволении всякому жителю отыскивать руды и цветные камни. Если сообразить многократные попытки, какие при царе Алексии были деланы по горной части, надобно удивляться неослабному его рвению, тем более, чем менее оказывались удачи, по тогдашнему маловедению распознавать минералы.

После Нерчинского трактата, промолчавшего о подданстве бурят Агинской степи, Нерчинское воеводство беспрепятственно владело самосадочною солью Борзинского озера.

В 1695 г. посланы в Германию штуфы свинцово-серебряной руды, взятой, без сомнения, в Нерчинске, хотя в П. С. Законов о том и не сказано. Эти куски посланы для испытания, и вместе с тем приглашались в Россию знающие металлургию. Явилось несколько саксонцев.

Не повторяя о греках Левандианах, из которых одного мы видели на реч. Коштаке, нельзя не порадоваться, что в 1697 г. (10 июля) последовало новое дозволение о прииске всякому руд и о выборе удобных мест к постройке заводов в округах, прилегающих к Уралу. Невьянский завод, в 1699 г. построенный, вырабатывал в год от 10 до 20 тысяч пуд железа; он в 1702 г. от Сибирского Приказа передан Никите Демидову (указ. 3 декабря 1716), для делания военных припасов на артиллерию. В 1700 г. начат Каменский чугуноплавильный завод, в 1702 основан Укутский, в качестве железоделательного. В том же году найдена медная руда в горе Думной, недалеко от древних Гумешевских ям, тогда еще несведомых. Алапаевский начат в 1703 году.

Когда таким образом жатва горного богатства стала расширяться, учрежден в 1700 (24 августа) для лучшего хозяйства особый Рудный Приказ в Москве. В конце того года возвещено уже по всему государству позволение приискивать руды и представлять их в Приказ чрез воевод. Следствия были так вожделенны, что разосланные мастера и ученики из русских, наученные Д. Вороновым, доставили пробы руд из 121 города.

Не осталось без внимания и Забайкалье. В 1701 г. (1 февраля) в особенном наказе замечено нерчинскому воеводе стараться о приисках слюды, по примеру, вероятно, витимскому. Дело не обошлось и там без греков Левандиан. Первые они, несмотря на маловедение в горной науке и в заводском устройстве, основали Нерчинский и Кутомарский заводы, и с их рук сперва потекло нерчинское серебро. В 1704 г. добыто 1 ф. 24 зол., в 1705 1 пуд. 22 ф. 36 зол. при речках Алтаче и Грязной. Мы расстаемся с рудным делом, как с дитятею в колыбели, но кто не заметит, с какою живостию это дитя разметалось в течение 7 лет под быстрым взором того мужа, которого скоро нарекут Отцом Отечества!

9. Если употребление вина есть народная необходимость для здоровья, для ободрения среди забот житейских и для льготы мыслей; если справедливо, что после чарки отдает от сердца, и язык катается, как по маслу, то необходимость сия тем ощутительнее в стране холодной и лишенной наслаждений жизни. Взгляните на труженика после осушения чепарухи, не шире ли, не смелее ли глаз его? Взгляните на отжигальницу, не пышет ли вино? Стихии вина поэтому

огонь и одушевление, и что такое жизнь во времени, как не горение? Не награждайте голов кабацких за излишнюю продажу, преследуйте пьянство строгостию полицейскою, жалейте о пьянице, внимайте пастырским наставлениям о трезвости, но запасайте вино в своей стране, чтобы отрада народная, потребность физиконравственная была недорога. Вы слышите историю, так говорящую при конце второго периода!

До 1698 г. хлебное вино шло из-за Урала, казною и тайным провозом, также и с уездных частных коштаков, пополам с грехом. Государь, везде умом присущий, велел в конце предшедшего года построить в сибирских городах и за Енисеем казенные винокурни, по мере расхода на вино, и уничтожить по слободам все частные пачканья, чтобы не было охулки на вино.

Через год (22 ноября) велено взять заведывание кабаков от воевод и отдать по приличию и расчету таможенным головам.

В 1699 г. (24 февраля) установлена для Сибири общая цена по 120 к. за ведро вина, за двойное вдвое. Через год назначена разнообразная цена: в Верхотурье по 130 к., в Тобольске, Туринске, Тюмени по 140 к., а за двойное вдвое, цена высокая по внутреннему достоинству тогдашнего рубля! Она еще была после надбавлена, но в 1701 г. (14 марта) уменьшена. Видно, что корчемство подтвердило и в этой ветви государственного сбора, что 2х2 не всегда делают 4.

Наперед надобно поставить в виду два исторические сведения.

1) Правительство всякий раз, при восшествии на престол нового государя, присылало в Тобольск одного из стольников знатной фамилии для приведения к присяге на подданство. Туже обязанность он исправлял в городах, на пути лежащих, в Верхотурье, Туринске и Тюмени.

2) Сибирские царевичи и дети их, с первого появления в Москве Маметкула*, пользовались при Царском Дворе отличною почестию, или начальствуя в войсках, или при торжественных церемониях и столах, занимая места за царскою фамилией, выше бояр. Царевичи Григорий и Василий Алексеевичи в последний раз имели честь осыпать золотыми царей Иоанна и Петра, после коронации. В единодержавие Петра, чтившего заслугу, знание и службу, а не имена, не слышно более о царевичах, кроме одного случая, когда в 1690 г. (31 октября) был вопрос, взыскивать ли с них печатные пошлины? Ответ Петров легко отгадать. Не следует ли из того, что если к концу XVII столетия наказывалось воеводам Тобольского разряда разведывать, не затевают ли чего неприязненного кучумовцы, то не надобно считать эту заметку знаком действительного опасения.

Теперь скажем, что управление Сибири видело в своем обычном течении некоторые перемены. В 1695 г. (24 апреля) велено оставлять воевод на службе в сибирских городах, кроме одного Тобольска, от 4 до 6 лет и более, по уважениям, прежде изъясненным, не меньше, кажется, и потому, что, не проча себя надолго, они ускоряли делать притеснение жителям и даже служивым, которые, по словам одной Петровой грамоты, уезжали от того в Китайское госу-

* Он, в Разрядах 1586 г. названный **Мелекулом,** назначен командиром на левой руке Сторожевого полку против Швеции. Том. XIV Др. *Вивл.*

дарство. Поэтому выходит, что или тогда уже монголы начинали служить в пограничных казаках, или надобно разуметь об уходе тайшей, которые по разрушении Урянхайского ханства договаривались с послом Головиным о вечном подданстве, равномерно и о даши-тайше Дзасакту, который с внуком дяди Очароева и с меньшим братом Очароевым изменнически поддался в 1793 г. Китаю и в следующем году откочевал из пределов Сибири со всеми улусниками в Монголию.

В 1696 г. (31 августа) постановлено, чтобы воеводы не выезжали из своих городов до приезда преемников, не отдав отчетов в казенных суммах и вещах.

Главная перемена заметна по части Управления, то в уменьшении, то в увеличении доверенности к которому-нибудь из 4 областных воеводств. Якутское, потеряв власть на Шилке, за Байкалом и по сю сторону озера в пользу Енисейской области, вознаградилось Камчаткою. Томское, как от тракта устраненное, поделилось из своих прав с воеводством Енисейским, которому подчинялись Иркутск и Нерчинск. Тобольск вышел средоточием всех областных и значащих по положению воеводств. Доводом тому служит и печать Сибирского царства, присвоенная Тобольскому воеводству 9 декабря 1696 г., вместо прежней канцелярской. С наложением сей печати, товары, идущие из Сибири в Россию или отпускаемые сибиряками за границу, открывали себе беспрепятственный пропуск в Верхотурье и Нерчинске, наравне с печатью Сибирского Приказа.

Последние тобольские воеводы кн. Черкасские имели в своем наказе замечательную черту благоговения государя Петра, чего не бывало прежде, именно чтобы по приезде в Тобольск идти в соборную церковь Софии Премудрости Слова Божия, и отпеть с митрополитом молебствие за здравие и благоденствие его величества, и потом принять печать царства Сибирского. Сии воеводы бескорыстным долголетним управлением и оправданною доверенностию утвердили правительство в сосредоточении всех воеводств в одну точку. Боярин кн. Гагарин в качестве судьи сибирских провинций был предуготовлен самым наименованием к чреде общего и единого правителя (25) еще при служении кн. Черкасских.

В конце 1708 г. действительно решилось (26) преобразование Сибири в виде VIII губернии, в которую включена знатная часть древнего Великого Новгорода, начиная с Яренска до восточного берега Камчатки, на 114° длины. В этом огромном пространстве, считалось XXX городов, полагая в том числе и IV пригород ка Вятки*.

На вопрос, для чего толикое пространство вскоре отдано во власть одной особы, ответ сыщется в малой населенности обоих краев, в одинаковой промышленности жителей, в беспрерывном переходе людей из-за Урала в Сибирь, и в ней теряющихся без ответственности за повинности в своих местах, в опустении поморских городов и уездов, в идее единства, как в любимой идее великих, размеряющих государственные предначинания по масштабу обширного разума, наконец, в отличной доверенности к избранному губернатору и, может быть, в погрешности самого разделения.

* Провинции Вятская и Соликамская оставались в составе Сибирской губернии до конца 1726 г.

Ибо вскоре увидели необходимость преобразовать новое губернское разделение как в России, так и в Сибири. Такова судьба человеческих творений! Единому Богу принадлежит раз навсегда сказать: да будет свет, и бысть свет навеки.

ГЛАВА VII

СЛЕДСТВИЯ

1. Основность следствий. 2. Окончательный очерк внешних отношений. 3. Быт торговый. 4. Характер сибиряков русских. 5. РУССКАЯ населенность. 6. Лишенные прав состояния.

1. Пройдя все части, какие обнимались и определялись законами, нетрудно усмотреть, что правительство, у которого в периоде первом продолжалась забота о введении и установлении земледелия, занималось во втором устройством промышленности торговой и горной, благоприятствуя вместе с тем распространению державы и христианского учения. История должна с почтением взирать на гений российского правительства, который, хотя и не был озарен науками политическими, шествовал так верно и так прямо к благоустройству страны, в видах человеческих и божеских, конечно, не всегда без преткновений. Успехи, как следствия добрых начал, как плоды благонамеренного хозяйства, были бесчисленны, именно: горная населенность по Уралу до Уктуса и по левому берегу Аргуни, отливка пушек и военных снарядов, введение правильного воинского обучения полков, введение каменного строительства, развитие духовных имений и т.п.; но мы ограничиваемся бросить здесь окончательный взгляд на осадку внешних отношений, на торговый быт, на характер сибирского поколения и на всю населенность русского племени.

2. Из очерка внешних отношений нельзя устранить и двух трактатов с Польшею, более и менее относившихся до Сибири.

Что по силе Андрусовского перемирия надобно было выслать на польскую границу колокола, костельные утвари, книги, бумаги и прочие вещи, взятые в военное время в Польше и Литве, мы узнаем о том из грамоты на Енисей, в 1667 г. (1 декабря) состоявшейся. Трудно решить, циркуляр л и это, или прямое требование. Но, зная решительное намерение царя Алексия сделаться обладателем Литвы, можно бы допустить, что в этой надежде он располагал плодами побед, как невозвратными в пользу отдаленной Сибири, где колокол был бы принят за подарок истинно царский. Допустив же посылку колоколов, понадобилось бы допустить и посылку бумаг, обратно требующихся, но для чего бы их посылать в Енисейск?

Другой трактат, 6 марта 1686 г. заключенный, гораздо ближе относится к Сибири, потому что все пленные поляки и литовцы, не упоминая здесь о важных возвратах российского достояния, ни о решенном перевесе России над Польшею, оставлены навеки во власти России, тем с большею пользою, чем более сибирские казачьи команды избыточествовали служивыми славяно-западного поколения. Впрочем, важ-

ность обоих трактатов служит одною скорлупою в статье внешних отношений, относительно Сибири.

Самое ядро заключается в помыслах, какие правительство таило в уме или выражало в рассуждении соседей южно-сибирских. Не приставлять своего перста к весам, на которых контайша против воли мерялся с богдоханом, пользоваться мирным соседством обоих и присвоивать к Сибири места, делающиеся беззащитными во время военной суматохи — вот тайна политики Петровой! Самолюбивый Кансий хвалил Петра за отказ Галдану и преемнику его Раблану во вспомогательном войске против Китая, хвалил в личном к себе смысле, подобно как по заключении Нерчинского трактата прежде хвалился, что он смирил русских. Не следовало бы ему хвалиться потому, что благоразумие предписывало России положить какую-нибудь условленную границу в недоступном конце Азии, где неприятелю легко иметь силу, большую в 30 против 1. Не следовало бы также и хвалить, потому что мудрый современник Кансия в предприимчивом калмыке, естественно и религиозно связанном с ханом Аюкою, который участвовал в Сейтовском бунте и многократно после изменял, видя сомнительного соседа, хотел быть спокойным зрителем военной развязки, тем более что торг с Китаем был предметом и целью желаний Петровых. Вот почему российский монарх не преставал в наказах твердить нерчинскому воеводе: а) с буквальною точностию поступать по статьям трактата, с Китаем заключенного; б) караваны в Китай отпускать не каждый год, дабы поддерживать цены на отпускные товары и, вероятно, чтобы не наскучить маньчжу-китайцам проводами и содержанием в Пекине караванных людей, хотя, несмотря на то, воеводы из корысти пропускали частные отправления в Наин и Ургу, чем затрудняли сбыт казенного торга; и в) прилежащие к границе землицы, принадлежат ли оне халхасской или чжунгарской власти, принимать в подданство с рассмотрением и учреждать в них ясак. Последняя статья есть общая всем сибирским воеводам, не исключая и верхотурского, которому также предписывалось приводить смежные землицы (Бог весть какия) под крепкую руку царя-государя.

При такой политике, помнящей в пользу Китая неподвижность только трех водяных линий: Уди, Горбицы и Аргуни, граница вскоре, по инстинкту наших звероловов, подалась в неразграниченный промежуток за р. Тугур, и обхватила Шантарские острова на Ламе. От Аргуни к западу, пересекая инде Онон в пользу земель, принадлежавших то хоринским, то агинским бурятам, и идучи не чрез Селенгинск, а южнее чрез караул Сорочин, при речке Буре стоявший, граница протянулась по р. Джиде; далее ж к западу, достигнув межи между Халхасского и Саин-Ноанского ханства, она в 1709 г. укрепилась на долине, в виду Саянской отрасли острогом и селением из 21 двора, с гарнизоном в 150 казаков, и это был первоначальный острог Тункинский*. Тщетна жалоба к богдохану от владетеля! Право сильного в Азии есть право незапамятное. Система кряжей не благоприятствовала цепному развитию границы, но тем не менее в 1707 г. поставлен при развалинах Урянхайского ханства острог

* Об этом писаное *Сборнике, а в Иркутской Летописи* сказано, что в 1717 г. сибирский губернатор кн. Гагарин предписал построить ос. Тункинский на Косогоре, где он и ныне. След., первое укрепление было в долине, где теперь село и каменная церковь.

на р. Абакане, далее Караульного во 144 вер., в подпору пограничных форпостов, выше поименованных. Подобный отвес брошен из Кузнецка в 1696 г., как мы видели, на речку Коштак. Рабтан изъявлял в Тобольске неудовольствие на захват чжунгарской земли, но он мог только протестовать, а не препятствовать, завязавшись в наследованную борьбу с халхами, по примеру дяди. От Кузнецка до Ишима все еще не было границы; барабинские болота мешали предприятию. От Ишима до Миасса и отсюда до южно-уральских заводов, выше поименованных, граница успокоилась. Там вооружены крестьяне, а здесь уже отливались грозные орудия, без которых нет мира в роде человеческом. Урал, дремавший среди непроходимых междугорий и трущоб, разливает пламя, шум и стук горными работами; все это радует Россию и ободряет Сибирь. Сибирская дорога на Уфу сделалась как бы домашнею, чрез каменистый разлог Урала, между верховьем Исети и Чусовой. Вот нить от ос. Удского до Уфы, вот Сибирь II периода! Развитию ея, надобно признаться, немало содействовала долговременная вражда двух ея соседей, сменявшихся в лицах, но не во вражде. В путях Провидения, заблуждения и страсти одних являются орудиями Его милосердного домостроительства для других. Все мы это слыхали и слышим, но не прежде узнаем о конце представления, как с падением занавеса.

3. После многих узаконений, преимущественно изданных по части промыслов и торгов, можно быть уверенным, что законодатели смотрели на Сибирь с истинной точки, хотя иногда и косвенно, для нея самой. Не исчисляя здесь провозных статей внешней торговли, которая частию производилась с калмыками у оз. Ямышева и в Урге контайши, более с приходившими бухарскими караванами, и под конец преимущественно чрез Нерчинск с Китаем даже до Пекина в виде караванов, надлежит сказать, что самая Сибирь кипела сбытом мягкой рухляди. Гости гостиных сотен, сами или их прикащики, приезжали в Сибирь по делам, платя за право въезда (по указу 1697 г., 2 февраля) безделицу с лица всякого состояния. Везде были съезды для ярмарок: в Среднеколымске, Зашиверске, Якутске, Киренске, на Нижней Тунгуске, в Иркутске, на Селенге, Оне и в Нерчинске. Среднеколымская ярмарка давала казне в виде десятины 90 сороков соболей; следственно, одних соболей было тут в вымене с лишком до 32 000. Подобные движения происходили в Енисейске как в сборном месте восточно- и западносибирских торговцев, Туруханске, Обдорске и Березове. Оставляя говорить о прочих городах, упомянем о Тобольске, что торги его в два годовые срока, т.е. пред вскрытием и по закрытии рек, знатно увеличивались еще от заграничных бухарских караванов, потом заметим, что главным местом торговых разменов между Россией и Азией установился Ирбит во второй половине XVII века. В 1695г. (27 ноября) в нем поправлены некоторые поползновения, и он доныне стоит на той же чреде, с Меркуриевым посохом в гербе историческом, о чем будет сказано в свое время. Исчертив Сибирь разъездами, почти везде, где бывали ярмарки, слыхал я от стариков приятные воспоминания о былых торговых временах. Что ж это значит? Богаче ли был тогда сибиряк русский? Если вспомним унизительный отзыв Сибирского Приказа, если сошлемся на исключение, в 1706 г. (13 октября) сибирякам данное, чтобы по скудному состоянию позволить им

одеваться, как прежде одевались, если не забудем внутренних акцизов 1693 г., проникавших в каждый кусок, то в чем скрывалась бы сладость воспоминания? Не в воззрении ли на стечение служителей торговли, на живое движение и перемещение кип, тюков, не в одном ли воззрении на веселую, шумную сцену жизни? Конечно, падали крохи от стола, от платы за квартиры, от провозов, но все крохи, а не богатство. Заключим насчет пересказов, что старость не лжива, а сбивчива.

То неоспоримо, что сибирский житель, от бобыля до гостя, если бы последнему было тогда место в Сибири, не всегда был свободный хозяин продаваемого товара, но пайщик от безыменного лица; если же и удавалось кому быть хозяином независимым, то продавал он потаенно; это стеснение водилось не в городах, а на дальних ярмарках. Ибо на чем основана привычка, доныне продолжающаяся в северных ярмарках, чтобы продажные шкурки носить скрытно, под полою, как не на старинном опасении денного грабежа? Пожалуй, примем сказываемые истины за клеветы, доказательства за натяжки, и станем вместе удивляться, отчего бы в самом деле не быть сибирякам тогда богатыми, когда произведения сибирские требовались (27) и кроме мягкой рухляди, как то: струя бобровая и кабаргиная, каменное масло и лекарственные растения, в казенные места? Оттого, отвечаем, что анбары и гостиные дворы по городам набиты единообразным товаром, что статьи их царства растительного и ископаемого долженствовали быть или малочисленны, или малоценны, как, напр., Мамонтова кость, по повсеместной находке и по ограниченному требованию. Где ожидать бы лучшей ценности, как не в Архангельске? Посмотрим же у Чулкова тамошнюю ценность:

Название	*Счет*	*Цена*
Выдра	10	6р.
Куница	40	24р.
Белка	1000	21р.
Горностай	40	2 р. 50 к.
Зайчина	1000	30 до 40 р.
Струя бобровая	1 фунт	3 до 6 р.
Бочка смолы	8 пуд.	1 р. 39 к.
Губалиственнич.	! [пуд]	1 р. 5 к.
Холст хрящевый	1000 ар.	8 до 20 р.
Юфть	1 пуд	3 до 4 р.

В первые годы завладения Сибирью фунт бобровой струи продавался [за] 40—50 к., потом до 1776 г. держался в Ирбити на 8—9 р., а ныне дошел до 500 р. и более. Из этого понятна постепенность истребления фамилии бобровой.

Вот архангельские цены в конце нашего периода, или около 1710г. Они за несколько лет были еще сходные, а около 1710 года отпуск товаров из Архангельска начинал меняться в пользу новой столицы. Вычтите провозы, верхотурские пошлины, расходы при порте, и вы увидите, что цены на показанные статьи должны упасть в Сибири наполовину. Мы не утверждаем, чтобы привоз к порту поименованных статей шел точно из Сибири, но выстаиваем историческую цифру, что цены соименных портовых товаров должны в Сибири быть менее вычтенным количеством известных расходов, и что сибиряку, при груде богатства, не от чего богатеть.

4. В 1705 г., 8 мая, вдень Иоанна Богослова, играли р Тобольске, близ одной церкви, комедию, одну из драматических рапсодий киевского сложения, введенных в Тобольске при митрополите Филофее. *Сборник* прибавляет, что в наказание взошла туча с бурею и сорвала маковицу с церкви, а крест с соборного алтаря. Такой толк характера ли времени или просто звук невежества, которое всегда и везде негодовало против но-

визы, которое обвиняло и умного Матвеева в безбожном чернокнижии за фармацевтику? В отдельной толпе наружных пустосвятов или корыстолюбцев, или посадских и бобылей, или крестьян и казаков, не так легко заметить характер. Они делают хорошо или худо, то по набожности, то по движению темперамента, то по увлечению запинающей страсти, то по навыку, то по примеру или наглядке, но при всех этих побуждениях можно жить без характера. Равномерно нравы, по которым это делаем или того не делаем, также и обычаи, по которым живем так-то и не иначе, не поясняют характера. Характер народа, грубого или образованного, есть беглый почерк головы и сердца, всякому не чуждый и никому в особенности не принадлежащий, потому что у каждого есть своя резкая особливость против общего оттиска. Это стиль кисти такой-то школы с бесчисленными отменитостями.

Можно бы доказать из летописи и законов, что отличительное свойство сибиряков во II периоде состояло в буйственной дерзости и жестокости, если бы предмет был особенной важности. Вот два примера! В 1679 г. при пасхальном служении новоприбывшего митрополита Павла вместо прежнего: **смертию наступи на смерть,** певчие пели: **смертию смерть поправ;** и три старика пошли за преосвященным, кричали с негодованием и называли его латинщиком. Разумеется, что они схвачены; но набожность, суеверие, самое невежество и все подобные имена, на которые можно бы складывать вину, удовольствовались бы домашним выражением негодования или сомнения или пожелали бы услышать изъяснение в приличное время, если бы в буйственной дерзости не полагались на общее одобрение. Припомните теперь поступок сибирских крестьян над гонцом, ехавшим к контайше; они, как худые люди, могли ограбить его, но высечь жестоко, по примеру красноярского воеводы, есть пятно нравственной дерзости и жестокосердия.

Не следует ли заключить по доброй логике, что сибирский характер, какой тогда выражался в быту житейском, есть наследство, доставшееся от первых пришельцев с винтовкою, наследство, которое делили все, от промышленника до поселянина, от казака до воеводы? Сколько было следствий, в нашем сочинении умолчанных, и следствий тяжких над воеводами Средней и Восточной Сибири!

5. Сибирские насельники русского происхождения делятся на два отдела: **свободных и податных.**

К отделу **свободных** принадлежат три состояния: духовенство, должностные трех степеней до приказного включительно и казаки служащие, под именем которых разумеются разные воинские люди, как не раз уже было поясняемо. Сии состояния, свободные от народной подати и рекрутства, служили стране христианским назиданием, правлением и утверждением законного порядка. Они распространяли свое влияние на всю Сибирь христианскую и языческую, и размещались от Верхотурья до Нерчинска и Анадырека, не исключая и Камчатки. Итог свободного отдела, к концу II периода, выводится в 21 831 м[ужского] п[ола], а число казаков, за исключением 3 полков, Бейтоном и окольничим Головиным увлеченных за Байкал, где они вымерли беспотомственно, и за исключением 4-й части, погибшей разнообразно на службе северно-восточной, числится свыше 14 000 и это maximum, какого никогда не бывало. Надобно повторить, что казаки, атаманы и боярские

дети, которые происходили из податного состояния, не освобождались от податей*.

Казаки были и беломестные. Я упустил эту беломестность подтвердить выпискою слов из воеводской Наказной Памяти, в 1693 г. писанной к прикащику Киргинской слободы и сокращенно мною упомянутой выше. Вот слова: «с тутошних крестьян и с беломестных казаков взимать таможенные и всякие подати по 10 денег с рубля по оценке, а с приезжих людей, кои учнут торговать всяким товаром, по гривне с рубля». Кроме беломестности, подтверждаемой грамотою, опять возвращается здесь прежний вопрос, выше мною заданный: до которых годов законодательства деньга должна быть принимаема в значении копейки? В упоминаемой грамоте 1693 года, кажется, деньга сказана в значении счетной деньги и если это справедливо, то деньга перестала быть копейкою прежде 1693 года.

Во избежание пестроты, мы показываем все сословие свободным, пока deficit податных не приведет к различению сословия.

К отделу **податных** принадлежали: а) крестьяне и ямщики с своим поколением и с бобылями, к ним присоединившимися; б) посадские из промышленников, по большой части окоренившиеся в городах и острогах; в) крестьяне, по воеводским вызовам пришедшие; г) крестьяне разных наименований, самовольно переселявшиеся в разные времена двух периодов. Надобно признаться, что летописцы нигде не говорят о двух значительных количествах беглых, какие означены в приложенной табели под бук. «А», количествах, сперва исподволь рассеявшихся по Сибири с 1600 по 1662 г., потом в течение 47, и

* Казаки были конные и пешие. Те и другие, как запомнят по старым делопроизводствам, еще назывались беломестными и черноместными. Линейные стали присвоиватьэто название около 1740-х годов.

Беломестные служили поочередно в городах и острогах и в свободную неделю жили в участках земли, по их прошениям отводимых за жалованье хлебное, с лугами для покосов, если были из числа конных. От участков земли, как не подлежавших оброку, казаки присвоили имя беломестных, из подражания русским беломестцам. Но бессемейные, не просившие земли, получали вещественно по 24 пуда годового хлебного жалованья. Денежного жалованья производилось конному с фуражом 706 к., пешему 440 к., и этот оклад продолжался в XVIII веке, но во сколько был меньше в первых двух периодах, остается вопросом.

Черноместными слыли казаки: а) из податных состояний, добровольно записавшиеся в служивое сословие, без исключения из подушного оклада; б) дети или внуки отставных, поселившиеся в деревнях без службы и после зачисленные в службу, без освобождения от подушного оклада, в какой попали по деревенскому житью; и в) выписные с известного числа душ пограничных деревень. Они в III периоде, и позднее, употреблялись с копьем и саблею на оборону границы или в погоню за неприятелем, также без освобождения от податей. Годовальщики из крестьян, в этом сочинении упомянутые, не причислялись к казакам.

Линейные казаки, от тех же стеблей отсаженные сперва в пять крепостей по Иртышу, в 782 чел., как значилось по штату 1725 года, управлялись до 6 апреля 1759 г. губернским начальством. С умножением крепостей казаки умножались новыми присылками из Сибири, даже с Оренбургской линии, как то: около 1760-х гг. частицею донцов, в 1770-м — присылкою запорожцев в числе 138, в 1775-м — включением ссыльных, с 1797-го в 3 следовавшие годы — взятьем 2000 малолетков, родившихся от солдат, в Тобольской губернии поселенных. Из этих элементов образовавшееся линейное казачье войско состояло к 1808 г. из 6117 человек. Рядовые до 1737-го г. получали денежного жалованья по 4 р., кроме хлеба и фуража, с 1737-го, по распоряжению Сибирского Приказа, — деньгами только по 3 р. 32½ к., с 1754-го, по сенатскому указу, — по 6 р. 16½(до32 к.) с увеличением ржи и овса. В 1773 г. велено нарезать земли на каждого казака по 6 десятин.

особенно с 1680 до 1686 года*, большими ватагами уклонявшихся в Сибирь, то во время волнений, в крепостном классе происшедших, то во время гонений, после строгих указных статей, в 1685 г. (7 апреля) изданных против старообрядцев, то во избежание рекрутских наборов; и поэтому в угодность малосведущих летописцев несправедливо было бы уменьшать колонизации, в табели означенные, и подтверждаемые явными событиями переселений, в свое время правительством замеченных.

Каким образом, спросят, могли своевольно вторгаться в Сибирь большие ватаги людей? Но мы спросили бы наоборот: какие средства воспрепятствовать своевольным вторжениям? На длинной черте, какова от Верхотурья до Исети, полиция тогдашняя, по своей ничтожности, была не в силах удерживать потоки людей; с другой стороны, воеводы находили свой счет потворствовать приумножению переселенцев, переселенцы же на местах водворения иногда не прежде были узнаваемы, как когда разрубят леса и подымут пашенные выгоны для вторых или третьих посевов. Ибо полевая независимость ускользнувших из России нескоро вызывала к знакомству с городами и властями; приходило, однако ж, время, когда власти узнавали о новичках и оброком десятинной пашни мирили беглецов с казною. Отсюда произошли в Сибири починки, также заимки частные и духовные, получившие впоследствии настоящие названия деревень; отсюда частные заводы увеличились в силах человеческих. Итог податных состояний к концу периода восходит до 130 957, за исключением 3 с лишком тысяч, которые близ границы полонены или побиты, или там и сям сожглись в жал кой восторженности.

К числу податных также причислялись не только потомки преступников, но и сами преступники, потому что по приходе на места поселения пользовались льготою не более года, а с первого появления уже вносились в окладные книги. Не повторяя прошений законных, по которым преступники были отсылаемы в Сибирь, мы обязаны здесь дать отчет в правиле, каким руководствовались для II периода, в определении числа их; и это правило заимствовано из осьмилетнего срока, с 1719 по 1727 год (указ. 17 сентября 1742). Конечно, этот срок за чертою периода, но напряженность преступности и дух законной строгости должны быть одинаковы в смежное время и в одно почти царствование.

В исчислении женского пола наблюдена умеренность, в соответственность исторических воспоминаний. Одно духовенство и чиновные лица высшей и средней степени приезжали в Сибирь семейно, но, по причине срочного в Сибири пребывания чиновников первых двух степеней, беспримесная чистота крови русской долго принадлежала одному духовенству, как посягавшему на браки в семействах своего чина. Должно, однако ж, припомнить, что и ямщики, и крестьяне, казною или по вызовам переселенные, равно крестьяне беглые, были напутствуемы женами своей родины. Сословие казаков, приходивших или приезжавших на службу одиночками, исключая немногих случаев, оно, как сословие храбрых, завоевало себе подруг разными приемами стратегии чувственной, и в России, и в Азии. Для чего бы не повторить, что поколение в этом сословии первоначально пошло от

* Из *Пермских грамот,* изданных Верхом, можно особенно сослаться на грамоту 1683 года.

крови татарок, которые, быв обласканы смелыми пришельцами, взошли на ложе их, впоследствии законное, по подобию сабинянок, и, с чертами кавказского отродья, не обезобразили мужественного потомства. К концу периода выводится женских жизней русского имени 76 439, а всех обоего пола в обоих отделах — 229 227.

В это время города с округами считались более населенными: Тобольск, Верхотурье, частию Тюмень, более Тара, Томск и Енисейск. В Сибири старой и середней исчислено податных дворов с небольшим до 28 000, а в 4 восточных воеводствах с уездами, сообразно с правительственными счетами, полагается податных дворов около 3600, именно: в Илимске 1100, в Иркутске от Оки 1500, в Нерчинске 600 и в Якутске 400. Окончательно выходит по всей Сибири податных дворов 31 676, а всех с неподатными — 37 046.

Сказав главные числа из табели сибирской населенности, составленной применительно к актам своего времени, мы выдаем ее за правдоподобную тем с меньшим сомнением, чем ближе она подходит к государственной цифре 1711 года в числе дворовом, как окажется в начале III периода. Упрек, какой можно бы сделать табели в уменьшении жителей Поморского края, сам собою исчезает, когда захотят прочитать указ 1686 года (28) насчет поморских городов, из которых не в долгое время убыло из 71 000 дворов две трети, или когда захотят повторить ответ самого Петра архангельскому губернатору. Когда губернатор в 1714г. (6 мая) представлял, что не с кого брать рекрут, царь, соизволив на новую поверку дворов, примолвил: не все крестьяне ушли на Дон и в Сибирь. Такая примолвка есть непререкаемая защита табели.

6. Сообразно усмотрению, что население Сибири, особенно Восточной, частию оплодотворялось преступниками, теперь безвестными, может быть расцветшими в потомственных стеблях, наподобие осеченных кустарников, история сибирская и не думает забыть имена известные, которые по своему состоянию достойны бы лучшей участи и памяти.

Если закон есть порука благосостояния обществ, если история есть подруга закона и обвинительница у потомства, то важные нарушители общественного покоя вечно будут призываемы пред народное зерцало возрождающихся поколений. Кто-то сказал, что погребаемые в Якутске остаются до страшного суда в таком виде, в каком хоронятся. Вельможи или мужи меча, заточенные в нее и давно забытые в России, отмщаются здесь и по смерти печальною известностию. И город, видевший великана злополучного, и архив, в котором хранится статейный список, не позволяют умереть ему, действуя заодно с обнародованным приговором правительства. Таким образом, проходя историю страны под руководством письмен государственных, мы невольно встречаемся с лицами, злоумышлявшими против верховной власти или державы, во свидетельство силы закона.

При царе Алексии были разосланы в 1673 г. по городам Сибири до Якутска и Селенгинска (29) обличенные в соумышленничестве с изменником Дорошенком, как то: запорожский гетман Демка Игнатов Многогрешный и его чиновные соучастники из малороссиян, воронежцев и астраханцев. Мы видели уже, что, в бытность окольничего Головина, Дамьян Многогрешный, в звании селенгинского сына боярского, употреблялся в конных сшибках против монголов.

В 1688 г. привезен в Тобольск бывший малороссийский гетман Самойлович с сыном, которого велено отлучить в Енисейск. Если в самом деле он не виноват в безуспешности Крымского похода и в подозреваемой измене российскому престолу, то можно ли оправдать его в присвоении родственникам своим почетных должностей и в продаже остальных в денежные руки? В старости,в разлуке с сыном и семейством, он получал для своего содержания по 30 алтын надень. Ненасытный человек, для чего столь тяжкие опыты нужны тебе и мне, чтобы увериться, какой малости довольно для здоровья и здравого духа?

В 1697 г. (20 марта) лишенный степени боярства Матвей Пушкин сослан с семьею в Енисейск за участие в стрелецком бунте. Ему (как замечено в VI главе под статьею духовенства) хотелось оплакивать свою участь в особом монастыре и мол иться в особом храме, но для внутреннего раскаяния и общенародный храм Голгофа, и кедровая дебрь — как храм для молитвенного духа. Всякое место свято у Бога; Бог беседует с человеком пламенно даже в репейном кусту*.

Еще в I периоде мы слышали, с которых пор начали отсылаться колодники в Сибирь, но не ранее 1696 г. (21 января) обращено внимание на порядок препровождения. Тогда только установлено давать им проводников, кормовые деньги, и в Верхотурье сделать острог для их помещения.

Облегчим невеселые мысли утешною вестию. Полковник Палей, гроза и молния заднепрская, Палей, года за четыре сосланный в Енисейск по проискам Мазепы, в 1708 г. возвращается из Сибири под Полтаву.

Торжество свободы сладко, сладко и чувство мщения, но чувство кроткое, если чаша горести выпита без упрека и с покорностию, слаще всякого торжества на счетах опыта. Самолюбие упивается радостию и опять жаждет, но сердце испытанное празднует в себе самом независимо, безусловно. Палей ищет глазами Мазепу.

заключение

Сыны Сибири! Слышите ли вы в душах своих этот грохот, все отдающийся от громов Полтавской битвы? Вы должны его слышать, потому что ваши предки участвовали на великом позорище победы и видели, как грозными редутами Петровыми раздирались ряды гордого неприятеля. Петр, со дня сего Великий, завещал на возвышенной Полтавской равнине воздвигнуть памятник, достойный славы России; но тут ли конец подвигов, где началась слава? Нет, слава государственная так же обширна, как и нескончаема, следственно, и подвиги, как спутники ея, пойдут на все грядущие времена. Вы увидите поэтому, что и в следующем периоде Сибирь соревновала подвизавшейся России как силами человеческими, так силами денежными и вещественно-животными.

*** Исход. III, 2-4.**

приложения

Замечательные лица	Когда?
Митрополит Павел как начинатель каменного строительства в Сибири.	Сооружение нач. в 1680, конч. в 1688. Павел архиерействовал с 1678 до 1692г.
Тобольский сын боярский Алексей Ларионович Толбузин, воевода албазинский как мужественный воитель и защитник своего поста против многочисленного маньчжу-китайского войска.	С 1685 до исхода сентября 1686 г.
Подполковник (впоследствии полковник) Афанасий Иванович Бейтон, достойный преемник Толбузина и соорудитель земляного албазинского замка.	С октября 1686 до заключения трактата в 1689 г.
Тобольский сын боярский Семен Ульянович Ремезов как сочинитель сибирской карты и описания сибирских племен.	Занимался два года, с 1697 до 1699г.

Число архиереев и воевод во II периоде

Митрополитов сибирских в Тобольске	4
Викарный епископ в Иркутске	1
Воевод тобольских с их товарищами, не включая первого сибирского губернатора	25

А. ТАБЕЛЬ РУССКОЙ В СИБИРИ НАСЕЛЕННОСТИ К КОНЦУ II ПЕРИОДА

Название состояний мужского пола с их поколением	К 1662 году	в (за) $47\frac{1}{2}$ лет родившихся на дворе	Итоги всех мужчин	К июлю 1709 года: Число мужчин	Число дворов	Итоги: Число женщин	
		3	4	5			
А. Переведенцы I периода							
а) Духовенства белого и черного с причтами и с боярскими детьми Тобольского архиерейского дома	1600	950	2555	4	600*	2	1200
б) Чиновников высших и средних с подьячими	1200	716	1906	6	319	3	957
в) Воинских людей (казаков) с новокрещеными	10 000	6875	14875	4	3718	2	7436
Отставных	3000		2500	3	733	1	733
г) Промышленников оседлых, под именем посадских, и в том числе разных ремесленников	6000	3562	9562	4	2390	2	4780

* 150 отошли в состав бездомового черного духовенства.

** Дети отставных подразумеваются в общем числе казаков 14 875, показанных менее 2 тысячами против чадородства, по причине известной убыли.

1	2	3	4	5	6	7	8
Из 2000 бездомовых промышленников водворилось в 4 заангарских воеводствах	300	178	478	2	159	1	159
д) Служителей архиерейских, монастырских, господских и их деловых людей	3000	1781	4781	6	796	3	2308 .
е) Ямщиков, от казны переве-	1						
денных и городами ных, с пришлыми из-за Урала	3000	1781	4781	4	1195	2	2390
ж) Пашенных крестьян, казною переведенных, с пришлыми из-за Урала	3000	1781	4781	4	1195	2	2390
Крестьян, по вызовам семейно переселившихся, с пришлыми в разные времена	31 500	15000*	46500	4	11 625	2	23250
з) Ссыльных 7400. Из них:							
по р. Енисей	3000	1781	4781	3	1593	2	2390
на Ангаре, Лене, за Байкалом	4400	1037**	5437	4	1359	2	2718
Б. Переведенцы II периода							
и) Крестьян, с семьями переведенных к Ангаре и за Байкал			2000 4		500 1000		
к) Новопришедших по своей воле: старообрядцев в Западную Сибирь, крестьян государственных и крепостных, с водворением ремесленников в посады по р. Енисей					7000	2	14 000
л) Ссыльных II периода, размещенных частию в области Тобольской, больше — Томской, частию за Байкалом, в нерчинских заводах, по Лене и Колыме			28 000 4				
			19 856	4	4364	2	8728

ИТОГИ

Податных	130957
Дворов их	31676
Свободных состояний	21 831
Дворов их	5370
Всех состояний муж. пол	152778
жен. пол	76439

Обоего пола в обоих отделениях 229 227

* Следовало бы написать 18 703, но по причине известной убыли поставлено менее тремя с лишком тысячами.

** Полторы тысячи погибло на Амуре.

ССЫЛКИ ВО II периоде НА узаконения, В П. С. ЗАКОНОВ НАПЕЧАТАННЫЕ

1. Грамота 2 ноября 1662 г. туринскому воеводе о единовременном сборе с людей всякого чина и звания 5-й деньги, по животам и промыслам и о присылке денег в Москву. В том же роде грамота о сборе 10-й деньги последовала 18 апреля 1673 года.

Если под именем десятины разумелась десятая доля числа, или в монете 10-я гривна, то 5-ю деньгу нельзя бы иначе разуметь, как пятину рубля — две гривны. Но трудолюбивому Верху, в *Цар. царя М. Ф.,* том I, стр. 245, вздумалось, вопреки общему смыслу, утверждать, притом без основания, что под именем 5-й деньги разумелись 2½ процента с рубля. Что за вспоможение государству от такого ребяческого разумения чрезвычайного налога при чрезвычайных обстоятельствах, когда промысел тогдашнего подданного редко мог превышать доход ста рублей? К чему бы правительству при определении 5-й или 10-й деньги, если она так малозначаща, предписывать особые обряды для верности сбора, как то: выбирать окладчиков добросовестных, приводить их к крестному целованию и окладные книги представлять в Москву для поверки? Не теряя слов, можно напрямки указать грамоту 1614г., сентября 20-го, напечат. под № 45 в 1 томе *Арх. Экспедиции,* в пользу Кириллова монастыря, освобожденного именно от 5-х долей.

2. Грамота в Туринский острог 8 июля 1663 г. об упадке цены медных денег.

3. Грамота к туринскому воеводе, в августе 1678 г. писанная по жалобе тюменских татар и верхотурских крестьян на завладение землями и угодьями, со стороны Софийского дома и монастырей, обнаруживает 4 обстоятельства от носительно Сибири: 1) что перепись зе мель и людей была уже в 1659-м; 2) что большой в Тобольске пожар, в 1677г. случившийся, тут подтверждается; 3) что еще в 1658 и 1662 годах было возбранено Софийскому дому и монастырям принимать вклады, или делать покупки земель, угодий, людей, или принимать пришлых, без государева указа, а довольствоваться им землями, угодьями и людьми, сколько было пожаловано; и 4)вследствие того велено возвратить захваченные земли и угодья в пользу государственных водворений, перевесть пришлых и водворенных людей без пожалования, хотя бы то было на пожалованных землях, в Томский уезд для десятинной пашни, а крестьян и всяких людей, живущих на землях, после переписи 1659 г. приобретенных, взятье землями по приличию в пользу острогов или городов для десятинной пашни. За всеми мерами, как время покажет, у монастырей, и особенно у Софийского дома, явились ко 2-й государственной переписи порядочные недвижимые имения. Грамота сия напеч. и в IV ч. Собрания грамот с Румянцевским гербом.

4. Указ 25 августа 1680 г. о межевании земель по всему государству, не исключая и Сибири, с пополнительными статьями.

5. Указ 18 декабря 1696 г. о посылке в Томск грека Александра Левандианы *с* товарищи для разработки руд на речке Коштак. В *Сиб. вести.* \ 822 г. напечатана по сей части грамота от 6 июля 1698 г. к томскому воеводе Ржевскому. Я пользовался обоими актами.

6. Три указа: 1679 г. сентября 10-го, 1680г. ноября 17-го и 1682г. ноября 28-го.

7. Грамота от 29 июля 1679 г. Лисовскому, напеч. в *Сиб. вестн.,* 1819.

8. Договор, 15 января 1689 г. заключенный между послом и шестью тайшами о вечном их подданстве российскому престолу. У Миллера семь тайшей, но в договоре шесть.

9. Договор, 12 марта заключенный между послом и табунутскими сайтами о вечном подданстве. Кто такие сайты табунутские? В Монгольском Уложении часто упоминаются табунаны, и всегда после тайдзиев, и что табунаны бывают двоякого происхождения. Идет ли это ктабунутским сайтам, покойный Игумнов не успел меня разрешить; и между тем случилось узнать от Г. Геденштрома, что в составе селенгинских бурят есть 4 рода табангутские. Не с их ли предками посол договаривался? Фишер урянхайских табунанов сравнивал в степенях чиновности с нашими тайными советниками. Сколько вздоров в школе мнимых ориенталистов!

10. Нерчинский трактат, 27 августа 1689 г. заключенный двумя миссиями между Россией и Китаем, содержит следующие определения:

1. Река Горбица, с левой стороны впадающая в Шилку близ р. Черной, постановляется рубежом, которому идти от вершины той реки по верхам каменных гордо моря, так, чтобы рекам и речкам, на полдень падающим в Амур, быть за Китаем, а рекам, падающим в другие стороны, за Россиею; прочим же рекам и местам, лежащим в середке между р. Удью и пограничною китайскою чертою, оставаться без разграничения до другого благополучного времени, потому что ныне не дано на то полномочия от царского величества. 2. Р[ека] Аргунь, впадающая в Амур, постановляется границею, так, чтобы все земли левой стороны принадлежали Китаю и земли **правой** — России; вследствие чего и перенесутся русские заведения с чужой на свою сторону.

Примечание. Здесь левая и правая стороны приняты в отношении к пребыванию в Нерчинске, а не в отношении к течению рек.

3. Город Ал базин разорить до основания, а людям, в нем пребывающим, дается свободный проход со всеми военными и всякими припасами или вещами без всякого ущерба. 4. Беглецам с той или другой стороны, до сего замирения перебежавшим, оставаться без размена, а беглецов, впредь могущих быть, отсылать неукоснительно к пограничным начальникам. 5. Подданным обеих сторон позволять с проезжими грамотами приезжать для продажи и покупки, по их надобностям. 6. Своевольников, в малолюдстве или многолюдстве переходящих за границу и делающих воровство, разбой или убийство, по поимке отсылать к своим начальствам для наказания и за такие случайности не заводить войны. 7. Отдается богдоханову величеству на волю поставить на границе межевые грани, с подписью статей замирения. Состоялся в даурской земле при Нерчинске.

11. Наказ 11 июля 1692 г. верхотурскому таможенному и кабацкому голове о строжайшем осмотре воевод с их семействами и людей всякого звания, не провозят ли чего запрещенного в скрытных укладках.

12. Грамота енисейскому воеводе 27 октября 1697 г. о пышности служивых людей Якутской особенно области.

13. Грамота енисейскому воеводе 26 ноября 1697 г. о прекращении, иссле-

довании разорении и наглости, мирянам обоего пола чинимых десятильниками.

14. Новоторговый устав 22 апреля 1667 /7175 года может почесться превосходным учреждением своего времени, по совокупности и определительности таможенных правил, относительно приема кораблей в Архангельске, подачи объявлений, досмотра, выгрузки и нагрузки товаров, также по благоприятству своим торговцам против иноземцев, и по сноровке в безостановочном провозе товаров к порту.

15. При наказе, приведенном во 2-й скобке, приложена опись казенных печатей. Любопытная из них есть якутская, с изображением барса. Шкура его, вероятно, попалась в ясак, когда Тугурский остроге амурскими угодьями заведывался от Якутска. Для каких бы предположений ни изъяснял знаменитый Гумбольдт dans ses Fragments Asiatiques*, что королевский чжунгарский тигр, питомец жаркого климата, живет и ныне около Верхнего Иртыша и вторгается к северу на 100 миль, все, однако ж, нельзя предполагать, чтобы тропические животные, на севере погибшие, забежали туда с размаху и там замерзли.

16. Наказ сибирским таможенным головам состоялся 30 августа 1693 / 7201 года. Справедливее бы называть его акцизным, а не торговым.

17. Торговый устав, по докладу Сибирского Приказа, состоялся 2 ноября 1698/ 7207 года, с уменьшением пошлин, по изведанному опыту, что в государственных счетах не всегда 2х2 делают 4, как говорил Свифт. Устав сей написан внятно, правильно, как и наказы в это время были писаны раЗдробительно и чистым русским языком, начиная с 1696 г. до конца второго периода, пока европеизм не вторгнулся с своими словами в российское письмоводство. Не меньше примечательно и то, что устав был прислан в Сибирь уже в тетрадях; следственно, письмо листовое началось прежде общего указа 11 декабря 1700 г. об отмене столбцов.

18. Указ 7 февраля 1704 г., поручающий татарину покупку ревеня в Малой Бухарин, когда можно бы приобресть его дома или на границе, был бы странен, если бы не предполагать, что Сабанак Кулмаметов послан внутрь Татарии стайными препоручениями. Татарский дом сего имени, в царствование Екатерины II возведенный в дворянское достоинство, продолжается и ныне. Жительство его от Тобольска в 12 верстах.

19. Указ 18 апреля 1673 года. В наказе кн. Черкасским 1 сентября 1697 г. законодатель ссылается, относительно денежной обкладки сибирских крестьян, на указ 1671 г., но этого указа нет в П. С. Законов. Пока он не сыщется в старых сибирских архивах, должно на место его подставить помянутый указ 1673 г., которым повелевалось взыскивать подать с скудного крестьянина и бобыля по полтине с человека. Как сибирские крестьяне в самом деле были таковы и таковыми разумелись в мыслях правительства, то мнимозатерянный указ 1671 г. не был ли действительно указ 1673 года? Время покажет.

20. Грамота 13 октября 1706 г. о сборе с посадского двора по 8 к. в два года. Полагая в тогдашнем Тобольске до 2000 посадских дворов и по стольку же в пяти населеннейших, с причислением к ним малолюдных, выходило бы по всей

* В своих работах об Азии (фр.). — *В. З.*

Сибири годового сбора 400 или 500 р. с некоторым умножением дворов.

21. Указ 1 октября 1703 г. о наборе с дворовых и деловых людей, по сказкам разных чинов и торговцев. Тут заметно одно обстоятельство, что деловые люди, по истолковании на статью Уложения (прибавленному в П. С. Законов), разумевшиеся крепостными, долженствовали быть люди свободные в руках торговцев, люди, годившиеся для дел и услуг по торговле. Они, верно, прибыли на время из России.

22. Указы о наборе рекрут[ов] с 20 дворов по человеку состоялись 20 февраля и 11 декабря 1705 г., а прочие три — 7 марта 1706г., 22 октября 1707 и 10 ноября 1708г.

23. В 3-й скобке сего периода означено, какое следствие производилось об отнятии татарских земель и угодий по Тюменскому округу, где водились бобры, орловые гнезда и пр. Татары, конечно, не правы, если думали удержать эти выгоды и при усилении населенности. Но они более правы в другой жалобе, чтобы не крестить тех из них, которые, обобрав хозяев, ищут вступить в христианство.

24. Указ 18 апреля 1697 г. о воспрещении строить монастыри по Енисейскому округу. Всех монастырей к концу II периода в Сибири было 37, существующих 16, следственно, упраздненных 21; наименования упраздненных следующие:

1. Верхотурский Покровский жен.
2. Невьянский Преображенский муж.
3. Туринский Николаевский муж.
4. Березовский Воскресенский муж.
5. Тюменский Ильинский жен.
6. Рафайловский Успенский муж. (недавно).
7. Тобольский Богородице-Рождественский жен.
8. В Таре во имя Параскевы и Екатерины жен.
9. Там же Спасский муж.
10. В Томске Знаменский жен.
11. В Кузнецке муж.
12. Сосеноборский Сергиевский по Кети, в шир. 58° 15', по определению Мессершмидта, муж.
13. В Красноярске Веденский муж.
14. В 10 вер. от Красноярска Рождественская пустыня муж.
15. Кашино-Шиверский на В. Тунгуске муж.
16. В селе Успенском на Шилке муж.
17. В Албазине Спасский муж.
18. Покровский, в 70 вер. выше Якутска, муж.
19. Успенская пустыня в Камчатке муж.

20 и 21. Два монастыря, один на Тагиле и другой где-то подле Урала, по словам Миллера.

25. Спрашивается: когда определен губернатором кн. Матвей Петрович Гагарин и когда приехал в Тобольск? По *Краткому Показанию* архиереев и воевод тобольских, равно по *Сборнику,* определение его означено 6 октября 1705 года, и в то же время отмечена смена его предшественников, воевод кн. Черкасских. Но, если бы это походило на правду, зачем бы кн. Гагарину предоставлено было в 1707 г. сформировать для его почета в Москве полк из царедворцев, дворян и прочих москвичей? Зачем бы ему оставаться в Москве и в ноябре 1708 г. присутствовать на церковном проклятии Мазепы, при котором он написан в числе ближних бояр, назван Генеральным Президентом, московским комендантом и судьею сибирских провинций? Не говоря уже о том, что вскоре он еще пока-

зывается начальником Оружейного Приказа, надобно решиться обличить сибирские сказанья в явной ошибке и изъяснить, что помянутое время мнимой смены кн. Черкасских было наименование кн. Гагарина судьею провинций сибирских. В бумагах Фефилова попалась мне **справленная** копия с грамоты из Сибирского Приказа 6 января 1709 года с следующим содержанием: Генеральный Президент, комендант московский и провинций сибирских судья кн. М. П. Гагарин с товарищи приказали за многие службы тобольскому дворянину Фефилову пожаловать ковш, косяк камки, пять аршин сукна, и быть ему прикащиком Тобольского уезда в Нижненицинской и Туринской слободах, и велеть учинить о том указ кн. Черкасским в Тобольске, чтоб они поступили по своему рассмотрению. Что ж касается до времени приезда кн. Гагарина в Тобольск, Миллер назначает 1711 год, но посмотрим, при настоящей археографической перетруске устоит ли этот год. Мне сдается, что кн. Гагарин прибыл в 1710 году в Тобольск.

26. Указ 18 декабря 1708 г. об учреждении Сибирской губернии, в числе прочих восьми. В поименовании 30 городов Сибирской губернии упомянута отдельно от Чердыни **Пермь Великая,** ошибкою или с намерением. Как не знают ничего о начале Чердыни, ни того, из какого старинного наименования произошло название Чердыни, так равномерно не знают, было ли определенное место Перми Великой, которое бы називалось этим словом или вся страна пермяков? Я в своем мнении держусь последнего; но как не всегда правление Пермской земли пребывало в Чердыни, то не лишнее было бы разведать о всех местах, называющихся пермцами, начиная с погоста Пермского, на р. Пинеге с лишком в ш. 64° и в д. 62°. Что касается до особливого написания Перми Великой от Чердыни, можно из того догадываться что Пермь Великая приписана к Чердыни, как постороннему, а не к своему городу.

Кстати, о Сибирской губернии. В 1821 г. случилось мне быть в Вятке, и тамошний губернатор, покойный Добринский, смеючись рассказывал, что в России полагают и Вятку в Сибири, в доказательство чего припомнил разговор своих знакомцев. Но не правда ли, что языком знакомцев Добринского говорил современный дух Петрова века? Учреждения Великого живут в общей памяти без перемены, хотя они давно уже отжили.

27. Указ 15 апреля 1702 г. о покупке в Сибири для Придворной аптеки лекарственных растений, кореньев, каменного масла, мускуса и пр.

28. Из указа 20 ноября 1686 г. видно, что в поморских городах было тогда 71 000 дворов, а во время присоединения Вятки, Кунгура и Соликамска с Чердынью к Сибири не было и 3-й части той населенности.

29. Грамота к туринскому воеводе октября 1673 г. о содержании под крепкою стражею соучастников в государственной измене с бывшим запорожским гетманом Демкою Игнатовым Многогрешным. Они разосланы из Тобольска по городам Сибири, до Якутска и Селенгинска. Сим доказывается, что Селенгинск существовал прежде 1673 г., в опровержение *Краткого Показания,* в котором город сей выводится в 1680 году.

Примечание. Много и других узаконений, которыми я пользовался при составлении II периода и которые сюда не внесены, затем, что я не имел ничего особого сказать о них.

период III

О половины 1709 по 1742 год = 33 1\2 ГОДА

проспект ПЕРИОДА

Вот самая огромная губерния, какой никогда уже не будет в России, губерния, раскинувшаяся от берегов Вычегды до устья Камчатки, теперь улеглась под рукою одного правителя, того же самого, который, по словам Миллера, будто бы вместе с тем управлял и Сибирским Приказом. Надобно бы иметь в виду лучшие убеждения, чтобы согласиться с догадкою историка Сибири*.

В этой губернии трехпольное земледелие уже не первоучка, торговля, какая только могла образоваться, в немалом ходу, от истоков Туры до Шилки и обратно, первоначальные искусства, кдомоводству принадлежащие, начались; оставалось устроить внутри и вне страну добрыми учреждениями и переговорами с соседями, дабы тут утвердить скипетр на нешатком пьедестале. Но прежде нежели вступим в изложение периода, надобно свести решение задачи о сибирской населенности с цитатою государственных цифр.

Так как новая система разделения государства на губернии, по неготовности сведений и по трудности соображений, успела осуществиться только к началу 1711 года, то итог податных дворов, в 1709 г. конченный, показывал (1) во всем государстве 808 256, а в Сибирской губернии 49 824. Сколько же было дворов податного отдела в Сибири, без причисления приписных западных провинций? Мы полагали 31 676, следственно, примкнулось бы к Сибири, чрез присоединение провинций, 18 146 дворов, что и походило на правду. Ибо чрез 9 лет, т.е. в 1719 г., нашлось в приписных провинциях 24 334, собственно же в Сибири, при новом ея разделении натри провинции, показывается уже 37 096, следственно, в полной губернии тогда считалось 61 340 дворов. По какому-то волшебному удару, на двух пространствах Сибирской губернии количества дворов податных увеличились, в 9-летний срок, по шести тысяч; а потому и итог всей губернии увеличился шестью долями. Теперь пойдем своею дорогою.

Читатель, проходя с нами третий период, увидит в нем как бы пробу государственных приемов, с идеями, частью новыми, то утверждаемыми, то отставляемыми и опять возобновляемыми, тогда же или в начале IV периода. Наука управления и законодательства, подобно языку человеческому, есть наука вечная и отчаивающаяся когда-либо успокоиться в полноте совершенства, пото-

* Убеждение Миллерово основано на одной бумаге Сибирского Приказа, подписанной каким-то сибирским заседателем. Но в каком году и где подписана бумага? Не в Москве ли, во время президентства кн. Гагарина? Миллеру, в 1768 г. получившему десятка полтора сундуков с бумагами Приказа, легко бы подтвердить свое мнение положительными доводами, если бы мнение его было правдоподобно. Помоему, что за нужда кн. Гагарину тянуться за Приказом, когда Приказ с учреждением Сибирской губернии превратился в контору, заведывающую рухлядью, когда губерния отошла в прямое заведывание Сената и правитель ея подчинялся Сенату?

му что жизнь народов есть разновидный феномен духа и времени. Читательуповательно не оставит заметить одну неизменную истину, бросающуюся в глаза, именно, что при всех изменениях суждено было Сибири управляться общими с Россиею учреждениями и законами. Так тому и быть надлежало бы.

Представим, дабы вдруг обнять совокупность главных предметов периода, представим себя как бы в историческом павильоне, у которого на колоннах и по фризу читаются надписи следующих происшествий.

С половины XVII столетия помечталась казакам и промышленникам в Ледовитом море земля, то на Пустоплесье между Яной и Индигиркой, то против устья Колымы, так что сибирский губернатор предписал в 1711 г. по сказкам их дойти до пряма. Мечта эта, как оптическое видение, мерещилась то тому, то другому, не только до 1725 г., но и позднее, по уверениям Аф. Шестакова, надеявшегося подарить Сибири землю.

С 1712г. схимонах Феодор (митрополит Филофей) обращает остяков и вогулов в христианство, по примеру Стефана Великопермского. Шантарские острова осматриваются казаками. Казаки шалят в Камчатке и убивают троих старшин, и в том числе Атласова.

В августе 1713г. проехали чрез Тобольск китайские посланники к Акжхану*, для подговора его против контайши Рабтана.

1714г. Учреждаются фискалы по губерниям и провинциям для разведывания безгласных преступлений и злоупотреблений. Тщетное предприятие, едва ли извиняемое географическим неведением того времени, предприятие овладеть Яркеном и промыслом песочного золота на восточной стороне Мустыга. Бухгольц и Лихарев, после присланный для той же цели, делаются вместо того основателями Иртышской линии. Первая духовная миссия в Пекин, под начальством архим. Илариона Лежайского.

1715г. Первая постройка в Охотске судна для мореплавания в Камчатку.

1716г. Подтверждается разослать по губерниям учителей для обучения детей известному состоянию арифметики и геометрии, а без знаний не давать им жениться, в силу первого повеления 1714г.

1717г. Грамота государева посылается к чжунгарскому контайше о благоприятствовании экспедиции Бухгольцевой, и посланный с грамотою дворянин оставляется в Урге под караулом 8 месяцев. Ноября 17-го кн. Гагарин отбыл в столицу в звании губернатора; он успел соорудить в Тобольске каменный кремль, с таким же зданием через Прямской взвоз. Сей боярин, впоследствии злополучный, много содействовал устроению губернии и осведомлению о ней на всем пространстве.

1719г. Сибирская губерния делится на 5 провинций: Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую, Вятскую и Соликамскую; последние две называются при-

* Они с Волги возвратились в Тобольск в декабре 1714 г. и, сождав кн. Гагарина, в Петербург уезжавшего, отправились в Китай из Тобольска 16 января 1715г. Тулишин, один из посланников, в описании путешествия, конечно, преувеличил почести, в Сибири им оказанные, но нельзя оспаривать прав их на почетное гостеприимство наше, за дружественный и отличный прием Избранд Идеса, равно за продовольствие караванных людей. Впрочем, заметно, что кн. Гагарин по расчету не сделал посещения посланникам, как ехавшим к подвластному хану.

писными. Кн. Черкасский, комнатный стольник, назначен сибирским губернатором с правом избрать вице-губернаторов в зауральские провинции. В июне того же года отправлен в Пекин капитан гвардии Измайлов в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра.

1720 г. В заводских дачах Демидова, недалеко от Тагила, открыта асбестовая гора, названная Шелковою. В ней, между слоями рогового шифера, тянется узкая полоса горного льна. Миссисипской Французской компании дозволено отыскивать и разрабатывать руды по всей России.

1721 г. Послание Синода к православным Сибири, не осуждающее браков со шведами.

1722г. Иннокентий Кульчицкий, назначенный в Пекин для евангельской проповеди, как муж искусный в науках философии и богословия, посвящается в епископы с именем Переяславского, из осторожности, чтобы иезуиты пекинские не поняли назначения сего архиерея; но чего опасался император, то и случилось.

Губернатор открывает в Тобольске Надворный Суд, конторы рентмейстерскую и земскую; такие же конторы предписывает открыть в городах провинциальных. Измеряется 500-ю мерою дорога по Тобольской провинции*.

Дорога по Тобольской провинции измеряется 500-ю мерою. Тут ошибка. Надобно бы написать: дорога измеряется 700-ю мерою. В то время версты были семисотсаженные.

На Барабе опомещаются три укрепления под именем пасов: Тартасского, Каннского, Убинского, и дорога становится проезжею чрез ос. Чаусский до Томска. Полковник кн. Солнцев-Засекин поверяет в Сибири первую перепись по душам. В обозрении заводов уральских предшествует Геннингу Татищев, любитель отечественной географии и истории, он же во свое время и преемствует в управлении.

1723г. Основан Геннингом Екатеринбург. Геннинг доныне не забыт на Урале за уменье в должности и дельности в заводском управлении. Открыт в Тобольске магистрат, а по провинциям — ратуши, с зависимостью от губернского магистрата.

1724г. Назначается в Селенгинске обоюдная комиссия для развода спорной межи между Россией и Китаем. Отряду в 2000 солдат и драгун назначено следовать из Тобольской провинции за Байкал для поддержания переговоров. Тара, по роковому предубеждению, выпивает до дна фиал законного мщения и горести. Велено ввести в Сибирскую губернию 5 армейских и 4 гарнизонных полка на постоянные квартиры, а уральские заводы и слободы подзаводские ограждать от озорничеств башкирских палисадами и пушками.

1725 г. Следует через Тобольск Беринг в приличном числе флотских офицеров, геодезистов и матросов в Камчатку для решения вопроса: сошлась ли Америка с Азией? Он отправляется на судахдо Маковского, потом далее сухопутно или водою, и воротится не ранее 1730г.

1726 г. Томск, Кузнецк и Нарым отходят от провинции Енисейской к Тобольской.

* Это написано в *Сборнике,* но по Верхотурской дороге оставались 1000-й меры верстовые столбы, до моего малолетства и едва ли не до открытия наместничества Пермскою.

1727 г. Провинции Вятская и Соликамская причисляются к Казанской губернии. Уничтожаются по губерниям и провинциям лишние места и лица, конторы и канцелярии. Казачий голова Аф. Шестаков и драгунский капитан Павлуцкий назначены с командою и пушками к Северо-Востоку для приведения в подданство немирных коряков и чукчей. Озлобленные чукчи сделаются надолго неприязненными. Магистраты уничтожаются и заменяются ратушами.

1728 г. Разменен второй трактат между Россией и Китаем, в прошлом году заключенный, о торговле и разграничении от Аргуни до хребта Сабинского. Поручик Абрам Петров, отец Ганнибала, известного создателя Херсонской твердыни, строит по данному чертежу Селенгинскую крепость (2).

1729 г. Пропущены из Тобольска в Петербург посланцы от нового контайши Галдан-Церена.

В конце 1730г. посланники китайские проехали чрез Тобольск в Петербург, а другие — к преемнику Аюки-хана, для склонения его против Галдан-Церена. Первым от Двора замечено, что по подданству волжских калмыков неприлично бы Пекинскому Двору присылать на Волгу посланников. В конце того же года ожил Сибирский Приказ под председательством генерала г. Ягужинского, с изъятием Сибири из порядка общего государственного управления, так что Приказу отдано право определять всех чиновников в сибирскую службу, кроме одного губернатора*. Бунт в Камчатке; ос. Нижнекамчатский, церковь и пустыня Успенская разорены камчадалами.

1731 г. Охотск назначается начальственным местом всего Северо-Востока с Камчаткою и портом для морских предприятий на тамошних водах.

1732 г. Назначена в Камчатку духовная миссия под начальством игумена Варф. Филевского для обращения идолопоклонников. Майор Угрюмов отправлен к контайше посланником со свитою и в 1733 г. вывез русских полоненников вместе со шведским штык-юнкером Ренатом, который при прежнем владельце был взят около Ямышева и служил контайше военными знаниями против китайцев. Другие китайские посланники проехали в Петербург для поздравления императрицы Анны с восшествием на Престол. К сим учтивостям Пекинский Двор приведен не своими правилами, а победами, какие одерживал в Монголии славный Галдан-Церен, достойный имени первого Галдана. Вместе с теми посланниками явились на забайкальской границе особливые посланники, назначенные еще раз на Волгу, но они не были впущены в Сибирь вследствие прежнего объявления.

1733 г. Имянный указ в успокоение ясачных Охотского и Камчатского ведомств.

1734г. В Тобольске чрезвычайное наводнение, 7-ю вершками превышавшее прежнюю водополь, случившуюся за 96 лет. Абулхаир-хану, за приведение малой киргизской орды в российское

* Прежде в Тобольске начальствовал и бояре или лица из первых фамилий, но с сей поры, или, иначе, после кн. М. Ф. Долгорукого, не было губернаторов этой категории в продолжение XVIII века. Личная выслуга или случайное покровительство давали губернаторство, и то же надобно разуметь о Перми, Иркутске и Колывани.

подданство и за мнимое к тому же склонение аральского хана, — похвальная грамота. Поручено Кирилову возвесть укрепленный город при устье Ори. Сибирский Приказ торгует ревенем, который в 1727 г. отдан в народную торговлю, торгует с воспрещением частным людям под смертную казнью и под опасением заказненья всех животов. Татищеву, прежде помянутому, дается умный наказ для управления уральскими заводами, с полномочием заводить заводы в провинции Вятской, в Башкирии, на Алтае и в Нерчинском краю.

1735 г. Необычайное обилие серебра, вымениваемого на Кяхте за лошадей, скот и другие статьи продовольствия, закупаемые и китайцами и чжунгарами, для обоюдных войск. Третий Башкирский бунт, по поводу заложения крепости при устье Ори.

1736 г. Иркутская провинция, непосредственно подчиняясь Приказу, отделяется от начальства тобольского, с которым и списывается сообщениями. В половине сего года бывшему иркутскому вице-губернатору Жолобову за тяжкие клеветы на тобольских начальников, за разные противозаконные поступки и похищение казенного достояния до 35 000 р. отсечена голова в Петербурге, спустя 15 лет после суда, совершившегося над сибирским губернатором кн. Гагариным*. Местная летопись, похваляя Жолобова за знание вделах, обвиняетего в алчном мздоимстве и кровавой жестокости, чем доказывается, что есть перст, пишущий правду против корыстолюбия и бесчеловечия, даже при Эрнсте Бироне, который сам состоит подсудимым истории, за такие же неправды. Горные заводы переходят к пришлецу Шемберху, с именем генерал-берг-директора, которому Татищев подчиняется, потом перемещается в Оренбургскую комиссию для положения дела о Башкирском бунте на мере, дабы впредь не могло быть подобных замешательств.

1737 г. Камчатские сопки навели великий страх на полуостров.

1738 г. Требуются для Императорского зверинца из Сибири живые маралы, соболи, дикие лошади, бобры, барсы или тигры, пестрые козочки 5-копытные на каждой ноге (гиенны) и т.п. Двукратное требование редких четвероногих и птиц, затеянное обер-егермейстером Волынским, отменено после злополучной его кончины. Рассматривается вопрос: выгоднее ли содержать заводы казною или частною рукою? Вопрос сей можно бы переложить в следующий: кому легче найти знающих людей для заводского дела, казне или частномулицу? Падение горной промышленности решено, как между тем опытный заводчик Демидов успел перенесть с 1726 г. рабочие руки в веселые предгорья безыскусственного Алтая, сохранившего, однако ж, следы бывалых копей.

1739г. Снова со всею строгостию указывается для провоза товаров одна дорога чрез Верхотурье, и поэтому дорога, которую Татищев думал установить из Екатеринбурга на Кунгур, опять запала. Мастера с уральских казенных заводов, по представлению Шемберха, переводятся в Лапландию. Казенный караванный торг колеблется, и право его отдается в компанию капиталистов и знатных персон, как пояснено в следующем году. Не видны ли тут пальцы Бирона? Ос. Ямской заведен при Пенжинском заливе для надзора за коряками.

* В *Петерб. панораме сказано, что* кн. Гагарину отсечена голова 16 марта 1721, но достовернее известие Г. Бантыш-Каменского, пересказывающего в Словаре, что кн. Гагарин повешен 18 июля 1721 года.

1740г. Поставлено в обязанность прокурору Сибирской губернии, чтобы при представлениях Сенату и генерал-прокурору о преступниках, осуждаемых губернскою канцеляриею, он пояснял содержание дел и подведение законов, на каких именно состоится приговор. Историограф Миллер, возвращаясь из Сибири, увозит для Академии наук остов великого животного, лежавший у ворот Софийского дома, но какого животного, *Сборник* не умел сказать.

1741 г. Кабинет-министры определили дать знать Сенату, чтобы усилить в ос. Анадырском отряды строевой и казачий. Причина очевидна: данный толчок подается и отдается. Демидову позволяется устроить крепость при Барнаульском заводе, окружаемом пустынею и степными грабителями. Сибирской канцелярии дан наряд сблизить приличное число войск с границею, для наблюдения за движениями чжунгарского полчища.

Давно бы надлежало упомянуть, что жаждущий бессмертия Беринг вторично отправился в 1733 г. в Камчатку с флотскими офицерами, многими учеными, геодезистами и морскими служителями, числом до 200, для изведания устья Амура, определения расстояний между берегов Камчатки и Америки, для подтверждения первого решения о проходе между Азией и Америкой и для обогнутия Чукотского Носа, в связи с гигантским осмотром берегов Ледовитого моря от Двины. Давно бы надлежало сказать, что с 1734 до 1742 г. моряки наши странствовали по прибережным зыбям негостеприимного моря с неутомимостью, с самоотвержением, хотя и не удалось им достигнуть ожидаемых подробностей науки. Тут и там не доделано дело великое, как невидимая рука на пустынном острове выносит урну и ставит ее на ростральных обломках. История морская вырезывает на ней имена Беринга, Чирикова, Прончищева, Лассениуса и Лаптева; рассказывает их заслуги, труды, изнурения, жалостную кончину троих, и вот свинцовые буквы бессмертия! Читатель с сердцем не изгладит их и слезами.

Из хронологического обозрения, как здесь представлено, нетрудно усматривать: а) заботливость о распространении просвещения христианского и учебного, б) заботливость об улучшении образа управления, в) заботливость об умножении металлов извне и о домашнем распространении заведений металлических, г) заботливость об обеспечении сухой сибирской границы и об узнании границы приморской. Сии и другие неминуемые статьи будут оглавлениями периода, оканчиваемого воззрением на достопамятности сибирские.

ГЛАВА I
о просвещении

1. Просвещение христианское. 2. Миссия в Камчатку. 3. Духовные миссии в Пекин. 4. Самосожжения. 5. Строгости. 6. Просвещение, или грамотность, в состоянии духовенства. 7. Просвещение гражданское. 8. Геодезическое или навигацкое. 9. Грамотность солдатская.

Здесь речь идет о просвещении в двояком значении: о просвещении иноверцев в православной вере и о просвещении русских сибиряков в ученье. Начатки того и другого, особенно первого, принесены из рассадника киевского.

1. Митрополит Филофей, как муж ученый, напутствованный также учившимися монахами и бельцами, в числе которых надобно полагать и Григория Новицкого, деeписца, для того и отправлен в Сибирь, чтобы, во исполнение воли Петровой, распространить христианство в стране идолопоклоннической до самого Пекина. Между тем как Филофей строил и украшал храмы, поправлял монастыри, поновлял в Софийском соборе иконостас резьбою и живописью, рассудилось ему предварительно послать к Джебдзун-кутухте своих ученых для разведания о веровании ламайском и придать им молодых людей для изучения монгольского языка. Наши ученые достигли до куреня халхасского кутухты и ограничились рассматриванием буддизма. Кутухта, дабы показать гостям свою важность и благоговение поклонников, раз собрал тысячи две лам и, окруженный сею толпою, вошел в кумирню и, посидев на возвышенном месте, задал гостям вопрос: сколько в этот день родилось на свете? Наши ученые, как бы издеваясь над высокоумием, сами вместо ответа скромным образом предложили не менее забавный вопрос: сколько в этот день умерло людей в целом свете? Ответствовано, что в минуту вопроса много могло умереть: под тем же предлогом и гости отказались от решения нерешимой задачи. Можно верить, кутухта, напоенный из *Моря Притчей* и небылиц буддийской космологии, желал бы предложить и другие неприступные вопросы, но за недостатком доброго переводчика осталось неизвестным, чем кончилась степная беседа. Новицкий упоминает еще, что привезенные ученики, хотя и были приняты скоро, по замеченному к ним невниманию, возвратились в Сибирь без успехов. Посылка, кончившаяся без последствий, принесла, по крайней мере, Тобольской иерархии первое сведение о внешних обрядах буддизма и, быть может, о духе его. Нетрудно в этом ученье заметить некоторые истины наизнанку: самоотвержение с целью фиглярства, понятие об обожении человека в смысле земном, понятие о вечном Мелхиседеке чрез цепь перерождений, несколько похожих на мечтания пифагоризма. Истинно, буддизм есть море превращений индо-овидиевских.

В 1711 г. Филофей, оставив епархию и облекшись в Тюмени в схиму, погребся, так сказать, в один помысел о вечности; но с прибытием преемника его митрополита Иоанна*, губернатор кн. М. П. Гагарин, зная твердую волю государя об обращении иноверцев в христианство, предложил благочестивому схимнику все способы, от его власти зависевшие: судна, людей, толмачей, жизненные припасы и приличные предписания местным управителям для содействия обращению иноверцев. Таким образом, схимник поплыл из Тобольска вниз по Иртышу и чрез три дня остановился в остяцких юртах, поклонявшихся истукану в образе гуся. После увещания, какое было совместно с понятием слушателей, они согласились на сожжение

* От митр. Иоанна Максимовича, коего память доныне благословляется в Тобольске, остались в соборной ризнице три сочинения:

1. *Богородице дево.* Печат. в 1707 г. в Чернигове.
2. *Феатрон поучительный царям и князьям-владыкам.* Печ. там же, 1708 г.
3. *Богомыслие в пользу правоверных.* Втипогр. Свято-Троицкой Ильинской.

истукана и, однако ж, видели гуся, из огня вылетевшего. Далее проповедник доплыл до юрт, чтивших идола в образе человеческом, и также преданного огню; тут произошло смятение среди остяков, утишенное тем убеждением, что, когда идол сгорел, очевидно, что в нем не было божества. В Кондинском монастыре собрано было множество остяков, и первый из уверовавших в Бога Триединого был князец Алашев, который, для дальнейшего уразумения Христианской Веры, был соглашен съездить в Киев и возвратился, конечно, не без плодов. В этом году схимник видел и Березов.

В 1713 г. он вторично поплыл по Иртышу для утверждения новообращенных, равно и для привлечения необратившихся. В Атлымских юртах проповедниктерпеливо препирался с закоренелым заблуждением и, когда преодолел возражения, открыл купель крещения. Остяки, уже крестившиеся, сперва не соглашались на крещение жен и детей, но и это препятствие было побеждено. К смущению остяков, навернулся магометанский абыз, устрашавший их постами и упразднением многоженства, но этот соблазнитель был прогнан. Окрещено 3500 душ. Воображая чувственность, в какую погружены остяки, и трудность постов, установленных Церковью в климатах благодатных, нельзя не отдать похвалы Феодору, успевшему преодолеть прелесть двух сильных искушений.

В феврале 1714 г. наш благо вестник отправился из Тюмени в Пелым и ежедневным поучением уже в марте привлек вогулов к таинству крещения до 400 душ. В том же году посланный для обращения священник прибавил к стаду Христову до 300 вогулов. В июне сеятель Слова Божия еще посетил по Иртышу засеянную ниву и там, где прежде не останавливался, усердствовал насаждать учение истины вместо исламизма, начавшего вкрадываться среди остяков, по склонности к плотской необузданности и по легковерию к сластолюбивым обещаниям в будущей жизни. В Березове заранее были собраны остяки дальние; они, последуя примеру собратий, без сопротивления приняли таинство крещения, для дальнейшего же наставления в христианстве оставлен у них священник. При содействии губернатора уже строились церкви среди остяков. По возвращении из Березова схимник Феодор поспешил в Тюмень и в том же году навестил вогулов и заложил церковь.

В 1715 г. Феодор снова, услышав волю государеву (от 6 декабря 1714г.), чтобы ниспровергнуть идолов и божницы у вогулов, остяков, якутов и прочих и стараться обратить иноверцев в христианство, отправился на судах вниз по Конде и встретил необыкновенное сопротивление, даже покушение на его жизнь; но искренность в святом деле, чистота в намерении и сердечная доверенность к помощи Божией ополчили смиренного старца дивною неустрашимостью. Если бы не было с ним Господа (Псал. CXXIII), живого поглотила бы река, покрыла бы душу его, покрыли бы душу воды бурные. Наконец, юрточные старшины, пристыженные смелою доверенностью, предложили по своей простоте проповеднику примирить верование их с верою христианскою, странным образом:

а) окрестить кумира их и оставить;

б) не запрещать есть лошадиное мясо, как вкусное;

в) позволить им самим крестить своих жен и надевать на них кресты. Разумеется, что остяки доведены были до того убеждения, что напоследок признали свои предложения за несообразные с важностию дела.

Митрополит Феодор, по случаю кончины митрополита Иоанна, опять признан государевою грамотою к правлению епархии; и с 1716 г. он продолжал дело обращения чрез посылаемых священников. В конце 1718 или в начале 1719 г. он следовал в Иркутск, как в свое викариатство, и, прибыв туда в марте, проехал за Байкал, откуда, возвратясь в мае обратно, в том же месяце отправился водою. В это время, надобно полагать, духовные его, из Енисейска посланные, обратили в христианство чулымских татар и больше половины кистимцев, живших около р. Томи, недалеко от телеутов. Приятно думать, что муж апостольского духа недаром плыл по Ангаре, Тунгуске, Кети, и если не начертал он знамения креста на Барабе, причиною тому тогдашняя непроездность страны. Постройка церквей среди обращенных, жалованье священникам с причтами, жалованье и некоторым крестившимся, освобождение новообращенных из рабства, выключка их из подушного оклада и возвращение в оклад ясачный, все сии статьи, о которых ходатайствовал добрый пастырь, как подтвержденные в 1720-м и следующих годах, удостоверяют в уважении, каким он пользовался у правительства. История, однако ж, не находит доказательства, с чего приписывается митрополиту Феодору обращение иноверцев до 40 000 душ, которых счет вернее записан в книге животной.

2. Первая миссия в Камчатку отправлена в 1705 г. сибирским митрополитом Филофеем, в лице архимандрита Мартиана. Неизвестно, долго ли он проповедовал Слово Божие. Причина неуспешной проповеди состояла в междоусобии казаков и в возмущении камчадалов, как мы говорили во втором периоде. К прибытию вторичной Камчатской экспедиции было крещеных камчадалов не более ста душ; но достоверно то, что Успенская пустыня в Камчатке заведена помянутым миссионером. Другая миссия туда снаряжена не ранее 1732 г., но, к сожалению, эта миссия под начальством игумена Филевского, по вспыхнувшей внутренней вражде, прежде, нежели достигла места назначения, возвращена назад. Так как при составлении миссии предполагалось присоединить в помощь ея новгородских священников, за вины на житье в Якутск отосланных, есть некоторая вероятность полагать, что эти служители, по возврате миссии из Якутска, добровольно или по приказанию отправлены в Камчатку для продолжения начатого обращения*.

Во всяком случае историческая подлинность обязывает отнести общее об-

* В *Сив. вестн.* говорится, что монах Игнатий Козыревский был игуменом и миссионером Камчатки, — это совершенная ложь. Человек с окровавленными руками и случайно не наказанный не мог быть даже иеродьяконом. Он, из опасения наказания за соучастие в убийстве трех старшин казачьих, надел на себя в 1717г. клобук в виде покаяния, завел богадельню для престарелых в Успенской пустыни или заимке Якутского монастыря и заслужил у монастыря имя строителя. Может быть, в это время пройдоха выставлял себя миссионером пред простаками; но с тех пор, какой вызван в Якутский монастырь и против воли архимандрита в 1730 г. уехал в Москву, некогда ему быть проповедником Камчатки, потому что в 1732 г. туда назначен миссионер в лице Филевского. Что Козыревский после был расстригою, не мудрено, потому что оскорбленному архимандриту стоило написать о прежних злодеяниях его, чтобы запретить самозванцу-монаху носить покров иноческий.

ращение Камчатки к третьей миссии, которая там явилась в 1745 г., во исполнение указа, в 1742 г. состоявшегося.

3. Вселенский помысел Петра о распространении православия в землях китайских сколь ни величествен, доныне не осуществился, по скудельным ли сосудам, которым вверялась тайна благочестия, или по неготовности духа гобийского и загобийского. Там особые небеса, особые стихии жизни, даже животной, свои заблуждения вместо истин, утвержденные тысячами времен и миллионами отживших поколений, следственно, для возрождения поколений живых требуется время благоприятное, когда бы народная образованность возвысилась над тысячелетними верованиями, поняла тщету их и ощутила жажду к идеям высшего духовного порядка. В такое время воссияет с неба день спасения, лишь бы от севера явились души безмездные, души, водимые духом апостольства. Между тем пускай срочные духовные миссии предуготовляют стези провидения, пускай устилают стези сии взаимными связями, как вайями, до сближения двух великих государств.

Здесь заметим исторически, что первая миссия под начальством Илариона Лежайского, приехавшего иеромонахом в Тобольск с митрополитом Иоанном Максимовичем и, при производстве в чин архимандричий, пожалованного митрою, отправилась в 1714 г. в Пекин, где принята не только с отличным уважением, но и с радушием, по признательности к миролюбивой политике Петровой, не меньше и к обязательному приему китайских посланников, ездивших к Аюке-хану. Во вторую миссию назначался Иннокентий Кульчицкий, для сей цели в 1722 г. посвященный в епископа, но на китайской границе два раза не принятый, сперва под двумя маловажными предлогами, требовавшими особого рассмотрения о перебежчиках и о разграничении, а во второй раз, в 1726 г., потому, что Иннокентий в письме сибирского губернатора назван великим господином и что прежние два дела еще не кончены. Иезуиты нашептывали под ухо пекинского министерства, Двор Пекинский хитрил против старого соседа; но, когда время обнажило эту группу, нельзя не задуматься о коварстве братского ордена Иисусова, опасавшегося соперничества в лице мужа, который ехал на служение Иисусу, а не для происков у богдохана. Впрочем, в деле Божием приличнее придержаться той беспристрастной мысли, что, конечно, не приспело время открытию двери во языки. Итак, вторая миссия поручена зауряд архимандриту Антонию Платковскому, который в 1729 г. уехал в Пекин с братией, с причтом и тремя учениками языков и который в 1731 г. отдельно возвращен из Пекина*, как бы в наказание за клеветы против блаженного Иннокентия, если в самом деле он клеветал. Третью миссию составлял, с прибавкою братии и троих учеников, архимандрит Посольского монастыря Иларион Трусов, бывалый в Пекине при караване в звании иеромонаха. Для умножения православных христиан в столице деизма и буддизма, архимандриту отпускались из казенного каравана деньги на кресты, на образа и на содержание китайцев новокрещеных; правительство поддерживало мысль Петра

* Подробности миссий можно читать в *Сиб. вестн.* (1822), только нельзя согласиться во времени возвращения арх. Платковского. Сенатский указ мая 1732 г. об избрании в Пекинскую миссию людей ученых и добрых заставляет» полагать, что Платковский возвратен в 1731 г. Обстоятельство не важное!

Великого, бросало семена на китайской земле, но плоды скоро засыхали. Иларион там скончался в 1741 г. Один плод, и тот посторонний, увидели по части лингвистики в успехах ученика Рассохина, которому по возвращении из Пекина, в 1741 г., поручено вместе с обрусевшим китайцем Ф. Петровым обучать китайскому и маньчжурскому языкам при Академии наук*.

4. При усилиях, какие делала Тобольская иерархия вместе с викариатством для обращения язычников подданных и заграничных, она, конечно, неравнодушно видела около себя отторжения коренных чад Церкви, и, что удивительнее, во время митрополита Феодора толь ревностного к христианскому благочестию. Бедственные самосожжения закурились между Тарой и Тюменью, двумя 1 ородами, в которых издавна запали коренные старообрядцы. В 1722 г. близ слободы Каркиной (Ишим) в пустыне какого-то Смирнова сожглось неизвестное число раскольников, также — близ слободы Атбашской в деревнях Выровской и Зырянской, а в 1724г. за Пышмою — 145 душ, прочие же разбежались. Толь отчаянное самоистребление надобно приписывать не одному упорному ослеплению, но и духу времени. Вместо того, чтобы врачевать отпадших детей Церкви, как больных, кроткою и сострадательною беседою, тогда смотрели на них с отвращением, даже с остервенением; но истина худо произносится устами желчными, худо и слышится ушами обиженными, и чтобы расстаться во вражде, довольно оскорбительного слова и оскорбленного слуха. При таком разладе умов раскольники бегут от стыда, каким в России их преследуют, в Сибирь, а в Сибири (ук. 28 июля и 15 октября 1722 г.) ловят их для отсылки в Рогервик; естественно, они прячутся удобродушных мирян, и в скорби, которая умеет быть увлекательною, внушают им тайну лжеучения за истину гонимую. Язва слабоумия раздраженного опасна! Она тем более заражает, чем менее исцеляется. Синод, по случаю сибирских бедствий самосожжения, в 1726 г. (15 января) в пастырском увещании сетует против лжеучителей раскола, что они, презрев закон Божеский и естественный, вовлекают людей простодушных в самовольную погибель. Это истинно, но, чтобы вдохнуть истину в души помешанные, требуется от местных увещателей орган кроткий, терпеливый и сердечный.

5. Кстати здесь упомянуть, как поступали тогда с оскорбителями церковных уставов и благочиния. В 1726г. якутский служивый Сургучев судился за дерзкие речи против уставов Церкви. Из производства дела (сенат, ук. 27 марта) видно, что отступник после увещаний был жжен в Тобольской губернской канцелярии и остался при своем заблуждении. Это случилось чрез 37 лет после сожжения в Москве еретика Квирина Кульмана. Сургучев послан в Соловецкий монастырь, впредь до исправления.

6. Изложив ход и дух просвещения христианского в Сибири, мы обращаемся к просвещению учебному, по состояниям, начиная с духовного.

Духовные, первоначально переселявшиеся из России в Сибирь, переда-

* Рассохин за успехи произведен прапорщиком, по примеру геодезистов. Преподавание двух помя нутых языков введено на смену японского, начавшегося при Академии с половины 1736 г. и прекратившегося в 1739 г. за смертью обрусевших японцев Козьмы и Дамьяна, взятых от Штинникова. А. Богданов, занимавшийся японским языком при той же Академии и упомянутый в VI томе *Энцикл. Лексикона,* есть сын японца, в 1710г. спасшегося на берегу камчатском и посланного в столицу.

вали своим детям знание в церковной азбуке, уставом или полууставом переписываемой, труднейшей, чем алгебра*, потом в чтении псалтыри и церковных книг, вместе с тем и в пении, как в поэтическом восклицании души к ея виновнику. Огонек грамотности долго таким образом горел и не разгорался под семейственными кронами, пока устроились монастыри и архиерейские домы, в которых, без сомнения, имелись экземпляры печатной в 1637 г. азбуки Бурцева и последовавших изданий. Около настоятелей монастырских, как начальников известного числа церквей, по неизбежной надобности завелись досужие наставники юношей; а когда архиереи, уроженцы малороссийские, стали приезжать в Сибирь с учеными духовными, искусными и в иконной живописи, сии лица, особливо с 1722 г., когда явились вновь отпечатанные буквари и катехизисы, уделяли свои досуги на обучение юношества церковному кругу и приятному мастерству. Так, напр[имер], мы знаем из достоверных известий, что в Иркутском Вознесенском монастыре было училище на содержании епископа Иннокентия Первого, и тут же другое училище для монгольского языка при известном архимандрите Платковском. Тем более ревновали о распространении грамотности пастыри Западной Сибири, как окружаемые нарочитым числом людей учившихся. Припомним киевские рапсодии.

Славяно-греко-латинская академия со времен Феодора 111 могла быть матерью повсеместного духовного образования, но Москва, по тогдашним отношениям общежития, казалась слишком далекою от Сибири. В 1723г. Синод приказывал присылать отовсюду молодых монахов в академию, но по отчету 1727 г. видно, что из Сибирской епархии там учился один молодой иеродьякон, да и тот из 1 -го класса отпущен в Сибирь безвозвратно. Ученье постепенное и долголетнее пугало не одних сибиряков.

Здесь прилично предъявить к сведению, что в Сибири не было установленных училищ или семинарий до 1743 г., несмотря на желания, повеления, надпоминания Петра Великого и на духовный регламент, требовавший установления семинарий. Мы не хотели бы грешить против памяти архипастырей, но нельзя не указать на причину холодности их к заведению семинарий; она скрывалась в статье самого регламента, требовавшего, чтобы учащихся содержать на счет монастырей и церквей достаточных, а учителей содержать самим архиереям, на счет своих доходов.

7. Некоторые думают и пишут, что образование тобольского юношества много одолжено военнопленным шведам, давшим, по словам лекаря Беля, концерты отТобольскадо Енисейска. Напротив, Тобольску памятна одна их услуга — отстройка каменного кремля, от которого и ныне остается твердыня среди Прямского взвоза, вмещающая губернский архив. Конечно, некоторые из шведских офицеров могли учить в начальнических домах немецкому языку, рисованию, черченью, музыке и танцеванью, но такое образование не принадлежало земле, потому что не подходило под нравы народные. Ученики их, в числе 4 или 6, с отъездом своих отцов блестели в России, если было чем блестеть. Сибиряки исстари чуждались иноземцев происхождения неславянского. Доказательством послужит домогательство шведов жениться на сибирячках и вместе испытанная безуспешность най-

* Легко ли было научиться, что Буки — Он — Глаголь — Ер: БОГЪ?

ти охотниц для такого замужества. Татищев во время первого своего командования на Урале желал употребить по заводам несколько шведов, горное искусство знавших, с обещанием исходатайствовать им законную возможность ко вступлению в браки, но ни манифест, ни указ синодский, по сему обстоятельству последовавшие, не подействовали на мнение народное. Тогда правительство не нашло лучшей меры к сближению сибирских семей со шведами, как поручить Синоду в 1721 г. (18 августа) написать к православным послание и именем Церкви, из священной истории и Библии пространно доказывать о незазорности браков со шведами. История не знает последствий.

8. Лучшее и полезнейшее образование, к какому руководствовал преобразователь России, было бы геодезическое. Он два раза, в 1714 и 1716 гг., приказывал обучать детей секретарских и подьяческих арифметике и геометрии, без чего не позволять им и жениться, и в третий раз велел разослать в каждую губернию по два учителя из математической школы гр. Апраксина; но, к сожалению, по малочисленности мальчиков, по новости дела, по недоверчивости родителей, как и в России, потом по причине хлопот тобольских должностных людей, замешавшихся в гагаринское следствие, наконец, по 4-летней небытности губернатора присланные учители удовольствовались одним сочинением ландкарты Тобольского уезда. В 1728 г. Сенат при новом распределении геодезистов по губерниям упрекает Тобольскую губернию за малоуспешность в доставлении карт, но не любопытствует о заведении школы. Года за два до того присланы были и в Иркутскую провинцию 4 геодезиста для составления забайкальской карты, как необходимой при переговорах с китайцами о положении границы. Они оставались в Сибири до Второй Камчатской экспедиции. Сословие геодезистов, употреблявшихся во всех важных посылках, начиная с Евреинова и Лужина, в 1719 г. посыпанных для осмотра одного из Курильских островов, оказало большую услугу описаниями топографическими и определением широт, где нужда требовал а; но нам представляется не излишним здесь заметить, что местного геодезического заведения не было во всей Сибири прежде второй половины XVIII столетия.

Правда, что начало Охотской навигацкой школы, в которой полагалось учить грамоте, арифметике, навигации и другим вспомогательным предметам, относится к 1732 г., но по малому числу морских детей и по недостатку наставников школа могла оказать успехи низшей степени.

9. Говоря о грамотности страны, в каком бы состоянии она ни проявлялась, с удовольствием надобно подивиться, что солдатские дети, обучаясь грамоте в гарнизонных школах, числом до 80 и более, занимали места писарей при полковых дворах, при сборах и счетах народных податей и небольшим знанием служили как военному начальству, так и стране в посторонних местах.

Из сего следует, что особы, начальствовавшие по духовному и гражданскому служению с окружавшими их, могли быть учеными или образованными, что правительство для всех поручений, где требовалось знание или искусство, присылало особливых людей и что местные городские толщи ограничивались обыкновенною грамотою, приспособленною к их определенным состояниям. Исключить можно нескольких посадских, которых руки начинали приниматься за два искусства: иконопиство и орнаментную церковную резьбу из липы. Купец Мясников не был природный сибиряк,

Мясников, в 1739 г. вызвавшийся пред правительством, что может научить китайским мастерствам: давать красной меди вид золота и делать фонари из рогов. Правительство все ему дало, чего он ни желал, и способ еще раз побывать в Пекине, и учеников из молодых сибиряков, и пособие переселиться ему с семьею на Стрелку при Никое; но следы обещанных искусств дожили до нас не на Стрелке, а в чертах благоволительного указа. Недурно и то, что шарлатан был не из сибиряков.

ГЛАВА II

О составе управления

1. Силы СИБИРСКОЙ губернии. 2. Доходы неокладные. *3.* СПОСОБЫ казенной тревовательности. 4. Очерк губернского управления при Петре Великом. 5. Продолжение по части управительной. 6. Очерк губернского управления с 1726 г. 7. Раздробление Сибирской губернии.

1. Представляя состав Управления в новом размере Сибирской губернии, мы находим по цифрам 1711 года, что в отношении к целому государству троякая сила состояла: а) в 1/16-й доле относительно к числу податных дворов; б) в 1/14-й относительно к доходу, или 220080р.; в) в 1/20-й относительно к гарнизонным полкам, потому что находилось только два полка.

Изменения сил естественны в стране живой.

1722 г. По первой переписи податных душ в государстве 5 000 000, следственно, разделив на 815 300 дворов, снова в 1718г. пересчитанных, вышло бы на двор по $6^1/_8$ мужеска пола. В том же году по части Сибирской губернии показывается 61 430 дворов; следственно, полагая на двор по 6 человек м [ужекого] п[ола], выходит почти такое число, какое у правительства выведено через два года, т.е. 369 003 податных людей, кроме инородцев. Поэтому податная мужеская населенность полной губернии в отношении к государству составляла $13^1/_5$. В 1727г. по первой же переписи, но выправленной, нашлось в государстве 5 528 742 податных; в Сибирской же губернии, состоявшей только из трех зауральских провинций, вышло 169 868 податных душ, включая в то число и приписных к уральским заводам 25 060*.

Поэтому податная населенность, собственно сибирская, составляла в отношении к государству 33-ю долю и, полагая в отдельной Сибири по переписи

* К началу III периода выведено податных душ	130 957
От естественной воспроизводимости, или чадородства, в 27 лет, начиная с 1710 года выйдет	31 596
Ссыльных в 24 года по известному правилу поступило бы	7 482
Всех вышло бы	170 035

Если полагать, что не все ссыльные дошли до места, чего нельзя и отрицать, тогда следует дополнить deficit включением податных казачьих семей, которые вносились в подушный оклад при первой переписи, даже в Камчатке, сколь мало их там ни было. Таким образом, правдоподобная Табель сибирской населенности оправдывается государственными цифрами, в числе и дворов и ревизских душ.

1722 года 37096 дворов, выходит на двор только по 4 мужчины, как и в нашем дворовом счете выйдет. Не останавливаясь здесь на постороннем недочете 80 516 ревизских душ, в России 1730г. замеченном против переписи 1727г., мимоходом упомянем, для сравнения с нашим выводом, что в 1732 г. показано по Сибири ямщиков м[ужского] п[ола] 6723 души. Таков отчет о силе населенности!

Подушный государственный доход, сообразно переписи 1722 г., мог восходить в Сибирской губернии до 300 000 р. со включением посадского оклада, без прибавки оброчных 40 к., вскоре отмененных взамен десятинной пашни. Ясачный оклад по 3 соболя, или по 210 к. (не везде и не всегда), и десятинный хлеб также относились к окладным доходам. По *Сборнику,* с 1722 г. губернатором кн. Черкасским положено обрабатывать по 3 десятины казенной пашни, конечно на двор, но не сказано, в каких именно уездах; положив же по 30 с лишком пудов с десятины, податный двор внес бы около 100 пудов, или около 5 р., полагая по 5 к. пуд. Взяв отдельно Сибирь, согласно с цифрою 1727г., она могла приносить подушного и посадского дохода до 112 000 р., не считая ясака и десятинной пашни.

Из введенных в 1724 г. в Сибирскую губернию на постоянные квартиры полков армейских и гарнизонных, после отделения приписных провинций, могли остаться в Сибири 2 гарнизонных в прибавок к прежним двум, из которых один в 1725 г. ушел за Байкал и именовался там Якутским. В 1727 г. (указ 23 марта) велено составить особый отряд в 1500 чел. для охраны Якутской области с Камчаткою и Северо-Востоком, и сей отряд почти весь составлен из казаков. При Петре II в расписании сибирских полков действительно показано 4 гарнизонных: Сибирский, Тобольский, Енисейский и Якутский, расположенный частью в Иркутске и за Байкалом. После второго разграничения с Китаем учреждены по границе из селенгинских бурят и тунгусов 3 полка, вполовину против казачьих, и пожалованы им знамена*. В 1736 г. велено вновь в Сибири сформировать один драгунский полк и пехотный батальон из сибирских дворян, казаков и ихдетей, с определением офицеров из полевых полков. К тому надобно прибавить годную по Уралу команду до 200 чел. Само по себе разумеется, что сословие казаков, чувствительно уменьшавшееся в числе от неоднократного отделения в строевые полки, не переставало существовать в прежних правилах.

Вот общие выражения трех сил: **населенности, дохода окладного и обороны,** в продолжение III периода!

2. Неокладные доходы: таможенный, кабацкий, пиво-медовый, табачный,

* Как и где размещены были отряды гарнизонные в прибавок к казачьим отрядам, можно частью видеть из акта 1701 г., на стр. 67-й в XII[томе (П. С. З.) напечатанного. «Изтобольских пехотных полков быть в Кунгуре капитану с ротою, в Екатеринбурге и Омске — по роте с капитаном, в Ямышеве — майор с двумя ротами, в Семипалатной — капитану с ротою, в Томске — майору с двумя ротами, в Кузнецке — капитану с ротою, в Иркутске также, в Селенгинске — одному батальону, в Нерчинске — капитану с ротою, оставляя прочие в распоряжении губернатора». Но Сенат, поправляя, полагает возложить это распределение на Сибирский Приказ, как знающий наличность служивых казаков, не касаясь Селенгинска, где есть один полк, а другой надобно составить за Байкалом для пограничности. Мнение Сената сбылось в 1736 году.

карточный. Для примера выпишем из *Сборника* два тобольских итога, в которых опять является статья карточная, даже после запрещения 1717 года.

	1714 год	1721 год
Таможен.	8953 р.	4340р. 91 к.
Кабацк.	17019р.	18331р. 45 к.
Пиво-мед.	1790р.	1658 р. 60 к.
Табач.	1123р.	2697 р. 50 к.
Картон.	25р.	39 р. 40 к.
Всего	28910р.	27 067 р. 86 к.

Если положить по половине в Енисейске и Иркутске, по четверти в Якутске, Томске, Таре и Тюмени, по шестой доле в Красноярске, Селенгинске, Кузнецке и Туринске, по $^{1}/_{56}$ — в Березове, Туруханске, Нарыме, Кетске, Маковском и Илимске; если положить таможенного дохода по 20 тысяч в Верхотурье, как в Нерчинске, по словам гр. Владиславича, и по шестой доле прочих сборов против 28 тысяч тобольских, то сумма неокладного годового дохода в сибирских городах равнялась бы 127 000 р.

Единовременные денежные поборы, по городам изменявшиеся, как то: канальные* и другие, не относятся сюда. Для канала Ладожского требовалось с души по 70 к., а в 1720 г. — по 20 к. с двора.

В *Сборнике* написано, что в 1722 г., при введении нового губернского порядка, губернатор положил подымного по 5 рублей, чему нельзя верить. Но, как это неосновательное утверждение с чего-нибудь взято, может оно быть принято с двояким изъяснением: или разумелся под тем оклад 3-десятинной казенной пашни с двора земледельчествовавшего, или платеж подушных и других сборов с известного числа душ, приписанных ко двору, для облегчения взыскания.

3. Для взимания податей личных и денежных, равно и для содержания войска на постоянных квартирах, употреблялись с известного времени два способа.

1-й, писцовый, по которому число дворов всего государства разделено на $146^{1}/_{2}$ доли, а в доле полагалось 5536 дворов. Поэтому в полной Сибирской губернии считалось 9 долей, впоследствии, с 1720 г., — 10 вытей.

2-й, новый. На содержание постоянно квартирующих полков назначались не деньги из казначейств, а подати с крестьян по расписанию, по которому на содержание солдата пешего причиталось $35^{1}/_{2}$, на конного — $50^{1}/_{4}$ души ревизской. Полковники сами чрез свои средства сбирали полковые оклады. В Сибирской губернии, пока пребывала в соединении, на содержание 9 полков было отчислено 355 042 души, кроме первых двух гарнизонных, стоивших 17000р.

Первый способ, при напрасной замысловатости, был сложен и нетверд, потому что при поправках переписи, хотя он и мог дол го держаться неизменным в числе долей, подлежал частым из-

* С 1830 до 1833 г. производилось в Тобольском губернском суде дело о наделении землею крестьян Байкаловской волости из татарских дач юрт Бехтеревых. Из выписки писцовой переписи, в 1719г. произведенной тобольским дворянином Цыбульским, видно, что ясачные платили канальных по 70 к. и прорубных — по 3 к., так что с соболиным окладом иной платил по 316 к., иной — по 293 к., иной — по 250, а со вдов — ничего. Разность платежей показывает добровольную раскладку, при самой переписи условленную.

менениям в количестве дворов долевых, отчего писцовая доля, потом выть, изменялась в числительности, как монета по курсу*. Но, независимо от слов «доли» или «выти», при требованиях правительства простое число дворов оставалось предпочтительным способом, пока оно, до окончания первой государственной переписи,не заменилось числом душ.

Второй способ, в важном намерении придуманный, вышел бременем для крестьян, потому что полковник, живучи среди них в штабном дворе, принимал роль феодального владельца, особливо при мягкости или потворстве губернатора. С 1726 г. правительство делало неоднократно строгие предписания насчет своевольств со стороны штабных дворов и их сборщиков, но дело шло своим чередом.

4. Губерния, равно и провинция, состояла из городов, города — из дистриктов, дистрикты — из слобод, слободы — из деревень.

Города были 5-ти классов. К первым относились даже те, в которых было дворов от 2—3 тысяч, как Тобольск и Иркутск; к последним и — слободы, имеющие дворов меньше 250. Купцы и посадские делились надве гильдии, ремесленники на цехи с 1722 г.

Канцелярия губернская или провинциальная была место управительное, иногда следственное и иногда судное. Губернатор или провинциальный вице-губернатор в ней председал. С 4 апреля 1714г. установлен порядок протоколов и голосов. Недовольные постановлениями канцелярии жаловались в Приказы, потом, с 1720 г., — в коллегию, по принадлежности.

Контора рентмейстерская хранила доходы, вела расходы, давала счеты камериру. Контора земская вела по губернии или провинции счеты месячные, годовые и валовые. Она управлялась камериром, который получал отчеты от рентмейстера и земского комиссара. Комиссару земскому сверх сбора податей наказано смотреть за благонравием, хозяйством и благочестием жителей подведомого округа. Все эти места и чины подчинялись канцелярии.

При канцелярии губернско-сибирской и провинциальной состояло известное число дворян и детей боярских, для разных поручений и посылок. Еще в I периоде, когда не был о дворян, при Избе Приказной тобольского воеводы кн. Сулешева состояло боярских детей 33.

Где есть надворный суд, там судные дела не принадлежат канцелярии. В нем был судья с заседателями, а за правильностью решений наблюдал прокурор подполковничьего чина. С 1727 г. велено (3) сибирскому губернатору председательствовать в Тобольском надворном суде, по вопиющим беспорядкам, какие им усмотрены.

Власть надворного суда простиралась не далее 200 верст. Вне сего расстояния иски, не превышающие цены 50 р., разбирались судебными комиссарами, которые сделались, особенно в отдаленных местах, самовольными судьями и исполнителями своих приговоров, по делам даже уголовным. Иски, превыша-

* Так, например, при переписи 1710 года дворовое число государства от разных бедствий упало до 606 000 вместо 808 000 — числа, в 1711 г. выставленного правительством со счетов прежних годов. Поэтому дворовая доля 1710 г., содержала в себе около 4153 дворов. Впоследствии доля называлась вытью, со указу 1720 г., 20 июня. Что ж касается до выти ямской, она имела особое значение и состояла из 4 семей, или тяглов (ук. 20 февраля 1703 г.).

ющие цену 50р., судились по-прежнему воеводами и их товарищами*, или так называемыми воеводскими (городскими) судами. Апелляция на воеводские суды и на судебных комиссаров шла в надворный суд, а на него — в Приказ по принадлежности, потом — в юстицколлегию.

Губернский магистрат, от которого зависели ратуши провинций, сам зависел не от губернии, а от главного магистрата, окончательно решавшего дела исковые и уголовные, если не примешивались люди посторонних ведомств.

В каждую из двух столиц приезжало от лица губернии по комиссару для принятия указов из высших мест и Сената.

Сибирский Приказ, с открытия губернии, заведывал доходами мягкой рухляди, а дела по управлению принадлежали Сенату на общем государственном основании.

5. Сибирский губернатор был хозяин губернии во всех отношениях, с властью и над военною силою. Обер-комендант был его помощником по гарнизону.

При губернской канцелярии был совет из одного ландрихтера в виде товарища и 9-ти ландратов, по числу долей. Голос губернаторский равнялся двум. Ландраты по делам особой важности посылались в свои доли, которых комиссары им подчинялись**.

При вице-губернаторе провинции полагалась 3-я доля ландратов против губернии. Они упразднены после введения в Сибирь гарнизонных полков.

В 1714г. положены в содействие губернаторскому правлению 4 фискала, кроме которых еще в каждом городе по 1-му, с допущением в сие звание и посадских. Фискалы сперва начались при Сенате. В губерниях им удавалось проникать в черноты и неправды.

В 1725 г. (20 апреля), при начале другого царствования, действия фискалов, поддерживавших вероятности своих доносов разглашением опорочиваний, ограничены.

Фискалы духовные учреждены также при Петре Великом, с именем инквизиторов и протоинквизиторов. Им даны инструкции, но по Сибири не слышны их подвиги.

6. Настала смена учреждениям Петровым, смена, дабы уменьшениями расходов облегчить казну, в могущественное царствование исчерпанную на широкие, безостановочные предприятия. Подражание балтийскому ландратству исчезло.

В Сибирской губернской канцелярии вместо ландрихтера являются два товарища прежде 1735 г. и вместо дьяков с 1726 г. — два секретаря. С 24 апреля 1725 г. при губернской канцелярии определено 50 дворян и 100 боярских детей для рассылок и поручений***.

Надворные суды уничтожены, и право судное отдано канцелярии губернской и провинциальной. Прокурору упраздненного суда прилично бы перейти в канцелярию, но он удален из губер-

* Воеводы сами выбирали в товарищи, кого хотели, но с 1701 г. сотовариществовали им дворяне от 2—4, смотря по величине города. Эти дворяне в Сибири были так называемые сибирские, происходившие из детей боярских.

** Некоторые сомневаются, чтобы в Сибири были ландраты. Для их убеждения указывается инструкция, в 1719 г., января 2-го данная двум геодезистам, которым сибирские ландраты обязывались помогать в пути до Охотска.

*** Последнее о числе дворян и детей боярских взято из бумаг дома Павлуцких. Очевидно, что те и другие служили вместо штатных рассылыциков прочих губерний.

нии, будто бы по злонамеренности Остермана, мужа по Нейштадтскому договору незабвенного, обвинявшегося при его осуждении и за уничтожение должности прокурорской. Губернский прокурор в первый раз увидел Тобольскую канцелярию в январе 1732 года. Ему в октябре 1740 г. Сенат заметил три уголовных дела, вопреки Уложению канцеляриею вершенных, и впредь велел основательнее доносить себе и генерал-прокурору о приговорах. Человеколюбивое внимание Сената к преступникам не должно быть проронено для читателя, когда оно мирит душу его с временем, которое слывет не так веселым.

Судебные комиссары по дистриктам уничтожены, и судное право перешло в воеводские суды. Вообще, суд и расправа отданы губернаторам и воеводам.

Конторы земские и рентмейстерские уничтожены также по всей Сибири. В одном Тобольске оставлена рентмейстерская с камериром, арентмейстеры и комиссары упразднены.

В 1727 г. велено полкам расположиться при городах, и с тем вместе сборы податей возвращены губернаторам и начальникам провинций. Тут опять являются земские комиссары и исчезает камерир.

В октябре 1730г. полки перемещаются из городов на прежние, так называемые вечные квартиры. Дворы штабные возобновлены и снова вступили в обязанность обора народных податей, вместе с земскими комиссарами. Прежние неправды, уже забытые, не замедлили возобновиться и дойти до высшего сведения. В августе 1731 г. от правительства предписано, чтобы ни сами полковники, ни их подчиненные не делали по Сибири разорений и обид уездным жителям, и последним подтверждено право жаловаться на воинские команды и канцелярии. С другой половины 1736 г. сборы податей опять возложены на губернаторов и воевод, с придачею им отставных офицеров, дабы прекратить усмотренное грабительство воинских рук. Нельзя без глубокой признательности помышлять, как правительство, бдящее над беззащитными гнездами своих подданных, испытывает и переменяет меры, дабы оградить их от расклевов; но без прямой любви к ближнему, изучаемой в училище христианского благочестия, достижение цели едва ли будет доступною задачею? Образованность состояния лучшего и грамотность низшего, как творения самолюбивой умственности, раздражающие жизнь и роскошь, притязаниями на жизнь и роскошь, уносят, по несчастию, мимо цели.

Докончим. Губернские магистраты, эти прекрасные заведения, вместе с их главою — главным магистратом, на который возложено Великим Зодчим создать рассыпанную храмину купечества, уничтожены в июле 1728 г. и заменены ратушами, с зависимостью от губернии или провинции. В марте 1732 г. учрежден в С.-Петербурге магистрат в видах местных, без связи с ратушами.

Полиция учреждена в одном из сибирских городов — Тобольске в 1733 году (у к. 23 апреля) *, а в марте 1737 правле-

* В 1739 г. по описи полиции оказалось в Тобольске 2639 домов, а по описи архиерейского дома, за
6 лет пред тем деланной, было на горе 1166. под горою — 2135 домов. Жителей 12 649, и в том числе 5724 м[ужского] п[ола]. Разность домов можно изъяснять пожарами, а знатное превосходство ж[енского] п[ола] — частыми рекрутствами и безвозвратными командировками казаков.

ние полицейское возложено на ратуши по всем городам.

Фискалы провинциальные и городовые в июне 1729 г. отозваны на смотр в Сенат из Сибири, в которой, по прихотям обер-фискала Нестерова, определялись недостойные. Годные из них распределены в военную службу.

В сентябре 1732 г. учреждены обер-фискалы и фискалы по военному ведомству с тем, что, если не докажут на суде своих доносов, подвергаются наказанию, какому бы подлежал обвиняемый ими. Условие справедливое!

В декабре 1730 г. Сибирский Приказ восстановлен в прежнюю силу, под начальством генерала гр. Ягужинского, с предоставлением сему месту определять чиновников к должностям да вице-губернаторов, исключая одного губернатора, с непосредственным заведыванием всех дел, но не без ответственности пред Сенатом. Причины, побудившие к изменению общего порядка, Петром Великим введенного, очень частны, именно, что сибирские воеводы, до 1710 г.состоя в непосредственном подчинении Приказу, прямо доносили ему, мимо главных тобольских воевод, хотя сии бывали в чине боярском, а ныне, с присвоением власти одному лицу губернатора, все прочие сделалисьбезгласными. Нет приличия опровергать эти суждения, а довольно привесть себе на память прежнюю неурядицу, побудившую правительство к сосредоточению управления.

Соображая перемены, в сей статье означенные, и обращаясь к первой коренной мысли, что будто бы оне решены для уменьшения государственных расходов, когда во всех сибирских казначействах едва ли от того сбережено 5000 р., история страны убеждает в одной истине, что при частой перемене выдумываемых распоряжений умы жителей становятся равнодушными к нововведениям.

7. Сгромозжение и раздробление Сибирской губернии невольно следовало своему притяжению и своему оттолкновению. Сперва молва о богатстве и благоденствии сибирском влекла людей к востоку, потом зауральская полоса населенности, из 25 000 приписанная в заводские работы, не так легкие, показалась сомнительною межою между известностью и неизвестностью. Одним угрожаемым какою-нибудь бедою, одним раскольникам и беглым рекрутам стали пристанищем демидовские заводы*.

В этом расположении обстоятельств правительство в 1727 г. усмотрело средоточие для провинций Вятской и Соликамской в Казани. Где ж теперь западный предел Сибири? Пояс Уральского хребта, с покатями на запад, принадлежит Сибирскому Управлению в общем смысле, а в отношении искусственном, хозяйственном и судном — горному начальству, с правом апелляции на обербергамт в Сибирскую канцелярию (ук. 30 июня 1732 г.), прежде же, до 1715г., равномерно и до 1711 г. при первом существовании Рудного Приказа, заводско-уральская часть заведывшшсь сибирским губернатором во всех отношениях.

По соображению подобных побуждений, когда постепенно в Иркутске свивалось средоточие отдаленных удовлетворений для Камчатки, Якутска, Нерчинска и Кяхты, провинция Иркутская возведена в начале 1736 г. на чреду губернской самостоятельности и обрезала Енисейскую.

В 1723 г., сентября 20-го, Демидов штрафован за держание 150 беглых рекрутов.

Енисейская провинция, прежде распахнувшаяся до Шилки, теперь, сжатая в своем продолговатом пространстве, не заключающая ни гор с значащими богатствами, ни исходов торговых и довольная веселою посредственностью, не только не могла искупиться от власти Тобольска, но и рассталась в 1726 г. в пользу его с Нарымом, Томском и Кузнецком. Томск, прежде сносившийся посольствами с ханами урянхайскими, которых нет уже и в помине, теперь не более значит, как и Красноярск, над которым он, по замечанию Фишера, недавно величался значением области.

Сибирь не видит уже внешних неприятелей, но многое в ней изменилось от внутреннего шествия и не раз еще изменится к лучшему. Разум, как неутомимый зодчий, для облагорожения быта людского превращает иногда степи в города. Это и сбылось.

Новый замок при пустынном Яике, первоначальный Оренбург, разрезывающий выставкою яицких укреплений общение между торготами и чжунгарами и долженствующий связать южносибирскую границу, как преграду от вторжений киргизских, делается вратами военными и торговыми в Азию. Третий Башкирский бунт, в 1736 г. огласившийся, приостановил благородные виды правительства, заботившегося об устройстве южно-восточного края. Не место здесь рассказывать, что башкирцев обоего пола с детьми погибло, казнено, сослано на флот, в Рогервик, и переселено до 28 000 душ в продолжение мятежей и следствия, продолжавшихся до конца третьего периода; для нас довольно заметить, что в числе мер, для будущего обезопасения того края, положено в августе 1737 г. отделить от Тобольской провинции три участка: Исетский, Окуневский и Шадринский с восточно-уральскими башкирами, под именем провинции Исетской, и присоединить ее к Оренбургу с назначением ея места сперва в Чебаркуле. Провинция сия отрезана не в военном, а в провиантском усмотрении*.

Вот сколько преобразований, чрез которые Сибирь прошла в течение 28 лет!

ГЛАВА III
ОБ умножении государственного БОГАТСТВА

1. Яркенское золото. 2. Бухгольц. *3*. Лихарев. 4. Другие способы к приобретению двух металлов. 5. Продолжение истории горного дела. 6. По Уралу. 7. По АЛТАЮ. 8. По ЗАБАЙКАЛЬЮ.

Победитель Карла XII, знав толь же хорошо,, что для порядочного содержания войск нужны золото и серебро, как и то, что сии металлы приобретаются внутренним трудолюбием, развитием промышленности мануфактурной, горной и торговой, всемерно поэтому стремился к приумножению государствен-

* Она окончательно отошла к Оренбургской губернии в 1743 г., как видно из сенатского указа 8 августа к сибирскому губернатору Сухареву.

ного богатства на всех трех путях. Приближенные, ценя внимание, какое Петр Великий обращал к ост-индской торговле, для которой и поход в Персию, и предприятие на Мадагаскар после были решены, почитал и долгом представлять ему свои вероятности, блестевшие надеждами на приобретение благородных металлов, которые монарх называл артериями войны. Боярин кн. Гагарин, сибирский губернатор, вскоре по приезде в Тобольск узнав, что тут бывает в продаже песочное золото, привозимое из Эркета (Яркена), города, подвластного в то время контайше, возмечтал о возможности завладеть и городом и золотым яркенским промыслом, подобно тому, как через несколько месяцев, наслышась от крестьянина Пантина о приписке серебряной руды в Вологодском уезде, спешил представить о том государю. Угодливость царю русскому, всегда текущая из сердца преданного, но не всегда соображенная в голове, была в настоящем деле важною, но не преступною ошибкою кн. Гагарина.

1. История песочного золота, обезображенная в Сибири молвою времени, изложена с достоверностью Миллером*. Кн. Гагарин, в 1713 г. послав дворянина Трушникова к Хухонору для разведан ия и покупки песка и не сождав возврата его, спешил поднесть государю горсть купленного золота, представляя, что от Яркена до Тары доходят в *2 ½* месяца, что, утвердясь при оз. Ямышеве, стоит только протянуть цепи укреплений чрез Чжунгарию до Яркена, что этим делом можно управиться одной Сибири, прикомандировав в экспедицию уфимских башкир и прислав из России офицеров.

Если бы государь заблагорассудил отослать в Сенат на рассмотрение фантастическое представление Гагарина, в котором ни одна строка не смотрит прямо, Сибирь не принесла бы столько жертв. Ибо с чего взял губернатор, что контайша духа воинственного будет смотреть равнодушно на крепости, владение его разрезывающие? Откуда доставать продовольствие отряду, в степь углубляющемуся? Где взять столько людей, чтобы на маршах, продолжающихся 2½ месяца, наполнять ими редуты и идти вперед? Что за надежда на башкир? Думал ли губернатор о переходе через горы и Мустаг? Как ручаться при сибирском малолюдстве за силы страны, когда для особой посылки на оз. Зайсан вскоре принужден был губернатор взять из тюрьмы преступников? Но жребий брошен. Государь, великостию гения измеряя возможности дел и торопясь выйти с флотом в море, вспомнил о представлении кн. Гагарина и 22 мая 1714г. написал собственноручно на той бумаге: «Построить город у оз. Ямышева или выше, идти по реке вверх, пока продолжится лодочный ход, потом следовать далее для овладения Яркеном, взять людей тысячи две, употребить из пленных шведов, артиллерию и минералогию знающих, только не более трети против наших офицеров».

2. В таком же смысле дана инструкция подполковнику Бухгольцу, начальнику экспедиции, с тем чтобы в нужных случаях обращался к губернатору, все делая с его воли. Бухгольц, прибыв в Тобольск с офицерами, начиная с сержанта до майора, отправился в июле 1715г. на 32 досчениках и 27 больших лодках с отрядом, состоявшим из 2932 чел. В Таре дано 1500 лошадей, на которые посажены драгуны для очищения неприяте-

Ежем. соч. Январь 1760 г,

лей по берегам, кроме того, у офицеров и других людей было лошадей до 1000. При отъезде из Тобольска Бухгольц видел у губернатора посланцев контайши, которым в первый раз сказано мимоходом, что этот офицер отправлен не для войны, а для укреплений по Иртышу. «Если нет неприязненных намерений, — отвечали они, — Шорухту-хан не станет перечить». От неуважения ли к контайше, как занятому войною с Китаем, или оттого, что губернатор почитал контайшу, как и хана торготского, в одинаковой зависимости от России, оказано невнимание; и это опять ошибка.

1 октября экспедиция достигла оз. Ямышева, в 6 верстах отстоящего от Иртыша, и крепость заложена при речке Преснухе. По донесению Бухгольца от 26 декабря, что данных людей будет недостаточно, государь из Копенгагена подтвердил губернатору всемерно пещись об успехе предприятия, потому что в мыслях государя носилось, вровень с тем, другое предприятие на Амударью. Помянутые посланцы, заехав в крепость, заметили, что она построена на чжунгарской земле, но, уверясь в миролюбивых намерениях, советовали начальнику послать кого-нибудь к Шорухту-хану с письмом, не дошедшим, однако ж, до владельца. Между тем озлобленный контайша, собрав войско, сколько нашлось не занятого войною, успел послать его зимою, и на сырной неделе неприятель, ночным отгоном лошадей встревожив недостроенную крепость, ворвался в нее и едва был выгнан, тем не менее, однако ж, держал ее в осаде. Неприятельский начальник, имев людей до 10 000, писал к подполковнику, что, «если не сойдешь с чужого места, я буду здесь зиму зимовать и летолетовать». Подполковник отвечал с твердостью русского офицера, что он не перестанет исполнять волю государя, и заботился только о том, как бы уведомить губернатора о своем положении, когда надлежало бы ему решиться разогнать толпу громом пушечным. К пущей беде, Бухгольц не замедлил увидеть, как в его глазах калмыки вели пленных русских до 700, со взятым за 50 верст караваном, который послан был к нему из Тобольска с провиантом и казною в 20 000 р. В апреле нашелся случай на лодке, прикрытой льдинами, толкнуть по реке вестников в Тобольск, а между тем отряд от болезней и сибирской язвы уменьшился до того, что осталось живых и больных не более 700. Экспедиция обратилась назад, на устье Оми, без сопротивления калмыков, из чего видно, что тогда граница наша разумелась по р. Омь, по которой и прежде стояли веденты, посланником Байковым упомянутые. Губернатор подтвердил строить крепость на Оми, препроводил 1300 рекрутов, послал подполковника Матигорова восстановить укрепление Ямышевское, которое и совершилось в виде 4-угольника, палисадом обнесенного, а Омское — в виде 5-угольника. Бухгольц, потерявший из отряда 2200 чел., 2500 лошадей и прозевавший караван с людьми и казною, успел выпроситься в Петербург, от стыда и следствия.

В течение 1716 г. кн. Гагарин, в поправление своей ошибки, писал с сотником Чередовым к контайше, что укрепление Ямышевское предпринято для защиты его от нападений со стороны киргизов, которых между тем под рукою поощрял к нападениям; потом послал боярского сына Маремьянникова к контайше и требовал возвращения казны и

плена; наконец, с возвращением дворянинаТрушникова, привезшего до 200 дан песочного золота, которое вымывается из речек хухонорских и также достается недалеко от Китайской стены, в двух городах, им названных Дабою и Селимом, препроводил к государю купленное золото и, за неполучением ответов от контайши, представлял, что для довершения предприятия прилично бы успокоить владельца царскою грамотою о миролюбивых действиях отряда в степи. Государь, посылая писанную в Амстердаме 18 декабря 1716г. грамоту, приказал губернатору отправить ее к контайше и предоставил ему распорядиться экспедициею*.

В 1717 г. губернатор отправил тобольского дворянина Вельянова с повелительною грамотою и с своим листом, требуя у контайши ответа на прежние листы и о задержке посланных гонцов. Вельянов, 5 апреля выехав из Тары, 27 июня был принят контайшою, который, взяв грамоту с обыкновенными знаками почтения, велел подателю отступить и вручить губернаторский лист первому чиновнику. Разумеется, что контайша чувствовал смысл грамоты, когда приказал содержать Вельянова под караулом, и он содержался до февраля. Между тем губернатор, возложив продолжение экспедиции на подполковника Ступина, дал ему солдат, казаков, артиллерию и все нужное, поручил тобольскому обер-коменданту Карпову отправить его при себе из Омска, но Ступин, занявшись лучшим устройством крепостей: Ямышевской, Омской и третьей Железинской, губернатором приказанной, потом заготовлением лодок, еще не тронулся с места, как кн. Гагарин отозван в столицу в конце 1717 года по особому государственному делу.

В 1719 году Ступин поручил осмотреть оз. Нор-Зайсан и Верхний Иртыш, делящийся на два рукава, из которых южный найден довольно глубоким, а северный мелким. Мы не сказали о том, что возвратившийся из Урги Вельянов привез от контайши к бывшему губернатору ответ, наполненный угроз и жалоб на всех пограничных воевод до красноярского, как нарушителей пограничного спокойствия. Но если в Тобольске мало думали о бессильных угрозах контайши, обремененного войною с Китаем, то и он не думал о возвращении пограбленной казны и плена.

3. В том же 1719г. генерал-майор Лихарев, в достаточном числе офицеров и других чинов, даже медицинских, при запасной аптеке, прибыл в Тобольск с двумя поручениями; а) исследовать безуспешность Бухгольцева похода и разыскать, подлинно ли есть яркенское песочное золото; если есть, то дойти до Нор-Зайсана и построить там крепость, в случае же невозможности — разведать: далеко ли оттуда до Яркена; б) произвести следствие по Сибири об управлении кн. Гагарина. В 7-м пункте инструкции (18 и 31 января указ) сказано Лихареву:

* Содержание грамоты было вот какое: чтобы в строении городов, которые повелено ближнему боярину Сибирского царства губернатору кн. М. П. Гагарину возвести в сибирских краях и по Нор-Зайсану для прииска разных руд, контайша не делал помехи, также воспретил бы своим людям затевать ссоры и исполнял бы требования губернатора; а монарх, из милосердия желая сохранить контайшу в своем благоволении, какАюку-хана, и других калмыцких владельцев, позволяет улусникам его жить мирно на тех землях, к Сибирскому царству принадлежащих, без опасения обид тем улусникам, и с упованием на высокую оборону от неприятелей.

Его Величество приказал по городам Сибирской губернии объявлять письменно или словесно, что Гагарин недобрый человек и уже не бывать ему губернатором. Тогда развязались в Сибири языки у злословия, у злобы, неблагодарности, и едва ли у людей честных. Иной утверждал, что песочное золото была ложь, другой — что Гагарин злоумышлял отделиться от России, потому, верно, что им водворены в Тобольске вызванные оружейники, и началось делание пороха, третий говорил о растрате государевой казны на веселости, и всякий по-своему топтал длинную тень человека, далеко сидевшего при закате солнечном. Те, которые унижались из подлости, выпрямляются с дерзостью, так, как бы низость обнадеживалась стоячею постановкою с падением лица высокого. Это не веселит наблюдателя, но так водится. Лихарев производил следствие с майором Тютчевым, а в Иркутск посылал верного и неглупого гвардии капрала Мусина-Пушкина, *Летописью* похваляемого. *Летопись Иркутская* еще упоминает, что тамошний воевода Ракитинв 1717 г., по доверенности кн. Гагарина, обобрал за Байкалом из возвратившегося каравана золото, серебро и другие дорогие вещи, и за то потерял голову после суда в Петербурге*.

О Салдинской церкви, по словам академика Лепехина, выстроенной на счет имущества гагаринского. По тонным осведомлениям, мною полученным, жители салдинские и верхотурекие отозвались неведением, на какие деньги выстроена эта церковь. В церковных описях не значится никаких прикладов от имени кн. Гагарина, хотя в них и не пропущено, что 26 января 1715 года приложена безыменным икона Пр. Исайи. Несмотря на видимую безгласность, надобно согласиться с преданием академика, потому что бедному Салдинскому селу негде взять строительного капитала, что академик, любивший говорить с простым народом и давать советы, какими травами пользоваться от болезней, вероятно, наткнулся на старушку или старичка, которому втайне было вверено имущество гагаринское и который, сведав о погибели стяжателя, посвятил имение, в виде безмолвной жертвы на алтарь Иисуса Умилостивителя и Помилователя. Церковь о 3 престолах. Престол Сретения Господня освящен 17июля 1737г. Внутренняя длина церкви 8 саж. с 3½ ар., ширина — 5 саж. с аршином, вышина в летней 8, в теплой 2½саж. Толщина кирпичных стен в 2 ар. без четверти. Вышина колокольни около 13 саж:.

Но прежде, нежели назначен следователь, Сенат, с доносов тобольского обер-фискала Нестерова, под рукою поверенных на месте, имел крепкие дока-

* Что это за золото? Если упомянутые драгоценности выменены на посланные товары, то подействовавшему торговому уставу 1698 г. надлежало только конфисковать их. Не подарки ли это от Тулишина, обратно проехавшего чрез Тобольск в январе 1715 года? Не дал ли ему кн. Гагарин слова теснить по возможности контайшу? И это подозрение склеивается с ходатайством, какое делал китайский трибунал в листе к Сенату, в защиту подсудимого кн. Гагарина. Я далек от того, чтобы утверждать эту догадку, вероятно, не лучше упомянутых сибирских сплетней, против злополучного правителя.

В *Сибирском,* помнится, *Вестнике* писано, что богатства кн. Гагарина сложены были в Салдинской слободе, дабы скрыть их от поимки Верхотурской таможни, и что будто бы на счет их выстроена каменная там церковь. Я желал это известие проверить, зная, что по доносу Нестерова о транспорте животов гагаринских, между которыми будто бы находились заповедные и неявленные товары, дано приличное предписание Верхотурской таможне, и не мог дождаться желаемого ответа. Впрочем, в проезд мой видел я Салдинскую церковь, очень тесную, небольшую, и не мог войти в нее за отлучкою трапезника. Постройка ея не могла быть дороже тысячи рублей, в свое время.

зательства о сибирских злоупотреблениях, так что 11 января в том же году объявил взяточниками и разорителями народа комендантов, майоров, комиссаров, дьяков, определенных губернатором к делам недорослей, которых он вывез до полсотни, и самого губернатора, — того правителя, который впервые простер свой дальновидный луч, как не замедлим увидеть, к берегам Японии и озарял оконечности Усть-Янска, Нижнеколымска, Курильских и Шантарских островов, Удского, Тунки и Нор-Зайсана, который ознаменовал живую ревность к Церкви Христовой при обращении идолопоклонников. Вся слава, как паутина, сдунута, и правосудие в 1721 году изрекло страшный приговор против жизни кн. Гагарина, в урок отдаленных правителей, если только беды одних могут быть уроками для других. История страны, не зная ни подробностей доносов нестеровских, ни пополнений следователя, ни ответов подсудимого, безмолвствует.

Обратимся к другому поручению Лихарева.

Лихарев, снабженный провиантом, 8 мая 1720 г. отправился из Тобольска с 440 чел. к Нор-Зайсану, которого берега, тростником обросшие, не представили ему удобного места для крепости. Верхним Иртышом он плыл 12 дней беспрепятственно, потому что калмыки, при самом входе в реку завидев флотилию 34-х лодок, скрылись от берегов, чтоб подать весть 20-тысячному полчищу, недалеко стоявшему под рукою наследника Галдан-Церена. Неприятель 1 августа нечаянно открыл ружейную пальбу по судам. Наши выскакали на берег и, выдержав жестокий натиск, вскоре заставили неприятеля отступить и прислать переговорщика. Но Лихарев, полагаясь на 13 полевых пушек и 4 мортиры, помедлил входить в переговоры и шел вверх, разделив флотилию на оба берега, для обоюдного поражения неприятеля. Два дня прошли в перестрелке, убийственной для калмыков, и ход становился затруднительнее, чем далее шли; в военном совете поэтому положено помышлять о возвратном пути и, при первом вызове калмыков к переговору, принять его, что и сбылось на третий день, и соглашеноось о перемирии. Калмыки полагали нашествие русских в согласии с маньчжурами; но, когда объяснилось, что войны и в уме не было, что хотелось только дойти до истоков Иртыша и сыскать рудокопные места, последовало замирение, а затем взаимные поздравления и подарки. Калмыки провожали флотилию с изъявлениями радости, контайша так был доволен развязкою, что тотчас отпустил сотника Чередова, с 1716 г. им задержанного. Какие припомнить силу отряда Бухгольцева и разность последствия? Лихарев на обратном пути заложил при себе крепость Усть-Каменогорскую и поспешил в Петербург. Года через два, т.е. в 1722 г., явилось на устье Убы укрепление этого имени.

Вот какими выгодами кончилась Ярkенская экспедиция, конечно необдуманная и чувствительные уроны Сибири навлекшая, по неспособности ея начальника. Нельзя не обвинять и кн. Гагарина как изобретателя странной экспедиции, но предмет песочного золота — не выдумка. Сам монарх удостоверился в истине того еще прежде казни кн. Гагарина, когда 18 января 1721 г. приказывает помириться с контайшою и завести торг не только с Чжунгарией, с китайскими городами, Дабою и Селимом, по выговору Трушникова, но и

столицею далай-ламы, не для прибыли, а для разведания о месторождении золота, дабы овладеть тем местом. О Великий, прости истории! Она с благоговением слышит твое слово и не скрепляет его.

4. В царствование императрицы Анны также смекали посредством казенного каравана доставать из Пекина золото на промене иностранной серебряной монеты, которой и отправлено в 1732г. до 50 пудов. Но, независимо от казенного смекательства, пришло само по себе золотое время, когда серебро на Кяхтелилось, лишь бы давали на промене лошадей, скот и жизненные припасы. Маньчжу-китайцы, теснимые славным Галдан-Цереном, и равно закупщики его хватали, так сказать, из рук друг друга необходимые для содержания войска статьи, и лан китайского серебра обходился не дороже рубля, в продолжение лет четырех. Иркутский вице-губернатор Плещеев в 1735 г. приобрел для казны 15 000 лан и еще надеялся приобресть 50 000. Война двух обогащает третьего, и эту казенную политику хорошо изучила Англия. В апреле 1740 г. заключен на Кяхте ревенным комиссаром Свиньиным безгласный контракт с бухарцем Мурат-Бичиным о вымене на серебряные ефимки или российские рублевики песочного золота 12 пудов в течение 3-х годов*. Вот сколько утонченных забот, и явных, и тайных, для притяжения серебра, и особенно золота!

5. К чему бы вдалеке искать золота и серебра, когда за звонкие полосы уральского железа можно было привлекать редкие металлы из соседних государств, когда за военные снаряды, на Урале выделываемые, перестали платить иностранцу золотом или серебром, когда для жалованья солдату доставало домашней меди, когда провиант и мундир его производились на своей земле и своими рукодельнями? Как бы то ни было, обозрим успехи металлических заведений вместе с переменами горного начальства.

Образование губерний, пока представляло свежую и господствующую идею, увлекло за собою и судьбу горного хозяйства. В июне 1711 г. Приказ Рудных дел упразднен, с передачею сей ветви государственного хозяйства в руки губернаторов. В настоящем году привезено в Москву, до последовавшей еще перемены, 9 п. 33 ф. серебра из Сибирской губернии, с Нерчинских рудников, открытых, по-видимому, в отраслях Донинского кряжа, где, кроме руд гнездовых в известных логовинах, были и жильные, едва ли доступные для искусства Левандиан. Скоро правительство признало, что хозяйству искусственному не свойственно быть в ведении губернаторов, и в июне 1715г. восстановило Приказ Рудный, при котором капитан артиллерии Татищев вместе с Блюером отправлен на Урал для обозрения и распоряжения заводской части.

6. Выйский медеплавленный рудник, где руда лежала в железняке под видом тонкой земли и лазури, замечателен тем, что Никита Демидов первую вылитую

* В условиях контракта стояло, чтобы в золотнике было $8^{1}/_{12}$ чистого золота. По расчету покупки, привоза и передела золотник золота обошелся бы на ефимки по 258 и 243'/%; прибыл и было бы 20 и $16^{6}/_{95}$к. Но при вымене на российские рублевики золотник золота, за всеми расходами, обошелся бы в 213 и $211^{11}/_{12}$ коп.; прибыли будете лишком до 65 копеек. Последний вымен одобрен, и видно потому, что бухарец плохо разумел относительную ценность двух монет.

доску, наподобие столовой,1721 г. поднес великому хозяину России. В то же время опознали богатейшую магнитную гору, называемую Высокогорскою, которая знакома была вогулам лет за 20, и в надежде на сию неисчерпаемую толщу заведен в следующем году Нижнетагильский завод, а вслед за ним возникли и другие. Сей завод, как и прежние Уктусский, Невьянский и Алапаевский, стали средоточиями других, в своих относительных пространствах. В январе 1720 г. частные заводы обложены десятиною с своих доходов. На таком же основании дозволено Миссисипской Французской компании разрабатывать руды во всем государстве, дабы посредством искусных иностранцев ознакомить подданных с практическим горным знанием; но на поверку оказалось, что компания только мечтала. В ноябре того же года обращено внимание на гористую Башкирию, с обещанием наград тем из башкиров, которые покажут места руд.

В 1722 г. генерал-майор Геннинг определен для улучшения медных и железных заводов в уездах: Кунгурском, Верхотурском и Тобольском, и правление заводов названо обер-берг-амтом, как будто бы с иностранным словом увеличится знание русских. В следующем году государь похваляет Геннинга за построение заводов: Екатеринбургского, Лялинского и Ягушихинского (Ягошихи), также за литье пушек и мортир и за доброе железо с Уктуса, Каменки и Алапаевска, не приказывая делать шпаг и фузей затем, что эти изделия возложены на завод Сестрорецкий. Действительно, Геннинг был хороший заводской управитель, хотя и не имел ни знания, ни догадливости ориктагноста.

В июне 1725 г. велено от Сената Геннингу: а) содержать заводы приписными слободами, ежегодным капиталом в 20000р. и прибыльными деньгами; б) охранять заводы и слободы от киргизов и башкиров палисадами, гарнизонными и другими служивыми людьми по сношению с губернатором сибирским. В конце июня приписаны Лялинскому заводу 100 крестьянских дворов, а екатеринбургским предоставлено изворачиваться наймом, хотя иностранцы, каковы Геннинг и после Шемберг, готовы были закабалить крестьян под заводы в наибольшем числе. В июле того же года велено пришлых дворцового или монастырского ведомства поселить в екатеринбургских заводских слободах, и, вероятно, часть из них отделена для Верхисетского завода, в 1726 г. основавшегося. В марте 1727 г. к известному денежному капиталу, производившемуся на содержание екатеринбургских заводов, еще прибавлено 10 000 р. В сентябре возобновлено позволение всякому свободно приискивать и разрабатывать всякие руды и цветные камни во всех сибирских провинциях. В том же году слюда обложена вместо десятины — гривною с рубля. В 1729 г. Суксунский медеплавильный завод начал свое действие, а в 1731 г. открыт исторический Гумешевский рудник, доставивший богатую работу Полевскому заводу. В июне 1732 г. велено определить на сибирские заводы, для навыка горнозаводским делам, 6 дворян, учившихся при Академии наук или при Адмиралтействе. Между тем Геннинг вошел с вопросом: строить ли от казны завод и крепость в Уктусе, если правительство предполагает сибирские заводы отдавать в частное владение компаний? Правительство действительно подалось на мысль о передаче заводов в

частные руки, со слов самого Геннинга, как видно из сенатского указа. Он еще утверждал, что надобно отдать заводы со всем недвижимым имением и с приписными крестьянами безденежно, вопреки прежнему мнению, какое он подавал при Петре Великом. Если бы и в самом деле труды и издержки казенные были оплачены доходами, как Геннинг писал, мнение его противоречило бы истинным понятиям хозяйства, потому что большие заведения чередятся не для одного окупа пожертвованных трудов и капиталов, но для образования новых капиталов. Притом с чем сообразно передавать без цены бесценный капитал живых рук, привязанных к заводам? Если не замедлим удостовериться, что заводы казенные давали важную прибыль, очевидно, что мнение Геннинга как чужеземного наемника высказано под чужим диктантом. В это время трое архангельских посадских, Прядунов с товарищи, открывают в Лапландии, на Медвежьем острове, серебряную руду, из которой и выплавлено в 1733г. до 35 ф. (4) при очевидце, горном чиновнике Цимермане, но впоследствии серебряный прииск, как верховой, сопровождался неприятностями для рудооткрывателей, сперва по-царски награжденных.

С марта 1734 г. при переводе Геннинга на сестрорецкие заводы, заступает его место на Урале известный Татищев, в чине действительного статского советника, и отменяет излишества в чинах и окладах*, присвоенных мастерам.

Ему, в качестве начальника заводов казенных и частных, наказывается: а) жителей Казанской губернии заохочивать к разработке небогатых руд припискою к домне— 150, к молоту— 30 дворов; б) обратить внимание на руды Башкирии, бывшие в виду царя Алексия (как будто бы при Петре Великом не было о том думано), но приняться за дело не иначе, как убеждая самих башкир приискивать также мраморы, агаты, яшмы для украшения дворцов и других зданий; в) строить заводы в Томском и Кузнецком уездах и в Даурии. В том же году Татищев ознакомился с другою магнитною горою Благодатью, которая доныне остается матерью кушвинских и других зависимых домен. С ея вершины, равно с вершины Синюхи Баранчинской**, видна за 75 верст третья магнитная гора Качканар.

Дикая темнолесистая панорама обширна, но по причине утомительного единообразия не говорит ни глазу, ни воображению. В 1735 году, в котором основался Кушвинский завод, с донесения Татищева сделалось гласным о рудном богатстве Северного Урала, рассеянном на такой широте, что без тесноты можно будет разместиться 30-ти новым заводам. В том же и следующем году загорелись плавильни на двух юговских заводах и при Мотовилихе. Руда пермских заводов, дающая крас-

* Под окладами мастеровых разумелась задельная плата, Геннингом установленная, и Татищев погрешил отменою той платы.

** В бытность горного начальника Андрея Федоровича Дерябина прорубалась шахта сквозь гору Благодать для геогностического узнания внутренних ея сокровищ. Я, по старости не надеясь дойти до сего исторического момента, ни сказать о любви, с какою он заботился о высвобождении приписных крестьян, и о замене их непременными работниками, при сочинении проекта Горного Положения, я в настоящую пору по крайней мере удовлетворяюсь воспоминанием, как мы были угощаемы чаем от гостеприимного начальника, на вершинах то Благодати, то Синюхи, в 1810 году.

ную медь, залегает гнездами или перемежающимися пластами. Заводы Синячихинский и Нижнесусанский*, в качестве содействователей Алапаевского, начали разделять ковку чугуна прежде 1736 г., как видно из указа 15 апреля того года.

В марте 1736 г. сказано Татищеву высылать ежегодно с екатеринбургских заводов по 6000 п. меди на оружейные заводы, а остальную, за переделом в мелкую монету, присылать в брусках на продажу, для составления капитала на заводское содержание. Татищев доносит, что, за переделом меди в кружки мелкой монеты, надеется выплавить 23 421 пуд. В 1737 г. в помощь Кушвинскому заводу учредился Туринский (верхний).

Если с юговских заводов теперь кинуть линию на Конжаковский Камень, с которого медистая бахрома плавилась в лялинских печах, и отсюда продолжать линию чрез три магнитные и две асбестовые горы до Гумешевского рудника; если опять отбросить ее чрез четвертую магнитную Ревдинскую гору и чрез суксунские плавильни к тем же на р. Юге заводам, то не вся еще площадь будет обхвачена, площадь, на которой работало тогдашнее горное искусство.

Уже видно из того, что Южный Урал, давно правительством присматриеваемый, оставался, по шаткости окрестных дикарей, под спудом для горного искусства. Статский советник Кирилов, которому дан был наказ, почти в одно время с Татищевым, о металлических заведениях на Южном Урале, действительно в 1735 г. положил основание медеплавиленного завода в 9 вер. от Табынска, но за Башкирским бунтом дело сие не возобновлялось до 1743 года. Поэтому первый шаг, какой сделан к стороне Южного Урала, состоял в установлении двух домен при 3-х сергинских рудниках. В ноябре 1741 г. хозяину их Демидову дозволено выстроить тут и крепость для безопасности, по примеру, как у него сделаны крепости на Ревде и Суксуне. При толь малых успехах горной промышленности в Башкирии нельзя не подивиться, что беглецы сибирских заводов около 1719г. по какому-то чутью основали на р. Сакмаре крепкое убежище, в *Сборнике* названное городком. В ноябре 1727 г. велено от правительства возвратить их в Екатеринбург, а важного преступника Гореванова, там проживавшего, отослать в Тобольск и место сие занять яицким казакам (5).

7. Колыванское производство Акинф. Демидова, в 1726 г. начавшееся, перенесено в 1729 г. от подошвы Синей сопки на речку Белую, и для умножения воды сделан спуск из оз. Белого, которое, с своим посредине островком, красит прелестный ландшафт, рисующийся внизу для зрителя, стоящего на вышине Синюхи. В медной руде не было недостатка: металл отправлялся водою на Невьянский завод (где около 1732 г. выковывалось железа до 800 000 пуд.) или переделывался в посуду, на вкус калмыков и киргизов, кочевавших по раздольям гористой живописной пустыни. До нас не дошло сведения ни о пространстве рудных разработок, ни о постепенном развитии горного промысла в предгорьях Алтайских, только видим из Высочайшей резолюции 16 сентября 1741 г.,

* На Нижнесусанском заводе, да простит читатель эгоизму, я родился в 1767 г. Рассматривая причины своих погрешностей, я иногда покушаюсь спрашивать у себя: не стук ли молотов, от колыбели поражавший мое слышание, оглушил меня надолго для кротких впечатлений самопознания?

что тогда уже существовал Барнаульский завод и что дозволено Демидову построить при заводе крепость по примеру выстроенных им при уральских заводах. В 1744 г. сей заводчик принужден будет признаться в открытии серебряной руды, и по сему случаю все барнаульское производство, как достояние короны, перейдет в казенное управление.

При переходе за Байкал остановимся на минуту близ ос. Абинского. В 45 вер. от него, на речке Лугасе, в 1736 г. вынято из Алтайского рудника горным надзирателем Арцыбашевым до 100 000 п. медной руды, содержавшей в центнере от $9\frac{1}{2}$до 14ф. металла. На первый раз для производства велено употребить казенных крестьян Красноярского уезда по плакату; но через 10 лет Лугасский завод остановлен*.

8. От времени до времени внимание к сокровищам Забайкальских кряжей начинало распространяться. Нерчинский комендант, наслышась об Аргунской какой-то яшмовой горе, прислал в 1717г. в Тобольск к губернатору яшмы до 70 пудов. Около 1720 г. плавились немецкими мастерами жесткие железные руды, извлекаемые из гор, между рр. Удою и Хилком лежащих. По недостатку людей для горных работ, равно и хлебопашества, в 1722 г. велено отправить 300 семей сибиряков для поселения на хлебородных землях и отослать на тамошние заводы преступников, помилованных от каторги, ради торжественного восприятия императорского титула. Они-то извлекали свинцово-серебряные руды, сокровенные в ложах вторичного сложения, особенно в известняке, и образующие в нем правильные жилы, ветвящиеся в свинцовом камне или в глыбах вакки. Есть и в порфире бедное содержание руд, но в песчанике и граните тщетно искали богатства рудного. При некоторой недоверчивости к *Словарю* Щекатова, мы дозволяем себе заимствовать из него несколько слов, кажется бесспорных, именно, что вообще вышина Даурских гор не превышает 100 саж., что северные скаты их отложистее против полуденных, что Адун-Шолон, кладовая бериллов, междурр. Борзою и Ононом простирающаяся на 22 вер., загромождена разбросанными кабанами и представляется в разных живописных видах перспективного обольщения. Она сделалась с 1723г. предметом разработки, и с тех пор каменные бараны удалились с горы.

Нерчинские заводы, говорят, одолжены порядочным заводским установлением управителю Дамесу, который около 1732 г. переменил печи и горны левандиановского устройства на саксонский образец. В 1737 г. открыт медный Агинский прииск близ р. Онона и Зерентуйский рудник в 1739 году. Дамесу хотелось узнать китайский способ отделять золото от серебра и свинца и на сей конец отправить сына своего в Китай при караване, но, по испытании молодого человека в степени знания, он возвращен к отцу. Удивительно, что при похвале, Дамесу отдаваемой за устройство заводское, выплавка металла не только не увеличилась, но еще уменьшилась. Ибо с 1704 до 1722 г. выплавлено серебра 21 п. 6 ф. 78 з., считая в том

*В *Сиб.вести.* 1819 года писано, что в 1806 г. еще видны были остатки заводских строений. Бывали и другие заводы в той стороне, именно железоделательные, но заводчики отступались от них по недостатку покупщиков товара железного.

числе и 9 п. 33 ф., помянутые в начале главы, а с 1722 по 1740 г. только 13 п. 17 ф. 39 з. Сравнение выплавки, какая окажется впереди, показывает не убожество руд, а незнание горной науки. Дамес был заводской установщик, а не ориктогност.

В последние годы императрицы Анны хотели было пользоваться в России нерчинским свинцом. Привезенный в Москву свинец, не считая расходов провоза с Чусовой до Коломны, обошелся в 271 к. пуд, тогда как покупаемый при Петербургском порте стоил не дороже 120 к. Поэтому в августе 1738 г. намерение отменено.

Для очистки можно присовокупить, что в содействие Беринговой экспедиции послан с аргунских заводов комиссар с мастеровыми на Илгу и в округу Якутска для разведки руды железной. В последнем месте на речке Тамге был на время устроен известный Тамгинский завод.

В сентябре 1736г. горные заводы, вятские, уральские и сибирские, под главным начальством Татищева состоявшие, переданы польскому шамбеляну Шембергу, наименованному генерал-берг-директором, с подчинением ему прежнего начальства. В июне 1737г. дозволено частным заводам отливать на продажу всякие чугунные поделки, кроме воинских. В июле того же года велено брать в казну медь только с тех частных заводов, на которых обходится она хозяевам по 450 к., с платою им из казны по 15 процентов сверх истинной цены. В мае 1738 г. рассматривается в особой комиссии нескольких сановников знакомый вопрос: как выгоднее содержать казенные горные заводы — казною или частною рукою? В том уважении, что казенные уральские заводы находились в выгодном состоянии*, следовало бы с первого взгляда отвергнуть не дельный вопрос и без основания возобновленный Шембергом.

В феврале 1739 г. данаберг-привилегия подданным и иностранцам пользоваться добыванием всяких ископаемых, с определенною в казну платою. Вскоре затем отданы Шембергу и компании гороблагодатские и лапландские заводы с тем, чтобы на последние отрядить для работ нужное число людей из архангельских гарнизонных полков; да не меньше удивительно и то, что Шемберг уволен от предъявления в присутственных местах своих сделок или контрактов по тем заводам. После толь необыкновенных исключений трудно ли отгадать, кто участвовал с Шембергом в компании? В августе 1740 г. решено раздать прочие уральские и вятские заводы в содержание частных лиц. Одна отрада для сынов отечества, что с переменою трех правлений, быстро следовавших одно за другим, многие заводы достанутся в руки вельмож царствования Елисаветы, хотя отрада сия в смысле хозяйственном далеко не удовлетворительна. Ибо, если посудить, с каким рвением, с каким усилием Великий насаждал эти искусственные заведения и если взглянуть на не-

* В 1732 г. казенные уральские заводы могли давать: а) железа 160 000—200 000 пуд., б) меди с собираемою десятиною — до 25 000 пуд. Железо запродано Шифнеру и Вольфу по 60 к. за пуд, а в пуде меди положим 12р.; след., казенные заводы могли давать доходу от 396 000 до 420 000 р. Расход на заводы 30 000 р. капитальных да 16 000 р. осьмигривенного оклада с крестьян, если бы их было до 20 000; след., весь расход составил бы 46 000 р. Положим расход вдвое более, и тогда чистая прибыль была бы не менее 300 000 р. — капитал весьма важный по состоянию тогдашних государственных доходов.

зрелость русского народа, нимало не поверставшегося с искусством горным, нельзя не сетовать, что заводы, отделившиеся в частное содержание, упали в руки своих работников, по большой части старообрядцев, вопреки указу 4 июня 1724 г. После сего можно ли спрашивать, отчего горное искусство так долго пресмыкалось в жалких навыках и отчего Урал превратился в колонию старообрядцев? Падение искусства и падение православия тут шли рука об руку от торопливой передачи заводов. Опыт подтверждает истинную мысль Петра Великого, чтобы в свое время раздавать заводы в доброе частное хозяйство; но тот же опыт заставляет сомневаться, чтобы так рано настало это время. Укажут на Демидова, отца и преемника, но этим людям не было равных между современными заводчиками.

В услаждение горечи, какая разлилась на последних страницах с воспоминанием дерзостей Шемберга, история, при всем своем незлобии, хочет заранее примирить читателя с этим автоматом, который, быв выдвинут на сцену сильною рукою, при первом ударе по руке потерял равновесие, пал в начеты, в долги неоплатные и явился не только невежею в деле, но и обманщиком явным. Суд его недалеко, за чертою периода.

ГЛАВА IV
ГРАНИЦА СУХАЯ

1. Измайлов. 2. Граница от Аргуни до Сабинского хребта. *3.* Владиславич. 4. Граница приморская. 5. ОХОТСК. 6. Камчатка. 7. Анадырск. 8. Нижнеколымск и Усть-Янск. 9. Экспедиция Камчатская. 10. Экспедиция Чукотская. 11. Штинников. 12. Павлуцкий. 13. Бунт Камчатский. 14. Средоточное правление Северо-Востока. 15. Вторая Камчатская экспедиция. 16. Граница Ледовитого моря. 17. Граница от Иртыша к Уралу.

Обозрим подвиги, какие требовались для начертания границы сухой и для изведания приморской. Мы уже видели, что, начиная с устья Оми, до каменистых берегов Иртыша выросло в 6 лет по берегам 6 крепостей инженерной постройки с редутами и больверками, на хлебородной земле, принадлежавшей Чжунгарии, не меньше и России, так как чжунгарский владелец издавна обязывался служить и прямить монарху российскому. Мы сказали 6 крепостей, потому что и Семипалатная отстроена в те же годы. Сия отважная решимость, делающая память кн. Гагарина незабвенною, была основанием важного благоустройства совне и внутри. Три или более соляных озер из группы 34 Боровых отрезаны в собственность Сибири, сверх того, знатное пространство от Тары до крепостей обезопасено от споров и набегов, засеяно 6 селений вверх Иртыша, а слобода Чернолуцкая, прежде стоявшая на волосок от беды, при настоящем ряду заселений военных и крестьянских, стала огражденною от внешних нападений. В этой купе иртышных защит надобно полагать причину постепенного развития линии на востоке до Сабинского хребта и на западе — к Яику; ей же надобно приписывать новые становья по Барабинской

дороге, овладение рыбными Чанами, последовавшую возможность горных работ в предгорьях Алтая и благонадежное к югу распространение Западной Сибири. Вот как один верный шаг иногда ведет к овладению многими выгодами.

1. Жаль, что уполномочение капитана гвардии Льва Измайлова как посланника и министра, с честью в 1720 г. въехавшего в Пекин и с отличною благоеклонностию принимавшегося у богдохана, не принесло выгод ни в пограничном, ни в торговом, ни в политическом отношении. Ланг, уроженец шведский, посланный уже из Петербурга в Пекин и после Измайлова оставленный там консулом, по усильному желанию Петра Великого, держался при новой должности не более 17 месяцев*.

Он не только не умел рассеять мелочные подозрения пекинского министерства, но докучливостью мелочною еще раздражил надменность его и охладил в богдохане признательность к верному соседу до того, что в 1722 г. вход русских караванов был воспрещен**.

2. По смерти Кансия надлежало Петру Великому в 1724 г. согласиться на составление в Селенгинске комиссии для развода с Китаем пограничной черты и подкрепить голос комиссии 2-тысячным отрядом, вместо которого преемницею престола послан в 1725 г. один пехотный полк с драгунскою ротою и охранной Екатеринбургской командой в 200 чел. под начальством известного Бухгольца. Этот полк, перешедши Байкал, именовался впоследствии Якутским.

* Странно, что Гамба, бывший в Тифлисе французским консулом, в своем *Путешествии в Южную Россию* с ветру дает этому Лангу заслуги небывалые. И сколько лжей на полустраниие (в XVIII главе II тома)!

** Из Беля, родом англичанина, ездившего в 1719 и 1720 гг. в свите Измайлова в должности лекаря, можно заметить о Сибири вот что.

На восточной стороне Урала, не доезжая Верхотурья, частые деревни и разработанные места.

В Тобольске будто бы до 6000 пехоты и конницы, кроме казаков. Напротив, полкам надлежало войти в Сибирь не ранее 1724 г., а до тех пор было только два гарнизонных полка, да и те разделены по городам. Откуда ж такая куча строевого войска? Разве оно упредило назначенный срок вступления?

В Тобольске было много шведов, и в том числе Дитмар, секретарь Карла XII. Они давали концерты и познакомили сибиряков с живописью, музыкою и науками. На этот счет сделано уже замечание.

Из бумаг, найденных в Семипалатинске, Бель купил за бесценок у солдата несколько свитков.

Между Тарой и Тобольском много деревень татарских и, кроме острогов, есть одна русская, последняя к городу. Должно быть, Бутакова.

За Тарою один Чаусск, огражденный рвом, тыном и пушками.

Между Томском и Чулымом много деревень русских, а далее нет ни одной до ос. Мелесского.

Между ос. Вельским и Енисейском также много деревень русских.

Енисейск очень велик и многолюден. В то время продана черно-бурая лисица за 400 р., а бывают и ценнее. И здесь шведы давали концерт.

По берегу Енисея и по Нижней Тунгуске, куда лежала зимняя дорога, есть деревеньки. Нельзя ни понять, ни отрицать, для чего посланник избрал этот путь к Илимску, разве имел особое поручение в этом краю. В доказательство, что у Беля нет ошибки в наименовании дороги, он упоминает, что монахи Туруханского монастыря подносили посланнику хлеб-соль.

На этом тракте встречались им батальоны волков и, помнится, зайцев: в ином их сот до шести.

В Илимске застал Канифера, генерал-адъютанта Карла XII. Там и умер этот военнопленный.

Первая деревня от Илимска в 80 вер., потом частые и людные деревеньки по Ангаре.

В Иркутске около 2000 домов. Тут знатный торг мехами и товарами китайскими. Полы в домах кедровые.

3. Черногорский шляхтич Савва Владиславич, счастливый торгаш, которому еще в 1705 г. дано право купечествовать по всей России и которому в 1712 г. за службу государеву отдан поташный откуп, употреблен при Екатерине в Селенгинскую комиссию, в такой же степени полномочия, как и предшественник. Ему замечено в наказе о гордом невежестве китайского министерства, говорившего Измайлову, что АН тара есть пограничная река и что на Иртыше надобно выстроить китайскую крепость, Владиславич, который после назывался графом Рагузинским, сам слышал и в Пекине и на границе множество нелепых притязаний, которые надлежало оспаривать в 30-ти держанных конференциях, чтобы положить на мере требования полномочных Китая с пользами России. 25 августа 1727 г. заключен на речке Буре второй договор между Россиею и Китаем о разграничении отАргуни до Сабинского хребта, о новых основаниях торговли и взаимных отношениях. Прочие домогательства, и прежде Измайлову поставлявшиеся в виду, т.е. о допущении российских консульств в городах и портах китайских, остались безуспешными; консульство в Калгане, конечно, было бы не бесполезно. Того же года составлен обоюдными полномочными трактат в X статьях и послан в Пекин, а между тем процесс разграничения, начиная с караульной избы на речке Кяхте и с китайского караула на сопке Орогойту, производился по правилу половинного деления сопок, горных хребтов, рек и долин к востоку до верховья р. Аргуни, а к западу — до Сабинского хребта (Шабин-Дабаго), тогда сопредельного с Чжунгарией, с оставлением между обеих границ межеумочной, или нейтральной, полосы. Само по себе разумеется, что размежевка границы, к чему были употреблены секретарь посольства Глазунов и стольник Колычев, происходила не по глазомеру, а по заготовленной карте и с помощью геодезистов. В восточной стороне русские комиссары жертвовали Китаю небольшими уступками, в том числе и речкою Бурою, а иногда переводили кочевья русские в свою границу, а на западе от Кяхты, по взаимной ли уступчивости или по неточному сведению о пределах ханств Саин-Ноанского и Урянхайского, знатные пространства земли приурочены к российскому владению. В октябре разменена запись пограничного развода, с приложением реестра пограничных караулов и маяков. В мае 1728 г. разменено утвердительное письмо между российским и китайским комиссарами об

Ос. Кабанский хорошо выстроен и многолюден.

Заимка — большая деревня.

В Селенгинске 200 домов и 2 церкви.

В горах Удинских разрабатывается железная руда. Присланы для плавки мастера немецкие.

За Стрелкою граница в Сорочине (т.е. на реч. Боре), в 140 вер. от Селенгинска (далее Кяхты 8-ю верстами).

Прибавить можно из Гмелина, что в 1735 г. в Красноярске было до 350 домов и лачуг, в Капском 4 двора, кроме строений в крепостце; в Нижнеудинске, вне острога, два казенных строения и 4 частных двора.

Сделана погрешность относительно пути посланника Измайлова, поехавшего из Енисейска по Нижней Тунгуске. Я принял эту Тунгуску по нынешнему названию, как, напротив, в тогдашнее время называлась Нижнею Верхняя Тунгуска, что видно и из атласа 1745 года, и оттого вместо монахов Кашино-Шиверского монастыря выведены у меня на встречу посланника монахи туруханские.

избрании места для торговых слобод на р. Аргуни, при урочище Цурухайту, а 14 июня, по превратному порядку, разменен на Кяхте самый трактат между Россиею и Китаем, с некоторыми переменами, о крепчайшем и вечном мире (6). Если слово **вечность,** столь часто злоупотребляемое, совместно с мгновенностию человеческих определений, то по превосходству оно приличествует в государственных сделках с поднебесною империей, более столетия свято сохраняющею второй трактат, конечно, не без припадков своенравия.

В это время, еще повторим, по приказу правительства, утвердившего мнение графа Владиславича Рагузинского, чтобы иметь за Байкалом некоторую опору, строилась на другом месте Селенгинская крепость по инженерному чертежу, каким снабжен инженер-поручик Петров (Ганнибал). Мы не упоминаем здесь о крепостях, казачьими руками без фортификационного искусства строенных, по забайкальской границе даже до Сабинского хребта, ни о тех, которые в преддвериях Алтая прежде и после строены для особых намерений, а не для пограничной цепи. Собственно говоря, на всем пространстве от Сабинского караула до Убинского форпоста Сибирь тогда не имела ничего положительного насчет границы с Чжунгарией. Оставляя до другого приема протяжение границы от Омска к западу, мы должны прежде ознакомиться с окраиною приморскою, начиная с ос. Удского как с бесспорной грани.

4. Губернатор кн. Гагарин, с широким взглядом на Северо-Восток, посадил в Якутске обер-комендантом своего племянника в чине стольника для ближайшего наблюдения за деятельностью тамошнего воеводства, а сам в 1710г. предписал якутскому воеводе тщательно разведывать о племенах северо-восточного материка и о прилегающих островах со стороны Ледовитого моря и Камчатки. Обер-комендантеще прежде побуждал воеводу разведать о Шантарских островах, понаслышке казакам известных, но на деле ничего не вышло до предписания губернаторского. Тогда воевода приказал Удского острога прикащику построить на р. Уде приличные лодки для осмотра островов. В 1712г. казаки доплыли до устья Тугура и, там прожив все лето для рыбных запасов, уже в мае следующего года в несколько часов вышли на первый остров и не приметили никаких обывателей, кроме черных медведей. Назавтра приплыли к полдню на другой — и видели таких же арендаторов. На третьем, заметив множество соболей, лисиц, волков и медведей, вознамерились зимовать, тем более что не было недостатка для жилья и дров в лиственничнике, ельнике, березнике и осиннике. Нельзя не чувствовать вольности, с какою казаки не перестали и в эту пору предпочитать свой промысл службе. Они пробыли бы там и долее, но за недостатком продовольствия и за невозвратом своих товарищей, посыланных на Тугур за рыбою, в июне 1714г. оставили остров, возвратились в Удской, потом в Якутск, присовокупив к сказанным известиям, что на островах Шантарских гиляки имеют звериные промыслы. Губернатор, не довольствуясь подобными известиями, поручил в 1716 г. полковнику Ельчину хорошенько осмотреть тамошние воды и острова, в намерении завести торг с Японией, и на сей конец вскоре прислал матросов. По ссорам с воеводою и по многим другим поручениям, полковник предоставил выполнить обо-

зрение островов сыну боярскому Филькееву, который, услышав на море от матросов, что они вопреки указу хотят зимовать на Большом Шантаре и плыть до Курильской гряды, чему и надлежало быть, по глупости сошел на берег у Тугура, а матросы исполнили свое желание, наловили соболей, пустили по неосторожности пожар, истребивший на острове леса и зверей, подплыли к берегу между Тугуром и Амуром и едва не все побиты гиляками. Вот чем кончилось одно из предприятий, когда не стало уже в Сибири предприимчивого правителя!

5. Охотск, ничтожное зимовье, становится точкой заметною. Для сокращения на Камчатку переезда, который чрез Анадырск был и далек и опасен от корякских грабежей, губернатор предписал учредить сообщение морем, и в 1713г. отправлена из Якутска партия казаков с воинскими, судовыми и другими запасами, с пряжею, холстом для парусов, дабою для флага и с 2000 корольков на подарки, потом, с другой партией, присланы и матросы. Они построили судно, по обычаю архангельскому, длиною 8½, шириною 3½саж., и в 1716г. пустились в нем. Принесло их к устью Тигиля и противным ветром опять отнесло к Охотску, откуда снова направились к Камчатке, пристали к Хариюзовке, и с помощью случившихся из Нижнекамчатска казаков вошли в устье Компаковой. Весною 1717г. возвращающееся судно по причине льдов пришло к Охотску около половины июля.

6. Мы воротимся к Охотску, когда расскажем происшествия Камчатки, Анадырска, Нижнеколымска и Усть-Янска, потому что во всех этих местах возбудилась живая заботливость чрез предписания губернатора. Теперь кстати податься назад, чтобы связать нить повествования с концом, покинутым во II периоде.

К прежним известиям о низвержении Атласова казаками надобно прибавить, что он и следовавшие за ним два прикащика, Миронов и Чириков, лишены жизни от сослуживцев за обдел в незаконной наживе; что начинщиками убийств были казаки Анцыферов и Козыревский, что камчадалы и коряки, увлекаясь казачьим самовольством и собственным мщением, так же поступали со сборщиками и грабили ясачную казну; что сбираемый ясак с 1707 г. в первый раз дошел до Якутска в 1714г.; что в проезды с ясачною казною погибло на дороге до 200 человек, начиная с 1703 до 1715 года, т.е. до открытия водяного сообщения по Охотскому морю; что при отдаленной бессудности и безнаказанности вспыхивала среди казаков необузданность и после упомянутых злодейств. В продолжение сумятицы близ Авачинской губы в 1710г. разбилось японское судно, и один из японцев, года через три, препровожден в Петербург. Между тем заводчики кровавых дел, Анцыферов и Козыревский, для заглаждения преступлений, с помощью товарищей, усмирили большерецких камчадалов, потом отправились на байдарах в поход на 1 -и Курильский остров и вступили в удачный бой, после которого Курилы и склонились к подданству. Оттуда казаки поплыли на 3 карбасах (в добычу полученных) на 2-й остров, где, увидев многолюдную толпу, собравшуюся для отпора, начали, за недостатком пороха, убеждать словами к платежу ясака, но без успеха в сентябре возвратились в ос. Большерецкий. В 1713г. от имени якутского обер-коменданта приказано Козыревскому плыть для

разведания о состоянии островов Курильских. Далеко ли Козыревский плавал и с кем, или собрал сведения от жителей 1 -го острова и поверил чрез разговоры с японцами, кораблекрушение потерпевшими, только то не безызвестно, что впоследствии он имел какое-то описание островов, с присовокуплением примечания, что японцы приезжают на 6-й остров для нагрузки руды. Судя по времени, описание Козыревского могло дойти до рук губернатора кн. Гагарина и взойти к правительству без имени сочинителя как преступника. Ибо не могло статься, чтобы Петр Великий, без предварительных сведений со стороны сибирского начальства, довольствуясь одними показаниями японца, в столице находившегося, решился в январе 1719г. отправить геодезистов Евреинова и Лужина к Курильской гряде. Геодезисты, по словам открытой инструкции, ехали будто для решения вопроса, сходится ли Азия с Америкой, но на деле не тем занимались и из Большерецка поплыли не к 6-му острову, на котором в упомянутом описании сделано ориктогностическое указание, но к 17-му Шимуширу (Симусиру), без сомнения японцем обозначенному, и обратно отплыли в Большерецк и Охотск. Крашенинников ближе мог знать это секретное дело, нежели Миллер понаслышке от шкипера, которому, быть может, и запрещено разглашать правду. Был отголосок, что государь в Казани изъявил геодезистам удовольствие за исполнение поручения, но далее не видно никаких попыток на осмотренный остров. Перейдем в Анадырск.

7. Когда вследствие известного губернаторского предписания отбирались якутскою канцелярией показания от казаков, в Анадырске служивших, нашлись некоторые сведения, относящиеся до сопредельного края, именно, что примеченные на Карагинском острове еловые и сосновые бревна в землянках островитян приносятся к ним морским восточным ветром, как и на восточном берегу Камчатки; что число чукотского племени, по разным сказкам, от 3500 до 4500, что они делятся на оленных и оседлых*, из коих первые живут будто бы в камнях, последние — в землянках при берегах морских или речных, а те и другие питаются оленями, китами, моржами, рыбами и растениями; что в Чукотии, по безлесью, нет соболей, только одни волки и красные лисицы; что про-

* Капитан Литке, при обыкновенной своей внимательности, вот что говорит в *Путеш. кругосветном:* «Чукчи не одного происхождения. Оленные, называя себя **чаукчу,** говорят одним наречием с коряками оленными, след., одного и поколения: они великорослы. Оседлые, называющиеся **намоллами,** имеют наречие, сходное с кадьякским, след., одноплеменны с эскимцами, также и малорослы. У чаукчу и намоллов лица одинаково плоски с высунувшимися скулами, только у последних заметны облики монгольские, иногда с углами у глаз, вздернутыми кверху. Сидячие беднее оленных». Те и другие показались нашему мореходцу общительными и приветливыми, но таковы ли они в самом деле, когда бы довелось русским быть среди их земли, вдалеке от вооруженного шлюпа, это еще вопрос.

У Крашенинникова, напротив, коряки оленные описываются, при всей высокомерности и хвастливости, малорослыми, сухощавыми, ревнивыми, с продолговатыми лицами, с глазами наискось и не похожими на чукчей Литкиных. В самом деле, если бы чукчи и оленные коряки были родичи, с чего и за что между ними бывала вечная война? Коряки оседлые, по описанию Крашенинникова, наружностью более походят на чаукчу, да и названы у него **чаучу.** Надобно еще пожелать точнейшего взгляда на племена, прижатые к сибирско-восточной окраине, и с филологическим знанием сравнить их диалекты, дабы открыть, один ли был у них язык коренной или, напротив, включал в вопрос и камчатские наречия. По-моему, оленные коряки более походят на намоллов, а сидячие — на оленных чукчей.

тив Чукотского Носа есть остров, заселенный зубатыми людьми, с которыми чукчи ведут войну лучным боем; что за островом лежит большая земля (берег Америки) и оттуда получаются куницы, привозимые для мены в Анадырск, что до той земли можно на вьючных оленях (?) поспеть от Носа в 10 недель; что из Анадырской губы до Носа чукчи на байдарах плавают недели в три. Известия сего рода после подтверждены и чукчами, в небольшом числе в 1718г. поддавшимися Российской Державе; известия сии, которых никто не уважал в свое время, могли бы убедить в разделении Азии от Америки самого Миллера, из которого занят этот перечень, убедить в том, что простонародные сведения о Чукотии удовлетворительнее, чем известия плавателя Дежнева, и что сказание его о времени перехода от Носа до Анадырской губы далеко не подходит к правде.

В 1713 г., по сказанию *Сборника,* проехал чрез Тобольск в Анадырск капитан Татаринов, для управления Камчаткою; ему дано 58 драгунов с казаками, в 1714г. (там же) велено в Анадырске распорядиться походом, чтобы земляной Олюторский острожек, стоявший на дороге Камчатской, взять от непокорных коряков и построить острог деревянный, конечно, для пресечения озорничеств со стороны грабителей, и мирных и немирных.

8. В то же время подобная заботливость показывалась в двух крайних острогах к Ледовитому морю, потому что при опросах и расспросах, какие делались по предписанию губернатора, ожила в казачьей памяти старая молва казака Стадухина, нижнеколымского строителя, о большой земле, будто бы виденной в пространстве моря, против устьев Яны и Колымы, а по другим слухам — против Индигирки и Колымы или еще против Индигирки и Яны, по оптическому положению облаков или туманов. Молва сия, с 1645 г. плесневевшая в глухих отголосках черни, не вовсе очистилась при ответах, какие отбирались в Усть-Янске и Нижнеколымске. После особливого губернаторского предписания от 28 января 1711 г. сделаны отправления водою и по льду с устьев Яны и Колымы, ив 1714г. еще повторены разыскания казачьими партиями; но Сибирская Атлантида исчезла. Наперекор опыту, якутский сын боярский Амосов в 1723 г. возобновил старую помолвку о большом острове, и в следующем году он отделался указанием на острова, после известные под именем Медвежьих*. Но в дерзком невежестве превзошел своих предшественников казак Аф. Шестаков, который, не умев ни читать, ни писать, выдавал в царствование Екатерины Первой в Петербурге письменные карты своей съемки, выставляя на них остров Копаев, длиною в 10 степеней, а позади него к северу — большую землю. Делиль и Буаш, основавшись на авторитете Шестакова, издали в Париже карту, поместя остров под 73°, а большую землю — под 75° ш. Мы не замедлим в своем месте досказать, какое поприще открыл себе велеречивый казак.

9. Капитан флота Витус Беринг, во исполнение инструкции, 23 декабря 1724г. собственноручно начертанной Петром Великим, для решения вопроса: сходится ли Азия с Америкой, прибыл в

* Сержант Андреев, как видно из *Сиб. вестн.* 1823 г., описал 5 Медвежьих островов в 1763 г., а Врангель, на нартах ездивший до Шелагского мыса, определил их широту и долготу.

октябре 1726 г. в Охотск, из 11 жилых дворов тогда состоявший*.

В разных партиях приехали туда с запасами сотрудники экспедиции, лейтенанты: Чириков и Шпанберг, мичман-журналист Чаплин, двое геодезистов, двое штурманов, иеромонах Иларион**, лекарь, матросы, солдаты, мастера и господские люди. Не в одно также время 1727 года экспедиция отправилась морем из Охотска в Камчатку. Они, усевшись на боте **Св. Гавриил,** 9 июня 1728 г. на воду спущенном в Нижнекамчатске, и предавшись покровительству Божию, 13 июля вышли в море в числе 44 чел., начиная с капитана до корякского толмача. Счисление судовое велено от Нижнекамчатского меридиана, которого широта отмечена в 56° 03', журнал начался с 14 июля и продолжался в направлении к северу до 16 августа, в которое бот находился в ш. 67° 18', а в долготе к востоку от принятого меридиана 30° 17', или, что то же, в д. 210° 46' 17" от ос. Ферро. В сей точке, признав астрономо-географическую задачу решенною, Беринг приказал в 3 часа 16 августа объявить, что указ исполнен, и поворотить бот назад. Экспедиция 2 сентября явилась в Камчатскую губу. В следующем, 1729-м, году Беринг, руководствуясь местною наслышкою о близости Америки и не менее собственным замечанием, что на море не было огромных валов, толкнулся было к востоку с 6 до 9 июня, но по благоразумной недоверчивости к своему судну и такелажу поворотил на запад и, обогнув известную Лопатку, 24-го вошел в р. Охоту и грянул из 51 пушки. История, именем России и Сибири, откликается на толь торжественный залп восклицанием хвалы благодарной. Экспедиция подарила наукам невиданную карту берегов Охотского и Камчатского, с прилежащими островами, и игру магнитной стрелки.

На пути к Якутску Беринг встретился с казачьим головою Аф. Шестаковым, который по указу 1727 г. (26 марта) ехал покорить непокорных коряков и чукчей и открыть на Ледовитом море большую землю, 77 лет видимую невидимку. Встреча Беринга с безграмотным казаком не большая редкость; но, когда вспомнишь, что этому казаку подчиняются все команды северо-восточного края для исполнения обещаний неудобоисполнимых, недоумеваешь, что скажет о том история.

10. Шестакову как начальнику экспедиции, которую можно назвать Чукотскою, даны от адмиралтейской коллегии штурман Гене, подштурман Федоров, геодезист Гвоздев, рудознатец Гердебол и 10 матросов. В Екатеринбурге получил он несколько небольших пушек и мортир с принадлежностями. В Тобольске присоединен к нему драгунского полка капитан Дмитрий Павлуцкий и 400 казаков даны им в команду с повелением,

* Не повторяя инструкции, напечатанной во многих книгах и в *Первом морском путешествии россиян* Верха, я выписываю из последнего населенность восточных мест в тогдашнее время:

300	домов		в Якутске
11	«		в Охотске
17	«	и часовня	в Большерецке
17	«	и часовня	в Верхнекамчатске
40	«	и церковь	в Нижнекамчатске

** Берг в числе чинов экспедиции поместил и монаха Козыревского, Ручаюсь, что это имя написано так, а не исторически. Правда, что Беринг говорил с Козыревским об островах Курильских, но для чего 1 ему брать с собой человека, не имевшего географических сведений о крае?

чтобы все команды якутских острогов и зимовьев были им послушны. В Якутске расстались Павлуцкий и Шестаков, первый отправился к Нижнеколымску, последний — в Охотск. Здесь он взял суда, на которых Камчатская экспедиция прибыла; бот **Гавриил** под управлением Генса Шестаков отдал племяннику с тем, чтобы он осмотрел и описал все острова от р. Уды, а сам поплыл к ос. Тауйскому на другом судне, к несчастию разбившемся, и едва спасся с несколькими людьми из команды. Отсюда с сборною командою русских и иноплеменников, состоявшею из 150 чел., следуя на р. Пенжинудля убеждения коряков к подданству, встретился Шестаков с большою толпою чукчей, шедших на оленных коряков; вступил с ними в бой и в горло стрелою поражен смертельно. Сражение происходило 14 марта 1730 г. между рр. Паренем и Пенжиною.

За три дня до своей беды Шестаков дал приказ в Тауйский острог, чтобы послать казака Крупышева на мореходном судне нар. Анадырь для приведения жителей, против той реки кочующих на острове Столб-Корга*, в ясачный платеж, и взял бы он на свое судно геодезиста Гвоздева. Что ж касается до племянника Шестакова, он разъезжал по Охотскому морю, был в 1730г. в Удском, дважды — в Большерецком и в сентябре возвратился в Охотск. Тем и кончились заполошные предприятия Шестакова, после которого Павлуцкий становится доведью экспедиции.

11. В междудействиях экспедиции в 1729 г. прибило к Камчатской лопатке японскую бусу, полгода носившуюся по морю. На ней были товары и 17 японцев. Они выгрузили с помощью лодки товары и вещи на берег, чтобы успокоиться на земле. Случайно наехал на них с командою камчадалов пятидесятник Штинников, которого плавател и-горемыки в радости одарили товарами и вещами, но к новому горю мнимый покровитель чрез двое суток скрылся, чтобы воспользоваться железом с бусы, которую отнесло бурею далее по берегу. В то время, как Штинников предавал огню бусу, японцы на лодке плыли мимо горевшего судна, вскоре увидели за собою погоню знакомых камчадалов, которым приказано перестрелять и переколоть их. Двое остались в живых и взяты Штинниковым в холопство, по казачьему обычаю того края и времени. К счастью, узнал о приключении приехавший из Якутска прикащик, бросил злодея в тюрьму до решения, а японцы, по приказу Павлуцкого, командовавшего тогда в Анадырске и Камчатке, отправлены в Петербург, где они успокоены, окрещены под именами Косьмы и Дамьяна (Шульца и Поморцева, по Миллеру) и имели счастие рассказать о своих приключениях самой императрице. Правительство старалось сдружиться с соседями, а невежи-служители его свирепствовали из низкого корыстолюбия. Таков был стиль сибирской службы!

12. Павлуцкий, приказав штурману Генсу плыть на рейд Анадырский для содействия экспедиции, сам в марте 1731 г. выступил в поход из Анадырска с 215 русских, к которым присоединились сотни две коряков и юкагир, и шел через рр. Белую и Черную на север, к Ледовитому морю. По прошествии двух с лишком месяцев, делая в день верст по 10, он дошел до устья немалой реки, в море вливающейся, и оттуда через две недели прибережного хода сошелся с кучею чукчей вооруженных. Сделаны

* Полно, был ли обитаем этот островок?

им внушения к подданству, но предложения не приняты. Завязалось 7 июня сражение, и неприятель сбит с поля. Наши шли вперед, и 30 июня случилась другая сшибка, кончившаяся также в нашу пользу. Победители шли к Чукотскому Носу и хотели поворотить к заливу Анадырскому, как чукчи, в нарочитом количестве собравшиеся, дали 14 июля третью битву и, сколь много ни потерпели, никак не склонялись к подданству. В числе добычи нашлись вещи убитого Шестакова. Через 29 дней ходу осторожного отряд Павлуцкого прошел гористый нос, в море высовывающийся, у анадырцев называющийся Сердце-Камень, и наконец 21 октября возвратился в Анадырск. Говорят, что много пленных обоего пола выведено на Колыму и, посланные оттуда к Якутску и Иркутску, все изгибли дорогою. Из Чукотского похода, к сожалению, наукам не досталось никакой добычи: ни указаний рудных, ни замечаний географических или физических*. Только и известного, что Гвоздев на судне Крупышева в 1732 г. был вш. меж 65 и 66°, на берегу острова близ американского берега, где видел островитян, но не мог разговориться, за неимением толмача.

Нетрудно заметить, что экспедиция, обещавшая примирение чукотского племени, не только не отодвинула границы нашей к морскому берегу, но и прежнюю беззащитную, живыми урочищами обозначенную, подвергла неизвестности опасений, посеяв надолго озлобление и мщение. Нетрудно заметить, что экспедиция с самого начала до конца есть отвага необдуманная; трудные цели, средства неприготовленные, нет суммы для путевых расходов, ни способов для удовлетворения нуждам, команды Шестакова и Павлуцкого жили отъемом местного продовольствия. Мы сказали, что экспедиция надолго посеяла озлобление и мщение, а эти семена начали всходить около 1738 года. Двухтысячная толпа чукчей, лучным боем вооруженных, врасплох нахлынула на олюторских коряков, ограбила их и многих увлекла в полон. Чтобы послать отряд из Якутска на Анадырь, требовалось 34 недели на поход и сколько времени на переписку с правительством? При суждении о трудностях похода несвоевременного, в кабинете министров решено в 1741 г. (14 января) умножить в Анадырске команду строевую и казачью, которой доставало только на оборону своего поста**.

Если бы Сибирская история могла знаменовать свои эпохи медалями, мы не решаем, достаточно ли одной медали, чтобы изобразить на ней Хабарова и Степанова, а на обороте Шестакова и Павлуцкого. Шестаков, похожий на Хабарова, мог быть Степановым, но Павлуцкий, как знакомый с военною службою, им не чета.

13. Камчадалы, выпроводив назад команду Берингову, вскоре наслышались о рассеянии ополчения Шестакова и, не опасаясь пушек, лежавших по острогам без канониров, выжидали только отхода бота **Гавриила,** на котором большой части Нижнекамчатского гарнизона надлежало отплыть в Анадырск, выжидали, чтобы целым племенем на всех местах открыть против Русской Державы бунт, предумышленный и со-

* В *Путеш.* капитана Сарычева сказано, что есть неизданные журналы Павлуцкого.

** Война с чукчами с 1747 г. возобновилась и продолжалась 8 лет (из бум. сибирского генерал-губернатора 1816 года). В 1752 г. послана из Тобольска в Анадырск сотня солдат под начальством майора Шмалева (из *Тоб. Сборника).*

вешанный в течение прошлой зимы. Бот 20 июля 1731 г. снялся из-под крепости, но за противным ветром остановился в устье Камчатки. Нетерпеливые камчадалы, и в том числе крещеные тойоны с соумышленниками, в тот же день начали убивать казаков и русских жителей, не щадя ни пола, ни возраста, и грабить имущество; они завладели крепостью и все в ней выжгли, кроме церкви, в которую снесено имущество обывательское. Несколько спасшихся известили командира бота. Гене на другой день прислал партию из 60 казаков для увещания; 26-го подвезены с бота пушки, сделаны проломы в стенах крепостных, пороховая казна вспыхнула, церковь сгорела, и изменники бежали для продолжения бунта. Огорченные казаки рубили камчадалов без разбора. С вестью о разорении Нижнего острога дальние соумышленники устремились на разорение двух прочих и врасплох умерщвляли казаков, пока отряд из Нижнего не подошел и не испроверг возмущений разноместных. Вспоследствии для исследования причин бунта и убийства японцев приехали штаб-офицеры Мерлин и Павлуцкий во исполнение громкого указа 1733г. (21 мая), провозглашенного насчет притеснений, деланных ясачным в Камчатке и вообще в Якутском краю. Трудно было следователям обнять всю совокупность неправд; довольно было показать ближайшие причины бунта, долговременно таившегося в сердцах камчадалов, и наименовать главнейших из них изменников и убийц, не закрывая двух предпоследних прикащиков в излишнем сборе ясака и не оправдывая изверга Штинникова. Следователи в продолжение следствия, и по окончании его, занимались отстройкою Нижнекамчатского острога и оставались в Камчатке по август 1739 года. Правительство в мудрости своей сократило число приговоренных к смертной казни*.

14. Еще не дошли до правительства вести о двух происшествиях: походе Анадырском и бунте Камчатском, как оно уже приступило к важной мере насчет северо-восточного края, чувствуя впредь сомнительную судьбу его. Уверясь, что якутскому начальству не вместно заведывать дальним краем, оно не признавало приличной точки ни в Анадырске, ни в Большерецке, дабы с присвоением власти сократить самую перевозку тяжестей. По сим уважениям 30 июля 1731 г. Охотск избран средоточием северо-восточного правления.

Начальнику охотскому дана тогда инструкция в 33 статьях следующего содержания**.

С назначением Охотска в начальственное место Камчатки, Северо-Востока и всех предприятий на тамошних водах устроить его портом; для водяных сообщений завести судна 4, на которых и отправлять все тяжести в Камчатку.

Из 1500 служивых людей, указом 23 марта 1727 г. назначенных в распоряжение Якутского воеводства, отделить

* По конфирмации повешены: двое прикащиков и Штинников да в страх и обуздание в каждом остроге по два камчадала, которые были главными производителями бунта.

** К удивлению, инструкция, по докладу Сибирского Приказа, дана на имя Григория Скорнякова-Писарева, который по телесном наказании и лишении всех прав состояния сослан был в Жиганск при Петре Втором за то, что при Екатерине первый вошел с Толстым, Девиером и прочими в преступный замысел располагать наследием престола. Оттуда переводится начальником Охотска с жалованьем в 300 р., хлеба — 100 четвертей, вина —100 ведр. и обещана императорская милость; но 17 апреля 1732 г. опять Писарев отсылается в Жиганск. Сенат признал за лучшее определить приличных командиров в Охотск и Камчатку. В *Словаре достопам. людей* Писарев начальствует в Охотске до 1740 года. Не знаю, когда отменен о нем указ 1732 г. В П. С. Законов этого не видно.

300 казаков в команду Охотскую; перевесть из Илимска до 50 семей крестьянских для пашни и дать им семена; разместить до 30 кибиток тунгусов-скотоводцев в Охотске, по дороге Охотской, в Удском, в Камчатке, дать им льготы, чтобы племя лошадей и коров у них разводилось.

Нельзя ли отЯкутска сделать водяное сообщение до Охотска?

Смолу начать **высиживать** и завесть **ручные доменные печки** для плавки железной руды, для снабжения тем и другим новой морской экспедиции.

На Шантарские острова посылать за ясаком.

Смотреть за камчатскими прикащиками, определя туда комиссаров, заводить в Камчатске церкви, купечеству тамошнему дать льготы на Шлет, **перевозить купцов на судах с платою,** завести там кабаки, вино брать из Якутска, пока не разведется свой хлеб, и **за нехождением денег** продавать вино на мягкую рухлядь.

Капитана Павлуцкого* взять в команду; не лучше ли возобновить ос. Олюторский; японцев, заносимых бурею, отвозить в знак дружества для заведения торга и осматривать острова Японские.

Вот сокращение видов, какие по указаниям бывшего губернатора кн. Гагарина правительство распространяло в своих распоряжениях, для лучшего обладания северо-восточным краем. Выражения, особым почерком написанные, помещены в инструкции со слов Беринга, по возвращении представлявшего некоторые усмотрения. Повеление определить комиссаров в Камчатку происходило также из представления Беринга, доведшего до сведения, что в Камчатке при сборе ясака третья часть и более дается в подарки сборщикам. Прибавить надобно и то, что с сих пор Охотск сделался местом поселения людей, осуждаемых или за долги, или по сомнениям, и также на каторгу с тем, чтобы там распределять их в прежние состояния, записывая бывших купцов — в купцы, мастеровых — в мастеровые, крестьян — в хлебопашцы. Граф

* Дмитрий Иванович Павлуцкий, о котором несколько раз упоминалось в этом периоде, был тобольский уроженец из рода Павлуцких, которых предок шляхтич Ян, из Польши вышедший, послан с прочими с 1622 г. на службу в Сибирь. Потомки его служили в детях боярских и не всегда были свободны от подушного оклада, как видно из фамильных бумаг дома Павлуцких, уже погасшего в мужеском поле. Дмитрий, в чине капитана Тобольского драгунского полка,отправясь с Шестаковым для усмирения чукчей, дослужился там до майора, был командиром Камчатки, следователем известных злоупотреблений на полуострове и по Якутскому ведомству. В 1747 г. возобновились набеги чукчей на коряков, подведомых Анадырску, где тогда находился Павлуцкий. При первом известии о чукотском разорении ближних коряков (по словам *Тобольского Сборника)* Павлуцкий 21 марта ночью пошел на нартах и лыжах догонять неприятеля с 80 человеками казаков и коряков при двух сотниках, остальной же команде, сколько можно собрать, приказал следовать за собою. Скоро догнал и увидел их на высокой сопке, в превосходном множестве. Сделал совет, нападать ли на неприятеля или сождать остальную команду. Один сотник говорил, что лучше отабориться нартами и оленями и сождать команду; но другой, Горницын, удалый (забоячливый, по *Сборнику),* сказал с досадою: наши казаки воисты дома, а в виду неприятеля трусливы; теперь-то и бить злодеев, пока они в куче, а где их сыщем, когда разбредутся по загорьям? Павлуцкий, по свойству своего духа, принял последнее мнение и приказал ударить на чукчей. Кинулись на сопку, а чукчи стремительно бросились на наших, так что надлежало уступить первому натиску, но наши, увидев, что часть чукчей, обойдя сопку, явилась с тыла, сробели, и многие пали на оленей и бежали. Павлуикий с оставшимися казаками храбро защищался и отступил верст на пять, но наконец со всею дружиною убит. Это известие согласуется и с словом Крашенинникова, который в своей *Камчатке* назвал Павлуцкого покойным. В *Поколенной росписи* Павлуцких Дмитрий отмечен в кружке: умре бездетен, да и только.

Миних, сомневаясь в ожидаемых пользах от Охотска, куда в 1731 г. сослано 153 чел. (уж ли все военных?), полагал лучше ссылать виноватых на сибирские железные заводы.

Изложив распоряжения, как исторические, не излишним считаем примолвить: а) что Амгинская крестьянская слобода есть колония Илимская, вследствие инструкции 1731 г. на Амгу переселенная для хлебопашества, года через три удающегося в произрастании ячменя*; б) что заведение Ямского острога в заливе Пенжинской губы, устроенного в 1739г. для обуздания прилегающих коряков, принадлежит начальству Охотскогд порта; в) к его же распоряжениям относится и Гижигинское укрепление, около 1765 г. начавшееся.

После сего надлежало бы нам перейти на сухую сибирскую границу, какая пролегала от Иртыша к Уральскому хребту, но Вторая Камчатская экспедиция, хотя она касается нашего плана в одном обзоре берегов Ледовитого моря, задерживает на распутьях Северо-Востока и Северо-Запада. Да и как не дать места этой экспедиции в составе *Исторического обозрения ?*

15. Намерение Второй Камчатской экспедиции, вызванной самим неутомимым Берингом, в гадательном заключении о расстоянии Америки от Камчатки на 600 миль**, состояло: а) в подтверждении, точно ли та и другая за Чукотским Носом стоят отдельно; б) в обязанности объехать Чукотский угол с юго-востока на северо-запад или обратно; в) в осмотре устья Амура, Шантарских и Курильских островов и прикосновенных берегов Японии; г) в открытии берегов Америки; д) в обозрении и определении окраин Ледовитого моря, от Печоры до Чукотского Носа, разделенными судами. В подвигах экспедиции участвовали с Берингом капитаны Чириков, Шпанберг с другими морскими чинами; по ученой части академик Делиль де ла Кройер, частью профессора истории естественной и общежительной Гмелин и Миллер, адъюнкт Штеллер, студент академии Крашенинников, геодезисты, Делилем любимые, Красильников и Попов, горные практиканты, пробирный мастер, механик, молодые люди, в Московской духовной академии учившиеся. Всех людей, исключая Гмелина и Миллера, съехалось в Охотск до 200. Дело откроет и имена флотских офицеров, по берегам северного моря странствовавших, в пользу которых заготовлены магазины продовольствия при устьях больших рек и чрез сибирского губернатора обвещены прибрежные ясачные, чтобы были готовы подавать морским судам возможные пособия и во свое время зажигали бы маяки по ночам.

Другой экспедиции толь огромной, толь торжественной доныне не бывало чрез всю Сибирь, и дай Бог, чтоб, из сострадания к краю бедному, впредь никогда не слыхать знаменитости толь разорительной. Четыре раза надлежало экспедиции садиться на воды, четыре раза выходить со всеми грузами на сушу, с угнетением жителей при каждой перемене. Сколько артиллерийских орудий и снарядов, сколько корабельных тяжестей, сколько тысяч пудов провианта

* При настоящем распространении земледельческих сведений, благодаря преполезной газете сего имени, уповательно, испытают на Амге посев вазовских и гималайских хлебных зерен.
** От Авачи до мыса Св. Ильи, в 68 градусах долготы, выходит 4065 верст.

надлежало якутам перевезть из Юдомского Креста до Охотека*.

Если прибрежные путешествия по морям, Ледовитому и Охотскому, могли совершиться независимо от непосредственного влияния Беринга, под главным наблюдением Сената и коллегии, чему ничто не мешало; то не ближе ли, при известном устройстве Балтийского флота, толще экспедиции сесть в Кронштадте на шлюпы, и плыть к делу? Будучи, однако ж, далеки от минувшего, чтобы мнение свое причитать кому-либо в укоризну, мы не можем похвалить Беринга как мужа ученого и самовидца природы охотской, за ту скромность, что он не остерег правительства от ложных мер разведения хлебопашества в Охотске и Удском. Посмотрим на исполнение.

Одно из главных требований, чтобы коснуться берегов Японии и обозреть Курильскую гряду, кое-как было исполнено капитаном Шпанбергом и лейтенантом Вальтоном. Первый видел Японию в ш. 38° 41' и на обратном пути — бородатых айнов будто бы в ш. 43° 50', конечно, на Матсмае, которого он коснулся и в ш. 41° 22'. Последний, по своему счислению находясь западнее 11 ° 45' против первого Курильского острова, был в ш. 38° 17', потом будто бы спускался до 33° 43' и имел сообщение с японцами, по-видимому, южнее столицы Эддо, высылал людей на берег, дружелюбно угощенных в разных домах, и сам с таким же дружелюбием угощал посещавших его яхту. Сенат с коллегиею, не уважив вестей обоих офицеров, как они гостили в Японии, ни их счислений, велел повторить плавание, неудачнее прежнего конченное.

К исполнению другого главнейшего требования, чтобы открыть берег Америки, в держанном совете морских офицеров изъявлены два мнения: одно, чтобы держаться карты, от Сената данной и составленной братом Делиля де ла Кройера, на которой показаны в ш. 45° земли, виденные мореходцем Гамом, другое, основанное на добром смысле флотских офицеров, чтобы пуститься к северо-востоку. Если бы экспедиция решилась на последнее, она наткнулась бы на гряду Алеутскую, подле которой, как по столбовой дороге, достигла бы искомого берега Америки. Но Беринг и Чириков предпочли следовать данной от правительства карте, и, не совершенно убежденные в ея верности, они юго-восточным обыском хотели очистить только указ и стремились по своим мыслям к Америке. Чириков, во время тумана разлучившийся с командором в ш. 41°, коснулся в 1741 г. американского берега в ш. 55°, а командор через три дня в ш. 58° 28'. Оба старались разведать о состоянии открытой матерой земли, но разведывания были маловажны и счетисты по утрате посыланных людей. На обратном пути застигли обоих мореплавателей ветры, бури, дожди, цинготная болезнь, изнурение, смертность и неразлучные с тем бедствия. Чириков больной, лишась 2 лейтенантов и 21 из 70-ти матросов, 9 октября вошел в Авачинскую губу, не

* Какие изнурения, какие уроны в лошадях терпели якуты от перевозки тяжестей, начиная с открытия Камчатки, можно читать записку якутского племени головы Аржакова. Этому так и быть; но бережливее ли поступали с жителями Сибири профессора-немцы? В марте 1735 г. Гмелинс Миллером, отправляясь из Иркутска за Байкал налегке, как сам пишет, не довольствовался 37-ю лошадями, провинциальною канцелярию) назначенными, ни прибавленным числом, но велел насильно на базаре отнять, сколько хотел, а с Голоусной станции поехал на 150 лошадях. Что ж подумать о поезде морских чинов?

без горести, потому что Делишь, силясь сойти на берег, испустил дух на деке. Командор, наименовав один мыс острова Кадьяка, пройдя в августе Шумагинские острова, так названные по имени матроса, тут погребенного с его пакетбота, и вскоре сдав команду Вакселю, с самоотвержением слышал об изнеможении команды, об усиливающейся смертности, равно и о том, что давно не знают широты плавания. Наконец придвинуло пакетбот к незнаемому берегу и бурею перебросило его через камень. Ваксель и Штеллер съехали на берег, чтоб осмотреть покрытое снегом пристанище. Нашлась речка, еще не замерзшая, но лесу не было. В песчаных буграх начали рыть ямы для казарм, и в одной из таких ям 8 декабря кончил деятельную жизнь бессмертный Беринг. Кладбище его и частью команды слывет о. Беринговым*.

Перейдем от похорон человека, которого слава осталась в живых, на поморскую окраину Ледовитого моря, как на границу, естественно, крепкую.

16. Точно около того времени, когда правительство снаряжало морские суда от Архангельска на Обь, сибиряки обоего пола в числе 70 чел., вышедшие из Оби на своей коче, обогнули мыс Ямал и, не боясь ни Карского моря, ни Югорского Шара, приплыли в Соловецкий монастырь на богомолье; на обратном же пути не могли за льдами пройти Югорским Шаром и принуждены были зимовать на о. Долгом, где от голода и цинги все перемерли, основав там известное доныне кладбище Сибирское. Отсюда, как с урочища родственного, надлежало бы зачать описание морских путешествий, но за отдаленностию этих островов и вод мы приветствуем лейтенантов Малыгина и Скуратова с берега р. Кары, из которой в 1737 г. они плывут к Оби, определив устье Кары в ш. 6948', также глубину ея и направление фарватера; а между тем геодезистом Селифонтовым описан западный берег Обской губы, и на оленях осмотрен южный берег о. Белого. Скуратов 17 июня определил Трехозерную речку в ш. 69° 13'. Оба лейтенанта в начале июля стояли на якоре против Байдарицкой губы, измерили ширину фарватера и глубину губы; заметили/что прилив шел к В. только 4 часа, а отлив к 3. — 8 часов, течение первого было сильнее последнего; 18-го миновали р. Эрубей в ш. 69°53', окруженную с устья мелями; 21-го прошли Мутную в ш. 70°27' и Шараповы Кошки в ш. 7Г12', прошли также р. Медведицу в той же широте 37'. Мыс Ямал, по словам Миллера, определен в ш. 72°30', а остров Белый положен в ш. 73°08'. Здесь прилив шел от 3. 4 часа, отлив от В. — 8 часов, первый был сильнее и с водою соленою, последний — с пресною, возвышение воды на 1'/, фута. С 18 августа лейтенанты вошли в Обскую губу.

В 1737 г. удалось лейтенанту Овцыну с штурманом Мининым и флотским мастером Кошелевым выйти из Оби надубель-шлюпке **Тобольск** и боте **Почтальон-Обь и** 16 августа обойти мыс Матзоль в ш. 73°18'. За мысом к С.-В. вдался

* Остальная команда из 45 служителей, за исключением 30-ти на острове умерших, питавшаяся зиму и весну сперва морскими бобрами, выкинутым китом, потом — морскими котами, далее — тюленями, после — сивучами, под конец — морскими коровами, состроила по указанию красноярского казака Стародубцева одномачтовое судно из частей разрушенного пакетбота, 16 августа 1742 г. вы шла в море и 29-го того же месяца достигла под начальством Вакселя Авачинской губы. Штеллер, замешавшийся в какой-то процесс, судился в Иркутске и скончался в Тюмени.

большой залив верст на 100. Течение замечено к С., склонение компаса восточное, положение берега, называющегося Юранским или Юратским, — низменное.

В 1738 г. штурман Минин отправлен из Енисея на боте **Почтальон-Обь** навстречу судну, следовавшему с Лены к Енисею, но за льдами воротился из-за каменного берега. В 1740 г. Минин прошел устье Пясины, обсыпанное островками, и, в ш. 75° 15' встретясь с непроходимым льдом, поворотился назад 21 августа. Равную неудачу испытал лейтенант Прончищев, который, в 1735г. отправясь с Лены на дубель-шлюпке **Якутск,** зимовал в русской деревне, недалеко от устья Оленека. Следующим летом он прошел Анабару и Хатангу и поравнялся почти с устьем Таймура; но, остановленный множеством островов, к северо-западу насыпанных, где случалось ему видеть дельфинов да рыболовствующих чаек, он не мог ни пройти проливами заледенелыми, ни обойти их по затверделости льда, стоявшего в ш. 77°25', и поэтому принужден был воротиться. Для приведения в известность пробела, остающегося между крайними точками Минина и Прончищева, на расстояние 9-ти почти степеней, послан геодезист Чекин, который, исполнив, как умел, береговое описание, написал оконечность Таймурского мыса в ш. 76°38'. Если бы и определение и описание Чекина оказались основательными, весь берег остается неизвестным в отношении гидрографическом, на расстоянии 200, а не 400 верст, как написано в *Енисейской губернии.* Между тем заботливый Прончищев изнурил свое здоровье трудами, можно сказать, до упаду, потому что, чрез несколько часов по возврате на Оленек, скончался. Не место бы здесь упоминать о его супруге, если бы она не заслужила быть хвалою своего пола; неразлучная с ним в морском путешествии, вскоре последовала за ним и в могилу.

На место Прончищева прислан лейтенант Харитон Лаптев, который, в 1739 г. повторив прежний морской путь, видел те же преграды. Против устья Хатанги он заметил множество моржей, по льдинам разлегшихся, и потом со штурманом Челичкиным сухопутно ездил поверять донесение геодезиста Чекина в рассуждении положения мыса Таймурского, но поверка его лежит в архиве адмиралтейской коллегии.

Для прохода с Лены до Анадырской губы употреблен лейтенант Ласениус. От Быковского мыса* 7 августа 1735 г. он вышел в море на боте **Иркутск,** но за противным ветром, густым туманом и льдом 19-го вошел в р. Хараулах, падающую между Леною и Яною, для перезимовки. Команда подверглась цинготной болезни в такой степени, что из 52 осталось живых 13 да подштурман и священник. Сам Ласениус умер прежде прочих, определив наблюдением свою могилу в ш. 7Г1Г. Место его заступил приел энный лейтенант Дмитрий Лаптев с новою командою. Ранее 15-го не мог он выйти в море и, чтобы успеть дойти до Св. Мыса, держал курс на северо-восток, но чрез двое суток стоячий лед положил преграду к дальнейшему следованию и вогнал судно в Лену. Лаптев с донесением о невозможности послан

* Близ сего мыса в 1799 г. усмотрен тунгусским старшиною Шумаховым полный остов слона, после известный под именем Адамсова.

Берингом в Сенат, который, возвращая его к своему месту, приказал приложить все усилия к предположенному проходу, в случае же непреодолимых трудностей следовать ему по берегу сухопутно для описания и положения его на карту. В 1739 г. на прежнем судне он обошел Св. Нос, по новейшим сведениям возвышающийся над морскою поверхностью на 200 сажень, и в конце августа прибыл к устью Индигирки. В следующем году отправился на другом судне и прибережным плаванием прошел Колыму, у которой берег продолжается каменным утесом в вышину до 8 сажень. За Колымою морской берег горист или утесист. От речки в 20 итал. милях за Колымою берег идет к мысу Баранова земляным увалом, выше воды в 4 сажени. Далее мыса берег продолжается не так высоким до мыса Песчаного. Течение бывает переменное, то от В. к З., то от З. к В. Прибыль воды неправильная и едва приметная. От Песчаного Лаптев, из справедливой недоверчивости к чукчам, сухопутно прошел по Анюю и Анадырю и описанием обеих рек заключил многотрудное обозрение северной границы. Кто не почтит ревности, неутомимости и примерных усилий северных наших аргонавтов, которые, в области полярной природы, боролись с безжизненным климатом, с ужасною температурою, с болезнями при отсутствии лекарей и лекарств и нередко с голодом? История, чем живее чувствует цену их подвигов, тем более сетует, что любопытные журналы их доныне не изданы в публичное сведение*. Она предчувствует, что в них не найдется желаемых физических замечаний, сколько по тогдашнему недостатку в инструментах и в знании естественных наук, столько и по изнурению сил телесных и умственных в наблюдателях; но выводы общие уповательно были бы полнее.

Теперь выводы из прибрежных путешествий представляются следующие: а) географическая кайма берегов, посредством снятых очертаний и взятых высот полюса, представляет имоверный, так сказать, купон сибирской карты; б) прилив и отлив при берегах матерой земли и островов не обмерзлых не везде равномерен и к востоку едва заметен; в) течение разностороннее и неравномерное; г) течение в Беринговом море быстрее, нежели в океане, и постоянно идет от северо-востока; д) прилив и отлив Пенжинского моря, во время сизигий, показывают несколько дней правильность в возвышении и падении вод, большой и малой (манихи); первая возвышается до 8 ф., а последняя — на $^1/_8$; во время же стояния луны в четвертях большая вода переменяется в малую и малая в большую и т.п., что можно читать у Крашенинникова. Если подобные дроби морской наблюдательности приняться сличать с наблюдениями новейших морских путешествий в Северном океане, без сомнения, ум человеческий выиграет данные для общего круга знаний, не заботясь о морской науке. Что касается до примет, по которым историограф Миллер заключает о постепенном мелении Ледовитого моря, они основаны на возвышении берега морского сверх воды, на возвышении, замеченном и подле Лапландии.

* Извлечение из помянутых журналов было бы для покойного Верха приличнейшим занятием, нежели выставка трех царствований, требовавших нарочитого труда, порядочного чтения и глубокого размышления о характере важных царствований. Скажут, что журналы штурмана Иванова будут удовлетворительнее, это так; но история дорожит первоначальными трудами.

Но самое возвышение берега не доказывает ли соразмерного углубления дна морского? Поэтому чего-то недостает, чтобы с достоверностью говорить об обмелении одного или двух морей, в прямом значении слова, особенно без совокупного соображения всей системы океанов земного шара. Тут дело шло бы о всеобщем уменьшении количества вод земных. Береговая колонна, измеряющая падение морского уровня, неудовлетворительна для вывода, если нет средств в то же время вымеривать глубину вод не только в одном или двух морях, но во всей системе океанов. Лучше оставим оцепенелую страну древнего переворота, обитаемую белыми медведями, голубыми песцами или коротконогими тарандами, и перейдем на хлебородную границу от Иртыша к Уралу, угобженную стадами кочевавших орд.

17. В феврале 1730г. назначено для Тобольской губернии на строение крепостей с инструментами и окладным жалованьем каждогодно по 3972 р., то есть в сравнении со всеми крепостями в государстве 1/16 крепостного капитала. Сия доля относилась только к тем крепостям, которые вдоль Иртыша выстроены по правилам инженерного искусства, включая в то число и Тобольскую крепость, по старшинству. В 1740 г. крепостной капитал приумножен до 120 000 р., следственно, по аналогичному содержанию приводилось до 7500 р. на крепости Тобольской губернии.

Где же пограничная черта лежала от Омска к Уралу? Трудно обозначить годы и передвижные точки, когда и где она западала, потому что казаки, пользуясь откочевкою кибиток, быстро переносились вперед с форпостами к озерам выгодным. С достоверностью можно утверждать, что здешняя пограничная, так сказать, струя около 1743 года текла вниз по Иртышу к Омску, потом от Чернолуцка бежала на Абацкую и Коркину, далее чрез Бердюжью и Лебяжью — к форпосту Утяцкому*. Перелившись чрез Тобол на речке Юрьямыш, она вскоре извивалась чрез форпост Н ижнечернавский, поставленный на речушке Черной, и чрез Куртамыш слилась с Миассом, на котором в 1736 и 1737 гг., во время третьего Башкирского бунта, наскоро окопалась крепостцами: Миасскою, Челябинскою, далее при озерах Иткульскою и Чебаркульскою, еще далее, со стороны Оренбургской комиссии, Уйскою при вершине Уя и Карагайскою при Уральском отмете; и в этом устройстве Исетская провинция отходила от Тобольского ведомства.

Что ж касается до внешней безопасности Урала заводского, он позади означенной черты обвивался своею змеею укреплений, впереди которой Татищевым еще выстроена была во время бунта Кизилташская крепость на мысу, образуемом речкою Течею, текущею из оз. Иртяша в оз. Клзилташ. Оборонительная заводская цепь, обходя от ос. Катайского все приписные по Исети слободы надолбами, рогатками и рвами, состояла на самом Урале из укреплений: Горного Щита при речке Уктусе, Кособродского при Чусовой, Полуденного при вершине той же реки и Ревдинского.

* Линия от форпоста Утяцкого до Чернолуцкой слободы лежала на 985 верстах, но губернатор Сухарев предположил сократить ее прямыми линиями в 426 верст, как видно из сенатского указа 8 августа 1743 года.

Распорядительному Татищеву и полковнику Арсеньеву, с драгунским полком из Тобольска командированному на Исеть и Миасс, по справедливости следует приписать то, что не все бедствия пролились на новые оренбургские водворения. Мы не считаем своим долгом здесь упоминать ни об Яицкой линии, которая частью заселена сибирским набором с 240 душ по человеку с женами и детьми (7), ни о крепостях Красноуфимской и Елдацкой, посреди которых вскоре выстроена Демидовым Сергинская, как замечено в *Истории рудного дела;* но нельзя пройти в молчании проекта крепкой линии, по рр. Ую и Тоболу в 1739 г. решенной (8). В этом проекте видно мановение той же оборонительной мышцы, которая тогда зодчествовала по военным чертежам на всех границах России. Сия важная линия, в следующем периоде сомкнувшаяся с Омском, вполне прикроет Сибирь от вторжений орд киргизских, которые на словах с 1734 до 1738г. делались подданными России, но наделе не переставали жить ворами и разбойниками. Несмотря на легковерие, попустившее усилиться заворохе башкирской, отдадим справедливость статскому советнику Кирилову! Начертание, какое представил этот внимательный слушатель Петрова Сената министерству императрицы Анны, делает память его не чуждою и для Сибири, хотя время показало в лице его, что легче начертить важное предприятие, нежели привести в исполнение. Не большая, казалось бы, мудрость не считать за одно перо со шпагою или в другое время - шпагу с пером: но, к сожалению, эти промахи случаются. Несмотря, однако ж, на промахи наши, на множество врагов и прежнюю беззащитность сибирской границы, Сибирь не видела большой беды, хотя и часто настояли опасности. Бог хранил и хранит Сибирь.

Глава V

ТОРГОВЛЯ и ея средства

1. Смешанная. 2. Казенная. *3.* Народная сибирская. 4. Знаки монетные. 5. Пути сообщений.

При обозрении торговли мы не станем завлекать читателя ни в Яркен, ни в Хлассу, ни в Японию, как последнее замышлялось при кн. Гагарине и при отправлении капитана Шпанберга, но изложим действительные события.

Петр Первый при самом учреждении Российского Сената (1711 год) вложил в запас глубокую мысль, чтобы для китайского торга сделать добрую компанию. Правительствующий Сенат, заботясь обнять и развить его мысль, изъясняется в апреле того же года, что позволение торговли всякому, кто примет на себя обязанности торговые, есть подлинная мысль государева. В 1718г. (10 декабря) государь, повторяя о китайском казенном караване и казенных товарах, еще промолвил, что в числе казенных товаров быть только поташу и смольчугу, для сбережения лесов, а все прочее отдать в народ с пошлинами, каким по рассмотрении следует быть. Вот три законодательные мысли, открывающие высокий

взгляд законодателя на судьбу торговли, вот три светлые истины*, которые в то же время затемнены, загромождены старыми привычками управления, нуждами денежными и беспрестанною торопливостью предприятий, так что и сам Великий иногда является в противоположности с своими изречениями.

Последуя преобладанию устоявшего порядка, мы делим сибирскую торговлю на казенную, народную и смешанную.

1. При отправлении каравана в Китай из Сибирской губернии велено Сенатом (20 августа 1711 г.) для пополнения капитала, прежнему каравану равносильного, прибить в Москве листы по воротам и приглашать вкладчиков, как бывало и прежде. Вот свидетельство маломочия капиталов в средине России, это сказано в сторону! Для наблюдения за благочинием караванных людей впоследствии был посылаем унтер-офицер гвардии, при инструкции коммерц-коллегии. Таков был порядок караванов казенных пополам с народом до 1727 г. с тем ограничением, что воспрещение частным людям покупать ревень продолжалось по-прежнему.

Гр. Владиславич,отправляясь из Селенгинска в Пекин, представлял, что за излишним отпуском мягкой рухляди, с которою наши торговцы ездят из Нерчинска в Ургу, Наин и другие места Маньчжурии или Монголии и там продают с убытком 20-ти процентов, или даже вывозят обратно, — представлял, что надобно воспретить им торг мягкою рухлядью, дабы поднять цену на товары казенного каравана, и чем скорее это сделается, тем будет лучше, по причине, что вслед за ним шел казенный караван. На сем основании 20 декабря 1726г. воспрещен купечеству нашему торг мягкою рухлядью в границах и на границах китайских. Надлежало бы поправить дело, а не поражать промышленности народной, но на первое недоставало изобретательности при равнодушии к последнему.

При следовавшем царствовании (26 июня 1727 г.) разъяснена вольность торга сибирскими соболями и другими заповедными товарами с прежним воспрещением отпуска их в Китай. Причем, как бы в вознаграждение, дарована частным людям свобода покупать в Тобольске у бухарцев ревень до 300 п. ежегодно.

2. Когда в 1730 г. Сенат заботился отправить казенный караван, комиссия коммерции получила приказание пригласить на совещание гр. Владиславича и известного Л анга; но что могла она услышать от этих лиц с торгашьими предубеждениями в мнимую пользу казны? Поэтому в январе 1731 г. объявлено решительное воспрещение брать или посылать, явно или тайно, в караване товары частных людей, в какое-либо место Китайского государства. В этом-то караване послано под рукою 50000 п. иностранного в монете серебра, для обмена на золото, как выше сказано.

В апреле того же года ревенный торг взят из народных рук в распоряжение Сибирского Приказа, который тотчас по своем восстановлении спешил показать, что им усматривается государственная прибыль в возвышении цены на ревень.

В октябре 1734 г. вымен копытчатого ревеня в Кяхте назначен до 1000 п. и

* Отмена казенного каравана последовала в 1762 г., добрая компания для китайского торга установлена 15 марта 1800 г., присвоение торгового права дворянству дано манифестом 1 января 1807 г., и распространение того права на всех — 14 ноября 1824 г. Коренная мысль Петра совершилась во 113 лет.

более, с тем чтобы лишний оставлять на границе, для прибавки к будущей покупке. В марте 1735г. велено ревень, привезенный в Москву, содержать под спудом, следующий же остановить в Тобольске, пока наличный не продается в Петербурге. Пуд ревеня обходился в Петербурге 37 р., а за морем продавался в 169—289 р.; следственно, на тысячу пудов— 162—252тысяч рублей. Водном июле двукратно было возбраняемо частным людям вывозить ревень или отпускать за море под страшною угрозою русским смертной казни и лишения всех животов за один даже фунт, а иностранцу — под опасением немалого штрафа. В следующем году, по совещании кабинет-министров, послан в Кяхту для закупки ревеня купец Свиньин в качестве комиссара и аптекарь для браковки.

Во всяком случае не должно бы было так поступать с общими запрещениями, по каким бы побуждениям они ни изрекались от правительства; но когда в предосуждение общего положения и в соблазн прочих подданных позволяется одному купцу Евреинову в 1737 г. торговать с Китаем мягкою рухлядью, тут трудно воздержать их от поползновения против общего правила. В самом деле, в конце 1738 г. сделалось известным правительству, что купцами китайскими получается от наших мягкой рухляди втрое больше против казенного отпуска. Из всех торговых попыток, какие мы доселе видели по казенным предприятиям, конечно, не вышло достойных счетов, когда в сентябре 1739 г. и чрез год опять в сентябре читаем, что правительство, слагая с себя заботы китайского каравана, сдает его в компанию знатных купцов и других особ-капиталистов. Прежде, нежели составилась сзываемая компания, наступило правление принцессы Анны, и опять через год повторяется созыв компании. Сколько уроков! И все-таки будут забыты как уроки, пока не превратятся в начала управления. Плохи теории без опытов.

3. Таким образом, народная торговля, не могшая представлять китайским потребителям своих мануфактурных изделий и оттолкнутая от границы во внутренние ярмарки, блаженствовала только в творческую эпоху Петра Великого и разгуливала на богдоханский счет до Пекина. После того, сколько ни была ограничена меховая торговля, не могла не навлечь на себя нарекания за тайные выходы чрез границу, нарекания, тем более заслуженного, чем более растянута граница для таможенных глаз, и эти притом глаза принадлежали то казакам из крестьян, то бурятам и тунгусам. Забайкальская торговля спряталась в безыменные проходы и без огласки подрывала надежды казенных караванов.

Если уже были злонамеренные торговцы, пользовавшиеся оплошностью или стачкою пограничного досмотра для обмана казны, то в самой Кяхте бывали прикащики-плуты, которые для обкрадывания своих хозяев заказывали маймачинским фузам приготовлять товары двоякого качества, дабы от хозяйской доглядки прикрыть низкие добротными. Татищев, рассказывая подобный пример с московским купцом Филатьевым, от своего комиссионера на 50 000 р. обманутым, дает разуметь, что мы сами обучали не одних китайцев к подлогам по торгу. Но полно, правда ли, что мы обучили китайцев плутовствам, не они ли надоумили наших плутов? Далее!

Из-за кулис Алтая чжунгары и киргизы стекались временем с товарными вьюками или табунами надым колыван-

ских плавилен и на развевающиеся по иртышским крепостям камчатные знамена. У Ямышевской крепости, как старейшей, и у Семипалатной расторжка с заграничными соседями представляла сибирскому купечеству некоторое занятие для разменов. Далее по миасской границе, вместо Калмыцкого брода, где завелась было расторжка с киргизами, предположено перенесть ярмарку в Челябинск. Троицк не существовал до 1743 года*; но в Оренбурге Кирилове ком торги с пошлинами начались с 1738 года. В 1741 г. там собрано пошлин до 3800 р. Ярмарки, какие во II периоде сталкивались по городам, острогам и нарочитым съездам, продолжались и ныне, с постепенным уменьшением от естественного умаления звериных уловов и от вывоза их на российские торжища; зато взамен в слободах и селах, где церкви и особенно явленные иконы, праздничные дни становились днями торжков. Богомолье, надобность купить или сбыть и отдых веселый были три важные заделья. Приятно заметить, что в продолжение третьего периода цвела Невьянская ярмарка у Акинф. Демидова. Старообрядцы, особенно заселившиеся под покровом Демидова, поспешествовали торговому гнезду своим досужеством. Татищев, не любивший этого заводчика, испросил в марте 1733 г. дозволение учредить двунедельную ярмарку в Екатеринбурге, имеющую начинаться после 23 марта, т.е. по окончании Ирбитской. Время притона в распутицу, сплав товаров с Уткинской пристани или перекид их на вешнюю Тобольскую ярмарку, все сии обстоятельства, хорошо сходившиеся с купеческими расчетами, не менее и виды на разные уральские поделки, обнадеживали Екатеринбург возвеличением благосостояния. Правительство согласилось на допущение ярмарки с тем, чтобы никто не приезжал с товарами без уплаты пошлины. Не более года прошло, как последовало запрещение должностным людям торговать или держать у себя приезжих торговцев, греков и прочих. Условие справедливое втом времени, но едва ли удобоисполнимое! После Екатеринбургская ярмарка, изменяясь во времени согласно прежнему желанию тобольских купцов Маслова с товарищи, осталась одною зимнею с 24 ноября. Екатеринбургская таможня с окрестными заставами существовала до закрытия Верхотурской таможни и зависела от Тобольской губ. канцелярии.

Нельзя не заглянуть и в Камчатку. В ней до льготного 1731 г. шильничали одни промышленники, но с того времени, или, иначе, с прибытия Второй Камчатской экспедиции, появились торгаши. Привозилось товаров на 10 000 руб., сбывалось на 30 000; следственно, товары продавались дороже вдвое, втрое, а мелочные необходимые — в пять и восемь крат.

4. Теперь взглянем на средства торговые, или, иначе, на знаки монетные и пути сообщений.

Под именем знаков монетных не надобно здесь разуметь товарных статей, какие при разменах у китайцев, у бухарцев и в Камчатке ходили в цене и качестве счетной монеты, именно **тюнь** китайки, **мата и лисица красная,** но мы

* Небольсин пишет, что Троицк в 1741 г. явился соперником Оренбурга, а торговля в нем началась в 1750 г. В чем же соперничество его? Неправда и то, чтобы Бухария и Ташкент с тех только пор стали торговать с Сибирью. С Оренбургом — так!

говорили просто о золоте, серебре и меди — трех металлах, которые давали Сибири деньги, общие с Россией. Правда, в некоторые годы государственного монетного оскудения, как-то в 1723 г. и следующих четырех годах, равномерно в 1736 и 1737 гг. в известных российских губерниях выдавалось вместо денег жалованье мягкою рухлядью, далеко не схожею с калужскими кожаными жеребейками (9); но в Сибири выдача жалованья меховым товаром всегда строго возбранялась, дабы при заочной расценке дорогое не пошло за дешевое.

В 1723 г. снова повторено, чтобы вывозимым китайским золотом купечество платило в Нерчинске пошлину, за остальное же брало бы на обмене казенные товары, рассчитывая золотник в 105—115 к., следственно, ценность золота против серебра определялась произвольно в $6\frac{1}{12}$. Поэтому должно верить тогдашнему слуху, до Сената дошедшему, что в Сибири, и особенно в Тобольске, много серебра и золота, которых, однако ж, не везут в Россию, по известному, конечно, опасению, чтобы в Верхотурье не расстаться с металлами за пошлины с придачею казенных товаров. Не должно бы, кажется, ускользнуть от прозорливости монарха, каков Петр, что чрез несоразмерное унижение достоинства первых металлов и чрез отбор их за половинную цену нельзя ни снабдить ими монетные дворы, ни обогатить казначейство, но так водилось.

Не ранее как в 1728 г. почувствована надобность определить постоянную ценность серебра и золота при покупке обоих металлов внутри государства; почему и объявлен золотник первого в 18 к., а второго — в 245 к. В 1735г. золотник золота возведен до 252 к., и таким образом признано наконец европейское содержание двух металлов 1: $13\frac{1}{2}$или 14.

Медная монета переделывалась не только при каждом новом царствовании, но и по нескольку раз в продолжение одного царствования. Разные были побуждения к перемене чекана: раз переливалась мелкая разменная монета для поправки грамматической опечатки в надписи: **копик** вместо копеек. Самая любопытная из красной меди монета вследствие двух указов (от 14 июня 1725 и 4 февраля 1726 гг.) состояла из слитков рублевых, полтинных и т.д. В рублевом слитке, посредине которого выбивались цена и герб по углам, содержалось весу 4 ф., в полтинном — 2 ф., в четверти рубля — 1 ф. и т.д. Десять рублей теснились из пуда. Образца сих денег нетуже в Екатеринбургском монетном дворе*.

Из сибирских летописей не видно, велик ли был рост в Сибири при займе денег; *но* полагать следует, что он был не менее, как и в Петербурге, т.е. от 12 до 20 процентов. В 1733г. была открыта при Петербургской монетной конторе, в пользу торгующих, ссудная выдача капиталов по 8 % под заклад золота и серебра, как двух непререкаемых сокровищ, могших ручаться за достоинство залога. Все прочее, по образу тогдашних понятий, не заслуживало веры. Мы вписываем постановление о денежной ссуде во свидетельство проявления первой идеи о банке.

5. Дело здесь идет не о новом пути, какой в 1712 г. был указываем в Китай от устюжанина Пандкратьева, но о путях почтовых и почте чрез Сибирь кратчайшими расстояниями. Не излишне напе-

* Не вздумается ли кому-нибудь спросить, как содержалась медь в монете к серебру? Ценность меди в сравнении с ценностью серебра выходила ниже в 69 раз.

ред заметить, что в августе 1722 г. Шафиров наименован генерал-почт-директором.

Кратчайшими расстояниями разумелись проезды: а) от Кунгура до Екатеринбурга, для ближайшего сообщения с Тобольском и Казанью; б) от Тары чрез Томск и Красноярск до Иркутска; и в) чрез Байкал до Кяхты и Нерчинска. Сенату хотелось в 1724 г. учредить почту еженедельную, разумеется, до Тобольска для пересылки бумаг, а до устройства сей почты на первый раз — ежемесячную. Последняя и существовала посредством гоньбы городских и уездных жителей, конечно, не без отягощения, пока Суксунский завод Демидова не вошел чрез 4 года в свою силу и не стал разделять обязанности земские. Сему заводу надобно приписывать и первую прокладку дороги к Екатеринбургу и Кунгуру, для собственных его нужд.

Для обеспечения дороги от Тары до Томска в 1722 г. устроены три укрепления: Тартасское, Каннское и Убинское, как сказано в проспекте; но когда именно открылась проезжая дорога от Томска на Красноярск до Иркутска, нет точных сведений. Только то известно, что дорога Иркутская от Красноярска на Канск, потом другая — из Енисейска на Нижнеудинск проторены купецкими прикащиками, летом и зимою ездившими без огласки для тайной закупки мехового товара у бурят и карагасов. Дорога от Красноярска чрез Нижнеудинск к Иркутску была уже известною в 1733 г. Ибо знаменитый Беринг в 1734 г. проехал налегке этим трактом отТобольскадо Иркутска; тяжести же экспедиции, как и купеческие клади, в продолжение всего периода неизменно сплавлялись по Кети.

Для сокращения восточной дороги коммерц-коллегия в 1722г. открыла смелое предположение, вследствие которого наказывала инспектору сибирских таможен рассмотреть, нельзя ли Забайкальскую дорогу проложить чрез Абакан и Томск или на Байкале завести два казенных судна. Неизвестно, какие препятствия усмотрены для обоих предположений, потому что о заведении двух буеров на Байкале гр. Владиславич после снова ходатайствовал.

В 1731 г. Сибирский Приказ представлял об учреждении почты для государственных посылок и частных писем по Сибири, как было в минувших годах; из чего можно судить, что прежняя почта, во время могущественного царствования установленная, вскоре запала. Сенат, во уважение того представления, в апреле 1733 г. велел учредить ординарную почту от Москвы до Тобольска, т.е. чрез Верхотурье, и по разным трактам Сибири до Нерчинска, с платежом весовых денег за письма. Ранее месяцем приказано было сибирскому губернатору распорядиться в пользу второй Камчатской экспедиции, чтобы почта от Тобольска к востоку ходила дважды в месяц, от Якутска к Тобольску — однажды, а от Якутска до Охотска и Камчатки — один раз в два месяца. Невероятно, чтобы последнее требование могло быть удовлетворяемо постоянно, по естественным даже невозможностям.

В рассуждении почтового тракта к Нерчинску Сенат имел в виду полученное из рук гр. Владиславича странное предположение Бурцева, комиссара нерчинских заводов (10), и передал его на рассмотрение местного начальства. Всего ближе возложить бы почтовую гоньбу в том краю на 18 родов хоринских бурят, как уже испытанных в верности в бытность гр. Владиславича за Байкалом.

После обозрения всех трактов сибирских возвращаемся на дорогу Кунгуро-

Екатеринбургскую. Татищев, известный начальник уральских заводов, в 1735 г., сравнивая сию и Верхотурскую дорогу, представлял, что последняя далека, грязна и не снабжена порядочною гоньбою, так что инде ходят с почтою пешком, а другая не заселена, неверно вымерена, непрямо проложена и требует геодезической прокладки, верстовых столбов и заселения, а до того устройства пусть возят почту и курьеров уездных обыватели за плакат. Сенат в начале 1736 г. отдал предположение Татищева на рассмотрение сибирского губернатора. Приняты ли тотчас меры к устройству сей дороги, и точно ли с тех пор или исподволь началась линия заселений и укреплений между Кунгуром и Екатеринбургом, точных сведений нет, кроме одной известности об Ачитской крепости, которая, стоя в ряду другой линии и составляя границу между Сибирью и тогдашней Казанской губернией, в 1737 г. была обступаема башкирами, в драгунские мундиры нарядившимися, и сделала маскированному неприятелю решительный отпор*. Положительно неизвестно, когда кончено сибирским губернатором рассмотрение о Кунгуро-Екатеринбургской дороге, только она, не сождав решения, находилась в ходу. Удобство, близость, покойный проезд, при попущении начальства местного, привели в забвение силу торгового устава 1698/207 г., по которому проезд частных людей с товарами и без товаров был определен чрез одно Верхотурье.

В январе 1739г., по недочетам таможни Верхотурской,дан Сенату указ с строжайшим подтверждением, чтобы ни купечество, ни другое какое-либо звание не смело ездить мимо Верхотурья, чтобы по прочим дорогам расположить заставы и подвергать конфискации товары и вещи проезжающих неуказным трактом. Тракт удобный, короткий и к Кунгуру живописный остался надолго дорогою курьеров**.

ГЛАВА VI
ЖИЗНЬ СИБИРСКАЯ

1. ОБЯЗАННОСТИ великие. 2. Нравы. *3.* Страхи. 4. Злополучие Тары. 5. Болезни. 6. Притеснения. 7. Воеводы. 8. Правители. 9. Разность Иркутского края.

Не повторяя о трудах и тягостях, понесенных не одними якутами и камчадалами при препровождении двух камчатских экспедиций, и оставляя самому читателю измерить прочие хлопоты, недешево стоившие придорожным жителям от проездов в Китай двух посланнических свит и трех китайских, мы огра-

* Думать надобно, что Ачитская крепость строена по отделении двух провинций от Сибири, в виде пограничной; она старее Красноуфимской, строившейся в 1736 г. по распоряжению Кирилова.

** В 1754 г., сентября 27-го велено учредить почтовые станции, по 4 лошади на каждой, от Екатеринбурга до Кунгура, для одного почтового отправления должностных бумаг и писем из Сибири в Россию и обратно. Не правда, чтобы Верхотурская таможня, как сказано в IX томе *Энцикл. Лексикона,* была уничтожена в 1753 г.; напротив, еще в 1758 г. подтверждено прежнее воспрещение ездить с товарами чрез | Екатеринбург.

ничиваемся на сей раз одними итогами отдельных наборов с трех сибирских провинций, начиная с ноября 1709 года. 1. С Сибири в 29 наборов, отсчитанных в продолжении 34-летнего периода, взято сперва по числу дворов, потом по числу ревизских душ 28 000 рекрутов, т.е. шестая доля населенности русской. Такие приемы слишком бы истощили страну малолюдную, если бы правительство по своей мудрости не решило с 1725 г. впредь пополнять сибирскими рекрутами и недорослями местные гарнизоны; однако ж из сей бережливости надобно выключить пять наборов рекрутских, с 1737 г. следовавших, которым надлежало делить подвиги войны Турецкой с Минихом и Шведской с Л авсием, и еще один набор обоего пола с детьми до 2000, для заселения линии по Яику (11). Если взять, отдельно от Полтавского сражения, пожертвования Сибири в последние 13 лет могущественного царствования, Сибирь принесла имени Российской Державы 16000челов., 1853 чет. муки, до 200 лошадей, 127 000 единовременных денежных сборов, кроме постоянных податей, и без включения многократных платежей посадскими 10-йденьги(12). Кто не согласится, что толь многочисленные обязанности были изнурительны для жителей, богатых землею и лесом и не знавших торжища для сбыта леса и хлеба? Но история постыдила бы свой сан, опорочила бы перо, если бы, любуясь блистательною радугою, вознесшеюся над промежутком между Полтавской победой и Нейштадтским миром, вздумала сетовать о жертвах. Жертвы, труды и народные испытания велики, невозвратны, но они принесены на святой жертвенник отечества. Когда Петр Великий, восприяв титул императорский, ознаменовал событие Нейштадтского мира праздником, слова, какия истекли из растроганного отеческого сердца в ответ на приветствия представителей государства, должны быть благородною думою истории. «Зело желаю, чтобы весь наш народ прямо понял, что Господь Бог нам сделал минувшею войною и заключением мира. Надлежит благодарить Бога всею крепостию, и, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле. Надлежит трудиться для блага общего, которое Бог кладет нам пред очи вне и внутри, для облегчения народа». Какой языку Великого! Только о Боге, о милости Бога, о благодарении Богу, только о народе, об облегчении народа, о поддержании воинственного духа и воинского искусства! Слово его: не ослабевать в воинском деле, не девиз ли десятилетия императрицы Анны и грядущих времен России? Пойдем же далее по сибирской глуши.

2. Правда, что главные города Сибири Тобольск, Томск, Енисейск и Иркутск были довольно многолюдны, имея домов от 3000 до 1000; но нравы городские стоят не столько сожаления, сколько порицания. Гмелин, не без склонности, впрочем, к злоречивости, описывая в 1734г. нравы, замечает в жителях, особенно в ремесленниках, чрезвычайную беспечность, нерадивость, решительную падкость к пьянству и распутству и все эти пороки относит, по забавному умствованию, к дешевизне припасов. Справедливее бы отнести к совокупности малодушных людей, с Волги да с Камы собравшихся и по взаимному самообучению погружавшихся в чувственное отчаяние, которое любит обманывать свое горе дикою веселостью. Горе этих людей, горе произвольное в стране, жаждущей ре-

месленности, происходило частью от безгласности ратуш, с падением магистратским не могших удержать ни веса, ни влияния над сословием посадских. Кто же такие были создателями многочисленных в Сибири храмов и колоколен, начиная с Верхотурья до церкви Аргунской или Нижнекамчатской? Те же сибиряки, которых самолюбивый иноземец без разбора именует пьяницами и распутными. И развратность в жизни и благочестие в деле Божием! Как совместить одно с другим? Стоит только заглянуть в бедное сердце человека, в котором растут вплоть подле пшеницы и плевелы. По небрежному ли посеву христианского учения или по необработанной земле, на которой оно сеялось, соблюдение наружных обрядов, периодическое покаяние с причащением Святых Таинств и упование на заслугу Христову, без исправления жизни, считались тогда у иных спасительными путями к царствию Божию. Пожалеем о характере заблуждений, нередких и в звании Гмелиных, нередких и в нашем веке, и наверстаем порицаемую чувственность взглядом на христианскую жизнь слобод, исстари заселенных крестьянами, а не поселыщиками. Там имя Божие произносится старшими семейств с благоговением от утра до вечера, там все начинается и оканчивается с именем Иисуса*. Многократно мы бывали свидетелями, с какою чинностию, тишиною сидят за хлебом-солью, с каким благодарением встают из-за стола и с какою богобоязливостию поднимаются падшие крупицы хлеба, почитаемого за дар Божий. Многократно также мы слыхали, что во время грозы крестьяне ночью встают, затепливают свечи пред иконами и семейно молятся в глубоком безмолвии. Такое ж моление в часы грома творится и днем, при закрытых ставнях, и на глас небесный отзываются в закрытых клетях благоговейным воплем. Нет, это не лицемерство, не уроки нашего века, а остатки наследства праотеческого, устюжского.

Хлебосольство сибирских селений — похвала старинная, хлебосольство городское между родными и приятелями — также черта историческая; но нарядное, угостительное хлебосольство купеческих домов Западной Сибири начиналось было с первым открытием магистрата в Тобольске и с закрытием его исчезло, до времени Елисаветы, восстановившей почетность купеческого сословия. Тогда и в Енисейске, и в Иркутске настали обеденные закуски, вечерние чаевания с попойкою. Между тем, по словам того же Гмелина, купцы и порядочные посадские, в большие праздники и в именины семейства губернаторского, приглашались к столу и при выходе, за сделанную им честь, оставляли по полтине и рублю. Вина были хороши, но хозяин не оставался внакладе при возмездии гостей благодарных. Повествователь рассказывает это о Тобольске, но начальники и прочих значительных городов едва ли были далеки от подражания.

3. Мы бы ничего не услышали от сибирских летописцев, если бы не узнали другими путями о тревогах, каким сибиряки состояния чиновного или зажиточного подвергались от слова и дела, давно в России затеянного и явно в Сибири свирепствовавшего в продолжение

* Вместо того, чтобы слушать порицания на Сибирь, прочитайте *Июль Христианского Чтения,* 1836 года, дабы увидеть готовность жителей Сандыпского форпоста к христианским чувствованиям при добром священнослужителе.

сего периода, несмотря на многократные воспрещения. Вот как трудно искоренить поноровку злобе, раз посеянной в народе необразованном! Начальник Урала Геннинг в 1723 г. писал в Петербург, что, по отъезде сибирского губернатора кн. Черкасского, каторжные в Тобольске начали объявлять слово и дело на-разных начальников, которых и отсылают в Москву в оковах, несмотря, что по генеральному регламенту не следует им верить. Письмо Геннинга, к счастью, внесено в Сенат, который, по своей любви к законности, велел крепить каторжных в тюрьмах, пускающихся на подобные дерзости, до приезда нового губернатора. Нечего удивляться злонамеренному клеветничеству ссыльных, как уже не принадлежавших к имени людей, и по унижению готовых на черные выслуги; но вот редкость: таким же неприятностям подвергался в первую экспедицию Беринг от своего писаря, Лассениус — на устье Лены от некоторых матросов и сибирский губернатор вместе с первыми чиновниками — от иркутского вице-губернатора Жолобова, находившегося под следствием. Чему другому надобно приписать такую низкую покатость, как не духу времени, настроенному нестеровскою шайкою и потом закупленному шпионами бироновскими, изведывавшими подробности даже узнической жизни кн. Долгоруких (13) и подобных им. Сии случаи достаточно показывают, сколь мутна была чаша сибирской жизни, довольно горьковатой и без подливу желчи.

4. В Таре, как и везде, требовано клятвенное обещание тому, кого (по уставу 5 февраля 1722 г. о наследии престола) державствующии государь наименует наследником по воле своей. Этому городу, перемешанному со страообрядцами, но дотоле торговому и благополучному, случилось по лжетолкованию Подушина, тарского казачьего полковника, увлечься в явное ослушание и погибель. В 1724 г., по словам *Сборника,* прислан следователем вице-губернатор* Петрово-Соловово, человек с злою душою, корыстолюбец и сластолюбец, хотя для неизбежной беды достало бы следователя и с душою доброю и правилами беспристрастными. Начальник мятежного замысла, запершись в доме со многими другими и запасшись порохом, в ту минуту, коль скоро дом его стал окружен отрядом следователя, взлетел на воздух. До тысячи человек, в деле замешанных, казнено. Не одна будто бы тысяча разослана по Сибири и в Рогервик. В 1730 г. 89 сих несчастных, дворян и служилых, обнадеживаясь двумя милостивыми манифестами 1728 и 1730 гг., просил и дозволения возвратиться восвояси к родственникам, и 18 марта уважено горькое их челобитье.

Если Подушин не был из стрельцов и если соумышленники не принадлежали к толку старообрядцев, трудно изъяснить отчаянное сумасбродство. С тех пор Тара с своим околотком, по примеру Охотска, населялась разными людьми, посыланными на жительство, с отводом им мест под селитьбу и 2-летнею льготою от податей.

5. Оспа в 1731 г. свирепствовала среди так называемых енисейских остяков. По *Описанию народов,* волости: Касимовская, Инбацкая и Пумпокольская чуть не дотла вымерли. Прежде того то

* В какой провинции был он вице-губернатором, неизвестно. Не ландрихтер ли, тогда еще существовавший? По всем дорогам, выходящим из Тары, стоят большие деревянные кресты, по словам жителей, для молебствий, по словам же других, — для напоминания казней, тут совершавшихся.

же поветрие разнеслось от Анадырска, и Провидению благоугодно было предохранить на сей раз камчадалов от опустошения. Мы не упоминаем о кори, также периодически являвшейся среди инородцев без дальней смертности: но со слов летописца Новицкого говорим, что сифилистическая проказа (Elephantiasis) еще во время проповеди Филофеевой свирепствовала, как и ныне, среди остятского племени и, обезображивая лицо, разливала гниение по всему телу; что остяки казались равнодушными к болезни и не употребляли никаких лекарств. По привычке ли к недугу или по недавности его остяки были равнодушны к принесенному яду, — Новицкий не изъяснился; только не странно ли слышать от медика Белявского, ездившего в Обдорск, что проказа в этот край занесена в 1816 и 1817 годах? В Камчатке появилась любострастная болезнь с прибытием русских, и можно сказать, что со времени Колумбова вывоза она обтекла кругом света в два столетия.

Нет сомнения, что местным начальствам: тобольскому, енисейскому и иркутскому давно было известно болезненное состояние северных ясачных, но не было средств помогать им, без аптек и лекарей. Бухгольц в свое время из Ямышеважаловался, что кн. Гагарин не снабдил его ни аптекою, ни лекарем, но где взять тогдашнему сибирскому губернатору то и другое, когда домашний его лекарь, вероятно, выписывал лекарства из московских зелейных лавок и новооткрытых польских аптек*. Первая аптека и первые лекари появились в Сибири с Лихаревым, потом с Измайловым и Берингом. Полковые лекари из иноземцев начали приезжать с 1725 года, т.е. по введении полков, да и те после отказывались от Сибири по малости жалованья, которое в январе 1733 г. Сенат нашел в необходимости увеличить до 160 вместо 120 р.

По словам Гмелина, здоровье городских жителей повсеместно в Сибири страдало от любострастной болезни, при невоздержании и нелечении очевидно усиливавшейся, так что на лицах целых семей вырезывалась печать недуга.

6. Верноподданническое состояние ясачных так же было некрасно, как и физическое, наравне с состоянием сибиряков русских. Правительство от времени до времени гремело прещениями против неправд и притеснений, но дела шли вдали своим чередом. В 1729 г. (8 ноября) приказывалось иркутскому вице-губернатору не делать прицепок к ясачным, не завлекать их в суды, исключая одних уголовныхдел. В 1733 году, как мы слышали, провозглашен указ насчет притеснений, наносимых ясачным, рассеянным по пространству Якутского и Камчатского ведомств. В чем же состояли притеснения? В тройном ясаке, вместо одного установленного, в порабощении жен и детей ясачных за мелочные долги или за нехотение креститься. Камчадалы и другие безгласные инородцы доведены были застращиваниями, по словам *Сборника,* до такой крайности, что сами родители продавали казакам и промышленникам своих ребят по рублю и по полтине. Помянутым указом восстановлялись: законность,

* Кстати здесь поместить, что у кн. Гагарина от имени богдохана Кансия прошен был искусный лекарь с разными лекарствами и препаратами. По донесении о том царь послал из англичан доктора военного ведомства, который 18августа 1715 г. отправился из С.-Петербурга в сопровождении известного Лоренца Ланга. Они прибыли в Иркутск 27 апреля 1716 года. Доктор в *Иркутской Летописи* назван Томасом Гарваем.

право собственности, освобождение от рабства кабального или покупного, и силою того же узаконения виноватые призывались, до приезда еще Мерлина и Павлуцкого, заявлять на себя свои вины. После тол иких неправд мудрено ли, что с плеч иркутского правителя, знавшего, если не участвовавшего, свалилась в 1736 г. голова. Подозрение правительства простиралось и на корыстолюбие сибирских священнослужителей; им запрещено было ездить к новокрещеным, и тогда как в 1735 г. отменялось это запрещение, вместе повелено наблюдать за ними, чтобы под видом духовных треб не производили они торговли.

7. Правительство, имев в руках, конечно, более данных, чем поздняя история, наконец в 1739г. (15 января) во всенародное услышание говорит: можно ли ожидать доброго порядка в правлении Сибири от таких воевод, какие там ныне и прежде были — от воевод, вышедших из тамошних казаков, или посадских, или безграмотных даточных крестьян, до обер-офицерского чина дослужившихся, и даже из холопов, бывших под наказаниями? Не толпа ли это промышленников была, можно спросить именем истории, промышленников под чиновною фирмою? Вот под какими покровителями Сибирь проходила свое житье-бытье!

8. Но лучше ли стало в Сибири после обещанного определения воевод из дворянства, с достаточным состоянием и с испытанною честностию? История, по своему сану не торопясь ответом, выставляет наперед имена правителей. После кн. Черкасского*, образованного и слишком скромного для места многодельного, после преемника его кн. Долгорукого, деятельного и праводушного, следовали правители: Плещеев, Бутурлин и Шипов**, ничем себя не ознаменовавшие, кроме земляного вала со рвом, при Плещееве проведенном между верхним городом и кладбищем. Что касается до производства дел по губернии, заправляли ими при Плещееве, как свидетельствует Гмелин, и после Плещеева двое секретарей, созданных при кн. Долгорукове. Если взглянуть равномерно на иркутских отдельных правителей, называвшихся вице-губернаторами, мож] ю бы из числа их покуситься отличить Л. Ланга, служившего в Пекине агентом и неоднократно туда ездившего, но чем он заметил себя в должности вице-губернатора? Одними представлениями Сенату (1 февраля 1740 г.), именно: чтобы определить при нем какого-то иностранца для введения по губернии хозяйства, чтобы по деревням губернии не торговать ни приезжим, ни туземным купцам мягкою рухлядью, чтобы лучшую рухлядь, в городах случающуюся, скупать в казну, чтобы бурятам, располагающимся приняться за пашню, не покидать и звериных промыслов, чтобы с пограничным китайским начальством списываться из Иркутска, а не из Тобольска, вопреки последнему трактату, и т.п. Все это показывает одно бесплодное умничанье в случаях, которые определены законами или в которых от бесполезных затей испровергался бы установленный порядок. Дополним обрисовку Ланга из *Иркутской Летописи,* которая сказывает, что он

* Кн. А. М. Черкасский до открытия Сибирской губернии был товарищем при отце, воеводствовавшем в Тобольске. Потом, после губернаторства, не упоминая о прочих должностях, был в числе кабинет-министров, наконец великим канцлером.

** Шипов правил губернией с 1741 г.до декабря 1742-го, а не 1743-го, как написано в *Кратком Пока-*

скоро попался в руки секретаря Березовского и товарищей, что надобно было покупать удовлетворение, что расплодились воровства, что казенные подряды заключались высокими ценами, что бурятам, безнаказанно упражнявшимся в воровстве, отданы лучшие пастбища. И Лангуправлял губернией одиннадцать лет, даже в царствование Елисаветы! Такова была в то время доверенность к людям, умевшим не говорить по-русски или очень плохо*! Но да убедятся власти, от подножия Всемилостивейших Помазанников России присылаемые, что Сибирь не пустыня безгласная, что есть в ней утесы, пустынными лесами отененные, от которых откликаются слова и дела, есть скромные летописи о правдах и неправдах. Нет мнения общественного, но растет история.

9. Изображая характер правления иркутского, взглянем на семейное состояние тамошней черни. Епископ Иннокентий Нерунович насчет брачного своевольства в мае 1741 г. доносил Синоду, что нет возможности церквам остеречься от воспрепятствования двоеженству сказывающимся холостыми, хотя у них и есть жены в России, что таких двоеженцев много и в самом Иркутске, а по слободам муж и жена расходятся беззазорно и вступают в новые связи. Восточный край нуждался в населенности, и мы думаем, что самовольство в браках со стороны людей, в этот край зашедших или засланных, могло быть терпимо в государственной цели; но подобное самовольство по слободам и деревням, как разрушительное для семей, как противное правилам народной нравственности, достойно было опорочиваемо архиереем иркутским. Нельзя не чувствовать, что Иркутская губерния в третьем периоде несколько подражала Западной Сибири, какою эта была до учреждения архиепископской кафедры. Впрочем, соображая дерзости и беспорядки, резко выказавшиеся в восточном крае, можно решительно утверждать, что Иркутская губерния во многих отношениях общественного благоустройства далеко отстала против старой Сибири. Много было тому причин, и следы того не стерлись доныне. В тамошних деревнях, по которым мне случалось разъезжать не один раз, незаметно ни благоговейных выражений, какие высказаны насчет крестьянских домов старой Сибири, ни даже простодушия, свойственного сельскому быту. Тамошний крестьянин, от Бирюсы до Хоринской степи, скрытен и хитр; он смекает, торгуется, кажется, в словах с незнакомцем, и разнюхивает о значении его у начальства. От времени позднего можно восходить заключением к давно прошедшему.

Среди толь нерадостной биографии, слегка очеркнутой, могла ли Сибирь представлять физиономию крепкую, одушевленную, особливо если припомним из Манштейна, что в течение десятилетия по 9 ноября 1740 г. заслано в нее дворян и чиновников до 20 тысяч? Колонизация многочисленная, какой не бывало, и самая бесполезная для страны, колонизация, убитая до иссушения слез, колонизация, заключавшаяся одним вожделенным уроком, что виновник ея прислан с семей-

* По этим ли беспорядкам или по другим уважениям управление всей Сибирью опять вверено сибирскому губернатору Соймонову, при котором в 1763 г. установлена и секретная комиссия. То же расширение власти перешло к Чечерину и продолжалось до разделения Сибири на губернии: Сибирскую и Иркутскую.

ством в Пелым, как бы для выслушания проклятий, на какие сам себя он осудил своими жестокостями. Столько злодеяний, столько власти для злодеяний, и ни одной заслуги! Нужноли доказывать, что виновник был Эрнст Бирон.

Но озарим эту главу приятным воспоминанием торжественности, с какою вестник замирения с Портою Оттоманскою, гвардии капитан Рахманов, встречен был в Тобольске в Фомино воскресенье 1740 года высланными конными отрядами, при стечении многочисленного народа. Вестник с кедровою ветвью в руке, ехавший мимо Знаменского монастыря, приветствован от черного духовенства хлебом и солью и продолжал церемониальное шествие до Софийского собора, где принесено Богу, подателю благ, благодарственное молебствие, с пушечными выстрелами. Все состояния радовались, потому что все состояния, не исключая духовенства*, дали свои участки в состав воевавшей армии. В Иркутск поскакал с манифестом мира гвардии капитан кн. Козловский, нолетопись тамошняя не говорит о подобной красноречивой встрече.

ГЛАВА VII
СЛЕДСТВИЯ, ИЛИ ВЫВОДЫ

1. Воззрение на природу. 2. В северной полосе почва. *3.* Растительность. 4. Ископаемые. 5. Животные. 6. Температура. 7. Землетрясения. 8. Взгляд на ДОСТОПАМЯТНОСТИ. 9. Начертания. 10. Курганы. 11. РАЗВАЛИНЫ. 12. Копи.

Какие ж пометы делает история на пройденный период? Прежде всего скажем, что можно сказать в тоническом, а не лексикографическом смысле, о наречиях трех племен, придвинутых к сибирско-восточной окраине. Не домышляясь о недоведомом их происхождении, надобно допустить, что у одного из племен есть в строении глаза физическая примета монгольского отродья, если только искошение глазного поперечника происходит не от особливо го положения детей к свету. Крашенинников, который с умом истинно академическим смотрел на дикарей и их землю, замечал в коряцком языке три наречия: первое и коренное наречие пенжинское, употребляемое тамошними оседлыми, с крепким выговором; другое — приморское, употребляемое и олюторами, с выговором более твердым против первого; третье — анадырское, которым говорят и чукчи, с произношением мягким, легким и свистливым. Притом Крашенинников уверял, что чукотский разговор понятен и островитянам американским, с которыми чукчи имеют дело, следовательно], им не чуждо и анадырско-коряцкое наречие. Странно, что в словаре коряцких речений нет кадьякских, Соуром выпи-

* При начале Крымско-Турецкой войны, 4 года продолжавшейся, все безместные люди духовного состояния поступали в гарнизоны или откупались взносом в 200 руб. с человека, а дети боярские Софийского дома, годные к службе, еще по сенатскому указу 1732 г. (6 октября) должны были поступать в иоинскую службу. Это состояние решительно кончилось в Тобольске с открытием наместничества в 1782 году.

санных, чему бы надлежало быть при замеченном сродстве намоллов с кадьякцами. Наблюдения капитана Литке по части языкословия также неудовлетворительны. Он, лишая чукчей гортанных звуков, слышит в их словах тройное стечение безгласных, не неприятных, однако ж, для слуха.

Возьмемся опять за Крашенинникова для языка камчадальского, в котором также у него три главные наречия: северо-восточное, южное вместе и курильское двух первых островов, третье западное, или тигильское. Если сравнивать звуки речений камчадальских с корякскими, первые приятнее для слуха и летучее в выговоре. Из всех этих данных едва-едва просиявает один вывод, что Азия и Америка, разорванные морем, соединяются каким-то наречием, которого корень сидит ли в Америке или в Старом Свете, — неизвестно.

Теперь выводы!

а) С Китаем кончены неудовольствия и, несмотря на новую остуду, за непропуск третьих посланцев к волжским калмыкам, торговля на Кяхте расцветала. Гр. Владиславич для единоторжия казны силился вытеснить частных торговцев из городов китайских, но открытием двух пограничных исходов сам он, против чаяния, подорвал казенный в Пекине торг, вместе с тем избавил купечество от бесплодных разъездов и от проделок пекинского недоброхотства. Великое дело разграничения до Сабинского хребта! Это нравственно-политическое средостение обоюдного дружества и покоя стоит между двух империй непоколебимо.

б) С Чжунгарией, которая оскорбилась было за возведение крепостей по Иртышу, скоро поладили. Цаган-Рабтану желалось иметь вспоможение от России, с чем он и умер, а преемник его Галдан-Церен, истощивший силы против наследственного врага Богдоцагана, вел себя дружелюбно с Россиею, как видно из приема майора Угрюмова, вывезшего пленных русских, и в числе их шведского штык-юнкера Рената*, не меньше и из уважения, какое он оказал в лице майора Миллера, посыланного из Оренбурга для внушения, что ханы Средней и Малой Орд, состоя в подданстве России, не обязаны ему давать заложников. Прибавим к тому, что насчет чжунгарского преследования киргизов до Орска состоялось в 1741 г. (5 февраля) повеление Тобольской губернской канцелярии о сближении нашего войска к границе. К счастью, не доходило до дела.

в) Управление Сибири разделено на две части, одна от другой независимые, с отделом юго-западного угла к губернии Оренбургской. О провинциях Вятской и Соликамской (после Кунгурской) нечего уже поминать. Урал металлургический с приписными крестьянами под конец подчинялся своему праву и начальству, с малым влиянием губернии**. Удивительно, что имения двух архиерейских домов и монастырей, которым жалованы небольшие земли с весьма ограниченным числом крестьян, разрослись до 20 000 душм[ужского] п[ола]. Сибирь кн. Гагарина разлетелась на разные толщи, как Бюффонова солнечная система.

г) При всех переменах гражданского устройства, дух воевод и прочих, уча-

* Миллер писал, что Ренатом в Чжунгарии заведены: плавка металлов, дело ружейное и литье пушек, но, при недостоверности этих слухов, надобно считать последнюю весть о пушках вовсе не основательною, потому что не было видно пушек нигде ни при Рабтане, ни при Галдане.

** Таможня и комиссарство были в Екатеринбурге и зависели от губернской канцелярии. Из указов Тарского архива.

ствовавших в действиях власти, мало изменялся, он продолжал жить в духе промышленническом. На сей счет Сибирь читает непреложные свидетельства в П. С. Законов.

д) Народный характер русского поколения, некогда самовольный, дерзкий, необузданный, смягчился от частых наборов, налогов и от самих притеснений местной власти, то воинской, то воеводской. Замечаемые ныне в народе молчаливость и кротость есть плод практической школы.

е) Важный вопрос о раздвоении Азии и Америки решен. Пределы северного берега по возможности осмотрены географически и гидрографически. Хребты: Уральский, Алтайский, Саянский и Нерчинский поняты и обречены богатству государственному и народному. Если окраины Сибири уже проведаны и определены астрономически Делилем, Красильниковым, флотскими офицерами и геодезистами, то в такой же степени и внутренность страны познана. Гмелин первоначально подарил Академии наук гербарий и Флоре Германской Флору Сибирскую. Штеллер схватил торопливою рукою несколько растений с берега американского. Крашенинников описал Камчатку в двух царствах, с примечаниями на температуру и физику полуострова. Миллер и Фишер передали памяти все происшествия, с первых дней покорения Сибири, с такими подробностями, какие, по маловажности дел, едва ли уместятся в истории, ищущей общих или решительных взглядов. Благодаря совокупным усилиям многих ученых мужей, покрывало спало с Сибири; и она в царствах природы явилась богатою, а в общежитии человеческом не без надежд.

ж) Казаки, покорители всей Сибири, кроме Юратской Самоеди и Чукотии, утратили первенство, с появлением строевого войска. Из крепостей и городов, где были гарнизонные солдаты, казаки уклонены на тундры в зимовья и острожки или на окраины границ по форпостам. Сии храбрые, хотя и необузданные люди, не переставали вдалеке казаться и быть господами. На Северо-Востоке, и особенно в Камчатке, они владели, до Мерлина, толпами холопей, ночи проводили за картами, проигрывали награбленные шкуры и холопей. Но внутри Сибири, лишась прежних средств к наживам, представлялись тружениками. Бывший сибирский губернатор кн. Долгорукий лично у Сената в 1733г. (25 апреля) ходатайствовал о пособиях боярским детям и казакам; Сенат думал наделить их землями, но со слов губернатора, что нет у них крестьян, а сами на всегдашней службе, ходатайство кончилось исключением из подушного оклада тех, которые из податного состояния, и обещанием всему сословию нового штата и жалованья*. Едва ли не напрасно губернатор помешал доброй мере?

* Предложив в одном замечании II периода о продовольствии казаков, теперь посмотрим на прежнее содержание их начальников, заимствуясь из фамильных бумаг двух казачьих родов, Черкасова и Павлуцкого. Предок Черкасовых пришел в Сибирь с Ермаком, а о предке Павлуцких уже сказано.

1. Между 1613 и 1616 г. Афанасию, одному из Черкасовых, служившему в детях боярских, годовой оклад был:

деньгами	Юр.
хлебом и овсом	16 чет.
солью	3 п.
2. С 1629 г. ему же, служившему атаманом, оклад	14¹/₄ р.
хлебом и овсом	15 чет.
солью	3 п.

з) Грамотность, как сказано выше, была домашним наследством, переходившим от отца к сыну. Среди казаков, деятельною жизнью приготовленных к познавательности свыше своего состояния, провертывались самоучки, подобные томскому казаку, которого Гмелин признал способным вести метеорологические наблюдения и который, исполнив поручение, доставил ему на обратном пути еще чертеж виденного 30 сентября, в определенные часы, круга и полукруга с 4-мя побочными солнцами. Конечно, казак только срисовал явле-

3. Борису, с 1629 г. поверстанному в дети боярские, оклад 10 р.
хлебом и овсом 5 чет.
солью 3 п.
покосами 200коп.

4. Другому Борису, около 1647 г. служившему в детях боярских, оклад 14 р.
хлебом и овсом 28 чет.
солью 3 п.
покосами 200 коп.

5. Сыну его Василию, служившему после отца с детьми боярскими в недорослях,
оклад. 5 р.
хлебом 3 чет.
солью 70 фунт.

6. В 1636 г. Павлуцкому, написанному в дворянах по-тобольскому, оклад 18 р.
хлебом 30 чет.
солью 3 п.

7. По книгам 1703 и 1705 гг., потомкам Павлуцкого, служившим дворянами по ведомству Тобольскому, оклад 10р.
хлебом 15 чет.
солью 3 п.

8. Казачьим начальникам в бесхлебных северных городах и острогах производилось хлебное жалованье несравненно умереннее против оклада тобольского, особенно в 1 -ю треть I периода. Это замечается, даже во II периоде, из посылки в 1693 году в Якутск на службу дворянина Ивана Павлуцкого в звании сына боярского. Ему оклад, 7 р.
хлебом 7 чет.
овсом 3 чет.
солью 2 п.

9. Атаманам и детям боярским, служившим в Енисейской области, как прежде замечено, отводилось, за полные оклады, жалованья денежного и хлебного до 10 десятин

10. Вследствие высочайшего указа 24 апреля 1725 г. велено было разобрать дворян и боярских детей Сибирской губернии, и с годных к службе не брать подушных денег впредь до указа. Губернская канцелярия, как прежде было показано, положила в то время в штате одного Тобольска для разных поручений:
дворян 50
детей боярских 100
Первым жалованье деньгами 20р.
вместо хлеба Юофтей
Вторым жал. деньгами Юр.
вместо хлеба 5 юфтей

Из сих сведений открывается: а) что не было постоянных правил в определении окладов денежных и хлебных, б) что детям боярским при начальствах в разные времена были разные штаты, в) что они, будучи ниже чем-то против дворян сибирских, иногда пользовались на деле службы предпочтением в окладах. Но вот что странно: из наделки участками земли, около городов и острогов отводимыми вместо жалованья и для сена, вышло у сибиряков ошибочное заключение о принадлежности тех земель, как бы

ние, да ведь и Гмелин не знал тайн поляризации*. Вообще, за невведением публичного обучения, все состояния не шли вперед. Духовенство ограничивалось должностным затвержением церковных книг и, слушая малороссийский говор первых духовных лиц, не радело о русской речи. Сословие статское составляло свои длинные бумаги как без порядка логического, так и без грамматического склада, особенно при начальниках из иноземцев. Купцы и посадские жили без книг, без чтения. Свои хлопоты были на уме у всех.

и) Чернь, любившая погружаться в грубых удовольствиях, стала быть свидетельницею, со времени кн. Гагарина, других удовольствий в домах начальнических. Гмелин в своем дневнике упоминает, что в доме тогдашнего тобольского губернатора вскоре после стола начиналось танцованье.

к) В опровержение новейших притязаний, лишнее себе присвояющих, история произносит, что посев ячменя и овса в Камчатке, прежде Второй Камчатской экспедиции, производился с большим успехом по заимкам Успенской пустыни; что во время Крашенинникова усмотрены хлебородные земли около Верхнекамчатска и в верховьях Большой реки; что огородные овощи, требующие влажности, как то: репа, свекла и редька — тогда произрастали в необыкновенной величине; что от пары рогатого скота, в 1733 г. доставленной Павлуцким в Камчатку, разველось там благословенное племя подручных млекопитающих; что гораздо ранее 1736 г. казаки, искавшие опьянения, выдумали гнать сикеру из ягод, потом из сладкой травы; что казенное винокурение из сладкой травы (Heracleum Sphondilium) стало производиться с 1736 г.

л) После выводов большей и меньшей важности, преимущественный вывод усматривается в постоянной воле правительства о распространении истинной веры в Триединого, который для славы своей ниспослал малочисленным и необученным дружинам могущество преодолеть многочисленных идолопоклонников и магометан. Боже всемогущий (Пс. XLIII), ушами нашими слышахом, и отцы наши возвестиша дело, еже соделал Ты во днех древних. Десница Твоя подавила языки, а их насадила. Не мечом своим приобрели землю и не мышцею своей спаслись, но десница, и мышца Твоя, и свет присутствия Твоего охраняли их: ибо Ты возлюбил призывающих имя Твое.

наследственных. Потомки рядовых даже казаков, не только атаманов и детей боярских, продавали свои участки, а другие скупали, начиная с окрестностей Туруханска и Березова до окрестностей южных городов и острогов. На этом зыбком основании явились владельцами земель посадские, купцы, архиерейские служители, ямщики и отдавали участки внаем или селили на них вымениваемых азиатцев, не говоря о губернских уже чиновниках, которые записывали при ревизиях в виде своих крепостных, то беглых, то ссыльных, как при второй ревизии открылось. Но при открытии наместничеств сибирских государыня императрица заметила генерал-губернатору Кашкину 22 января 1782 г., что в *Сибири нет недвижимых дворянских имений,* и сия основная мысль законодательницы долго, однако ж, не прикладывалась к решениям дел о землях, пока одним решением Тобольского уездного суда, в 1801 г. состоявшимся и в октябре 1806 признанным от Сената за образец для сибирских притязаний на земли, не испроверглись все мнимые права сибирских помещиков.

* Без поляризации трудно изъяснить побочные призраки Солнца чрез обыкновенные условия отражения и преломления.

1. Но какую страну завоевали казаки и промышленники, служители Провидения и Престола? На какой земле протекло наших 157 лет? На земле, которая заслоняется хребтом Уральским, к востоку — Становым, залегающим от Тауя в видимом параллелизме с первым, и которая со включением Камчатки, восточного околотка, разметалась на 105 степенях долготы. Южный катет сей фигуры, в разные приемы отчеркнутый кряжами гор с размашливыми внутри разводами гор, которых заглавие завито вне границы, представляется с многоугольными уступами, подобно как и северный, по разнообразию губ, заливов и мысов. Эта длинная площадь, с заднею Югро-Лопиею равняющаяся с лишком третьей *части* своего круга, притом покатая к морю льдистому, оледеняющему низменную приморскую почву и навевающему при сопровождении гористых отметов повсюду большее или меньшее оцепенение, сама по себе, сверх больших широт меридиан и невыгодных местностей, приготовила материковою протяженностию суровый климат, с малыми оттенками. Эта длинная неровная площадь, разрезанная 4-мя главными руслами и сопровождаемая береговыми насыпями или пластовыми кряжами, образует в Западной Сибири низкую равнину до того расчерка, за которым реки и речки катятся в Енисей, адалее в Лене и за Леною, исключая приморских тундр, она волнуется между гор и ущелий болотных, за Колымою же, где волканизму Станового хребта надлежало разметаться по сторонам подземелья, изменяет прежний характер*.

* Дабы лучше вообразить положение площади сибирской, предложим здесь окраин ея и срединных мест вышины над морскою поверхностью, определенные барометрическими изменениями.

УТелецкого, ан. фут.	
Уровень р. Аи в Златоусте	1109
Большой Таганай	3675
Малый Таганай	3375
Гора Юрма	3367
Р. Сикелга у Соймоновского золотого промысла	1107
Озеро Ушкуль	1249
У Гумбольдта, фр. фут.	
Вообще вершины Уральских гор с Конжековского камня до Таганая	3600—4800
Из Сиб. вестника, фр. фут.	
Уровень р. Иртыша в 5 верст, от речки Смолянки и Красноярский форпост	704—772
Поверхность р. Бухтармы выше устья Хаир-Кумина	1245
УЛедебура, ан. фут.	
Барнаул у гошпиталя	366
Уровень Оби у Барнаула	358
Шлифовальная фабрика, близ которой Демидов начал сперва работы	1209
Синяя сопка (по Ренованцу)	3631
Змеиногорск подле церкви	1209
Караульная сопка	2006
Усть- Каменогорск	1137
Вершина Холзуна	6473
Из Сиб. вестника, ан. фут.	
Тара	440
Татмышская деревня при Иртыше	442

Она обыкновенно делится на три продольные к востоку полосы: северную, среднюю и южную. Северная, как бесхлебная, залегает от окраин моря до 62° ш.; средняя, как лесистая и влажная, с 62° до 54°, отсюда южная, как песчанистая, продолжается до выходов тогдашнего завладения. Характер песчаности и частью солоноватости по всей ея длине преобладает, как лесистость в средней и бесхлебность в северной. Мы взглянем неглубоким взором на три полосы, начав с северной.

2. Почва, приготовляемая из гниения растительных частей и покрывающаяся по большей части мохом, с 63° до 67° оттаивает летом на $1\frac{1}{2}$арш. ил и около то го. Подстилка черной почвы бывает различная. В Якутске, принадлежащем к этой параллели, сделан геогностический опыт*; и если бы в этой широте продолжать испытание земли на нескольких точках, заключение о почве могло бы быть основательным. С 68° и инде 69° до краев поморья расстилается тундра с мелководными озерками. Подпочва ея от покатостей Урала до Обской губы каменистая, потом промерзлый ил, мелкий камешник, каменный уголь и железняк до Лены; а от Оленёка до Колымы подпочва болотистой и озеристой тундры, прерываемой в разных направлениях земляными возвышениями (исключая гор, прилегающих к Св. Носу, Муксунскому Камню и т.п.), есть иловатая глина, иногда проникнутая льдом, или земляной торф. Берег низмен и местами устлан помостом наплавного леса. В этой полуполосе, то есть с 68° до моря, начиная с Обдории, по всей Пясине, под которою в старину разумелось все пространство от Тазовской губы до Анабары, и по остальной тундре до Колымы, земля оттаивает не глубже $\frac{3}{4}$ арш., и тем менее, чем далее к морю. Здесь конец снежной сибирской линии, кажется, прилегает к земле гораздо существеннее, чем конец великолепной полной радуги. Тут нет почвенной теплоты, кроме солнечной. Самоедь обдорская, в уверенности, что там нет топких мест, зимою и летом с безопасностью ездит везде на санках, оленями заложенных. Способ езды далее к востоку изменяется, и с Оленёка зимою ездят на соба-

Поверхность р. Тартаса при селе	491
Поверхность р. Оми у Каинска	518
Чаусск, или Колывань	282
Поверхность р. Оби при Дубровиной	201
Томск	282
Красноярск	522
У Гесса, ан. фут.	
Площадь, прилегающая к Кяхте	2300
Хамар-Дабан	7600
Авачинская горелая сопка	8700
Камчатская сопка, по словам Литке	16542

*В 1830 и 1831 гг. прорыли землю для колодца на 15саж. глубины и нашли подпочву промерзлую. Вот слои: на первых 2 саж. слой постоянно-черной земли. Потом на $2\frac{1}{2}$ саж. земля иловатая. Далее $\frac{1}{2}$ арш. — иловатый песок, смешанный с обломками леса, корней и ветвей. Далее на 5 саж. с аршином — песок жесткий, с мелким камешником, под конец с древесными корнями. Далее на $\frac{1}{2}$ арш. — слой из третичного известняка с прожилками железняка, находившегося, по-видимому, под влиянием воды. Наконец, мелкий песок, чистый, сухой, пепеловидный, вкуса щелочного, вяжущего, и он углубляется на сажень. После всего, на глубине 2 саж., 2 арш., усмотрен скученный песок, наподобие расплавленных пиритов, заключающих горючий уголь. *Journal tie St.-Petersbourg,* № 14, 1832.

ках с большими запасами корма, а летом на оленях, заменяя самоедские санки выдуманными челноками (ветка).

В летнюю пору, поднявшись на вышину Урала, противолежащего северной полосе, видят на западе необозримую равнину, питающую своею травою бесчисленные стада оленей, принадлежащих обдорской самоеди. По уступам Восточного Урала рябеют от ветра нагорные водоемы со щуками и сырками, подобные озеркам Верхоянской горы, имеющим хариусов. По всей полосе довольно озер средней и малой величины, наименованных и безыменных. Из первых, которых протоки или речки текут в Карское море, два: Сосбойское и Эрубейское (Игрубейское), оба от 10 до 30 вер. длины и ширины; за Обью, Терымкар с р. Надымом, меньше первых, Сабун больше первых, Лямин Сор — от 6 до 40 вер. длины и ширины, Казымскоеср. одноименною — от 50 до 55 вер.; за Енисеем не уступающие Казымскому: Давыдове, Матюшкино, Быструнино и Пясино, соединенные протоками, а последнее, подобно оз. Таймуру, проливается в море. Около Вилюя к Лене есть оз. Инжил, три Жиганские и прочие, уступающие в величине прежде помянутым. Все эти водохранилища, более или менее рыбные, отличаются по большей части крупностью ершей или карасей.

3. С 63° до 68° леса постепенно тонеют и мельчают. Невозможно поверить на слово *Енисейской губернии,* чтобы леса там произрастали до устья Хатанги, т.е. до 75° ш., потому что нет исключительно благотворных растительности обстоятельств, при общих хладотворных причинах. Равномерно нельзя доверять недавним путешественникам, которые сказали чрез *Сибирский вестник,* что в этой полосе по Оби есть осокорь и тополь, ни губернатору Корнилову, что будто бы по берегам Соби растет пихта, которой нет уже в широте Березова*. С 68°, по большей мере с 69°, в последней полуполосе нет деревьев, в собственном значении слова, есть только уродливые передразнивания, как то: искривленный коленчатый приземистый соснячок, ольховничек, тальничок, можжевельничек-стланик; даже л иствень и ел ь под конец склоняются кземле, так как исподний и почвенный воздух нагревается до корней растения в неглубокой горизонтальной плоскости. Из ягод прозябают около 68° и выше брусника, водяника (Empetrum), клюква, лакомая княженика (поленика) и местами в несказанном изобилии морошка. Из обдорской флоры доставлены мне образчики растений, в нескольких верстах за Обдорском 14 июня сорванных на пригорке (Rosa canina, Arctostophylos alpina, Lamium album, Myosotis alpestris, Solidago virgavrea, Pedicularis euphrusioides, Polygonum viviparum, Chenopodium album, Gnaphulium dioicum и пр.); выродки сии очень бедны на вид и доказывают, в какую несродную глушь забрасываются семена средней полосы; собственных же обдорских и заобдорских растений не оказалось в присылке. Творец *Енисейской губернии,* извещая о растениях туруханских, также незатейливых и не последних, как и обдорские, желал показать крайние нити, какие природа прядет у берегов Ледовитого моря; и нашлись водоросли (Fucus), какая-то spongiaoculata, и кой-какие зоофиты. Но лучше бы сибирским испытателям всматриваться по канве тундры в разнообразные узоры криптогамографии. Впрочем, Фигури-

* Таюке и знаменитый Паллас ошибся, сказав, что в Сибири пихта не растет свыше 58°. Напротив, в Самаровском яме, в ш. 60°55', заготовляют из пихты судовые мачты.

ным и Кибером по тундре от Яны до Колымы замечены: осока, голостебельный лук, вид какого-то черноголовника, Myozot без наименования, морошка, Thymus serpillum, 8-лйстная сибирячка, багульник без имени, видандромеды, Calthapalustris, болотные лютики без имен, Hedizarum alpinum, Gymundraborealis, arbutus alpina. Между Индигиркой и Колымой с 69° растут одна верба, ветла (Salix herbaceu, arenaria, fusca, lapponica) и можжевельничек. Все это гораздо удовлетворительнее ботанических замечаний, помещенных в *Бшьингсовом путешествии* по тамошнему краю. Из слов Кибера видно, что около Кимсктати (в ш. 70°) простывает и след растительной жизни.

Кстати здесь изъявить сожаление, что лучшие статистики о Сибири описывают царство прозябаемых гуртом, без расстановки их в'свои широты. Память затемняется от множества наименований, но наука не видит просветов. Тогда как статистики наши вдруг говорят обо всем и ничего не сказывают, ученый Л едебур барометрическими измерениями определяет пределы растительности в высших слоях атмосферы. Какой бы любопытный наугольник вышел для метеорологии и общежития, если бы на южном конце горизонтальной линии, в уме проведенной по почве к Ледовитому морю, например, в долготе Барнаула, как подножия алтайского, вообразить вертикальную линию для обоюдных заметок растительности на линиях почвенной и нагорной!

По наблюдениям Ледебура

Высшее пахотное поле в известной широте	3801 фут.
Предел урожая по почве не далее	62° ш.
Высший предел произрастания орешника-стланика	6501 фут.
Предел его на почве	56°
Пихта не растет выше	5272 фут.
далее	63°
Сосна не растет выше	5272 фут.
далее	67°

Если бы статистика давала нам более точные сведения, нежели какие видим доныне, тогда, распространив сравнительную таблицу растительности, можно бы из нея знать, в какой именно широте и высоте от угла кверху и понизу известные прозябения могут расти и не расти, а другие начинаться и замирать. Не сибиряку может показаться наугольник барнаульский невидным; но кто помешает протянуть его к экватору? Тем любопытнее будет соображение.

4. Противолежащий северной полосе Урал, а не тот, который, погрузясь в пучине карской, потом пролегает чрез Новую Землю*, Урал сухопутный возбуждает несомненные надежды на открытия богатств, но, по отдаленности и другим физическим неудобствам, едва ли когда-нибудь созреют эти чаяния.

В устье р. Кары перенимаются зерна янтарные. Такие же крупинки попадаются по тундре Енисейской губернии у берегов рек, особенно Хатанги, далее к востоку — при озерах Ладаннахе и Тастахе. Не странно ли, что янтарь, долго быв вопросом, пока химия не отыскала растительного его начала, теперь возбуждает другой вопрос об образе и времени происхождения при берегах Ледовитого моря. Там же под замерзлою тундрою замечен спутник янтаря — каменный уголь,

* Известный Дерябин, в 1807 г. взглянув на минералы, с Новой Земли привезенные горным чиновником Людлофом, подал мысль министру гр. Румянцеву, что эта земля должна быть продолжение Урала, и во уважение того предвестия минералы новоземельские были тогда препровождены в Академию наук. Столь отважное усмотрение за 30 лет ныне подтвердилось поездкою Бера и Лемана.

вероятно, залегающий под тундрою к Лене, с запада и востока. Между устьем Хатанги и Анабары, говорят, есть щелочность солено-кислая, плотная и прозрачная. В трещинах сланцевой, дымящейся горы, около Хатанги — самородный нашатырь. По берегам Нижней Тунгуски — железная руда. На Вилюе — известные вилюиты, лава и алебастр. При Кемпендюе, как сказано в своем месте, —самороднаясоль*. Нар. Харысовке, впадающей в Оленек, — горная смола (bitumen asphaltum). Горный хрусталь и аметист — около Зашиверска. Кварц опаловидный — по берегам Лены около Жиганска. Агат кольчатый и корольковый — по Лене. Деревянистый опал и такой же асбест — по той же реке. Кибер нашел по Анюю кусок обсидиана и также опал близ одних волканических гор. Этот путешественник не любит называть своих находок полными именами. Пор. Аклану находили окаменелые деревья, и недавно найден Постельсом, на острове Карагинском, окаменелый отломок дерева. Вот сведения, большею частию принадлежащие медику Фигурину! Скажем несколько слов об ископаемых костях допотопных животных; эти подземельные сокровища представляют для поморских жителей истинный, а не сказочный клад, потому что за иные Мамонтовы клыки платят до 400 р. Кости обнаруживаются иногда в озерах, иногда в берегах речных по всему материку, равно и по северным островам. Насчет самоедского искусства вырезывать из костей свои галантерейные вещицы трудно решить, принесено ли оно ордою из незапамятной родины или изучено на месте; только неоспоримо то, что наши архангелогородцы и енисейцы переняли костяную резьбу у своей самоеди и превзошли учителей лучшим вкусом, в угодность требованиям общежития. Что касается до русских резчиков внутренних областей, они давно отличались вырезыванием крестов, икон и Господних праздников на мамонтовой и моржовой кости, как видно из подарков тверского епископа, в начале XVI века посланных цареградскому патриарху.

5. Северная полоса скудна и животными. В классе млекопитающих, из порядка предплюсноходящих, нет в ней ни белки, ни сурка, ни зайца, из чего можно видеть, что в разделении животных мы соображаемся с методою Ловецкого. Из порядка стопоходящих только 2 вида: обыкновенный медведь и медведь полярный. Изпальцеходящих3 вида: обыкновенная собака, волк, песец голубой и белый; голубой считается игрою природы, но при достоверном известии, что на северных островах число голубых песцов содержится к белым, как 4 : 1, и наоборот по материку приморскому, не очевидно ли, что эта игра цвета зависит не от игры, а от чего-то существенного? Из двукопытных 4 вида: северный олень, олень обыкновенный, дикая овца (ovisammon), замеченная за Барановым Камнем и около Зашиверска; также около Зашиверска кабарга. Из однокопытных — обыкновенная лошадь. Изногокрылых —летяга, на юг от Алазеи и около Верхнеколымска. Из лапчатоногих, к средней полосе, бобр-домостроитель и выдра морская. Из пероногих —тюлень, морж, сивуч (phoca iubata). Из китов — кашалот-дельфин, заплывающий, при погоне за рыбами, в

* Прежний соляный ключ исчез в 1818 году. См. в Хтоме *Энц. Леке,* статью: *Вилюйские соляные промыслы.*

Обь, Енисей и Лену. В классе птиц, из порядка прыгающих —дятел и кукушка, замеченная в широте Жиганска. Из хищных — коршун, ворона, сорока. Из мелких — подорожник, стриж, ласточка и пр. Из кур — глухарь, тетерев, куропатка. Из болотных — журавль, зуек. Из пероногих — гагара. Из лапчатоногих — гусь, утка, гага, лебедь, чайка. В классе рыб с жаберною перепонкою, но без крышки: осетр, стерлядь, шип. Из горлоперых — налим, язь, щокур, пыджьян. Из грудоперых — окунь, ерш. Из брюхоперых — нельма, моксун, хариус, линь, карась, сельдь, щука, лещ, омуль и вид лосося, добываемый при Колыме. Надобно бы еще упомянуть об енисейских тугунах, как пресловутых во всей Сибири, и о других,.видах, но подробное исчисление их не принадлежит к полосе, о которой идет дело.

6. Для выражения северной температуры очень мало местных наблюдений, да и те деланы в последнее время. В какое бы, впрочем, время ни были сделаны эти наблюдения, но при уверенности, что нет физических причин тамошней температуре умягчиться или ожестеть против прежней поры десятника Бузы или Павлуцкого, в чем можно сослаться на валовой вывод земной термометрии*, мы воспользуемся данными из *Биллингсова путешествия* и медика Фигурина, так, как бы наблюдатели посетили северный край в III периоде. Секретарь Биллингсов наблюдал в Верхнеколымске в течение последних 8 дней ноября, а Фигурин — по два почти года в Усть-Янске в ш. 71° 10'**. Из их наблюдений видно, что недаром там с ноября земля, лед и лес избный трескаются и дают сильные выстрелы, как батареи. Нижняя Колыма, покрывающаяся льдом в половине сентября, вскрывается в начале мая, и снежная ласточка щебечет радостно. При толь лютом состоянии температуры человек-страдалец живет, подчас смеется во весь рот и подчас, при вспыхивающем ивняке или при обрубке приплавного дерева, еще мечтает. Что, если бы душа его была нагрета, как у гренландских и лабрадорских эскимов, обетованиями будущей жизни или познанием видимого мироздания, не наслаждался ли бы он жизнью, как навечерием великого дня, или заревом северного сияния, как зарею дня не вечернего?

* Найдено, что общая температура земли в течение 2000 лет могла измениться только десятою долею градуса. Annuaire du bureau des longitudes, 1834.

** В 1786 г. самая большая стужа 26 ноября в 12 часов пополудни — 41 '/2° по Реомюру, меньшая — 23-го в 8 часов вечера — 30'/2°. А в 12 часов, если бы наблюдатель держался своего порядка, может быть, была бы первая степень мороза.

От 40 до — 41/2° замечено 10 раз. Ртуть оттаивала всякий раз, как холод смягчался до —32'/2°. Ветры переменные.

В 1821 г. в Усть-Янске самая большая стужа 11 января в полдень -43,5° по Реомюру. Самая большая теплота 14 июля в час пополудни +30°.

Ветер втечение года дул более с В. и Ю.-З.; буря и сильный ветер — 25 раз, безветрие 10 дней, ясная погода — 64, переменная — 72, пасмурная — 39 дней; снег шел 47, дождь — 13, туман — 10, северное сияние — 7 раз.

Самая большая высота барометра 16 февраля в вечеру — 30,31 в анг. размере, меньшая 16 сентября в полдень— 29,15.

В 1822 г. самая большая стужа —42,5° ввечеру 13 декабря. Самая меньшая —0,5° в полдень 20 сентября. А летом?

Самая большая высота барометра 31,11 в полдень 7 января; меньшая — 29,31 ввечеру 9 ноября.

Ветер дул более с Ю. и В.; буря и сильный ветер 13 раз, безветрие — 22 дня; ясная погода стояла 75, переменная — 32, пасмурная — 21 день. Снег шел 19, дождь — 2 дня. Северное сияние 28 раз.

В самом деле, если бы наши бедняки слышали благословенный зов Евангелия и понимали высокую кисть своей природы, тогда бы радости их жизни распространились сугубо. Одно незаходимое Солнце, обдорское или колымское, возносящее великолепные радуги над тундрами, то расписывающее гребни уральские отливами освещения, то играющее лучами по краям громадных льдов и представляющее из них оптические горы, одно Солнце сколько развешивает картин! Благородное светило, полгода собеседуя с невинными, растопляет для них прибережные льды, открывает воды, наполняет для них реки, заливы рыбами и забавляющимися чудовищами, сзывает для них несчетные вереницы птиц, раздевающихся донага, наподобие славянских колпиц, произращает траву для их друзей-оленей, запасает для них же питательный мох и на полгода удаляется великодушное светило, чтобы переменить свои благодеяния. Ибо для освещения их покидает в небесах ометы своих риз, в прибавок к сверкающим лампам, и тут же в шествии оно помивает зверям и зверькам спешить нести детям природы свои теплые, дорогие покровы. О, Вечный! Если Твой лучезарный шар в так превосходной степени благотворен на краях полузамерзлой окраины, сколь неизреченно Ты сам превосходишь в благословениях видимых и постигаемых, но более непостигаемых, хотя и видимых! Кстати или некстати, прибавим здесь, что первый наблюдатель северного сияния на берегах северного моря, начиная с Колы, был Делиль, тот самый, который подле авачинского берега закрыл глаза, утружденные явлениями природы.

7. Признав за лучшее освежить следующие периоды нашего *Обозрения* описанием остальных 2 полос, мы помещаем теперь статью о землетрясениях, как общую полосам.

На Северной Двине было землетрясение в 1627 году. В Перми, на Урале* и Алтае не замечено колебаний земли в первой половине XVI11 столетия, ни прежде того. В Иркутске происходило землетрясение 21 января 1725 г., и другое — в мае 1742 г. При последнем трубы с домов валились, и с одной церкви упал железный шатер.

В Камчатке, где, начиная с Олюторского мыса, считается 17 волканических гор, погасших, или дымящихся, или возгорающихся, главных три: Камчатская (Ключевская), Толбачинская и Авачинская**.

Камчатская между 1727 и 1731 г. извергала с краткими перемежками пламя умеренное, так что жители привыкли к нему, как к чувалу; но с 25 сентября 1737 г. гора явилась раскаленным камнем и сквозь расседины с неделю изливала огненные реки, с громом, треском и подземным шумом. Возгорение сопровождалось извержением пепла, но не кончилось: октября 23-го от сильного трясения жилища камчадалов разваливались, печи в Нижнекамчатске разрушались, колокола звонили, церковь расшаталась, и тревога продолжалась до весны 1738 г.

Толбачинская, лет с сорок успокоившаяся, в декабре 1738 г. производила по окрестностям сильное колебание и в начале 1739 г. выкинула огненный ша-

* На восточной стороне в Нижнетагильске было землетрясение в 1788 г., а более чувствительное — 12 мая 1798 г. *Хоз. опис. Перм. губернии.*

** Виды камчатских сопок, определение их высот и геогностические описания этих громад помешены в *Кругосветном путеш.* Г. Литке.

рик, выжегший лес окрестных гор, потом покрыла землю пеплом верст на 50 во все стороны.

Авачинская, издавна курившаяся и по временам воспламенявшаяся, в 1737 г. сильно пылала не более суток и выбросила тучу пепла; с 6 октября закипело землетрясение, балаганов и юрт не стало. Море взлилось на берега сажени на три и мгновенно убежало от берегов далеко, опять взлилось и опять убежало так далеко, что пролив между 1-м и 2-м Курильскими островами оказался на суше, как помост каменный, и все это случилось в одну четверть часа. После того море снова взлилось саж. на 30 глубины и снова скатилось, пока полуостров, при повторяемых колебаниях, успокоился с прилегающими островами. Нечего сказывать, что жители Восточной Камчатки, Лопатки и островов разорились или погибли бедственно. Природных жителей м[ужского] п[ола] в Камчатке осталось к 1741 году 2716.

Не то же ли происходило, в незапамятные времена, и со всею Сибирью? Мареканский хребет, в котором не так давно погас волкан, — Нерчинская возвышенность с разорванными кряжами, в которых не везде довершена химическая переплавка каменных пород, механически скученных, — Байкальские горы, отрывки Саяна, в которых породы древнего сложения высунулись снизу наверх, — Алтай, у которого в гористых террасах начертан великий волканический процесс, чудесно перемешавший громады разных пород и эпох и разноместно представляющий геологу неожиданные размещения гранита, порфира и филляда, — наконец, Урал, с преобладанием диорита, талька и сланца, перемешанных гранитом, что такое сказывают о себе, как не то, что некогда они были огромными плавильнями страны, заключенной между настоящими кряжами и потрясенными береговыми островами, плавильнями потом затопленными, с которыми вместе затоплены и тропические животные нахлынувшим морем, и острова смыты? Да, мы разделяем мнение Делюка с предшествованием волканичества и с последовавшим наружным охлаждением*.

8. Настало, однако ж, время, когда плавильни погасли, океан ушел, явилась суша, и люди стали в ней расселяться. Быть может, дальние их потомки, слышавшие о злополучном перевороте страны, задумали увековечивать свою память начертанием родовых тамг или затверженных изречений на утесах, а другие, поздние, пришельцы тщеславились в том им подражать. Мы вкратце предложим все достопамятности, какие Русская Сибирь наследовала, достопамятности, состоящие из начертаний, слывущих здесь *писанцами,* из курганов, развалин и горных копей. Все они выказывают следы письменности, буддизма, зодчества, воинственности и богатства.

Сперва предваряем, что в северной полосе, кроме былой надписи по р. Вишере, доныне не замечено никаких достопамятностей, оттого, может быть, что тамошний насельник нов, туп и озабочен дневным продовольствием. Там также есть утесы, как и в прочих полосах, да и сама природа представляет игривые начертания по берегам речным. Нельзя сказать, чтобы тамошний скиталец был не тщеславен, когда известно, что северный эвоен, юкагир, как и чукча, расписывали свой бюст накалывани-

* В глубине 54 саж. упомянутого Якутского колодца температура становится теплее, и холод уже не проницает слоев земли.

ем узоров и последний доныне продолжает пунктирную разрисовку.

9. В Покчинской волости, в 44 вер. выше села Говорливского, по левому берегу р. Вишеры есть камень Писаный, так названный потому, что на нем были начертания красного цвета. Также по левому берегу Тагила, около деревни Гаевой, изображены фигуры красною краскою; снимки последних представлены в *Описании Пермской губернии.* Мы не разделяем мнения редактора, приписывающего те и другие начертания вогулам или татарам: 1) потому, что эти племена не щеголяли каллиграфией, так сказать, альфресковой, 2) что вишерские начертания, уцелели ли они или нет, скорее могут быть приписаны камским болгарам, туда проникавшим по торгу.

Красные также письмена, на берегу р. Пышмы, Страленбергом виденные недалеко от Тюмени и в *Сибирском вестнике* 1821 года тиснутые, недавно представляли, по оглашенному сходству с письменами Таунтонского в Канаде камня, важную палеографическую задачу. Курт-Жебелен, известный языковедец, с доктором Стилем, по первым спискам с таунтонской надписи, в прошедшем веке явившимся, сочел ее за письмо финикийцев, которым, в предположении сходства с надписью пышминскою, надлежало бы посетить Обь и Туру. Очень недавно один из славянских палеографов видел в письменах пышминских почерк глаголитский. В самом деле, что-то похожее мечется в глаза, при рассматривании двоестрочия пышминского; но вопрос, с какого подлинника Г. Спасский (оказавший Сибирской истории неоспоримые заслуги, без средств, с одною любовью к стране), с какого подлинника списал это двоестрочие, по словам его, переправленное? Мы, следуя его же совету, желали удостовериться в подлинности двоестрочия на берегах Пышмы; и на протяжении сей небольшой реки по Тюменскому уезду не открывалось ни следов письма, ни слухов о том, ни даже утесов, потому что берега ея отлоги и низки не в одном Тюменском, но также и в Камышловском уезде*.

По соображении всего, надобно полагать, что Страленбергова надпись взята с берега Вишеры, что и вероятно, потому что путь его лежал чрез Соликамск, а не по верховью Пышмы. Что ж касается до мнимого сходства с таунтонским начертанием, славный Гумбольдт** говорит не о первом начертании, которого подлинник утрачен во Франции при министре Морепа, но о другом таунтонском же снимке, что он сличал четыре копии, и с трудом мог увериться, чтобы у них был один подлинник. Гумбольдт видит в них простую малевку без букв, без слогов и располагает не к лучшему заключению насчет утраченного подлинника.

* Осмотрение берегов Пышмы принял на себя человек основательный, смотритель Тюменского уездного училища Попов, который нашел то, что у меня написано в тексте. Он думал, что надобно посмотреть ту реку в ея верховье. Это правда, что она, вытекая из оз. Исетского, течет в каменных берегах по уезду Екатеринбургскому до Камышловского: но *Описание Пермской губернии,* весьма отчетливое и не пропускающее ничего любопытного без замечания, не смолчало бы даже о слухах бывалой надписи. Оно-то ручается, что Страленберг, любивший грезить о словопроизводстве, нечаянно как-то подменил Пышму вместо Вишеры. Место Вишеры благоприятнее для письма глаголитского по переходу старообрядцев, из мурманских скитов бежавших, и по проездам болгар, в числе которых были и славяне, если бы дело походило на правду.

** *Vues des Corbillires et Monuments despeuples indigenes,* Tom. I, page 180.

Пользуясь трудами Г. Спасского, мы повторяем в своем *Обозрении* описания изображений, им снятых.

Вид IV. Начертания красные на гранитном утесе над реч. Смолянкою, падающею в Иртыш. Роммель отозвался, что подобные начертания есть и в Америке, а где именно, следовало бы домолвить. Мы должны за себя добавить, что тагильские начертания точно в таком же стиле и цвете.

Вид VI. Надписи над входом Бухтарминской пещеры в 12 вер. от крепости и снятые прежде их стесания. Ориенталист Клапрот, в 1806 г. возвращавшийся из-за Байкала, нарочно наведен был на эту пещеру, по себе неважную, для перевода надписей, но ему показалось легче известь их, чем перевесть. Мы повторяем местную историческую известность, а не шутку.

Вид I. Изображения животных с очерками лиц и фигур человеческих, иссеченные на зеленовато-сланцевом утесе над р: Томью, выше Томска, кажется, принадлежат древнейшему племени, нежели теленгуты или кайсаки. Клапрот наобум приписывал сибирские южные начертания восточным кайсакам, верно бурутам.

Вид II. Пропись под № 4 взята с утеса близ левого берега Чарыша, а под № 5 подпись с могильного камня. В том же виде под №№ 1, 2, 3 представлены изображения, с утеса реки Енисей снятые, из которых немногие походят на наши алфавитные буквы. Первый енисейский губернатор заметил неверность в снимке енисейских изображений, но ему легко бы выдать поправленный снимок, потому что при нем находился способный рисовальщик.

Вид III. Тут повторены Палласовы снимки с абаканских могильных камней. Ученый Тихсен видел в них кельтские и готские письмена, а Роммель уподоблял их могильным начертаниям земли Гессенской.

По берегам Тубы, на каменном утесе, подобно как на левом берегу Оки, есть крашеные изображения лошадей, рогатого скота и людей в монгольском костюме, при последнем месте. Это малеванье принадлежит Монгольской пастырской школе, а томское высечено другой.

Предложенная страница начертаний очень важна для Сибирской истории и очень темнадля основательных заключений. Подождем истолкований от кафедры казанских ориенталистов, а между тем можно смекать, что с возвышенных площадей 4 горных систем, заключающихся между Алтаем и Гималаями или Гиндукушем, в древности сбивчиво называвшихся Большою Скифиею, прохожие племена Востока текли на Запад устьями гор, как проторенными дорогами, и на ночлегах, быть может вековых, высекали или малевали черты древнего алфавита, не столь разрозненного, как впоследствии, так что он мог сходствовать у кельтов, пеласгов, этрусков, готов, старогерманцев или наших вендов с загималайским санскритским. Самые тамги, чьими бы руками ни начертаны, должны быть подражания господствовавшего букваря, переходившего из племени в племя.

10. Курганы остаются памятниками или летних старшинских кочевьев, или сторожевых насыпей, или могил. Курганов первых двух условий довольно около озер восточно-уральских, по берегам Исети, Пышмы, Туры выше и ниже Тюмени и Иртыша около Тобольска. Курганы могильные, украшаемые изваяниями лиц алтайских и саянских, числом до 8, помещены у Г. Спасского в изображениях VII и VIII.

В могилах, начинающихся с Тобола (вероятно, и западнее) и простирающихся не только до Тубы, но и за Байкал

до Аргуни, были во свое время открыты вещи золотые, серебряные, медные и железные. Те и другие принадлежали к употреблению домашнему, воинскому или конскому. Путешественники определяли богатство или бедность могил известными пространствами, но определения их достоверны только в отношении к могилам забайкальским, всеми признанным за самые бедные.

Ряд 16-ти курганов, находящихся на левом берегу Алея, падающего в Иртыш, стоит быть упомянут для того, что в одном главном из них в два поиска найдено было бугровщиками золота до 60 ф. в разных изделиях. Бель, из свиты Измайлова, писал, что между прочими редкостями, вырытыми из могил кузнецких, он видел конного истукана, искусно отлитого из металла, и несколько зверьков из чистого золота. Один из бугровщиков сказывал Белю, что раз он дорылся до свода, под которым лежал остов человека на серебряной доске, с доспехами лука, стрел и колчана. Миллер в колыванских заводах купил из могильных драгоценностей золотого всадника, на лошади сидящего, чистой работы, также приобрел он золотой куважнчик обронной работы. Гмелин, в Красноярске, наслышась о прежнем количестве могильного золота, в таком изобилии, что можно было покупать золотник по полтине, рассказывает, что у красноярского воеводы он видел род подноса и небольшой горшочек, из серебра под золотом. На подносе изображены резные фигуры, с накидкою, употребляемою у птицеловов. Вот сокровища абаканских и саянских могил!

Таким образом, можно заключить статью о могилах не сатирическою правдою, что если первым покорителям Сибири удавалось обирать живых, не без огорчения, сыны их обирали мертвых без ропота. Безвестное поколение не говорит под землею о собственности, подобно как допотопный носорог или мамонт не стоит за неприкосновенность. Статься могло и то, что расплатились в могилах праотцы тех свирепых поколений, которые приходили с Батыем зорить Россию. В бытиях народов правосудие Вечного проявляется в очередях вековых.

11. На земле тогдашней Сибири есть некоторые развалины зданий и кумирней.

Поминать ли о Шикашине, ногайском стойбище, при реч. Киндале, падающей в Урал? Паллас ничего тут не заметил, кроме следов вала, рва и некоторых окопов.

Следы Искера, где нет ни кирпича, ни окладного бревна, можно причислять к развалинам только в смысле политическом. Тут рушилось владение мнимых шейбанцев. Это суглинистое урочище, лежащее на нагорном берегу Иртыша, в виду маковиц, крестов Преображенского села и Абалацкого монастыря, подмываемое с запада сильною рекою и орошаемое с северо-востока речушкой Сибиркою, доныне сберегает на перешейке след бывалого рва. Молодые липы и черемуха отеняют с севера изрытую бугровщиками площадку. По откосам ея растут полынь, белена, драба (Lutea) и другие не столь печальные растения*.

Развалины, называемые Тонтуры, находились на Барабинской степи, при

* За несколько времени, лет шесть сряду я посещал это безмолвное место с Иваном Порфирьевичем Памаскиным, который усердно мне сотовариществовал-fi при составлении сего *Обозрения,* по своей любви к истории и отчизне.

излучине р. Оми. Упоминаем о них понаслышке.

Развалины Семи Палат, из необожженного кирпича строенные и ныне стертые с лица земли, — 3-мя верстами ниже против настоящей Семипалатинской крепости. Тут были кумирня и жилье лам. Прежде думали, что здесь найдены первые тангутские листы, которые Петром Великим посланы были для перевода в Париж к аббату Биньиону и в 1723 г. возвращены с недостоверным переводом братьев Фурманов; другие же полагают, что те листы взяты из Аблайкита, куда, однако ж, в Петрово время не могло быть доступа, без нарушения восстановленного согласия с контайшою. Бель пишет, что он в 1719 г. купил в Тобольске у солдата за дешевую цену несколько листов, взятых из Семи Палат. Если Миллер в 1734 г. не нашел в них лоскутка бумажного и если он достал из Аблайкитадо 1500 листов, это доказывает, что прежде не ездили в Аблайкит за добычею бумажною, пока семипалатинские свертки не были разобраны по рукам, с помощью тамошних казаков и солдат. *Сибирский вестник* думает вопреки этому.

Пойдем отсюда гомеровскими шагами чрез развалины природы и взглянем на человеческие при р. Аргуни.

Там между Хайласатуем и Цурухайтуем виден земляной вал, вышиною в 1½ саж., продолжающийся за р. Аргунь. В восточную сторону примыкаются к валу, на расстоянии 10 верст, три продолговатых четыреугольника разной ширины — от 7 до 3 сажень. Валы их вышиною на 1 ½ саж., а рвы осыпались. В западную сторону видны подобные устроения.

Пониже земляного вала впадает в Аргунь реч. Урулюнгу, приосеняемая на север лесистыми горами. Из этих гор бегут ручьи Кыркыр и Кондуй, замечательные по развалинам. Развалины кыркырские состоят из валов, рвов, насыпей, по-видимому окружавшихся четыреугольником; кондуйские в 4 вер. от Кондуйской слободы, ниже их поместившейся. Последние из необожженного кирпича*, когда верхний слой земли был снят, нашлись простирающимися крестообразно на 48 саж. дл. и 28 ширины. Пол выстлан в три слоя, один на другом лежавшие, из кирпича, глины и щебня. Внутри здания найдены 30 круглых гранитных камней и столько ж драконов, из гранита же высеченных.

Стоя на развалинах, помыслим о всемирной истине, в лице Иерусалимского храма предреченной, что от великих зданий, сооруженных не на краеугольном камне Креста, не останется камня на камне; и благословим Господа Пророков, Христа Бога, что Он вразумил кондуйцев православных из кирпича и камня тщетного здания, хотя зодчески и крестовидного, воздвигнуть храм во славу Божию.

12. Старинные рудные копи, в виде продольных рвов или котлообразных углублений выработанные, найдены в разных местах на Урале, Алтае и в Нерчинских горах, с употреблявшимися орудиями.

* Сочинитель *Руководства к физиогномике В.* Д. Саломырский видел кондуйские развалины и уверяет, чтопо Кондую множество могил. В любопытной статье автор сказывает, что судя по лобовым костям черепов, какие он находил в забайкальских могилах, и по лицевому углу, покойники были различной породы, кавказской и монгольской. № 83 *Северной пчелы,* 1836 г.

На Урале

При отыскании вагранской руды, недалеко от вагранского Походяшинского рудника, в 1769 г. разработанного, замечены старые шахты. При открытии Гумешевского рудника в 1731 г. найдены старинные выработки, рвы и углубления, а в них полусгорелая лучина, в стену воткнутая, рукавица и сумка из лосиной кожи, кайлы, молоток и т.п., из меди сделанные. В углублении 9-саженном в 1770 г. найдены в том же руднике круглая шапка с собольим околышем. В 1822 г. по Чудаковской шахте в 15 саж. нашли опять суму из лосиной кожи. Присоединении речек Багарыка и Синары замечены старинные копи на левом берегу последней. На Южном Урале, когда в царствование императрицы Елисаветы начались заводы, найдены многие старинные копи, ручные плавиленные печки, сплавы меди от 2 до 3 ф. и кривые медные ножи.

НА Алтае

Старинные разработки, в окрестностях Алтайских и Саянских гор найденные, не представляя правильности ни в разработке твердых металлоносных пород, ни в выплавке металла, остававшегося в шлаках, могут почитаться верховыми разведками и грубыми проплавками. Работы сии, послужившие указаниями к заложению многих наших рудников, простирались иногда на протяжение 150 саж., а в глубину— не далее 5 саж.; инде попадались горные инструменты, из меди литые, но по большей части употреблялись отломки из твердых камней с приделанными рукоятками, как можно догадываться из обделки отломков. По известию Палласа, в рудах змеиногорских найден был сгнивший остов древнего рудокопа, и при нем кожаный мешок с богатейшими охрами. В смежности Лугасского завода, о котором упомянуто в *Истории рудного дела,* достались нам в наследство маловажные воспоминания.

В **Нерчинских** горах

Древние выработки инде были очень обширны, даже с укреплениями; инде замечены плавиленные горны и огарки. В 1722 г. при очищении одной старинной работы найдены две медные гири от 4 до 2 ф. весу, с оттиском неизвестных букв, которых будто бы не признали своими ни маньчжуры, ни монголы, ни китайцы. В 1726 г. в другом месте, называемом Култук, найдено несколько сотен пудов серебряной руды, закрытой землею на аршин толщины. Там же в старинных отвалах попались остов человеческий и несколько каменных молотков.

Сокращенно предложив о Сибирских древностях, мы воздержались от мечтания называть их чудскими, потому что у прежних русских слово *Чудь* значило всякий чужой народ; ни доискиваться имени племен, писавших на утесах или рывшихся в горах, потому что технографическое их клеймо так общо, так темно, что может быть прикладываемо ко многим племенам, взаимно ратовавшим и истреблявшим себя в Средней Азии, тогда нераздельной с Сибирью.

заключение

Молчаливый сын Сибири, мрачные, тяжкие времена пронеслись; и ты завтра увидишь улыбку, переливающуюся на устах истории! Дщерь Петра Великого, предшествуемая и напутствуемая любовью народною, приемлет скипетр

в девственную руку с чувствами матери отечества, отечества великого и сиротствующего. Бодрая, юная, образованная, красота престола, милость своего народа нехитрого, она восстановляет Сенат в прежние преимущества и в тот же день (12 декабря 1741 г.) прощает тысячи виноватых всякого состояния, кроме решительных злодеев; освобождает из каторги и ссылки за начеты и другие вины сосланных и предает их жребий рассмотрению судебных мест; слагает без изъятия казенные доимки с 1719 по 1730 год; с сего же времени по 1741 г. повелевает рассмотреть Сенату и взнесть перечни на всемилостивейшее утверждение; с купечества и крестьян сбавляет подати на два года; избавляет кабацких и таможенных голов, бурмистров и разных сборщиков от суда по 1730г., с повелением уничтожить все расчеты того времени, отменяет двойные взыскания за всякие растраты казенных денег, прекращает штрафы и проценты по день манифеста за держание беглых, за порубку лесов, за неисполнение по указам, за неприсылку ведомостей и тем освобождает от взысканий губернаторов, воевод, секретарей; одним и тем же почерком разрешает запрещения в письме крепостей, в правление курляндского герцога наложенные на имения президентов, губернаторов и прочих чиновников, за доимки и счеты с 1719 по 1730 год. Вся, кажется, Россия стонала от отчаяния, то под присмотром, то под взысканием, то под следствием и судом, то в заточении, и, пораженная широкою, со дня на день углубляющеюся раною, не знала, к кому посылать вздохи, потому что везде вздыхали. Но ангел России собрал в сосуд и вздохи и слезы и вознес горе святые перлы печали народной. Помазанница Божия осудит коварство и жестокосердие чудское, в лице Остермана, Минихаи их приспешников. Они скроются в северных подворьях прежних изгнанников: Меншикова, Долгоруких, Бирона и прочих жертв сего последнего*.

Завтра, сын Сибири, увидишь новую деятельность, новую жизнь, на Урале, Алтае и даже в Камчатке. Ты услышишь о восстановлении магистратов, о воссоздании купечества, этой разрушенной храмины, об уничтожении внутренних пошлин и о пресечении кровавых зрелищ смертной казни. Двадцатилетие Елисаветы, окруженной природными образованными вельможами и мужами, есть смягченное продолжение сильного царствования Петрова и вместе прехождение к новым идеям Управления. В нем потухает заря вечерняя, и другая утренняя занимается заря, из-за облака предвещающая славный, незабвенный день Екатерины.

* Не имея ни намерения, ни возможности исчислять жертвы Бироновы, хочу упомянуть из *Иркутской Летописи,* что в октябре 1741 г. привезены в Иркутск дети злополучного Волынского, дочь Анна для пострижения в монахини и сын Петр для отсылки в Селенгинск. В 1742 г. велено возвратить их обоих, с освобождением девицы Анны из состояния, в которое она ввергнута без обета. Но по сличению показания иркутского с статьею, в XI томе *Леке. Энц.* помещенною, выходит, что возврат детей Волынского последовал ранее.

приложения

Замечательные лица	Когда?
Митрополит Филофей Лещинский как совершитель обращения идолопоклонни ков в христианскую веру. Он дважды управлял Сибирскою кафедрою; с промежутком 2 лет и 10 месяцев.	С 1702 до начала 1721 г. Скончался в Тюмени в 1726 г.
Майор Д. И. Павлуцкий каксодействователь восстановлению порядка в Камчатке и как дарователь полуострову первой пары быка и коровы. Он пал как жертва храбрости, от чукчей, над которыми прежде был победоносцем.	С 1734 по апрель 1747г.

Число архиереев и губернаторов в III периоде

В Тобольске было митрополитов
Сибирских губернаторов, со включением обер-коменданта Карпова, правившего губерниею
В Иркутске архиереев, считая и первого епископа

ссылки в III периоде НА УЗАКОНЕНИЯ, содержащиеся в п. с. ЗАКОНОВ

1. Издание штатов 19 февраля 1711 г. В них есть и другие государственные числа, но на этот раз предстоит одна надобность в числе дворовом.

2. В *Иркутской Летописи* сказано, что поручик Абрам Петров, араб, увезен из Селенгинска в Тобольск под арестом. Но в указе 17 июля 1728 г. велено сибирскому губернатору возвратить Петрова к прежнему делу, даже с дороги; следственно, наш Теренций — инженер, а не поэт, был арестован по какому-то недоразумению. Он был отец Ивана Абрамовича Ганнибала, и он самый крестник Петра Великого. В *Сибирских Летописях* не видно, чтобы Петров (Ганнибал) оставлен был на жительство в Томске, как показано в *Словарей.* Бантыш-Каменского.

3. Указ 11 февраля 1727 г. о председательстве сибирского губернатора в Надворном Суде последовал для прекращения наглых неправд со стороны судебных комиссаров, которые в Ишиме, Ялуторовске, особенно в Пельше, Березове, Туруханске и пр., грабительствовали, истязали и били кнутом даже до смерти, в надежде на своих покровителей, служивших в Надворном Суде. Губернатор кн. Долгорукой именует в числе жестоких комиссаров Александрова из шведов, также Петрова, Льва Черкасова и других.

4. Указ именный 15 мая 1733 г. о пожаловании особых прав архангельским посадским: Федору Прядунову, Федору Чиркову и Егору Собинскому, которые, располагаясь устроить плавку свинцовой

* В Иркутске знают, что первый епископ был викарием Сибирской митрополии и что с 1727 г. архиереи тамошние *сделялисъместными.* Не оспаривая сего я, однако ж, нашел в *СПб. ведомостях,* 1754,№ 22, что по донесению тобольского митрополита показывается в Охотске и Камчатке с 1749 по 1754 год крещеных из тунгусов, якутов и курильцев 59 мужчин и 25 женщин. Не до разделения ли Сибири на две губернии, в 1764 г. назначенного, епархия Иркутская оставалась под некоторым заведыванием Тобольской?

руды, открыли серебряную на Медвежьем острове, что в Кандалакской губе, и выплавили сколько-то сверх самородной 35 ф., о чем засвидетельствовал горный чиновник. Трем рудооткрытелям выдано в награду 3000 р. и, кроме того, даны некоторые выгоды в общественном быту.

5. Указ 6 ноября 1727 г. о высылке из городка Сакмары беглецов заводских, начавших туда стекаться с 1720 г., как написано в *Тобольском Сборнике.* Указом предоставлено казакам сделать тут казачье заселение, которое не могло начаться ранее 1728 г. В *Кратком обозрении Оренбургского края,* на стр. 85-й, время основания казачьей Сакмары смешано с гнездом беглецов.

6. Вот содержание второго мирного трактата с Китаем, 14 июня 1728 г. размеренного:

Статьи. 1-я. Да будет мир крепчайший и вечный.

2-я. Да предадутся забвению прежние дела и неудовольствия о перебежчиках, которым и оставаться по-прежнему, а впредь да отдаются пограничным начальствам.

3-я. От караульного строения на р. Кяхте и от каменного китайского маяка, что на сопке Оргойту, разделив промежуточную полосу пополам и на каждой половине согласясь учредить места для обоюдной торговли, обе договаривающиеся стороны послали до р. Аргуни и Шабин-Дабаго, для положения границы, комиссаров, которые перебежавших на чужие места переместили в свои кочевья и урянхаев причислили к той стороне, куда платили по 5 соболей, а тех, которые платили по одному, оставили независимыми навсегда.

4-я. Через 3 года да приходят в Пекин для торга беспошлинного купцы русские, числом не более 200; им не дастся корм по-прежнему. Впрочем, для малых торгов учреждаются два места, на Кяхте и в Ныпкове.

5-я. Дом в Пекине да будет жилищем для приезжающих русских, равно для духовных и 4 учеников. Духовным и ученикам дается корм, и церковь в доме им выстроена вспоможением вельможей, заведывающих делами с Россиею.

6-я. Переписке между Сенатом и Китайским трибуналом внешних дел быть чрез Тобольского губернатора, которому и списываться с Тушету-ханом. Курьерам ездить чрез Кяхту, исключая важных случаев, в каковых не возбраняется ездить кратчайшею дорогою.

7-я. О местах р. Уди (надлежало бы написать: о местах между р. Уди и Амуром, еще не разграниченных) оставить будущему рассмотрению, потому что не дано графу Владиславичу полномочия на отдаленный край.

8-я. Пограничные начальники да решают каждое дело по правде и без проволочки, иначе же да накажутся по законам своего государства.

9-я. Послу или посланнику, едущему за публичными делами, да будет встреча, препровождение и продовольствие в пути, курьеры же, если предъявят пашпорты, да пропускаются без дальней переписки.

10-я. Перебежчик да будет казнен, грабители и убийцы в чужой границе также да будут казнены; вор русский, обокравший господина и бежавший, да будет повешен, а китайский казнен, где пойман, и пр.

11-я. Трактат возобновленного мира, подписанный российским посланником, вручен на трех языках китайским полномочным, а подписанный ими также на трех языках

вручен российскому посланнику, для напечатания и объявления пограничным жителям.

7. Сей набор указом 31 июля 1739 г., по-видимому, назначен в замену 2000 казаков, из Тобольска требованных для обеспечения Исетской провинции во время бунта Башкирского и не вполне высланных. Начальники Оренбургской комиссии относились к сибирскому губернатору Бутурлину о присылке казаков, предъявляли о его неисполнительности. От правительства следовали строгие замечания, но дело тянулось, по беспечности ли губернатора или по невозможности.

8. В указе 20 августа 1739 г. насчет линии по рр. Ую и Тоболу поведено строить крепостцы и их населять. В случае дальнего расстояния между ними, напр. 40—50 верст, по неудобству грунта, делать среди них небольшие редуты для караулов и для убежища проезжающих от неприятеля, ставить при тех редутах на столбах высокие караульни, дабы с одной до другой видеть часовых и усматривать издали неприятеля и дабы редут редуту давал повестки о неприятеле выстрелом или зажжением маяка. Кто из сибиряков не слыхал, что киргизы пользовались оплошностью караулов?

9. Кожаные жеребейки упомянуты в указе марта 1700 г. Из этих жеребеек, сказано в VIII томе *Энцикл. Словаря,* нельзя выводить заключения, чтобы древние новгородцы и жители русских областей употребляли также лоскутки в качестве денег. Почему? Потому, что они не могли иметь понятия об общем кредите! Прекрасно! Да разве нынешний новгородский или сибирский обыватель имеет понятие об общем кредите! Никакого, кроме наслышки или опытного изведания, что ассигнацию и принимают в казну и выпускают из казны. Равномерно и в прежние времена, как было и в Калуге около 1700 г., могли принимать шкурьи лобки в достоинстве денег, когда казначейство приемом и выпуском давало им указное уважение. Казенное клеймо на кожаной или бумажной ассигнации сообщает силу монетного хождения; а вещество то или другое одинаково не значит ничего. Что такое кредит? Частный — выражение доверия к достоинству лица; общественный — выражение доверия к достоинству правительства, а в общем, если *Словарь* разумеет под этим словом европейский кредит, не предвидится надобности для обращения ассигнации, из чего бы она ни была образована. Как же и чем поэтому можно бы доказать, что старые новгородцы или русские не имели понятия о кредите или, что то же, доверия к своему правительству? Такое усилие было бы напрасное. Моя мысль та, что теориею кредита или сверстыванием разновременной монеты нельзя уронить кожаных денег, потому что нужны исторические свидетельства. Если Каченовский указал их, дело кончено; а если нет, процесс Руссова не проигран.

10. Бурцов предполагал раздать по станциям из государева табуна по 5 лошадей на каждую — служивым семьям с двойными прогонами и с позволением им торговать пивом для проезжающих.

11. Рычков писал, что сибиряками заселены только крепости по Миассу. Ему не были известны все указы 1736г., 13 августа 1737-го и 31 июля 1739 г. Первым требовалось 2000 казаков для обороны Исетской линии, а другим велено выслать из Сибири дворян и служилых людей для той же цели. Согласен, что не все высланы, но те, которые высланы, поступили на защиту Исетской границы. По последнему указу сибиряки, с женами и детьми набранные, должны быть поселены на Яицкой линии, сово-

купно с малороссами и русскими других губерний.

12. В продолжение сочинения, желая поверить свое мнение о значении 10-й и 5-й деньги, я обратился с вопросом к Г. И. Солнцеву, бывшему профессору по части правоведения, и при окончании переписки моих тетрадей получил от него обширное историко-юридическое разыскание о всех платежах, какие были установляемы в России в пользу казны. Не место здесь говоритьо достоинстве разыскания, но вкратце скажу, что относительно моего вопроса Г. И. Солнцев постановляет следующие положения.

1 -е. Что деньга, употребляемая в законах царей, начиная с Иоанна Грозного до Алексия законодателя включительно, не разумелась счетною монетою или денежкою, но копейкою серебряною, московскою или новгородскою, следственно, когда говорится в узаконениях царей Михаила и Алексия: *столько-то денег,* надобно подразумевать *столько-то копеек.* А ныне, когда спрашивается, *сколько у тебя денег,* значит тоже, сколько у тебя рублей? Следственно, нечему дивиться, что под деньгою разумелась не денежка, когда ныне деньга значит монету, металлическую или бумажную.

2-е. Что поэтому, когда повелевалось взыскивать десятую деньгу с капиталов и производимых промыслов, правительство тем самым требовало 10 денег, или гривну с рубля. В этом Г. Солнцев ссылается на царскую грамоту, 18 июня 1654 г. последовавшую к боярину кн. Пронскому. В ней под именем десятой деньги буквально написана гривна с рубля. Потом он делает против себя возражение: почему в некоторых статьях новоторгового устава Алексиева иногда определяется 10 денег, иногда гривна, так как бы 10 денег не значили гривны ил и 10 копеек? Отвечает он правдоподобною догадкою, что, может быть, гривна, по доброте металлам по курсу архангельскому, шла выше 10-ти денег или копеек, .более лигатурных.

3-е. Что 5-я деньга означает пять процентов с рубля. Вот положения Г. Солнцева!

Удостоверенный в первых двух, как согласных и с моим мнением, я желал бы решительного слова: до которых годов законодательства деньга должна быть принимаема в значении копейки? Мне кажется, что это значение пресекается прежде единодержавия царя Петра, и, следственно, деньга с рубля, требованная указами 6 ноября 1705-го и 7 апреля 1710г., означала счетную деньгу. Что же касается до 5-й деньги, я не намерен отступать от прежнего мнения, высказанного мною в 1 -и скобке ссылок во II периоде. Если 10-я деньга значила 10 процентов с рубля, то 5-я без превращения понятий численности не может быть 20-ю долею, как выходило бы по мнению почтеннейшего Солнцева; а должна оставаться 5-ю долею, или 20%. В каком бы расчете правительство царя Михаила, когда требовалась 5-я доля с имений строгановских, могло получить 40 000 рублей? Тогда, по мнению Г. Солнцева, количество доходов строгановских выходило бы в 800 000 рублей. Это вовсе не походит на правду. С другой стороны, если бы 5-я доля в моем смысле показалась отяготительною, то не надобно терять из виду, что она требовалась редко, в чрезвычайных обстоятельствах, притом с подданных небогатых. Ибо чем маломощнее народ, тем более всякое правительство на него налагает, для удовлетворения крайних нужд, давая послабу в мирные промежутки, но

чем богаче народ, тем более он собирает с ветвей народного богатства, чрез накладки умеренные.

Можно упомянуть мимоходом, что и при Петре Первом в 1718 г. требовалась 10-я деньга, с посадских, но, чтобы не обременить народа прежними обрядами, в таковых случаях в старину употреблявшимися, она была определена без обиняков с 20-ти рублей.

13. Резолюция кабинет-министров, на сообщение Синода 31 августа 1738 г. последовавшая о неоставлении в ближних местах Сибири священников и дьякона города Березова, а сослать их, как уже велено, в Охотск за короткое обращение с кнн. Долгорукими, несмотря на то, что тобольский митрополит считает их невинными, и притом необходимыми для замещения многих праздных мест при церквах.

Примечание. Несмотря на малое число ссылок, здесь выставленных, надобно пояснить, что прочие государственные акты, в П. С. Законов почерпнутые, на которых преимущественно основан III период, сюдане введены потому только, что не было повода к каким-либо замечаниям на их счет.

Историческая **выметка о пяти Сибирских городах**

ТОБОЛЬСК, при слиянии Тобола с Иртышом, основан в 1586 году.

Он в 1587 г. перенесен на мыс нагорного берега над Иртышом. Тогда же срублена и первая церковь, посвященная во имя Единоначальной Троицы.

В 1593 г. получен в Тобольске Углицкий колокол, с отсечением уха в наказание за возмущение Углича при кончине царевича Дмитрия. Этот первый и неумирающий ссыльный, предвозвестив будущую судьбу страны, благовествует ныне часы богослужения при архиерейской крестовой церкви*.

В 1594 г. срублен на мысу полный город с нужными помещениями и обнесен острогом. С тех пор Тобольск начал разуметься у правительства главным водворением и опорою Сибири. Важные сановники приезжали для правления новою страною, сменяясь через 2 и 3 года.

Мужеский монастырь, стоявший за Иртышом при старом устье Тобола, перенесен в 1610 г. на гору, где ныне Богородице-Рождественская церковь. Первый архимандрит был Мефодий.

Хотя по запискам дома Павлуцких выдавалось хлебное жалованье дворянам и боярским детям юфтью с 1725 г., тем не менее, по всем соображениям и по технике устюжской, введение в Тобольске кожевенного дела и юфти относится к началу XVII века.

В 1621 г. открыта кафедра Сибирская, и 30 мая прибыл в Тобольск первый архиепископ Киприан. Монастырь перенесен под гору к Иртышу, за Татарские юрты, и стал именоваться Знаменским.

В 1629 г. Управление Сибири разделено на 2 разряда, или 2 области: Тобольскую и Томскую. В этом году случился в Тобольске большой пожар, истребивший начальственные помещения со всеми бумагами. Не меньший пожар следовал затем и в 1645 г.

В 1646 г. заложена соборная церковь во имя Софии Премудрости Слова Божия.

В 1665 г. установлено каждогоднее принесение образа Приснодевы, из Абалака, 8 июля.

В 1677 г. Тобольск опять превратился в пепел, со всеми местами силы и власти и с церквами.

* Весу в нем 19 п. 20 ф.

В 1680 г. началось каменное зодчество.

В 1703 г. от Сибирского Приказа предписано не переводить бухарцев и татар на Панин бугор и наблюдать, чтобы мечети строились в отдалении от русских церквей.

В 1708 г. Тобольск установлен губернским городом Сибири и пребыванием губернатора. С 1719г. Сибирь делится на 5 провинций, начиная с Яренска до Нижнекамчатска.

В 1723 г. открыт в Тобольске губернский магистрат, с подчинением ему провинциальных ратуш, в 1728 закрыт и в 1745 г. снова восстановлен.

В 1743 г. отстроено в архиерейском доме каменное здание для первых 6 классов. Учители выписаны из Чернигова. В 1748 г. Сенат предоставил Синоду позаботиться о содержании семинарии, из доходов дома архиерейского и монастырей. (Преподавание философии и богословия началось не ранее 1780г., так как отпуск 2000 р. на содержание семинарии определен 26 октября 1779 г.)

В 1747 г. дозволено, вместо упраздненных в Тобольске мечетей, иметь мечеть в юртах Медянских.

В 1750 г. отданы сборы таможенные, кабацкие и канцелярские по городу и уезду магистрату, так как они вверены были ратуше еще в 1730 г. и потом с 1745 г.

В 1752 г. дозволено взимать по копейке с воза, едущего чрез Прямский взвоз, для оплаты и поддерживания пологого моста, устроенного по взвозу.

В 1753 г. запрещено тобольскому купцу Корнильеву, купившему в стекольной фабрике 45 душ, покупать более.

В 15 февраля 1754 г. получен указ об уничтожении внутренних пошлин со всех статей потребления и произвел великое удовольствие в народе, как замечает *Сборник.* Но Верхотурская таможня оставалась неизменною, для другой цели. В июле заложено под горою каменное строение для магистрата. Это первое каменное здание из общественных.

В 1757 г. пожар истребил 817 строений.

Между 1758 и 1763 г. заведено в Тобольске Геодезическое училище губернатором Соймоновым и усилено при преемнике Чичерине*. При Соймонове**, устроена в городе пильная мельница, действовавшая силою конною.

В 1761 г. предписано Тобольской губернской канцелярии защищать жителей Исетской провинции, Верхисетского завода и всех сибирских от притеснений, какие самоуправно им делались командами Раскольничьей комиссии, установленной тобольским митрополитом, с тем, чтобы вовсе им воспретить въезд в селения.

В том же году указано прислать из Тобольска к марту 1762 г. двух купцов для слушания новосочиняемого уложения, о котором суждение помещено в *Обозрении исторических сведений касательно Свода Законов,* с 20 до 27-й страницы. И в том же году французский астроном аббат де ла Шапп наблюдал в Тобольске прохождение Венеры чрез Солнце.

В 1763 г. установлен в Тобольске аптекарь с медикаментами и служителями.

В 1764 г. Сибирское царство разделено на две губернии: Сибирскую и Иркутскую.

* При открытии наместничеств в Сибири это училище дало землемеров и для других отправлений чиновников дельных.

** О Ф. И. Соймонове сохранилась в Тобольске некоторая память. Он вставал рано и у камина принимал рапорты и секретарей с 4 часов пополуночи.

В эти годы явился под горою первый каменный дом из частных, где ныне аптека. Он выстроен двумя братьями Володимеровыми, природными калмыками, в 1756г. выехавшими в Тару из Чжунгарии и крестившимися.

В 1765 г., по представлению губернатора, дозволено оставить в Тобольском женском монастыре престарелых монахинь, без перевода в Енисейский, с воспрещением вновь постригать.

В 1768 г. оставлено на волю тобольских купцов отправлять свои товары Кетью ли или Чулымом, вопреки настоянию бывшего губернатора Соймонова, предпочитавшего Чулым.

В 1769 г. отправлены при миссии Пекинской три ученика Тобольской семинарии: Агафонов, Парышев и Бакшеев для изучения маньчжурского языка. (Они из Пекина возвратились в 1780г.)

Торговля бухарская, в XVII столетии еще посещавшая Тобольск отправкою караванов, получила направление прямое на Ирбитскую ярмарку прежде, нежели начала она раздробляться по пограничным крепостям на Иртыше. Тобольск до 1770-х годов оживлялся большою в апреле ярмаркою, которая после Ирбита сюда переваливалась и праздновала свое обыкновенное время в нагорном гостином дворе до речного вскрытия, с которым она, так сказать, уплывала по Иртышу и Кети в Енисейск.

В 1776 г. велено учредить в Тобольске Банковую контору для промена мелкой монеты на ассигнации, до миллиона рублей присланные, дабы тем облегчить обращение частных капиталов и пересылку казенных сборов. (В январе 1788 г. контора закрыта.)

В конце августа 1782 г. открыто в Тобольске наместничество, которое с подчинением одному генерал-губернатору Пермской губернии не привязало этой губернии к Сибири.

В 1784 г., как и в 1794-м, подгорная часть Тобольска вся почти затоплялась весеннею водою. При недостатке неподвижных заметок о прежних двукратных наводнениях нельзя с точностью решить, в которую водополь было высшее наводнение*. В том же году заведена Корнильевым типография.

В апреле 1788 г. почти весь город, на горе и под горой, опустошен пожаром, от которого выгорели: архиерейский, наместнический и губернаторский дома, монастырь с семинарией, девять каменных церквей, присутственные места, гостиный двор и 1110 обывательских домов.

В ноябре 1789г. открыто главное училище, и на другой год считалось учащихся 134. В следующие 20 лет число учащихся держалось на половине и менее, а в последнем, 1810-м, году спустилось до 43 в таком городе, в котором было до 2000 домов. Падение училища, очевидно, падение общее для всех сибирских училищ той эпохи.

В 1790 г. и 1791 г. издавалось периодическое сочинение: *Иртыш, превращающийся в Иппокрену.* Не Иппокрена ли превращалась в Иртыш? Вместо того, чтобы заняться сообщением современных в Сибири происшествий, изложением местных исторических отрывков или описаний торговли, хлебопашества и вообще хозяйственного быта, издатели пустились

* По крайней мере, можно ощупью дойти, выше чего наводнения тобольские не восходят. Наводнение 1784 г. слывет большим, и оно замечено в Покровской церкви. До этой заметки от наименьшей воды, какая бывает в Иртыше, выходит вышина в 5 саж. и 2½ арш., по ватерпасному измерению. Едва ли нужен лишек полуаршина, чтобы вообразить самое высшее наводнение.

обезьянничать в словесности и поэзии пошлой. Из Тобольской типографии вышла одна дельная книжка, *Краткое Показание,* хотя и она грешит нередко.

В ноябре 1797 г. восточные пределы губернии Тобольской, за упразднением Колыванской, распространены до р. Кана, а к югу — до пределов китайских (и в этом расширении оставались до открытия Томской губернии).

В 1800г. учрежден Сибирский почтамт в Тобольске. В нем собрано было весовых и страховых за 1785 год 1500, а за 1834-й — 23 500 рублей. Не следует ли из того заключить, что грамотность и общежительная деятельность города, в 51 год, развилась в $15^{1}/_{6}$ крат более? В 1800 году всего почтового дохода по Сибири собрано 41 800, а с 1834г. — 252 386 рублей. Последнее прибавлено без надобности, для ведения.

В 1808 г. вновь подтверждено производство фабрики, в 9 вер. от Тобольска, нареч. Коновалихе, с тем, чтобы содержатель ея, сибиряк Куткин, пользуясь трудами рабочих ссыльных, до 100 человек назначенных, употреблял их надело не более 248 дней в году, по 12 час. в сутки, с платою по 25 к. надень. На фабрике в 1806 г. было выработано полотна голландского 1100 ар., салфеточного — 225, тику — 800, китайки — 1600, ревендуку — 1000, лент косных — 2000, чулок и получулок — 168 пар. Теперь, как пишем, нет и следов фабрики. Легко было разрушить толь важное заведение, но чего стоит основать его в Сибири?

В 1810г. открыта гимназия с уездным и тремя впоследствии приходскими училищами. До 1823г. среднее число учившихся в первой 27, в уездном 58, в последних — 83. Теснота училищных зал, не касаясь прочих причин, главнейше мешала приумножению учеников, которых надлежало бы каждогодне ожидать до 500, при 2000 домов.

В июне 1821 г. состоялось положение об образовании детей почтовых служителей, на казенном содержании при Сибирском почтамте.

Из столь многих и разнообразных данных можно извлечь много исторических выводов; но из каких данных следуют две особливости, отличающие Тобольск: а) что этот город, при своем старейшинстве, после многократных пожаров и наводнений, побуждавших к осушке почвы и к улучшению строительства, долее всех сибирских городов плесневел в татарской архитектуре и небрежности, не заботясь о здоровом помещении, и тем менее об украшении*; б) что вереницы нищих, переодевающихся в лоскутные платья, по субботам тянутся из дома в дом для испрошения милостыни, так, как бы они читали указ июня 1724 г., которым запрещалось переписывать в Сибири их собратию. Впрочем, не видно, чтобы запрещалось обращать к трудолюбию этих попрошаев и попрошаек, которых негрешно бы назвать доброхотами питейного откупа.

В октябре 1816г. вышло для сибирских губерний учреждение Внутренней стражи.

Настает новая эпоха. 26 января 1822 г. Сибирь разделена на два Управления, Западное и Восточное; 22 июля состоялось Сибирское Учреждение с IX уставами. Учреждение со своими уставами есть законодательный вывод — вывод и философический, и опытный, вылившийся из общих усмотрений Сибирской истории.

В 1-й день января 1823 г. открыт в Тобольске Совет Главного Управления,

* Тобольск начал устраиваться и украшаться с 1825-го, а существеннее — с 1836 г.

а на другой день — Совет Губернского Управления.

ТОМ С К в виде острога или крепости основан в 1604 году. Вскоре срублена церковь, срублен и монастырь вне острога, разоренный во время нашествий неприятельских.

С 1616 г. Томское воеводство начало пересылаться с ханом урянхайским.

С 1629 г. Томск наименован разрядным, или областным, городом.

С 1631 г. воеводство состояло из 2 воевод, 2 дьяков, 2 письменных голов, и этот штат, не равнявшийся с тобольским, продолжался только до 1643.

В 1663 г. по грамоте государевой построен мужеский Алексеевский монастырь. Нужда в заведении благочестивом настояла оттого, что в умах обывателей православных, которые были перемешаны с переселенцами, поселыциками, старообрядцами, бухарцами и татарами, замечено равнодушие к обязанностям христианским.

С 1708 г., или с образования Сибирской губернии, Томск остался городом уездным.

С 1719г. Томск причислен к провинции Енисейской, а с 1726-го перечислен к Тобольской.

В 1782 г. при открытии Тобольского наместничества Томск назван областным.

В 1789 г. открыто народное училище, которое в 1803/1804 академическом году было посещаемо 59 учениками.

Томск давал весовых и страховых доходов: в 1785г.— 391 рубль, в 1800— 2186, в 1834 году — 15 689 рублей. Следственно, почтовый доход в 49 лет возрос в40'/$_{8}$.

Вследствие порученного сенатору Селифонтову обозрения Сибири, Томск в 1804 г. наименован губернским городом для Средней Сибири, начиная с Барабыдор. Кана. Необходимость завести аптеку в Томске признана в июле 1807г.

Томское губернское начальство с 1812 до 1818 г. занималось устройством и заселением дороги по берегу Енисея до Туруханска, и оттуда до Таза. Томск начал устраиваться с 1816 г.

Вот очерк, не довольно удовлетворительный, но что делать, когда город не вел записок или летописи. В мыслях его исстари бродила закваска старообрядчества, и жителям не приходило на ум замечать происшествия местные. Ямщик и бухарец вели свои счеты.

ЕНИСЕЙСК застроен в 1619 году, в трущобе кедровых и других хвойных лесов, на месте невыгодном, часто затопляемом в весеннюю водополь, но на страже трех Тунгусок, в средине звероловных племен. Енисейск поэтому не без ума опоместился, когда политика того века состояла в наибольшем сборе ясака.

Ярмарка, основанная на меховой торговле, вскоре привлекла на жительство толпы людей, которым было чем питаться из рек и озер рыбных, также из лесов, богатых не только пушными зверями и зверьками, но и порхающими породами лесных кур.

Явились монастыри: в 1623 г. женский Рождественский, в 1642-м— мужеский Спасский.

Воеводство Енисейское, заслужившее у начальства доверенность и с тем вместе силы для овладения местами восточными, отличилось успехами кругом Байкала и в Якутске.

В 1676 г. Енисейск наименован областным городом для управления всеми водворениями по Ангаре и Забайкалью, со включением, наконец, Нерчинска. Бояре кнн. Барятинский и Щербатово начальствовали: первый с начала обла-

сти 4 года, а другой с 1682-го по 1685 г. В прочие годы распоряжались стольники и подобных чинов начальники, вероятно, во избежание соперничества с Тобольским воеводством, которому принадлежало первенство по многим отношениям.

Едва ли к концу столетия не поручено в заведывание воеводству Енисейскому и Якутское, как можно подозревать из государевой грамоты 1697 года, в которой пишется енисейскому воеводе замечание за пышность в одежде якутских служивых.

С образованием Сибирской губернии Енисейск, наравне с прочими областными городами, остался уездным до 1719г. Тогда опять он объявлен провинцией, с определением вице-губернатора, в звании которого после начальствовали воеводы.

Первое каменное строение началось там в 1722 г., и этот памятник стоит подле соборной церкви.

В 1746 г. енисейский воевода Мирович зато, что явился в провинциальную канцелярию в шубе и колпаке и говорил бранные слова гвардии солдату, штрафован от Сената за оскорбление судейского места 550 р., а за обиду солдата — двойным окладом гвардейского солдата.

В 1775 г. купец Лобанов выстроенные в Енисейске два морских судна отпустил к Архангельску. Они вышли из лимана и зимовали к востоку; от цинги много судовых служителей погибло, и предприятие, к сожалению, не удалось.

В 1789 г. открыто училище народное, и в свое время при университетском начальстве — уездное.

Ярмарка, постепенно упадавшая не столько от оскудения пушных товаров, сколько от самостоятельности местных купцов, превратилась около 1822г. в обыкновенную городскую. Ярмарки процветают при бессилии домашних капиталов, могущих скупить привозы, следственно, с падением ярмарки не всегда сопряжено падение народной промышленности.

В Енисейске весовых и страховых было: в 1785 г. — 71 р. 62 к., в 1805 г. — 1806 р. 55 к., в 1825 г. - 4435 р. 9 к. Маловажный доход первой эпохи свидетельствует о безграмотности жителей и приезжающих на ярмарку торгашей, ведших добрые дела, без связей и спекуляций.

В 1819 г. велено улучшить и заселить Туруханский тракт в пределах Енисейского уезда.

Енисейск, оказавший незабвенные услуги в расширении Сибири, наконец, с издания Сибирского Учреждения, блистает в имени новой губернии, как серебро в царских вратах одного тамошнего храма, но померкнул в первенстве губернского каталога. Он начал устроиваться с открытия новой губернии.

*КРАСНОЯРСК** том же 1628 году, в котором появился на Тулкиной землице, должен был отстаивать свою колыбель от киргизов и аринов; окружаемый бурными соседями, он продолжал отмахиваться от них до 1646 г.

Этот сирота жил под начальством Томска лет 70, не богато и не бедно, как земледелец, питаясь от щедрот плодоносной земли и посылая за хмелем, ревенем, рапонтиком и другими снедными растениями вверх по Енисею. Потом жил он под властию Енисейска с прежним трудолюбием, до открытия в Сибири 3 наместничеств. Тут судьба его изменилась, не во мнении правительства, которое в 1789 г. (20 октября) судило о нем не лучше, какобАбаканске,но от наречения Ачинска городом. Открылась прямая дорога между Томском и Иркутском чрез Ачинск и Красноярск;

проезды и купеческие зимние транспорты оживили быт Красноярска. Город начал становиться чистеньким, хотя и небольшим.

Горная промышленность, сколько ни было предприятий по пространству уезда, никому не удавалась: и если бы Палласу не случилось на правом берегу Енисея открыть кусок самородного железа, Красноярскому округу не досталось бы крохи в горноисторической молве. Приезжайте, любуйтесь вышиною Саянских гор и Боруса и назад поворачивайте с несытыми глазами.

Ландшафты ли бесчисленные или, быть может, изображения фигур, по утесистым берегам Енисея когда-то малеванных, заронили в Красноярске искру и вкус к живописи. Хозяинов посылал работу своей кисти в Академию художеств, которая отзывом своим поощрила его к продолжению благородного занятия. В Благовещенском храме иконостас, Хозяиновым писанный, служит памятником его стиля. В начале XIX века белели в Красноярске, кроме церквей, также каменные домики.

При алтаре соборной церкви погребен камергер Резанов, в 1803 г. отправленный в Японию полномочным посланником и чрезвычайным министром. При этой могиле, кирпичом невысоко выкладенной и покрытой чугуном, воскресает в памяти несколько воспоминаний, больше биографических, чем исторических.

В марте 1805 г. дозволено красноярским мещанам жительствовать в уезде, в видах земледелия.

В декабре 1808 г. возвышен сбор за перевоз чрез р. Енисей.

Недоставало училища публичного; оно открыто в 1817г. при начальстве университетском.

Доход весовых и страховых там был: в 1800 г. - 554 р. 89 к., в 1825 г. - 6064 р. 87 к.

Сибирский генерал-губернатор, усмотрев физическую возможность населенности несравненно большей в той раме, какую он начертал по протяжении Енисея для новой губернии, в 1822г. поставил Красноярск, в котором было граждан до 1000, на чреду губернского города. *Быть посему,* отмечено рукой Самодержца, и скреплено самым опытом.

Первый енисейский губернатор, с любовью и вкусом ко всему изящному, отлично содействовал устройству и украшению города, как и всей губернии. Губерния открыта 12 декабря 1822г. Гарнизонный батальон учрежден 5 января 1823 г.

ИРКУТСК, при слиянии Иркута и каменистой речки Ушаковки с Ангарою, основан в 1652 году в виде ясачного зимовья. В 1661 г. зимовье превращено, по усмотрению Енисейского воеводства, в острог. В 1686 г. приписан к Иркутску нарочитый уезд для управления, чем и приобрел он имя города. В 1719г. назван одною из трех провинций Сибирской губернии. В 1736 г. провинция Иркутская установлена на праве губернии, но не замешкалась возвратиться под прежнее управление Сибирской губернии. В 1764г. провинция Иркутская объявлена другою отдельною губернией, и первым губернатором наименован Фрауендорф. Иркутск поэтому поравнялся с Тобольском в степени государственной именовательности, чрез 112 лет своего бытия. В 1783 г. открыто в нем наместничество с пребыванием наместника, которому вверено и наместничество Колыванское, простиравшееся по границе, как нынешняя Омская область, до кр. Усть-Уйской,

дабы вся граница китайская и частью степь Киргизская лежала под одним начальническим взглядом. В рескриптах, Колывано-Иркутскому генерал-губернатору данных, много есть исторического.

По части богослужения строились монастыри и церкви в следующих годах: мои. Вознесенский муж. с 1672 г., Знаменскийжен. с 1692 г., Спасская каменная церковь в бывшей крепости с 1706г., кафедральный Богоявленский соборе 1718 года. Кафедра епископская учреждена в Иркутске с 1707 г. и первый епископ, в качестве викария, был Варлаам Косовской. Семинария там открыта не прежде 1780г., учители вызваны из Тобольской семинарии.

По части статского образования с 1754 г. открыта школа навигации и геодезии. Градская школа открыта 1 февраля 1781 г. при хорошем подборе книг, в том числе и *Энциклопедии* Даламберо-Дидротовой, ценою на 2000 рублей, по ходатайству новоопределенного губернатора Клички. В эту школу сперва поступило учеников 130. В 1789 г. школа преобразована, с присоединением и навигацкой, в главное народное училище, в котором бывало учеников до 100 и менее. В 1806 г. открыты: гимназия, уездное и приходское училища, и во всех трех сперва училось 139, потом в 1815 г. - 64, в 1816 г. - 209, в 1823 г. - 294, в 1827 г. — 343, при всей тесноте училищных комнат. Несправедливо бы умолчать, что содействием гражданского губернатора Н. И. Трескина в 1817г. открыто по губернии приходских учили щ до 18, и колебавшееся существование их в 1820 г. поддержано благораспоряжением последнего сибирского генерал-губернатора, но при другом начальстве с 1824 г. закрыты сельские училища. Опыт обращает на ту мысль, что учение в сельских училищах Сибири полезнее бы соединить с ремеслами, как было установлено для Камчатки в 1817 году.

Под заглавием Иркутска не место говорить о торговле, потому что статьи торговые принадлежат целой губернии, а размен их происходит на Кяхте. Оборот двух городских ярмарок, ноябрьской и мартовской, учрежденных по настояниям двух губернаторов около 1770-х годов, очень убавился против прежнего времени, особенно с 1812г. как такой эпохи, в которую купечество иркутское взошло в огромные капиталы и стало с 1820-го скупать пушные товары на местах.

Приведем на память прочие учреждения и происшествия.

В 1754 г. велено в Иркутскую рентерею, в которой бывает на приходе до 300 000 р., погодно определять рентмейстера из иркутских дворян.

Первый полицмейстер в Иркутске определен в 1757 г., и команда полицейская давалась ему от магистрата.

В половине 1758г. прислан в Иркутск следователь коллежский асессор Крылов, для поверки счетов по части винокурения и питейной продажи, состоявшей на вере городов.Забрав дела с 1709 по 1758 год, он завел бесконечные следствия, запутал купцов и мещан, по ратуше и магистрату служивших, брал их под караул, выпытывал признание в утайке казенного интереса, пользуясь скромностью вице-губернатора Вульфа, которого не оставил также оскорбить по званию начальника. В Тобольске изустно передают, что Крылов на границе провинции велел пропускать те только бумаги, в которых не содержалось ничего против его действий. Но сибирский губернатор Соймонов, узнав от Вульфа

о невероятных дерзостях, предписал в 1761 г. сковать самовольного подьячего и отослать к своему начальству.

В январе 1775г. число обывателей всех состояний, кроме духовных и чиновников, нашлось в Иркутске до 4175 муж пола.

В том же 1775 г. учреждено в Иркутске коммерческое комиссарство для приема пошлин с товаров, досматриваемых в Троицко-Савской экспедиции. Это раздробление таможни сделано для отвращения бездельных прицепок со стороны маймачинских дзаргучеев и продолжалось до открытия казенной палаты.

В 1797 г. полиция городская разделена на 4 части; обывательских домов с храмами и казенными строениями было 1973.

В том же году учреждена в Иркутске Американская компания, в смысле складственного капитала трех купцов: Голикова, Шелехова и Мыльникова. Вскоре она принята под высочайшее покровительство, для лучшего производства промыслов на островах восточного моря. Привилегия ея возобновлена в сентябре 1821 г. на обширнейшем плане.

В декабре 1798г. велено отпускать ежегодно на содержание Иркутской аптеки 5000 и единовременно — 14 375 р.

В январе 1805 г. для заведения хлебных запасных магазинов отпущены иркутскому губернатору 200 000 р.

Надлежащее устройство полиции в Иркутске, устройство самого города, с первых лет XIX столетия походившего на село, равно и устройство дорог с безопасностью проезда, и возведение поселений Нижнеудинских и Заявленных, истинно принадлежат деятельному правлению г. Трескина, по 1819 год. При нем кругоморская дорога, о которой правительство неоднократно заботилось с 1796 г., была искусственно перекинута чрез Хамар-Дабан, как лента со складками. Верховая в летнюю пору езда чрез груды одичалых гор и гольцов удобна и любопытна; удивляешься смелости предприятия! Но для ноябрьской перевозки купеческих кладей дорога крайне затруднительна, по наметам снега.

Почтовых доходов в Иркутске собиралось: 428 р. 41 к. в 1772 г. по распоряжению губернатора, 1019р. 41 к. в 1785 г., 11 467 р. 6 к. в 1805 г., 34 333 р. 54 к. в 1825 г. Стало, в 53 года почтовый доход увеличился в 71 раз.

В 25-й день октября 1822 г. открытое Иркутске Главное Управление Восточной Сибири.

Из сравнения Тобольска с Иркутском открывается, что хотя все в последнем начиналось позднее, по крайней мере полувеком, многое, однако ж, поравнялось и даже выпередило. Толь счастливое спеяние надобно приписывать не разнице в широте, а собственно торговле кяхтинской. Если бы опыт времени оправдал надежду Неплюева, что с торгом бухтарминским сольется и китайский, Иркутску довелось бы превосходить только Якутск, в одних даяниях широты. Пускай, по особливому мановению сил природы, льды надолго отодвинутся от побережья, между Югорским Шаром и Обскою губою лежащего, Обдорск скоро поравнялся бы с Архангельском, и Тобольск пошел бы в гору.

Судьбы городов зависят более от инуда,* не собственно от себя.

Инуда (-ды) — в ином месте, инде.(Примеч. ред.)*

КНИГА ВТОРАЯ
с 1742 по 1823 год

Бессмертному имени ГРАФА
МИХАЙЛЫ МИХАЙЛОВИЧА СПЕРАНСКОГО,
некогда бывшего СИБИРСКИМ генерал-губернатором, посвящается ВТОРАЯ КНИГА

Облеченный в звание генерал-губернатора всей Сибири, он нес от престола два важные поручения: а) прекратить неправды, вопиявшие в стране безгласной, б) начертать учреждение для управления толь отдаленным краем. В полтора года своего пребывания в Сибири он исполнил поручение первое, как ангел мира, с любовью, которая горевала о неправде, радовалась об истине, и второе, как муж государственный. Его только гению легкому и быстрообъемлющему не трудно было обхватить всю обширность предметов управления, всю обширность злоупотреблений, — ту и другую, столь же безмерную, как сама Сибирь, и в то же время начертать учреждение с уставами и положениями, а это время было с июня 1819 по 8 февраля 1821 г. (с приезда до отъезда из Сибири).

Сколько между тем явил он дел снисхождения, сострадания и вообще любви просвещенной к ближнему! Довольно бы этих дел, чтобы имени такого правителя, каков был М. М. Сперанский, остаться незабвенным в Сибири; но поколения уходят, чувства современные умирают, как самые сердца, и воспоминания благороднейшие, какие только могут украшать память человеческую, живут без камеев не долее дня своего.

Нет, не в кичливой мысли, чтобы обеспечить бессмертие Джемшиду сибирскому, посвящаются мои тетради! Если найдется в них что-нибудь новое по части географии физической, то они посвящаются ему в виде первоначальной дани, за исходатайствованную им меру топографической съемки по Сибири.

Я не пойду за ним далее, сколь ни лестно следовать за человеком добродетельным и великим (как граф Сперанский наименован в публичных листах при его кончине, 11 февраля 1839 года случившейся). Я не пойду за ним далее Сибири, потому что для меня довольно хранить в душе два слова, которые, в последние дни своего пребывания в Иркутске, он написал при посылке ко мне часов и Библии Тремеллиевой; *вот тебе время и вечность!*

Созерцательный труженик времени! Он с юности мыслил о вечности, и жил потом для вечности. Да почиет же муж незабвенный при благословениях Сибири там — в любимой им бесконечности всего, у Христа Бога!

П. СЛОВЦОВ
11 февраля
1842 года

предуведомление

ЕСЛИ время для человека есть прогрессия опытов, а не выкладка мгновений протекших, то история должна быть знанием не обыденных происшествий, а опытов изведанных, опытов, выражающих истины, раскрытые среди известной страны. Отсюда выходит разность между летописью и историей, отсюда

рождается еще вопрос: всегда ли Сибирь, доныне продолжающая свои летописи, будет иметь отдельную историю?

Сибирь инородческая, у которой не было и нет письменных лоскутков, прежде и после юрты Кучумовой, иногда не представит библиотекам истории о веселых или злополучных эпохах забытой жизни. Быть может, сыщется человек, не такой, как Баядур-хан, сборщик, а человек, подобный священнику Иосифу Гиганову, который классически изучит наречия северных племен, познакомит со сказками или сагами, с песнями или балладами сибирских Нибелюнгов, как подают тому приятный пример гг. Степанов и Надеждин в поэтических отрывках камашинцев и зырян. Такой человек мог бы открыть нам чувство или мечтание дикарей, имена им любезные, хотя и бесславные, но не откроет хода исторического, ни истин исторических. В лютой области полярного человечества одна уцелела истина: шаманское поклонение духам, откуда бы оно ни зашло туда.

Относительно Сибири Русской, читатель помнит, обещал ли я историю. С тех пор, как дружины казаков и промышленников вместе с зырянами продолжали за Уралом жить да быть, да животы наживать, то для себя, то для воевод, и увлекли по своим следам сотни тысяч людей, с тех пор, конечно, было много движений, много усилий кратковременных, много случаев частных и встреч мимолетных, но ничего не вскрылось подлинного, ничего самобытного. Переселенец назывался сибиряком; сибиряк не переставал быть русским, в том типе, в каком расстался с родиной. Если правда, что у переселенцев Сибири одинаковы замашки духа, одинаковы забавы и нравы с народом-родителем, к которому принадлежали они, как сыны сынов; если нет и не было у них ни своей первообразной жизни, ни своего произволения к образованности, ни своей политической силы или воли, ни даже природы благотворной, удовлетворительной: то может ли тут быть другая история, кроме истории мер правительственных? Первая книга *Исторического обозрения,* в 1838 г. изданная, к сожалению, с бесчисленными опечатками, замеченными и не замеченными, служмт тем не менее ответом, что история Сибирская есть добавка к Русской, равно как сама Сибирь для правительства представляет боковую дверь в Азию и Америку. Не трудно предвидеть время, когда законодательство и образованность умственная, поравняв Сибирь с Россиею, тем самым закончат отдельность здешней истории.

В IX томе *Сына Отечества* 1839 года я читал благородную рецензию на первую мою книгу. Книга обвиняется в сухости, в одной официальности и в устранении этнографии от дела. Все это имело бы место в концепте самостоятельной, а не областной истории. Умный рецензент, прочитав две страницы настоящего предуведомления, не рассудит ли послабить свою взыскательность, не менее и потому, что в моем плане надлежало быть кратким и достоверным, а не краснобаем, что здешняя история, как летопись правительственной опеки над страною, так сказать, несовершеннолетнею, должна поверять свои страницы актами, особенно при безгласности летописцев или бывальцев-писак, и что повторение этнографии истасканной завело бы меня далеко, без нужды. Признаюсь, у меня и нет счастливого дара оживлять обыкновенные житейские хлопоты простого быта, ни выдумывать лучшую историю, как поэму. Касательно разности заключений о

Дежневе, Хабарове (хотя бы последний в самом деле и был ушкуйник), об окольничем Головине, я не увлекался и не увлекусь словами или чужими мнениями, когда не изменяются ими приговоры о лицах, произнесенные мною по рассмотрении их дел. Нельзя бы, кажется, ожидать от издателя *Сына Отечества* замечания на то, что без доказательств уменьшено мною число экспедиции кн. С. Курбского, ходившей с 1499 до 1502 года за Югорский Камень, и отнюдь не в Обдорию. Я утверждаю это вторично, потому что невозможность продовольствовать 4-тысячный отряд летом и зимою, в краю бесхлебном, в краю леденеющем или превращающемся в безграничное болото, с другой стороны, неимоверный переход до самой Обдории (не говорю до Обдорска) представляют повесть о походе многолюдном какою-то бывальщиною таких времен, когда летали на ковре-самолете. Если бы и допустить, как я допускал, что только 400 ратников на лыжах дошли до Ляпина городка (близ нынешней Ляпинской) *, стоявшего на реке Манье, за 7° долготы до Оби и за 5° широты до р. Конды, то спрашивается, где бы мог этот уменьшенный отряд обогреться, потому что у вогулов и остяков городком называлось старшинское жительство, из 3 или 4-х юрт состоявшее? Чем 400 ратников стали бы питаться, в течение двух или трех лет, потому что у остяков стало бы столько смысла, чтобы отогнать далее своих оленей? С кем сражаться, когда бродячим жителям не за что было сражаться, потому что разорение пустых юрт для них не беда? Короче сказать: надобно наперед доказать сбыточность похода, а не требовать доказательств на опровержение сомнительного похода. Если историк *Русского Народа упомянул* в V томе своей истории о походе Курбского в Обдорию, не более как вскользь, то он, в качестве издателя *Сына Отечества,* вправе ли винить меня, что я не верю без доказательств этому походу?

Читал я также другие две критики, одну довольно жесткую о недостаточности единства, другую довольно скромную о недостаточности системы. Благодарю обоих судей за их суждения, едва ли не излишние при первом обзоре и своде исторических происшествий страны; но не пускаюсь в прение с притязаниями на ум, то эпический, то систематический. Я ограничиваюсь существенными вопросами к читателю: а) познакомлен ли он моею книгою с главными в Сибири событиями и с переменами по части правительной; б) правилен ли взгляд мой на общий ход дел страны, верны ли мои рассказы об особых происшествиях; в) высказано ли единство, не техническое, но внутреннее, живое единство, которому по временам поучает голос народный, и постоянно само правительство, заботившееся: первое, прекратить неправды местные; второе, распространить христианство. Вот две неопровержимые истины, сказывающиеся в делах первых периодов: *правосудие* и *православие.* Впрочем, в духе целой страны или толпы, которая еще не сложилась, не видно общего цвета, а об оттенках было и будет замечаемо.

Вторая книга *Обозрения* издается тремя отдельными чтениями, или периодами, не вдруг, а повременно с послаблением даже собственной методы, в какой написана была первая. В руководство, сверх Полного Собрания Законов, приняты:

"Ляпинская у туземцев называется Щокуринские юрты, потому что тут ловится рыба щокур. Число юрт до 40. Тут бывает ярмарка в декабре.

Voyage Siberie par l'abbe Chappe d'Auteroche a Paris, 1768.

Путешествия. Палласа, Фалька, Лепехина. Взгляды академиков на горные хребты, в сравнении с геогностическими взглядами настоящего времени, не могли быть иначе как поверхностны, потому что они упадали на все три царства природы.

Описание заводов, под екатеринбургским начальством состоявших, соч. Германом, 1808, в Екатеринбургской типографии.

Рукописное описание средней киргизской орды, соч. капитаном Андреевым, 1785.

Описание киргиз-казачьих орд А. Левшина. Сочинение основательное и любопытное.

Письма, ко мне писанные камчатским благочинным протоиереем П. В. Громовым.

Открытие Алеутских островов Г. Верха, собранное из разных источников, 1828.

Статистическое описание Восточной Сибири, в 1819г. губернским землемером Л осевым, поднесенное сибирскому генерал-губернатору и ко мне присланное от Г. И. Спасского. Это описание полнее прежнего, в 1789 г. составленного в Иркутске и упомянутого мною в начале первой книги, но по достоинству методы и по верности сказания описание старое совершеннее лосевского.

Статистическое описание (также рукописное) Тобольской губернии,сочиненное землемерами в 1816 году. Оно годится для своего времени.

Топографические и другие местные сведения. Наконец **Путешествие** лейтенанта Ф. Врангеля, в 1841 г. вышедшее. Из него я заимствовал немало подробностей.

Сверх того, много я обязан разным лицам, доставлявшим мне сведения, каких нельзя было найти в книгах. Деликатная скромность, с какою они помогали в моем упражнении, не помешает мне сказать здесь имена: тобольского почетного гражданина М. А. Селиванова, Г. И. Спасского, И. П. Помаскинаи особенно М. П. Кузминского, известного в Западной Сибири по своим правилам обязательного и благородного поведения.

В Тобольске *СОЧИНИТЕЛЬ*

ПОПРАВКА по ИЗДАНИИ первой книги относительно северной полосы

1. Тундра. 2. Места, ближайшие к средней полосе. *3.* Уральские предгорья северной полосы. 4. Сосьва Северная с притоками. 5. Ископаемые животные и догадки.

Главная поправка состоит в пополнении описания северной полосы, помещенного в последней главе первой книги.

1. Поморская кайма, которою оканчивается материк на Ледовитом море, называется тундрою*. Это не иное что как равнина из земляной, иловатой на-

* Слово *тундра* не происходит ли от остятского речения *тунк,* означающего болото?

стилки, лежащей на оледенелой подпочве, как то глине, камешнике и угле каменном. По этой равнине, местами содержащей в себе зерна янтарные, прозябают мхи, травы и уродливые деревца, цепенеющие в пигмейском росте от тощей почвы. Если тундра начинается с тех параллелей, где леса мельчают и вскоре исчезают, то ширине ея надобно быть несколько различной, по различным оказательствам жизни растительной.

Оглянувшись назад за Урал, можно из IV тома *Путешествия* академика Лепехина увериться, что тундра в Архангельской губернии начинается с половины 66° за реч. Золотицею, что по ней красуется немало растений, что ширина тамошней тундры короче, почва тверже и производительнее, чем в Сибири.

По р. Оби, около Обдорска, тундра так жидка, что ноги уходят в нее до колена; следственно, тундра, поросшая красным длинным мохом, начинается здесь с ш. 67°. Из поездки г. Зуева видно, что в 50 верстах за Обдорском, сверх тальничка и ерника растут андромеды, ампрык (Arbutus alpina) и осока. По р. Хасе и за нею — лиственничник в полторы сажени и мох оленный, убеляющий почву. За р. Щучьею — кусты таловые и ольховые. Далее — водяника и морошка в несметном количестве. Отъехав от реч. Талботы к морскому берегу, путешественник видел медузу-берое, плавающую в бессчетном множестве; она расплывалась в руке. По озеркам разгуливает тьма арктических одноглазок, пожираемых утками и прочими птицами. При устье р. Кары растет ерник, тальничокв ¼ аршина, Salixmyrtiloides, laponica, fusca, arenaria такой же вышины; есть водяника, ампрык, Plantago marina, Arenaria peploides, no горам северная гимнандра, Pingricula alpina, Sedum quadrifidum, Statice armeria, Saxifraga — разновидная сибирячка, голый мак, Eringium alpinum, к полдню по болотам Ericephorum vaginatum. По полям, на обратном пути к Обдорску, замечено путешественником до 45 растений, вышиною от 1 до 3 дюймов. Кроме рыб, получены им из морских произведений: Oniscus entomois, Aphrodita squammata, Nereis cylindrica, Buccinum glaciale, Spongia oculata, fucus sacharinus и т.п.

По р. Енисею, тот же посланец Палласов, не доезжавший 300 в. до самого устья, назначает черту тундры с зимовья Селякина, а губернатор-писатель — ср. Дудинской или Авамы. Та и другая точка, кажется, в одной ш. 69°. Болезненные деревца:ольха, березка, лиственница и верба, по словам Зуева, там развертываются около 10 июля по н. стилю. Немного ранее цветут: сибирячка, вечный лен, фиялка одноцветная и двуцветная, дымянка bulbosa, Erigeron горный, Androsace villosa, и ревень черенковый, начиная с вершин Енисея, растет до 66°. Степанов в своей *Губернии* говорит, что с р. Дудинской все исчезает, кроме необозримой мшистой тундры. Безлесная гладь, зимою беспрепятственная, не бывает в покое; бураны метут снега, снега заносят путников с нартами, оленями и собаками. Путник и животные согреваются под снежными наметами и потом выходят на белый свет. Тундра, между рр. Таз и Анабара расстилающаяся, разделяется насредине пустынным хребтом. Летом она пересекается реками, озерами, болотами.

На письменной карте двух губерний, Тобольской и Томской, сочиненной в начале текущего столетия, тундра отделяется особою краскою, от р. Щучьей до

м. Ялмала и другого — Оленьего, потом онаоттенивается от устья Надыма через р. Пур до реч. Чуя. Далее склоняясь к северо-востоку и переходя чрез рр. Таз и Енисей в Старохантайском, она пересекает р. Хатангу при устье реч. Котайкана, и за р. Анабарою лента тундреная не краснеет на карте иркутской, по несхватчивости тамошних землемеров. Но она продолжается и там.

По словам лейтенанта Ф. Врангеля, высокоствольный лес мельчеет около устья Омолона (в ш. 68° 15'), вливающегося в Колыму, и разбрасывается по берегам изогнутый кустарник, а по рассказу капитана Сарычева, в 90 вер. ниже Нижнеколымска, цепенеет по берегам один ивняк, да и тот вскоре исчезает. Берега Колымы покрываются мохом и травою; следственно, в здешнем краю надобно подразумевать начин тундры немногими верстами выше Омолона, с тем ограничением, что она к рр. Алазее и Индигирке расширяется на юг. Безлесные болотные места, изрезанные частыми озерами, идут от устья Омолона наискось до устья Уяндины, так что от Алазеи до Урала едва ли не следует принимать линию Полярного круга за начальную линию тундры?

На восточной стороне Колымы почва возвышеннее над морем, каменистее, гористее, поэтому и тундра местами перемежается, в ширине суживается и в самом виде изменяется. По горе Пантелеевой в ш. 68° 35', где с половины августа нижнеколымская юность обоего пола поет, пляшет и веселится, цветет в поле душица, трава богородская, ромашка. За 69°-м растет инде тальник, топольник, лиственничник; но к морю в той же широте довольно высокий берег (24 ф.) одевается мохом, жесткою травой, ерником, ивняком, стелющимся по земле не длиннее фута, вместе с мелкими цветочками, тотчас увядающими при неприязненном ветре, и эта флора замечена Сарычевым в июне. На карте Врангеля тундра показана до губы Чаунской, и можно из слов Матюшкина подразумевать, что она расстилается в ширину почти до Малого Анюя; но что такое здешняя тундра? Низменная равнина, на юго-восток и юг стелющаяся и обставленная цепью гор, которые тянутся по берегам Анюя и Тимкины. С приближением к белым камням лес превращается в низменной кустарник, болотистый грунт покрывается в начале июля свежим зеленым мохом, а между кочками журчат бесчисленные ручейки. На возвышениях и холмах бродят стаи болотных птиц. Пустыня постепенно становится мертвее и пустее; только тучи комаров волнуются над тундрою. Холмистые долины, поросшие лесом, изрезаны речками, а ровные долины изрезаны речками и озерами, кочки поросли мохом. Болота по крепости грунта не топки, и лошади в них не грязнут. Озера и реки, которыми разрезывается тундра, содержат в себе рыбу; по озерам еще гостят лебеди и стаи гусей. Встречаются по протяжению тундры места приятные, как, например, по берегам р. Погнадены, где случалось видеть прекрасные лужайки, свежею зеленью одетые, и густые рощи высокоствольных тополей, ив и осин. Тут цветут благоухающие травы; и этот оазис красуется в ш. 68° 15'. Вот черты тундры, простирающейся к Чаунской губе! Между тем, по правую сторону реч. Филипповки, текущей из белых камней в Колыму, в направлении к горам Сухарным, начинается необозримая голая равнина, усеянная большими камнями и скалами и со всех сторон обставленная снежновершинными го-

рами. Эта равнина называется *каменною тундрой.* Тут холод чувствителен, и кустарник стелется не толще пальца. Вообще, к востоку от Колымы высокоствольные деревья не растут далее 68°54', по словам Врангеля. Следственно, тамошняя тундра теснее двумя степенями широты.

Ледовитое море, говорят, идет на убыль. Если бы это мнение было дельное, надлежало бы в устьях больших и середних рек, падающих в море, замечать увеличивающуюся быстроту вод. Тогда бы и материк тундры от часу становился суше, тверже и теплее. Нет! При настоящих понятиях о возможности поднятия или осадки берегов морских ныне не так легко верят обмелениям; следственно, каменные столбы, при берегах назначаемые, не могут быть добрыми мерителями морской убыли. При недостатке наших приморских сведений и особых сведений о западной тундре есть надежда ожидать хороших пополнений от штурмана Иванова, странствующего по окраине Ледовитого моря. Теперь мы знаем не много, именно, что ширина лиманов больших рек измеряется десятками верст, ширина устьев речек сотнями саженей, и даже верстами, что есть озера на тундре, вовсе уходящие в землю или в реки зимою, при случаях щеляющейся от морозов почвы, что есть логовины, весною превращающиеся в рыбные озера, а летом являющиеся роскошными пастбищами, что к западу около р. Алазеи есть такие озера, которые, соединяясь протоками без течения, составляют безбрежные вместилища стоящих вод. Вообще, тут вода представляется в тяжбе с землею, которая, посредством плесеней и личинок, усиливаясь ткать основу для сцепляющихся мхов, зачинает каждое лето творение суши. Не подобные ли явления представятся между Индигиркой и Обью близ взморья?

При лиманах больших рек, не в одной параллели падающих в море, дни и ночи продолжаются с месяц и более. Так, например, в Нижнеколымске солнце не заходит с 15 мая по 6 июля. Трудно без погрешности сказать: ночи или дни продолжительные радостнее для бродячих дикарей. Удобства в обоих временах так сложны и так переплетены с неудобствами, что одна перемена способов продовольствия, кажется, может их радовать.

Можно здесь упомянуть из устава арктической природы об одном законе, исполняемом оленями для пропитания своего и человеческого. В мае и под осень на обоих Анюях, Омолоне и равно на Оленеке непреложно совершается плавь оленья. В мае табуны тощих оленей, обеспокоиваемых комарами, бегут из лесов на безлесную тундру, а осенью упитанные возвращаются в лесные пастбища. При переправе через реки, русские и юкагиры, а на Оленеке в 30 в. от устья тунгусы, убивают на воде множество этих животных, переплывающих гусем, несмотря на умерщвление передних. Не надобно, однако ж, думать, чтобы тундра на зиму оставалась без оленей. На ней постоянно живут олени *стоячие,* которые и не соединяются с приходящими из лесов.

Нелегко изъяснить, отчего русские, в области тундры, завелись жильями и зимовьями по берегам двух только рек, Колымы и Енисея, тогда как промышленность рыбная и звериная не менее выгодна и при прочих значительных реках. Заселение Колымы, конечно, можно изъяснять необходимостью обороны пограничной.

На росстанях с полосою тундры не лишнее заметить, что восточное отклонение иглы в 1822 г. было на Устье Русском Индигирки 10° и что, возрастая к востоку, при острове Колючине оно найдено по азимутам в 1823 г. 23°26'.

2. Крайнею точкою полосы северной к югу был на востоке ос. Акланский, который к концу нашего периода начинал пустеть; и жалеть не о чем. Русский, с трудом тут пропитывавшийся, ничего не терял. Какая разность — Среднеколымск! Летняя температура его, в сравнении с сырою и холодною температурою Акланска или Нижнеколымска, описывается благотворною для здоровья. Долины, защищаемые холмами от ветров, веселые местоположения, роскошная растительность, трудолюбивые туземцы из якутов, владеющих конным и рогатым скотом, озера рыбные, и все эти взгляды, хотя бы не было тут важной ярмарки, утешают заезжего. Верхнеколымск, сосед по реке, стоит в ш. 65° 42' 04" и всегда почитался верфью судостроения, поблизости лесов. Морозы, по замечанию капитана Сарычева, доходили тут в январе до 43°. Должайшая ночь продолжается 21 ч. 40 м., и, несмотря на жестокую температуру, зимует в лесу множество куропаток, рябчиков, глухих тетеревов, также и зайцев. При устье Ясачной, при которой стоит Верхнеколымск, в октябре ловятся большие налимы.

Путешественники, едущие из Среднеколымска к Верхоянску по купеческой дороге, подле Селеняха, находят по песчаным его берегам и по равнинам тучный корм для лошадей: а) в хвощовнике, который после первых морозов делается сладковатою и любимою их пищею; б) в питательном растении *чибога,* ботанически еще не определенном. При этом подножном корме лошади, без перемены и изнурения, проходят 1200 верст между двух сказанных мест. Но замечательнейшее явление природы путешественники видят в так называемых *тарынях.* Песчаный грунт тамошних горных долин (особенно на берегах Догдо) совершенно высыхает во время жаркого лета и сухой осени. Зимою, при сильных морозах, выступает вода из земли и, разливаясь на все стороны, замерзает. Образующийся лед трескается, и из трещин выступающая вновь вода превращается в другую настилку льда. С усилением морозов вода более и более поднимается наверх и покрывает кустарники многослоистым ледяным покровом бело-блестящего цвета. Нечего говорить, сколь опасен проезд по тарыням или наледникам, на косогорах или близ оврагов; но дело в вопросе, который сам собою рождается. Из какой глубины ниспадшая вода опять возвращается на землю? Слань, на которой вода внизу бережется, не меловая ли, так как вкус ледяной воды отзывается известью? Стало, что песчанистый грунт не промерзает глубоко? И эта широкая льдистая равнина, простирающаяся от Верхоянска даже до погорья Оймяконского, не естественная ли указательница артезианских колодцев?

На станции Бараласе (Барылах), стоящей в ш. 65° 5Г, путешественники, с северо-востока едущие, заранее пугаются бедственного переезда чрез Верхоянский хребет, как утесистый и обрывистый, особенно на южной стороне. Хребет сей, разрывая водные системы, изменяет отчасти и растительность. На южной стороне, не говоря о лесе тополевом, начинается в 30 в. еловый, в 70 — сосновый. Зеленеющая ель и сосна, деревья, впрочем, не так веселые (говорит Сарычев), наполняют отрадою возвращаю-

щихся странников, вероятно потому, что на северной стороне хребта и за Колымою одна лиственница из хвойного семейства и глазам уже надоела.

Относительно природы и промышленности Зашиверска*, Верхоянска, Жиганска, Усть-Вилюйска и Верхневилюйска, мест, тогда не обруселых и наблюдаемых одними казаками, я не приобрел особенных сведений, кроме тех, которые внесены в 1-ю книгу и которые в IV главе сего периода будут пополнены под заглавием Якутска. Поэтому взглянем наТуруханск в те дни, в которые благотворное светило без перемежки смотрит на него 24 часа и в параллели его почивает на горизонте, с 10 по 16 июня. Ниже устья Дудинки оно безменно сияет с 9 мая по 15 июля; а где начинается второе многоостровие по Енисею, солнце живет на горизонте долговременнее, начиная с 26 марта. Мы передаем явления сии со слов губернатора-писателя и любопытствующих знать флору туруханскую отсылаем к страницам (84 и 83, ч. I) *Енисейской губернии.*

В соответственность геогностического испытания, в Якутске деланного над почвою (о чем было замечено в первой книге), здесь помещаю известие о подобных испытаниях, в 1828 г. деланных прусским доктором Эрманом в Обдорске и Березове. В первом местечке с 9 по 12 декабря вырыта шахта глубиною в 19 ф. 3 д. Термометр, в шахту опущенный, поднялся только на 1 ° против внешней температуры, в которой было — 25°. Доктор заключил, что земля не оттаивает в Обдорске. На переезде из Обдорска к Уралу замечена им из птиц одна сорока. В Березове (ш. 63° 56') на северном конце города против большой церкви, подле кладбища, выбрано было место для подобного испытания. Работа происходила в ноябре, и в глубине 4 ф. 7 д. дойдено до земли, мягкой и не мерзлой; при дальнейшем углублении до 21 ф. 8 д. встречена земля желтая, проникнутая жидкою водою. Термометр на свободном воздухе стоявший при —8°, поднялся на дне ямы после $^{3}/_{4}$ часа до Г 60'**. Эрман, по промерзанию земли и часовому наблюдению ртути, поспешил заключить, что нет разницы между климатом березовским и тобольским, что тот и другой способен к хлебопашеству. Очарованный термометрическою вероятностью и увлеченный однолетним успехом купца Нижегородцева, затеявшего сеять ячмень и рожь на небольшой и отлично удобренной распашке, пусть доктор услышит, что ученое решение его о мнимом равенстве тобольского и березовского климатов не подтверждается наделе, что потехахлебопашенная вскоре брошена Нижегородцевым и что плодородие Березова ограничивается, как увидим после, овощами огородными. Еще странность у Эрмана. Заметив в духовных лицах, купцах и казаках березовских смышленость, догадливость и даже знание, которое они заняли в семинарии или уездном училище, путешественник очень забавно рассуждает, что жители этого города наследовали по преемству свою умственность от знаме-

* Зашиверск тогда не более был населен русскими, как и ныне. Он ныне состоит из 5 домов и познакомился с огородничеством, вероятно, в то время, как существовал на чреде города, потому что священник, у которого огород, по своей давности принадлежит к той эпохе. В огороде родится капуста, редька и репа.

** Он же в якутской копани Шергина на глубине 67-го фута заметил температуру не ниже —6° Цельс. термометра. Несмотря на это, там хлебопашество идет славно.

нитых изгнанников, которых кровь не перестает двести лет смешиваться с кровью обывателей. Таких остроумных догадок много провертывается у проезжих иноземцев, начиная со Страленберга.

3. Угодно ли видеть места северной полосы в самых предгорьях Урала? Стоит только сесть на лодку в Березове и плыть по Северной Сосьве к ея вершинам. Полоса эта начинается с того промежутка, от которого воды, реки и речки стекают в Северную Сосьву, а другие воды, реки и речки в Пелым и Лозьву и принадлежат к полосе средней. Речки шумные и быстрые, подчас большие и бешеные: Абсия, две Лепли, Манья,Лобсия, далее Толья, Нангытья, Уоль, Сакв, выбегающие из гор или с подошвы их и вливающиеся в Сосьву, с бесчисленным множеством притоков, занимают обширную болотистую равнину, изрезанную беспрерывными озерами или болотами и обрисованную небольшими перелесками, как островами. Равнина сия наклоняется к многоводной долине великой реки Оби. Продолжительная зима, глубокие снега и некрутая покатость равнины — вот отчего земля не осушается, даже не оттаивает ни под мхами, ни в лощинах, так что в июле и августе остается мерзлою на 1 ½ или 2 аршина.

Природа, однако ж, весною и здесь улыбается. Долина, по которой течет Абсия, богата пленительными сельскими видами. Цветистые луга, ивовые кусты, по берегам разбросанные, черемуха, вода чистая и не безрыбная, сосняки, кедровники превращают с помощью фантазии, умеющей восполнять недостатки, убогую совокупность в картинную. В конце мая земля еще не оттаивает, холод по ночам до 7°, погода непостоянная. Туманы поднимаются над горами, ветер стихает, и дождевый бус сеется до 10 июня. С 13 по 6 июля настает время ясное, тихое и даже жаркое. Земля давно зазеленела, луга запестрели цветами, деревья давно оделись, к 15 июля берега леплинские обросли густыми высокими травами, с 20-го нередко разряжается гроза, перепадают сильные дожди. Почти вдруг видишь морошку, смородину красную и черную, с брусникой и кедровыми шишками.

Наблюдения, горными инженерами деланные в Тольинском зимовье (в ш. 64°) с июня по 17 сентября, показали, что средняя температура во 108 дней была: утром +8°,9, в полдень +1Г,2, вечером +9°,4, в полночь +5°,6. Высшая 5 июня в полдень+22°, низшая 16 сентября +3,2°. Постоянно господствовавшие ветры были С.-З., Ю.-В. и Ю.-З. Первый всегда почти наносил дождь или снег, второй навевал дождь, последний — ясную погоду. Здесь кстати бы сравнить из путешествия Ф. Врангеля температуру нижнеколымскую (в ш. 68° 32') и устьянскую (в ш. 70° 55'), если бы в то же время продолжались наблюдения в двух последних точках. Выпишем, однако ж, то, что замечено в таблицах Врангелевых.

	8ч.	12ч.	4ч.	Полночь	Среднее
			1821 г. по с. ст., в мае		
в Н. Кол.	+4,74°	+6,90°	+8,17°	+3,98°	+5,27°
-Усть-Янеке	+3,67	-0,31	-1,25	-	-1,74
			В июне		
-Н. К.	+10,14	+10,92	+10,44	+9,31	+10,25
-У.Я.	+17,34	8,93	11,51	10,19	+9,49
			1823 г., в июле		
в У.Я.	+11,00	12,37	10,61	9,10	+10,77
			1821 г., в сентябре		
в Н. К.	-6,84	-4,43	-5,22	-7,57	-6,02
-У.Я.	-5,94	-7,42	-		-6,68

По неполноте термометрических наблюдений, в обоих местах взятых, обратимся к прочим условиям метеорологии. В Н. Колымске в июне ветер тихий и маловетрие до половины, после С.-З. В исходе месяца выпадал мокрый снег. Гром глухой слышался 13 раз. В июле были дожди в начале. Ветры С., С.-З. и З., свежие. Небо по большей части облачно. Ртуть несколько раз опускалась ниже 0°. Мокрые снега выпадали часто. В августе были дожди в первой половине. Ветры К), и Ю.-В., в последней половине чаще З. и С.-З., свежие. По ночам густые туманы, дни более облачные, чем ясные. С 22 ч. ртуть редко поднималась выше 0°, и с того же дня выпал снег, который и не сходил. В сентябре до 18 числа тихо и маловетрие, кроме чисел: 1, 4, 5, 11, 12, 13 и 17, в которые дули ветры свежие С. и С.-З. Вообще, ветры З. и С.-З. дуют в продолжение года чаще прочих, и второй господствует летом, как Ю.-В. —зимою. Ю.-В. ,Ю. есть самый теплый, изменяющий жестокие морозы в теплую погоду. Ясных дней не было, во многие дни шли снега. Северное сияние показалось 12-го и 13-го и не показывалось до 20-го. Вот любопытные температуры двух оконечностей северной полосы, температуры печальные, несмотря на их разность в широте и долготе! Возвратимся в прежние предгорья Урала.

Там все леса почти негодны к строению, именно: ель, кедр, частию лиственница, пихта и небольшие сосны, по сухим веретьям растущие. Выгоревшие леса заменяются березником. Из числа малых деревьев находятся: рябина, ольха, черемуха, тальник, жимолость и таволга. Растений травянистых до 80 видов*.

В горах совсем другая природа. Вместо болот, неодетых или поросших, тянутся обнаженные громады Урала. Только у подошвы гор или на низких горах, также в логах и по берегам речек, растут деревья хвойные, вместе с рябиною, ольхою и березкою. Самые вершины гор, как и кряж, безлесны. По кряжу тянется к северу снежная линия, начиная от вершин Сосьвы, вырывающейся из кряжа. Нагорные растения развертываются вообще позднее подольных.

Начиная с границы горного Богословского округа, первенствуют горные породы диабаз и второпериодный известняк до Лепли, оттуда до Лобсии сланцы сменяют известняк, попуская диабазу распространяться свободно, потом породы амфиболические, прикрытые болотами или лесами, обнаруживаются в берегах речных. Пласты лигнита лежат на возвышенности между Тольей и Мурыньей. На самой оси Урала, в немногих местах, выказывается порода гранитовая. Спускаясь опять на восточную равнину, далее простирающуюся, встречаешься с торфом и различными морскими наносами**.

Выше устья Маньи, слева падающей в Сосьву, открыто в 1832 г. месторождение медных руд, состоящее из двух пластов, горизонтального и вертикального. Оно отстоит от зав[ода] Богословского, по прямой линии к северу, около 320 в.***

* Половина этих растений находится в Тобольском травнике, собранном, собственно, около Тобольска.

** В железоглинистом известняке найдены окаменелости: аммонит открытый, амм. обросший итрох, похожий на юрский. В мергеле найдены: аммонит конигий, белемнит, теребратула, астарта и пр.

*** Подробности близ уральской природы взяты из *Горного журнала* за 1833 и 1835 гг. Желательно, чтобы редакция журнала подарила публику отдельною картою Северного Урала. Подробная карта России 1804 г., втом пространстве, совершенно безмолвствует.

На обширной равнине, здесь сокращенно представленной, природные жители вогулы-христиане, не вовсе отучившиеся от древних суеверий. Рыбная, звериная и птичья ловля составляют все их пропитание и всю промышленность. Они любят жить раздельно, дабы не мешать друг другу в промыслах. Не странно ли, что уединение столь же естественно угрюмому дикарю севера, как и глубокому мыслителю веселого климата?

4. Означив со слов *Горного журнала* наименования безвестных доныне рек, стремящихся с Уральских предгорий в состав Северной Сосьвы, я удерживаюсь вписывать сомнительные имена других рек и речек, понаслышке на карте положенных, притом нелюбопытных для читателя и сведомых только юрте вогула или остяка. Сим оканчивая пополнительное описание северной полосы, еще присовокупляю со сведений тобольских:

а) что Сосьва, вырывающаяся из Урала, имеет течение около 500 в., до слияния с протокою Персымом выше Березова, при ширине 50—250 саж., что рыба в ней, особенно при устье, такая ж, какая в Оби, а вверху ловятся таймени и хариусы;

б) что несудоходная Вогулка, проходящая мимо Березова елевой стороны, имеет течения 200 в., при ширине 30—100 саж., и падает в Сосьву двумя протоками, что рыба в ней мелкая;

в) что Малая Сосьва имеет течение 300 в., при ширине 20—30 саж., и слева впадает в Северную Сосьву, что рыба такая ж, как и в прочих небольших реках, не беспосредственно сообщающихся с Обью;

г) что реч. Собь, по низверженным обломкам утесов с шумом бегущая, делает от Урала 120 в., при ширине 10—60 саж., и падает в Малую Обь;

д) что реч. Щучья, за которую ездил из Обдорска ученый Зуев, падает в Обь при губе Обской, протекши 150 в., с шириною 20—100 сажень. Есть множество и других речек, с Урала и с тундры текущих, но все они заслуживают место только в карте березовской.

Навсегда оставляя неисчислимые речки и озера северной полосы, заранее предуведомляю, что, при общем итоге счисления речек, будут приняты только те, которые беспосредственно вливаются в большие реки, ожидающие моего описания в V главе.

5. В краю самоедском считается немаловажною новостию находка мамонтовых клыков как товара, в торгу ценного, и эта новость переходит из чума в чум с именем открывателя. Но для нас, неторгашей, гораздо ценнее было бы решение вечной проблемы, какую представляют остовы и кости длинношерстного мамонта и носорога (Rhinoceros trichorinus), находимые в берегах рек и озер на тундре, равно клыки и кости безвестных животных, открытые в намывных областях Алтайского хребта и по ученой методе прозванные мерикатерием и эласмотерием. Там же, в пещерах Чарышских, найдены кости львов, тигров и гиен. Как же бы изъяснить эту проблему? Внутреннею высокою теплотою, равномерно нагревавшею допотопный земной шар во всех его широтах, независимо от Солнца, как думают плутонисты? Но при постепенном, а не при внезапном охлаждении шара проблематические твари могли бы исподволь удалиться к экватору. Скажут, что они и удалились и что находимые в холодных климатах остовы принадлежат их пред-

кам, пораженным естественною смертию. Нет, это невозможно, потому что чрезвычайный жар, от которого плавились кристаллические горные породы, испепелил бы остовы мнимых предков. Совместно ли также допускать, чтоб твари проблематические могли быть перенесены морским течением в Сибирь из теплых стран, без утраты даже шерсти: если Сибирь не их родина? Ужли решиться, вслед за Гумбольдтом и Арраго*, воображать, что мамонты с товарищи могли случайно забегать на тундру, прежде которой они неминуемо замерзли бы наТурухане, Вилюе и при Верхоянском хребте? Пусть так, что львы с товарищи могли забежать на Чарыш; но мамонты не так легки на ногу, особливо по сибирской почве. Иностранцы-ученые, кажется, думают, что находят на тундре клыки в редкость; напротив, эта промышленность началась с давних лет, и ныне можно полагать ежегодный вывоз мамонтовой кости из Сибири до тысячи пудов. Итак, очевидно, что мамонты, носороги и другие тропические животные родились, жили и погибли в Сибири, на своей родине.

Из прочих гипотез одна представляется на первый раз имоверною, именно та, в которой предполагается незапамятное существование северного материка. Следы его доказываются остатками Груманта, Новой Земли, Ляховых и прочих островов, виднеюших почти вплоть до пролива Берингова. Если, далее Новой Земли к северу, непроходимые льды заставляют предполагать подводное протяжение каменистой гряды, то и сплошной лед, около Ледяного мыса виденный между 210° и 220° долготы, не ведет ли к аналогической догадке о протяжении Станового хребта, в пространстве Полярного круга? Что ж из этого? Автор населяет этот северный материк большими животными, по типу тропическому созданными, но с таким изменением в энергии организма, что могли жить и в холодном климате. Материк, при перевороте частном или мировом, погряз: океан поднявшийся перенес волнами животных в Сибирь и замыл их в глинах и песках. Но отчего на уцелевших отрывках материка не осталось тех животных, когда белые медведи подобного энергетического строения живут же в Полярном круге? По-моему, какая нужда созидать и низвергать особый материк, для помысла не разрешающего? Не проще ли пустить огромных тварей особливого организма по северо-восточному материку Сибири, приподняв его выше морского уровня на несколько пядей и заморозив их в часы хладотворного переворота? Стало, что все требуется уморительное охлаждение для энергических тварей; следственно, гипотеза не решает проблемы.

Но лучше ли изъясняется охлаждение полярной страны движением Солнца со всею планетною дружиною, из одних астрономических областей в другие, неодинаково нагреваемые; по неравному распределению светил, в безграничном пространстве, — лучше ли изъясняется поступательным движением Солнца по исполинской орбите, чрез многие тысячелетия пробегающего около своего центра и в блаженную годину мамонтов приближавшего нашу плане-

* О кометах Арраго, перев. Яковлева, 1835 г., от стр. 179 до стр. 187. Подобное мнение Робера, сообщенное в *Горн, жури.,* 1841 г., выходит из вероятия, по своим подробностям.

ту к перигелию сего безвестного центра? Но и тут, в неторопливом шествии Солнечной системы, внезапное охлаждение тропико-арктических животных было бы невместно. Следственно, невозможно успокоить недомышляемости и в объятии благовидного мнения, которое преподано славным Гершелем для соображений небесных, хотя оно и уполномочивается вычислением гельсингфорского астронома Аргеляндера, не для нашего, однако ж, вопроса.

P. S. По написании сей книги я почувствовал, что правильнее бы поместить главы V и VI тотчас после первой; но при таком перемещении потребовалось бы много переправок и здоровье, лучшее моего. Вот почему и осталась книга при первоначальном расписании глав.

период iv
от 1742 до 1765 = **23 года**

вместо введения
доброе слово о СИБИРИ

История, предварительно возвестив в заключение III периода суд, правду, милость, ознаменовавшие новое царствование, теперь с чувством отрады посвящает перо воспоминаниям правления монархии, которая поняла, что для смягчения нравов народа надобно смягчить наказания, и вследствие того возбранила отсекать пальцы у тяжких преступников, безобразитьлицау преступниц и в 1754 г. решительно уничтожила казнь смертную.

В первые годы царствования Сибирь слышит только радостные вести, видит только радостные лица. Тысячи злополучных, освобожденных от ссылки, каторжной работы и от правежа мучительнейшего каторги, тысячи восстановленных в званиях или помилованных ожили и увеселяются мечтаниями политического пакибытия, как бы в сновидениях. Прояснившийся от слез глаз их тотчас помирился с местами заточения, с юртами инородцев, с деревнями пустынными и малолюдными, с жителями неговорливыми. Душа, в отчаянии обрадованная, внутренне благородеет и сама облагораживает все окружающее. Успокоение и доверенность проникают ее, так сказать, радужными лучами. Знакомцы злополучия кажутся близкими к сердцу, и росстани с ними — слезы. Слезы при первом шаге в Сибирь, и слезы на прощанье! О, где столько пролито их, как на земле Сибири, и стала ли она теплее, благословеннее? Кажется так, и это не мечта. Не мечта, повторяем: ибо многие из засланных не захотели возвратиться в Россию (1) потому ли, что не было у них там ни родства, ни имения, или потому, что нашли в Сибири приязнь и приют. Сибирский крестьянин и горожанин, по затверженному навыку к состраданию, без крайности не расспрашивает пришельца, что им сделано на родине.

При очевидном кипении радостных перемен в судьбе многих тысяч сам житель Сибири становится живее и предприимчивее. Он или научился грамоте, потому что множество грамотных толпилось вокруг него, или наслышался о способах производить нетрудные мастерства. Несмотря, однако ж, на видимое спеяние сибиряка радушного, гостеприимного, издавна клевещут на него в России различным образом и даже взводят на него чернокнижное искусство* вызывать нечистых духов, подобно как и ныне поверхностные наблюдатели, за исключением благоразумного лейтенанта Ф. Врангеля и его спутников, называют рассудительного, хозяйственного, добронравного сибиряка невежею, ленивцем, развратным. Оставляя без примечания все три присвоения, как приличные для сволочи русских поселенцев, мы не могли бы без негодования слышать те же нарекания, если бы кто вздумал относить их к коренному классу сибиряков.

* См. ук. Сенат. 2 декаб. 1762 г. об осмотрительности в пытках.

Прежние путешественники, со включением аббата Шаппа, свидетельствовали о плотности, великорослости сибиряков, в чем была уверена и гвардия императорская; ныне же этот мужественный размер стал очень редок в Сибири, особенно в классе простонародном. Как же должно быть изъясняемо такое изменение жителя? Влиянием климата или переменою нравов? Если влиянием климата, по подобию сосен и лиственниц, то при возможном улучшении его надлежало бы организму сибиряка мужаться более и более, потому что укороченность человеческого размера и толстая пластика прилична только климату полярному. Стало, что прежнее крупное, высокое поколение людей беспрекословно свидетельствовало о нравственной чистоте родителей и предков, как настоящее — о происхождении от невоздержных и болезненных родителей, происшедших от посельщиков или их приятелей. Добродушный сибиряк иногда впадает в недостойную связь с преступным пришельцем.

Глава I

общее обозначение периода

1. Оглавления происшествий в хронологическом порядке. 2. Назнаменования двоякой познавательности. *3.* Назнаменования духа народного. 4. В рукоделиях. 5. В зодчестве благочестивом. 6. Обещание описания воды и земли. 7. Обещание описания границы. 8. Правители. 9. Первосвященники.

Правительство внутри России озабочивалось в первое 10-летие поимкою беглых: солдат, драгунов, матросов, рекрутов *с* разбойниками, по Волге, Оке и другим местам злодействовавших то мечом, то огнем, а во второе, — преследованием корчемств. Хотя все сии происшествия явно изобличают, что грубый русский народ, освобождаясь из-под железного порядка времени, не скоро привык пользоваться правлением человеколюбивым; но, не останавливаясь на грубости сибиряков, может быть не меньшей, хотя и не оглашенной так явно и так разноместно, мы имеем на руках другие обстоятельства страны, другие важнейшие обстоятельства. Поэтому опять, как и прежде, выставляем в хронологическом порядке ряд разнообразных происшествий и дел, дабы читателю знать, что и в котором году ожидает его впереди; потом обобщаем предметы частные в идеи общие, для повествования менее разрозненного.

1. 1742 год. Назначена в Камчатку миссия, под начальством архимандрита, из священников с церковнослужителями. Вместо берг-дире-ктора восстановлена берг-коллегия. Вторая перепись народа, исключая племен язычных.

1743 г. Восстановляются губернские магистраты под начальством главного в С.-Петербурге. Оренбургский торг переводится из Орска в Оренбург, равномерно провинция Исетская — из Чебаркула в Челябинск. Сержант Басов зачинает новое поприще морской предприимчивости.

1744 г. Бригадир Беер послан с командою на алтайские заводы Демидова (Акинфия). В том же и следующем годах учреждена дорога чрез Тару до Омска, с установлением почтовых станций.

1745 г. Вступили в Сибирь, под командою генерал-майора Киндермана, два пехотных и три конных полка, для охранения границ. В том же году умер контайша Галдан-Церен, повелитель ойрадов.

1747 г. Взяты в собственность короны колывано-воскресенские заводы Демидова, по оценке.

1748г. Иркутскому купцу Югову дано право промышлять зверя на пустых островах, близ устьев рр. Камчатки, Караги и Олюторы. Подтверждения о ревене в прежнем духе. В Тобольске учреждается семинария.

1751 г. Учреждается в Сибири начальство по части соляной. Уничтожаются внутренние таможенные сборы.

1755 г. Устюжским купцам Бахову и Шалаурову дозволено предпринять плавание по Ледовитому морю, от Лены до Камчатки, кругом Чукотского угла. В том же году заботились об улучшении нерчинских и о распространении сереброплавиленных заводов там и в Красноярских горах. Вспыхнуло 18 мая возмущение в Башкирии, по долговременным внушениям Батырши, муллы Мещерятского. В том же году окончена, вполерек Ишимской степи, постройка десяти крепостей, начавшаяся в 1752 г. впереди старой линии, от 50 до 200 верст.

1756 г. Дозволено сибирскому купечеству выменивать на товары азиатских пленников, для обращения в христианство, и пользоваться их услугами вечно. Подтверждено не допускать сибирских жителей до самосожжения.

1757г. Сопредельное с Сибирью владение ойрадов рушилось, и последний глава их Амурсана ищет спасения в Сибири.

1758 г. Обеспечение народного продовольствия в Нерчинском краю возлагается на десятинную пашню.

1759 г. Определяется на Сибирскую линию генерал-майор Людвиг с инженерным штабом и инженерами по тамошним крепостям. Велено приписать к колыванским заводам 12 000 душ, переселить на нерчинские заводы из Сибирской губернии всех прописных в ревизию посадских и крестьян.

1760 г. Велено занять места от Усть-Каменогорска до оз. Телецкого, построить там крепости и населить тамошний угол русскими. Велено принимать крестьян всякого звания для поселения в Сибири, с зачетом владельцам за рекрутов и с платежом из казны за их жен и детей.

1761 г. Испытываются меры для водворения хлебопашества в Камчатке. Прохождение Венеры чрез Солнце наблюдается в Тобольске аббатом Шаппом, в Селенгинске — Румовским, подобно как в 1769 г. будет наблюдаемо прохождение той же планеты, в Якутске Исленьевым, в Орске — Эйлером, сыном великого геометра. Дозволено ловить зверей на островах Восточного океана, с платежом в казну десятины и с подтверждением, чтобы судовщики не делали обид островитянам. Ландмилицкие полки учреждаются в Сибири.

1762г. Манифестом от 21 февраля вместе с уничтожением тайной разыскной канцелярии возбраняется употреблять ненавистное выражение: *слово и дело.* Эти два слова, там сказано, отныне не имеют никакого значения. Таможенные сборы, втом числе и сибирские, отдаются на откуп Шемякину и Яковлеву с товарищи.

В царствование Екатерины вместо оброчного хлеба учреждается в Сибири рублевый сбор с ревизской души. Позволено возвращаться беглым раскольникам в Россию и селиться, кроме прочих мест, также в Сибири: а) на Барабе, б) по рекам и речкам, в Иртыш

падающим, как то: Убе, Ульбе, Березовке и пр.

1763 г. Лейб-гвардии майор Шербачев отправлен в Сибирь с командою для пресечения беспорядков и притеснений, какими сибирские дворяне, дети боярские и казаки, отряжаемые для сбора ясака, бессовестно и до конца (так написано) разоряют беззащитных ясачных: якутов, тунгусов, бурят и других т.п. Для такого же исследования проехал еще в 1749 г. в Иркутск полковник Вульф с 4 чиновниками и открыл следственную комиссию. Велено устроить маяк на Байкале, близ Посольского. Проводится прямая дорога из Тобольска в Омск, чрез Абацкую. Инструкция генерал-поручику Шпрингеру насчет Иртышской линии и возведения крепости на р. Бухтарме. Сибирский Приказ закрыт. Велено устроить в Сибири, для защиты страны, пять пехотных и два конных полка, из беглых русских, выводимых из Польши, а негодных к службе селить в Селенгинском и Нерчинском уездах.

1764 г. С начала сего года таможенные сборы возвращаются в казенное управление. При новом расписании уездов и городов по всему государству прислано примерное разделение и для Сибирской губернии. Через месяц назначается в Сибирском царстве другая губерния, под именем Иркутской (2).

Вот сколько оглавлений, из которых будет развернуто повествование 23-летия, и тут не все еще оглавления. Земляки добродушные спрашивают: успокоится ли Сибирь от неотступных хлопот в этот промежуток? Но как не знать, что первое творческое слово, *трудиться в поте лица,* есть законное слово и дело Сибири? Впрочем, благодаря мудрости правительства и пробуждению народного духа в Сибири, мы увидим довольно светлых точек в этом периоде, выходящем как бы из глубокой ночи.

2. Из множества данных поместим здесь назнаменования важнейших событий, носящих на себе свидетельство народной' усовершаемости. Таковыми могут быть обращение в христианство целого племени камчадалов и введение грамотности по всему полуострову. Оба сии события важны, утешительны и вожделенны для прочих также многолюдных племен Сибири; но как желать того, когда о введении познавательности учебной, если взять ее одну без познавательное™ нравственной, не помышляли в ту пору и для господствующего русского племени? Познавательность учебная открывалась в немногих городах для состояний должностных.

3. Почувствование потребности в образовании капиталов, не просто посредством пашни и торгашьего мелочничества, но посредством деятельности небывалой. Это происходило от оправдываемой доверенности к народолюбивому правительству, которое, поощряя подданных к разнообразному трудолюбию, поучало их политической истине, что государственное богатство и довольство не раздельны с богатством и довольством народным. Бобыли, так и сяк проживающие, если не умножают благосостояния народного, всегда плохие вкладчики и в казну государственную. Мы увидим, что из похвального направления к составлению частных богатств открывается в Сибири особенное устремление к промышленности троякой:

а) к промышленности рудной;

б) к промышленности морской;

в) к промышленности рукодельной.

Промышленность первая, как требовавшая знания и капитала, привлекла людей издалека на Урал, и после того, когда они воспользовались любыми приисками сокровищ, пробудились и

сибиряки, которые в своей мере содействовали приумножению металлического богатства.

Промышленность вторая, требовавшая равномерно знания и капитала, но на деле заменившаяся товариществом, потом напутствуемая отважным духом, как тайным гением, подарила Сибири неожиданные открытия. Она открыла сперва дивное свое мореходство, то к историческому острову, на котором уже побелели кости бессмертного Беринга, то к островам айнов волосатых.

По части промышленности третьей, проявлялся в разных местах дух рукодельности подражательной.

4. Мы не говорим о мастерствах первоначальных, которые вызываются нуждами необходимого пропитания, промыслов или требованиями климата; следственно, не разумеем здесь кожевенного и юфтевого дела, давно завязавшегося не в одном Тобольске, но также в Кунгуре, Тюмени, Таре, Томске, Енисейске и Иркутске, с большим или меньшим развитием. Не разумеем и давнобытного скорнячества, которое по всей предполярной полосе, по Забайкалью, по верховьям Енисея и Бии, так подручно инородческим женщинам, выделывающим кожи и меха с незапамятного времени. Не разумеем также рыболовную пряжу, которая закупалась у тюменских горожанок вятскими и поморскими рыбопромышленниками, отправлявшимися из Тюмени на р. Обь. Не говорим и об оружейном мастерстве, которое, для ополчения сибирского войска, было усовершенствовано при губернаторе кн. Гагарине, после перевода 3 ружейных семей из Москвы в Тобольск, назначенных еще в 1700 году (3), и которое в настоящее время выходило из-под казенного надзора и начинало служить зверопромышленникам продажею винтовок. Но мы будем говорить в своем месте о заведениях, которые занимают почти средину между первоначальных рукоделий и искусственных удовлетворений образующегося общежития и которые бывают предварениями будущего мануфактурного духа. Такими могут почесться небольшие фабричные попытки, как увидим в своем месте.

5. Деятельность духа народного отличалась в Сибири церковным зодчеством. Честь сооружения каменных храмов у нас относится особенно ко времени IV периода. Город или народ, над которым пронеслась година тяжкая, чувствуя себя вне тревоги, мысленно стремится в парении благодарном ко Всеблагому и возносит алтари, сколько возможно, выше и прочнее кровов человеческих. Минуя Чердынь, Соликамск и Кунгур, мы увидим, где были воздвигаемы каменные церкви. Не служатли усмотрения подобные к похвале сибирских нравов?

6. Прежде, нежели приступим в своем повествовании к заведениям металлическим, к морской промышленности и рукодельности, мы считаем предварительным долгом познакомить читателя со многочисленными реками, озерами и болотами, также с землями, способными более к сенокошению, чем к земледелию, дабы он с основательностию мог судить, какую почву, в плане Божеской премудрости, суждено сибирякам населять и возделывать, какими благодеяниями предопределено им пользоваться от суши, воды и многоразличного климата.

7. Будет брошен постепенный исторический взгляд на устройство безмерной границы, которая до настоящего периода не знала неподвижной черты, от Урала до Сабинского межевого стол-

па. Равномерно будут проведены пред глазами читателя соседи заграничные.

Означенные предметы, имеющие войти в состав повествования, так важны, что нельзя не предвидеть охоты читателя ознакомиться с главными лицами, которые управляли делами страны и которые руководили благоговейными помыслами жителей. Удовлетворяя требованию, мы сию минуту изображаем правителей и первосвященников как общих представителей периода, действовавших на судьбу Сибири.

8. Сомневаясь найти что-либо выгодное для памяти Сухарева, вступившего в должность с декабря 1742-го,а не 1743 года, как открылось при пересмотре бумаг тарских*, мы убеждены самими делами, что вице-адмирал Мятлев с 1754 г., Соймонов, тайный советник, с сентября 1757 до июля 1763 г., занимали место сибирского губернатора с честию и пользою для страны. Чичерин и Фрауендорф здесь не упоминаются затем, что в проходимом периоде первый едва выходит на сцену, а последний назначается правителем губернии, еще не сложившейся в особый состав. Но, если в течение XVIII столетия Сибирь видела губернатора с обширною наукою, с знанием даже астрономии, с умом превосходным и твердым, с опытностью в делах, приобретенною при важных должностях и поручениях,конечно,видела она такого мужа в лице тайного советника Соймонова**. Отзыв наш не то значит, чтобы покойный Соймонов не ошибался в суждениях по предметам службы; и мы, без уменьшения его достоинств, укажем на погрешности, проскользнувшие у него, то от ревности к пользам казны, то от самонадеянности, простительной уму отличному. Но предписания, какие Соймонов делал охотскому и большерецкому начальствам о содействии всеми возможными мерами купеческому мореходству, и исходатайствованные им разрешения свободно промышлять на Курильских островах, с требованием географических и этнографических описаний, свидетельствуют, что он тотчас оценил дух морской промышленности и помогал ей своею властию. Споборать духу времени, на пользу страны, умеют не все, и не всегда.

9. В IV периоде занимали кафедру Сибирскую, давно разделенную, митрополиты***: Антоний Нарожницкий, осно-

* Из старых дел Тобольской полицмейстерской конторы, тогда зависевшей от генерал-полицмейстера, видно: 1 -е, что в губернаторство Сухарева тобольские жители оставались без всякой защиты от ежедневных бесчинств и наглостей, деланных нижними чинами Ширванского полка, в 1746 г. квартировавшего в Тобольске; 2-е, что даже от тобольского полицмейстера Бабановского дважды приносилась жалоба Сенату на губернатора Сухарева, которому и насылались из Сената выговоры.

** Французский астроном аббат Шапп д'Отрош (d'Auteroche), отдавая большую похвалу Ф. И. Соймонову в астрономическом знании, усовершенствованном чрез беседу с Делилем, видел в нем, сверх превосходного ума, прямой от природы характер, но от обстоятельств сделавшийся недоверчивым и скрытным. Конечно, кто выпил до дна чашу злополучия, не скоро улыбнется и разговорится не со всяким. Поминки учености Ф. И. Соймонова состоят в известной карте Каспийского моря (за которую Фонтенель благодарил Петра Великого от имени королевской Академии наук) и в тетрадке под названием *Сибирь золото дно.* Тут сочинитель рассматривал выгоды страны в разных отношениях, а не в тесном смысле Петрова изречения, как ныне она действительно представляется золотым дном.

*** Я не упоминаю о митрополите Арсении Мацеевиче, который, прослужив в Тобольске только одиннадцать месяцев, переведен был в Ростов 31 мая 1742 г. и не оставил ничего достопамятного. Синодским указом 7 октября 1763 г. дано знать по всем епархиям, что этот митрополит, при отчислении духовных имений в достояние государства, лишен сана и священства и послан в дальний монастырь, из

ватель первых VI классов семинарии, —с 1743 г., Сильвестр Головацкий,раздаянием милостыни отличившийся, — сдекабря 1749 г., Павел Конюшкевич* —с ноября 1758 г. до 1769 г.; кафедру Иркутскую епископы: Иннокентий второй Нерунович — с 1732 г. и Софроний Кристалевский —сапреля 1753 до 1774 г. Помянутые первосвященники, как воспитанники духовных училищ или академий, хорошо были наставлены, сверх латинской словесности, в предметах духовного учения и горячо пеклись о распространении христианства, так что иногда надлежало правительству останавливать их ревность, не по разуму государственному действовавшую (4). Они не говорили с налоя к народу собственных поучений, но домашними беседами и чистою жизнию умели внушать благоговение к святыне Веры и к мощам, в Печерской лавре почивающим. Многие из Сибири путешествовали на поклонение в Киев или, по старому обычаю, к соловецким чудотворцам. И беседы, и путешествия, и рассказы заронили святое желание видеть славу Божию и на земле Сибирской, чрез явление мощей. Пока отчизна наша, в утеху общего желания, не удовлетворилась в 1805 году открытием мощей иркутского святителя Иннокентия, Сибирь давно уже наслаждалась повторениями о чудесах от праведника Симеона Верхотурского (обретенного в 1692 г.), от Василия Мангазейского, человека Божия, то открытиями чудотворных икон, то сердечными доныне чаяниями явления мощей в Тобольске. Святые помышления, вдохновения ангельские! Продолжайте обвевать наши умы сокровенным благоуханием и не попускайте им уноситься дуновениями пантеизма или лжеполитики.

ГЛАВА II

о просвещении в двояком значении

I. Обращение в христианство. 2. Вогулов и прочих. *3.* Тунгусов. 4. Вымениваемых азиатцев. 5. Бурят. 6. Миссия в Камчатку. 7. Обращение камчадалов. 8. Самосожжения. 9. Комиссия раскольническая. 10. Миссия Пекинская. 11. Грамотность и ученье. 12. Семинария в Тобольске и временно в Иркутске. 13. Училище в Барнауле и Нерчинске. 14. Геодезическая и навигацкая школы. 15. Школы в Камчатке. 16. Шапп и Румовский в Сибири.

1. Надлежало бы историю обращения инородных племен начинать с Усть-Выма, где первое к востоку чтилище зырянских деревянных идолов ниспровергнуто, если бы могли быть известны постепенные успехи православной пропо-

которого переведен в Нерчинский Успенский, как видно из указа Иркутской консистории 8 марта 1773 г., последовавшего на имя настоятеля Селенгинского Троицкого монастыря, а наконец в этот монастырь, по запустению Успенского, не штатного. При последнем переезде Арсений 13 июня умер, за 48 в. от Удинска.

* Помянутый аббат Шапп, говоря о митрополите Павле, который в изустных тобольских преданиях слывет строгим и строптивым, представляет его очень вежливым и в беседе приятным. Сверх того, аббат видел в митрополите хорошего латиниста, ревнителя веры, но не верившего в движение Земли около Солнца.

веди; но между Стефаном Ведикопермским и Феодором священносхимонахом безвестно протекли три с лишком века. Конечно, с учреждения архиепископской в Тобольске кафедры были обращения и прежде митрополита-схимонаха, но обращения частные, безгласные.

. 2. Кафедры Пермско-Вятская и Казанская, благодарение их ревности, не дремали на западе Сибири. Вогулы чердынские в 1751 г. обращены тщанием игумена Иова Тукмачева, при особенном содействии тамошнего управителя Михаила Финицкого. В 1763 г. было, по словам профессора Фалька, новокрещеных в уездах: Кунгурском — 654, в Осинском — 16 920 душ. С 15 февраля 1754 г. по 7 января следующего года окрещено в епархииТобольской из идолопоклонников 462 обоего пола*.

3. На востоке Сибири, в уезде Нерчинском, несколько десятковдуш обращено епископом Иннокентием Неруновичем, в пастырское посещение того края, и, в память фамильного названия его, селение новообращенных прозвано Неруновским**. Прежде того времени небольшое также число тунгусов обращено старшиною Мальцевым, и селение прозвано Мальцевым.

Странно, что в 1754 г. приезжали из Монголии ламы к тунгусам, для обращения из шаманства в буддизм, и еще страннее, что проповедники тибетского лжеучения не были высланы за границу, как заслуживали бы. Такое послабление продолжалось до приезда первого губернатора Фрауендорфа.

4. Сюда же можно причислить крещение азиатцев, на товары вымениваемых в таможенных местах Сибирской линии. Чжунгары и киргиз-казаки, взаимные издревле враги, обыкновенно привозили на границу своих полоненников для продажи, что Уложением и не возбранялось людям торговым (кроме сибирских воевод и должностных лиц) с тем, чтобы покупщики вывозили в Россию вымениваемых азиатцев. После дано право покупки военным офицерам, в Сибири служившим. Нос усилившимся кипением мстительности между Чжунгарией и ордами число продажных невольников возрастало на границе, так что надлежало возрасти и числу покупателей. Сибирский губернатор Мятлев, пользуясь страстями бурных соседей, исходатайствовал в 1756 г. у правительства, для приумножения домочадцев в сибирских городах, малолюдных и недостаточных, право купцам и юрточным бухарцам выменивать полоненников, с тем, чтобы обращать их в христианство или перепродавать в руки христианские, а во мзду за скрещение оставлять крещеных странников в вечном услужении у приобретателей-христиан. Казалось, что мера сия оправдывалась и в политическом разуме страны. Тогда дворни чиновных лиц, купцов и посадских наполнились масками то калмыцкими, то киргизскими; но владельцы, как бы в отмщение за обесславление христианства, сообщаемого за цену рабства, едва ли нашли подмогу в хозяйстве, потому что хозяйство русское кажется дикарю степному задачею, почти непреодолимою. Притом время вразумило, что, по нерасторопности степного организма, потупости головы, полентяйству, по склонности к пьянству и по кровному побуждению к воровству или мошенничеству нельзя ожидать ничего

В *С.-Петербургских ведомостях* 1754 г., № 14.

* В 1789 г. было крещеных тунгусов в первом селении 129, а вдругом — 162души.

доброго от степного человека*. Едва ли Церковь часто встречала искомую овцу в стаде новокрещеных тунеядцев.

5. Около 1784г. троицко-савский обер-комендант, управляющий тогда всею иркутско-китайскою границею, генерал-майор Ладыженский обратил в христианство бурят, ныне живущих в деревне Мурочи, отстоящей от крепости Кударинской на 4 версты зимней дороги. К именам каждого из них прибавляется прозвание Ладыженского. В соседстве находятся две деревни, Унгуркуй и Палкан, тогда же из ламайского язычества в православие обращенные сибирским дворянином, отцом покойного Игумнова, упомянутого в первой нашей книге. К особенной чести Ладыженского и Игумнова надобно присовокупить, что они обзавели своих обращенных всем нужным в сельском быту, научили их грамоте и необходимым житейским мастерствам, чем и обеспечили их и детей в пристойном существовании. Добрые сеятели молча в своей совести наслаждались успехом святого дела и не искали гласности, так что чистый подвиг их мог бы со временем упасть в забвение**. Но чем скромнее были дела этих сынов церкви, тем почтительнее должна говорить о них история.

6. Мы уже видели, что игумен Варф. Филевский, посланный в Камчатку проповедником, возвратился из Якутска в Москву. Одно добро от его поездки, что привезенные им 200 букварей остались в пользу края. В 1742 г. на место Филевского определен Синодом из Тобольской епархии архимандрит Иосиф Занкевич, по какому-то уважению в декабре того же года уволенный от предстоявшего пути, и вместо него утвержден тогда же архимандрит Иоасаф Хотунцевский, с именем архимандрита Камчатского и с ношением наперстного креста. Для содействия в проповеди священнослужения и крещения даны ему в Москве два иеромонаха, Иоасаф и Пахомий, а для письма и церковной прислуги — два церковника, из коих один назывался Стефан Никифоров. В Тобольске придано несколько монашествующих и священников. Для обучения камчадальских детей русской фамоте, часослову, псалтири и катехизису даны из Московской духовной академии 5 учеников разных классов, студентами названных: Ласточкин, Камшигин, Грязной, Логинов и Кочеров***. При миссии была библиотека из книг приличных: Требник Петра Могилы, Кормчая, латинская Библия, в 1544 году в Лейпциге печатанная, с гравюрами, с еврейским словарем и многими богословскими прибавлениями****, также другие латинские и французские книги, сверх того — рукописные трактаты философии и риторики. Миссия прибыла в Нижнекамчатск 8 сентября 1845 года, и с того времени надлежало ей пробыть

* Указом 8 октября 1825 г. назначен срок для освобождения прежде купленных азиатцев, с воспрещением впредь приобретать их меною и куплею.

** Известный архимандрит Петр Каменский, возвращаясь из Пекинской миссии, посетил в сентябре 1831 г. эти три деревни, нашел в деревне Мурочи училище и отзывается с особливою похвалою о духе христианском жителей, которых деды лет за 50 были поклонниками ламайскими. Взято из письма архимандричьего к полковнику Ладыженскому, который с 1840 г. управляет Тобольскою губернией в звании губернатора.

*** Жалованья архимандриту 500, иеромонахам — по 250, иеродиакону — 200, прочим —по 100р. в год.

**** Эта Библия, в Иркутскую семинарию пересланная, подарена начальством нашему повествователю протоиерею Громову. Желательно, чтобы он вложил эту редкость в казенную библиотеку, из почтения к Хотунцевскому.

наделе в Камчатке 7 лет, в зависимости иркутского епископа, хотя указы из Синода насылались прямо на имя архимандрита Камчатского. Миссия нашла для себя порядочные помещения, местным начальством устроенные.

7. По собственному признанию архимандрита, миссия застала крещеных обоего пола 5067, следственно, за вычетом сотни, вся масса окрещена новгородскими священниками; в бытность же миссии обращено по 19 ноября 1747 года 2964 души с младенцами. Для проповеди сам архимандрит ездил по полуострову, также посылал иеромонаха Флавиана, в Тобольске взятого, а на Курильские острова — иеромонаха Иоасафа. Последним в 1747 и 1748 годах окрещено курильцев на первых двух островах 56 и преждеокрещенных найдено 153 обоего пола. Сверх того, охотский священник Иосиф Хмылев, бывший в Тобольске под ответом, и взятый архимандритом на свой страх, окрестил в три года по 1749 г. 89 тунгусов*. В то же время открыты три училища. Из дробных показанных счетов видно, что населенность полуострова с двумя первыми островами тогда восходила до 4165 душ м[ужского] п[ола]. Уменьшение камчадалов очевидно против первых лет и изъясняется собственными их мятежами и бунтом.

Повествователь камчатского семилетия, протоиерей Громов, сравнивая нынешнее знание камчадалов в христианском учении с знанием русских простолюдинов в том же роде, удивляется превосходству первых и все это относит к насаждению ревностного начальника миссии и его помощников. При архимандрите, не считая прежних 3 церквей, освящено вновь 5, именно: в Верхнекамчатске, Петропавловской гавани, на р. Иче, в Тигельске и в Ключевском селении. Он выехал из Камчатки в 1750 г. и в следующем году лично донес Синоду, что все жители Камчатки, кроме изменников коряков, вдалеке скрывающихся, научены, просвещены святым крещением и стоят в вере по благодати Божией.

Миссия продолжалась под начальством иеромонаха Пахомия, который сделан управителем камчатского духовенства, независимо от якутского правления, прежде начальствовавшего в Камчатке чрез какого-нибудь иеромонаха или священника. В конце 1760 г. Пахомий, уже в звании архимандрита, и его сотрудники, кроме пожелавших остаться на полуострове, уволены с наградами в распоряжение епархиального архиерея. Стеф. Никифоров, возведенный из церковников в протопопа, остался наконец управителем дел духовных, с оставлением при проповеди.

8. При благословенном преобразовании камчадальского племени, присоединившегося к Церкви Христовой, старообрядцы, старые, но отпадшие сыны ея, не унялись от дикого самоистребления и продолжали по-прежнему сожигать себя за двуперстное сложение креста и за подобные разногласия, раздуваемые пустосвятами или хитрецами, на пагубу честных простаков. В Сенатском Указе 4 октября 1753 г. написано, что ямщиков и других тюменцев об. пола сожглось до 36 в доме разночинца Серкова. В *Сборнике,* под 1751 годом, показано, что самовольно сгорело раскольников в дер. Гусевой 30, в Гилевой — 50,

* В первой книге я недоумевал, с чего митрополит Сибирский доносил Синоду о крещении тунгусов. Теперь ясно, что Хмылев, из выслуги и не менее по обязанности, доносил митрополиту о своих прозелитах.

близ Тугулыма — 70 душ. В обоих свидетельствах сцена самосожжения представляется все в Тюменском уезде. Опять в Сенатском Указе 30 октября 1756 г. возвещается, что в дер. Мальцевой острога Ч аусского сожглось 172 души об. пола. То же происшествие записано в *Сборнике* под 1757 г. с преувеличением числа сгоревших. Не даем предпочтения *Сборнику* пред актом государственным и не хотели, впрочем, таить от читателя, что говорилось на стороне. Но вот чему должно удивляться: каким образом глупец или плут-лицемер успевал убеждать простых людей к отчаянной смерти, без нужды, без душевных восторгов, без живых картин вечности? Что за язык, что за логика, которыми умел тот или другой невежа торжествовать над всеми человеческими побуждениями к самохранению? Это просто сумасшествие, скажут; но мы опять спрашиваем: какими представлениями, какими словами мог невежа доводить до сумасшествия собрание 170 человек?

9. Правительство попечительное, которому нет надобности в подобных утончениях, повелевает искоренять изуверство и стараться не допускать людей до явлений отчаянного юродства. Блюстители и исполнители порядка усугубляют усилия к искоренению зла и часто не видят, что сами утрояют зло. Сибирский митрополит учреждает раскольническую комиссию, для обуздания заблуждений, несогласных с разумом Церкви; намерение доброе. Но как будет действовать комиссия и кто будут исполнители ея? Она приняла за правило посылать команды по епархии, откуда получает доносы об отступниках; и команды, внезапно являясь в селениях, захватывают людей оподозренных, крепят их в ручные и ножные оковы, а сами грабят дома захваченных хозяев, которых, как злодеев, увозят в Тобольск на суд консистории, где они томятся в тяжком заключении, среди холода и голода. В упреждение таковых бедствий, как написано в Сенатском Указе 19 июня 1761 г., крестьяне деревни Кузиной Исетского острога в числе 150 душ об. пола сожглись в крестьянском доме. Команды комиссии, с прочетным указом губернской канцелярии, являлись в Верх-Исетском железоделательном заводе, также в Исетскую канцелярию, для взятия распространителей квакерской секты. Сенат, чрез Оренбургскую губернскую канцелярию, сведав о таковой неожиданной расправе, судил, что исправлять заблудшихся приличнее мечом духовным, а не уголовным, и воспретил помянутым командам въезжать в селения, в какие бы то ни было, по тем губерниям, в которые входила духовная власть Сибирской епархии.

Не изумится ли читатель, когда видит, что семена квакерской секты были забрасываемы и в Исетскую провинцию? Но такая странность изъясняется просто, именно тем, что провинция в течение шести с лишком лет, начиная с августа 1737, почти до 1744 г., пока окончательно не отошла к Оренбургской губернии, населялась заочно, так сказать, от губернского глаза, пришельцами всякого рода. В народе простом и богобоязливом, пока он любит вслушиваться в тайны и заветы религии, нетрудно хитрым сектаторам посевать плевелы своей ереси. Вероятно, Синод, как собор мужей богомудрых, в подобном опасении, дабы вновь не заронить в народе искры клжетолкованиям, испросил в 1743г. Высочайшее запрещение вводить в Россию сочинение Арндта об истинном христианстве, переведенное на *русский* язык и в 1735 г. отпечатанное в Галле.

Покроем статью общим заключением, что правительство и местное начальство, благоговея к уставам православия, строго наблюдали даже за внешними приличиями и преследовали прещениямн всякий поступок, могший оскорбить деликатную набожность христианской души (5).

10. Сия миссия, как духовная, не состоя на чреде дипломатической и не видев возможности продолжать исполнение мысли Петра Великого, не имела другого значения в долговременное правление Кян-Луна, как только блюла в Пекине Сретенский монастырь; назидала в вере единоверных потомков албазинских, в числе 2 сотен существовавших, и содержала, не всегда, однако ж, школу маньчжурского и китайского языков для 2—4 учеников наших. Положение миссии не было благоприятно, по обстоятельствам от нее не зависевшим, как увидим в своем месте.

Иеромонах Лаврентий Бобровников, присланный в Пекин для ревизии миссии, должен был по смерти начальника ея заступить праздное место. Архимандрит Гервасий Линцевский, прибывший в Иркутск в ноябре 1743 г. и отправившийся из Кяхты не прежде сентября 1745 г., уже не застал в живых наместника Бобровникова. В 1754 г. отправился с границы в Пекин, на смену, архимандрит Амвросий Юмаков, с братией без учеников, которые не были впущены. В 1760 г., так как несколько лет не было ладу в пограничных сношениях у России с Китаем, миссия была заперта в своем монастыре. Она пробыла в Пекине 17 лет с приезда, и все члены ея померли, кроме одного иеромонаха. В 1769 г. прибыл в Иркутск и отправился в Пекин архимандрит Николай Цвет, с братией и с учениками, из Тобольской семинарии взятыми: Агафоновым, Парышевым и Бакшеевым. По возврате миссии они при должностях, для которых готовились, не заметили себя публичными переводами из восточной любознательности.

11. Еще раз обращаемся к Усть-Вымской слободе, с 1383 до 1503 г. бывшей столицею епископскою. Святитель Стефан, вместе с обращением зырян и пермяков (называющих себя коми и коммусаяс), завел тут для детей их школу, в которой обучали закону православия, по переводам на зырянское наречение, снабженное небывалым и теперь обветшалым букварем. Последствия школы были так важны, что потомки обучавшегося племени стали не только добрыми сынами Церкви, но вдобавок породнились еще с языком русским. Обращаясь к остятскойорде, приведенной в христианство митрополитом-схимонахом, нельзя не удивляться, что после торжественного крещения всей почти орды не видно было в ней ни искреннего христианства, ни порядочных храмов, деревянных или каменных, какие возвышаются, не влучших широтах, среди зырянских волостей, по Сысоле, Вычегде и другим боковым рекам; не видно в ней даже и расположения учиться по-русски. Не тому ли надобно приписывать закоснелость остятскую, что после кн. Гагарина не нашлось подобного ревнителя и что после устаревшего митрополита-схимонаха не было наблюдаемо, произрастает ли или зарастает засеянная евангельская нива. Если бы в свое время заведены были школы в Кодеком монастыре, Березове и Обдорске, как в Камчатке при Хотунцевеком, с переводом притом заповедей евангельских и молитвы Господней на остятское наречие, остяки какдети одного Отца Небесного узнали бы в нас братьев, своих друзей.

Преемники Пермско-Вятской епархии ранее, чем в Сибири, позаботились

заводить училища. В Вятке заведена семинария в 1734 г. Даже в Кунгуре, когда провинция перешла сюда из Соликамска после 1737 г., заведены временно латинские классы*, в облегчение, чтобы дальним переездом детей не обременить родителей.

В предшедшем периоде надлежало бы сказать, что, по отстройке заводов Екатеринбургского и Егошихинского, учреждены попечительным Геннингом в обоих местах арифметические школы для детей отцов должностных. В них обучали, сверх грамоты и счисления, черченью, геометрии и другим вспомогательным предметам горного искусства, для образования горных офицеров и мастеров.

В з[аводе] Невьянском также была школа для грамоты, счисления и руководства к заводскому делу. Она рушилась с тех пор, как хозяева Демидовы перестали жить на р. Нейве. По Уралу Южному, в заводах: Юреземском и Катав-Ивановском, принадлежавших Твердышеву и Мясникову, были русские школы для приготовления малолетков к должностям заводским. Без сомнения, были подобные заведения и по другим заводам на Урале, но мы пересказываем только переданное в книгах или дознанное собственным любопытством.

12. В архиерейском доме изготовлено каменное здание для помещения латинских классов, из которых первые начались не ранее 1744 г., по распоряжению митрополита Антония Нарожницкого**. В 1748 г. семинария уже проходила все VI классов, в небольшом числе учащихся, полное же число предполагалось из 200 воспитанников. Синод не оставил сообщить Сенату о новом заведении в Тобольске. Сенат, признав пользу заведения, так давно желанного правительством, изъявил надежду на попечительность Синода, что ему нетрудно будет найти потребную сумму на содержание учащих и учащихся, в остатках от монастырей и архиерейского дома, сообразно духовному регламенту. Митрополит выписал (по *Сборнику)* учителей из Чернигова, по другим же запискам, — из Киева. Мы с удовольствием произносим имена первых школяров, в истории страны не менее важных, как имена Кадмов или Анахарсисов. Вот они: Иак. Волынский, Ив. Блажевский, Гер. Граневич, Вас. Русанович, иеромонах Паф. Даневский и для риторики М. Миткевич, который, по вступлении в монашество, произведен в 1752 г. архимандритом, с определением в префекта семинарии. В 1757 г. Михаил Миткевич сделан ректором, с обязанностью обучать богословию, вероятно, сокращенным образом. Ибо пространное преподавание по Феофану Прокоповичу и волфианская философия по Бавмейстеру введены в порядок школьный не прежде 1780 г., когда семинария начала уже пользоваться отпуском 2000 р. из казны***.

Иннокентий Нерунович, подражая своему предместнику, поддержал в Иркутске училище русской грамоты и

* Гораздо позднее после бывшего в Кунгуре епископства, рушившегося в 1681 г., но вопрос, когда оно началось.

** В 1728 г. учреждена в Тобольске при архиерейском доме школа для обучения чтению церковному, письму, пению, катехизису и грамматике. Особо в Знаменском монастыре 14 человек учились петь и писать. *Ист. Рос. Иер.,* ч. 1, стр. 430.

*** Сибирский губернатор Д. И. Чичерин, несколько говоривший по-латински, изъявил свое благорасположение к семинарии присылкою на святки дичины и говядины, по нескольку возов. При прежнем скудном содержании семинарии такая присылка принималась в виде благотворения.

монгольского языка, в пользу детей разного звания; для детей же духовных открыл латинские классы по риторике, в которых обучалось до 60 мальчиков. Латинское училище находилось между мои. Вознесенским и дер. Жилкиною, на заимке архиерейской. С отбытием епископа Иннокентия, в июне 1746г. случившимся, учебное заведение упало и восстановилось по общему порядку не ранее 1780 года.

13. С поступления алтайских заводов в казенное управление заведена там в 1748 г. школа техническая. Иностранные мастера обязывались обучать детей заводских горным искусствам; но горное училище заведено в Барнауле не прежде 1779 года. В Нерчинском главном заводе, надобно думать, школа открыта по приезде туда бригадира Суворова, в 1761 г. определенного начальником тамошних заводов. Заключение наше основывается на известности о благоустройстве заводов в его управление и о высылке 4 мальчиков в Петербурге, для отправления в Венгрию и Саксонию; они не могли быть ни требованы, ни посланы, без приготовления школьным образом.

14. Навигацкая в Иркутске школа, и подобная в городе Нерчинске, впоследствии соединенная с Иркутскою (6), была учреждена в 1754 году. Первыми учителями были подпоручик Юсупов, и прапорщик Бритов. К сожалению, мы не нашли вероятности ранее 1758 г.. полагать учреждение геодезической школы в Тобольске, и сожаление наше перешло в удовольствие, когда случайно довелось узнать, что такая ж школа существовала и в Томске. Заведение той и другой, конечно, надобно относить ко времени губернатора Соймонова.

Учебные предметы геодезической и навигацкой школ, по плану *Петра Преобразователя* (а не по плану Шувалова, тогда еще не созревшему), состояли в арифметике, черчении, геометрии, геодезии и архитектуре, с прибавлением в навигацкой правил судостроительстваи начал мореходства. Цель обеих школ была та, чтобы дать сибирским канцеляриям людей, способных исполнять поручения, требующие науки, как то: снимать планы, измерять пространства, лесные или водные, делать описания, управлять судами на Байкале, Шилке и, кажется, далее.

Охотская навигацкая школа соответствовала своему назначению. Она давала подштурманов и штурманов дельных, для морской купеческой промышленности. Полезность школы удостоверялась и тем, что хозяева судов, из Охотека выходивших на промыслы, записывали пай для учащихся там сирот.

Не находим нужды повторять о гарнизонных школах, которые продолжались в неизменном порядке.

15. В бытность архимандрита Иоасафа Хотунцевского начальство камчатское выстроило три училищных дома: в Болынерецке, Верхнекамчатске и Нижнекамчатске, приказало привесть туда мальчиков, которые и начали обучаться под руководством учителей, определенных начальником миссии. По отъезде Хотунцевского преемник Пахомий не только умел поддержать заведения, но и прибавил новые. Из ведомостей за 1761 г. видно, что учеников было в Нижнекамчатске 29, в Верхнекамчатске — 14, в ос. Ичинском — 56, в ос. Харюзовском — 30, в кр. Тигильской — 23, в ос. Комаковском — 18, вое. Каменном — 7, в Ключевской — 11, в Мешурском — 30, в Коловском — 15, в Паратунском — 10, в Курильской землице — 17, в гавани — 24, всех учившихся было 284 разного возраста, от 5 до 22 лет. Учительскую

должность исправляли известные академисты, священно- и церковнослужители, также служивые казаки. Вся миссия стоила каждогодно около 3000р.; она утвердила в понятиях христианства более 7000 душ, и 27-я часть населенности обучена грамоте*.

Вот что значит прямая, безусловная ревность, одушевлявшая незабвенного архимандрита Иоасафа, который и сам одушевил всю миссию равномерною любовию к делу. Нельзя не полюбоваться и способностями племени ительменов, которых отметили мы выгодно еще в строках II периода. Если бы захотеть делить сибирские племена на отдельные семьи, легко бы удостовериться, что ни одна даже из тех, которые пользуются выгодами и наслаждениями приморского быта, не сравняется с семьею ительменов. Будучи переимчив, не раболепен к старине, весел в кручине, легкомыслен в злополучии, смел в опасности, всегда волокита, всегда беспечен, камчадал отличается от курильца, коряка и чаукча душевными свойствами и тою особливостию, что он жил и живет как поселянин, на одном месте. Докончим о плодах школьного ученья. Камчатские школьники с 1764 г., по воинскому штату 1731 г., получали жалованье хлебное и денежное, определяемые же из них в службу казенную или церковную были выключаемы из ясака**. Какое счастливое время для полуострова, если бы оно не было вскоре изглажено двулетием оспенным, моровым (в 1767 и 1768 гг.). Произнесем с соболезнованием, что из 7000 жителей погибло 5368 и что злополучное племя ительменов в горе подалось назад к первоначальной оцепенелости.

16. В то время как в Сибири учились началам человеческого ведения и в местах четырех умели уже решить геодезическую задачу определения широты, вто время прибыли к нам два математика для наблюдения прохождения Венеры чрез Солнце и для решения с тем вместе важных астрономических вопросов. По предложению С.-Петербургской Академии наук французский астроном аббат Шапп д'Отрош должен был наблюдать в Тобольске, а молодой астроном Румовский отправлен Академиею в Селенгинск. Между тем в Упсале, Стокгольме и других европейских городах астрономы готовились к тому же делу.

Шапп приехал в Тобольск 30 марта / 10 апреля 1761 г. и в нем оставался до 17/28 августа. Обсерватория его была установлена на горе, в версте за городом. Прохождение планеты чрез солнечный круг последовало 26 мая / 6 июня, и астроном работал вблизи любопытных посетителей: митрополита, двух архимандритов, губернатора Соймонова, графа Ап. Мусина-Пушкина, бывшего губернским прокурором. Для них поставлена была особая палатка с приличными инструментами. Туманная атмосфера не вполне благоприятствовала астроному. По полуночи в 6 ч. 44' 18" он увидел Венеру уже вступившею в Солнце. Устраняя изъяснения астронома, здесь неуместные, сколь они ни важны, мы ограничимся одним выводом моментов поступательного движения планеты.

* В 1783 г. протоиерей Никифоров доносил Иркутскому епископу, что камчатские командиры отобрали всех учеников. Кто ж тут виноват — командиры или учители? В 1820 г. начальник Камчатки Рикорд возобновил в Петропавловском порте училище под именем духовного приходского.

** Повествование мое, как основанное на извлечении из Камчатского архива, не во всех подробностях согласно с *Сибирским вестником.*

	Истинное время:			
Первое внутреннее прикасание	6ч.	42'	8"	27"
Центр Венеры на краю Солнца	6	51	19	20
Первое внешнее прикасание	7	0	30	14
Средина прохождения	9	5	51	21
Второе внутреннее прикасание	12	49	20	29
Центр планеты на краю Солнца	12	58	31	21
Второе (пополудни) внешнее прикасание			42	16

В Томске, где прапорщик Григорьев, учитель тамошней школы, наблюдал при учениках прохождение Венеры по равноденственным солнечным часам, замечено им вступление планеты в солнечный кругдо полудня преждесказанного числа... в 8 ч. 2' 30"

Выход ея пополудни... в 2 ч. 22'

Прохождение совершилось в течение...6 ч. 19'30"

Сколько судить можно по дуге прохождения, пунктирно отмеченной на рисунке солнечного круга (за подписью самого Григорьева), видно, что планета не входила своим центром в круг Солнца; следственно, нельзя было определить поперечника планеты и астроному.

Нам не случилось читать в бескнижной Сибири подробностей, относящихся к наблюдению селенгинскому, кроме того замечания, что г. Румовский, пользуясь случаем прохождения, определил* расстояние Земли от Солнца с строгою математическою отчетливостию. Славный Бальи, веривший в первобытный на Севере народ, которым будто изобретены все человеческие познания и художества и у которого надлежало быть обсерватории в широте селенгинской, вероятно, обращался в торжествующей фантазии к русскому астроному, работавшему уже положительно, в его гадательной параллели. Сколько наслаждений для мужей гениальных!

Между тем уже с 1760 г. правители Сибири вместе с прочими губернаторами имели обязанность доставлять в Академию наук все географические сведения. Подобные известия о малосведомой стране присовокуплялись к составлению лучшего Российского атласа, нежели какой вышел в первый раз в 1745 году**, или печатались в ежегодных месяцесловах для народного сведения. Свет брезжился во тьме.

* Шапп в 1 части *Путешествия в Сибирь* написал, что Румовский по молодости не сделал еше имени, но показывает даровитость и ревность необыкновенную среди русских. Он же о славном куроостровском уроженце отозвался: «Покойный Ломоносов был с умом изобретательным и везде бы мог идти за отличного академика». Стало, что Шапп унижал не всех русских, но все почти русское.

** Российский атлас 1745 г., надобно отдать справедливость, был отпечатан Академиею наук чистенько, четко и с отчетливостию в основаниях, по каким места положены на картах. Но карты, до Сибири относящиеся, могли ли быть довольно верными? Нельзя того ожидать, когда в Сибирской карте 1825 года, г. Позняковым изданной, усматривается множество неверностей. Норвежский профессор Ганстеен в 1828 г. заметил, что Туруханск на наших картах того времени помещается восточнее на $^{23}/_{4}$ градуса, против истинной долготы. Астроном Федоров, по Сибири путешествовавший с 1832 по 1837 год для астрономических наблюдений, удостоверяет в ошибочных долготах, какие выказываются на карте для разных мест вдоль р. Енисея. Он объявил в предварительном известии о своих поручениях, что, принимая долготу Енисейска, какая на карте, за истинную, придется отнести устья:

Сыма	— на 24-градусные минуты к востоку,		
Подкаменной Тунгуски	— на Г 14' к западу,		
Верхнего Имбака	— на 2	46	«
Нижней Тунгуски	— на 3	13	«

Предложенную нами главу мы не можем закончить без достодолжной хвалы правительствующему Синоду, который, содействуя народному обучению, издал в 1743 г. 17 000 букварей и катехизисов, а в 1752 г. всенародно объявил, что Библия, в довольном числе отпечатанная, продается по 5 рублей. В обоих изданиях сибиряк, которому не было места в училище, сам по себе стал видеть начало и конец человеческой мудрости, так что в последствии времени, когда открыты были народные училища, он не спешил посылать в них детей своих. Должно ли тому дивиться, когда видишь сердечное убеждение, что чрез чтение духовное, сопровождаемое внутренним глумлением, человек скоротечный ограничивал все свое знание вниманием к жизни будущей.

ГЛАВА III
четыре меры и продовольствие

I. Четыре меры. 1. Перепись. 2. Перепись ясачных.3. Десятинная пашня. 4.Пути сообщений. 5. Водворение, или заселение. II. Продовольствие. 6. Солью. 7. Вином.

I. Здесь совмещаются важные меры того времени: народная перепись, десятинная пашня, пути сообщений и водворение поселенцев.

1. Народная перепись в IV периоде производилась двукратно: с 1742 до 1747-го и с 1761 до 1763 года включительно. Переписью 3-ю предоставляя себе пользоваться из Фалька не иначе, как для одних городов Западной Сибири, мы предварительно изъясняем, что 2-я называлась генеральною, т.е. генеральскою, по причине, что она во всех губерниях производилась под наблюдением генерал-майоров, подобно как 1-я при Петре — под наблюдением полковников. В Сибири заведывал 2-ю перепись, за исключением ясачных, генерал-майор Чернцов, который, оставаясь в Тобольске, посылал в провинции доверенных чиновников для точнейшей переписи душ. Присланный в Иркутск подполковник Угрюмов с капитаном Плоховым призывал в свое присутствие городские семьи с младенцами, и вслед затем осматривались дома для достоверности, нет ли прописных. Такая изыскательность была, конечно, хлопотлива для жителей, но необходимадля исполнителей, по замеченному в народе уклонению от перечета; она ощупью довела до открытия разных беспорядков:

а) что в Сибирской губернии производятся местным начальством казаки, подьячие, посадские, дети солдатские и разночинцы в дворян и детей боярских, в противность законов, чем и приобретается право свободы от податей. Всех таковых выведенцев Сенат велел в 1746 г. низвести в прежние состояния;

(Продолжение сноски) При этом случае надобно припомнить, что подобную перестановку к западу предлагал прусский доктор Эрман по низовой Оби, когда он в 1828 г. ездил из Тобольска в Березов и Обдорск. Вообще, как далеко простираются чрезвычайные неверности по двум великим рекам, в долготе мест к западу и востоку, это важный вопрос, требующий решения. Из всего видно, что Сибирь не скоро дождется своей доброй карты.

б) что во время переписи явились не помнящие ни родства, ни владельцев. Таких велено писать в подушный оклад в местах провинций, в которых они оказались, а тех, которые вышли из Вятской, Соликамской и Исетской провинций, писать в провинции Тобольской;

в) Что нашлись записанными при первой переписи 1723 г. за архиерейскими служками, купцами, казаками и разночинцами крепостные люди из купленных у помещиков, из государственных крестьян, или из городовых-разночинцев, и также из ссыльных, как было уже замечено нами в первой книге. В пополнение можно еще припомнить, что Жуков, крестьянин Екатеринбургского ведомства, подавал сказку о записании за ним трех малолетних башкир, как некогда поступали в Анадырске или Камчатке с детьми тамошних инородцев. Все это, разумеется, было восстановлено в законные пределы. Но по причине бродяжничества людей, разными обстоятельствами к тому понуждаемых и нимало не удерживаемых на месте актами переписи (как, напр., нашлось в заводах Демидова после первой ревизии до 6852 пришлых), правительство, с одной стороны, усматривая напряженную побудительность к побегам, с другой, опасаясь поколебать хозяйство частных и казенных заводов по Уралу, куда устремлялись беглые, — положило в 1755 г. приписывать к заводским волостям мастеровых и рабочих, после 1724г. пришлых, и высылать только тех, которые явились бы после переписи генеральной. Так бывало исстари в Сибири, что убежавшие туда прикрывались в виде амнистии попущением, как будто в последний раз.

Теперь скажем, что населенность России вместе с Сибирью по второй переписи 1747 г. состояла, кроме бродячих и кочевых орд, в 6 050 000, да по окончании прибавилось около 300 000; следственно, полное число равнялось 6 350 000, а потому превышение переписи 2-й пред 1-ю, в 1727 г. конченною, заключалось в 821 258 душах м[ужского] п[ола], и это превышение есть плод двадцатилетнего времени.

Относительно Сибири, к сожалению, нам не удалось, при всей заботливости, открыть ни 2-й, ни 3-й подробной переписи*. В *Тобольском Сборнике есть перечень* переписи будто бы Чернцовой, но никак не можно сочесть сей апокрифический лист за извлечение дельное, потому что тут смешано число уездных и городских жителей и вдобавок примешаны инородные, до которых Чернцову возбранялось касаться. Одно счисление ямщиков, в *Сборнике* помещенное, походит на правду, по сличению с числом предшедшего периода. Ибо показано ямщиков: верхотурских — 2169, туринских — 1507, тюменских — 1478, тобольских — 2282, самаровских — 487, демьянских — 1472, всех — 9305 душ. Другое счисление духовных имений, более 22 000 показанных, кроме имений Иркутской епархии, в которой у Семивского значится до 2000, по-видимому *Сборником* выхвачено из 3-й переписи. Истинное количество всех сибирско-духовных вотчин, по второй ревизии, выставлено в ХЫУтоме П. С. Законов в 16 128 душ, против чего всякое летописное показание должно умолкнуть (7). Еще дошла до нас краткая ведомость Чернцова, в 1747 г. писанная, о податных душах, в верхиртышных крепо-

* По просьбе моей принимали участие в отысканиях переписи опытные и искусные гг. чиновники: Г. И. Солнцев, Г. И. Спасский, И. Т. Калашников. Но, по окончании переписки этого тома, Г. Абрамов открыл в старых делах г. Березова перепись уезда и Обдорска. Она помещена в конце тома.

стях жительствовавших, с заглавиями третьей переписи, в феврале 1763 г. деланной в тех же почти местах. Краткая ведомость показывает в кр. Омской посадских 33, купцов — 1, разночинцев — 687, приписных к ним — 86, крестьян — 285, в кр. Железенской разночинцев — 11, в кр. Ямышевской таких же людей — 11, в кр. Семипалатной таких же — 2, в кр. Усть-Каменогорской таких же — 3, а всех — 1119; прибыли против первой переписи 67. В помянутых заглавиях 3-й переписи написано: в кр. Семипалатной государственных крестьян 30, в дер. Березовке близ той крепости госуд. крестьян, из Омска переведенных, 73, там же в дер. Прапорщиковой госуд. крестьян, из Ялуторовского дискрикта пере веденных, 67, там же в дер. Зевакиной госуд. крестьян 37, там же в дер. Убинской — 48 душ. Итак, ревизское число делается известным только по части ямщиков, крестьян духовного ведомства, обывателей по иртышским крепостям и крестьян по смежным с ними деревням. Из населения деревень можно судить о попечительное™, какую прилагали сибирские губернаторы для обеспечения крепостей подручным заготовлением провианта. Несмотря на явную недостаточность ревизских чисел, любопытство читателя насчет сибирской населенности будет удовлетворено при конце периода, другим наведением.

2. В продолжение производившейся 3-й всенародной переписи послан в Сибирь в 1763 г. гвардии майор Щербачев с офицерами и командою: а) для пресечения и исследования притеснений и грабительств, каким подвергались ясачные от сибирских дворян, боярских детей и казаков, за сбором ясака отряжаемых; б) для переписи ясачных и новой уравнительной обкладки ясаком. Устраняя от нашего взгляда следственное дело о разнообразных притеснениях, после казни Жолобова не уменьшившихся, мы ограничиваемся предложить установленные тогда правила для взимания ясака.

Ясачных в тогдашней Сибири, при переписи Щербачева, было 131 995, или, круглым числом, 132 000 душ м[ужского] п[ола]. К числу их принадлежали: 1) татары тюменские, ялуторовские, тобольские, барабинские, верхотомские, кайбалы, качинцы, кизилы; 2) якуты; 3) вогулы; 4) остяки обские, нарымские, енисейские; 5) самоеды, юраки, манчелы, камашинцы, калмаженилы; 6) тунгусы, чапогиры, ламуты; 7) буряты, телеуты, сагайцы, с прочей помесью тюрко-монгольскою*; 8) юкагиры; 9) коряки; 10) камчадалы и частию курильцы; всех сих ясачных, причисляемых к происхождению: турецкому, финскому, монгольскому** и еще к какому-то безвестному и притом не одному, мы делим, впредь до

* Называть татарами тюрко-монголов, около Верхнего Енисея живущих и по происхождению похожих на телеутов, есть ложь антиисторическая. Эту погрешность недавно повторил г. Шюц в 3-м и 4-м №№ *С.-Петербургских ведомостей* 1841 г.

** Наши Раски считают монголов или бурят за финнов. Если так, то китайцев понадобится им поместить в ту же семью, следуя Гердеру, который причислял последних к племени монгольскому, поузкоглазости, по сплюснутому лбу, по выпученному брюху, по большим ушам и поделикатней чуткости слуха.

За неимением рисовальщика мне хочется показать точную физиономию самоедов и остяков из живописного атласа капитана Литки. На 17-м листке представлены каролинцы ост. Юалана — три бюста: няна, каке, аур совершенно сходны с самоедами, а кат и бельбок— с остячками. На 11-м л. камчадал, особо от женщин стоящий, точный остяк. На 45-м л. двое чукчей с левой стороны, опять изображают самоедов и видом, и нарядом. На 46-м л. чукча, с левой стороны сидящий, точный самоед. Я написал это со слов священника Луки Вологодского, довольно знакомого с остяками и самоедами.

рассмотрения, на десять семей, по большей части не помнящих родства, кроме сказочного или гадательного; но облагатель ясака разделил их, по разноместности, на 278 ведомств и каждое обложил определенным платежом. Казенное отделение годилось для своей цели.

«Комиссия 1763 г., в которой председал Щербачев, привела ясачный сбор в ясные правила. Основания дела состояли в следующем. Каждый род ясачных по числу душ и по состоянию промыслов, иногда и по предварительному согласию родоначальников, обложен податью, исчисленною на деньги, но за тогдашнею недостаточностью в деньгах он уравнен в той же окладной книге взносом определенного зверя, как то: соболя, лисицы, белки и т.п. Те из ясачных, у которых звероловство было маловажно, безусловно положены в денежный оклад, по ценам тогда существовавшим, например: вместо 20 соболей назначено брать 100 р., потому что соболь стоил там не более 5 руб. Притом предоставлено ясачным, по неудачам уловов, заменять зверя другим определенным и при замене держаться не единовременно установленной оценки, а справочных цен. Таким образом, при первоначальном установлении подати, дана ясачным свобода уплачивать ее трояким образом: 1) известным зверем по цене, раз навсегда назначенной; 2) заменом другозверя, по цене справочной; 3) наконец, деньгами. Ясно, что первый способ платежа не мог долго продолжаться, по возвышению цен, первоначально установленных, потому что, платя определенным родом зверя, довелось бы платить вдвое, втрое. Почему и стали платить заменом, а при усилившейся меховой торговле, — заменом или деньгами».

«Вместо взноса, по собственному согласию ясачных, назначалось в ближайшем казначействе или при суглане, где принимается ясак чрез земских чиновников или казаков. Почему порядок сбора подлежал двум важным неудобствам: 1) подлогу в качестве зверя; 2) подлогу в его оценке и в самом взносе, натурою ли, или деньгами».

Изъяснения сии заимствованы из бумаг государственного мужа, имени которого посвящена вторая книга; и мы думаем, что скромный смысл таковых изъяснений внятно прошептал читателю 60-летнюю историю действий, по части ясака, от переписи Щербачевой 1763 г. до издания Сибирского Учреждения в 1822 г.

3. Казна составляла хлебные запасы в Сибири без денег, двояким образом: десятинною пашнею и оброчным хлебом*.

Десятинная пашня давала казне впоследствии весь урожай с двух деся-

* Подать посошная, какая н России налагалась на собирательное число пахарей под именем сохи и на собирательное число обывателей под именем двора, с которых пор началась в Сибири, вот вопрос, к решению которого недостает неоспоримых данных. Отрывков из писцовых книг мне не попалось в руки, а в письменных летописях или сборниках нет ни слова по части податной.

Без сомнения, в первые годы водворения нельзя было и думать о введении посошной подати, потому: 1) что у правительства разумелся главным предметом и налогом сбор дорогих шкур; 2) что число хлебопашцев было небольшое, притом растянутое на дальних пространствах; 3) что воинские команды, по первоначальному распоряжению, продолжали довольствоваться хлебным и денежным жалованьем не от сибирской земли, а от западно-уральских городов.

С 1624 г. до первого с Китаем трактата, и может быть до единодержавия Петрова, дело хлебного жалованья шло тем же порядком, но порядком, во многом изменившимся, так как тобольский воевода Сулешев заботился продовольствие сибирских войск производить от земли. Из этого следовало бы, что посошная подать началась со времени Сулешева; но, как взимание снопового хлеба 3 доброт с неподат-

тин, озимой и яровой, засеваемых казенными семенами, оброчный же хлеб заключался во взносе 15 п. с 5 десятин, частным человеком обработываемых, и следственно, 45 п. с 15 частных десятин. Почему способ десятинный, не освобождавший от подати, служил вместо оброка, если же не освобождал и от оброка денежного, как инде случалось, значил дополнительный налог к подати и оброку с крестьянина, но разночинец земледельствующий подлежал одному оброчному хлебу, или 3 п. с десятины. Хлеб, таким образом собираемый, шел на продовольствие войска, даже на хлебное жалованье гражданским чинам, как и в недавнее время, в 1743 г., полагалось управителям Исетской провинции производить сверх 20 руб. по 20 четвертей ржи и овса.

Недостаток, в каком Россия находилась относительно монеты звонкой, до введения бумажной, издревле научил правительство восполнять свои нужды хлебом. Правда, что с 1748 г. появилось свое серебро с колыванских и опять с нерчинских заводов, что, по разграблении и разлиянии несметных сокровищ столицы Дели, выменено на Оренбургской таможне в 1749-м и следующем году до 3000 п. серебра с несколькими пудами золота и что вообще в 8 годов, с 1748 по 1756 г., влилось в Россию одним этим каналом до 4600 п. серебра и до 50 п. золота; но потребности правительства, с году на год увеличивавшиеся,.были слишком обширны, чтобы можно было в Сибири думать об удовлетворении казенных нужд монетой металлической. Едва сверкнула мысль о защищении Австрии против Пруссии, как и надобно было стараться извлечь *из* Сибири серебряные деньги, и для их вымена в 1752г. тиснуто в Екатеринбурге мелкой медной монеты до миллиона рублей.

Губернатор Соймонов, хорошо обнимавший многочисленные нужды управления и вместе убежденный в несоразмерной ограниченности сил монетных, хотел повсеместно в хлебородных уездах поверстать крестьян и разночинцев, отправляющих повинность оброчного хлеба, в общую обязанность десятинной пашни. Такой опыт ему удался в 1759 г. в Нерчинском краю, где надлежало поддержать горные заводы; и не только он удвоил там число пахарей и количество распаханных десятин*, но и превзошел расчет, какой предварительно представлял Сенату. Ибо он почел государственною справедливостию обратить в число пахарей и заводских рабочих всех бобылей, всех записавшихся там в посад без имущества и ремесла, всех просрочивших паспорты или прописных, по про-

ливых хлебопашцев, введенное прежде Сулешева, служит отчасти свидетельством посошной подати, заранее перенесенной в Сибирь, явно, что воеводы не оставили распространять затверженный порядок и при своем управлении. Я относил было по ошибке сноповой хлеб к условиям половничества. Не следует, однако ж, думать, чтобы Сулешев ввел в Сибирь посошную подать в обычной полноте сего установления. Напротив, он взял отдельно крестьянский дом для подати и условно назначил ему посильный участок земли с положением хлебной подати по количеству участка. Он также решительно определил качества земель по целым уездам, без изъятий, с очевидными погрешностями. И облегчение крестьянской сохи, которая в России разумелась сложною махиною, привлекло Сулешеву юридическую похвалу от трех монархов.

* Приписной крестьянин, взнося зерно двух десятин, озимой и яровой, засевал на паровом поле 3-ю десятину к будущему году. Что ж касается до мастеровых и рабочих заводских, они освобождены от податей и повинностей по начальству колыванскому в 1761 г., а по нерчинскому в 1763 г.

винциям Енисейской и Иркутской, и такихлюдей нашлось до 3400 душ. Граф Сперанский, в звании сибирского генерал-губернатора, положительно утверждал, что без сего распоряжения заводы нерчинские не могли бы существовать. В самом деле, какие огромные капиталы потребовались бы для прокормления заводов хлебом, в Красноярске покупаемом, когда заводы давали чрез 6 лет от 139 до 176 п. серебра.

Года через два губернатор успел ввести десятинную пашню вместо оброчного хлеба между крестьянами Селенгинского уезда, для продовольствия забайкальских военных команд. Ту же меру он распространил в 1760 г. по дистриктам Ишимскому и Ялуторовскому, для снабжения крепостей провиантом; но в слободах Утяцкой и Курганской крестьяне, посеяв семена, отказались от снятия хлебов и не приняли увещаний. Начинщики неповиновения, разумеется, были обузданы; и может быть, неизлишне здесь припомнить, что Сенат еще в 1756 г. приказывал предместнику Соймонова поддерживать хлебопашество, по линии заведенное, но без отягощения. В 1762г., после неоднократных настояний Соймонова о распространении казенной пашни или оброчного хлеба еще с пенькою, Сенат решительно не одобрил его представлений и вместо оброчного хлеба с пенькой определил сбирать по 1 рублю с ревизской души сверх 7-гривенной подати. Судя по продажной цене хлеба, выходило бы, что Сенат вместо оброка положил 60 пудов хлеба с платежной души; но обоюдная выгода казны и крестьянина в том, что первая имеет в руке обширнейшие средства для приобретения продовольствия и что последний, сберегая для себя время и безвременный труд, разделывается в минуту. Превращение повинности натуральной в денежную, как расчет долговременной опытности, служит хвалою Сенату; но нельзя скрыть, что облегчительная сия мера не вдруг распространилась по Сибири.

История может ли извинять начальника, с превосходным умом, в одностороннем его взгляде на хлебопашество, особенно тогда, как достойный Соймонов, в конце 1763 г. садясь на сенаторские кресла, передал свои предубеждения преемнику губернии и вместе с ним в докладных пунктах снова унижал сибирское земледелие до того, что считал необходимостию или уничтожить в Сибири заведенные винокурни, или усилить казенную пашню. И все это представлялось для того, чтобы иметь провиант даровой и чтобы хлеб продавался не дороже 5 к. пуд! Могла ли на таком основании процветать пашня, окропляемая потом без цены?

Мы, кажется, безошибочно думаем, что хлебородные равнины Западной и Восточной Сибири, от толь тягостной и бесплодной повинности, какая лежала на земледельце, не были обработываемы в полную меру населенности, что татары чулымские, буряты, жившие по Ангаре, Иркуту, Селенге и Оке, долго не принимались за соху, из опасения хлопот, с земледелием связанных.

4. По важности, какая заключается в путях сообщений для страны, мы не скучаем в каждом периоде замечать новые колеи дорог и переправы судов по водам. В первой книге сказано, что дорога между Екатеринбургом и Кунгуром открыта на Осу, одновременную с Сибирью*, в 1754 г. для одной корреспон-

[1] Оса пол именем пригородка застроена в 1596 г. и населена сходцами из Устюга, Кайгорода и Чердыни.

денции; почему и можно еще раз оглянуться на стародавнюю дорогу, лежавшую чрез Санчурск, Шестаково (первобытнейшее Хлынова и Слободского) и чрез Кайгород, для проезда в Сибирь заведенный. При конце периода не лучше, как и в старину, была эта заслуженная дорога. Те же болота, инде зыбучие, тот же Юксеевский волок, на 90 верстах растянувшийся. Впрочем, устройство сей дороги не входило в обязанность сибирского губернатора.

Его власти и распоряжению принадлежали: а) устройство дороги к Омску, к Томску по обе стороны Чаусска, также изменение водяного пути к Енисейску; б) от Томска к Красноярску; в) отсюда к Иркутску и г) переправа через Байкал,

а) В 1744 и 1745 гг. учреждены от Тобольскадо Тары 20 почтовых станций, с выставкою по 6 лошадей на каждой, от ямов: Демьяновского, Самаровского и Тарского. Далее от Тары к Омску учреждено 5 станций, посредством которых сделано сообщение до кр. Железенской и Усть-Каменогорской. Лошади вместо ямских выставлены казачьи из форпостов: Большерецкого, Пустынного и Бетчинского. Устройство тракта было поручено Андрееву. Для избежания болотистого Аевского волока и для сокращения Омского тракта 150 верстами бригадир Фрауендорф, начальствовавший линии, предложил в 1762 г. сибирскому губернатору проложить дорогу с линии чрез ел. Абацкую, Тюкалу, дер. Крутую до станции Тонтурской. Во уважение столь явных выгод, Соймонов предоставил Фрауендорфу заселить новые станции из числа 2000 семей, в Усть-Каменогорское ведомство поступающих, с снабжением их посевными семенами, лошадьми, скотом и прочими потребностями и испросил у Сената утверждение, в следующем году полученное. Сей тракт вышел короче, суше, веселее, только что в водополье, при 5-верстном разлитии Ишима, бывает остановка в проезде. Это, кажется, было причиною, что прежний к Омску тракт не запустел.

В 1761 г. кабинет, управлявший колыванскими заводами, признавал за нужное заселить дорогу от Чаусска до Томска и по Барабе ямщиками Демьянско-Самаровского яма, где было их около 2000. Сибирский губернатор, еще в 1755г. разрешенный правительством, чтобы по Тобольской губернии освободить от почтовой гоньбы крестьян и разночинцев, с возложением повинности на ямщиков, которых состояло от Верхотурья до Тары более 9000, исполнил требование кабинета по возможности. Но достаточное заселение сего тракта ожидало будущего губернатора Чичерина.

Посмотрим теперь на соперничество двух рр. — Кети и Чулыма. С самого основания Енисейска товарные клади, следовавшие с запада на восток и обратно, отправлялись Кетью, на 540 в. судоходною, потом гужем от Маковского до Енисейска, как и обратно. В 1755 г. случилось, что из 2000 слишком душ, следовавших на поселение в нерчинские заводы, умерло 517, что было приписано болезням, от сырого кряжа, болотной воды и недостатка в съестных припасах приключившимся; но истинная причина смертности, как говорили под рукою, произошла от корыстолюбивого присвоения кормовых денег. Начальство обманутое заботилось открыть другой путь, и Чулым, по которому нарочно дважды было отправляемо казенное судно для разведок, признан лучшим водяным путем, начиная с кемчугского устья, куда из Енисейска чрез Ачинск пролегала пря-

мая дорога*. В опорочение хода по Кети стали представлять, что по ней нет жилых мест, кроме одного острога, что эта река, как узкая и отмелая, требует иногда разгрузки или пособия ворота, что по глухоте берегов лесистых воздух нездоров; в пользу же Чулыма, текущего также в Обь, только по сухому кряжу, — что есть тут заселения, что съестных припасов, скота и рыбы вдоволь, что все потребности дешевы, напр., корова — 170 коп., курица—по 1 копейке. По видимостям, так убедительным, Сенат в 1761 г. поручил губернатору склонять купечество к сплаву грузов по Чулыму; но купечество отозвалось тем, что волок Маковский короче и провоз поэтому сходнее в сравнении с Кемчугским. Вот как трудно изменять обычай, который в течение времени все сладил, и в цене работ, и в удобстве причалов, и в привычке к местам, даже ко взглядам. В 1768 г. отдано на волю купечества водоходствовать любою рекою из двух, и дело пошло своим чередом.

бив) Что касается до дальнейшего продолжения дороги от Томска к Красноярску, на расстоянии 557 верст семисотых, брошено было несколько зимовьев, от времени до времени заселяемых ссыльными и за рекрутов посылаемыми, особенно в 1762 и 1763 гг. по случаю неурожая в Нерчинском краю. При конце зимовьев стоял Ачинск, лучшее перепутье, в котором жило 24 человека крестьян и разночинцев. Далее Красноярска, на расстоянии 622 в., находились3 острога: Канский, в котором и в окрестных деревнях считалось крестьян и разночинцев 238; другой, Бирюсинский, с неизвестным числом жителей, и Нижнеудинский, где жило 53 души м[ужского] п[ола]. От Тулуна до Иркутска земля заселена давними переселенцами. Губернатор Соймонов, видя толь малые становья, с трудом отправляющие гоньбу на больших пустоплесьях, и зная, что на семистах верстах, между Верхотурьем и Тобольском, сидит крестьян 7454, полагал переселить оттуда ямщиков в звании крестьян и местных крестьян поворотить в звание ямщиков; но Сенат не согласился в 1762 г. тревожить два состояния для одной мысли. Конечно, деятельный губернатор, каков Соймонов, не любивший видеть тунеядцев, предложил бы к заселению дорог потребное число людей из 13 500 посадских Тобольской провинции, не имевших ни ремесла, ни денег, если бы не требовалось значащего капитала на водворение и обзаведение их в другом порядке жизни. Безденежность мешала благоустройству Сибири. Не ранее 1768 г. были устроены изрядные почтовые станции, от Томска по дороге Иркутской**.

г) В то время не смели еще думать о прямом сухопутном сообщении с Забайкальем. Проезд чрез Тунку или объезд от Култука, по западно-южному берегу озера, во время осеннее, были крайними путями. Водяной ход чрез оз. Байкал от пристани Никольской к Прорве, на южном берегу образованной, в 8 в. от монастыря Посольского, есть обыкновенный путь, летний и зимний по льду. Соймонов, в облегчение водоходства, представлял о казенной постройке судов, для перевозки кладей казенных и частных, и об устроении маяка у Прорвы, для безопасного плавания в осеннее время. Маяк в 1764-м, на счет торгующего в Кяхте купечества, выстроен и

* По этой проселочной дороге ездят налегке и ныне.

** В губернаторство Чичерина переселяли на этот тракт крестьян енисейских, а к ним приселяли ссыльных.

невредимо стоял до 1774 г. Еще Соймонов предполагал перевести плавание чрез Байкал на устье реч. Бугульдеихи, учредив соответственную за Байкалом пристань на устье Селенги. Переезд этот укоротился бы 30 верстами, так что на первый и обратный путь, по уверению бывшего иркутского губернатора г. Корнилова, потребовалось бы не более 10 часов. Вероятно Соймонов как разумный хозяин думал связать водоходство байкальское с водоходством, какое производилось по Селенге и Хилку, с 1757 г., на построенных казенных судах. Судов было до 25 троякой величины. Грузу помещалось на больших до 1150, на средних — до 500, на малых — до 100 пудов. Суда могли подходить близко к озерам Шакше и Иргеню, или, иначе, к Яблонному хребту. Способнейшее для водоходства время считалось с мая до июня, когда мели покрывались водою. Отдавая справедливость хозяйственным усмотрениям Соймонова, нельзя не заметить одной невыгоды, какая последовала бы за переводом судоходства на устье Бугульдеихи. Бугульдейская пристань удалилась бы с глаз начальства и не была бы, как Никольская, под руками города промышленного. Выигрышу времени чрез Байкал предшествовал бы проигрыш большого времени на сухопутную перевозку кладей до Бугульдеихи. То же надобно разуметь и на возвратном пути.

Дорога по Забайкалью, в обоих направлениях, и к Кяхте, и к Нерчинску, оставалась на прежнем положении. Наконец, надобно упомянуть, что издавна заведена по границе Восточной Сибири, между казачьими дистанциями, проезжая верховая тропа, для поверки неприкосновенности пограничной. До 1752 г., или до начатого устройства Западно-Сибирской линии, существовала подобная караульная дорога по всей границе, до вершины р. Енисея, и изображалась на старинных губернских картах. Мы не находим надобности говорить об ея изгибах и точках, чрез какие она пролегала.

5. Едва ли когда-нибудь бывало в Сибири столько внутренних перемещений, как в IV времени. Люди, казалось, жили не на месте, и надлежало или передвигать их, или выжидать других из-за Урала. Мы не повторяем о 3 с половиною тысячах, перемещенных на заводы нерчинские, ни о 12 000, к алтайским причисленных, из которых часть переведена на места, заводским нуждам приличные; не упоминаем также о 9105, к березовским золотым промыслам приписанных, и по соображениям заводским не вполне оставленных на своем месте. Мы говорим о водворениях новых и мимоходом — о переселениях добровольных.

К добровольным переселениям принадлежат: а) крестьяне, перешедшие ближе к границе, когда граница ишимская протянулась по степи цепью укреплений; б) 2000 сибиряков, которые с 1760г. вызывались к переселению на реки и речки, в Иртыш падающие, начиная с реч. Шульбы до р. Бухтармы, и нашлись охотники в меньшем только количестве; в) отставные из полков нижние чины, которых в 1762 г. велено селить по Иртышской линии, с отводом на семью по 20—30 десятин и с денежною ссудою, могут быть причислены к статье добровольных поселенцев. Ими заселена Красноярская близ форпоста того же имени. Что ж касается до старообрядцев, вызывавшихся из Польши, не явилось добровольных.

Для новых водворений в Сибири назначались: а) с 1760 года, с зачетом рекрутским, крестьяне государственные, дворцовые, архиерейские, монастырские, помещичьи, и все с женами и деть-

ми; б) с 1761 года колодники на Иртышскую линию, с производством провианта и прочего установленного снабжения; в) выводимые с 1763 г. из Польши беглые, которые, оказавшись негодными для предположенных на защиту Сибири ландмилицких полков, отсылались на поселение в разные места, для распространения хлебопашества; г) прописные 1294 души м[ужского] п[ола], отобранные от трех солепромышленников: Демидова, Суровцева и Ростовщикова, по словам *Соликамской Летописи,* посланы в 1756 г. с своими семьями, в 3 партиях, в Сибирь на поселение.

От поселенцев первой статьи требовалась годность к работе и пашне, а возраст от 15 до 45 лет, без вопроса о поведении. Казна платила за их детей 5—15 лет по 5—20 р., за детей ж[енского] п[ола] — вполовину. Платья, обувь и путевое прокормление — на отчет отдатчиков. Вообще, для поселенцев первых трех статей было установлено давать семян каждой семье на засев 5 десятин, с определением покосов на 50 копен, с безвозвратною выдачею казенного хлеба по 54 пуда, и по 5 р. на лошадь, по счету гуртовой покупки. Все поселенцы трех статей были селены около Тары и по Барабе деревнями, где с 1763 г. к 1771 году находилось 2459 м[ужского] п[ола] и 1399 ж|енского] п[ола]; или по Иртышу, на земле Барнаульского ведомства, куда, по всей вероятности, поступили и Соликамские переселенцы, сверх польских выведенцев. Колыванская линия, когда вновь устроивалась с Кузнецкою, заселена от ф. Усть-Убинского по большой части выведенцами польскими. Тюкала с окрестными деревнями населена около 1763 г. русскими, под именем которых надобно считать поселенцев первой статьи. За Байкалом, между рр. Удой, Чикоем и Селенгой, сколько водворено заднепрских старообрядцев, с достоверностию мы не знаем их числа. Трудолюбием сих пришельцев разрублены леса на откатах гористых, по которым, едучи летом, видишь ныне богатые колосистые нивы или стада овец и коров. Они первые за Байкалом начали пахать землю плугами. Но сколько всех людей было водворено там и здесь, - нельзя покамест исчислить, потому что разнородная колонизация уходит в V период. Гадательно можно определить только число колодников, которых в то время вступало ежегодно в Сибирь не более 1000 человек, а годных для палингенезии пахотной — до 400*.

По связи заселения упомянем здесь о 3 местах Южной Сибири, несколько времени носивших имя города или дистрикта: о Куртамыше, Доронинске и Сретенске, вскоре опять обратившихся в села. Сретенск, говорит иркутская статистика, на берегу Шилки основанный, восходит началом своего заселения ко времени последнего отступления из Албазина, т.е. к 1689 году. Доронинск, в 1740 г. зимовье одного тотемского промышленника, умножаясь от стечения подобных звероловов, в 1752г. делается селом, которое омывается живописною Ингодою, украшается окрестными пашнями и цветами богатой растительности**. Куртамыш, в 1745 г. основанный на холме, был пограничным постом прежде Уйской линии, потом — дистриктом до открытия Уфимского наместничества. В нем бывал завод купоросный, после бунта Пугачевского не возобновленный.

* В настоящее время, с 1835 г., средним числом, из 3 городов взятым, входит в Сибирь колодников м[ужского] п[ола| 7522, ж[енского] п[ола] — 1492

** Надворный советник Власов жил в Доронинске по уничтожении города и, собирая цветы, нашел растение, которому дано имя его. Власов будет памятен в *Каталоге флоры.*

II. О плодородности Сибирских земель и климате будет говорено впереди, а теперь предваряем читателя показанием ценности жизненных потребностей, прилагая таблицу под буквою А, составленную из достоверных сведений. Она относится к концу периода и к началу следующего. Излишне было бы изъяснять, какую важность таблицы сего рода имеют в исторических сравнениях времен. Под оглавлением настоящей статьи разумеется продовольствие солью и вином, не менее важными, как и прочие припасы.

6. Обширные месторождения соляные, обозначающиеся между Тоболом и Ишимом и видимые от границы до широты ел. Усть-Ламинской, равномерно озера соляные, почти от меридиана омского продолжающиеся до р. Алея или до конца Кулундинской степи, могут быть самостоятельны и независимы от подземного просачивания из гор заграничных, как мыслил академик Паллас. Есть и другое мнение, по которому изъясняется изобилие здешней солено|сти осадкою моря, во дни оны скатившегося отсюда, как будто происхождение морской солености есть разгаданная тайна. Не вдаваясь в предположения, удовольствуемся сказать, что озера соляные непостоянны в степени солености и переходят в горькие и пресные, как и обратно.

В Сибири соль различна по образу происхождения: самосадочная, водометная, выварная и горная. Главные питательницы страны суть соли: самосадочная и выварная, водометная и горная не более как забавы природы, доступные для части якутов и тунгусов. Выварная двоякой выработки, из озер недосольных или из морской воды. Водометною, уже прежде упомянутою, разумеется соль кемпендюйская, а горная соколья соль в существе своем не иное что, как гипс лучистый*.

Озеро Ближнеямышевское как главная лаборатория сибирской соли, в 8 в. от Иртыша, имеет окружность до 10 в.; мы познакомились с ним с 1613 года. Другие два озера: Дальнеямышевское и Ключевское — слывут также Ямышевскими**.

Оз. Коряковское, лежащее в 22 в. от Иртыша, также на правом его берегу, имеет окружность до 20 в. и столь же благодатное, как первое, не было, однако ж, известно губернской канцелярии

* Кемпендюйский соляный ключ, отстоящий от Якутска в 1165 в., от ел. Сунтарской — в 57 в., бьет из земли вверх в виде дождевой пыли, на !'/, саж., с декабря до половины февраля по ст. ст., и соли садится в толщину на аршин, в дл. на 29, в шир. — на 24 сажени. Пласт сокольей соли находится вверх по юеч. Кемпендюю, в 20 в. от устья. Соль эта чиста, как хрусталь. Не в дальнем расстоянии встречаются пласты гипсосоляные желтоватого и красноватого цвета.

** К сожалению, доныне мы не видим ни описания, ни исчисления соляных и горьких озер сибирских, как между тем пора бы составить даже карту тех и других, различив их красками. Пусть читатель не Ьинит меня, что я знакомлю его здесь с одними соляными озерами, в настоящем, а не в старинном их состоянии.

Озера соляные называются боровыми или степными, по мере удаления их от крепостей иртышских ши от крестьянских селений. Потому могут называться боровыми:

а. Коряковское.

б. Дальнеямышевское и Ключевское.

в. Три Тавалжанных, Большое, Среднее, Малое и 4-е Бурлинское. На последнем добывается от 60 до 100 тысяч пудов; в дождливое же лето ломка производится на Большом Тавалжанном.

г. Из Лебяжьих, не считая Лебяжьего и Малосогренского, невдалеке от ф. Лебяжьего лежащих, три юровых: Большесогренское, Голое и Кривинское. Они охраняются казачьего командою.

до 1750 года. Первый известил о нем губернатора начальник линии Киндерман. Он писал, что в два месяца 150 казаками добыто соли 343 000 пудов.

В 1751 г. учреждено в Тобольске соляное комиссарство, под управлением особого начальника, с подчинением ему трех комиссаров, одного заведывающего канцелярией, другого — соляными озерами и работами, третьего — в Иркутске. По распоряжению соляного начальства соль ямышевская, как стоящая менее 2-х к., предпочтена коряковской и назначена на продовольствие Тобольской провинции, за исключением Екатеринбурга, Верхотурья и уральских заводов, ближайших к Соликамским и чусовским варницам. Исетская провинция довольствовалась солью эмбелейскою. Кузнецку, Томску и северным местам той же провинции предоставлено заимствоваться солью из ближних степных озер или магазинов. Другие провинции, Енисейская и Иркутская, пользовались солью из прежде описанных источников, к которым надобно присоединить выварку из ангарских рассолов, в 1764 г. поступившую из монастырского владения в казенное достояние.

Соляная выварка из ангарских рассолов начата около 1750 г. иркутским посадским Ушаковым, который при смерти заведение это завещал тамошнему Вознесенскому монастырю, владевшему до 1764 г. По незнанию количества выварки не излишне объяснить здесь, что в 67 в. ниже Иркутска, на левом берегу Ангары и на двух островах, протокою отделяемых, соляные ключи бьют из-под земли. В самой протоке видно, как белеющиеся рассолы со дна пробиваются сквозь прозрачную ангарскую воду. Выварка соли из рассолов Селенгинского озера, в 30 в. от Селенгинска лежащего и имеющего ширины и длины от 300 до 480 саж., производилась не искуснее, не выгоднее, как и в XVII столетии, потому что она с давних лет, с 1719 г. до начала XIX века, оставалась в частном содержании и в продолжение IV времени переходила из рук невежей в другие такие же руки, за бесценок. Обоз. Борзинском, прежде упомянутом, можно сказать другое. Оно с 1750 г. вошло в лучшую известность. В 1757 году добыто 26063, в 1758г.- 38862, в 1772 году — 85 443 п. соли. Не надобно из того заключать о постоянном возвышении дохода; садка бывает не равномерна и даже не ежегодна.

Перейдем к северо-востоку Иркутской провинции. Охотский край довольствовался кемпендюйскою солью, до собственного солеварения из морской воды, начатого в 1733 г., а подругам известиям — в 1756 г., в подражание большерецкому солеварению, давно там про-

д. Три Карасукских: Долгое, Вишневое и Плоское, иначе же: Большое, Среднее, Малое. Дно первого, имеющего длины в 4 в., ширины —с версту, покрывается на четверть чистейшею поваренною солью. В среднем дл. около 3 в., шир. — меньше версты садится соль на песчаном дне. Последнее длины и ширины также небольшой, покрывается солью на дюйм.

е. Карчунакских шесть: два Малиновых, два Ломовых, еще Кочковатое и Березовое. Они лежат смежно. Соль добывается на одном Ломовом.

ж. Северные: Горносталево, Петухово и Степное.

з. Баганские: Большое, Коряжное и Малое. По опреснелости рассолов соль не садится. Все помянутые озера охраняются казачьими командами.

По слухам, есть и другие озера, дающие соль.

В Енисейской провинции, кроме вывариваемой на реч. Усолке соли, было оз. Соляное по правую сторону Белого Июса, подле оз. Билю. Около 1770 г. садка соли на нем прекратилась, что и продолжалось лет сорок Есть там и другие озера: Тагарское и Уртюпское, из которых можно вываривать соль, но по довольству соли и по малой населенности края не было думано о напрасном устройстве варниц.

изводившемуся, без дальнего, впрочем, успеха. Губернатор Соймонов в пользу Камчатки выписал и металлические листы для чренов, но по дороговизне выварки, увеличивающейся от дальней перевозки дров, сочтено впоследствии за лучшее предоставить выварку и продажу соли посадским, а заготовленные казенные припасы отдать им по обошедшимся ценам. «Подарить, кто может лучшее сделать из них употребление», собственноручно приписала Екатерина в 1764 году. Но никто из жителей не вызвался надело, познаний требующее; и продовольствие поэтому было затруднительно до приезда Бема, учредившего солеварение на устье р. Камчатки.

Вот какими многочисленными и неистощимыми источниками природа наделила Сибирь для приготовления соли не только поваренной, но и так называемой сибирской, или глауберовой. При настоящем соединении управления соляного с горным надобно ожидать благоприятнейших последствий.

7. Питейные сборы с 1730 г. состояли в Сибири за магистратами или городскими обществами, на вере; цены питий переменялись не только по провинциям, но и по городам. С 1756 г. самая дешевая цена назначена по Тобольской провинции, в 2—22 к. с ведра вина, по прочим двум — дороже, в предположении уничтожить все частные каштаки и винокурни, а вино доставлять из губернии Казанской. По такому ходу распоряжений крестьяне, чтобы воспользоваться каким-нибудь возмездием захлеб, не оплачивающий труда, естественно, принялись за тайную сидку вина, невзирая на корчемные конторы, с 1757 г. учрежденные в Тобольске и Иркутске. Конторы не имели ни людей, ни способов, чтобы преследовать нарушителей порядка.

Через 35 лет доверенность правительства к обществам городским поколебалась, усмотрена неверность в сборах. В делах, именем общества производимых, не общество виновато, но лицо, которому оно доверило. Как бы то ни было, в 1765 г. сравнена Сибирь с прочими губерниями по откупу и поставке вина, на таком основании, чтобы откуп отдать компании купцов, а вино поставлять по прежнему предложению, из губернии Казанской. Мера сей поставки, очевидно, разорительная для страны земледельческой, последовала в уважение докладных пунктов гг. Соймонова и Чичерина, как выше уже замечено. Но большие погрешности сами и указывают путь к необходимым исправлениям.

ГЛАВА IV
частные сведения о ГОРОДАХ и других местАХ

1.Верхотурье. 2. Екатеринбург. *3.* Шадринск. 4 ТУРИНСК. 5. Тюмень. 6. Челябинск. 7. Курган. 8. Омск. 9. ТОБОЛЬСК. 10. Березов. 11. Тара. 12. Барнаул. 13. Кузнецк. 14. Томск. 15. Енисейск. 16. Красноярск. 17. Иркутск. Якутск. 18. Анадырск. 19. Суверно-Чукотский мыс в ш. 66° 5' 59". 20. ОХОТСК. 21. Нижнекдмчатск. 22. Курильские острова.

Под сим именем разумеем число городских жителей, в 1763 г. при 3-й переписи показанное, также их промыслы, особливости и старые, так сказать, крохи, которые не были нами замечены в первой книге, по обстоятельствам, от нас независимым.

Мы начинаем с Урала как с географической черты, не потому, однако ж, чтобы он отделял тогда Сибирь от России, политически или нравственно. Урал не был гранью между государством и колонией, потому что на западе его, у Верхотурья, были подведомые места, у Екатеринбурга — крепости со включением даже Ачитской и Бисертской,,которые, по разграничению принадлежа к Кунгуру, подчинялись по команде ведомству Сибирской губернии, наравне с прочими по тракту крепостями: Грабовскою, Киргишанскою и Кленовскою. Короче сказать, вся ширина и длина хребта входила в состав Сибири, исключая двух концов, северного и южного, из которых последний отошел в 1744 г. с Исетскою провинциею к Оренбургу.

1. Оставляя Соликамск и Кунгур, один украшавшийся затейливыми оранжереями экзотических и отечественных растений*, другой при подошве гипсовых гор удивлявший пещерою, которая после осмотра Стралембергова найдена в другой половине столетия уже обвалившеюся, — оставляя назади два города, в сибирской простоте и с сибирским наречием жившие, мы останавливаемся в *Верхотурье***. В нем домов тогда было около 340, жителей м[ужского] п[ола] купцов, посадских и крестьян — до 700, ямщиков городских — до 400. Мы не будем говорить об уездных жителях, по несходству тогдашних уездов с настоя щи ми.

В 1764 г. не было тут ни таможни, ни главной дороги, как увидим ниже, но небогатое купечество, не участвовавшее и прежде в валовой торговле, продолжало по старинному навыку заниматься лавочным торгом***, перекупом и перепродажею рухляди, кожевенным делом, отпуском рогож в Сибирь, добыванием извести и жерновов, сплавляемых Турою, а прочие жители — хлебопашеством и лесными промыслами.

Несмотря на уничтожение тракта и проезда, город не оставался одиноким. По благоговению, какое жители Западной Сибири оказывали к св. мощам Праведного Симеона, в Верхотурье почивающим, богомольцы стекались туда на поклонение. Жительствовавший в этом городе Максим Походяшин, строитель и содержатель винокуренных в Сибири заводов, заводчик медеплавиленного Петропавловского завода, занимал сограждан своими поручениями и озадачивал приходящих из деревень крестьян деньгами, в пользу своих предприятий. Жизнь трудолюбивая, конечно, продолжалась в Верхотурье. Походяшин, стяжавший безмерное богатство собственною промышленностию, не недостоин памяти как оригинал любопытный. Сын ямщика, безграмотный, основатель огромных и разнообразных заведений, содержал в Верхотурье богатый дом, обучал своих детей по образцу дворянскому, а сам одевался как простолюдин, ходил в смурном кафтане с заплатами, сверху в армяке, и в чарках. Влияние Походяшина как содержателя винокурней на дух городской промышленности

* При Красном селе Демидова, с 1772 г. принадлежавшем заводчику Турчанинову, Лепехин видел до 500 разных растений в обширном саду. В 1828 г. я видел в этом селе каменную церковь и колокольню с превосходным колокольным звоном, развалины деревянного дома, несколько кедров и шпалерных сибирских дерев в запустелом саду.

** В 1598 году, когда получено повеление уничтожить город на Лозьве и строение сплавить в Пелым, жители и казаки в то же время отправлены для построения Верхотурья на каменном утесе р. Туры, где стоял вогульский городок Ижомкур. Именем городков вогульских или остятских назывались у наших предков юрты старшинские, окопанные рвами.

*** В 1828 г. я нашел этот город опустелым, не лучшим села, и видел два ряда беднейших лавчонок.

было сильно. Зеленцовы, служившие при его делах, сделались впоследствии откупщиками винными. Поповы, ученики Зеленцовых, вошли в капиталы тем же ремеслом. Один Власьев, ковавший железо на Есагаше, близ Енисея, как увидим ниже, подражал Походяшину в рудопромышленности.

Аббат Шапп, когда ехал на восточной стороне Урала, не раз замечал, сверх вогульских личин, по дороге выглядывавших, милые лица сибирячек. В одной избе дер. Мелехиной ночная сцена искусно снята в память сельской красоты, и тиснутая картинка приложена к его *Путешествию.* По измерению Шаппа, Верхотурье стоит выше морского уровня на 103½саж. По месяцеслову 1831 г., магнитная игла показывает отклонение к востоку 8° 48', наклонение — 71 ° 6'. Мы будем замечать движение компаса в чаянии магнитного влияния, если не на природу органическую, то на воздушные явления, содействующие характеру климата. Заранее заботясь освободить V главу периода от излишних описаний рек, мы станем размещать их при случаях, как и теперь расскажем происхождение Туры. Она выходит из самого Уральского хребта, имеет падение крутое и течение быстрое, сперва в берегах пологих, потом обрывистых и утесистых. Дно ея усыпано гальками и обломками различных пород. Протекая извилисто по предгориям восточно-уральским, она уходит в леса уезда Верхотурского и в самом городе омывает стоящую на левом берегу каменную крепость Петрова времени, с зубчатыми, стенами и двумя башнями. В версте ниже города, на правом берегу, есть высунувшийся камень, который слывет говорливым, потому что откликается на слова, выговариваемые на левом берегу. Тура становится судоходною при устье небольшой р. Салды, и отсюда до границы тобольской делает 106 верст, при средней глуб. до 3½ аршин.

2. Город *Екатеринбург длится* протекающею Исетью на две части и в то время, о котором идет речь, был обнесен валом, для охранения от башкирских нападений. Тут были комендант и канцелярия главного заводов правления, изображения двух властей. Первый зависел от губернии, как и таможенное комиссарство, до своего уничтожения; другая — от берг-коллегии. Гарнизон, коменданту подчиненный, состоял из 300—400 солдат; дела по рекрутству, приписных крестьян и т.п. принадлежали губернии. Канцелярия заведывала рудниками и заводами уральских и казанских заводов по искусственной части, а в казенных и по хозяйственной.

Число жителей по 3-й переписи, исключая гарнизон, восходило выше 3000 м[ужского] п[ола]; в том числе состояло купцов и посадских — 390. Старообрядцы составляли треть города, но коренное вместилище их находилось в Шарташе, селении, которое лежит в Шарташских гранитных возвышенностях, при озере.

При деятельном препровождении времени со стороны всех жителей и при умственном развитии горных чиновников город знакомился с европейским образом жизни, тем более что в горной службе состояло несколько десятков людей европейского поколения. Застенчивость сибирская, особенно в женском поле, скрывавшемся от мужчин, здесь сменилась людскостию, в чем удостоверяет аббат Шапп. Познакомясь с главными в городе, он поставил подле квартиры своей на штативах астрономические стекла, показывал собранию дам и граждан Луну и Юпитер и в заключение дал им ужин. Советниками канцелярии

тогда были Арцыбашев и Клеопин, из которых последний показывал астроному окрестные рудники.

К сожалению, Шапп нашел Екатеринбургское училище в плохом состоянии, училище, заведенное Геннингом по намерениям Петра Великого и поддержанное известным Татищевым. Но таков ход нашего просвещения, что светильник этот несколько раз с жаром зажигался мужами избранными и несколько раз готов был потухнуть, пока цари и сыны отечества XIX века не принялись за дело с уменьем и любовью.

Екатеринбург, стоя на восточном всходе на Урал, который и сам как бы для переезда раздвинулся к Билимбаевскому заводу, возвышается над морем, по Шаппу, на 59⅓ саж.*, а по измерению Терлецкого, на 148 сажен. Магнитная игла в Екатеринбурге уклонялась к востоку:

в сентябре 1761 г., по Шаппу	5° O'
по *Месяцеслову* 1831 г.	6° 26'
в *Ежегоднике* 1839 г.	5° 24'.

Высшая воздушная температура в июле 1839 г.: в 8 ч. ут. 19°, в 2 ч. попол. 25°, в 10ч. 17,8°.

Екатеринбург, скажем еще, поместясь среди пришлых искусств и познаний, среди больших ярмарок, Ирбитской и Макарьевской, — в самой середине между Сибирью и Россией, займет рано или поздно важное место в оборотах промышленности.

3. С 1712 г. наименованный городом и стоя при веселой Исети, в смежности с плодоносною равниной, которая залегает между той же Исетью, Тоболом, Уем, линией озер, по подолу Урала светлеющих, и Синарой струящейся, — *Шадринск* был довольно значителен в тогдашнее время и мог бы сделаться еще значительнее, если бы жители догадались пользоваться своим положением, дарами Исетской равнины, изделиями из пластической глины, и торгом, в Троицке начавшимся в 1750 г.

При 3-й переписи в Шадринске состояло купцов, посадских и ремесленников 603. Лет чрез 9 Фальк насчитал там 962 дома и жителей об. п. до 7300. В том числе старообрядцев только 13.

Мы не упоминаем об ос. Исетском, который во время переписи считался дистриктом, а ныне низведен в слободу. Пропускаем также и Камышлов, в то время существовавший в качестве слободы, и опять возвращаемся с р. Пышмы, текущей вверху между утесистыми берегами то зеленого камня, то змеевика и хлоритового сланца, возвращаемся на знакомую Туру.

4. Не зная очевидца, который бы в конце нашего периода навестил *Туринск,* мы чрез 6 лет позднее встречаемся в нем с академиком Лепехиным. От так малой разности во времени не может быть погрешности в статьях повествования.

Академик рассказывает, что в Туринске (который еще называется в просторечии Епанчиным, от имени Мурзы Епанчи, тут жившего) первоначальное население состояло из 30 казаков, 56 ямщиков и 100 семей хлебопашцев, что в проезде его не видно и следов бывшего в старину укрепления, и что город тогда разделялся, подобно Верхотурью, на ямскую слободу и собственно на город. В слободе жило ямщиков 1967, в городе купцов и посадских — 353, разночинцев — 319, всего 2639 м[ужского| п[ола]; домов 450. Две каменные церкви, прочие строения все деревянные.

*Линейная мера французская и даже мера русских футов везде превращена в нашу народную сажень.

На неделе бывает один день торговый, в который купцы сидят в лавках, и окольные крестьяне приезжают с сельскими произведениями и поделками. В пополнение лавочного торга, который не мог быть удовлетворителен, достаточные из граждан или скупали по уезду мягкую рухлядь для выгоднейшего сбыта в Ирбите, или ходили судами на Обь, для рыбного промысла. Прочие занимались хлебопашеством, строительством, поделками древоделия, хорошо и кстати понятого в таком лесистом углу, каков туринский.

Академик сказывает, что в городе много столяров, резчиков иконостасных и иконописцев. Если церковная живописьи резьба налипетакдавнотам явились, можно пожелать знать, кто положил тому начин. Не было л и мастеров того и другого искусства между угличанами, из Пелыми частию сюда переселенными? Или не относится ли благородная ремесленность к тому времени, когда митрополит Филофей украшал храмы Тюменского монастыря иконами и резьбою*? Могло статься и последнее, потому что между тюменскими старообрядцами нельзя было избрать сотрудников для церковных работ.

Тура, омывающая город, течет по Туринскому уезду (в настоящем разграничении) 306 в. по грунту песчано-глинистому. Средняя глубина ея 4 аршина. Течение извивистое, как и у всех средней величины рек, по жесткому грунту падающих в Тобол, Иртыш и Обь, кроме северных, начиная с Конды.

5. *Тюмень,* старейший в Сибири город, был основан** при устье крутобереговой реч. Тюменки, падающей в Туру. Докончим описание реки в нескольких словах. Она протекает по уезду в суглинистых берегах 200 в. с шириною 70—130 саж. Правый берег Туры, как нагорный, замечателен по высоким курганам, которые показались Лепехину очень похожими на волжские, и это первая достопримечательность, намекающая о тождестве племени, там и здесь кочевавшего около IV христианского века. Не на Туре ли оканчивалась большая Угрия (magna Hungaria)?

Другая достопамятность, тем же академиком в Тюмени виденная, — затинные пушки, принадлежавшие к походу Ермака. Но для чего хранились они не в Тобольске***? Очевидно, что по смерти завоевателя орудия сии были увезены Глуховым до Чердыни, где и взяты после воеводами Сукиным и Мясным, которые были основателями Тюмени.

Город сей, подобно Туринску и Верхотурью, имел ямскую слободу. При 3-й переписи находилось в нем 2314 жителей м[ужского] п[ола], в том числе 490 купцов и посадских, 1317 ремесленников, 390 ямщиков городовых, 1103 пашенных крестьян, 74 татар новокрещеных и несколько магометан. В счет переписи не входили русские и татарские казаки, которых было 154.

Промыслы и занятия у тюменцев другие, нежели какие у туринцев. Вместо резьбы и живописи они содержат горшечные, мыльные и кожевенные

* Ныне эти два искусства там в большем развитии.

** Основание города полагается различно: у Лепехина — в 1584 г., в *Кратком описании* — в 1585, у [меня — в 1586 г.

*** Описание этих пушек у Лепехина на 3-й стр. III тома. Но когда и куда они взяты из Тюмени, мне неизвестно. В тамошней городовой волости, что прежде была ямская слобода, хранятся 4 пищали длиною от 1 до 2 ар., в поперечниках от 1 $^{1}/_{4}$ до 1'/, верш.

заводы. К городскому земледелию присоединился в 1767 г. посев табака, введенный одним украинцем.

Каменных зданий: одна церковь приходская и два монастыря, жен. и муж. Троицкий. Последний обстроен, возвеличен храмами, и храмы украшены единственно усердием известного схимонаха-митрополита, тут, наконец, жившего и погребенного.

Жители русского происхождения не имели особых обыкновений. Старообрядцы, удалявшиеся от православных, держали себя в отчуждении от общежития, в разговоре осторожны, в житье скрытны; дома их на заперти. Татары и бухарцы, городские и подгородные, ознакомясь с господствующими пришельцами, вели себя откровенно и добродушно.

Город в 1766 г. горел и с тех пор начал строиться правильнее. Также и здесь бывает на неделе торговый день, как в Туринске; но промышленность обоих сих городов оживляется соседством Ирбитской ярмарки.

Тюменские соловьи славятся в Тобольске. Люди, одаренные нежною фантазией, могли и тогда наслаждаться в Тобольской провинции майскими музыкальными вечерами. Перенесемся на южный край Исетской провинции.

6. *Челябинск,* в 1733 г. заведенный, был укреплен через 3 года по обстоятельствам, прежде изъясненным. С 1743 г. он сделан городом провинциальным не по населенности, а по положению. По 3-й переписи находилось в Челябинске м[ужского] п[ола] 13 духовных, 314 купцов и посадских, 94 инвалида, 28 служащих и 430 казаков Оренбургского ведомства. Через 7 лет исчислено Фальком 2394 м[ужского] п[ола] и 2381 ж[енского] п[ола] православного исповедания, 67 старообрядцев, 680 домов, две церкви, одна каменная, другая деревянная. Причиною толь быстрой населенности — торг пограничный и дешевое продовольствие. Каких птиц в мае и сентябре не прилетает на тамошние озера! Какое множество зимою там попадается рябчиков, куропаток и прочей дичи! Еще через другие 7 лет завелось в Челябинске и кр. Чебаркульской пчеловодство.

С 1752 г. в 6 верстах от кр. Чебаркульской заведена глинопромывательная фабрика, дающая с 50-ти 7 пудов фарфоровой глины. Таких белых глин много видел Паллас около рек и речек: Увелки, Коелки, Миасса, Исети и Пышмы. Фабрика продолжалась лет 20.

Предаем памяти, что по всем водворениям веселой Исетской равнины свирепствовала сильная зараза на рогатый скот, по словам Палласа, в 1755-м, а по *Тобольскому Сборникуъ* 1756 году. Зараза распространялась по всей южной полосе Тобольской провинции и доходила до Тюмени. Надобно сказать, что подобные падежи на домашних животных случаются в Сибири часто, записываются не всегда.

Город расположен на р. Миассе, которая, выходя из оз. Нарали, лежащего у подножия Нарлинских гор, далее протекает чрез два озера, Алакуль и Воронцовское, и, приняв в себя речки с ручьями, впоследствии делает пруд завода Миасского, потом, побежав на север, еще раз проходит чрез оз. Таймас и тут, изменив направление к Челябинску, снова оттуда поворачивается на северо-восток и теряется в Исети.

7. *Курган* тогда существовал слободою в виде комиссарства, к которому приписаны окольные деревни, мало-

людные, следственно, и населенность этого угла вообще была незначительна, сперва по причине опасной близости к тревожимой границе, потом, когда граница укрепилась впереди, крестьяне начали расселяться по выгодным урочищам. Курган увидел опустелыми и казармы, и дома офицерские.

Кроме так называемого Царева Кургана, подле которого находилась первая наша селитьба, видны невдалеке другие могильные насыпи, свидетельствующие о кочевавшем тут племени.

По словам Палласа, было в 1736г. чрезвычайное наводнение около Кургана, так что многие деревни от него пострадали. За сим наводнением надлежало быть и в Тобольске равномерному затоплению, которое действительно и случилось в 1734г., по свидетельству Гмелина, чрез год туда приехавшего. Паллас в счет года сделал ошибку понаслышке.

Тобол, при котором стоит Курган, льется из хребта Караадыр и в вершинах своих то скрывается под землею, то опять показывается, пока не вольются в него две рр. — Аять и Убаган. На границе Тобол, приняв р. Уй, течет по уездам: Курганскому 275 в., с шириною 20—70 саж. при средней глубине 1 $^{1}/_{2}$ саж., с частыми мелями и островками; Ялуторовскому — 250 в., с шириною 60—80 саж.; по Тобольскому — 93 в., с шириною и глубиною увеличенною (последняя до 7 аршин). Дно Тобола во всех уездах суглинистое, течение посредственное. По берегам растет тальник. В двух верхних уездах водоходство бывает барочное при весеннем разливе, а в последнем — судовое.

8. *Омск* (крепость с 1716г. и город с 1781 г.), основанный на правом берегу Иртыша, при устье Оми, постепенно распространялся в населении и укреплении своем по обеим сторонам реки соименной. Река сия достопамятна и тем, что у чжунгар устье ея считалось границею Сибири, но с распространением укреплений вверх по Иртышу, нередко внушаемо им было, что реки, в Ледовитое море текущие, принадлежат Сибирскому царству, до самых их вершин.

Значение Омска было одинаковое со всеми тамошними крепостями до 1763г., потому что кр. Ямышевская, сначала присвоив старшинство, удерживала за собою право сноситься с Сибирскою губернскою канцелярией) и с тобольским обер-комендантом. Даже по вступлении в 1746 г. в Сибирь 5 полков, Киндерман, командовавший ими и линиею, не имел постоянного пребывания в Ямышеве или Омске. Он любил жить и в Тобольске, как видно из того, что в 1751 г. с дозволения губернаторского и митрополичьего построил, для народного облегчения, отлогий деревянный мост по взвозу Прямскому.

В 1763 г., когда прислан командовать линиею генерал-поручик Шпрингер, Омск решительно сделался главным местом линии, как и следовало тому быть, потому что, пользуясь водами двух рек, он мог в нужде ожидать запасов и подкреплений из Тобольска, Тары, Барабы и Томска. Отсюда уже выходили поправки укреплений старых, начертания новых, осмотры и описи важных пограничных урочищ. В 1764 г. назначена Шпрингеру тысяча рублей для приема султанов и биев киргизских, которые выезжали к разным крепостям, и потому сумма распределена по ним.

Против Омска на заречной стороне поставлен в 1764 г. маяк Елисаветский,

при котором открыт торг, но, за неимением купечества и за малым приездом киргизов, сбор таможенный был маловажен.

На форштате омском жило посадских и разночинцев в 1725 г., при переписи 1-й, — 992 м[ужского] п[ола], в 1747-м, при 2-й— 1092челов., в 1770-м — 1186 об. пола. Из последнего уменьшения жителей видно, что по умножению крепостей они были размешены.

Стоя в средоточии линии, устроенной и устрояемой для отбоя вторжений неприятельских, мы считаем за приличное предварить читателя в здешнем месте о двух важных происшествиях для Сибири.

Первое, по возмутительному письму муллы мещерятского, Батырши Алеева, возбуждавшего магометан Оренбургской губернии к общему бунту, действительно вспыхнул он прежде условного дня 18 мая 1755 г., в пределах башкирских, и последовали убийства русских около Южного Урала.

Второе, сопредельная с Сибирью Чжунгария, раздиравшаяся по смерти Галдан-Церена 10-летними междоусобиями, в 1756 г. опрокинута и чрез год решительно завоевана Китаем, без милосердия.

Сибирь, огражденная с запада Исетскою провинциею от позорища злодейского, полагалась на благоразумие оренбургского правителя Неплюева, в чем и не обманулась, а на юге от Сабинского межевого столпа до маяка Елисаветского, сама явилась прибежищем для калмыков, от меча китайского бежавших, так что и последний владетель, отвсюда стесненный, едва успел отдохнуть на земле сибирской, как и успокоился под нею. В эти два года, когда Чжунгария плавала в своей крови, как жалкими представляются прения контайшей с Сибирью, прения долговременные о границе, как жалки их домогательства об уничтожении крепостей верхиртышных. Но, не увлекаясь важностию событий, мы отлагаем обозрение пограничное до своей главы, а теперь скажем об обеих реках, омывающих Омск.

Река Омь, выходя в Каннском уезде из болотистого оз. Васюганского, течет около 450 в. поглино-песчанистомудну в берегах местами крутых, с шириною 10—15 саж., при средней глубине 1½ — 4, весною же — до 8 саж. Со временем при оскудении лесов будет сплавляться по сей реке каменный уголь, залегающий в правом берегу. Что касается до Иртыша, который изливается из известного озера, лежащего выше реч. Нарыма 170-ю в., он, будучи судоходен, стремительно пробегает от устья Бухтармы 120 в. в трубе 75-саженной между утесистых горно-каменных берегов, довольно картинных. Потом от Усть-Каменной бежит в песчаных и глинистых берегах, от Семиярской понижающихся, и делает 1300 в. до Омска, при глубине 1½ — 3 саж. Скажем о числе речек, падающих в Иртыш. С левой стороны, начиная с реч. Жусь-Агачь, в Кокпектинском округе льющейся в оз. Зайсан, падает их до устья Бухтармы — 9, от устья Бухтармы до редута Долонского —9, отсюда до черты Оми — 4; с правой, от Нарымадо большой Шульбы — 23 речки, далее, начиная с реч. Глубокой до р. Оми — 15; след., всех до Омска — 60. Островов на этом расстоянии много; виден водоворот близ камней Семи Братьев; против редутов Известкового и Грачевского есть подводные камни. Быстрина Иртыша следующая: между утесистых берегов в час 11, между Семипалатной и Ямышевской — 8, в Железин-

ской — 3½ версты*. На верху берегов Иртыша, как и по песчаным смежным равнинам (заметил Паллас), рассеяны морские раковины.

Березник, осокорь и тополь, в меньшем или большем расстоянии от Омска, украшали правый берег Иртыша, но строевого леса и тогда не было вблизи крепости.

9. Крепостца, из тех же лодок, на которых воевода Сукин в 1587 г. приплыл из Тюмени, построенная на северном мысу иртышного берега, до 25 саж. возвышающегося от уровня реки, названа *Тобольск,* а не Иртышск. Как имена водворений не даются даром, то водворение на новой земле названо Тобольском не потому ли, что первое отдохновение воеводы было на старом устье Тобола, в 500 саж. отстоящего от мыса, или потому, что с мыса виден Тобол, по которому плыл основатель будущего города.

В IV сибирском времени твердыня города, твердыня правления гражданского, военного и духовного выказывалась на горе, с обоих концов утесисто обрезываемой Иртышом и Курдюмкою. За 12 в. западного подъезда город представлял приятную картину белеющимися зубчатыми стенами и башнями, раззолоченными маковицами и крестами 15 церквей и колоколен, не всех тогда каменных. Цитадель ограждалась со всех сторон утесами, с севера — каменною стеною. Архиерейский дом, с запада соединяясь с гостиным двором и цитаделью, представлял своими башнями и каменными оградами продолжение крепостного кремля. Вся нагорная половина города, как большая крепость, ограждалась с севера и востока валом, бастионами, рвом и палисадом, а с прочих сторон — крутыми утесами наносного происхождения. Сибирская губернская канцелярия, дом губернаторский, палата над крепостными воротами шведского мастерства, дом архиерейский со службами, гостиный двор, дом магистрата под горою и дом частный — вот каменные здания того времени.

Всех домов было в 1740г. 3000, в 1772-м — 2284 (8). Жителей при переписи 1763 г. находилось 6663 м[ужского] п[ола|. В том числе, 75 духовенства, 102 статских, 2069 купцов, 668 посадских, 168 рабочих или поденщиков, 2119 служащих в 3 батальонах, 158 артиллеристов, 173 военных малолетков, 600 татар. Уменьшение числа домов, через 31 год замечаемое, произошло, вероятно, от расширения домов, более людей вмещавших, и от уменьшения жителей, причиненного большим пожаром, который в 1757 г. истребил 817 строений частных, казенных и церковных, заставил бедных людей искать приюта по городам или селам. Шапп в 1761 г. показал число жителей об. пола до 15 000. В том году было в Тобольске два полка с гарнизонным, следственно, в круглом счете у него включены и временные военные.

Кстати, воспользуемся извлечением из замечаний Шаппа, не все приятных, иногда резких, но стоящих внимания.

«Духовенство высшее, военные, статские и купцы, которых видел аббат, могли бы везде составлять приятную бе-

* В 1769 г. Иртыш от Усть-Каменогорской до Тобольска со всею точностию снят адъюнктом Исленьевым, возвращавшимся из Якутска, и этот чертеж, вероятно, хранится в архиве Академии наук. В 1822 г. Иртыш промеряй от Ямышевской до Тобольска и положен на карты, составившие атлас, для безопасного хода соляных судов. Съемка эта продолжена до Туринска по Тоболу и Туре.

седу. Многие должностные чиновники определяются из обеих столиц».

«Сибиряки рослы, плотны и статны. Они любят женщин и напитки до излишества. Унижаясь пред главным начальником, они поступают весьма жестко с низшими и своими служителями».

«Женщины тобольские красивы, белотельны, с тихою и приятною физиономией, с глазами черными, томными и всегда потупленными. Головной убор их состоит в искусном переплете черных волос с разноцветными платками, чем дают себе вид прелестный. Все румянятся, даже служанки и простонародные женщины. Вообще, женщины статны от 18 до 28 лет. Ноги и ступни у них толсты, как бы для поддержки естественного их дородства. Двукратным хождением в баню они безобразят свой стан и, расслабляя тем организм, представляются прежде 30 лет уже пожилыми».

«Некоторые купцы и простолюдины ходят в платье старого покроя и не бреют бород, прочие все одеваются по-европейски. Одеяние женское не много разнится от европейского, только не модное. Праздничное и торжественное платье их состоит в мантилиях (en manteaux trousses), какие в старину бывали во Франции. Костюм этот перешел в Тобольск из Петербурга. Вообще, мужчины и женщины одеваются богато, но последние редко переменяют белье».

«Большой недостаток в мебелях. Кровать, плохой стол, лавки, несколько голых стульев, вот и все. Стены без обоев».

«Не в одном Тобольске мужчины ревнивы к своим женам; они большую часть дня проводят в попойках и возвращаются домой не трезвыми. Жены редко выезжают; живучи дома в праздности и скуке, недалеки от преткновения нравственного. Довольно быть безрассудным, чтобы сделаться счастливым. Там не знают нежной любви, этой теплоты душ чувствительных, которую самая строгая добродетель не в силах унять в сердце».

«Мужчины в Сибири дотоле не будут чинны и благонравны, доколе не начнут уважать своих жен и доколе женщины по праву красоты и воспитания не станут содействовать приятностям общежития».

«В большие или семейные праздники там приглашаются к обедам лица обоего пола, но кушают в особых комнатах. Хозяйка выходит к мужчинам перед самым столом с подносом водки и, обойдя всех, уходит. Столы бывают сытны, нарядны, но безмолвны, пока не начнут пить здоровья, вставая на ноги. Тут все приветствуют друг друга, поименно, при разных положениях тела, делают сцену шумную, странную. Вместо вин употребляются наливки. После стола переходят в другую комнату, где стол убран китайскими закусками, и снова принимаются за бутылки с медом, пивом и другими напитками из водки. Попойка продолжается до вечера. Если едут в поле, бутылки не отстают от них».

«В Пасхальную неделю чиновники ездят друг к другу с поздравлениями и после взаимных обниманий пьют в каждом доме. Простой народ в праздники предается пьянству и разврату».

Вот черты, под которыми наблюдатель неба и городов описывал Тобольск и с тем вместе главные города Сибири, один на другой похожие. Но мы с негодованием пропускаем колкие высказывания о наших обычаях и свадебных обрядах, общих в то время с Россиею и притом представленных Шаппом без целомудрия и даже без благопристойности. Ни звание астронома, ни имя аббата не попрепятствовали ему принять роль дружки на

одной русской свадьбе, чтобы после выдать бесстыдное описание старинного обычая и обесславить свое творение скаредною картинкою. По заслуге достойный Паллас назвал ученого аббата вертопрахом, и этот вертопрах в последней половине XVIII века был один из безнравственных французских ученых*.

Совокупляя сведения о Тобольске, мы не сказали до сих пор, для чего в этом городе, отчасти населяемом магометанами и окружаемом их деревнями, не стало с 1747 г. мечетей? До упомянутого года в уезде было 66 и в самом городе — 2 мечети, и все они по духу времени и по настоянию Сибирского митрополита сломаны. Правительство, не порицая того, что сделано по ревности, и вместе удовлетворяя просьбе магометан, постановило правилом, чтобы дозволить им строить свои молельни: а) в полуверсте от городов сибирских; б) в уезде не иначе, как при определенном числе прихожан, от 200 до 300 душ. Тогда в уезде жило магометан до 5843, следственно, законное число мечетей было от 20 до 25. Правила сии доныне соблюдаются, кроме Тары и Томска.

Тобольск, по барометрическому измерению Шаппа, стоит выше моря на 52 саж. Почему, соединяя барометрические измерения Верхотурья и Екатеринбурга, можно себе представить, что нижняя сторона косоугольной поверхности, на Иртыше падающая, была бы наклоннее от 7 до 51 сажени, если бы Шапповы измерения имели достоверность.

Едва ли не достовернее то, что при двух мысах Тобольска (как ни одна река с юга или с юго-востока не заливается западнее тех мысов, или, что то же, западнее 85° восточной долготы) покатость Уральского склона оканчивается в долине Иртыша и Нижней Оби.

Теперь докончим опись Иртыша. Он течет по уездам: бывшему Ткжалинскому — 130 в., при средней глубине 4 ар.; по Тарскому — 463, при сред. глуб. 8 ар., с шир. 120—200 саж.; по Тобольскому — 556 в., при сред. глуб. от 20—42 арш.**, с прежнею шириною до Самарова, от которого расширяется, но при слиянии с Обью глубина уменьшается — 24—18 арш. Иртыш пробегает в час — против Тары 2, около Тобольска в июле и августе — 1 в.

Берега Иртыша Нижнего, как и Тобола, тенисты, покрыты плесенью и не тверды под ногою, хотя и кажутся на взгляд крепкими; и это явление доныне остается не вполне решенным. При микроскопическом рассматривании плесени и тины А. Фомин видел длинные волокна и по этому заключил, что эти пряди должны быть остатки волокнистых трав, вверху по берегам речным растущих, также и тенет, в сухое лето переносимых ветром с полей на воды***.

* Шапп был тех мыслей о русских, что они, рождаясь с грубым строением, будто бы не способны вмещать ни воображения, ни гения и верил в язвительное слово известного Монтескье, что, для возбуждения в русском чувства, надобно ободрать его. Прилично ли так говорить гению, если Монтескье был в самом деле гений? Наша Елисавета, не читавши пресловутого сборника *О духе законов,* уничтожила смертную казнь в поучение Европы, смягчила наказания, и видела двух или трех поэтов, витию в Гедеоне Криновском, зодчего Кокоринова из сибиряков, и создала живописца Лосенка.

** Против Тобольска зимняя ширина Иртыша 279 саж. по линии, прямо падающей с городского берега на д. Мельникову. Глубина реки к берегу левому около 6, к правому от 7 до Ю 'Д, а по средине —менее 5 саж., потому что стелется коса, как бы разделяющая Тобол от Иртыша.

*** Около 1790 г. поселыдик Выродов сделал из этой волокнистой плесени оберточную бумагу и получил медаль от общ. эконом.

10. В первой книге сказав год (1593) заложения Березовского острога, впоследствии населенного казаками и разночинцами, мы не обращали особенного внимания на *Березов,* хотя и не пропускали при случаях отмечать резкие события, как то: нелюбовь и злоумышленность окрестных остяков против острога, крещение их в православную веру, торговлю обдорскую, старинные пути торговые и таможенную стражу в тамошнем краю. Изыскивая дела, а не шутовства, мы не затрудняли читателя мимическими играми остяков, умеющих представлять зверей.

Березов, в XVIII столетии сделавшись подворьем знаменитых изгнанников, имел жителей при первой переписи 706 душ м[ужского] п[ола]. Во вторую перепись, произведенную в 1744 г. гарнизонным капитаном Бабоновским, нашлось разночинцев 128, посадских 9, дворовых 11, казаков служащих 151, детей их 84, отставных с детьми 63, боярских детей 6, их сыновей 5, всего 457; след., убыль при второй переписи оказалась в 249 чел. О переписи по уезду, производившейся детьми боярскими, можно найти статью в прибавлениях.

Внутренние расположения и происшествия, какие случались по Березовскому краю в прошлом и предшествовавшем столетии, оставались безгласными, пока смотритель уездного училища г. Абрамов, многократно в нашей книге упомянутый, не принялся за пересмотр старинных дел. С помощью сего трудолюбивого палеофила мы вкратце выводим на свет дела забытые.

а) Велено в 1604 г. 2 марта верхотурским воеводам набрать стрельцов и казаков для Сургута на место умерших или побитых; число же убылых простиралось до 115*.

б) С начала завоевания Березовского края всем князькам волостным, приезжавшим в Березов с ясаком, выдавалось на каждого по 4 арш. красного сукна да казымскому 2, всего 26 аршин; сверх того каждому топор, нож, пешня, не считая казенного корма и вина. (Это видно из бумаг 1744 г.)

в) По грамоте царя Михаила от 16 декабря 1631 г. велено тобольскому воеводе кн. Трубецкому высылать в Березов горячего вина по 15 ведр в год, для угощения старшин остятских и самоедских, дабы тем приучить их к ясаку. Вот с какого давнего времени введена среди инородцев чаша вина, в виде политической меры. Мера сия извиняется приличием времени и первобытным вкусом инородцев к растениям одуревающим, которые расстроивают мысль и организм.

г) Государевою грамотою 5 марта 1652 г. поведено карачейскую самоедь с ласковостию склонять к даче аманатов из лучших людей, для удержания от воровства и для обложения ясаком.

д) В следующем году велено карачейскому князьку Хулееву быть в аманатах на Березове, а при смене аманатов — велеть сыскивать разбежавшихся самоедов, приводить их на прежние угодья, где жили, и взыскивать с них ясак.

е) В 1709 г. велено продавать белку белую в казну под опасением в противном случае смертной казни.

ж) Митрополит Филофей от 7 сентября 1725 г. известил губернскую канцелярию, что казаки, за ясаком посылаемые, берут вместо подводчиков красиволицых девочек остятских и дорогою

"Акты История. Ком. Археогр., 2-й том.

насилуют, на что жаловаться не смеют застращиваемые родители.

з) Русские березовцы покупали 7-летних остячек по 20, а мальчиков того же возраста — по 25 к. и записывали их в холопы, подобно как поступали в Якутском крае, в позднейшее, к удивлению, время. Указом 29 июля 1726 г. велено отобрать всех, противозаконно вовлеченных в холопство, и отпустить к родным.

и) Митрополит Филофей в 1726 г., ревнуя просветить верою обдорских дикарей, встречен был от них близ Обдорска самым неприязненным образом, с опасностию жизни для проповедника. Виновные, человек до 100, были впоследствии наказаны.

к) Самоеды, ныне представляющиеся праводушными и умеренными, тогда не только грабили соседних остяков за принятие христианства, но и убивали их, по обычаю жестокому вырезывали сердца и ели, а над телами мертвыми делали самые гнусные поругания. Что за слезная участь племени остятского? И обращается оно в христианство с бедами, и преследуется за христианство от соседей бедами более горькими, ужасающими! Между тем же само племя чуждается всякой переимчивости, назидательной для духа и полезной для быта житейского. Очень горестно чувствовать, что оно разделяет с нами истины и успехи*.

л) В 1744 и 1745 г. были в Обдорском краю, для описания северного морского берега, поручик Казимеров и геодезист Шипицын с 2 учениками. Описания их были бы любопытны по причине, что занятия их происходили позднее морских офицеров и геодезистов, которые во время Второй Камчатской экспедиции неудовлетворительно описали берега Ледовитого моря. Нельзя не заметить, как правительство всегда заботилось приобретать познания о Сибири, но приобретения науки, без публичного оглашения, сгнили или сгорели.

м) В 1749 г. поступило в Сибирский Приказ из Нарыма прошение от князьков, старшин верхних и нижних обских волостей, о присылке нарочного, для произведения следствия об обидах, причиненных им двумя нарымскими воеводами, настоящим Аврамовым и предместником его Колзаковым. Обиды следующие: 1) оба воеводы брали с них ясака по 10 соболей с человека; 2) Колзаков с каждой из 9 волостей брал каждогодне по 500 рыб, которых сотня стоила 150 к. (до 2 р.), и продолжал этот побор 4 года; 3) кроме того, что рыбу возили к Колзакову без платы, он брал для провода своих судов до Кетска по 20 чел. в промысловое время и зимою по стольку же с лошадьми; 4) присылаемые за ясаком сборщики увозили недорослей ясачных, под предлогом рекрутства или обучения в школе, не отпускали их по месяцу и более, без выпуска; 5) воеводы не принимали по 4 и 6 недель привозимого в город ясака, и, чтобы не терять времени, ясачные дарили воевод из ясака бобрами, соболями, лисицами, выдрами и деньгами, а сами, в пополнение уменьшенного количества, покупали зверя в городе высокою ценою. Кроме этих неправд, не упомянутых Фишером, еще

* Г. сенатор Корнилов в *Замечаниях на Сибирь* на 70-й стр. думает перенести город из Березова в Самаров. Это значило бы вовсе скрыть от глаз самоедо-остятских присутствие власти. Если тишина и повиновение инородцев держались до начала 1841 г. старинным уважением к Березову, грозному по памяти мужества казачьих дружин, то с уничтожением заслуженного имени города понадобилось бы изготовить силу материальную в другом месте, чтобы заменить нравственную древнюю.

две умолчаны в выписке. Мы узнаем о сих грабительствах из указа Сибирской губернской канцелярии; но, чем она вершила толикой важности преступления, не знаем, хотя и увидим, что в 1753г. брала она допросы с березовских сборщиков.

н) По указу императрицы Елисаветы от 29 ноября 1751 г. велено выдавать на пару каждому окрестившемуся остяку сукна светло-голубого и василькового по 7 ар. (75—60 к. ар.), на подкладку крашенины — по 22, на рубахи холста — по 14, на порты — по 8 ар., так что одеяние новообращенного стоило 8 р.; остячке же на сарафан по 2 кумача, на подкладку крашенины 20, холста на рубахи 16ар., и все ея одеяние обходилось в 450 к. Такого благоволения к новокрещеным не бывало во время митрополита-скимонаха.

о) По указу Сибирской губернской канцелярии от 29 августа 1753 г. велено допросить в Березове сборщиков ясачных, по скольку рухляди брали они с самоедов для поклона воеводам и приказным людям? С каждого самоеда, как показано в ответах, брали по 10 белок или по 2 горностая. Если бы архивы прочих острогов и городов сохранили в целости, не везде ли бы читали мы подобные счеты? Огонь и время положили печать на уста правды.

Вот несколько разновременных, рапсодических статей, которые, хотя бы не было северных мерцаний и дивных освещений вершин уральских, при вечерне-летнем солнце, все явственно изображают, в каком хаотическом сумраке жило предполярное человечество.

Кто поднес им чарку вина без корыстолюбивого умысла? Одно правительство всегда было к ним милостиво и в отеческом чадолюбии заводит для них безмездные лечебницы.

Обратимся к физическому состоянию Березова. По широте он стоит между двух полос, ячменной и ягодной, отчего и пользуется с болот поленикою, морошкою и прочими гроздами арктическими; в огородах же садят капусту, морковь, салат, свеклу, огурцы и картофель. Здесь, говорят старожилы, конец пихтовой фамилии, вероятно крупной и годной на дело. Она произрастает к западу по р. Сосьве, в волости Сосьвинской, с другой стороны — по правому берегу Оби к Самарову, и оттуда — к Сургуту. Паллас этого не ожидал.

Березов красуется на высоком берегу Сосьвы, которая с запада омывает его, выше соединяясь чрез протоку Пырсым с Обью, ниже города опять сообщающеюся чрез протоку Устрем с Сосьвой. Из гидрографического слияния вод явствует, что Березов стоит на продолговатом острове, к востоку понижающемся. Длина острова от угла Пырсыма и Оби до нижнего угла устремо-обдорского около 80, ширина от запада к востоку чрез параллель Березова — около 20 верст.

Березов дважды подвергался опустошительным пожарам, в 1719 и 1806 гг., и потому история его так прерывиста, как мы видели из припоминаний, так сказать, урывчатых.

Березов не представляет никаких древностей*, кроме двух церковных: священнической ризы с орденскою

* Медик Белявский признавал древностию книгу *Молебник,* соборной церкви подаренный за подписью кн. Елены Долгоруковой. Но Абрамов замечал, что эта книга печатана в 1763 г. и прислана в Березов не ранее как около 1800 г. Неизвестно, откуда и кем прислана, как и то, какая Елена Долгорукова подписывала книгу? Та ли в глубокой старости, которая в Березове ходила в церковь под стражей?

звездою, нашитою Меншиковым, и одной золотой вещи, описываемой г. Абрамовым в виде овальной фигуры, которая в окружности 2½ вершка и раздвигается на несколько круговых полос. Верхняя обведена из крученого золота, под нею голубая эмалевая, потом золотое поле с пирамидально-кручеными фигурами, украшенными шестью жемчужинами, наконец, еще золотой обвод с выпуклым стеклом, под которым лежит свитая в кольцо прядь тонких светло-русых волос. Предание церковное гласит, что этот памятник мирского сердца, художнически сделанный, поступил из дома Меншиковых. Какая благосердая мать для злополучных — наша Церковь! В утешение их она и приемлет и хранит даже свидетельства земных увлечений.

11. Город *Тара,* давно не видя у себя караванов бухарских и не имея нарочитых капиталов, чтобы значительно участвовать в пограничной торговле, стал житьрукодельностию: кожевенною, кузнечною, отчасти слесарною, медною, хлебопашеством и мелочным торгом.

Стоя на речушке Аркарке, бегущей в Иртыш, посреди больших речек, Тары, Уя, Оши, город в XVII веке распространял заселение вверх к устью Тары, вниз к устьям Оши и Аева, а в начале XVIII — вверх по Таре и Оше. Пока не было крепостей по Иртышу, Тара сверх собственной крепости имела земляное укрепление там, где после явилась Такмыцкая слобода.

С именем речек Тары и Уя соединяется нечто историческое. По принятии колыванских горных заводов в казенное достояние думано было отыскать удобные места на этих больших речках для плавки колыванских руд, но намерение не состоялось.

При третьей переписи 1763 г. в Таре было: купцов — 640, ямщиков и ремесленников— 199, дворцовых— 39, казенных крестьян — 1178, карточных бухарцев — 105, татар, почитаемых за древних обитателей, — 28, и с приложением духовных, статских и казаков выйдет около 2250 челов. м[ужского] п[ола].

Кстати скажем, что в уезде по той же переписи было податных русских 9034, древних обывателей из татар — 441, барабинских татар —до 1215 луков, платящих подать рухлядью, и 669 юрточных бухарцев, платящих по 6½ к. Татары и бухарцы, владея, по писцовым книгам, лучшими угодьями, лесами, землями, озерами, урочищами ягодными, ореховыми, звериными, пользуясь льготою от рекрутства и довольствуясь доходами с угодий, нежили, а плесневели в беспечной лености. Кроме помянутых крестьян, Чичерин с 1763 к 1771 году дал оседлость 2019 душам м[ужского] п[ола] по главному Барабинскому тракту.

Площадь Барабинская, преисполненная озер и пространных болот, площадь, очевидно, возвышающаяся при Каинске, начиная с озера Васюганского, лежит выше двух речных долин Иртыша и Оби. Тара стоит выше Тобольска с лишком в 8 раз, а Бараба Каннская кдолине Оби содержится в возвышении как 5 : 2. Из чего следует возможность, при многочисленнейшей населенности, осушить Барабу водопроводами.

По правому и левому берегу Иртыша, текущего в пределах Ткжалинского и Тарского уездов, замечено старинных курганов до 150, не считая прочих, видимых около озер.

12. Краткое известие об алтайском горном деле, начатое в первой книге *Обозрения* для соглашения начина горной промышленности с годами сибир-

ского времени, пополняется здесь в ходе историческом. По установлении в 1729г. Колыванской небольшой плавильны, устроены чрез 10 лет иждивением Демидова (А. Н.) другие два завода: Барнаульский при слиянии реч. Барнаулки с Обью и Шульбинской — при впадении в Иртыш соименной речки. Последний недолго существовал.

Кроме добычи руд около завода *Колывани,* открыто при владении Демидова рудников: 17 медных, и в том числе Медведевский по Убе, 13 со сложными минералами, медью, свинцом, серебром золотистым, и втом числе Воскресенский, из которого выплавлено первое серебро. Тогда же найден рудник Змеиногорский. Вообще разведки и приискі демидовского времени, указанные старинными копями безвестного народа*, производились по западную сторону Чарыша, на значительном пространстве.

Колыванский завод одолжен был выплавкою серебра саксонцам, которые показали цену змеиногорских руд. Демидов в 1744 г. донес правительству о таком открытии и вместе послал 27 ф. 18 зол. серебра, выплавленного из 233 п. меди, чем и предупрежден донос Трегера, служившего на заводах штейгером и в то время уволенного.

Бригадир Беэр, с поручиком гвардии Булгаковым и с командою, посланный в 1745 г. на заводы алтайские, начал свои исследования в верхнем конце Змеиногорского рудника и не оставил испытать достоинство прочих руд. В том же году он представил правительству проплавленного серебра 44 п. 12 ф. с золотниками, из которого отделено золота 12 ф. 32 зол. В 1747 г. алтайские заводы со всеми строениями, людьми, землями, рудниками и машинами поступили в государственное достояние, по оценке. Тогда же присоединены к заводскому округу кр. Бикатунская с ос. Бердским и две казенные слободы Белоярская и Малышеве - кая**. Белоярская еще прежде была укреплена кузнецким начальством.

Плавка производилась в Колывани, сперва в 10-ти, потом, с 1752 по 1768 г., — в 6-ти плавиленных печах.

Заводских людей, с поступившими от Демидова и с причисленными во время казенного управления, состояло по 1757 год 10 935. В 1761 г. из окрестных уездов по докладу Олсуфьева приписано для работ 12 823, так что в 1762-м могло состоять 23 000, а к 1768-му было уже 39 246 м[ужского] п[ола].

С 1749 по 1763 г. ежегодно выплавлялось серебра золотистого 200—400, а с 1763-го - 500-800 пудов. Вообще из доклада Олсуфьева видно, что с 1748 по 1759г. получено чистого серебра 2821 п. и золота — 82 п.; следственно, по монетному переделу — 3 313 548 р. чистой за расходами прибыли, со включением и меди 2 653 548 р. Вывод прибыли изменился бы, если положить в цену леса и труды толь многих тысяч рук, по цене вольной.

На ежегодное содержание заводов отпускалось сперва по 60 000, с 1761 г. - на 120 000 р. и отпуск сей повременно возвышался.

* У Палласа и Фалька есть человеческие изображения, снятые с камней алтайских. Они имеют облик кавказский, и можно думать, что старинные копи были любимыми работами их поколения. Но кто они такие?

** В Российском атласе, в 1745 г. при Академии наук изданному, округ Колыванских заводов очерчен в тесном овале, которого длина 1100, а ширина — 500 верст.

Плавка металла, за уменьшением леса, перешла в 1766 г. из Колывани в *Барнаул,* где она по 1770 г. возвысилась до 900 п. Фальк в 1771-м видел в Барнауле 949 домов, жителей — 2346 м[ужского] п[ола] и 2565 ж[енского] п[ола].

13. В 1617г. выстроенный при устье Кондомы и неприятелем сожженный, потом снова построенный на правом берегу Томи, *Кузнецк* не был в полной безопасности, можно сказать, до 1745-го, т.е. до смерти Галдан-Церена, потому что чжунгары, по пустому преданию телеутов, не переставали мечтать, что границею Кузнецкого уезда, с юга и запада, должна быть черная реч. Томь, с Чумышем сливающаяся невдалеке от города. Эта чжунгарская болтовня часто возобновлялась, несмотря на то, что Кузнецк давно обладал к востоку страною, между двух Июсов лежащею до слияния их с Чулымом, также страною между вершин Томи и Бии, к югу до слияния Бии с Катунью. Для связи Кузнецка с Томском стояли между них остроги Мунгацкий, в 1715г., и Верхотомский — в 1757 г., выстроенные нар. Томи, и они же служили оградою от татар, по обеим Июсам и Чулыму живущих. Хотя сторона юго-восточная по р. Бии была нередко обеспокоиваема чжунгарами, воровски вторгавшимися, но угол абаканский, с вершинами р. Абаканадо пограничных знаков, на Сабинском кряже поставленных, был управляем властию Кузнецка. На С.-З. и З. границе его стояли два острога: Бердский и Белоярский. Демидов ограждал защитами свои заведения, пока казна не сменила его в Алтайском крае.

При казенном управлении заводов линия Колывано-Кузнецкая, смыкавшаяся с Иртышскою при ф. Шульбинском, шла от реч. Шеманаихи к форпостам и маякам: Чагирскому, Моралихинскому, Березовскому, Кабановскому, Калманекому, Озерному, Ануйскому, к кр. Катунской, Бийску* и посту Чаро-Чумышскому. Вверх по правой стороне р. Бии также были маяки.

Надобно быть справедливым к одному из братьев Левандиан, который, натыкавшись на месторождение серебряной руды в Кузнецком хребте, проходящем между рр. Мрассу и Кондома, хотя и не умел преследовать счастливого открытия, оставил, однако ж, Демидову наслышку о богатствах, скрывающихся в отрогах Холзуна и других тамошних хребтах. Вся гористая страна, от р. Алея до оз. Телецкого, сияющая в июне серебристою белизною белков,особенно хребет Аргутский, есть поднебесье малоразгаданных сокровищ, судя по разнообразию горных образовательностей.

При 3-й переписи, в Кузнецком уезде было: сел, деревень, острогов — до 100, податных душ — 5279, и все они с 1758 г. приписаны к барнаульским заводам. В самом Кузнецке было тогда домов до 500, две церкви деревянные, монастырь за городом, жителей об. п. около 3000. При проведении новой Кузнецкой линии, на защиту которой поставлено два драгунских полка, военный начальник имел пребывание в Кузнецке.

Здесь не место говорить о возгораниях, какие неоднократно случались во флецах каменного угля, горючего сланца и торфа, близ Кузнецка. Вместо того

* Я утверждал и утверждаю, что Бийский пост первоначально учрежден в 1709 г., хотя начальниклинии ген.-пор. Шпрингер и относил начало его к 1716-му. Бийск неоднократно был снова укрепляем и переносим с места на место, как то: в 1738 г., потом при Киндермане и еще при Шпрингере.

упомянем со слов Фалька о двух пустынных знаках, на самой вершине Сабинского Камня поставленных для размежевания границ, вследствие второго Русско-Китайского трактата. Оба знака стояли на высоких 2-саженных подножиях, складенных в виде усеченного конуса из плит песчаника. На одном подножии возвышался деревянный крест в 1 ½ саж., с прописью православного символа Веры, на другом — столбик с китайскою прописью религиозного изречения. Казачий голова с абаканского пограничного караула приезжает сюда, в известное время года, для свидания с начальником монгольской стражи, и спрашивают друг друга о здоровье относительных государей.

По зависимости части Абаканского края от Кузнецка вошло у промышленников в обыкновение гонять тамошний скот через горы, по узким тропинкам, в Кузнецк и в колыванские заводы.

14. Город *Томск* с обширным уездом, разлегшись по земле холмистой, которая тремя судоходными реками сообщается с Сибирью во все почти стороны и которая множеством речек оживляла селения и хлебопашество. Город сей, ограждаемый с севера острогом Кетским и укреплением самого Нарыма, с северо-запада и запада — Уртамским, Чаусским и Умревинским, к югу — Сосновским к Верхотомским, недавно упомянутым, к востоку — Ачинским и Мелесским, гордился собственным на горе деревянным острогом и уже наслаждался полною безопасностию.

При переписи 1763 г. в Томске было: 542 купца, 115 ремесленников, в том числе 77 медяков. С проложением сухопутной дороги чрез Красноярск и с заведением почтовых станций, населяемых, как замечено, крестьянами и поселыдиками, населенность самого Томска стала чувствительно возрастать; но грубость в нравах поселенческих осталась долговременною укоризною этой дороги. В 1771 г. жителей в Томске было 3753 м[ужского] п[ола] и 4019 ж[енского] п[ола].

Подгорная часть города по временам терпит весеннюю водополь наводнения, но без летописных записок нельзя сказать о них ничего положительного.

Уезд, с причислением Нарымского, тогда отдельного, был населен: а) русскими недостаточно; б) остяками, татарами, по Оби и Томи живущими без всякого сообщения с верхотомскими; в) татарами чулымскими, старожилами Чулыма. Татары* тогда разделялись на 18 волостей, управляемых своими старшинами. Из племени русского податные крестьяне приписаны к барнаульским заводам, за исключением 2459, живших севернее.

15. *Енисейск,* несмотря на лесистые и отчасти кустарные болота, которыми окружен со всех сторон, всегда был столь же важен в истории Сибирской, сколько в росписи рек Енисей, омывавший древние башни первоначального острога. Мы повторяем здесь, что город не переставал быть провинциальным до 1783 г. и по своему луговому положению подвергался наводнениям, 2 или 3 раза в 10 лет. Населенность его была и тогда значительна (9).

* Рынков, вопреки Баядур-хану, отрицая бытие племени собственно татарского, почитал татар казанских и тобольских ногаями. Если так, то здешние татары не помесь ли турецкого племени с разными соседями? Татарские наречия, томское, тарское, особенно барабинское, разнясь между собою и от тобольского, в словах и выговоре, состоят из двух стихий: древнетатарской и соседнепрививной.

При переписи 1763 г. жителей м[ужского] п[ола] всех состояний считалось не менее 4000 человек, в том числе купцов — до 160, посадских — до 3000, ремесленников с кузнецами и медяками — 400. Домов более тысячи. Жители Енисейска поняли тайну, на каких путях лежит их благосостояние. Догадливость указала на промышленность и ремесленность.

Промышленность троякая: меховая, рыбная и птицеловная. Движение промышленности меховой выражается на двух ярмарках: в Туруханске и Енисейске, первая в июне, другая в августе. На первую приплывают с пушными товарами остяки, тунгусы, якуты и посадские, по низовьям Енисея зимующие для промыслов и потому зимовщиками слывущие. Берега Енисея, как видно в атласе 1745 года, начиная с многоостровья до устья Пясиной, унизаны промышленническими зимовьями, как глино-утесистые берега некоторых рек гнездами чирков. На вторую съезжаются торговые сибиряки и купцы русские с товарами, покупаемыми в Кяхте, Ирбите и Макарьеве. Для промыслов рыбных купцы и посадские Енисейска спускаются на судах вниз по Енисею до реч. Карасиной, где ловятся осетры, чиры, сельди, омули и проч., далее же той речки по протокам и островам бьют для соления линяющих гусей, в великом множестве.

Таким образом из соединения троякой промышленности образовалась торговля провинциальная и сибирская, и та и другая залучала монету. Где монета зазвучит, там стекаются мастерства на магический ея звук. Явно, что в Енисейске завелись иконописцы, мастера серебряного, медного, ружейного, литейного, гранильного, резного, токарного и мехового дела, не говоря о низших необходимых ремеслах.

Жители Енисейска не забывали в известные дни угощать и пировать*, любили также и украшать свои храмы драгоценными прикладами.

Русская населенность провинции была немногочисленна. В уезде Енисейском, простиравшемся вниз по Енисею, по Подкаменной Тунгуске, а с другой стороны — до реч. Дубчесы, было острогов 5 и 3 слободы малолюдные. Остроги по Енисею: Каменский, по сторонам — Маковский, Кемский, Рыбенский,Тасеевский. В уезде Мангазейском, самом обширном, простиравшемся от губы Обской до р. Анабары, жителей русских было наименее. Безлюдный город Туруханск, монастырь, два или три погоста, 15 казенных зимовьев, кроме промышленнических, вот все места населенности. В уезде Красноярском, так же не обширном, как Енисейский, но в 7 крат более населенном, было острогов 5, несколько слобод, сел и деревень. Остроги вверх по Енисею были Караульный, Абаканский, Саянский, к востоку — Канский и Удинский**.

16. Говоря об *Енисейске, Туруханске* и *Красноярске,* мы находимся мысленно на восточной стороне хребта, отчасти знакомого, но разнообразно именуемого, хребта не мечтательного, потому что образуются в нем вершины рек и речек, текущих к двум разносторонним долосклонам Оби и Енисея, и эта черта разделения вод идет до Тазовской губы***.

* В Томске пьянствовал народ, в Енисейске пировало купечество. Со временем изъяснится причина обыкновения, не так похвального для обоих городов.

** По верным сведениям строились остроги: Абаканский в 1707 г., Саянский в 1718г.

*** Эту черту признает Севергин в *Минер, опис. России* на стр. 239-й перв. части и называет ее полосою, параллельною Енисею.

Черта разделительная тянется от Белогорья, или Карлыхана, окружающего с востока оз. Телецкое, на оз. Иткуль, не дает Чулыму броситься в Енисей, потом ложится между обеими реками, проявляется в горах Кемчугских, так сказать, гнездом, и оттолкнув к Оби Чулым, снова подступавший, простирается вперед в том же направлении и, проскользнув между Сымом и Тымом, Вахом и Елогуем, под видом сырого возвышения, не исчезает и далее между речками Пакулихой и Никольтокой, оставляющих 5-верстный безводный перешеек, но прокрадывается к восточной стороне Тазовской губы между вершин последних противоположных водотечений.

Лежащая к востоку за описанным росчерком плодоносная страна по Енисею, прежде служившая пастбищем у пастушеских и звероловных племен, сделалась под властию русских житницею Енисейска, Туруханска и северных зимовьев. Если представим себе, что по Чулыму с 1760 г. более пятнадцати лет продавался пуд муки ржаной по 2—2½ к., пшеничной — по 4—5 к., что при такой бесценности не стоило труда приниматься за соху, сыщется ли добрая мысль, которою можно бы изменить погрешность тех сибирских губернаторов, которые представляли надобность уничтожить сибирское винокурение, вопреки усмотрениям Петра Великого.

Один выгодный промен хлеба на выдр, бобров, на правом берегу Енисея по нагорным речкам промышляемых инородцами, также вымен рысьих и росомашьих шкур и их перепродажи поддерживали хлебопашество, до заведения винокуренных заводов: Боготольского, Краснореченского и Каменского. Здесь и надобно искать причину, для чего красноярские посадские предпочитали жить в уезде, а не в городе. Пашня близ своего огорода, удобное пастбище для скота, льгота от городских требований, свобода от полицейских придирок, посев табаку, тайное, можетбыть, корчемство и выгодное знакомство с татарами-звероловами за цену последних двух статей, для них лакомых, наконец, наслаждение полевою жизнию в веселом климате, вот сколько было побуждений, чтобы уклоняться от города, в котором не было ничего привлекательного.

Город оттого ни увеличивался, ни устраивался. В первой книге замечено, что в проезде Гмелина в Красноярске было домов и домишков 350, а теперь надобно сказать, что через 37 лет город представился Палласу не лучшим, хотя число посадских и ремесленников, по уезду рассеявшихся, считалось по переписи 1763 г. до 2000. Не имея более ничего сказать о городе, считаем не лишним упомянуть о том, что в 1763 г. ос. Абаканский потерпел большое разорение от чрезвычайного наводнения. Уезд, свободно и безбедно в эту пору населяемый, забыл прежние разорения, какие он терпел со стороны киргизов. При этом воспоминании представляются вопросы, ожидающие решения*.

Откуда пришли на берега Енисея и Томи киргизы, с которыми мы встретились сперва под Томском в 1606 г., потом близ Красноярска в 1628-м? Когда, куда они ушли с Енисея и Томи, по какому побуждению? И разнятся ли они от киргизов трех орд?

* У Фалька есть абаканские изображения, мужские и женские. Физиономия их очень походит на физиономию якутского племени. Поэтому есть основание думать, что якуты здесь живали в древности и что иссеченные из камня рожи могут быть приписаны их мастерству, так как ныне они отличаются способностью в резьбе на дереве.

Хорезмский сборщик Абулгази размещал киргизов между Уйгур-Мураном (Енисеем, по Клапроту) и Селенгою. Размещение сие довольно достоверно, хотя и не вполне точно. Мы подтверждаем свое прежнее суждение* вещественными свидетельствами, доныне живыми, т.е. забайкальскими кладбищами, которые означаются плитами и видимы от устья Ингоды до р. Джиды. У монголов эти кладки наносных плит слывут кладбищами кергетов, и кому лучше знать названия могильных урочищ, как не соседям, которых предки сперва вытеснили кергетов из Забайкалья, потом жили подле бок о бок с ними? Поэтому размещение старинных киргизов начиналось от слияния Ингоды с Ононом и продолжалось к западу за Селенгу. Выходит, что кладбища по Джиде значат повременные приближения киргизов к Енисею, к Июсам и Катуни. Можно исторически утверждать, что потомки кергетов забайкальских, в эпоху русскую, распространялись до Катуни, потому что в 1797 г. киргизы разорили рудные заведения при Каштаке, находившиеся, по всей вероятности, в ветви хребта Кузнецкого, по р. Мрассу.

Что касается до другого вопроса, наши сочинители, со слов военнопленных шведов, принимают за правду, что удаление киргизов от красноярской границы исполнено контайшою, по требованию нашего правительства, для прекращения пограничных раздоров. Дело, по-видимому, сбыточное, но где и какое подтверждение делу, не так легкому? История может ли верить слуху глухому, не определяющему ни времени, ни лиц, ни имени контайши, да и могли контаиша, в то время бессильный, приказать киргизам оставить свою родину? Мы смотрим надело иначе. Когда посланец Юдин в 1693 г. говорил контайше из наказных статей о возвращении изменников-киргизов, плативших подать России, на прежние жилища, подведомые сибирским городам, было ответствовано, что, хотя изменники-киргизы, давние подданные контайши, раз платили подать России, должны законно принадлежать ему и что он не выдает их, как готов выдать изменников беглых, не принадлежавших ему. Не очевидно ли, что царь русский вовсе не мыслил домогаться об удалении киргизов от границы?

В 1704 г. киргизы кочевали на Божьих озерах, куда послан был из Томска казачий голова Цицурин в числе 738 человек. При происшедшем сражении убито 113 киргизов и татар и в плен взято 237 об. пола**. Вот обстоятельство, которое могло образумить неугомонных киргизов. Галдана тогда не было в живых; от Рабтана, еще не осмотревшегося, нельзя было киргизам ожидать потворства. Притом видя, что земля урянхайская занимается китайскою силою прежде, чем знак дракона поставлен на Сабинской горе, против подножия Креста, киргизы опасались быть стиснуты между двух сил и потому убирались на юго-запад, не дожидаясь Российско-китайского трактата, в 1728 г. размененного. Они устранились в горные хребты, между Аньцичжаном и Кашгаром, лежащие в ш. 40° и далее к югу, как показано на карте г. Левшина.

* См. *Сиб. вестник* о забайкальских достопамятностях. К доводам киргизского кочеванья за Байкалом можно прибавить оз. Киргиз-Нор, лежащее в Халхе, по словам о. Иакинфа.

** *Древн. и достопам. Сибири* в *Сиб. вестнике,* 1822 г.

Остающийся вопрос: киргизы западные 3-х орд одного ли происхождения с восточными, о которых говорено и которых называют то бурутами, то закаменными, вопрос сей откладывается до статьи соседства пограничного. Мы увидим там г. Левшина, уничтожающего мнение академика Фишера, который не различал киргизов восточных от западных.

17. Некогда зимовье, острог, провинция, *Иркутск* в конце IV сибирского времени возводится в губернию. При физических выгодах, водяных сообщениях и торговых видах, город сей, и с ним вместе восточный край, начал приходить в приличную значительность и гражданственность не так рано, по причине неустройства провинциального и по дальности начальства губернского.

Скажем между тем об устройстве города и жителях его. Деревянный обруб по берегу Ангары, на протяжении 343 саж. с 3-мя спусками, отстроен в 1748 году*. Каменный дом магистрата, под именем земского двора, кончен в 1745 г., каменный архиерейский 2-этажный дом в 1755-м довершен.

Жителей об. п. в городе было не более 7000. Купечество еще не богатело. Посадские ограничивались небольшими промыслами. Ремесленники занимались изделиями из кожи, дерева, железа и меди. Домы были скромные жилища, без украшений, без мебелей. Хозяйки тамошние даже низкого состояния не пряли и не ткали, потому что тогда не сеяли** ни конопли, ни льна. Семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы или дабы.

У некоторых купцов были чаны кожевенные, мыловаренные, у других — котлы салотопные. Им не всегда удавалось скупать белку и соболей у бурят, даже тункинских и кудинских. Приезжие купцы вмешивались и перебивали закупку у иркутян везде, в стойбищах аларских, идинских, балаганских и верхоленских. Что касается до промыслов бельих и соболиных в Нерчинском крае, по Витиму, на Нижней Тунгуске, Олекме, Колыме и Камчатке, туда не досягали маломочные руки торговцев иркутских, кроме предприимчивых двух человек — Трапезникова и Югова. Ярмарок в самом Иркутске тогда еще не было, и местные купцы, опасаясь иногороднего соперничества, не желали дома ярмарок, дабы тихомолком закупать у знакомцев, с руки на руку.

Воскресим память двух помянутых иркутских купцов и славою их предприимчивости облагородим историю Иркутска. Купец Никифор Трапезников, с 1745 г. начав участвовать в морской промышленности, сам в 1749-м отправился из Нижнекамчатска на собственном судне и открыл в Алеутской гряде о. Атху. В течение 25 лет до 1768 г. Трапезников отправлял на Алеутские острова до 10 судов, и они возвращались с богатыми грузами, но наконец, после потери 3-х судов и чрез неоплатность должников, предприимчивый и счастливый мореход умер в совершенной бедности. Другой купец, Емельян Югов, в 1750г.

* Обруб возобновлен в 1792 г., а после 1822-го берег по откосу выложен булыжником.

** Отсюда вошло в обыкновение у обозных, с купеческими кладями едущих в Восточную Сибирь, договариваться с ямщиками о *пряже* на каждый воз. Они действительно возили для продажи пряжу, закупаемую по дороге, потом пряжу и холсты. В XIX веке то же слово продолжается, но под ним разумеется у обозного и ямщика вычесть по нескольку рублей с воза из хозяйской цены за провоз, в пользу обозного.

вышел из Камчатки в море на собственном боте, с экипажем 27 чел., но бурею прибитый к берегам полуострова, не устрашился в следующую весну снова пуститься в море. Три года он провел в промыслах по разным островам и умер там же, где погребен Беринг. Бот его воротился с богатым грузом. Нельзя надивиться бесстрашной доблести мореходов-простолюдинов, которые без науки сами и строили суда, и управляли, на неведомых высотах восточного моря. При их именах припоминаются Горациевы строки:

Illi robur te, aes triplex
Circa pectus erat, qui tragilem truci
Commisit pelago ratem.
[Тот же дуб и медь тройная
Вкруг груди (корабля)
Сдерживали погибельную
Стремительно-неукротимую пучину моря.
Перевод с лат. В. Коржева

Город с юга и других сторон прикрывается толщами невысоких гор, отметывающихся от хребта Саянского, обвившегося вокруг Байкала, и вот причина частых землетрясений, простирающихся вверх Ангары до Балаганска*.

Город *Якутск* был перенесен на равнину, к протоку Лены, разливающейся между островами иногда на 10 и более верст**. Равнина, расширяясь с севера к югу на 11, с востока к западу — на 60 в., издалека обхватывается лесистыми горами и множеством озер. Якутск еще в то время, как стоял на степени города разрядного, или областного, обстроился деревянным четыреугольником, коего сторона продолжалась на 320 саж., с 16 башнями, в средине же его включался замок, также деревянный, с 6 башнями, и занимал площадь в 640 саж., с каменным помещением для воевод (11). В таком виде Якутск существовал и в IV периоде.

В Якутске, по словам адъюнкта Исленьева, было в 1768 г. до 300 домов, не более, как и во 2-ю Камчатскую экспедицию***. Жителей об. п. до 3000, разумеется, вместе с якутами и якутками крещеными, семейно жившими или служившими при домах русских. Купцов было до 50, и один Протодьяконов богатый. Тогда еще не было Лебедева-Ласточки-

* Иркутский уезд делился на 3 дистрикта: на Подгородный, Балаганский и Верхоленский. В 1-м 3 ел.: Урик, Куда и Аек. Во 2-м — 3 ос. и ел. Олонки. В 3-м — 1 ос. и 3 ел.: Манзурка, Бирюльская, Ангинская и пристань Качуг. Собственно, к Иркутску принадлежали: ос. Тункинский, 3 зим. (Култук и 2 на Верхней Ангаре, в старину бывшие острогами) и застава Никольская.

К Иркутской провинции приписаны города: Селенгинск, Нерчинск, Илимск, Якутск, Охотский порт и Камчатка. 1 -му — пригород Удинск, 2 кр. (Стрелка и Троицкосавская), форпост Кяхтинский, 2 слободы, 3 ос. с Баргузинским, а Баунтовский и Кучитский на р. Витиме превратились в зим. ясачные. Ко 2-му — 4 ел. с Цурухайтуевскою, 4 ос. (Итанцынский, Еравинский, Читинский и Аргунский), прочие уничтожились. К Илимску? ел.,6 ос. с Яндинским, неизвестно когда выстроенным, только прежде 1744 г. О прочих местах сказано будет впереди. Под этим перечнем администрации надобно разуметь весь IV период.

** Из двух пластов, пепла и песка иловатого, в колодце Шергина встреченных, г. Злобин заключает, что котловина, на которой стоит Якутск, осела от подземного горения на 6 сажен и что русло Лены, обрушившееся после горения, лежит против нынешнего ниже по меньшей мере 5-ю саженями.

*** Во время Биллингсова проезда, 1786 г., было 362 деревянных дома, собор и 5 приходских церквей. Тогда же перестроивался монастырь. В 1819г. Лосев опять считает не более 300 домов; это значит, что дома строились просторнее и поместительнее. В 1815 и 1826 гг. я видел в лучших домах зимние оконницы из дерева, с одним посредине стеклом или слюдяным отрезком, который на ночь вынимается и на его место вставляется деревянная вставка. Полы комнатные везде одинарные, как будто в Крыму, и по ним разостланы оленьи шкуры, которые не защищают ног от простуды.

на, основавшего свои промыслы не только на Курильских и Алеутских островах, но и на берегу Америки. Семьи заезжих чиновников не размножались в Якутске, по трудности свыкнуться с климатом, с образом жизни, с л и шениями и с особым духом жителей природных.

Жизнь Якутска одушевляется только тогда, когда Солнце видимо будет в Раке, и с тем вместе наступит ярмарка. Жители городские и окольные стремятся то на большой базар с деньгами, то на пристань к Лене, более с глазами любопытными. Между судами и лодками, приплывающими с огородными овощами, как с бакалией, с мукою, сахаром и виноградными винами, с холстами и шелковыми или шерстяными тканями, между гостями и туземцами без огласки совершается промен или покупка. Вино сказывается в болтанье, шутке и шуме. Дела перестают на несколько часов, но гул на Лене не утихает целые сутки, как невечерний свет и овод неутомимый.

Жители об. п., по замечанию Исленьева, неизменно продолжали прежний курс к нарядам и щегольству, равно и к лености, как к спутнице жизни суетной. Другую странность можно слышать в тамошнем разговоре природных русских, чиновных и нечиновных: именно, все они говорят лучше по-якутски, чем порусски. Странность сию надобно приписывать первоначальной необходимости, какая предстояла казакам, боярским детям и промышленникам, там поселившимся, перенять господствовавшее наречие богатого племени. От якутов, так сказать, зависели водворившиеся пришельцы, в житейском и торговом отношении. Притом изучение наречия легко.

Русская населенность по пространному Якутскому уезду тогда являлась в 2 острогах*, в 13 ясачных зимовьях, укрепленных по рр. Лене, Вилюю, Яне, Индигирке, Алазее и Колыме, в 2 слободах (Сунтарской и Амгинской), в промышленничьих частных зимовьях при устьях рек, начиная с Анабары и Оленека, и в нескольких станциях, от ос. Чечуйского до Якутска установленных.

Об ос. Зашиверском и ел. Амгинской прибавим здесь приличное сведение. Зашиверск со всех сторон, кроме северной, окружен величественными горами, которые, без сомнения, бывают отчасти преградою, что солнечные дни поздно начинают там быть видимы. Ярмарка там продолжается в конце декабря и в начале января, и 6-е число, говорят, бывает

* В Якутском уезде 2 ос. (Олексинский и Зашиверский), а ос. Удский и Анадырский под конец периода отошли к охотскому начальству. Ясачных зим. 13, на Лене — 2 (Жиганскоеи Сиктакское), на Вилюе — 3 (Усть-Вилюйское, Средневил. и Верхневил.), 2 на Яне (Верхоянское и Усть-Янское), на Индигирке — 2 (Уядинское и Манское), на Алазее — I, на Колыме — 3 (Верхнеколымское, Среднеколым. и Нижнеколымское). Последнее укрепленьице перенесено на 20 в. выше по реке и поставлено на западном берегу против устья Большого Анюя. Тут бывала расторжка с чукчами, но ныне при Малом Анюе. Сл. Сунтарская в 57 в. от Вилюйского соляного водомета (солемета). Укажем пути сообщений верховых и частию водяных. Якутск есть средоточие, из которого проложены дороги в разные стороны. В ос. Удский — чрезсл. Амгинскую, Алдан, Учур и Улью. В Охотск — чрез р. Алегу, Алдан и Юдому. К устью Лены — по берегу левому, а с реч. Киселевки — по правому. В Усть-Янское, от устья отстоящее на 98 в., надобно ехать по правому берегу Яны, с Верхоянского — по левому до места и оттуда на Индигирку до зимовьев Манского и Уяндина. В Колыму — чрез Верхоянское, Зашиверск, Уяндино, Алазейское, Среднеколымское, Нижнеколымское. В Анадырск — из Н. Колымского по правому берегу Большого Анюя, потом — по правому берегу Анадыря до острога. Из Анадырска — к восточному берегу залива Пенжинского, на Таловку, Тигиль, оттуда — чрез хребет в Нижнекамчатск и далее — до Большерецка, из которого обратно на кр. Тигильскую. Этот сухопутны и переезд продолжался до уничтожения Анадырска и до постановления Гижигинска.

радостно по сугубому свету, по свету празднуемого Богоявления и по первому солнечному озарению. Что касается до слободы Амгинской, или переселения пахотных крестьян на р. Амгу из Илимского уезда, это сделано в 1735 г. для распространения хлебопашества в бесхлебном крае. Там и солома важна; но переселенцы, по несмотрению уездного начальства, обратились к скотоводству и звероловству. Заметим еще, что за Верхоянским хребтом к северу появились лошади и рогатый скот не прежде, как с переселением якутов на тамошние станции, вплоть до Среднеколымска, а прежде того там ездили на оленях и собаках.

18. Расставшись с *Анадырском* в 1741 г., когда, по полученному известию о нашествии чукчей на олюторских коряков, решено было умножить в остроге команду строевую и казачью, мы между тем узнаем из Лосева, что в том же году Анадырск снова укреплен, без сомнения попечением Павлуцкого, и что с помощью отряда, кстати, подоспевшего, толпа чукчей разбита, что сушеное оленье мясо досталось в добычу команде и служило ей вместо сухарей на 3½ месяца. Команда состояла тогда в числе 100 мушкетеров и 400 казаков, не считая колодников, которые туда пересылались до марта 1764 г.

Стычка с чукчами нечаянно выдернулась, в 1747 г., когда майор Павлуцкий, вздумав догнать их с малым отрядом, погиб при отступлении от Сопки*. С того времени война разыгралась с чукчами, и они продолжали ее настойчиво до 1759 года. В 1748-м прибавилось казаков и еще рота солдат (12). В 1749-м острог приведен в лучшее оборонительное состояние. В 1759-м чукчи облегли его, команда терпела голод, ела собак; поручик Кекуров, дабы облегчить продовольствие, пробился с командою в 300 чел. сквозь толпы чукчей и спас людей от смерти промыслом оленей, а с тем вместе рассеялись и толпы неприятельские, не лучше запасшиеся пропитанием. В 1761-м, как вид но из П. С. Законов, нестроевая команда получила за пуд хлеба по рублю.

В 1760 г. определен был курляндский уроженец, полковник Плестнер**, начальником порта Охотского, с подчинением ему Анадырска и края Нижнеколымского, дабы дать более способов к разведыванию о Чукотии и о Большой Земле, о которой молва не погасала. В 1763г., по уверению Лосева, снова прибыло в острог 112 солдат из Тобольска и казаков 490 в одно время, кажется, с Плестнером, только число казаков преувеличено, в 1764-м пуд хлеба в Анадырске обходился по 9 р., как видно из законов. Толь чрезвычайная дороговизна продовольствия, толь трудная доставка его и несоответственное, с другой стороны, приобретение мягкой рухляди в Заносье, были взвешены правительством, и нашлось, что выгоды далеко не стоили издержек, даже денежных. Анадырск уничтожен в 1770 году. Чукчи, освободясь от соседа воинственного, сделались менее злобны, менее задирливы.

В Анадырске живали и люди промышленные, как видно из следующего. В 1747г. прикащики купца Жилкина, устюжанин Афанасий Бахов и другой — Новиков из Якутска, построив судно на р. Анадыре выше острога, вышли из устья и достигли о. Берингова, где и по-

* Капитан Литке доспрашивался у чукчей, при каком месте убит Павлуцкий, и недовольствован ответом. Благочинный Камчатки обещал узнать о том от тойона Павлуцкого.
** В П. С. Законов он написан: Плениснер.

ложили якорь. При жестоком шторме судно разбилось вдребезги. Бахов и Новиков из остатков Берингова шлюпа построили судно длиною в 17 ар. и в следующее лето отважились пуститься к С.-З., но во время тумана поворотили назад к ос. Медному, и в августе 1749-го прибыли в Камчатку с грузом, оцененным в 4750 р. Если сообразить начальный капитал, труды, плату экипажа и время 3-годовое, едва ли на конце счета не останется один выигрыш удачи?

19. Здесь помещается часть сведений о Северо-Востоке, желанных правителем Сибири Соймоновым, как видно из неоднократных его представлений Сенату.

Плестнер: а) собрал у коряков и юкагиров слухи о Большой Земле, нарядил в 1763 г. сержанта Андреева отыскивать ее по льду Ледовитого моря; б) склонил Дауркина, родом из чукчей, обрусевшего у нас, возвратиться на время восвояси под видом беглеца и собрать сведения о Чукотии, островах между Азией и Америкой и жителях последней; в) послал в 1764 году в море из Охотска поручика Синдта, которому велено было стараться открыть материк Америки, держась северо-восточной стороны, потому что к востоку должны были скоро выйти из Камчатки два судна, под управлением капитана Креницына и лейтенанта Левашова.

Синдт, замешкавшийся на пути в Болыперецке, оплыл Лопатку не ранее 1766 г. и зимовал у м. Укинского (Начикинекого). В следующем году видел он одиннадцать небольших островов (так показался ос. Лаврентия) и гористый берег в расстоянии одного градуса от Чукотского мыса; многоостровием он ввел Палласа при сочинении карты в невольную погрешность. К большому удивлению, Синдт положил виденный берег на карту Америки и, назад возвращаясь подле камчатского берега, пришел в Охотск в 1768 г. По исчислению Синдта, берег Азии должен простираться в долготе до 200 от о. Ферро; но при всех ошибках, в какие он введен неблагоприятною погодою, открыт им. о. Св. Матфея*.

Сержант Андреев с казаком Шкулевым 22 апреля отправился на собаках по льдуотреч. Крестовой и через 90 в. приехал на 1 -и остров, на 30 в. от В. к 3. протягивающийся, с шириною 40 в. Почва его песчана, желта, мелкодресвяниста, есть и камни дресвяные (гранитные), а трава свойственная тундре. Видел развалившуюся юрту, строенную будто бы костяным орудием. Гора утесиста к 3., полога к В. Наносный лес — лиственница, ель и осина. До о. 2-го около 40 в., он протянулся от С. к Ю., длиною на 30 в. и с такою же шириною. На нем также есть гора, не столь высокая. О[стров] 3-й — в 40 в., длиною около 60, шириною в половину. Берега утесисты. На северной стороне есть кекур в 5 саж., к нему прикреплен лабаз на лиственничных стойках. Есть ручей, и близ него развалившаяся юрта с двумя погребами, у которых стены досчатые. О[стров] 4-й — в 30 в. от В. к 3., длиною в 40, шириною в 20. На нем такая же гора, какая на 1-м. О[стров] 5-й — к В. в расстоянии 100 в., длиною около 70, шириною около 50-ти. Гора на нем выше, чем на 1-м, земля серовата, видны две юрты, наносного леса много. Экспедиция видела песцов и медведей. Всходили на гору и видели к В. синь или чернь. Вот описание Медвежьих островов, в первой книге упомянутых. В 1767 г. приезжали для описания Медвежьих ос-

* Статья о Чукотском мысе главнейше взята из собрания сочинений, г. Озерецковским выбранных из *Месяцесловов* 1785—1793 гг.

тровов геодезисты и сочинили им карту. Описание Андреева, пропустившего даже один остров из шести, также и карта геодезистов не имеют надлежащей точности в сравнении с описанием и картою Ф. Врангеля; но мы отлагаем это до VI периода.

Дауркин, через два года возвратясь, сказывал Плестнеру, что Чукотский Нос есть узкий полуостров, которого жители производят торги с американцами посредством обмена, что они переезжают пролив в шесть дней греблею, что в проливе много островов, в недальнем расстоянии лежащих, и что в северной части обе стороны, по словам чукчей, между собою близкие, разделяются только двумя островами*.

Касательно самого Дауркина, он нашел на Чукотском Носу своих сродников, с которыми плавал на острова, между Носом и Большой Землей лежащие, видел самих жителей той Земли и пересказал Плестнеру имена островов. Главное уверение, что виденная им земля была часть Америки, состояло в обычае украшать челюсти зубьями моржовой кости, которые туземцы вставляли себе из щегольства. Плестнер в 1777 г. вручил директору Академии наук карту, им составленную, на которой Америка представлена протянутою на запад до Медвежьих островов; но такое предуверение и тогда казалось невероятным.

Приобщим сюда же сведения, из Чукотии вывезенные сотником Кобелевым, в 1779 г. посланным из кр. Гижигинской. Кобелев в половине июля достигнул, с помощью ясачных чукчей, до той губы, в которую в 1778 г. заходили два английских судна (в ш. 63° 18', в долготе 206 от Ферро). Местные чукчи сказывали еще, что давным-давно проходили также два подобных судна. Кобелев 26 июля от матерого Чукотского Носа (южного?) переехал на первый безлесный ос. Имолвин, в 40 в. от берега, длиною в 5, шириною около 2 верст. На нем 203 м[ужского], 193 ж[енского] п[ола]; говорят, как сидячие чукчи питаются китами, моржами, нерпами. Из сухопутных зверей одни песцы. Остров 2-й, также безлесный, в 3 в., называется Игельлин**, окружностию меньшей против

* Северо-Чукотский мыс ныне представляется мореходцам издали косою, но в 5 или 6 итал. милях усматривается вместо косы низменный берег, который соединен с подошвою горы. Тут оборвавшиеся утесы лежат в грозных развалинах. Представление Дауркина не так, как Дежнева, довольно близко к правде. Дежнев в своих рассказах о мысе показывается вовсе не видавшим его, а в то время мыс мог еще быть в гигантской своей вышине. Любимец Миллеров говорил одно и то же, что Чукотский Нос протянулся в море между С. и В. и поворачивается кругом до р. Анадыря. Это идет к Южно-Чукотскому мысу, близ которого шатавшийся казак с товарищами собирал моржовую кость и мог наслышаться о Северном мысе.

Историк русского народа в *С[ыне] О[течества]* удивляется, что я в VI гл. первого периода, говоря о Дежневе, посягнул против палеографического доказательства Миллерова и против мнения Ф. Врангеля, как географа, бывшего на местах. Я искренно уважаю оба помянутые имена и, уважая, взвешивал достоинство палеографического доказательства, в котором не нашлось правды неоспоримой. Соглашаясь с Миллером на оплытие мыса, надлежало бы верить ему на слово, потому что старый историограф не издал ни снимков, ни копий с отписок дежневских, так что я не знаю даже, на чем были писаны палеографические строки, на бересте или на бумаге. А бумаги негде было ему взять. Что касается до Ф. Врангеля, он сам сказал нам, что между Медвежьих островов и м. Шелагского, в 120 милях от берега, морская глубина не глубже 13 саж.: следственно, самое прибрежье, которого держались кочи Алексеева, затирается непроходимым льдом, как испытано Биллингсом и Шалауровым. Повсему пора расстаться с ложною славою Дежнева.

** В группе островов Гвоздевых, или Диомидовых, есть, по атласу кап. Литки, о. Игналук, похожий по звуку на Игельлин; но Кобелев, по-видимому, не был так высоко.

первого. Жителей м[ужчин] — 85, ж[енщин] — 79. В прочих отношениях похож на первый. Кобелев отсюда до берега Америки считал 30 в. Могло бы это быть, если бы он отправился с Северо-Чукотского мыса.

Старшина 2-го острова, уроженец берега американского, сказывал, что там по р. Хеврене в острожке Кингоеве живутлюди бородатые, говорящие по-русски, читающие книги и поклоняющиеся иконам. Кобелев, доверяя болтовне, может быть иначе понятой, дал старшине письмо для пересылки к бородатым людям. Другой чукча сказывал, что знакомец его с о. Укипана приносил от американских бородачей дощечку, с вырезкою слов красных и черных, для пересылки в Анадырск. Много сказок, а конца нет. Нельзя предполагать выдумок в холодных дикарях, но по легкомыслию вести и слухи у них вздуваются и исчезают, как на луже пузыри дождевые.

Мы выставляем пред читателем все предания, составляющие историю того времени, для сравнения с наблюдениями просвещенных путешественников.

20. Порт *Охотский,* с подчиненными острогами, Курильскими островами и Камчаткою, оставаясь в качестве города, приписного к Иркутску, распространял свое ведомство от ос. Удского до Нижнеколымска, при управлении Плестнера. Город, после известного переноса к морю, растянут вдоль косы наносной, отделяемой от косы Кухтуйской протокою двух рр. — Охоты и Кухтуя, делающих позади обеих кос залив, на 4 версты разливающийся; в этом заливе выше протоки к З. основан порт, куда и входят с моря суда, не без затруднения, по причине мелей*. Мы слышали от старого моряка об особливых явлениях прилива и отлива при Охотском порте, об одной полной воде во время сизигий и о двух полных водах при квадратурах Луны. От него же мы слышали о морском течении к западу, пока морской берег лежит в этом направлении, и о повороте течения к югу, далее Охотска. Чтоб разделить с читателем ведение о толь замечательных явлениях, мы прилагаем в скобке (13) достойное изложение, тем же моряком написанное.

Воздух в Охотеке, который омывается заливом и с другой стороны — морем, сыр, нездоров, цинготен и убийствен для организма животного и растительного, так что ничто не растет и не зеленеет ближе 4-х верст или Булгина. Притом туманы морские, холодные ветры делают тамошнее житье крайне тягостным; и вот изъяснение, почему русская населенность при всех усилиях, какие употреблялись в царствование Анны, не могла развиться**. Надобно, однако ж, заметить, что за невысокою грядою гор, отстранившеюся от моря верст на пятнадцать, открываются леса и луга, где пасутся коровы и лошади охотских жителей.

Не следует поэтому думать, чтобы по берегам Охотского моря не сыскалось мест для хлебопашества ячменного. На реч. Ине, верст за сто к востоку, по морскому берегу заведена в 1735 г. деревня

* В настоящее время, при капитане Миницком, Охотский порт перенесен на Кухтуйскую косу, Тунгусскою Кошкою называемую, потому что прежняя коса, при которой стоял порт и город, прорезана к морю косвенным устремлением р. Охоты, и коса сделалась подмываемым с запада островом. Ныне поговаривают об отделении города от порта и о переносе первого на Булгинскую поляну, для народного здоровья.

** В 1786 г. в Охотске было деревянных домишков только 132, и они принадлежали более морским служителям.

пахотных крестьян. В то же время водворено десять семей пахотных в ос. Удском, который стоит 85-ю верстами выше устья Уды, славящейся дорогими соболями.

Выварка соли из морской воды началась в Охотске около 1735 г., но порядочное устройство солеварения, близ реч. Урака, -на запад от порта, относится к 1756 г. Тогда был начальником порта майор Зыбин (14). В следующем году определен Шипилов, вместо которого поступил Чередов и предшествовал Плестнеру. Кроме последнего, поминаются одни имена начальников.

На этих бесплодных берегах Ламы жители охотские пропитываются рыбою, утками и тюрпанами, которых в июне и июле, в часы приливов, они загоняют с рейда в залив порта и там овладевают ими. Этот промысел стоит оленьей плави на Анюе и Омолоне. Будучи неглубоки в прозрении великого хозяйства природы, мы не имеем вкуса к нарядным описаниям подобных убийственных зрелищ.

Мука, жизненные припасы и товары там получаются из Якутска во время ярмарки *пластовой, с* августа до октября продолжающейся.

Не неприятно было бы сказать, какие купеческие суда выходили из здешнего порта на промыслы в Курильские и Алеутские острова, но лучше отложить известия сего рода до других страниц *Обозрения.*

21. Новый острог, *Нижнекамнатский,* по утешении бунта, отстроенный к 1740 г. из лиственничного леса, на левом берегу живописной р. Камчатки, ниже опасных его щек, между реч. Ратухой и жильем Петухова, в 30 в. от устья, имел уже в 1741 году на посаде 39 домов, 92 жителя, винокурню (вино гонилось из сладкой травы) и казенный табак. Не место здесь говорить о картинных видах главной реки, ни об ея пихтах, тополях и горячих водах.

Сверх прежних острогов отстроен в 1740г. *Петропавловский.* Ему служило украшением здание, 2-ю Камчатскою экспедицией возведенное, а церковь душевною отрадою сущим в море далече. *Тагильский* 5-й ос. зачат в 1750 г., через два года обнесен палисадом и рвом (но лучше укреплен во время Бема). Первые жители его были переселенцы из Сибири, в числе 37 человек.

Это не первые в Камчатку переселенцы. Еще около 1733 г. несколько семей пахотных было водворено между сопкой Ключевской и старым разоренным Нижнекамчатском. В тех же видах хлебопашества, которое начато было якутским монастырем и производилось по двум заимкам, вновь водворены в 1743 г. пахотные крестьяне в 12 в. ниже Верхнекамчатска, и это водворение слывет деревнею Мильковою. Столько было пахотных насаждений, могших оправдывать плодородность камчатской почвы, но они по нерачительности тамошних начальников так мало успевали в деле, что Сенат в 1744 г. спрашивал контр-адмирал а Лаптева, несколько лет жившего на полуострове, о возможности или безнадежности тамошнего.хлебопашества. Странно, что Лаптев односторонним мнением уронил надежды правительства. Он отвечал, что между гор есть места дубровные, где произрастают березы и тучные травы, но по причине холодных туманов, в июне и июле приключающихся от таяния нагорных снегов, трудно ручаться за успехи земледелия. Таким образом, водворения, долженствовавшие сделаться учебными усадьбами для камчадалов, оставались без ответственности пред начальством, пустились в звероловство по примеру камчадалов, которые не хотели перенять у переселенцев

ни чистоты, ни опрятности сибирского крестьянского житья. Предоставим времени и Бему*, благоразумному хозяину Камчатки, поправить дело.

В свое время льзя ли было подумать, чтобы тотчас из бедственного окончания 2-й Камчатской экспедиции произошло столько благоприятных последствий, сколько их увидели. Помолвка о количестве морских бобров (Enhydris stelleri), командою Берингова бота вывезенных, была начальным руководством к морской промышленности. Сержант нижнекамчатской команды Емельян Басов первый увлекся сею мыслию, сообщился своими средствами с московским купцом Серебренниковым и в 1743 г. вышел в море на плохом шитике своей постройки и возвратился не без груза. В 1745 г. в товариществе известного купца Трапезникова Басов ходил на о. Берингов и на два ближние к югу острова, и они собрали 1600 морских бобров**, 2000 голубых песцов и столько же котиков. При огласке столь многоценного груза надежды камчатских гостей разгорелись. Устремились строить суда, хотя и плохие, сыскивать охотников для экипажа и добывать счастие на море. Открытие островов (Ближних, Крысьих, Андреановских и прочих), водворение на берегу Америки, важные сии события были как бы поминками над Беринговой могилой, кудадействительно наперед и заходили наши мореходцы. Басов ходил на оба Командорские острова еще два раза, в 1747 и 1749 гг.; но порядок предметов требует, чтобы отложить продолжение морской предприимчивости до главы VIII.

В соответствие плавания Синдтова, прилично теперь известить о плавании капитана Креницына и лейтенанта Левашова, в июле 1768 г. из Камчатки вышедших в море на галиоте, **Св. Екатерины,** и гукоре, **Св. Павла.** Данная им инструкция обнимала все известия Беринговой экспедиции. Они отправились на оба Командорские острова, которые ими и описаны. О[стров] Берингов представлен низменным, каменистым, особливо в юго-западной стороне, в расстоянии от Камчатки в 250 верстах. Осетров] Медный, на берега которого выбрасываются с моря куски самородной меди, канфарные деревья, простирается вдл. на 50 в., холмист и лежит от первого в 60—70 в. Потом прибыли они к о[стровам] Лисьим. Левашов зимовал у о. Уналашки, определенного им в ш. 52° 29' (у Кука 53° 55'), а Креницын — у полуострова Аляски. На Уналашке замечено тогда жителей до тысячи душ. Оба возвратились в Камчатку осенью 1769 г. Мы не читали их журналов, чтобы иметь право отозваться, в какой степени соответствовали они начертаниям инструкции.

Прибавив к сведению, что ближайшим начальством, которое распоряжалось делами полуострова, в течение периода, была Большерецкая канцелярия, под влиянием охотского начальника. Казаки или небольшие чиновники правили острогами, под зависимостию канцелярии.

22. Волканическая гряда *Курильских* островов, счетом до 22, не включая малых, простирается от южной оконечности Камчатки к Японии, в юго-западном направлении. Все сии острова гористы, дымятся, или дымились, или к этому го-

*М. К. Бем вступил в должность камчатского командира 12 октября 1773 г. и оставил Камчатку 8 июня 1779 г. Однако ж до приезда его у камчатских жителей было рогатого скота в 1772г. 570 голов.

** Тогда продавалась шкура этого бобра по 20—40 р., а на Кяхте — по 60—90 р.

товы. Есть на них речки и ручьи с пресными водами, в которых водится рыба. Наостровах северных нет деревьев, кроме кедровника-стланца, ерника, травы сладкой и бедных растений. Птиц и гнезд орлиных довольно. В водах около островов водятся тюлени, бобры и другие морские звери.

Бесспорно, что островитяне издавна имели между собою обмен в вещах и получали также чрез торговый обмен японские жизненные припасы и нужные изделия; но не подчинялись Японии, кроме о. Матсмая, пока японцы не увидели русских на о. Урупе. Тогда уже они укрепились на Матсмае, Кунашире и Шигодане, дабы остановить русскую замашливость: вперед, вперед. После первых двух островов, Сумчу и Парамушира, казаками объясаченных, и прочих безлюдных или малолюдных, к России причисленных без труда, едва ли охотские сборщики распространяли право ясака далее о. XII, как можно заключить из того: а) что число ясачных не упоминается у них свыше 138 чел.; б) что губернатор Соймонов, представляя Сенату о безвестности южных островов, раз виденных Штенбергом и Вальтоном*, просил около 1760 г. позволения садить морских людей на купеческие суда для снятия карт и описания островов, с тем, чтобы кораблехозяева давали им содержание и взносили в казну 10-ю долю из промыслов. При сем случае губернатор упомянул о судах купцов Н. Трапезникова и Рыбинского, ходивших в острова и вывезших сверх пушных товаров некоторые редкости. Утверждением губернаторского представления снято с южных островов запрещение, какое подразумевалось у местных начальств, опасавшихся уменьшения в ясаке или лишения своих торгов. Якутский посадский Ив. Кирилов промышлял с 1743 до 1750 г. на островах не далее Шияшкотана, конечно, с дозволения охотского начальника, и приобрел состояние.

Для лучшего понятия об островах мы вносим краткое извлечение из описания, майором Татариновым составленного, и от иркутского губернатора Клички представленного в Академию наук. Посредине *Сумчу,* о[стров] I, есть озеро немалое, с выпадающею в море речкою. Есть много других озер и речек рыбных. Усмотрена серебряная руда. Длина острова в 50, ширина — в 30 в. К восточному берегу есть утесы и далее — кекуры. О растительности сказано в начале статьи. Число жителей не означено. *Парамушир,* о[стров] II, вдвое огромнее первого, изобилует речками и озерами. Ясачных 76 чел. *Ширинки,* о[стров] III, в окружности 40 в. Есть на нем сопка, но нет пресных вод, кроме дождевой, нет и жителей. *Макан,* о[стров] IV, в дл. 20, в шир. — 10 в. Кроме береговых ключей, нет вод пресных. *Онекотан,* о|стров] V, в дл. — около 100, в шир. — 15 в. Три сопки. Из гор текут речки в море. *Харамокотан,* о[стров] VI, в дл. — 20, в шир. — 10 в. Посредине сопка, на которой к северу есть немалое озеро. Есть две речки. В утесах есть железняк, а в белом камне — металл с искрами. *Шияшкотан,* о[стров] VII, дл. 80, шир. — 5 в. Две на нем сопки. *Икарма,* о[стров] VIII, дл. — 8 в. Есть сопка. Берега песчаны и каменисты, на последних есть серные источники. Нет ни озер, ни речек. *Чирникутан,* о [строе] IX, дл. как и шир. — по 15 в. Есть курящиеся сопки. *Муссыр,* о[стров] X, в дл. и

* Эти моряки не сказали даже собственных имен островов, к которым приставали и ласково были принимаемы жителями.

шир. — по 3 в. Подле него два кекура. Курильцы приезжают сюда для промыслов. *Рахкоке,* о[стров] XI, вдл. и шир. — 20 в. Были большие сопки, которые рассыпались после пожара, в 1777 г., изменившего вид острова. *Матоуса* о[стров] XII, дл. и шир. — в 30 в.; к полудню дымится сопка, а к северу увалы и равнины, украшающиеся травами. Также растет мелкий ольховник и рябинник. Ясачных 63, женщин с детьми — 126. *Росагу,* о[стров] XIII, дл. и шир. — по 30 в. в обе стороны. С сего острова растительность усиливается. По косогорам и хребтам есть хороший березник, ольховник и кедровник, вместо прежнего встланцевого. Жителей немного; они нравами, житьем и наречием сходны с северными островитянами. *Ушишир,* о[стров] XIV, состоит из двух безлесных островов, в дл. и шир. — по 25 в. Близ берега бьют горячие и кипячие ключи. Сера горючая и селитра накопляются большими глыбами. *Кетой,* о[стров] XV, дл. — 30, шир. — 10 в. Хребты и горы утесисты. Кроме помянутых деревьев, растет еще камышник коленчатый и райма, крепкое дерево, похожее на ель, с красными ягодами. Много на нем лисиц. *Шимушир,* о[стров] XVI, дл. около 130, шир. — 10 в. На нем 4 сопки, к стороне Кетоя, есть большая бухта, а на восточной стороне 3 небольшие губы. Вокруг острова утесы и каменья. Озер и рыбных речек нет, кроме мелких источников. Растительность не усилилась. *Чирпой,* о[стров] XVII, в дл. и шир. по 25 в., разделяется проливом с кекурами. Есть две сопки. Речек или озер нет, кроме одного кислого ключа. Растительность не богаче прежней*. *Уруп,* о[стров] XVIII, дл. около 200, шир. — около 20 в. Пересекается горами и хребтами, между которыми есть долины и речки глубокие, наполняющиеся рыбою. Довольно лисиц. Есть низменная поляна, и местами земля черная. Растительность сильнее против прежней. Есть месторождения руды железной и медной. Растет по острову березник, ольховник, осинник, рябинник, ивняк. Айны приезжают сюда летовать и зимовать для промыслов. В губе могут помещаться большие суда. Вот острова в достояние России вошедшие прежде 1770 года, острова, на которых русские купцы учредили свои промыслы с 1743 г. Якутские купцы Захаровы, посредством курильской промышленности, вошли в большой капитал около 1767 года. Сотник И. Черных в 1766 и следующем году посылай был на южные острова для сбора ясака и для описания местностей; он доходил до Урупа. Бот Лебедева-Ласточкина, под командою якутского дворянина Антипина, отчасти знавшего японский язык, в 1775 г. ходил из Петропавловской гавани до Урупа, где случилось несчастие. Бот морским штормом был выкинут на берег, и Антипин с экипажем в 40 чел. возвратился на байдарах. В сентябре 1777г. гукор, **Св. Наталии,** принадлежавший Лебедеву с Шелеховым, отправился из Охотска, под командою штурмана Петушкова, и 11 октября дошел до Урупа, где и зимовал. Переводчик Очередин ездил на о. Матсмай в продолжение промысла недаром. В августе 1778-го гукор с большим грузом возвратился в Охотск. В сентябре того же года, на том же судне опять отправились к Урупу Антипин и передовщик Шеба-

* В *Voyage pittoresque en Asie par Eyri&s* упоминается о. Бруггон; ноя никаких разностей, с русским подлинником несходных, не заимствовал, потому что описываю так, как острова известны были в данное время. История требует современности в самой истории ведения.

лин. Антипин в числе 45 чел. на 7 байдарах плавал на о. Матсмай и к зиме воротился на Уруп. Землетрясением, 8 января 1780-го случившимся, гукор взброшен был в средину острова, и передовшик с экипажем убрался на байдарах в Камчатку; плывучи, он видел следы землетрясения на 3 ближних к Урупу островах. Теперь надобно сказать, что Очередин, Антипин, Шебалин, ездившие на Матсмай, принимались ласково японцами и взаимно дарились. Антипин, в сопровождении штурманского ученика Путимцева, Шебалина и прочих из экипажа, в сентябре видел высшего японского начальника, нарядно проходившего мимо становья русского, от которого и честь была ему отдана. После Антипин, в качестве переговорщика, предлагал ему взаимность торга, на что ответствовано: «Нечем меняться, ничего сюда не привозится, кроме съестного, вина и табаку». При этом случае наши угощались чаем и табаком в комнате, устланной циновками, убранной ружьями, пистолетами, копьями и пушечками.

Переводчики посещали и прочие острова и описывали их следующим образом. *Итуруп,* о[стров| XIX, дл. и шир. — по 300 в. Он пересекается хребтами, в которых есть и сопки горящие. Речки текут в бухты и губы. Есть оз. рыбное, с истоком в море. Растительность чувствительно там увеличивается, и к полдню есть лиственничник. Айны живут семейно, мужчин с детьми того же пола 113, женщин с детьми их пола— 188. На *Кунашире,* о[стров] XX, есть хребты и сопки, речки, озера. По горам растет ельник и лиственничник, годный на дело, не говоря о березнике, ольховнике и т.п. Трав изобильно. Промыслы звериные, сухопутные и морские, немаловажны. По низкому берегу выбрасываются жемчужные раковины*. Айнов с детьми м[ужского] п[ола] 68, женщин с детьми их пола 124. На острове есть крепость, обведенная рвом. *Шигодан,* о[стров] XXI, дл. 120, шир. — 40 в. На нем также три сопки, озера, речки и растительность, подобная кунаширской. Число жительствующих айнов неизвестно. *Матсмай,* о[стров] XXII, есть самый большой, обитаемый айнами, которые управлялись родовыми начальниками, подчиняющимися одному из них. Японцы владели 4 островами в виде власти наблюдательной и управительной. Впоследствии власть японская отяготела над островами.

В отношении промыслов замечательно, что морские бобры, долговременно тревожимые и истребляемые промышленниками, с 1780г. отплыли ото[стровов] Курильских, подобно как с 1750 г. не стало их у берегов восточно-камчатских. Но, если они опять показались с 1772 г. у о|стровов] Командорских, придет, конечно, очередь, когда снова покажутся при гряде Курильской. В отношения правительственном г. Лосев пополняет, что в 1779 г. прислано было в Иркутск XXX гербов Российской империи, для выставки в гаванях Курильской гряды. В 1781-м воспрещено требовать с воинов ясак или какую-либо повинность. Нужно ли присовокуплять, что эти островитяне, хотя и дикари, не так опрятные, составляют на Северо-Востоке единственную семью, семью добродушную, вежливую на китайскую

* Раковинный кабинет Иркутской гимназии, вероятно, здесь собран. Такими же жемчужным и раковинами были убраны две комнаты в нижнем этаже тобольского губернаторского дома, в котором живали Соймонов и Чичерин.

стать и говорящую одним языком во всей гряде в 10 градусов широты. Они поклоняются Солнцу и Луне*.

Описав города и замечательные места, мы надеемся еще возвратиться к некоторым из них для помещения приличных сведений, так как существенная история Сибири есть история городов и мест. Не такова ли бывает история и прочих стран, вновь заселяемых? Их возрастание, их занятия домашние, их отражения на окрестные пространства, вот вся жизнь их и вся история, кроме учреждений охранительных.

Теперь от времени исторического и от дробных ограничений времени перейдем к пространству воды и суши и к их дробным ограничениям.

ГЛАВА V

О ВОДАХ систематических и бессистемных

1. Предварительные понятия. 2. Система Обская. ОБЬ. *3.* **Воды Тобола. 4. Конда. 5. Воды Богословского** округа. 6. **Пелыми Тавда. 7. Тура. 8. Исеть. 9. Воды** Иртыша. **10. Система Енисейская. Енисей. 11. Воды** восточного русла, т.е. Селенги, **Байкала и Ангары. 12. Воды Байкала.** ***13.*** **Байкал. 14. Продолжение** восточного русла. **15. Система Ленская. 16. Горы** красного **песчаника.** 17. Горы **известковые. 18. Горы** пестрого **песчаника. 19. Горы известковые.** 20. **Горы гипсовые. 21. Горы известковые. 22. Горы пестрого плотного известняка.** ***23.*** Горы **мелкозернистого известняка. 24. Горы буроугольные. 25. Реки, впадающие в Лену. 26. Система Амурская.** 27. Амур. 28. **Окончание. 29. Закон направления вод** СИБИРСКИХ. 30. **Воды бессистемные. 31. Охотские.** *32.* **Камчатские.** ***33.*** **Анадырские.** *34.* **Колымские. 35. Заключение.**

В первой книге спрашивалось: какую землю предопределено Сибирской колонии занимать, обогревать и улучшать. Вопрос этот там рассматривался относительно одной северной полосы, и в начале книги второй окончательно пополнен. Теперь продолжим рассмотрение в полосах средней и южной.

Кроме того, что было говорено о десятинной пашне, надлежит поговорить вообще о земледелии сибирском и о состоянии его во всех краях страны; а сей цели нельзя достигнуть с верностию, не описав климата, земель и вод. Нам хотелось бы все это совместить в одной главе, но, во избежание сбивчивости, за лучшее признано разделить главу и особо предложить описание вод, омывающих и оплодотворяющих материк Сибири в сказанных полосах. Подробное описание вод текучих и стоячих обещает притом довольно усмотрений; из него можно будет видеть качества земель сухих или сырых, силы их и влияние на растения, фамилии лесов, промыслы рыбные и другие, следственно и состояние жителей. Чрез распределение вод по главным руслам можно увидеть ветвистость и пространность речной гидрографии, нимало не заботясь о теории во-

* Можно нааеяться, что фактория амер. компании, пребывающая на о. Урупе, соберет сведения о происхождении айнов, о их веровании и языке.

доображения. Ибо кому неизвестно, что земные воды перецеживаются в облака чрез испарения и что испарения, сгущенные в дождевые капли, опять восполняют землю теми же водами.

1. Воды и горы, сверх лесов или растений, повелевают поверхностию земли. Системы вод там распространяются, где перестают системы гор, и обратно; воды дробятся по направлениям разносторонним, там, где кряжи гор распространяются. Есть поэтому воды систематические, а другие, раздробляемые, можно назвать бессистемными.

Надобность признавать системы водные является только в том воззрении, чтобы удобнее в мыслях соотносить множественные воды к одному главному руслу, во всяком же другом виде введение водных систем было бы беспоследственно в Сибири. Они не показывали бы ни разности климатов, ни разности произведений, ни раздельности племен, ни разграничения уездного или губернского.

В удовлетворение признаваемой надобности выходят 4 системы водяные и 4 не-системы. Из первых одна Обская, другая Енисейская, третья Ленская и четвертая Амурская. Из вторых Охотская, Камчатская, Анадырская и Колымская. В окончательном выводе, как все воды, систематические и бессистемные, вливаются в океан Северный или Восточный, можно по изволению представлять только две системы: Северную или Восточную. При таком обобщении исчезли бы видимые разъединения рек второстепенных и третьестепенных, падающих в моря особыми устьями.

Но, воображая системы водные в виде дерев огромных, многоветвистых, можно представлять себе реки, особо падающие в моря, как бы в тени ближних гидрографических дерев. Так, напр., Пур, Таз и подобные отдельные реки будут подразумеваться под тенью гидрографического дерева обского, Хатанга и Анабара — под тенью енисейского, Оленек с прочими реками — под тенью ленского. Эти реки, как дополнения, служат к одной общей цели, к осушению водных урочищ, лежащих по сторонам, ниже долины главного русла.

Каждая из водных систем начинается двумя главными вершинами, потом составляется из 2 или 3 главных руслов, при многочисленности рек, речек и притоков, которые посредством тех или других сообщаются для умножения водной массы.

Озера и болота, явно или невидимо, чрез подземные просасывания или испарения, ссужая водами реки и речки или сами от них ссужаясь, естественно, подразумеваются в той же системе, куда принадлежат реки и речки. Наземленет вод стоячих. Все течет, от океана до болота.

Еще замечательно и то, что многие вершины главных рек, в известном расстоянии встречая котловины, от неровностей или переворотов происшедшие, наполняют их водами, и чрез сии плеса низвергаются далее, под теми же или другими именами. Плеса без разбора называются озерами, как, напр., оз. Далай, чрез которое проходит Херулун, переименованный Аргунью, оз. Байкал, чрез которое проходит Селенга, прослывшая по выходе Ангарою, оз. Телецкое, чрез которое проходит Башкаус, переименованный Биею.

Глава Обской системы, образуясь из главных вершин, Катуни и Бии (иначе Башкауса), начинается в ш. 48°; сама же система, составляясь из двух главных рек, Оби и Иртыша, начинающегося в

ш. 47°, катит воды до мыса Оленьего, или конца Обской губы, чрез пространство 26° широты. Касательно протяжения по долготе, она распространяется от вершин Туры до выгибов Чулыма на 32° (от 77° до 109°).

Глава Енисейской системы, образуясь из главных вершин Абакана, вытекающего из хребта Сабинского, и Енисея из-за границы, начинается в ш. 52°, сама же система, составляясь из 2 главных рек, Енисея и Верхней Тунгуски (Ангары, или Селенги) *, начинающейся в ш. 49°, катит воды до 72°, чрез пространство 23°. Относительно протяжения по долготе, она распространяется от западного выгиба Енисея до вершины Верхней Ангары (от 109° до 132°) или от истока Плогуя до Анабары (от 102° до 130°) на 20° в средней ширине.

Глава Ленской системы образуется из разных истоков, начинающихся в ш. 53°, и Киренги; сама же система, составляясь из главных рек Лены, Витима, из оз. Кучиды вытекающего, и Алдана, катит воды до 73°, чрез пространство 20°. Относительно протяжения коренных ветвей она очень тесна, но с причислением параллельных рек распространяется, по положению, отОленекадоАлазеи на 32°.

Глава Амурской системы образуется из двух рек, Ингоды и Онона, вытекающего в ш. 49°; сама же система, начав свое важное значение из их соединения, катит воды от хребта Хинганского до залива Татарского (127 до 159°), чрез пространство 32°. Относительно ширины она распространяется от юга к северовостоку не более как на 15°.

Итак, бесспорно, что система Обская есть самая обширная и что Амурская есть самая малая, по причине хребтов, врезавшихся и стеснивших ее.

Что касается до вод бессистемных: Охотских, Камчатских, Анадырских и Колымских, разрозниваемых отрогами Станового хребта, они не представляют ничего целого, сообщаясь порознь с морем, как в старину сибирские воеводства сообщались с Приказом Сибирским.

2. Обь от верховьев Башкауса до начала своей губы, по измерению и отчасти по масштабу карты, проходит 2800 в., губою 400, и если по причине изгибистого течения придать 1/4 той меры, она будет иметь протяжения по всей длине не менее 4000 верст. Бия, которой выход из озера будет описан, чувствительно понижается в своей постели с реч. Лебедя, намекая тем самым падение долины Обской и обширную низменность Западной Сибири.

В уез. Бийском, где Обь при своем начале сжата в крутых берегах на протяжении 85 в., правый берег ея вообще горист, в Барнаульском левый становится гористым, в Колыванском опять возвышается правый, а левый отчасти разбрасывается пологими холмами. В Томском правый берег раз навсегда, до конца Оби, слывет нагорным, вышиною около 15 саж. В помянутых уездах дно песчано и смешано с мелкою галькою, до слияния с Томью. Переборы, или россыпи, часто перехватывают реку, так что вода по ним стелется не глубже 1'/ аршина. Последний перебор перебрасывается через Обь при устье Томи, где

* Селенга в естественном понятии есть Верхняя Ангара; но прозвания рек, как известно, даются на выдержку. Спор между гг. Семивским и Степановым о первенстве двух слившихся рек довольно странен, как будто по доказательствам того или другого должно последовать перемене в наименовании рек. Но если бы спор был о деле, надлежало бы устранить благовидные убеждения обеих сторон и отдать первенство той реке, в которой, прежде слияния, оказалась бы, по гидротехническому вычислению, текущая масса многоводнейшею.

грузы ради мелководья должны сбавляться. От этой, так сказать, межи постель Оби изменяется в глинистую и местами супесчаную на прибережьях.

Глубина Оби в двух верхних уездах, исключая переборов, 3—5 ар., в Колыванском не более 7, кроме глубоких мест, где бывает до 15-ти. По какой-то странности, в Оби почти нет постепенного понижения русла; оно как бы изрыто поместными выемками, которые, однако ж, тем глубже, чем ниже по реке, так что в пределах Сургутского комиссарства и уезда Тобольского они уже измеряются в 12—18 сажень.

Обь ниже Усть-Чарыша становится разливистою в берегах; ширина ея в уездах Колыванском и Томском до 200 саж., далее в пределах двух комиссарств и ниже — до 350, около Белогорья — с версту, и еще шире, чем ниже.

Островов по Оби много, начиная с верхних уездов. Там частые острова покрыты черемошником, гороховиком (Robinia) и прочим мелким лесом. Ниже по комиссарствам острова, как и прибережная долина, одеваются тальником; по нагорному же берегу возвышается сильный хвойный лес: лиственница, ель, кедры и сосна. Пихта исчезает* около реч. Соби, как и кедровник — ниже устья Соби.

Главные направления Оби следующие. Сперва от соединения с Катунью в 12 в. ниже Бийска она стремится до Усть-Чарыша на Ю .-З. по узкой долине, потом до Усть-Черемшани на С., далее, отклоняясь к З., течет извилисто по широкой долине, обилующей лугами, протоками и озерами, до д. Крутихи. Отсюда, круто поворачиваясь на С., льется между возвышенными берегами, обросшими хвойным и березовым лесом, до устья Чулыма. Далее поворачивается на З. до Самарова, ниже которого, по слиянии с Иртышом, загибается почти под прямым углом к С.

Не упустим заметить, что Обь, по соединении с Кетью, летом выказывает близ д. Лумпакольской длинную косу, также от устья реч. Агана вытягивает длинные косы с прорезами, вплоть до островов, выше и ниже Сургута протоками образуемых. Далее Обь забрасывает к северу Старицу, к югу прокладывает судоходную Неулеву протоку в Иртыш, катя между тем главную толщу вод посредине своих розмахов. Такова жизнь реки в уез. Тобольском, на протяжении 110 в., до слияния с Иртышом, в 25 в. ниже Самарова.

От д. Белогорье Обь катится 350 в. нераздельно до села Чамашского. Усмотрение протоки около Троицкого и другой Яндырской не дает права к представлению на картах Малой Оби (где вовсе нетея) **.

На мгновение опнемся при монастыре Кондинском и перескажем то, что недавно прочитал Березовского училища смотритель Абрамов в тамошнем архиве. Именно: а) что на берегу Оби, подле монастыря, как видно из монастырской описи 1673 года, производилась плавка чугуна из руды, вероятно, болотной; б) что в январе 1679 г. велено госу-

* Из слов купца Плотникова тоже выходит, с тем отличием, что пихта хотя и растет выше Соби, но в мелком виде. Крапива, прядево остячек, растет до губы, а далее мельчает и перестает.

** Г. сенатор Корнилов, знающий морские науки и важность гидрографии, приложил к своей известной книжке *чертеж Оби* (по которой плавал до Обдорска), чистенько отпечатанный, но не оправдал его отчетливым описанием реки. Его описание, по званию губернатора и по званию моряка, было бы наи-

царевою грамотою зачислить за монастырем прииск слюды, когда будет найден черноризцами по р. Оби. Найден ли или нет пласт слюды, но ужели наугад игумен Макарий утруждал самого царя?

Обь действительно раздвоется у села Чамашского на Большую и Малую. Суда ходят по Малой на расстоянии 100 в., потом переходят в протоку Пырсым и идут по ней до Северной Сосьвы. По Сосьве плывут 30 в. до Березова, ниже которого в полуверсте падает в Сосьву Вогулка одним устьем, а другим ниже через 35 в. Тут суда входят в новую протоку Усть-Рем и идут по ней 50 в. до Оби, опять разделяющейся на три русла: Обь Малую, Большую и к правой руке Казымскую. Малая ниже Березова в 250 в. разбивается на два рукава, из которых левый называется Икарским; он мельче другого и соединяется с Большою за 25 в. до Обдорска. Малая глубиною 7—9, шириною до 250 саж.; она сливается с Большою за 70 в. до Обдорска. Большая шириною в 1 ½, в островах — в 2 в. Ширина и глубина Казымской остается в вопросе, подобно как поперечник между крайних рукавов Оби неизвестен.

«Ниже Березова, — говорит Зуев, — видны в берегах черные слои. От юрт Кушеватских берега становятся бугристыми, крутыми, из песка и глины. В глыбах глиняных содержатся окаменелые раковины. Между заливом Рингама и юртами Параватскими виден лес красный, особенно кедровник. Ниже Соби берега низки, песчаны и поросли крупным тальником. Ниже Обдорска берега состоят из бугристых наносов песка и глины, беспорядочно скученных. Таковы ж берега в начале губы, а далее каменисты».

К толь недостаточному описанию можно прибавить, что средняя глубина от Самарова на низ 11 —12, исключая ям, на 20 саж. углубляющихся, что в Обдорске у Оби 2 главных русла шир. 1 ½— 2 вер., а прочие 3 рукава не шире 250 саж., что в 8 вер. ниже Обдорска Обь собирает свои воды в одно многоводное русло, потом, опять разделяясь, падает в губу многими устьями.

Рыболовные суда промышляют по всем рукавам Оби, но предпочтительнее по Большой, как представляющей более удобных мест для промыслов. Промыслы начинаются между 20 и 31 июня по н. ст., пески нанимаются промышленниками у остяков по разным ценам, от времени до времени поднимающимся*. Рыба промышляется неводами и каждогодне идете моря в постоянном порядке: сперва сырок, потом нельма, далее обе вместе, за ними осетр, моксун, стерлядь, пыжьян, щокур, язь во все лето, под конец налим. В губе можно бы ловить сельдей, если бы рыбопромышленники умели их солить. Сколько богатств еще впереди.

3. Главные ветви Обской системы: Иртыш и Тобол. Иртыш, уже описанный, имеет течения от оз. Зайсана до Оби 2739 в. Тобол, также описанный, делает от границы до слияния с Иртышом 518 в. и заслуживает свою известность не долготою течения, а принятием с левой стороны 4-х значащих рек: Тавды, Туры, Исети, Уя. В Тоболе ловятся: нельма, стерлядь, сырок, язь, налим, щука, линь, окунь, ерши, чебаки, ельцы, пескари, а в Иртыше, кроме того,

* За наем Кушеватских песков платилось до 1782 г., до открытия наместничества. 70 р. в лето, а с этой поры до 1832 г. дошло до 700 р. Ни образованность, ни прихотливость остяков не подвинулись вперед: отчего ж наемная цена в полвека возвысилась в 10 крат? Надобно искать причину в возвышении цены хлебной и в умалении добычи звериной. До открытия наместничества пуд ржаной муки продавался в Тобольске 5—7 к., а в 1785 г. 30—40 к. Ныне доходит иногда до рубля.

осетры. Лучший лов бывает летом на песках, зимою на местах глубоких, при устьях рек и речек, при ключевых незамерзающих отдушинах.

4. Надлежало бы начать описание западных вод средней и южной полос с рек, в Тобол падающих, но во избежание перескоков лучше начать с 62-й параллели, из которой вытекает Конда с тремя совместными вершинами, Ворьею, Мулымьею и Еврою, проходящею через три плеса. Конда, окруженная справа лесами, слева болотами и отчасти лесами, прорезывая свое русло прямо в иловатой почве, по примеру прочих северных рек и речек, собирает воды на средине болотного, близ уральского пространства, на котором воды Л озьвы делятся с водами вершинных речек, направляющихся в Северную Сосьву. Конда, сливая воды в Иртыш, осушает по возможности помянутую средину между низменностью северной и покатостью юго-восточной. В нее впадает со стороны левой речек и речушек 17, с правой до 10. Река сия течет по уезду Туринскому 167 в., с шириною 10—30 саж., по Тобольскому — 350 в., с шириною 40—70 саж. Не судоходна.

В Конде и в ея плёсах или туманах* ловятся щуки, окуни, чебаки, изредка нельма, а при устье ея стерлядь. Такие ж рыбы, кроме стерляди, ловятся вогулами и при устьях прочих речек.

Озер близ Конды, по обеим сторонам, образовалось до 30, не разумея озер части уезда Тобольского, ни северных Туринского. Из 3-х проходных озер, р. Кондою прорезываемых, ближайшее к Сатыгину селению имеет длины 9, ширины 3 в., но то, которое подле волости, превосходнее величиною.

5. Поднимемся в предгорья Урала, в горный **Богословский** округ, склоняясь до известного Денежкина камня, во 150 в. отстоящего от главного завода и воздвигнутого как бы для грани между двух полос, северной и средней, подобно как р.. Ваг на восточной стороне системы Обской служит для такого же размежевания. Болот и займищ, тундрою покрытых, каковы при подошве Кумбы по каменистым холмам над реч. Ваграном или как Роинское на правой стороне Лобвы, нечего считать в округе Богословском. В нем замечательных по величине озер 4: Октай, одно из Княспинских, Крылышково и Валенторское. Они рыбны, как и речки.

Через Богословский округ стремительно пробегают 4 тока речек, умножаемых побочными речками, чтобы наконец слиться в одном русле. Из сих токов составляется: 1-й Невдою и Лозьвою; 2-й Ваграном с разноименными его вершинами и Южною Сосьвою; 3-й Лобвою, образующеюся из ручейков Конжаковского Камня; 4-й Павдою и Лялею. Лозьва, расширяющаяся до 7 саж., соединяется с Сосьвою, подобно как Лобва с Лялею; все они вливаются в р. Пелым, пробежав около 150 (до 200 в.) от своих истоков. Заметим мимоходом, что в уединенных тамошних речках, как то в живописном Ивдиле, Колонге и даже Лозьве, водились бобры с их постройками водяными.

Берега Ляли, в которую пала извилистая реч. Павда, угрюмы, круты и каменисты около бывшего завода Л ялинского. В каменных расселинах виднеются летом только таволга, дикий хмель (Atragone alpina), ракитник и зверобой. Ниже, около берегов Ляли, окрестные

* Тбман, по-вогульски туман, значит имя нарицательное, которое дастся озерам проходным.

холмы прорезаны кривыми буераками, кажется, от весенних ручьев. Флора тут разводит скерду, двулистный ландыш, дикую грушовку, куколь, сверцию, или болотный василек, звездчатку и перелойную траву. Л ее в том периоде продолжался почти до д. Бессоновой. Отсюда левый берег становится ниже и окружается приятными полями. В Ляле ловились с изобилием таймени, лини, нередко нельма, в заводях — налимы, щуки, окуни, ерши, чебаки, пескари.

Лепехин с бывшего завода решился прямо пробраться на Лобву и к вечеру при всех трудностях приехал к реч. Талой, при устье которой стоят горы из серого камня. В жаркий летний месяц он видел тут деревья листные и травы, подобные вышеупомянутым в весеннем еще развитии. В ущельях горных есть вода — известный раствор, горным салом называемый. Вогулы, к удивлению, употребляют его как внутреннее лекарство. Лобва до соединения с Лялею вбирает в себя на малом расстоянии 15 быстрых речек и течет около д. Жаркой в берегах пологих, потом крутых и гористых, где есть гнезда соколов и кречетов. Академик прельщался приятною наружностью береговых гор, на которых росли высокие кедры с кудрявою елью. По ущельям росли трава богородская, боярская сныть, благовонная марена и голубая жимолость. В эту экскурсию академик заметил, что те же растения, которые по Волге погибли бы от малого холода, здесь по ночам вянули, и с солнечным всходом опять оправлялись. Летний звериный промысел вогулов там замечен в лове сохатых и оленей. Сохатого, сколь он ни силен, умерщвляет и росомаха, кидаясь врасплох на него с дерева, и, увязив когти в хребет, загрызает его.

Все эти подробности сказаны с намерением, чтобы по ним, как по образчикам, можно было судить о речках прочих токов, равно и о характере тамошней природы.

6. Сказав, что все текучие воды горного округа сливаются в Пелыме, теперь обращаемся к сей речке, при истоке ничтожной. Она выпадает из 62-й параллели и направляется на юго-восток по пространству безлесному, болотистому, наполненномутопями или озерками, — по тому пространству, которое понижается почти от берегов Л озьвы, так что низменность сия простирается на северо-восток к вершинам Конды. Между Лозьвой и Пелымом жилища вогулов редки, но на реч. Вагильской, при береге плеса или тумана, речкой образуемого, есть их волость. Есть также плесо на самой реч. Пелыме, занимающее своею окружностью около 40, а весною до 80 в. и всегда мелкое по причине равнины, на которой, как на блюде, оно разливается. Дно плеса и Пелыма супесок*.

Пелым, протекая от плеса на 160 в., с шириною 5 саж., слывет Тавдою ниже ел. Пелымской, некогда бывшей городом. Под новым именем она проходит по уез. Туринскому 430 в., с шириною 30—40 саж., по Тюменскому около 200 в., с увеличившеюся шириною, и, от вершин до своего конца прорезав наискось 4 географических степени, делает при извилистом течении около 930 в., наконец падает в Тобол повыше дер. Бачалиной. Постель ея иловато-глиниста или супесчаниста. Тавда частию судоходна, несмотря на ея водовороты,

* Под словом *супеска* разумею землю, в которой содержится больше глины, чем песка. Сибирские крестьяне также называют супесок *великом* и *сериком,* т.е. землю белоглинистую и сероглинистую. В сероглинистой господствующая земля горшечная. Серик и белик благоприятны для овса и ячменя.

ходят по ней лодки с дере венскими произведениями, гонки с дровами и вверх досчаники с хлебом для заводов.

Речек и речушек падает в Тавду довольно с обеих сторон, с левой до 30 и почти столько же с правой; но болота едва ли уменьшаются.

Малым озеркам, которыми окружается описываемая река с обеих сторон, нет счету: большое озеро только Троицкое. В реке и плесах, сверх мелкой рыбы, есть налимы, язи, окуни, щуки, таймени, стерляди, осетры и нельмы. Последние три рыбы восходят и в Лялю. В озерах караси, щуки, окуни.

Угодно ли знать лесных соседей Пелыма и Конды? Вот вам медведи, волки, лоси, олени, белки, соболи, лисицы низкой цены, горностаи, бурундуки, зайцы, росомахи. Около селений в Пелымском крае зимуют сороки, вороны и воробьи, а по лесам тетери, глухари и прочие птицы из рода куриного.

Другая река, падающая в Тобол, значением своим превосходит все прочие.

7. Тура, которой течение описано в IV главе, простирается около 900 в., от вершины до Тарханского, или до слияния с Тоболом. Из всех рек, в Тобол падающих, она одна судоходна, от устья Салды, в 30 в. ниже Верхотурья. По Туре в IV периоде существовало много селений и слобод; водами ея действовал завод горный, и на берегах ея стояло немало важных городов.

Тура, в которой в старину бывало довольно рыбы, ныне обеднела по этой части, вероятно от заселенности русского племени, употребляющего постную пищу более полугода. Крупная рыба и стерлядь ныне поднимаются до реч. Сусатки, почти до границы уезда Верхотурского; прежде нельма и нельмушка ловились выше Верхотурья.

В уез. Верхотурском падают в Туру слева несколько речек ничтожных, из которых позаметнее три Октая и Озерная; справа две большие речки, Солда и Тагил. Обе во время водополи бывают способны для сплава плоскодонных судов. В эти две речки, также в Нейву и Реж, через уезд косвенно проходящие, падает множество речек. Гористое и болотистое положение содействует обильному происхождению вод текучих.

Озера. Не считая озер в горном Богословском округе и в отдаленных местах, находится по уезду известных и обмеренных до 84, на восточной стороне Урала. Болот описано до 45, как можно видеть в приложенном описании*.

Сверх того на протяжении уезда, как лесистого, находится множество болот в северной части; неописанных, безымянных, непроходимых. В прежнем печатном описании уезда Верхотурского упоминались болота и займища, которых нет в приложенном описании. Таковы были, напр., болотистый Волок между Лялею и Турою, начинающийся от Лялинского спуска, где реч. Сибирка, и проходящий к речкам Октаям, — болото Гольянское дл. около 10, — Сусанское около 15 в., и пр., ужли они обсохли со времени незабвенного правителя Модераха, оставившего лете 30 Пермскую губернию, им устроенную и описанную, или в последнем описании отнесены к статье неописанных.

Как бы то ни было, нетрудно понять характер земли, на которой с 1598 г. русские поселены начали обзаводиться жильями, по указанию верхотурских воевод. И мудрено ли теперь понять, для

* Описание всех озер и болот восточно-уральских уездов Пермской губернии доставлено мне почтенным и сведущим чиновником М. Г. Сведомским.

чего они бросали дома и отходили в глубь Сибири?

Земля, водами занятая, ныне составляет, по выводам генерального межевания, $^1/_8$ из неудобных 915 квадратных верст, прочие части под болотами; вся же поверхность уезда, за исключением горнозаводской земли, равняется 41 374 кв. верстам*.

В уез. Туринском с левой стороны течет в Туру до 10 речек, подобных Турубаевке, Табаринке и Сарагулке, а с правой до 7, и из них поболее Сусатка, 50 в. до Туры пробегающая. Берега речки Чукривки изобилуют камнем песчаным и шиферным. Небольшие холмы по окольным лесам вмещают в шифере окаменелости, лепатиты, белемниты и речные улитки.

ПодолинеТуры 12 озер: Коржавино, Чайково, Анбальское, Бобровое, Песьяное, Кривое, Березовое, Клящево, Широкое, Бактуресово, Мишино, Куртумовское. Они длиною 1—5 в., шириною 50—500 саж. Озера близ Тавды, как то: Русское, Шайтанское, Кривое, Источное, дл. 6—2, ш. $2^1/_2$—1 в. и менее. О северных озерах уезда нет порядочных сведений, да и у нас нет намерения исчислять все урочища, а одно желание показать приблизительно драпировку земной поверхности в Сибири.

Болота, на правой стороне Туры, лежащие особенно близ границы пермской и перешейками соединяющиеся, в дл. 3—4, в ш. 2—5 в. Они покрыты строевым лесом, и можно считать за их продолжение тогдашний 53-верстный волок, от уезда Туринского продолжавшийся среди леса до села Фоминскогр. Некоторые из болот, в связи с первыми лежащие, покрыты мелким сосняком и березняком, поверх мхов. К последним принадлежат: Симоново, Тетерье, Турунбашево и пр. Болота, налев[ой] ст[ороне] лежащие: Тяченское, Разбойниково, Чистое, Большое, Моховое и многие безымянные, в дл. 3—8, в ш. 2—4 в. Они покрываются поверх мхов также мелким сосняком, березником и отчасти строевым лесом.

В уез. Ирбитском играют ролю: Нейва, Режи Ирбить. Первые две, соединяя свой ток пониже ел. Нижненевьянской, принимают новое название Ницы. Она течет в этом уезде по иловатому дну между луговых берегов и напояет водами многие селения, слободы, торговый город Ирбит, до которого и поднимаются по Нице из Туры суда с солью во время весеннего половодья. Ширина реки в обыкновенное время 20—30 саж., глубина 2—4 ар. Берега иловаты. Рыба такая ж, как в Нейве и Туре. Читатель, конечно, припомнит себе, что на берегу Ницы, где ел. Рудная, была открыта болотная железная руда**, задолго прежде уральского железняка.

Нейва берет свое начало на оси Урала, в уезде Екатеринбургском, близ горы Байкальской, в виде малого ручья, потом под тем же именем вышедши из оз. Таватуя, не раз запруживается заводскими плотинами, пока, усилившись побочными притоками, не становится самовластною и не перестает быть шумливою почти до ел. Верхненевьянской, по причине быстрины и дна каменистого. В ней водятся щуки, таймени, налимы, чебаки, ельцы (пескозобы). Реж со-

* Из писем П. М. Кудрявцева, директора чертежного отделения межевой конторы, в «.уйгуре пребывавшей.

** Эренборр, профессор, недавно открыл, что болотная железная руда образуется из животных, некогда живших.

ставляется на южной границе уез. Верхотурского из речек Малого Сапа и Аята и течет со многими извилинами на В. и С.-В. до села Ключей или до Ницы. Ирбить, вытекая из уез. смежного, омывает город своего имени и подчиняется Нице.

Речек, не считая, речушек, льется в Нейву 11, в Реж 6, в Ирбить 9, в Ницу 10.

Озера. Значительных по уезду нет, кроме 4 небольших, именуемых: Плоское, при селе Киргинском, дл. 1 в., ш. 350 саж.; Белое— дл. 4, ш. 1$^1/_2$ в.; Польское —дл. 600, ш. 500 саж.; Касынбай при д. Кокшарихе— дл. 2 в., ш. 40 саж. Глубина их 1—3 ар. Грунт вязкий, иловатый. Берега пологие. Четыре озера: Моховое, два Травных и Андреевское, имеют меньшую величину против первых. Арайский исток — дл. 10 в., не озеро, а старица или залив. Во всех рыба мелкая.

Озерков найдется до 40 и в том числе на городском выгоне считается до 16, с иловатым фунтом. Длина их 25—450, ш. 10—90 саж. Есть в иных мелкая рыба.

Хотя Нейва линиею течения, несколько параллельною Уралу, пересекла воды и речки, с предгорий хребта скатывающиеся, есть, однако ж, по уезду болота, не так обширные. Их обмерено до 80, не считая мелких и безымянных, как показано в приложенном описании.

Земля, под озерами и болотами лежащая, ныне составляет ^{3}Д из неудобных 310 кв. в., вся же уездная площадь, за выключкою горно-заводской, равняется 6001 кв. в.

В смежном **Камышловском** уезде две малые реки, Пышмаи Исеть. Несмотря на болотно-озерное происхождение из озер Балтымаи Шувакиша, Пышма бежит в крутых и утесистых берегах, так сказать, по золотистой постели до села Знаменорудного, потом по уезду Камышловскому течет тихо в берегах то увалистых, то луговых, с ш. 15—20 саж., сглуб. 1—4 ар., и делает до границы тюменской 325 в. По ней стоят золотопромывальни, мельницы, деревни, слободы и город; но несмотря на все титла, река не судохрдна, да и рыба в ней мелкая. Исеть побочно входит в уезд и выходит после течения 80 в. Речек с именем падает в Пышму 18; из них позначительнее Рефт, Калиновка, Юрма, Беляковка и самая значительная Синара с своими притоками. Каменка, слева текущая, пользуется известностию по старинному заводу Каменскому.

Озер описанных 34, из них 6 позначительнее, и самое длинное не более 9 в., прочие же довольно малой длины и ширины. Болот 25, из них 8 распространяются в длину 5—10 в. Но все болотные урочища, большие и малые, залегают в южной и юго-восточной части уезда. Подробности озер и болот показаны в описании.

Земля, под реками и озерами лежащая, ныне составляет $^1/_5$ из неудобных 780 кв. в., УЗ под болотами и лесами; а вся уездная площадь, за исключением горно-заводской, равняется 11 497 кв. в.

В уез. Тюменском значащие реки: Тура, Ница и Пышма. Все три текут по грунту глинопесчанистому и оканчиваются в этом уезде. Тура, на которой есть водовороты, падает в Тобол, а в нее две последние. Пышма пробегает по уезду последние 170 в., с ш. 20—30 саж., и при д. Криводановке сливается; Ница ускоряет соединение при ел. Усть-Ницинской. На переезде от Тюмени до сказанной слободы Лепехин видел в конце мая по с. ст. цветущими по полям: ветреницу разных видов, стародубку, благовонную марену, двуцветную звездчатку, в перелесках разные фиалки, в лесах медунку, по речкам кувшинчики, по боло-

там перелой и т.п. Такую гирлянду легко найти и в Тобольском травнике.

Речек с именем, катящихся в поименованные реки, 24, не считая речушек безымянных. Они бегут по фунту глинопесчанистому. Во многих ловятся караси и чебаки, в иных щуки, язи, редко окуни.

Озера. Пять озер, имеющих окружность бблыиую 10-верстной, именно: Андреевское в 26 верст, Тинское в 25, Карчинское в 12, Тарманское Большое в 10, и Липовое в 10 же; середних 34, с окружностию большею 5-верстной; наконец малых 165, с окружностию, меньшею 5-верстной. Измерения сии, как произведенные в 1785 г. по требованию экономического общества, ближе подходят к нашему IV периоду. Из недавней съемки можно прибавить, что озера лежат на грунте тинистом или иловатом, редко глинистом; что ловятся в них, конечно не во всех, щуки, караси, окуни, ерши и налимы.

Болота, как и озера, есть на правой стороне Туры, но в большем числе являются между Турой и Тавдой и за Тавдою. Болото Колоинское, дл. 17, ш. 10, Бахметевское — 14 и 4 в. На правой стороне Тавды Большое простирается вдл. и ш. 25 и 20 в. КочкарныхболотВ: Камаринское, Тамеркульское, Хаселево, Максино, Маринское, Тугулымское, Чистое, Черемухово. Некоторые из них просыхают к концу лета. Пространство между берегом Тавды и границами уездов Туринского и Тобольского есть болото сплошное. Эта обширная болотная топь, местами образуя озерки, стоящие над зыбунами, покрыта инде мелким ельником, березняком и кедровником. Болота: Лишинское, дл. 60, ш. 30, другое Князеве — дл. 10, ш. 2 в., оба покрыты моховыми кочками. Большое Церковное, дл. 10, ш. 3 в., соединяется с прочими. Есть данные, по которым можно надеяться, что материк Сибири, даже при настоящем распределении годовых времен, рано или поздно просохнет до Полярного круга одним скатом вод и пожогом огромных лесов, хотя бы ближайшая почва к этому кругу оставалась в мерзлом состоянии*.

Из предложенных сведений выходит, что площадь, заключающаяся между Турой и Пышмой и с запада отделяющаяся Нейвою и Тагилом, может считаться первым хлебородным участком, по малому числу болот и озер.

8. Исеть — вот третья река, в Тобол падающая! Исеть, прорезывая восточную покать Урала, выходит в уез. **Екатеринбургском** из оз. Исетского, вбирающего в себя реч. Черную и соединяющегося протокою и речками с другими озерами, потом она, проходя через оз. Мелкое, делает свои соединения с разными водами на протяжении 20 верст, выше пруда Верх-Исетского. Весело бегущая работница, играя в машинах трех горных заводов, течет то между долин, то между горных отрогов, подходящих с речками: Уктусом, Шиловкою, Арамилью, Сысертью, и сопровождаясь отделами пород слоистых серой вакки, различных известняков, песчаников, глин и волканических произведений, привлекает внимание геогноста, до слияния с реч. Синарою и даже до Течи. Исеть в уездах Камышловском и Шадринском течет в ровных берегах, с отлогими и приятными возвышениями, при глуб. 3—6 аршин. Протекая подле стен монастыря Далматова, близ богатых слобод, какова Катайская, из острога образовавшаяся, и омывая Шадринск, она делает

* Из Березовской ведомости, в 1783 г. посланной к губернатору, видно, что большие речки показаны шире и глубже против последних измерений.

по губернии Пермской 310 в. Вобоих уездах падает в Исеть 16 речек, со включением Синары, Течи, Барнева и Миасса, подходящего из уез. Челябинского.

Озера здешние могут быть разделяемы на 3 статьи: одни принимают в себя речки и дают им выход; это, по-нашему, плеса. Другие дают только выход речкам. Третьи остаются уединенными. Если свести первые две статьи в одну, под именем озер смешанных, то другие можно назвать отдельными. Смешанных считается 38, отдельных69, всех 107. Большая часть из них рыбны. Но несмотря на искусственное деление, проще и очевиднее описывать озера по местам, что и можно видеть в приложенном описании. Болот в уез. Екатеринбургском 26, и самое большое из них простирается в длину на 9, в ширину на 2 в. Напротив, из озер есть такие, которых окружность не вмещается и во 100 верстах.

Устраняя отсюда подробности, мы не можем отказать себе в удовольствии, чтобы предварительно не упомянуть об оз. Таватуе, помещающемся на оси Урала. Сквозь озеро проходит реч. Нейва, бегущая на восток в расстоянии от одного из Шишимов, журчащих на запад в расстоянии, меньшем двух верст. Идучи по хребту двух этих ручьев, текущих в Европу и Азию, нельзя не любоваться мыслию живой близости двух стран, как бы через стену перекликающихся в говоре струй. Проходя далее к реч. Черной, воз. Исетское льющейся, и к поперечному Шишиму, одною только верстою отделяющемуся, покушаешься думать, что Азия и Европа чуют журчание взаимных вод как представителей. Журчание это чудится и в воображении, потому что тут граница живая, шумная, граница работящая двух великих стран. Таких одушевительных мест немного на Урале. Но вот что погашает одушевление! Видя об руку разгуливающих по Уралу вогулов, самоедов, а там мещеряков и башкиров, в досадной недоверчивости спрашиваешь: давно ли здесь началась Европа? Конечно, не с тех пор, как воевода князь Курбский, по словам Герберштейна, карабкался 17 дней на Урал, и все не мог подняться наверх; не с тех также пор, как Геннинг завел Екатеринбург, но разве с открытия наместничеств в Перми и Уфе, и со введения народного образования?

В уез. Шадринском находится озер разной величины 309, в том числе рыбных 47, которые в описании будут отличаемы буквою Р. Больших озер 11, из которых самое большое распространяется в длину на 15, в ширину на 10 в. Озер середних, длиною 2—4 верст, 42; малых, длиною от полуторы версты до меры саженной доходящих, 259. Все озера лежат по большей части на грунте глинистом, и это ложе— причина их долговечности. Озера рыбные лежат более по левой стороне Исети, к востоку, а на западе около Большого оз. Маяна. Болот 236, с безыменными 243. По большой части они малой меры, немногие найдутся 10-верстной длины.

По выражению г. Кудрявцева, земля, под озерами лежащая, занимает около $^{2}/_{3}$ из неудобных 2452 кв. в., а прочее под болотами; вся же уездная площадь, за выключкою горнозаводской земли, равняется 15 667 кв. в.

В уез. Ялуторовском главные реки: Тобол и Исеть. Последняя течет по грунту песчанистому 150 в. до д. Памятной, где падает в Тобол, с шириною 15—20 и с глубиною 7 сажен. В проходимое время около Исети шумели березовые дубровы, а по правой стороне гордо тянулся Илецкий сосновый бор, чего ныне уже не видно.

В Исеть падает 6 речек с именем: Терчук, Хвостовка, Ирюм, два Бешки-

ля и Змея; они текут по грунту иловато-глинистому. Всех речек, со включением помянутых, падает в обе реки беспосредственно и посредственно до 70, и в том числе 9 позначительнее. Все они, вытекая из болотных займищ, озер или увалов, катятся по грунту иловато-глинистому, песчано-иловатому или песчано-глинистому. Глубина их 1—3, а глубина больших речек, Юрги, Кызыка и подобных 6—8 ар. Ловятся щуки, язи, окуни, ерши, пескари, караси, не во всех всё. В Исеть заходит из Тобола и нельма.

Озер по уезду в 1816г. было 329, из них соединяющихся с речками 84, отдельных 245. В том числе озер рыбных 180.

Больших озер с длиною 5— 10 в. тогда считалось до 16-ти; но по волостным описаниям 1842 г. нет ни одного озера, которое бы имело более 5 в. длины и 3 в. ширины. Ужли озера в 25 лет в такой степени высохли? Или та и другая мера небрежно написана? Как бы то ни было, берега озер по большой части плоски, рыба почти одни караси. Болот до 10, но из них есть пространные, как видно из описания. Болота несколько просыхают летом, но не осушаются. Для пешеход - цев проходимы, но в IV периоде, без сомнения, тут были топи непроходимые.

В уездах **Троицком и Челябинском** (составлявших в IV периоде провинцию Исетскую) главные реки: Миасс и Уй. К сказанному о Миассе в IV главе под заглавием Челябинска можно прибавить, что в IV периоде спускались по Миассу барки с хлебом от ел. Воскресенской, чего ныне не бывает по обмелении реки, что, начиная с оз. Таймаса до слияния с Исетью, падает в Миасс речек с именем до 17, что ширина его по уезду Челябинскому 15—20 саж., глубина ныне не более 1 $^{1}/_{2}$ ар., что берега Миасса от бывшей кр. Миасской до д. Каракуль состоят из слоистого мелового суглинника, а далее переходят в характер песчаный. Рыба в нем: щуки, окуни, ерши, налимы, лини, чебаки, пескари, сороги или плотва. Уй, в виде ручья вытекая из предгорий Урала, невдалеке от Миасса, принимает в себя до слияния с Тоболом 11 речек с именем, и в том числе за версту до Троицка реч. Увелку, славящуюся множеством земляных курганов, а вверху белою лепною глиною. Он течет до Увелки не шире 10 саж. и не глубже 1 ар., хотя весною и разливается на 200 сажен. Ниже Троицка, стоящего на возвышении, река расширяется до 15 саж., с глубиною 2 ар. и величается по берегу выставкою обширных скал из флеца. При конце Уя капитаном Рычковым объявлены известковые и меловые возвышенности. Рыба такая ж, какая в Миассе. Стерлядь попадалась чрезвычайно редко в заводи, что против Троицка.

Озер*, по генеральному межеванию, в уез. Троицком считается 246, в том числе одно соляное, 3 горьких. Значительных озер только 13.

В уез. Челябинском всех озер, по тому же межеванию, считается 1207, в том числе значительных 89, горьких 59, соляных, в оброчное содержание отдающихся, — 12. В нашем описании упомянуто несколько озер, которых мера определена. В пресных озерах, конечно не во всех, водятся караси, налимы, щуки, чебаки, редко окуни.

В уез. Курганском, кроме р. Тобола, немного речек. С левой стороны втекают в него речки: Черная, Куртамыш, Юрьемыш, Черный Ик и Тебеняк, из

* Итоги об озерах обоих уездов получены от И. Д. Талызина.

коих последние две позначительнее. Глубина Ика4—5 ар. Грунт переменчивый: песчанистый, глинистый, иловатый. УТебеняка берега крутые, грунт иловатый. В обеихловится мелкая рыба. Что касается до правой стороны Тобола, по причине покатости земной к Иртышу, мало речек падает в Тобол, и это по всем уездам, чрез которые он проходит. Притом эти речки по той же причине не имеют длинного течения, кромеСуераи Эмуртлы. Грунт Суера, из оз. выходящего, песчано-глинист и иловат. В обеих речках ловится мелкая рыба.

Озер по всему уезду 478. Топографически описанных более на правой, чем на левой стороне Тобола. Некоторые из них есть значительной величины. Болот осмотренных 13. Большое не длиннее 24 верст.

9. Перейдем к водам Иртыша. Если бы южно-заграничный хребет не пролил Ишима, только три значащие реки пали бы в Иртыш с левой стороны, т.е. Конда, Тобол, Вагай.

В уез. Ишимском главные реки: Ишим и Вагай. Ишим, вытекая из гор Якши и Джаман-Нияз, или, в обширном объеме всех первоначальных истоков, из хребтов Иремейского и Илдигийского, сперва течет с В. на 3. около 400 в., и при урочище Джаргаит-Агач поворачивается на С., проходит кр. Петропавловскую, и в последнем направлении вплоть до устья делает 850 в. среди сухой глинистой степи. Нарочитый флецевый увал сопровождает реку от гор до устья, то с этой, то с другой стороны. При крепости, где река не шире 20 саж., флец правого берега прерывается утесом 15-саженным, состоящим из глины, песка и известняка. Дно реки глинисто и песчано. Вода летом зеленовата, глубиною 3—10 ф., но при весенней прибыли 5—10 ф. — поднимается, выходит из берегов и нанизу разливается на многие версты. Никогда Ишим не бывает судоходен по причине плотин мельничных; он падает в Иртыш в уез. Тарском. В Ишиме нанизу ловятся стерляди, осетры, нельма и прочая рыба. Вагай, вытекая из Ялуторовских болот, падает в Иртыш в уезде Тобольском. Грунт песчаный и глинистый. Средняя глубина 2½ ар. Берега песчано-глинисты и покрыты тальником, поодаль березняком. Направление течения переменное, с юга на север. Ловятся язи, налимы, караси, щуки, окуни. Если взглянуть на Вагай в половодье, видишь действительно реку, но в межень это речка. По уезду течет около 300 в.

Речек, падающих в Вагай и Ишим, довольно; но здесь вносятся немногие, дабы только показать качества почвы, ими прорезываемой. Суетяк, выходя из займища в Малышевской, падает через 45 в. слева в Вагай. Глуб. 1 —1½ ар. Грунт, какой в Вагае. Берега круты, песчано-глинисты. Емец, выходя также из займища, падает чрез 80 в. справа в Вагай. Глуб. 1—2 ар. Грунт глинист и песчанист, берега такие ж. Балаклейка происхождения болотного, падает в Вагай. Глубина, грунт и берега такие ж, какие у реч. Суетяк. Китерня, выходящая из озера, Карасуль омутистая и Яузяк болотного происхождения, имея глуб. 1½—2½ ар., падают слева в Ишим. В 6 речках рыба мелкая.

Вавилон и Алабуга, протоки из Ишима, текущие с глубиною 4—6 ар., падают опять в него. Детел, выходя из увала, течет по иловатому грунту, в берегах песчаных и отчасти иловатых, вливается в Ишим. В протоках и речке рыба то караси и окуни, то язи, щуки и чебаки.

Озер по уезду 124, не считая южных, лежащих на полосе бывшей Омской области и оставляемых нами до описания

климата кр. Петропавловской. Больших озер, длиною не менее 6 верст, считается до 26; средних, с длиною 5—2 верст, 39; прочих длина с версту или менее.

В доказательство, что по южным уездам Западной Сибири озера суживаются или вовсе высыхают, что также и реки мелеют, можно сослаться, не повторяя о Ялуторовских, на оз. Щучье. Оно разливалось на границе двух уездов и даже до 1804 г. имело окружность в 70 в., а ныне вполовину менее. В помянутом году, как сказывал чиновник, бывший там комиссаром, ловились щуки в полтора пуда весом. О другом озере сказывали, что оно высохло до капли, и на дне оказались пни строевого леса*. Причина, очевидно, песчаная почва.

Болот 11, из них 7 довольно пространные, как можно видеть в описании.

В уез. Тобольском главные реки: Тобол, Иртыш, Конда, Обь, также Вагай, и все они описаны в своих местах. Речек больших пять: Ашлык, выходящий из болот Ялуторовских, и через 300 в. течения то свободного, то запруженного, сливается с Вагаем. По нем много липняку, много селений и мельниц. Прочие реч. Носка, Алымка, Демьянка, Туртас, падающие в Иртыш с обеих сторон и осеняемые хвойными лесами, благоприятствуют звериным промыслам, особенно Туртас, по которому доныне водится изрядный соболь. Кроме сих речек, которые по немалому протяжению и 2-аршинной глубине могли бы в иных губерниях называться реками, еще есть до 80 небольших, падающих в помянутые реки. Почти во всех, кроме мелочных Сибирки, Серебрянки, Курдюмки и т.п., ловятся язи, щуки, ерши, налимы, чебаки, не везде всё и не в одинаковом количестве.

Озер считается по уезду 152. Из них 17 больших, имеющих длину не менее 6 в., 15 середних не менее 4½ и 120 малых, длиною 3½—2, а шириною 400—750 саж. Последнего размера озер есть до 60, между Кондою и левым берегом Иртыша. Во многих из послед них ловятся доныне караси, окуни, щуки,чебаки, только не так обильно.

Болота. Их нелегко сосчитать, но взамен того можно упомянуть об одном, лежащем междурр. Кондой и Иртышом и простирающемся на 250, с шириною 30—50 в. Главное направление его с Ю. на С. Оно покрыто мохом и мелким сосняком.

Умалчивая о комиссарстве Демьянском уезда Тобольского, простирающемся вверх по КондедоселаЛеушинского, выше упомянутого, мы переходим в уез. Тарский. В нем, кроме Иртыша, протекает чрез 200 в. известный Ишим, с шир. 40—50 саж., при глубине 2—9 ар., и падает в Иртыш с левой стороны. Он несудоходен, как уже замечено; но пользуется из Иртыша красною рыбою. По уезду падает в Ишим до 7 речек, с обеих сторон.

В Иртыш слева втекает большая реч. Оша, после 175 в. собственного ея течения; она имеет ширины 10—15 саж. Грунт ея отчасти песчаный и иловатый, как и в Ишиме. Рыба ея: щука, окунь, ерш, налим, чебак, а при устье стерлядь. Есть и другие неважные речки на той же стороне Иртыша. Справа текут в него большие речки: Туй, Шиш, Уй и Тара из болотистых зыбунов оз. Васюгана, по такому же грунту, какой у Оши, с такою же или еще большею длиною, шириною, глубиною. Рыба в них такая ж, какая в Оше. Тара протекает по илу и пес-

* В последние 20 лет, говорят, много озер высохло и в уез. Тюкалинском, частию от истребления лесов, снегами наполнявшихся.

ку 119 в., с шир. 25—50 саж. Прочие соседки ея еще большего размера. Берега их лесисты, а по Ую водится множество лосей. В каждую из помянутых речек падает по нескольку болотных притоков. По необитаемым притокам, каких немало в северной части уезда, промышляют зверя и мелкую рыбу. Итог речек, текущих в Иртыш и Ишим, 27.

Итог озер восходит до 112, в том числе 72 по левую сторону Иртыша, 27 по правую и 15 по долине его, слева. Итог болот около 20, но они занимают большие пространства.

По правую сторону Иртыша и по обеим сторонам Тары проходит на большом пространстве сосновый, еловый, пихтовый лес под именем урмана.

От северного края уез. Тарского до пределов комиссарства Нарымского по левую сторону Оби разлеглось оз. Васюган, изливающее много речек в округи: Тарскую, Каннскую, Колыванскую, также в комиссарства Сургутское и Нарымское. Оно не описано еще топографически, но по сведениям, собранным тарским училищным смотрителем Долгоушиным, может называться и болотом, вмещающим в себе купу озер рыбных. Простирание сего бассейна идет с С. к В. Окраины его, местами открытые, поросли вообще камышами. Внутри окраин лежат места тундристые или зыбуны. Среди них есть возвышенности, покрытые крупным хвойным лесом. Внутренние озера, до полузимы местами не замерзающие, летом неподступные, и поэтому служат для птиц летними гостиницами. В осеннее и зимнее время остяки сургутские и нарымские, промышляя зверя, постепенно прикочевывают с семьями к Васюгану и для продовольствия добывают в его озерах рыбу. Там с ними сходятся крестьяне уйских деревень и меняются хлебом на рыбу. Прочее будет сказано на своих местах.

Нехотя завлекаемся в комиссарство Сургутское, чтобы сказать, что р. Вах, указывающая читателю черту, падающую наДенежкин Камень, черту, севернее которой пресекается наше описание вод и болот, — что эта река льется в Обь при соименной деревне в ш. 62°. Не повторяя, что в старину по Ваху сплавлялись неклейменные товары, скажем, что он вытекает из возвышенности, описанной в IV главе под статьею Красноярска, и течет около тысячи верст. Берега его круты и довольно высоки. На 500 в. ходят вверх по нему большие лодки, полубарки с хлебом для снабжения магазинов, и пользуются глубиною при конце хода не меньшею 2 аршин.

В пределах комиссарства падает в Обь справа около 15 речек; до последней реч. Куль-Югана, граничащей между двух губерний. Слева падает около 12, втом числе 3 больших: Юган, Балык и Салым. Они глубоки в половодье, мелки под осень.

В уез. Тюкалинском, кроме известного Иртыша, протекает еще Омь. По уезду и частию по полосе бывшей Омской области онаделает 258 в., в направлении с С. на В. и на Ю.-З. по грунту песчано-глинистому. Берега крутые, местами отлогие, покрыты тальником. Глуб. 1 — 5 ар. Есть броды в местах десяти. Рыба: щуки, ерши, окуни, язи, налимы, чебаки, нельма, стерляди. Последние две породы заходят из Иртыша.

Речки: Саргатка и Карасук, выходя из озер и проходя чрез другие озера, слева падают в Иртыш. Грунт их песчанист, глинист и иловат. По низким берегам Карасука Паллас заметил бодру, малорослый косатик и Androsace северное. Речки эти безрыбны.

Другие речки: Ачаирка, Бланка и Тарбуга, выходя из болот и струясь по

грунту более болотистому, льются в Обь и поэтому рыбны. Прочие: Чалдик, Тюкал ка, Еман, Горькая, Абак, Степаниха, Татарка, выходя все почти из болот и, кроме Абака, теряясь в озерах, остаются безрыбными.

Озер, топографически описанных, более 200. Болот, также описанных, 86; из числа их есть огромные, простирающиеся в длину до 70 в., как можно видеть в описании.

Взглянем на необыкновенную купу озер, связанных между собою речками, протоками или весенними разливами, размещающихся, при общем протяжении с Ю.-З. на С.-В., в уездах Тюкалинском, Каинском и Колыванском. Эта купа известна под именем Чанов; но с Ю.-З. начинаются Сумы, или Чебаклы (горькие, солонцоватые), Абышкай Больш. и Горький, Абышкай Мал., или Пресный, Молочинское, Великосельское, Антипинское, Ик, Чебаклинское и Чаны.

Оз. Чаны, в уез. Каинском и частию Тарском лежащее, имеете С.-В. на Ю.-З. длины 74, ширины с Ю.-З. на С.-В. до 58 верст; а вся поверхность его простираетсядоЗООО кв. в. Грунтпесчано-глинист и иловат. Глуб. 7—Шар. СВ. втекают речки. Берега плоски, низки, под камышом, с обширными займищами и луговыми низями, чрез которые во время весеннего половодья Чаны соединяются с другими озерами, с южной и северной стороны около него лежащими. Островов на нем очень много. Рыба: щуки, язи, лини, особенно караси, окуни, чебаки. Рыба зимнего лова отвозится в Тобольск и на ярмарку в Екатеринбург. Сумы, или Чебаклы, распространяются с 3. к В. на 48, Малочинское на 28 в. В последнем, как и в Чанах, много островов, и такая ж рыба. Грунт такой же, как в Чанах. Великосельское дл. 6, Чебаклинское 16, Антипинское 14, Ик8,Абышкай Бол.45,шириною 25, Абышкай Мал. 26, шириною 10 в. Глуб. их 1 — 12 ар. Грунт песчано-глинист или иловат. Берега их отлоги, кроме Ика, крутоберегого и обросшего тальником. Рыба с некоторыми исключениями такая же, как и в главных озерах. Везде острова, кроме Ика.

Теперь можно остановиться и подумать при воззрении на эту купу озер, указывающую притом на старинные следы водотечения, от С.-В. к Ю.-З. Стоит только стать на Оби, позади озера Васюгана, и бросить взгляд к оз. Аральскому. На этой линии представляются болотные займища, топи, от долины Обской стелющиеся, большие озера: Убинское, Сартлан, Чаны, Чебаклы, Кызылгак, Денгис, Хурхалджин, тут же Денгил, озера Булганокульские и Аксакал. Не следы ли это незапамятного, обширного водотечения, начинавшегося с С.-В. между Тазом и Нижней Обью? Застои вод карасукских, бурлинских и прочих, от С.-В. к Ю.-З. параллельно проложенных по степи Кулундинской, не то же ли сказывают? Геологи изъясняют образование наносов околоуральских великим наводнением, нахлынувшим от С. к Ю., и впоследствии усматривают необходимость допустить отлив вод с 3. к В. для образования золотоносных россыпей. Почему бы не предполагать этого отлива с Ю.-З., вопреки мнимому опорожнению нагорных уральских озер, доныне все остающихся на верхних и боковых плоскостях Урала*?

* Для соображения указываю стр. 449, 469, 470 во второй части *Курса геогнозии г.* Соколова. Относительно мнения двух геогностов, полагающих бывшее водотечение с Ю.-З. на С.-В., я с удовольствием принимаю его, в виде обратного отлива. Мнение их напечатано в XII книге *Горн. журн,* за 1840 год.

В степи **Кулундинской** 4 небольшие реки, или, говоря правильнее, 4 длинные речки: Кулунда, Карасук, Бурла и Баган.

Кулунда, вытекая из бору, что близ деревни Мосихи Барнаульского округа, течет 200 в. в берегах иловатых, вообще низких и тальником поросших, по фунту иловато-глинистому, с глубиною 2'/2, инде 5 и 6 ар., и вливается в оз. Кулундинское. Долина речная направляется с С.-В. наЮ.-З.

Карасук, вытекая из источников плоской возвышенности Колыванского уезда, проходит 450 в., с среднею глубиною 3 ар., по песчаному грунту, в берегах иловатых, сперва крутых, потом низких и поросших мелким тальником. Он образует по степи многие плёса и тем оканчивает исчезающее свое течение. Долина имеет направление с С.-В. на Ю.-З. и представляет хорошие луга.

Бурла, выходя из оз. Бурлинского, в Колыванском уезде лежащего, и протекая 300 в. с глубиною 1—2 ар., в берегах глинисто-песчаных, по грунту песчанистому, местами пересыхает или образует, особенно к концу, горькие плёса и погружается в оз. Горьком. В Бурле ловятся щуки, окуни и чебаки. Есть по ней места сенокосные.

Баган, выходя из займища Сарыкамыс, лежащего в уез. Колыванском, протекает 200 в. с глубиною '/4—3/4 ар., по иловатому грунту, в берегах иловатых, глинистых и низких, поросших камышом. Падает в оз. Каряжье. Направление речки одинаково с прежними. В Багане попадаются караси. Во всех 4 речках броды конные и пешие.

Озер, описанных на степи, 90, в том числе 33 пресных, 17 соляных, 40 горьких; но, кроме этих, есть много горьких и горько-соляных, при описи обойденных по незначительной величине. Во многих есть соль глауберова.

Надобно вообще сказать, что степь представляется покатою с С.-В. к Ю.-З., в чем обличается онатекучестию вод. На ея средине воды, однако ж, застаиваются, копятся в длинных озерах и озерках и продолжают течение ленивое, прерывистое, оттого ли, что степь становится горизонтальною, или оттого, что песчаная почва просасывает воды; только то очевидно, что воды, не доходя до Иртыша, иссякают верст за 40, 50, 90 и в подобных тому размерах.

В уез. Каннском главная река Омь, текущая по песчано-глинистому и иловатому грунту с С.-В. к Ю.-З. При низкокрутых берегах реки, покрытых тальником и березником, есть много бродов через нее по здешнему уезду.

С правой стороны текут в Омь значащие речки: Узулка, Ича, Кама, Тартас, происхождением своим одолженные зыбунам оз. Васюгана; и другие маловажные: У старка, Крутиха, Тентуринка и Осиповка. У речек значащих грунт глинистый или иловатый, берега низки, отлоги, поросшие мелким тальником и березником. Рыба такая же, какая в Ом и. У маловажных грунт различный, то болотистый или иловатый, то глинистый. Низкие их берега поросли кустами таловыми или березником. В весеннюю пору в иных из них бывает мелкая рыба.

С левой стороны текут в Омь речки маловажные, из озер или болот выходящие: Агурманка, Кундусла, Осиновка, Каинка и другие, имеющие течения от 5 до 37 в., с глубиною 1—3'/2ар. Прочие условия таковы ж, каковы у прежних речек.

Значительные речки этой стороны, Каргати Чулым, выходящие из Васюгана, текут: 1-я на протяжении 167, 2-я — 178 верст, с глубиною 2—10, последняя

1 —8 аршин. Они теряются в озерах, лежащих подле Чанов. Грунт их глинист или иловат. Берега низкие, покрытые тальником или камышом. В Чулым текут Мал. и Бол. Сума, выходящие из болота Сектийского. В Каргате и Чулыме рыба мелкая.

Озер, топографически описанных, 570; но всех озер по счету губернскому 852; и сверх того 62, лежащих на градском выгоне Каинска. Из них много есть безымянных. В числе описанных 9 или 10 озер большого размера. Оз. Убинское замечательно столько же по пространству (578 кв. в.), сколько по историческому воспоминанию, что в 1598 г. Кучум тут кочевал с своим семейством и с знатными людьми, что оттуда он перекочевал к Оби, где в августе, преследуемый тарским воеводою Воейковым, был разбит и с небольшим числом ускользнул за Обь*. Прочие озера таковы, что самая большая длина их менее 10 в., а ширина чаще саженная, чем верстовая; что грунт вообще болотист, иловат или черноземен, редко глинист, и еще реже песчанист; что берега вообще низки, топки и покрыты камышом; что караси составляют обыкновенную рыбу. У безыменных длина от 100 до 250 саж., в редкость до 2 в., а ширина 50—150 саж., до полуторы версты. Грунт иловатый, черноземный, глинистый, к востоку песчаный. Глубина ½—7 аршин. Берега низкие, отлогие, низкокрутые, заросшие кустами таловыми или березниковыми. Караси — рыбанормальная. Вот краткие черты каино-барабинского землеописания!

К тому надобно прибавить множество болот с именем и без имени. Те и другие, пространные или ограниченные, бывают двоякие: кочковатые и покрытые кустами или зыбуны, поросшие камышом. Любопытно бы наблюсти, какая година требуется, чтобы озеро переродилось в зыбун, поросший камышом, и также чтобы зыбун превратился в болото кочковатое.

В уез. Колыванском главная река есть Обь, которая, протекая в его пределах с Ю.-З. на С.-В. 248 в., с среднею глубиною 6—10 ар., принимает в себя с обеих сторон до 38 речек, из коих все почти маловажны, особенно палевой стороне. Таковы: Сосновка и Ельцовка, происхождения болотного, имеют течение по 50 в., по иловатому и песчано-глинистому грунту. Берега низкокрутые и покрыты березником. Обе рыбны.

Ельцовки Большая и Малая за Бердью, начинаясь из мокрых боров, имеют небольшое протяжение, при глубине ½—2 ар. Грунт песчаный и глинистый, берега отлогие, покрытые сосняком и березником.

БердьиИня. 1-я с Ю.-З. имеет течения на 250 в., 2-я с С.-В. длиннее. Каждая принимает множество речушек.

Калинка происхождения болотного, течет около 50 в., при глуб. 1—2 ар. Грунт иловат и глинист. Крутые берега покрыты березником.

Барлик Б. и М. текут по грунту глинистому и песчаному. Низкокрутые берега покрыты березою и сосною.

Город Колывань (по прежнему — ос. Чаусский) стоит на левом ненизком берегу Оби и, пользуясь плодородием почвы, считает на своем выгоне 86 озер. Если на западной стороне описаны топографами все озера, коих счет упомянут выше, то на восточной, сообразно губернскому итогу, остается их до 374, кроме подгородных. В их числе нет значительных, каковы в западной части

* В первых томах *Исторических Актов Археограф. Комиссии* 1841 года.

уезда, напр., оз. Топольное (Улькун-Денгис), лежащее к югу близ границы Тобольской губернии, в цепи Бурлинскихозер. Не повторяя мер длины и ширины, сказанных в описании, поверхность сего озера 115 кв. верст. Несмотря, что оно рыбно и по местоположению выгодно, по берегам его нет заселения.*

По уез. **Барнаульскому** главная река также Обь. Слева в нее падают 17 речек, в том числе длинная реч. Алей и две меньшие (Барнаулка и Касмаха). Последние две, соединяясь с двумя рядами озер, замечательны протяжением совершенно параллельным с течением Алея, бегущего по уезду смежному. Нельзя не заметить, что все речки левой обской стороны падают с Ю.-З. на С., подобно как речки правой руки стремятся с С. в видимом параллелизме с Обью, пока она продолжает свое направление к З. от СандынскадоУсть-Чарыша. Всех ре чек справа падает до 16, в том числе две нарочитых Большая и Иня, а между ними р. Чумыш, выходящая из-под горы Барсука, под именем Томи-Чумыш, и соединяющаяся близ д. Костеньковой с реч. Хара-Чумыш, выпадающею из того же мокрого чернолесья близ Салаирского рудника, что в уез. Кузнецком.

Чумыш имеет течение от вершин 410, от соединения 355 в., при глуб. от ½ до 4саж., с шириною 50—75. Берега при вершинах состоят справа из гор известковых, слева из песчаника и угольной образовательности. По правому растут пихта, ель, кедр, береза, осина, полевому — мелкий тальник. Потом почва обоих берегов на 65 в. изменяется в обломочную из песчаника и известняка и одевается подобным смешанным лесом. Далее по степи на 260 в. грунт переходит в песчановатую глину и сызредка прикрывается мелким кустарником. Наконец, при сближении с зав. Павловским, почва становится песчано-глинистою и одевается лесом сосновым. Чумыш падает в Обь при д. Ировской. В периоде, который проходим, он не был обселен еще; водоходства также не было, до устройства на нем зав. Томского, из которого железные изделия сплавляются только в весеннее половодье. Рыба: таймень, щука, окунь, чебак и налим.

Озер на выгоне Барнаула 54, по уезду 467, но значительной величины озера находятся в западной стороне, описанные нами на Кулундинской степи. К числу таковых относятся Кулундинское, которого поверхность 660 кв. в., Кучукское, которого поверхность 154, Горькое, в самой средине Касмалинского бора, состоящее из нескольких соединенных озер и имеющее окружность в 109 в. Другое Горькое, при настоящей опушке Барнаульского бора находящееся и пропускающее сквозь себя реч. Барнаулку, распространяется на 53 кв. в., а в окружности имеет 56 погонных в. с 290 саженями. Не говоря об озере Большом с 2 островами, распространяющемся на 15 кв. в., о. Кривом, при самой оконечности Кулундинского бора, распространяющемся на 10½, ни о Мостовом, занимающем пространство на 40 кв. в., мы не можем прокинуть живописного озера Колывани, как оно ни мало. Обхватываемое одним взглядом, оно с проезжей стороны плещется на песчаном грунте, в плоской красивой

* Справедливостию и признательностию обязываюсь сказать читателю, чтоописанием вод, почти всех, по губерниям Томской и Тобольской, я одолжен благорасположению Ад. И. Сильвергельма. Очерки рек пополнялись из *Горн. журн.* и других пособий.

окраине, а на С.-В. и В.-Ю. обнесено дикими островерхими горами, украшающимися лесом, как бы рассаженным, и этот прозрачный лес возвышает картинность вида. По прибрежной плоской равнине толчется в глазах несколько гранитных кругляков, друг на друга взброшенных и как будто приплюснутых, чтоб одному с другого не скатиться. При этих узорочных тумбах есть о чем призадуматься. Озеро, несмотря на примесь глауберовой соли, питает в себе щук, линей и лещей. Оно над морскою поверхностью 1105 ф.

По уез. **Бийскому** две быстрые реки, Бия и Катунь, которые чрез слияние свое производят начинающуюся Обь. Бия, выливаясь из западной бухты оз. Телецкого узким руслом, по кряжу глинистого сланца, принимает в себя до Бийска 24 речки, еще до устья Алея, и в том числе 3 большие: Песчаную, Ануй и Чарыш. Относительно Катуни: она, низвергаясь из хребта Холзуна двумя источниками, сливающимися в одно русло, под именем Уймона, бежит, как и все тамошние воды, стремительно и громогласно. Главный исток выпадает из-под пласта льдисто-снежного, с шир. 1 ½ саж., при глуб. 1 аршин. Другой, не столь широкий, вытекает из льдяной трещины. Катунь собирает, до соединения с Бией, около 50 речек, с притоками в Коксу, и между ними Аргут и Чуя — малым чем не реки. О потоках вод, сбегающих с хребтов Холзунских на Ю.-З. в Иртыш, повторять нечего; довольно сказать, что одна Бухтарма, быстрая и прозрачная, начинаясь во 105° долготы и на З. пробегая 4°, принимает в свое русло до 32 речек. Неводоходна.

Может быть, нужно напомнить, что водоходство по Оби, в трех верхних уездах, производится на судах плоскодонных.

Озер на выгоне Бийска 16, по уезду 386. Малыбай и Перешеечное, описанные на степи Кулундинской, принадлежат к большим озерам в западной части уезда Бийского. Первое занимает пространства на 27 кв. в., другое, лежащее близ южной границы уезда Барнаульского, имеет пространства 66½ кв. в. Длина первого с З. на В., а второго с С.-В. на Ю.-З. Первое изобилует рыбою, другое — местами луговыми.

Самое огромное озеро в юго-восточной части уезда Бийского и отчасти прикосновенное к Кузнецкому есть Телецкое, о котором Сибирь наслышалась еще в XVII веке, когда имела сшибки и переговоры с телеутами туземными. Оно длиною в 126, шириною в 84 в., с глубиною, в 1760г. промерянною, до 135 саж., и всегда славилось изобилием стерляди и прочей рыбы. Поверхность его распространяется с лишком на 7000 кв. в. Окруженное лесами и горами, озеро волнуется на плоскости, которая 3-ю долею превышает горизонт оз. Колывани. Принимает в себя нарочитую реку, составляющуюся из Башкауса и Чулышмана, сверх множества речек. По берегам и окрестностям озера продолжали кочевать потомки телеутов и так называемые татара, выродки тюрко-монгольской помеси, о которых обстоятельнее будет сказано в VI главе, при описании земель уезда Бийского.

В уез. Кузнецком главная река Томь вытекает в 107° долготы из западных покатей величественного кряжа Алатау. Источники ея, в виде двух ключей, катясь по высокой нагорной долине и беспрерывно увеличиваясь от вод болот окрестных, далее соединяются, стесняются между скалами и становятся бурным потоком, которым увлекаются каменья немалые. Томь, по удалении от вершин,

расширяется в русле от притока речек с обеих сторон и не перестает быть стремительною, пока не поверстается с устьями Казыра, Бельсы, Усы и Мрассы. Тут она становится степеннее. Вступая в область гранитов, она протекает в высоких утесистых берегах, меж опасных порогов, которые скопляются из обломков пород гранито-сиенитовых. Освободясь от этих преград и вступив в область каменноугольного песчаника, занимающего большое пространство по правому берегу, река начинает терять быстроту; берега гористые понижаются, и долина ея расширяется. Вот изображение Верхней Томи! Водоходство лодками и плотами производится от Кузнецка вниз, в одну пору половодья. В 20-ти верстах ниже д. Терехиной есть порог, называемый Шальным, но он по низости не угрожает водоходству и сплавке плотов большою опасностию. Также близ д. Фоминой лежит подводный камень Бурыш, который покрывается только в весеннее полноводье. По течению Томи, в обоих уездах, находится очень много островов и мелей, которые в разлив весенний, покрываясь водами, вовлекают быстриною реки лодки и плоты в затруднение. Весною Томь разливается, при пологих берегах, на обе стороны от 300 саж. до 5 в. Но берега ея по большой части высоки; прибережная почва их песчано-глиниста и камениста, местами покрыта болотами, подернутыми мелким лесом, инде расстилаются сенокосные луга. Дно реки каменисто и дресвяно; глубина от $2\frac{1}{2}$ до 16, а в полноводье местами до 20 аршин; ширина от 50 до 300 саж. Длина ея топографами определяется в 728 в., разумеется, без приложения вершин. Томь, обходя отроги гор, уходит к западу на 5° долготы, до слияния с Обью.

В Томь падает по уезду слева до 50 речек, и в том числе две больших, Мрасса и Кондома, унизанные чрезвычайным множеством притоков, стекающих с мокрых предгорий; справа до 40; и в том числе значительные — Терьси и Тайдон. Терьси вытекает также с покатей Алатау.

Озер на городском выгоне 42, по уезду 412; небольших не замечено.

В уез. Томском 4 реки; Обь, Томь, Чулым и Кия, вливающаяся в предпоследнюю. По уезду падает речек в Обь до 15, в Томь до 40. В Томи ловятся осетры, чиры, стерляди, вкусные и не жирные, которые предпочитаются иртышским и обским. Стерляди обские славятся только величиною. Лучший лов стерлядей в уез. Томском происходит при Орских юртах.

Чулым, вытекая с восточных покатей Алатау двумя руслами, известными под именем Белого и Черного И юса, делает необыкновенные извороты в своем течении, по причине прилегающих гор, пока не войдет в губернию Томскую. Река сия, сообщаясь с 5 озерами, чрез отдельные истоки или протоки, принимает в соединенном русле более 40 речек, в том числе замечательных 4: Сереж, Урюп, Больш. Кемчуг, Яю, а выше последней — р. Кию, в прежнее время не так важную, как ныне. Чулым катит воду не мутную, чистую, но плавание по нем неудобно: а) оттого, что много карчей, со дна торчащих при обыкновенной воде; б)что в половодье, выходя из русла, он устремляет свои течения по береговым местам, подвергая суда опасности. Для чего бы, в свое время, не объяснить этих препятствий Соймонову, правителю умному?

Кия берет свое начало из северных возвышенностей Алатау, хребта тут неприступного и вечно навьюченного снегом. Река имеет течение 250 в., в русле

сперва узком, потом расширяющемся до 50 саж. и более. Песчаное дно, то мелкое, то глубокое с обрывами, усыпано галечником разнопородным, в доказательство, что Киею омывается один из горных отметов. Вода в реке прозрачна. Рыба в ней осетр, стерлядь, нельма, форель, которые заходят из Чулыма; в Кию падает около 17 речек, как то: Кожухи, Талиновка, Антибес, Берикуль, Сердь, Тяжинка, Талаголь и пр.*

Озер на городском выгоне Томска 115, по уезду 621. В числе значащих описывается одно — оз. Большой Берчикуль. Оно занимает пространства 18 кв. в., длиною с З. на В. 6, шириною с С. на Ю. 3 версты. Глубина 2$^1/_2$ до 9 аршин, дно иловатое. Берега с северной стороны каменистые, с западной — крутые и обрубистые, с прочих же сторон отлогие, низменно-болотные, при грунте черноземном. Озеро со всех сторон окружено огромными черными лесами. Вода в нем пресная и доброкачественная. Рыба ныне не в большом изобилии и состоит из щук, карасей, окуней и чебаков.

Сюда же должно сопричислить озера между хребтом Алатау и Чулымом, покоящиеся по неоспоримому приурочению Чулыма к Обской системе. На карте Панснера наименовано этих озер 5: Черное, Белое, Божье Большое и Малое, и подле них Яголь, но у Степанова является 10, с именами туземными и с тою заметкой, что самое длинное из них простирается не более 12 верст.

В уез. Нарымском (по-нынешнему, в комиссарстве) после Оби изрядная река Кеть. Вытекая из Кемчугского погорья, она вбирает в себя до 15 речек в губернии Енисейской, 19 в Томской и сливается с Обью у Нарыма. Кеть, осеняемая лесом хвойным и тальником, сызредка березником, имеет течение до 1000 в. Берега попеременно то круты и высоки до 30 саж., то низки и тундроваты. Суда с грузом 15 000 п. подымаются вверх от Нарыма на расстояние 600 в., но выше они сменяются повозками, помещающими не более 1500 п. груза. Ширина реки на первом протяжении 250—600, на втором — 90—30 саж., еще выше — частые мели, только в половодье исчезающие. Грунт по Кети песчаный, вода чистая.

В Обь падает до 10 речек, и 2 больших: Васюган и Тым. Реч. Васюган, вытекая из болот соименного озера, выше Нарыма в 80 в., весною становится так многоводною и глубокою, что по ней спускаются в Обь полубарки с хлебом, строящиеся в ея верховьях. Хлеб, закупаемый в уйских селениях Тарского уезда, перевозится туда зимою. При устье Васюгана есть село Каргасатское (Каргаитское) с церковью; тут остяки вносят ясак.

Озер на выгоне Нарыма 67, по уезду 386.

Оканчивая воды системы Обской, причисляем к ней, по нашему положению, только большую реку Пур и малую р. Таз, убегающие в заливы морские. Пур, вытекающий из болот, имеет течение до 350 в., с шир. 150—200 саж. Рыба в нем одинакова с обскою. Таз, протекая около 500 в., наконец поворачивается широким устьем в губу, общую с Обью. Правый берег несколько возвышен; левый плоек и болотист. В него впадает 12 речек. Рыба обская.

Итак, в системе Обской заключаются: 1 великая река Обь; 1 второклассная

Кожух, Талиновка, Кундат, Талаголь и другие ныне славятся богатыми россыпями золота.

Иртыш; 7 третьеклассных: Сосьва Северная, Тавда, Тура, Тобол, Томь, Чулым и Кеть; 15 малых рек: Конда, Нейва или Ница, Пышма, Исеть, Миасс, Уй, Вагай, Омь, Бухтарма, Чумыш, Катунь, Бия, Ваг и Таз; 50 больших речек*, имеющих течение 150—370 в., с шириною^—400 саж.; и 1175 обыкновенных речек, беспосредственно втекающих в одни реки разного значения, не включая в счет ни их притоков, ни притоков, струящихся в небольшие речки или озера. Еще повторяется, что выше параллели, в какой лежит устье Ваха, выше этой параллели, на Урал падающей, не принимались в итог ни обыкновенные речки, ни озера, большие или малые. Всех озер в северной и южной полосах Обской системы открывается 8124, за исключением кулундинских, особо размещенных в уездных итогах.

Воды этой системы, если стекают с горно-каменных хребтов, низливаются среди минералогических пространств, часто по ложам, однородным с образовательностию их истока. Так, напр., оба Рефта, Реж и Нейва омывают почву гранитовую, Исеть — отчасти трахитовую, Иртыш и Енисей в пространстве Алтая — переходную, Томь и Терсь, начиная с берегов Мрассы до Ини, — каменноугольную, готовую к подземным возгораниям, как не раз и случалось около Томи, выше и ниже Кузнецка. Почва угольная распространяется и далее по Юго-Восточной Сибири.

* Больш. реч.	Дли
Тагил	
Салда	
Синара	
Ашлык	300
Носка	180
Алымка	140
Демьянка	210
Туртас	200
Оша	175
Туй	250
Шиш	200
Уй	145
Тара	119
Кулунда	
Карасук	450
Бурла	300
Баган	200
Тартас	190
Каргат	167
Чулым	178
Бердь	
Иня	
Уба Больш.	200
Песчаная	

Больш. реч.	Длин, в вер.	Шир. в саж.
Ануй		
Чарыш		
Алей		
Уймон		
Аргут		
Чуя		
Мрасса		
Кондома		
Терсь		
Тайдон		
Сереж		
Урюп		
Яя		250
Васюган		
Тым	300	
Пур	350 140-180	
Надым	250 400	
Полуй	250 100	
Куноват	200 90	
Казым	350 50-250	
Игрубея	150 30-200	
Сыня	120 90-120	
Салым	190 150	
Балык	250 70	
Юган Больш.	350 620	

Примечание. Некоторые из речек, в Обь падающих, под конец течения широки, как реки, оттого, что они на одном уровне с Обью, без падения. Повсеместность вод действовала над мозгом остяков так сильно, что они клянутся водою, как, бывало, Гомеровы боги. Я и прежде намекал о древности и сходстве племен северных с семитическими, когда говорил о моментах шаманства.

Если бы центр притяжения минеральных сокровищ находился в Западной Сибири, первоначальные реки уральских вод: Тавда, Тура, Исеты Миасс служили бы для сплава горных богатств, как служит Чусовая, Аи и Белая; но в настоящем политическом порядке они, посредством слияния с большими реками, то вмещающими множество рунных рыб, то недалекими от озер соляных, то текущими среди хлебородных равнин, — они сближают с людным, но скудным Уралом, запасы хлебные, соляные и рыбные. Вот их услуги!

Рассматривая огромную ложбину, обнимаемую. Обскою системою, в смысле геологического происхождения, нельзя не видеть, что она образования наносного, третичного и вторичного. Пластические глины Исетской провинции, меловые холмы по ту сторону Уя, кремнистые пески линии, морские раковины, валяющиеся по берегам Иртыша линейного, мергели глинистые, костяки млекопитающих, погребенные в наносах, кости, погруженные в северных озерах и в берегах больших или малых рек, начиная с р. Кары, угольные пласты к востоку, потом осадочные глины, то с гальками, то с песками перемешанные, пласты кварцевого песка, выказывающиеся в берегах Оби, каменные валуны, в них же замытые, не ясно ли сказывают о временах образования этой ложбины? Пусть другие причисляют ко времени наносного образования или к другим придумываемым случаям сибирских уроженцев, мамонтов, носорогов и иных тропических тварей, лежащих в пещерах или под покровом валунов; но мы после соображений, в какие входили в дополнениях к северной полосе, изъявив мнение, направляем свои мысли к другому благотворнейшему усмотрению — к достоянию земледелия. Мы постановляем, что почва Обской системы, как она ни перемежается со вторичною, третичною или наносною, есть довольно благоприятная для Цереры, когда не мешает ей неверность атмосферы, особенно если со временем научимся способам удобрений. Потомки на болотах, нами описанных, учредят сенокосы, потом нивы, а на других станут добывать топливо.

10. Характер системы Енисейской вообще отличается водами, насыщенными смесью минеральною, грунтом песчаным или хрящеватым и берегами горнокаменными, что уже выказывалось в восточных реках пройденной системы.

Сказав прежде о соединении Абакана с Енисеем, мы предоставляем ученому путешественнику исследовать, точно ли Улуйкем, родитель Енисея, выходит первыми источниками из того же хребта Богду, из которого и Селенга, ближняя его. Это скрепило бы еще более раму нашей Енисейской системы. Но какие картины расставлены природою-художницей подле Енисея, какими утесами возвеличиваются берега его и какие именно реки исчезают в этой исполинской реке, читатель может удовлетворить себя прочтением красноречивого описания, помещенного в *Енисейской губернии* г. Степанова*. Мы заметим только, что в Абакан, до соединения его с Енисеем, вливается речек до 23, равно и в Енисей до 20, что по соединении втекает в эту реку с обеих сторон до Красноярска 34, в числе которых есть две небольшие реки: Туба и Мана. Первая, сливаясь с реч. Казыром и с другими,

* Этот описатель, плававший по Енисею от Абакана до Турухана, нигде, впрочем, не брал глубины реки.

течет плавно между скромных утесов справа и между долин или холмов, слева прилегающих. Другая, вытекая недалеко от Казыра и сопровождаясь пустынными лесами, омывает на С.-В. долины и пастбища. От Красноярска до устья Дубчесы слева впадают 22 речки, и замечательных только Кем, Сым и Дубчеса, а справа 27 и две реки, Кан и Верхняя Тунгуска. Кан, вершиною сближаясь с Казыром и сливаясь с Агулом, переменяет направления в своем ходе, справа среди дубров, слева среди сенокосов. Берега его плоски, местами болотисты. Пересыпанный шиверами, он льется шумно при воде прибылой. Ниже Дубчесы образуется на Енисее многоостровье, простирающееся на 40 в., состоящее более чем из 40 островов, покрытых тальником или деревьями хвойными. От Дубчесы до устья

один из них Елогуй, исторически памятный, а справа две р.: Подкаменная и Нижняя Тунгуски. В 69° ш. на Енисее, более и более расширяющемся, образуется второе многоостровие, простирающееся на 170 в., после чего широкий Енисей суживается в берегах в 20-верстную ширину, и через 75 в. лиман смешивается с морем. Течение его от границы до моря полагается у Севергина в 3000, у Степанова — в 2800 верст. Правый берег всегда возвышен, как и у всех сибирских рек, текущих по направлению меридианов; и это условие давно разумели мы, как последствие суточного круговращения земного шара. Дно Енисея усеяно песком и мелким галешником, с примесью глины.

Великая река, под конец плавная, разнообразна в степенях быстрины, но везде судоходна, даже прежде слияния с Абаканом. Ширинаеяоколо Красноярска до 2 в., около устья Имбака — до 6, около устья Авамы — до 10, при втором многоостровии — до 60, но под конец, как сказано, стесняется в 20-верстную меру. Мы не упоминаем о поворотах течения в восточную или западную сторону, для того, что приписываемые ему направления не определяют истинного географического чертежа реки. Сверх указаний компаса, требуется еще верное определение широты и долготы, при многих устьях рек и прибрежных населений. На сей конец не неприлично выставить здесь астрономические определения некоторых мест.

	56° Г	110° 38'
Красноярск	58° 27'	109° 5Г 21"
Енисейск	60° 17'	108° Г
Устье Сыма	6 Г Г	107° 16' 28"
Устье Дубчесы	61° 39'	107° 23'
Сумароковка	63° 10'	105° 18'
Устье В. Имбака	65° 47'	105° 23'
Устье Н. Тунгуски	bb*b*V^N	\W Yl &ГГ

Следовательно, Енисей, проходя между Красноярском и Туруханском широту 9° 53', переметывается в долготе 5-ю градусами 26-ю минутами.

Енисей изобилует рыбами. Осетры с лишком двухаршинные водятся от устья его до Ангары, редко до устья Качи, но водятся в трех Тунгусках и Бирюсе стерляди более полутора аршина и в шипы тупоносые в сказанных реках. Лосось красный близ устья Енисея, лосось белый, или чиры, по устьям Хантайки, Турухана, Дубчесы. Моксуны до устья Дубчесы. Нельма в Турухане, и не выше Дубчесы. Ленок с ярко-багряною оттенкою в Енисее, Кане, Бирюсе и Тубе. Таймень в тех же реках. Спрат из рода сельдей и кунжа длиною в аршин, до Дубчесы. Есть в Енисее и настоящие сельди длиною 7 вершков, но нет искусства для засола. Омули до устья Хантай-

ки. Тугуны, похожие на снедков, ловятся выше и ниже Енисейска. Манерка, рыбка красивая,— в Мане. В лимане Енисея водятся тюлени и зубатки. Дельфин-кашалот (белуга) поднимается до устья Турухана.

Прочие реки и речки, в Енисей вливающиеся, наполняются по крайней мере в устьях тою же рыбою, какая ходит по Енисею до известных широт. Кроме рыб поименованных, есть налимы, сиги, окуни, щуки, язи, ельцы и сороги.

Озер по губернии более в природе, нежели сколько можно показать с помощью карт и *Енисейской губернии* Степанова. Этот писатель, любивший большие или узорочные предметы, говорит коротко об озерах южных, в наше описание внесенных с совета Палласова, а о лежащих к северу ниже Красноярска упоминает итогом или мимоходом. На левой стороне Енисея, начиная с широты Елогуя, он насчитывает мелких озер до 50-ти, равно и на правой находит множество озер, и ограничивается этим глухим выражением, сверх поименования нескольких огромных озер. Мы неохотно обращаемся к северной полосе, двукратно читателю представленной, но все можно примолвить, что, находясь в тамошних широтах, по-видимому, на земле и окружаясь водами, ищешь суши и, нашедши ея, едва не тонешь в ней.

При переходе к восточной ветви системы Енисейской, надобно заметить, что в лесистом Нижнеудинском уезде, которого воды бегут в оба русла — западное и восточное, считалось озер в 1789 г. до 89-ти; все они малого размера, так что окружность самых больших была и тогда не более как по 150 саж. Кажется, они на той поре, чтобы начинать превращаться *в* болота.

11. Селенга, которой истоки выходят из хребта Богду, или, по словам бурят, из горы Монкухардык, сливаясь в Монголии с Орхоном и отрезывая цепь Саянских гор, протекает в нашей границе по песчаному дну до Байкала 330 в., в берегах, то луговых и степных, то крутых и утесистых, начиная с Селенгинска. Она судоходна от самой границы, при ширине 100—200 саж., и падает в Байкал осьмью устьями, в 30 в. от пристани Посольской. Ширина всех устьев на 30 в., ширина главного русла до 360 саж. На устьях образовалось 10 наносных островков. В Селенге водятся осетры сиги, таймени, ленки, хариусы и пресловутые омули, которые в августе входят рунами с востока в Селенгу, как и в прочие реки, и подают ежегодный случай к съезду рыбопромышленников из Иркутска и других мест.

В Селенгу, которая прорезывает степь песчаную, падают с левой стороны Джида и Темник, справой — Никой, Хилок и Уда.

Джида, начинаясь при китайской границе и быстро протекая к В. 300 в. до Селенги, принимает в себя 20 речек и множество ключей. Ширина ея до 120 саж., переменная глубина не выше сажени, дно каменисто-песчаное. В вершинах ея растет акация и облепиха. Рыба такая же, какая и в Селенге, исключая осетров.

Темник, соединяясь с оз. Гусиным и связываясь протоками малых озерков, проходит как бы чрез оз. Таглей и падает в Селенгу. В Темнике ловятся щуки отменной величины.

Никой, выбегая из Яблонного хребта, льется то между утесов и гор отлогих, то между лугов и увалов, с переменными берегами, служит в известных расстояниях границею и, протекши 400 в., падает за 8 в. выше Селенгинска. Глубина не более

саж., ширина к концу около 200 саж. Принимает в себя справа 4, слева —27 речек. Рыба такая же, как в Джиде.

Хилок судоходный, вытекая из озз. Шакши и Иргеня, лежащих на погорье Яблонного хребта, протекает до Селенги 450 в., то в горах, то по лугам. Ширина и глубина его под конец течения не менее чикойской. Принимает в себя справа 45, слева — 31 речку.

Уда местами крутоберегая, местами пологоберегая, имеет течение от В. около 200 в. и вливается в Селенгу в Верхнеудинске. Ширина Уды до 80, глубина более саж. В нее текут с С. примечательные речки: 1) Погромная, известная минеральными ключами вод кислых; 2) Она, при которой контора Хоринская, училище Русское, ярмарка январская, по части меховых товаров; 3) Курба, имеющая 100 в. течения, среди хоринских стойбищ, и 4) Березовка в 5 в. от города, льющая чистую и прохладную воду. Городские семьи по праздникам ездят на Березовку чаевать, а в 9-ю пятницу бывает туда ход крестный.

12. Байкал, как огромное проходное плёсо, разлившееся между гор и возвышенных прибрежных равнин, служит водовместилищем 3-х значащих рек, 7-ми больших речек, 216 речек с именем, имеющих течение от 10 до 50 в., но уделяет воду одним истоком Ангары. Из помянутых 3-х рек не описаны: Верхняя Ангара и Баргузин.

В. Ангара с водою светлою, протекая между луговых мест, также между утесистых берегов, с глубиною 3 ар., падает в северо-восточный край Байкала 3-мя устьями. Длина течения 330 в. от горы Высокой. По реке сей, принимающей довольно речек, ходят вверх, на расстояние 180 в., плоскодонные суда с продовольствием к тунгусам и для рыбного промысла. Рыба почти такая же, какая в Селенге.

Баргузин протекает400 в., в берегах, по большой части возвышенных, и славится соболями высокой доброты. Глубина к концу реки в сажень, а потому судоходство восходит не много выше селения Баргузинского. В нее падает довольно речек. Рыба одинакова с селенгинскою. Губа Баргузинская шириною в 10 верст.

Больших речек считается 7 и, может быть, найдется более. Имена их будут сказаны при заключительном итоге.

Озера. Их считалось в 1789 г. в пределах нынешнего Верхнеудинского уезда до 60, из которых третью часть можно найти в приложенном описании. Чтобы не удивляться, что в оз. Фролихине, выше лежащем против уровня байкальского, водится красная форель, не надобно забывать, что в нем также водится хариус и таймень. Конечно, все три породы рыб не могли подняться по крутой протоке, падающей из озера в Байкал; но зато не трудно водяной птице перенести икру в своих перьях.

13. Байкал, возвышаясь над океаном на 1600 ф.* и простираясь с С.-В. к Ю.-З. длиною на 585 в., шириною имеет в окружности, по практическому измерению, 1865 в. Поверхность его, вычисленная по карте Г. Величковским (старш. учителем Тобольской гимназии) посредством триангуляции, определяется в 27 900 кв. верст. Мы думаем, что этот итог, если б была возможность определить озеро по теореме Симпсона, не много бы сбавился.

* Если измерение Байкала и другое, Иркутска, по барометру же выведенное Щукиным, благонадежно, то падение Ангары от Байкала до Иркутска, на расстоянии 60 в., будет 38, а не 69 саж., как прежде говорили.

Вода байкальская, пресная и насыщенная известью, несмотря на прозрачность зеленоватую, жестка для питья и для белья не способна. Летняя температура ея от +3 до +6°, а по слову Г. Щукина +5°; и эту температуру надобно разуметь о воде поверхностного слоя.

Глубина Байкала не везде одинакова и не во многих местах измерена. Измеренная замечена60,150,200 и будто бы в450 ф.,но она была бы еще более, если бы измерять ее умственно по известному пропорциональному содержанию береговых высот.

Нет прямой достоверности, чтобы вода убывала в Байкале, как иные думают. Заметки береговые могут быть опровергаемы поднятием берегов, особенно там, где волканичество не потухло. Напротив, жители Култука сказывают, что ежегодно в сентябре уровень воды там поднимается от $^1/_4$ до $^3/_4$ ар. против летнего уровня. Это явление стоило бы наблюдения и рассмотрения.

Георги изъяснял качку на Байкале отвесным волнением озера, со дна к поверхности. Надобно признаться, что трудно вразумиться в такой жидкий парадокс.

С прибрежных утесов местами вытекает горное масло, которое и собирают на поверхности озера, для разного употребления. При волнении выбрасывается на берега магнитный песок, содержащий в себе железа до 75 процентов. Также выбрасывается морская губка, бодягою называемая. По берегам, не говоря о множестве разных деревьев, по горам растущих, красуются большие косатики, жимолость голубая, разные таволги, желтоцветная кашкара и даурский багульник (Rhododendron dauricum), похожий, по слову Георги, листьями, видом и запахом на чай китайский.

В водах озера, кроме миллионов рунных омулей, живут разные роды рыб от пескаря до форели, от голомянки или жирухи до стерляди и осетра*. С рыбами живут и тюлени. Тюлени и омули, выходцы морские, всегда побуждали к вопросу: как они сюда зашли? Ангарою? Но этому нельзя статься, при настоящей преграде 3-х порогов: Падуна, Долгого и Шаманского, которые равняются почти водопадам, по залавкам, вполерек реки протянутым, с повышением один против другого.

Населенный на Байкале остров при северо-западном береге есть Ольхон. Он длиною 40, шириною 10 в., горист и лесист. Буряты, жители его, занимались овцеводством и скотоводством. Есть у них чванливое предание, что тут в старину паслись стада чингисхановы.

Прочих безлюдных островов до 15-ти, по уверению Семивского. То же оказывается и из слов Лосева, который, не считая песчаных банок, показывает 10 островов.

Между Баргузинской губой и заливом Чивиркуйским есть полуостров, Св. Носом называемый. Он дл. до 40, шир. около 15 в.

В соответственность Туркинских минеральных ключей, есть такие же ключи и на северо-западном берегу, подле речек Котельниковых.

14. Ангара, при истоке из Байкала, имеет ширины более 2-х верст и, переливая зелено-прозрачную воду чрез каменную закраину, под горизонтом воды лежащую на 1 $^1/_2$ и на 2 ар. глубины, открывает, однако ж, судам проходы, которые и называются воротами. Таким образом, Ангара, начиная свое течение, сначала прикрывается с обеих сторон крутыми Байкальскими горами.

* См. статист, статью Г. Курбатова о рыбной и лесной промышленности В. Удинского уезда, напеч. во 2-м томе *Материалов для статистики.* Она удовлетворительна для настоящего времени.

Островов на Ангаре, которая с р. Илима называется В. Тунгускою, исчислено по губернии Иркутской 318 и по Енисейской, до слияния с Енисеем, 150. На оных есть леса, луга и сенокосы, даже пашни и деревни, или стойбища инородческие. Большие острова длин. 5—10 и даже 20, шир. около 10 верст. О двух соляных островах, в 67 в. лежащих ниже Иркутска, здесь умалчивается для того, что в III главе насчет их сказано все нужное.

По Ангаре очень много каменных переборов (шиверов), возвышающихся под водою. Эти поперечные каменные гряды, опасные для водоходства, начинаются ниже ос. Братского в числе 9-ти; из них самые грозные 3, недавно были наименованы. При 9 порогах, в длину продолжающихся 67 в., река падает с лишком на 21 саж. Есть и быки также опасные.

У Ангары нет постоянной стороны луговой или нагорной. Берега той или другой стороны попеременно то гористы, то плоски, то на обеих сторонах утесисты или ровны; они состоят из глины, извести, песка, а вверху отчасти из угольного сланца и гранита.

Длина течения Ангары от Байкала до Иркутска 60, отсюда до Енисейска 1059 в. Глубина по фарватеру на первом расстоянии 3—5, у ос. Братского 5—7, далее к Енисею 7—10 саж. Ширина в Иркутске 200—250 саж., у ос. Братского и ниже — около 26, близ устья Илима с версту, по причине сжатия гор береговых. Далее Тунгуска разбивается на многие протоки между островов.

Малые реки, слева падающие в Ангару: Иркут, Китой, Белая, Ока, Уда, изменяющая свое имя в Чуну, напоследок — в Тасеевку. Речек с именем — 29, каковы Тельма с Юдормою, лежащею на границе губернской, да за границею несколько, каковы Кова, Мура, Карабала и Кладянка, не считая множество ключей, журчащих с гористых берегов, или речушек, перебирающихся с мокрых погорьев. Реч. Муру Севергин описывает со столбчатыми в берегах утесами на расстоянии 8-ми верст и другую реч. Олешму с такими же прикрасами.

Опишем малые речки.

Иркут, выходя из озера Ильчира, делает от З. к В. 346 в. до слияния с Ангарою и с обеих сторон принимает 29 речек. Он шумит вверх между гор, с крутыми изгибами, имеет пороги, под конец весело разливается между обширными лугами, по дну, из песка и гальки выстланному. Карбасы с сеном, плоты строевых лесов сплавляются по нему в Иркутск, особенно к 8 июля, к ярмарке деревенских произведений и изделий. В Иркуте такая же рыба, какая в Ангаре около губернского города, т.е. хариус, ленок, таймень, сиг, налим, пескарь. При реке Иркуте за 25 в. выше кр. Тункинской* есть каменные развалины, у бурят известные под именем монгол-шибет. Поперечник здания, судя по крайним стенам, около 50 саж. Из чертежа стенных оснований нельзя отгадать ни имени, ни назначения былого здания.

Китой, начинаясь близ вершины Иркута, бежит также на В. и чрез 260 в. льется в Ангару, в 50-ти в. ниже Иркутска. Ширина его под конец до 80, глубина — более сажени. Рыба такая же, как в Иркуте.

Белая, украшаясь по берегам ревенем и хмелем, имеет всего течения 250 в. и вбирает в себя другую Белую, Урак, Иорману, со множеством в эти речки притоков. Рыба известная.

* Опять моя ошибка. В первой книге было говорено о другой постройке кр. Тункинской на косогоре, но эту постройку надобно разуметь на оз. Косоголе, сперва отрезанном из владения Саинноанского ханства. Крепость Косогольская уничтожилась вместе с уступкою озера во владение Китая при размежевании границ в 1727 году.

Ока, начинаясь при границе монгольской из особого оз. Ильчира, стремится между гор, потом течет по равнинам плодоносным. Левый берег ея у ел. Барлуцкой называется скорописным, о чем говорено в первой книге. Ока делает 700 в. до ос. Братского, где и вливается в главное русло. В нее падает справа 26, слева — 6 речек, и в том числе большая реч. Ия, начинающаяся также на юге при границе и отдельно текущая 450 в. Дно ея песчанисто, не глубоко, несмотря на то, что втекает в нее до 20 речушек. Рыба в Оке известная.

Уда, начинась на юге при границе, бежит по грунту песчаному и каменистому. Глубина ея при Нижнеудинске 3 ар., ширина до 300 саж. Вскоре ниже города она переменяет свое имя на Чуну и потом на Тасеевку и вливается в В. Тунгуску. Течение этого водного Протея простирается 826 в. Он принял в себя по Иркутской губернии 108 речек, и в том числе Бирюсу. Рыба такая же, какая в Тунгуске, кроме осетров.

Бирюса, так же неверная своему имени, как и Уда, выбегает из предгорий двумя вершинами, которые называются Б. и М. Бирюсою, и принимает в себя Нарху. Там кочуют карагасы, отродье самоедов. По берегам и островам родится хмель, а в горах добывается слюда чистой воды, не шире полуаршина. Глубина Бирюсы при границе двух губерний, на тракте Иркутске-Енисейском, более сажени, ширина до 150 саж. По уезду Нижнеудинскому она принимает 29 речек, и втом числе две значащие: Тагул и Туманшет. Ниже Бирюса уступает свое имя Оне, а Они — Тасеевке.

Описав шесть рек, вытекающих из предгорий или озер Саянского хребта, которому одолжены своими истоками равномерно Мана и Туба, нельзя не заметить, что этот водородный кряж обрезывается Селенгою и сменяется к востоку Хинганским, как правителем вод амурских. Но возвратимся к порядку.

Справа падает в В. Тунгуску Илим, текущий на протяжении 500 в., по большой части между гор. Река сия, до слияния с Тунгускою, течет 145 в., с глубиною 3-х ар., при ширине 150 саж. При устье бывает богатый рыбный лов в мае и ноябре. Само по себе разумеется, что в крае гористом и лесистом множество речек и ручьев бежит в Илим.

С той же правой стороны падает в Ангару, до ея слияния с Енисеем, 63 речки, подобные величиною Ушаковке, Каде, Чадобцу, Ирьиневой и т.д., не считая бесчисленных ручьев и ключей.

От слияния двух главных рек до конца Енисея поглощаются им 32 речки, и в том числе Вахта. Сверх того, знатно увеличиваются воды его от впадения двух Тунгусок, Подкаменной и Нижней, также от Курейки Летней. Обе Тунгуски выходят из одного хребта гор, от Байкала, слева сопутствующего Лене. Они славятся дорогими соболями и еще не описаны надлежащим образом. О Н. Тунгуске известно*, что она, проходя близ Киренскав 19 в., имеет уже в тамошнем уезде ширины до 350, глубины до 2 саж., по причине тундреной почвы, снабжающей ее стоками. В нее льется до 80 речек, и 2 большие, по словам Севергина: Чуминда и Нерея, с утесистыми берегами, каменными переборами и с ключами поваренной соли. С юга вливается в Тунгуску Илимпея, 800 в. текущая и вечно разграничивающая край Енисейский от Иркутского. От Илимпеи до

* По ней открыты золотоносные прииски, как и по многим речкам Енисейской системы, о чем будет сказано в третьей книге. Теперь можно заметить, что везде города и даже селения, близ которых найдены прииски, поправляются, и в этом числе Енисейск.

Енисея еще падает в Тунгуску до 18 речек; здесь она расширяется на 750 саж. и быстро катит прозрачные воды по дну каменистому*. Относительно Курейки Летней, льющей приятную и прозрачную воду, берега ея вверху утесисты, хотя и не высоки, потом плоски до самого устья. Течение Курейки 500 в. В нее падает несколько речек.

Присоединим к системе Енисейской, по нашему положению, речки большие и реки, прямо текущие в море, по сторонам Енисея. В этой категории находятся Гыда, Солемна, Пясина, Таймур, Хатанга и Анабара.

Пясина, одна из малых рек, изливаясь из озер и принимая в себя несколько речек, с тундры в нее текущих на 500-верстном протяжении, исчезает в море. Хатанга, среди тундры протекая 600 в., принимает в себя 12 речек, и в том числе Папигай. Нагорный берег ея, на протяжении 8 верст, возвышаясь на 15 саж., содержит в себе каменный уголь, издавна дымящийся. Губа Хатанг-ская шириною 90 в., глубиною 9—12 саж. Анабара, простирая течение среди тундры на 1250 в., межует Заднюю Сибирь с губерниею Иркутскою. Она мелководна, шивериста и любима морскою камбалою. Сперва впало в нее 12 речек. Устье Анабары лежит, по определению Прончищева, в ш. 73°, Г, а Хатанги в ш. 74°, 3'.

Спускаясь по Ангаре и далее, вслед текущих рек и речек, нельзя было остановиться при озерах уезда Иркутского. Нет, впрочем , в Сибири уезда, в котором бы так мало было озер, как в Иркутском, хотя и обширном, гористом, лесистом, покрытом долинами и лугами, конечно, сухими. По описанию 1789 года и по последнему Лосевскому, считается озер до 10, у которых самая большая длина не более 3 в., а ширина 100—400 саж., но озер, собственно принадлежащих к системе Енисейской, только 3: Ордынское и два Ильчира. Первое на степи Кудинской, а Ильчиры при южной границе; из одного вытекает Иркут, из другого Ока. Прочие озера сего уезда принадлежат к системе Ленской. Илгинское, из которого вытекает Илга и падает в Лену; Очеул, Хандинское и Тыркей на болотах Верхоленских; Икерон при вершинах Киренги; Неруктаны близ Байкала; и эти последние, кажется, у Севергина названы горько-соляными Чаргиранскими озерами.

Итак, в системе Енисейской заключаются: 2 главные реки, Енисей и Селенга — Ангара; 1 второклассная река Н. Тунгуска; 9 третьеклассных рек: Абакан, Хатанга, Анабара, Илим, Тасеевка, Ока, Иркут, В. Ангара и Хилок; 14 малых рек: Туба, Мана, Бирюса, Кан, Подкаменная, Пясина, Курейка Летняя, Илимпея, Белая, Китой, Баргузин, Уда, Чикой, Джида; 19 речек больших**;

* В описи мои. Туруханского за 1729 год показано с Н. Тунгуски (с Верхней, по-нынешнему) прикладной слюды в $^{1}/_{4}$ар. 13ф., по 19 к. фунт, и мелкой 7 пудов.

** Большие речки с их длиною

Сым		Уя			400 в.		
Елогуй		Анга					
Турухан		300 в.		Бугульдсиха Б.			
Гыда		Голоустная					
Солемна		Дзон-Мурин					
Таймур			Снежная	60 в.		Снежная	90 в.
Попигай			Гремячая	500 в.			
Вахта			Турка	200 в.			
Кежма Б.			Темник				
Куда	100 в.						

1023 обыкновенные речки, втекающие в реки разного значения. Следственно, нет в счете притоков третичных, ни ближайших речек, текущих в большие речки, как было поступаемо и при счетах Обской системы. Но есть одно отступление, заключающееся в том, что при исчислении озер и речек не исключены те и другие северной полосы, чего не было в итоге Обской системы. При таком попущении выходит всех озер 269, вместе с Байкалом, которого поверхность не уляжется на совокупной поверхности всех их, вместе сложенных.

Енисейская система вод, можно прибавить из *Геогнозии* Г. Соколова, разливается в западных ветвях вплоть до Енисея поверх переходной почвы; к востоку около Иркутска от Ушаковки до гранитной полосы, опоясывающей Байкал, она течет поверх почвы каменноугольной. Не эта ли каменноугольность причиною замечательной безводности по степи Кудинской, Альзоновской и по Кырме? За Байкалом, между Верхнеудинском и Селенгинском, на правом берегу Селенги продолжается также каменноугольность, на которой плещутся тамошние воды. Равномерно на левом берегу Селенги, по северо-восточной окраине оз. Гусиного, замечаются явные следы бывшего некогда возгорения в пластах каменноугольных. Далее по возвышенной степи к Яблонному хребту Уда с подчиненными водами льется по почве первозданной, а там за хребтом по граниту плутоническому. Нужно ли прибавлять, что воды северной полосы, текучие и стоячие, стелются по третичной почве, по наносам, впоследствии ее прикрывшим. Впрочем, какие бы минеральные почвы ни скрывались по этим пространствам, поверхность их, превращаясь в известь, пески или глины, от влияния естественных деятелей, рано или поздно покоряется власти земледелия.

15. Лена, начинаясь разными источниками из северо-западной части пояса гор Байкальских, в 30-ти верстах от оз. Байкала, по словам Лосева*, падает в Ледовитое море от так называемого Каменного столба, 5-ю главными устьями, между 143° и 148° зап. долготы в ш. 73°. Эти пять устьев шириною 45—100 в., глубиною до 5 саж. Дугообразное течение Лены простирается к северу будто бы на 4233 в.

По Лене на всем ея течении 278 островов, да при конце устьев множество намывных. Речек нарочитой величины, не считая малых, падает в нее 323, но замечательных 7: Манзурка, текущая 140 в., Илга 200, Орленга и Кута по 250, Чечуй, Чуя и Чая по 300 в. Судоходных рек вливается в Лену 5: Вилюй, Киренга, Витим, Олекма и Алдан.

При Качугской пристани, в 231 в. отстоящей от вершины, при начальной точке водоходства, ширина Лены бывает в межень 30 саж., при Киренске — 240, при Олекминске — около 380 саж., у Якутска —до 7 в., в частых островах - до25,приЖиганске —до 10, при урочище Кумаксурском — $2^1/_2$, по причине сжатия от гор; далее разливается на многие протоки. Глубина не во многих местах замечена: при Качугской пристани $2^1/_2$ар., между Заборьем и Киренском — 7, в щеках ниже Киренска — 12 саж. Каменистые мели находятся только при начале водоходства.

* Вследствие высочайшего повеления, в 1784 г. состоявшегося, с вопросом; нет ли по берегам Лены каменных развалин, землемер А. И. Лосев описывал эту реку в следующих двух годах и решил вопрос отрицательно. Пользуясь этим описанием, я присоединил к нему геогностические взгляды Г. Злобина.

Лена в низовой половине течения покрывается льдом перед концом сентября по с. ст., а в верхней — в октябре и ноябре. Вскрывается на протяжении последнем в начале и половине апреля, к устью — в исходе мая, иногда в половине июня.

16. По берегам Лены до Качугской пристани уже поднимаются горы, лесами покрытые, и сменяются долинами. Красный песчаник, показавшись в горах у этой пристани, тянется на 800 в. до Ильинской станции, далее Киренска сотнею верст. На этом протяжении, за 450 в. от Иркутска, при впадении реч. Бича в Лену известковый камень, подчиненный песчанику, содержит пласт медных руд, отчасти выработанный неизвестными рудопромышленниками.

17. Против Киренска горы красного песчаника покрываются известковым камнем, частию плотным, частию зернистым. Вершины гор сего рода образуют преимущественно утесы. В берегах и утесах пласты известковые сдвинуты и перепутаны, как, напр., в щеках или утесистых горах, около 40 в. продолжающихся ниже Киренска, в 250 в. по Лене. Высота гор не выше 40 саж., и образование их тянется от Киренска, по течению Лены почти до Кохтуйской станции, на расстоянии 870 в. На этом протяжении реч. Чуя, окруженная породами металлоносными, представляется любопытною для геогноста и рудокопателя. На пути к Рысьинской станции находится холодная минеральная вода под названием **Вонючих ключей.** Она заслужила это имя от запаха сероводородного газа.

18. Близ Нохтуйской станции береговые горы вместо утесистых становятся пологими, и покати их заросли густыми хвойными лесами; однако ж в обнаженных частях показывается плотный пестрый песчаник. Наслоение гор по большой части горизонтальное: слои разноцветны, особенно красные, желтые, зеленые и белые. Образование пестрого песчаника идет на 150 верстах, до Делгейской станции.

19. У Дельгейской станции вторично показываются известковые горы, содержащие пласты рухляка и точильного сланца. Они тянутся на 130 в. и оканчиваются между станций Берлинской и Олекмой сыпучим песком, который на правой стороне Лены и находится в горах так называемых **Толокняных.**

20. Против сих гор, на левом берегу Лены, налегает на известковый камень красный песчаник, который с реч. Черепанихи покрывается красным конгломератом. В породе сей обнаружен Леною толстый пласт из песка, разноцветных глин и гипса. Далее на конгломерате покоится известняке гипсом, окрашенный бурым водянистым железом. В гипсовых горах, покрытых хвойным лесом, напластование не возмущено и протяжение слоев параллельно с уровнем воды. Вся эта образовательность продолжается на 50 в. за Солянскую станцию.

21. Между Солянкою и Намахинскою станциями налегает на гипсовые пласты известняк. Горы его по большей части отлого-скатисты, покрыты частию лесом, частию россыпями собственных пород, и во многих местах разделяются лесистыми логами. Различные виды известняка оканчиваются на левом берегу Лены, выше устья Челету, а на правом — выше Синьской станции, так что все самообразование идет не далее 100 в.

22. Горы пестрого известняка, начинаясь с одной стороны Лены у реч. Челету, ас другой — около 15 в. выше станции Синьской, тянутся на расстоянии 60 в., почти до Тит-Арытской станции. Горы

стоят над водою не выше 10 саж. Спокойное их напластование на три толстых отдела, отличных цветом и плотностию масс, цвета нижних двух отделов — серый, красный, редко желтоватый и зеленоватый; верхнего отдела слои толще, цвета желтовато-серые. По слабости массы верхнего отдела верхние пласты гор правого берега размыты, из утесов образовались столбы, башни и кажущиеся обломки зданий. Эти столбы, так называемые в просторечии, продолжаются верст на двадцать выше Якутска, во 168 и 188 верстах, и при величии великой реки составляют дивную картину.

23. Против устья реч. Большой Ботамы начинает напластовываться на пестром плотном известняке другой мелкозернистый, отличающийся большим числом заключенных в нем тонких прослойков бурой железистой охры. Горы эти, покрытые лесом, стоят над водою не выше 10 саж. и оканчиваются между станций Тоен-Арытской и Бестяхской, верст за 80 выше Якутска. В описанном известняке, на левом берегу Лены, при урочище Кемисхая, видны древние копи, деланные для выработки бурого железняка, в который был вкраплен серебристый, свинцовый блеск с серным колчеданом.

24. От реч. Большой Ботамы начинается образование бурого угля. Оно при различных изменениях тянется по Лене за селение Булун (Булук) около 1800 в., а по направлению Колымского тракта от Якутска не доходит только ста верст до хребта Верхоянского. Буроугольное образование разбрасывается по берегам р. Вилюя, за устье Мархи, на 600 в., также по берегам р. Алдана, за устье Май, на 400 верст.

Пласты бурого угля, обязанного своим происхождением горению растительных веществ, безучастия атмосферного воздуха, выходят на поверхность выше Якутска, толщиною до $3^1/_2$ ф., и падают к С.-В. под острым углом. Выход угля примечен также в правом берегу Лены между Жиганском и Булуном; толщина пластов не более фута. В первом месте уголь мелкослоист, блестящ в изломе, но при необъятном количестве лесов долго будет оставаться без употребления. Уголь второго протяжения вниз Лены, по нечистоте, не годен к употреблению.

Поверхность гор, в которых образовался уголь, составляет между речками Синею и Амгою, также около рр. Лены, Алдана и Май, возвышенные равнины, густыми лесами покрытые, между коими находятся во множестве обширные котловины, составляющие пастбища и сенокосы якугов. Возвышения сии, судя по берегам Лены, должны состоять из известняка, рухлого песка и глин.

Вот из каких пород позднейших образований сложены берега Лены, по мимоходному обозрению Г. Злобина. Остается сказать, что великая река со впадающими в нее рр. и речч. изобильна красною и белою рыбою, и рыбный промысел при устье Вилюя очень значителен, как и необходим для продовольствия тамошних жителей, у которых хлеб заменяется рыбою, различно приготовляемою.

25. Опишем по возможности реки, впадающие в Лену.

Вилюй в Якутской области течет от З. к В. и, сделав 860 в., падает слева в Лену тремя рукавами, которые вместе с промежуточными островами расширяются на 32 в. Среднее устье есть главное, и ширина его 90 саж. Берега Вилюя круты, гористы и по тракту от Вилюйска к Сунтарскому улусу обнаруживают пла-

сты бурого угля, мелкослоистого, в изломе блестящего, но при богатстве лесов, едвали когда-нибудь могущего войти в статью живых богатств. Рыба в Вилюе: стерляди, чиры, хариусы,ленки и пр. В поправку прежнего наименования скажем, что одно из северных озер, названное Инжилом, называется Няжели. Оно длиною 60, шириною 10 в., в нем ловят больших карасей — 12 вершков с головы до хвоста.

Киренга, вытекая из байкальского предгорья в уез. Иркутском, протекает по нему 280, а по Киренскому 186 в., впадает справа в Лену у Киренска. Глубина устья 5 ар., ширина ея тут же 300 саж. Близ берегов, по ея течению, разметаны пашни, обширные луга и болота. При урожае вверх по Киренге, хлеб сплавляется оттуда в Киренск для продажи, на барках и плотах. Рыба в ней водится, но не в большом изобилии.

Витим, вытекая из разных озер в уез. Верхнеудинском и протекши 1700в., вливается в Лену, пониже ел. Витимской, 3-мя устьями, среди громадных утесов, с глубиною 5$^1/_2$ аршин. Зверовщики и слюдопромышленники ходят по Витиму на досчаниках и павозках. Река сия, издавна прославившись слюдою и соболями высокой руки, представляет еще.месторождение кристаллов венисы, по словам Г. Злобина, достойное разработки. В Витим падает до 20 речек, и заметная из них по течению 200-верстному и по соболиной ловле — Нижняя Мама. Рыба в Витиме, даже в самой Лене немногочисленна, и не в большом довольстве, до широты почти Вилюя.

Олекма, вверху сходясь своими вершинами с известным Тугиром, по которому сперва ходили на Амур, и отделяющаяся от Маньчжурской Даурии одною шириною хребта Яблонного, имеет в верхней половине течения берега утесистые, щеками называемые, падает в Лену 13-ю верстами ниже Олекминска, с шириною 360 саж. и с глубиною 6 ар. Все течение ея 1400 в. В IV периоде она славилась богатым соболиным промыслом. Речек в нее и Тугир бежит до 20.

Алдан, сбегая с погорья Яблонного хребта и в длинном своем течении обсаженный разным лесом, хвойным, лиственным, но везде пустынный, льется в берегах попеременно по обеим сторонам, то отлогих, то увалистых, и представляет много возвышенных равнин для лугов и пастбищ. Весеннее разлитие Алдана страшно и опустошительно. Капитан Сарычев рассказывает, что с 1 до 17 мая (по с. ст.) Алдан поднялся до 38 ф., что он видел плывущий остров в окружности до 70 саж., с деревьями, на которых перелетали птички, и что самое страшное наводнение было вверху за 70 верст, где оно поднималось до 60 ф. Алдан, при переправе на р. Маю, прежде наводнения имел ширины 700 саж. Он падает в Лену ниже Якутска в 180 в. Все течение его 1800 в. В нем ловятся: осетры, стерляди и пр.

В Алдан втекает речек малых и больших до 40 и р. Мая. Мы остановимся на р. Мае для нескольких строчек. Эта река, родясь из протоков Станового хребта, простирающегося параллельно берегу Охотского моря, устремляется на юг к р. Уде, потом, змееобразно согнувшись к З.-С., бежит в берегах, попеременно то низких, то утесистых (от 80, 60 до 20 саж.). При Усть-Майской пристани ширина Май около 300 саж., глубина 5—9ф., в обыкновенное время. Она имеет течения 980 в. По берегам ея лиственница и сосна. Лодки с тяжестями поднимаются до устья Юдомы в 9 дней. Юдома, бегущая изгибами по

каменистому дну, неглубока, так что в устье, где ширина ея до 200 саж., глубина 3 ф., а вверху менее. С тем вместе она становится кверху шиверистою, имеет порог и разбивается на протоки, хотя от Юдомского Креста бежит в одном русле. Берега то низменны, то гористы, и даже утесисты. На них видны лиственница, топольник, ольховник и тальник. По этим рекам, наконец, от Юд. Креста достигают сухопутно или по Ураку до Охотска.

Несмотря на свое слово, чтобы не возвращаться в страну, выше ш. 62° лежащую, совестно как-то прокинуть отдаленные реки, которые падают в Ледовитое море параллельно с Леною и которые по положению нашему причисляются к системе Ленской.

Оленек, соединяющий воды двух вершин, которые выбегают из своего хребта и текут порознь от 900 до 1000 в., Оленек извивистый делает до устья 2000 в. При устье ширина его 9 в., глубина 3½ саж. Тут кочуют тунгусы, а в вершинах — якуты. В реке водятся: стерлядь, налим, тир, моксун, пелядь, похожая на карпа, с блестящею чешуей и пр., кроме нельмы, а в устье входит камбала.

Яна, выливаясь из озера, на хребте Верхоянском лежащего, и пополняясь источниками, речками малыми и большими, представляет реку широкую и простирающуюся до устьев на 1080 в. В устьях ея образовались большие острова. Берега Яны плоские и лесистые около Бараласа, к концу низки и болотны. Тут, между оконечности Верхоянского хребта и самой Яны, лежат, по замечанию Г. Злобина, пространные равнины намывного образования, содержащие местами бурый уголь и некоторое горючее вещество, на янтарь похожее. В берегах реч. Эбетани, вытекающей из оконечности Орульгинского хребта, геогност заметил флецовый известняк, песчаник, трап и аспидный сланец. Вверх по течению Яны древние образования лежат не ближе 100 вер. от Усть-Янска, и заметны только в тех местах, где отрасли Верхоянского хребта сходятся с отрогами гор Зашиверских, разделяющих Яну и Индигирку. В горах сих показы ваютсячастию граниты, а более сланцы: глинистый и серовакковый. Породы эти должны тянуться до вершин Яны, где берега ея гористы. Самый Верхоянский хребет покрыт толщами серовакового и глинистого сланцев. Толщи сии, продолжаясь и на противоположных покатях хребта, сменяются к стороне Лены породами новейшего образования не ближе, как во 100 в. от ея берегов*.

В Яну втекает слева 29, справа 28 малых и больших речек, в числе которых нарочитой величины Тыстах, имеющая течения на 530 в. Рыба в Яне такая же, какая в Оленеке.

Индигирка, происшедшая от соединения речек Омекона и Кундусуня, выбегающих из тех же отметов, которых продолжение названо хребтом Верхоянским, принимает в себя довольно речек малых и больших, течет с изгибами в берегах частию утесистых, частию размывается в протоки, с переменным фарватером. Есть по ней довольно островов и по берегам довольно лесов для судовой постройки. Всего течения 1400 в. Падает в море в ш. 70° 00' 19" четырьмя устья-

* Я поместил это извлечение для того, что до Г. Злобина в тамошнем крае не было минералога, а на показания землемеров совсем нельзя полагаться. Не знаю, что сказать о геогностических сказаниях экспедиции Врангслевой.

ми, из которых на В. — Колымское, на З. — Русское. Близ последнего видны следы больших становьев, принадлежащих поколению омоков, исчезнувших отсюда и с Колымы до прихода русских. Рыба в Индигирке такая же, какая в Яне.

Алазея, вытекающая в ш. 67° из хребта Ал азейско го, течет не бол ее 560 в. глубоко и изгибисто. Временно навещаемая для промыслов юкагирами, она ниже зимовья Алазейского во 106 в. падает в море 5-ю рукавами, из коих самые большие два восточных: Лагачкин и Большой проток. Рыба, какая и в Индигирке.

В заключение надлежит сказать, что в Ленской системе 1 великая река; 1 второклассная — Алдан; 7 третьеклассных: Вилюй, Киренга, Витим, Олекма, Оленек, Яна, Индигирка; и несколько малых рек, каковы Мая, Юдома, Алазея и пр. Для речек малых Ленской системы нет данных, а есть данное число для речек и озер целой губернии; и мы воспользуемся этим итогом, по обозрении остальных вод. Что ж касается до наименования горных почв, по которым катится система вод, мы не можем предложить других усмотрений, кроме тех, какие написаны Г. Злобиным.

26. В Амурской системе все воды катятся на восток. Онон, вышедший за границей из Хинганского хребта, богатого драгоценными камнями, и будучи однородцем с Амуром, в чем можно увериться тождеством жемчужных раковин и рыб, имеет течение под разными именованиями 2400 в.* до о. Сахалина (Таракая). Мы взглянем на разноименную реку в трех приемах, соединения *с* Ингодою, потом с Аргунью и наконец с Охотским морем.

Онон быстротекущий до соединения с Ингодою не глубже 10 ф., к концу не шире 80 саж. Берега его то гористы и живописны, то низменны и болотны. Есть на нем острова, покрытые благовонным тополем. Речек втекает в него до десяти, в числе их Турга и Ага, по которым кочует часть бурят агинских, грубостию не уступающих хоринцам**, одноплеменникам верхнеудинским. В Ононе ловятся сазаны (ciprinuscarpio), сомы (ciprinus asotus), кони (cipr. labeo), щуки золотоцветные и пр. Сызредка попадается и белуга, этот восточный осетр. Что касается до Ингоды, она выпала из хребта Яблонного, близ границы, недалеко от кедровой горы Чокондо. По берегам ея, вверху гористым и живописным, растет ревень черенковый. Приняв в себя Читу и речки, Ингода расширяется в увалистых берегах, то лесистых, то открытых, при равной ширине и глубине с Ононом, однако ж, не без мелей и не без кабанов каменных. Она бежит, а не течет, до соединения с Ононом, который встречается за 66 в. выше Нерчинска и по соединении слывет Шилкою. Между Ингодой и Ононом есть целебные ключи Дарасунские, прежде нами замеченные, есть и другие.

Шилка до соединения с р. Аргунью быстро протекает 560 в., по дну песчанистому и отчасти иловатому, с шириною 154 против села Успенского и 152 саж. против завода Шилкинского, разумеется, в малую воду. Первая из малых рек, слева в Шилку падающая 4-мя мелкими рукавами, есть Нерча. Город стоял на самом берегу Шилки до 1812 года. Нужно ли припоминать, что, проехав всю Сибирь, впервые видят ра-

* По словам капит. Сарычева, до 4000 в., но это слишком преувеличено.

** Ныне, как слышно, агинцы, кочующие по прибрежьям Онона, становятся мягче в нравах, чем будто бы одолжены они влиянию лам Цугальской кумирни.

ков в Нерчинске? Кроме Нерчи, Шилка принимает в себя слева 18, справа 17 речек*, оканчивающихся там Горбицею (ниже которой Амур по тракту слева неутрален), а здесь Аргунью. По Шилке есть три брода: Шивковский пониже села Успенского, Ведениктихский и Шаметовский пониже ел. Бянкиной. Глубина бродов в самую большую засуху $^3/_4$ аршина. Сплавляемые по реке паромы с грузом остерегаются 11 быков или прибоев, тем опаснейших, чем вода мельче. При 7-м быке, называемом Годой, три прибоя, и утесы залегают на версту. При 11-м повыше кр. Горбицы утесистые столбы идут версты на три. Глубина Шилки против Успенского в малую воду 2, против Сретенска $2^1/_4$, против завода Шилкинского $2^1/_2$, против кр. Горбицы 3 аршина**. Рыба в Шилке: осетр, белуга до 30 пуд., севрюга, сом, сазан, краснопер, сиг, конь, таймень, ленок, налим, щука, чебаки и пр. Редко попадаются: зубатка, сабля, бык, карась, костерька, похожая на стерлядь, белорыбка, похожая на шамаю, домна длинная и тонкая, как угорь, и раки.

Перейдем на Аргунь, реку пограничную с юго-востока. Она, выходя из оз. Далая, протекает в нашей границе, среди казачьей и заводской оседлости, 640 в., по мелкопесчанистому грунту, в смежности со степью соляно-иловатою. Течение Аргуни не скорое, цвет воды ея изжелта-беловат. Речек в нее падает слева 14, от Урулунгуя до Газимура, а справа 11, от Гана до Езовки. Ширина Аргуни 40—100 саж., с нарочитою под конец глубиною, еще до соединения с Шилкою, которая с этой точки переименовывается у нас в Амур, у маньчжуров — в Сахалин-ула, у монголов — в Харамуран.

27. Остается стать на Амуре, и это значит то же, что со скорбию возвратиться на родные наши развалины. Около 40 лет бойкая русская жизнь там бушевала, шумела, гремела, препиралась с Азией; и нет почти устья речного, где бы не вспыхивало в памяти сибиряка воспоминание о бывшей храбрости. Амур величественный знаком прежним русским, вдоль и вплоперек, прежде маньчжу-китайского присвоения; только нельзя не пожалеть, что не дошло до нас ни гидрографических, ни физических сведений о нем, неизвестна даже глубина и ширина. У Фишера сохранено одно предание, что в Амуре ловились, кроме осетров, белуги (accip. Huso) длиною в 2—3 саж. Пополним же, сколько можно, утрату старинных известий из других источников. Амур, быстротекущий, в соответственность предшествовавших рек, и на первых порах имеющий глубины не менее 10 ф., направляется ниже Горбицы с С.-В. на Ю.-В., при слиянии с р. Сонгари повора-

* Вот имена первых: Кия (пропустив Нерчу), Куеньга, Вологина, Курлыча, Кукертей, Метакан, Джорон, Урбуча, Чача, Маргул, Годой, Куменда, Кара, Багача, Кулерка, Лунжанка, Черная и Горбина. Имена вторых: Урульга, Ургучан (Саватеева), Монастырская, Шивка, Кулинда, Борщовка, Дунаевка, Юдина, Етигранова, Ярагулка, Куреньга, Удыча, Лосна, Бота, Дабтялга, Чалбуча, Улитча. Полевой стороне Шилки ныне считается водворений русских 35, по правой 18, но в IV периоде едва ли было 15. Вверх по речкам, недавно поименованным, также есть много селений с каменными и деревянными церквами; открыты новые прииски цветных каменьев, золотоносные россыпи, устроен даже винокуренный завод, на беду трезвости. По одной речке есть утесы, писанные красною краской, а по реч. Бортовке недавно усмотрен кислый минеральный ключ. Сведения эти извлечены вкратце из описания, какое доставил мне нерчинский почетный гражданин М. А. Зензинов, относительно Шилки, впадающих в нее речек и окрестностей.

** В большую воду Шилка поднимается выше сказанной меры на 4 аршина.

чивается к С.-С.-В. и падает в лиман, изобильный рыбами семужьей фамилии. Из лимана, замываемого песками, Амур делит воды и в Татарский залив, и в море Охотское, явно делая физическое помавание, что половина его принадлежит России, как другая — Китаю. Шлюпка, капитаном Крузенштерном посланная в лиман, вымеряла, что там, где стремление Амура стало с нею бороться и где почерпнута вода пресная, глубина найдена 4—3½ брассов.

Температура на обеих сторонах Амура холодна, по возвышенности почвы и по густоте лесов. Зима там жестока, зато лето очень жарко. Реки вскрываются в конце апреля и в начале мая, покрываются в начале октября по н. ст., равно и самый Амур, сколь ни быстр, испытывает то же. В Даурии растет овес, просо и пресловутое растение жинзин (gensing). Во время русской оседлости родились посевы и других хлебов, чего нельзя бы ожидать там при настоящих познаниях о земледелии?

По берегам Амура укрепленные города: Сахалин, главный оплот против Сибири, Ангунт и Тондон. В область последнего ссылаются преступники. Туземцы Амура все тунгусского племени, хотя и различаются названиями поколений. Лицовый оклад, сходство наречий и шаманство обличают их в тождественности происхождения. Их соплеменники маньчжуры.

В Амур слева падает речек до 40 малых, 3 больших и порядочная р. Силимпди, составляющаяся из Зеи и других притоков, катящихся с хр. Станового. Справа падает речек до 15, две порядочные рр. Наун и Узури светлый, одна значительная р. Сонгари, образующаяся из многих и дальних слияний. Самые отдаленные вершины притоков, падающих в Амур, лежат 2181 ф. выше уровня морского. В неглубоких речках достают жемчужных раковин, но, чтобы доставать в Амуре и больших реках, нет ловцов так смелых.

Об озерах Шилкинской системы приложено особое описание, но мы далеки от уверенности, чтобы в нем исчислены были все озера.

28. Итак, Амур, нераздельный с Ононом, само собою разумеется, есть река первоклассная, 1 второклассная Сонгари, 4 третьеклассных: Ингода, Аргун, Силимпди, Узури, и несколько малых рек, каковы Чита, Нерча, Наун и пр. Но в дальнейшем счете сего рода надобно остановиться при Горбице и Аргуни. Больших и малых речек, которые падают в реки разного значения, можно полагать в Шилкинской системе до 200, озер — до 20.

Шилкинская система вод, за Яблонным хребтом, течет в союзе с горными почвами: гранитовой, переходной и волканической.

Почтенный профессор Соколов поучает, что гранит плутонического происхождения является близ Читинска, господствующею породою, и за 5 верст до реч. Кручины слюдяной сланец перемежается с тонкими пластами гранита. К юго-востоку, в цепи Ононских гор, влияние гранита на переходное образование обнаруживается ощутительно, особенно в кряже Адун-Шолонском, разделяющем Онон от Онон-Борзи. Тут гранит, выказываясь из пластов глинисто-сланцевых, составляет на хребте кряжа две отдельные горы. В долине Цаган-Олуйской образование гранитовое есть самое обширное, являющееся в утесах, столбах и россыпях.

Почва переходная расстилается по Шилке, Газимуру и Аргуни. Далее, по мнению Г. Соколова, весь левый берег Аргуни вверх от завода усеян волкани-

ческими породами. Но несмотря нагорные почвы, по-видимому неблагоприятные для сельского хозяйства, во свое, однако ж, время превращающиеся в дресвы и пески и смешивающиеся с землями и глинами или по благословению Провидения покрывающиеся растительными туками, нерчинской край гражданского и заводского ведомства, равномерно и берег Аргуни, гордившийся лесистыми горами, представлял издавна плодородные отлогости и долины и еще представит новые нивы и пастбища. Берега Аргуни останутся бесплодными только вверху*.

29. Кончив описание вод 4-х систем, немудрено теперь выразуметь закон водных направлений по всей Сибири. Планетная сфероидальность и южное положение горных кряжей (внутренних или заграничных), не на одной линии широты, но уступами сидящих, установляют главный закон, по которому реки катятся к северу, из большей или меньшей дали, по наклонности Сибирского долосклона, как вашгерда гигантского. Противудействие сему великому закону полагает Урал с параллельными кряжами, сопутствующими главным руслам, и с хребтом Становым, который от вершин Тауя становится также параллелен до восточного края; но противудействие скоро пресекается, и реки или речки, приняв из сих кряжей направление от З. к В. или от В. к З., в минуту слияния с большим руслом уносятся силою общего закона. Даже самый Становой хребет, разметываясь на отроги, низл ивает реки к северу, с поклоном, так сказать, тому же закону. Не будь хр. Яблонного, неразрывно сплоченного со Становым и Хинганским, не существовало бы противозаконной системы речного устремления к востоку.

Из сего усмотрения следует, что если направление вод, независимо от главной причины, определяется также протяжением кряжей, то и протяжение кряжей обозначается направлением рек. Пусть начертят на карте одни ложа рек и речек с одною скоростию их течения, без гор, карандаш мыслящий безошибочно набросает приличные кряжи или равнины. Что можно придумать более противуположного, более перепутанного, как беспорядочные течения рр. и речч. в Сибирском Алтае, бегущих с шумом и грохотом, на все румбы? И вся эта путаница изъясняется самовольными положениями горных отрогов, подчиненных Холзуну.

30. Перейдем к водам бессистемным, происшедшим собственно от искривлений хр. Станового, который в широтах охотских невысок, лесист и болотист.

31. Не упоминая знакомого Тугура, ни прочих речек, между Удью и Амуром бегущих в Охотское море, можно наименовать значащие речки, катящиеся с хр. Станового. Удь, Альдома, Улькан, Улья, Урак, Охота, Кухтуй, Иня, Тауй, Яма, Ижига, Акслан и Пенжина не что иное, как речки, важно расширяющиеся при своих устьях, исключая одну Удь, несудоходную, хотя и сильную. В средине их есть и другие, им подобные, но, за неимением исторических воспоминаний, здесь умалчиваются.

Удь, вершинами подходя к вершинам Зеи, течет около 700 в., принимает много речек, образует острова и катит воду

* Когда-то Сибирь увидит свою геогностическую карту, подобную той, какая издана Г. Гельмерсеном для России?

мутную*. Рыба в ней, как и во всех речках здешнего моря, от Тугура до ГТенжины, ловится с некоторыми изъятиями та же, какая в Охоте и в р. Камчатке. Альдома имеет течения 93 в., принимает в себя 29 речек, в течении небурлива, так что и плоты с лесом спускаются по ней. Выше каменного рифа глубины 13—14ф. Улькан в устье шириною около 9 саж., глубиною в малую воду 3 ф. Улья течет 450 в. и принимает множество речек. Выше устья за 200 в. есть порог очень крутой, чрез который нельзя спускаться судну. Устье в самом тесном месте имеет 75 саж. ширины. Урак водоходен только весною и в дождливое время. По нем сплавляется от плотбища провьянт для Охотска и проч. бесхлебных мест. На устье поселены якуты, которые содержат рогатый скот. Охота, вверху составляясь из двух вершин и принимая многие другие речки, течет около 300, а Кухтуй — до 200 в. Та и другая речки, соединяясь при устье, вскрываются весною в начале мая по н. ст. Охота выходит из берегов дней на 10, и после обе речки представляют в часы прилива, как уже было описано, игру вод, любопытную и повелительную. Охота и Кухтуй одолжены своею известностию не этой игре, не ловле тюрпанов и не изобилию рыб, но имени порта, сообщающегося с Камчаткой, с двумя грядами островов и с Америкой. Иня достопамятна по давности ячменного хлебопашества и столько же по маяку, на устье поставленному, для судов, с востока бегущих. Прочие речки: Тауй, Яма, Ижига примечательны по бухтам и укреплениям, бывшим или еще существующим. Акслан и Пенжина, сливающиеся при устье, памятны по разным отношениям, первый — по бывшей крепостце и городу, а другая — по имени, которое и облагородилось прозванием морского залива.

Несколько слов о рыбной ловле в Охотске. Вскоре по вскрытии Охоты показываются рунные рыбы: мальма, кунжа, камбала; все они из рода красного. Мальма цвета серебряного известна в Камчатке под именем гольцов. Кунжа из рода форели, длиною до 3 ф. Потом временно входят в реку корюха и сельдь рунами, а за ними — белуга и тюлени. Сивучи, огромные животные, избегая рек, выходят из моря на безопасные места. Кап. Сарычев видел их покоящимися на каменной подошве грозного утеса при м. Эйкан. Около 20 июня по н. ст. кончается поход первых рыб и появляются другие: кета и нярка, похожие на лосося величиною и вкусом. Нярка весом до 15 фунтов, вкусна и приятна, кета превосходит величиною, не так красна и не так приятна. Нярка, заходя и в прочие устья Охотского моря, валит в августе и сентябре в таком множестве, что сообщает свой рыбный вкус речным водам. В это время заготовляется она на зиму, для продовольствия людского и корма собачьего. Тогда собаки, заходя в воду, сами ловят нярку и жрут одну хрящеватую головку.

32. Полуостров Камчатка, препоясанный прибережною цепью волканических гор, являющих кругляки гранита вместе с пемзою и лавою, низливает в обоесторонние моря и в свои реки великое множество речек. Наше намерение упомянуть об одних главных реках.

* В 1789 г. флота капитан Фомин, не нашедши возможности основать порт в устье Уди по мелководью, осматривал в этом намерении Альдому, Улью и пр. речки до Тугура и воротился назад без успеха. Один Альдомский залив казался ему способным для порта, а для защиты судов требовалось моло, утверждению которого не благоприятствовал кам^чный риф.

Тигиль, начинаясь из ключей близ вершин Еловки, противоположно бегущей, падает в залив через 180 в. течения и образует хорошую гавань, для стоянки и выгрузки судов. Около устья Тигиля находят янтарь. По этой реке выстроено укрепление, в 30 в. от моря. Разумеется, что несколько речек впало в Тигиль, что в промежутке ея и реч. Пенжины вливается в залив до 27 таких, которые почтены именами, и в их числе Таловка, которая с Олюторою, по мнению нашему, отмежевывает Камчатку от заносья.

Большая (Кыкша), выходя из озера, делает в своем течении много островов и принимает в себя Быструю, которая вливается в нее 3-мя устьями, и до сих мест течет с падением то стремительным, то ровным, смотря по каким проходит урочищам - гористым или низменным. Много пало речек в Быструю и Большую. Последняя имеет в устье ширины до 2 в. и при ветре бурлива до опасности. Она покрывается льдом около половины ноября, с незамерзающими полыньями. Между Большою и Тигилем сбегает в море речек до 25, а на пространстве, которое находится между Большой и Авачей кругом Лопатки, до 17, и из них две нарочитые, Опала и Озерная. О рыбах скажем вообще при обозрении р. Камчатки.

Авача, выбегая с погорья, имеет течения на восток 118 в. до губы соименной, которая в окружности полагается около 26 миль и обнесена утесистыми каменными берегами, с отлогостями в небольших изгибах. Вход в Авачинскую губу шириною 2¼ мили. Мы не именуем высоких камней, на правой и противоположной стороне высящихся, а только скажем, что губа оканчивается 3-мя заливами: Тарьинским, Раковым и Ниякиным, последний есть Петропавловская гавань, лежащая в ш. 53° Г и вост. долг. 176° 28'. Она в окружности до 800 саж., закрыта с западной стороны гористым узким полуостровом, а с южной — кошкою из мелкого камня. Вход в гавань между полуостровом и кошкою шириною до 40, глубиною 7—8, на самой средине 8—9 саж.*. На дне ил.

С моря Авачинская губа издали узнается по необыкновенным громадам пяти гор, в виде совокупной группы в атмосфере рисующихся, хотя на самом деле великаны эти стоят на полуострове в дальних от моря и разносторонних расстояниях. Имея в виду одни реки, мы должны спешить к Камчатке, наперед сказав, что в губу Авачинскую, кроме Авачи и Паратунки, вливается 7 речек, а в море на расстоянии от Авачи до устья Камчатки —22.

Камчатка, главная на полуострове река и на 290 в. кверху способная для водоходства плоских судов, выходит из болотного места и, направляясь сперва с Ю. к С.-В., потом к В., наконец крутым поворотом кВ.-Ю.-В., падаетв Берингово море в широте, которая сказана в VI главе. Все течение реки от вершины, по счету Крашенинникова, 525, а по счету пятисотных верст — 735. Глубина Камчатки 8—15 ф., ширина 40—200 саж. В нее падает с обеих сторон, не считая малых, 23 речки. Первая речка Повыча замечательна падением 4 устьев и тем еще, что при одном устье стоит Верхнекамчатск. Щеки, между речч. Распугай и Хапычей прежде упомянутые, простираются на расстоянии 25 в. Между городом и устьем Камчатки есть три залива, длиною от 3 до 6 и 15 в.

* Эта глубина была во время Сарычева, а за 48 лет, вовремя Крашенинникова, 14—18 футов. Показание Крашенинникова как будто ошибочное.

От устья Камчатки до Олюторского култука падает в море 35 речек, и в том числе Олютора, соответствующая Таловке. Если свести счет, выйдет, что на полуострове одна третьеклассная река, три небольшие реки, 158 речек, падающих в море и в одну р. Камчатку, не считая прочих внутренних. Больших озер 5: Курильское, Апальское, Кроноцкое, Калигары и Нерпичье. Кроноцкое имело длины 50, ширины 40, Калигары дл. 20, ш. 6 в., во время Крашенинникова; всех же постоянных озер около 10. В летнее время открывается озер, особенно около р. Камчатки, такое множество, что, по словам того же описателя, там нет прохода сухопутного.

Рыбы, которым природа велела питать жителей Камчатки, многочисленны. Вахня (asinus antiquorum), особливый род трески, есть первая весенняя и также ноябрьская рыба. Сарычев видит в ней сходство с пикшою, по вкусу, виду и длине в фут и в полфута. Хахалчи (obulariusaculeatus), похожая на рогатку, ловится в устьях рек, менее для ухи, чем для собачьего корма. Морской налим, не так брюхатый и головастый, как речной, схож с ним во всем прочем. Терпук промышляется удами около Авачи. Камбала, величиною около полуаршина, хотя и попадает в сети в превеликом числе, запасается только для собачьего корма. Скат широкоротый (Recia), только неизвестен вид его. К мелкой рыбе причисляются в Камчатке корюшка 3-х видов, также сельдь, подобная голландской и там слывущая белою рыбкою.

Главные рыбы в Камчатке из рода лососей и других видов красной породы. Все они входят в реки столь бессчетными рунами, что собаки и медведи ловят их лапами, но входят порознь рунами семейными. **Чавыча,** вид лосося с осетра, первая идете моря в реки, в Большую и в некоторые с нею смежные, также в Авачу и Камчатку. **Нярка** идет во все реки Камчатского и Пенжинского моря. Кета, также рунная, более нярки, ловится с июля до половины октября, во всех реках. **Горбуша,** похожая на леща и вкусом недурная, ловится более для собачьего корма. **Белая рыба,** также рунная, приятнейшая на вкус, чем кета, входит в те только речки, которые вытекают из озер. Все эти рыбы мечут икру в реках, худеют, переменяют вид и издыхают; дети их следующею весною уносятся в море, чтобы вырасти, потом возвратиться в родные реки для воспроизвождения и так же кончить век на родине.

Семга поднимается вверх по реч. Колпаковой и другим до Ичи, но в бури заплывает и в другие устья. Гольцы краснотелые, или мальма, заходят в реки вместе с горбушами и, в них перезимовав, возвращаются в море. Макызы, вкусом приятные, величиною с нярку, также заходят в реки, не в большом количестве. Хариус входит в реки по подледью.

Относительно китовых пород, являющихся около устьев Пенжинского залива, Олюторской губы и прочих поморий камчатских, коряки, камчадалы и омоторы промышляют их для пищи. На промысел касаток они не пускаются из опасения, но, когда мертвые выбрасываются на берега, туземцы пользуются их жиром. Мясом мокоев (canis carcharius), похожих величиною на китов и также живородящих, камчадалы питаются с наслаждением.

К Анадырю и Колыме спускаемся в том же невольном убеждении, чтобы не оставить читателя в совершенной безвестности о реках важных, но редки описываемых.

33. Анадырь, изливаясь из оз. Иվашка, лежащего натундреном погорье хребта Станового, течет от С. к Ю., потом

поворачивается на С., далее дугообразно на С.-В. и наконец падает в соименной залив в ш. 64° 40', запад, долг. 181° 25'. Протяжение течения, показывается у Лосева в 1086 в. Неизвестно, далеко ли вверх по Анадырю можно судоходствовать. И к решению недоумения может служить одно историческое припоминание, именно, что в 1747г. прикащики купца Жилкина, состроив морское судно выше острога, спустились на нем в залив и достигли одного из Командорских островов. Поэтому утверждение Лосева, что будто по причине мелей нельзя подниматься до бывшего острога, разве с большим грузом, ожидает пояснения.

В Анадырь падает несколько речек, и самая большая Майн. Лосев пишет, и нельзя в том сомневаться, что те же породы рыб, какие входят в реки камчатские, поднимаются и по Анадырю.

34. Колыма, начинаясь в предгорье Станового хребта в ш. 61 ° 5' и отделяясь от западных рек отрогом Половиновским, с В. самим хребтом, могла бы составлять особливую систему вод, если б значила более, чем второклассную реку. Течение Колымы прежде полагалось в 1800, а Врангелем — в 1500 в., по направлению к С.-С.-В. Она на первых 800 в. чрезвычайно быстра, но с возрастающею шириною становится умереннее. Правый берег состоит из скал утесистых, иногда навислых над рекою, не включая протяжение, между устьями Омолона и Анюев лежащего. Левый берег отложе, и чем далее, тем низменнее, выравнивая горизонтальность с тундрою. Леса строевые растут в вершинах реки, около плотбища, по берегам впадающих рек и речек, не ниже Верхнеколымска, стоящего слева нар. Ясачной, в 2 верстах от ея устья. Весною Колыма разливается в протоках, в другое время высыхающих, далее бежит в островах **Частых,** потом **Троицких, по 7 в. в час.** От устья Зырянки до Среднеколымска расположены по берегам казачьи летовья, для рыболовства. Повыше устья Омолона Колыма делает рукав, врезывающийся в западную тундру, и, ниже ста верстами соединяясь с рекою, составляет остров низменный, сырой и на этом острову к западу стоит Нижнеколымск. Река, переменив восточное направление к северу, через 40 в. опять разделяется на два рукава. Восточный под именем Каменной Колымы имеет ширины 6, средний — 4 в.; есть еще рукав западно-северный, который по узкости своей не судоходен. Ширина, глубина и фарватер реки переменяются от времени до времени. В бытность кап. Сарычева, ширина восточного рукава была против маяка Лаптева 8 в., глубина при выходе в море — 3—5 саж. У Нижнеколымска река становится в первых числах сентября, ближе к устью — часто около 20 августа. Вскрывается в начале июня. Вливается в море в ш. 69° 40'.

В Колыму падает до 16 речек и 5 небольших рек: Ясачная, Березова, Омолон, при которой начато было поселение Русское, Анюй Б. и М. В каждую из сих рек течет по несколько рек: в М. Анюй — до 16, в другой — до 10 и столько же в Омолон.

Рыба, начиная с Верхнеколымска до устья, ловится в главной реке и боковых устьях, следующая: осетр, стерлядь, чир, нельма, моксун, сиг, лосось, ленок, хариус, омуль, сельдь, налим, конек, пелядь, окунь, ерш, чебак, карась, щука, салакушка, елец. Ловля прерывается под конец ноября до февраля: рыба ложится в глуби.

35. Докончим наконец главу двумя примечаниями: а) насчет числа озер и речек по губернии Иркутской; б) насчетчисла рыбных пород во всех водах Сибири.

У Семивского и Лосева принято за достоверное, что кроме рек разной величины считается по губернии речек с име-

нами 2579, озер так же с именами и частию рыбных— 1264, разумеется, без строгой точности в полосе северной. Если отделить из числа речек 495 к системе Енисейской, 200 — к Шилкинской, 158 — к полуострову, осталось бы для системы Ленской и внутренних речек, нейдущих к нашему счислению, 1726. Для внутренних речек можно уступить 726, след., для системы Ленской очищается 1000. Впрочем, это число не могло быть истинным в периоде IV, как и в настоящем; в первом, конечно, было их более, в последнем — менее против счета Семивского, потому что, как заметил Шергин в 1838 г., даже в окрестностях Якутска высохло несколько речек. По части озер, если равномерно отчислить 130 к системе Енисейской, 14 — к Шилкинской, 10 — к полуострову, остается для прочей поверхности губернии 1100 озер. Не попуская себе вносить произвольное суждение в счеты, трудами землемеров составленные, мы ни утверждаем, ни отрицаем сказанных итогов.

Другое примечание, как основывающееся на отчетливом перечислении рыб, гласит, что во всех водах Сибири живет рыб из отдела хрящеватого 5 пород, из отдела костливого — 49, и в последнем преизобилуют породы семги*.

Таким образом, предложив историю внутренних вод, не совсем удовлетворительно, как хотелось бы, мы не успели достигнуть даже одной из главных целей, т.е. определить отношение поверхности водной к поверхности твердой. Оставляя этот урок лучшему времени, лучшему настроению умов, мы между тем докончим в следующей главе один из главных вопросов: как далеко в Сибири углубляется к северу география земледелия?

ГЛАВА VI

О ЗЕМЛЯХ В ОТНОШЕНИИ К ЗЕМЛЕДЕЛИЮ И КЛИМАТУ

1. Земли восточно-уральские. 2. Климат по н. ст. *3.* Земли ТОБОЛЬСКОЙ губернии. 4. КЛИМАТ по н. ст. в Пелымском крае. 5. Климат в Тобольске также по н. ст. 6. КЛИМАТ в Ялуторовске по н. ст. 7. В кр. Петропавловской по н. ст. 8. На Барабе. 9. В Томской губернии. 10. Кулундинская степь и климат по н. ст. 11. Пространство гористое. 12. Земли уездов: Бийского, Барнаульского, Кузнецкого н КЛИМАТ по с. ст. 13. Земли уездов Колыванского и Томского по с. ст. 14. Земли нарымские. 15. Земли Енисейской губернии и КЛИМАТ по с. ст. 16. Красноярск. 17. ДОЛИНА Сагайская. 18. Земли Иркутской губернии. 19. КЛИМАТ в северной половине средней полосы. 20. КЛИМАТ Иркутска по с. ст, 21. Земли забайкальские. 22. Климат забайкальский. *23.* Климат Камчатки по с. ст. 24. Заключение.

По каким местам и в каких широтах проходит линия, при которой оканчивается в Сибири земледелие, даже яровое? Видна ли в отыскиваемой линии возвышающаяся постепенность от востока к западу, как быть бы тому надлежало? Там, где матерая земля досягает до 78° широты, именно между 120° и 128°

* Ныне Агасис, соревнователь и продолжитель трудов славного Кювье, делит рыб ископаемых и живых на 4 отдела, по внешним их покровам.

долготы, выпучивается ли ячменнаялиния к северу, далее прочих укороченных материков? В соответствие этим задачам на первый раз представляется достоверным то, что соха сибирская начинает работать не выше ш. 62°, что огородные овощи произрастают несколько далее ячменной линии, повсеместно, что за ячменем близко следует рожь, что пшеница выше 58° не произрастает.

На западе, за Уралом, черта ячменная так же ли извивается, как в Сибири, относительно широты? Из *Путешествия* акад. Лепехина видно, что по р. Ижме слобода Ижемская близ 65° питается отчасти своим хлебом, что д. Семжа по р. Кулою в ш. 66° сеет и жнет свой ячмень*. Очевидное разнообразие в плодотворности и неплодотворности почвенной стоило бы рассмотрения, но где взять полные данные, чтобы удовлетворительно изъяснить явления неравенства.

Для чего бы покамест не покуситься приписать это неравенство следующим причинам: 1) с устья Колымы до р. Кары нет цепных гор, преграждающих резкость северных и северо-восточных ветров, а напротив, везде низменный поморский берег; 2) нигде нет возвышенных площадей, солнцем нагреваемых, но везде болота, топи мшистые, озера или леса, поглощающие солнечное озарение; 3) морская вода, более охлаждаемая громадными льдами, нежели около Поморья Западно-Уральского; в пользу последнего Поморья служат: возвышенный поморский берег, — хребет Уральский, заслоняющий от северо-восточных ветров, — Новая Земля, не подпускающая к нему льдов, притом прикрывающая от студеных ветров кряжем, до 300 ф. возвышающимся над морем, — да и почва тамошнего Поморья, лежащая выше сибирской, едва ли не ранее освободилась от поморского затопления. К тому ж тамошние реки, вдол ь и вдоперек текущие, сильно могли содействовать осушению материка, граничащего с морем не выше 70-й параллели. Этого и довольно.

Кстати бы сказать о хлебопашестве, какое мы застали при покорении Сибири, по рр. Туре и Тавде у оседлых татар, но летописцы молчат и об их пахотных орудиях. Вероятно, татары заимствовали свой сабан из Казани соплеменной.

Если рассматривать русско-сибирское земледелие как искусство, а не как производство народного богатства, оно в IV периоде не могло разниться от первоначального, в 1590г. перенесенного 30-тью сольвычегодскими пахарями. Пашня от Урала до Камчатки и берегов Аргуни одинаково делилась на 3 поля. Везде употреблялась русская соха, состоявшая из рассохи, рогаля и оглобель. Хотя Паллас и называет сибирскою соху верхотурскую, вооруженную одиноким широким сошником (лемехом), но сошники середней и малой руки, как видно из царской грамоты 1607 г., присылались на Верхотурье из Москвы, следственно, и широкие сошники в другое время оттуда же приходили и остались за Уралом как бы образцовыми. Не подлежит сомнению, что все орудия и приемы, перешедшие в Сибирь из-за Урала, нимало не усовершались, до водворения польских выведенцев.

1. Земли уезда **Верхотурского,** со включением горного Богословского округа, в IV периоде составлявшего западную часть уез. Пел ымского**, состоят по

* Арефьев в статье о землемерии на стр. 91-й как будто противоречит Лепехину, говоря, что ячмень там появляется не выше 64°. Разве ныне?

** Для удобнейшего понятия я беру пространства уездов по нынешнему разграничению.

большой части из каменистой, болотной и глиноизвестковой почв, средственно плодородны в южной и юго-восточной частях; в северо-западной же стороне, каменисто-болотной, лесистой, атмосфера, естественно, сыра, часто туманна, нехлебородна, хотя летом и довольно тепла. Ибо восточные покати Урала, по всему его протяжению, вообще сильно холодные в зимние месяцы, достаточно нагреваются летом, как видно из средних температур Богословска, Екатеринбурга, Златоуста. Причина та, что солнце летом там рано восходит, поздно заходит на той же стороне и как бы днюет на востоке Урала. Препятствия для хлебопашества, кроме почвы, полагались со стороны заводского хозяйства, потому что оно пеклось о прииске и разработке руд, о сбережении лесов для огнедействия, и потому отказывалось благоприятствовать хозяйству сельскому. Заводы невьянские, тагильские, кушвинские и прочие, до Петропавловского, собирая богатства металлические из цельных руд, покупали пропитание с долин, лежащих между рр. Нейва, Реж, Ирбить. За всем тем в 1767 г. по уезду* посев хлеба озимого был на 1801, ярового — на 1196 десятинах.

Земли уез. **Ирбитского** к западу болотисты и частию каменисты, к востоку глинисты, песчанисты, во многих местах черноземны и везде более или менее годны для хлебопашества. Оно производится с лучшею выгодою в восточной части, по обеим сторонам Режа, Ницы и Ирбити.

В восточной и южно-восточной стороне уез. **Екатеринбургского,** несмотря на каменистые подгорья, озера, болота, вырываются места, пригодные для пашни, и пашня раскидывается, если заводской устав не в столкновении с нею. Но, несмотря на устав заводской, есть много приятных местоположений к стороне Багаряка и Синары.

В уездах **Камышловском и Шадринском,** хотя много болот по счету, земли вообще хлебородны как глинистые и песчанистые, так особенно песчано-глинистые и черноземные. Оба уезда, наиболее Шадринский, волнуются между возвышенных и веселых равнин, покрытых листными рощами или цветущими растениями. Уезды сии считаются житницами заводов и, в случае неурожая в западных уездах Тобольской губернии, уделяют им от своих избытков, как и сами в неурожайные годы довольствуются от этих, наоборот. Шадринекая пшеничная мука предпочтительно спрашивается в Тобольске и раскупается дороже на 25 %. Урожай там бывает, следственно и бывал, в 7— 10 крат более против посева.

Челябинский уезд (по-прежнему — Исетская провинция вместе с уез. **Троицким)** есть огромная плоскость, наклоненная к рр. Ую и Тоболу. Орошаемая тремя реками и речками неглубокими, с погорья катящимися или из озер переливающимися, прохлаждаемая множеством озер, она с апреля до половины сентября представляется гостиницею бесчисленных перелетных-птиц, то отдыхающих, то кочующихдо осени на водах стоячих. Равнина сия, несмотря на почву то каменистую и известковую, то белоглинистую, то соленоватую к югу, представляла небольшому числу жителей так много земель рыхлых, песчано-глинистых и черноземных, что, при истощении какого-нибудь участка, пахарь бросал его

* Собр. сочинений из Месяцесловов Озерецковского. Ч. VI. Стр. 186. Я воспользуюсь этой статьею, когда дойду до губернии Тобольской.

на несколько лет и переходил на другой, глубокий чернозем (перегной растительный). Почва уез. **Троицкого,** ближе к предгориям лежащая на горных тощих породах, пашне мало благоприятствующих, небогата плодородностию, но зато сколько картинных мест представлялось путешественнику! Какие прелестные окрестности около ел. Кундравинской! А таких окрестностей множество*.

В лучших из уездов бывают неурожаи через 5,7 и 9 лет, неурожаи же продолжаются год и три, чего не могло бы последовать, если бы пашня обрабатывалась с хозяйственным знанием и вниманием. В уездах Ирбитском, Камышловском и Шадринском родятся пшеница, рожь, ярица, овес, ячмень, греча, полба, просо, горох, лен, конопель и пр. Дыни и арбузы родятся в двух последних уездах, а вишневая лоза произрастает в одном Шадринском.

Тогда все уезды еще изобиловали строевыми лесами, сосновыми, еловыми, березовыми, но Верхотурский преимущественно еловыми, кедровыми и лиственничными. Недостатка не было в нестроевом лесе: в рябине, черемухе, тальнике, осиннике, пихтовнике, ольховнике и липняке, который оканчивается в ш. 59° и не переходит за реч. Какву, падающую в Лялю. Рябинолистная таволга красуется по берегам Туры, жимолость голубая, до Камчатки доходящая, начинается на Урале. Калина, широкими цветами белеющая, а под осень отличающаяся листьями огненного цвета, произрастает рассеянно по Уралу и по долинам. Вереск (Erica vulg.), спутник убогой почвы, к счастию, замечен только на Бабихинском волоку, простирающемся от устья Тагила до границы уез. Туринского. Но орешник и ни один ствол из семейства дуба не перенеслись за Урал на Сибирскую землю, по тяжести их семян, хотя, без сомнения, нашлась бы для них приличная почва. Северное семейство высокорослых кедров перестает жить около з. Нижнетагильского, и Паллас думал, что кедр не растет ниже 75° к югу, хотя из его же *Путешествия* видно, что студентом Соколовым замечен кедровник по уез. Нерчинскому в ш. 51°, при источниках двух речек Палан — Уссу, и могучий лес устарелых кедров на подошве и на вершине горы Чокондо, в подобной же широте. Гористая возвышенность чокондской подошвы извиняет положение Палласа**.

Не вместно здесь исчислять растения***, свойственные почвам уездов восточно-уральских, хотя в породах их и выражаются оттенки климатов. Растения Верхотурского уезда и растения Исетской провинции описаны Палласом и Лепехиным; поэтому растения средних мест, более или менее подходящие к краям двух пространств, не могут представлять особливых типов.

2. По описанным признакам, по возвышенной каменистости, лесам, озерам, болотам, для всех уездов более или менее общим, нельзя заключать, чтобы не было чувствительной разности в их климатах, по мере относительной широты мест.

* Говорить о золотоносных россыпях я буду в VI периоде, а здесь замечу, что первое предвестие о них принадлежит акад. Лепехину, о чем можно читать на 176-й и 177-й стр. 2-й книги его *Путешествия.* Основательная помолвка о россыпях началась в Екатеринбурге около 1814г.

** У Риттера гористый кедр показан по Европе между 45° и 40°-м, а предел липы в ш. 62°.

*** Я предполагаю в V периоде поместить особою главою травянистые растения и кустарники, ботаниками замеченные в Сибири.

Зима жестока на юге Исетской провинции, хотя и не равняется в суровости уезду Верхотурскому. Снега глубоки в обоих краях. Весна там и тут более или менее вероломна. Около рудников Турьинских снег, слякоть, дожди, туманы, около Кыжтымских такая же перемена бывает, в меньших только степенях. В Богословском горном округе, в этой западной части старинного Пелымского уезда, снега покрывают землю, а лед воду почти до мая. Летом то проливные дожди, то засухи. С сентября начинают падать снега, сопровождаемые холодными, ветрами, в октябре зима жмет животный организм, в ноябре крепкие морозы, с начала декабря до половины января ртуть, в иные дни, свертывается в термометрическом шарике. Почва способна к хлебопашеству только ячменному, и то в редких местах; огородные овощи, хотя и не все, родятся. Порядок, природою там установленный, по-видимому, таков, что за плодородным и сухим годом следует противоположный. Эти антитезы совпадают с переменным порядком неурожаев, какие замечены по лучшим восточноуральским уездам. Подвинемся, однако ж, кзаводу Павдинскому. Лепехин рассказывает, что на берегах Лобвы, с подошвы Канжиковского Камня выбегающей, он терпел на 13 июня по с. ст. чувствительную стужу, так что лужицы заледенели, травы поникли от инея, но с солнечным восходом они оправились и льду не стало. Травы были из числа таких, какие растут по Волге, где небольшое охлаждение бывает для них гибельно. Поэтому прозябения наравне с животными могут родниться с чужим климатом.

Заметна какая-то соответственность — в нечаянности погод на восточной стороне Урала, даже Южного. Это правда, весна тут начинается резко, снега исчезают ранее, ранее вскрываются реки и позже закрываются, также птицы к 4 апреля прилетают на воды, около 10-го ветреница и сухоребрйца расцветают; но за степенность тепла нельзя ручаться до 16 и даже до 26 мая, по с. ст., несмотря на то, что в апреле и мае до половины бывают дни теплые и приятные. Лепехин опять рассказывает, что Шадринского уезда в селе Сладчанском на 25 мая 1770 г. взвилась сильная и холодная вьюга, так что к утру все было покрыто снегом, не таявшим двое суток.

Разность в температурах двух главных мест невелика: богословского и златоустовского, одного на севере, другого на юге Урала. В первом низшая т. в январе —20°, в феврале —29°, в декабре ртуть по утрам трех дней замерзала в шарике. В последнем месте в те же моменты — 19°, —25° и —29°. Летние температуры даже выше в Богословске против Златоуста.

По причине озерных и болотистых пространств земли, каковы около Урала, климат тамошний должен быть более сомнителен, чем здоров, если бы русский не скоро привыкал к разностям климата. Таковы невыгоды в рудниках Кыштымских на юге и Турьинских на севере, как уже замечено. В уезде Верхотурском цинга есть болезнь естественная, от которой вогул и русский предохраняют себя кедровыми орехами, брусникою, клюквою, сыроедением мерзлой рыбы, соком сосновым и березовым, морошкою и взваром можжевеловых ягод. Прочие болезни — ознобы, горячки, судорожные кашли, весенние лихорадки, *а* о кори, оспе и любострастной говорить нечего. Скотские болезни: так называемый падеж, иногда со слюнотечением и кашлем, иногда сибирская

язва на скот и лошадей. Последние болезни, и человеческие и скотские,временем появляются по всем уездам до Пелыма, начиная с южных.

3. Тобольская губерния есть равнина, разрезанная Иртышом, а ниже Иртыша Обью, — равнина, к этим рекам покатая, сверх общей покатости к Ледовитому морю. Почва этой равнины на юге песчаниста, соленовата, потом глиниста, супесчаниста или черноземна и иловата, к северу болотиста и тундровата. Нигде по всей губернии нет гор, кроме возвышенного иртыш-обского берега и Урала, который подходит в низовом конце уезда Березовского.

В 1767г., или, что то же, в конце IV периода, было по губернии в посеве хлеба озимого 58 590 десятин и ярового 46 367, да сверх того на 1768 г. засеяно первого до 60 000 десятин. Урожай вообще считался тогда сам-пять, хотя многолетние пашни давали сам-четверть и даже менее. Зато на новинах, смотря по различию хлеба, урожай выходил в 4 и 8 крат более против посева.

Земли уез. Туринского, следуя старинному и естественному разграничению, должны быть разделены на пелымские и уездные. Под именем первых разумеются низи, к Уральским водянистым предгориям прилегающие и более понижающиеся между Лозьвой и Пелымом. Они отчасти осушаются Западною Сосьвою, Лозьвою, Вагильскою, Пелымом и множеством речек, скатывающихся в 4 поименованные стока, не глубокие, но стремительные. Земли, занимаемые слободами: Гаринскою, ПелымскоюиТабаринскою, вообще болотисты, но местами белоглинисты, желтоглинисты и считались исстари пахотными.

Уездные лучшие земли лежат по Тавде и особенно по обеим сторонам Туры, от границы верхотурской до ел. Усть-Ницинской. На последнем пространстве уже и тогда открывались приятные увалистые местоположения. По Туре к юго-востоку родились: пшеница, ярица, овес, горох, лен, конопель и прочие посевы. По Тавде в уезде Туринском родится пшеница на сероватых землях, с мелкою галькой перемешанных, гораздо лучше, чем в Тюменском. В 1767 г. по уезду было в посеве хлеба озимого 5102, ярового 4396 десятин.

На землях пелымских и уездных густо рос большой и мелкий лес: ель, лиственница, сосна, кедр, береза, пихта, ольха, черемуха, рябина, а ближе к Туре и сосновые боры. Кедровник произращал орехи, дающие прекрасное масло, рябина и черемуха — ягоды. Тогда не знали приготовлять из хвойных деревьев канифоли, гарпиуса, терпентина на продажу; вогулы только жевали лиственничную камедь, а вслед за ними переняли и сибиряки. Леса по бесценности подчеркивались пахарями в тех местах, которые казались способными для пашни. По Тавде, однако ж, липняк доныне не весь выгублен.

В уез. Тюменском почва черноземна, глиниста, более беловато-песчаниста; есть и синяя, железняком проникнутая, и отлично способная к выделке лоснящихся горшков. Сверх посевов туринских начали сеять (неизвестно с которого времени) пшеницу-полбу*. Греча не природное растение Сибири, хотя в первое 25-летие экономического общества и славилась в России гречуха сибирская. Под этим именем разумелся кырлык, на Сагайской степи свободно произрастающий. Греча обыкновенная сеется к югу

* Ныне полба засевается в вол. Тугулымской и Успенской на 130 дес., жатва в лучший урожай сам-семь. От И. И. Попова.

от Тюмени на рыхлой и легкой почве, не каждогодне, а лет через пять, но от падалицы ежегодно возрастает, и крестьянин столько времени пользуется от посева однолетнего. По Тавде, в раме здешнего уезда, родится всякий хлеб, кроме полбы. В 1767 г. было по уезду в посеве хлеба озимого 8796, ярового — 5913 десятин. Кроме леса строевого и дровяного, какой пересказан по уезду Туринскому, здесь есть также липняк.

В уез. Тобольском почва по правую и левую сторону Иртыша глиниста, местами болотна или сыра, редко черноземна; около берегов Тобола и Туры супесчаниста и тоща. Земледелие около Тобольска и южнее было ничтожно до Чичерина, который, любя охоту, сам в переездах досматривал разработку пашней и тут же властно побуждал крестьян к лучшей распашке. С тех пор почва улучшилась от настойчивости и рачения принужденного, и сделалась восприимчивее для засевов. Вниз по Иртышу от вол. Кугаевской до самой вол. Реполовской родится порядочно яровой хлеб, даже рожь и местами прихотливая пшеница. В 1767 г. было засеяно хлеба озимого 8692, ярового — 6913 десятин. Лес строевой и дровяной еще изобиловал в IV и следующем периоде по всему уезду. Липняк едва ли и в то время избыточествовал; вниз по Иртышу он перестает расти в 37 в. от Тобольска, в той же, кажется, широте, в какой и на Северном Урале.

По всей Конде, исключая вол. Леушинскую, и по Оби, включая земли Самарова, не столько климат или широта, сколько почва отказывается от хлебопашества. За всем тем у самаровцев в 1767 г. было в посеве разного хлеба на 49 десятинах. При скудости пашенной Самарову достались в удел два промысла, рыбный и ореховый. По Сургутскому ведомству также нет для пашни приличных мест, кроме небольших участков близ Оби, ныне засеваемых ячменем. Кедрового леса довольно по Конде и Оби, вверх к Сургуту. Из него делались лодки, редко какая-либо постройка.

Топографы, описывавшие физическое состояние уез. Тобольского, назвали отдельными горами урочища: Чугасы, Яркинское и Цингалинское, между тем как это возвышение правого Иртышного берега, которого пасмы не перестают везде тянуться, хотя и неравномерно. По нагорной стороне берега речек бывают также пригористы, потому что им нетрудно понижать свое дно в грунте глинистом.

Спустимся на минуту к устью Демьянки, чтобы поставить на вид возвышенную полосу, почти неизвестную. Она простирается вверх по Оби, между Демьянкой и вершин значительных речек: Салыма, Балыка, двух Юганов, с противной же стороны оз. Васюгана, которое на том же плане справа разливается со своими болотными предместьями. На этой возвышенности, проходящей до ос. Чаусского и даже до Крутихи, лежат сухие и открытые места и леса боровые. Большие речки: Юган и Васюган, в Обь текущие, весною бывают так полноводны, что по ним спускаются полубарки с хлебом, как уже было замечено*.

В уез. Ялуторовском почва глиниста, супесчаниста, местами черноземна.

* Некто уверял о возможности и надобности соединить реч. Васюган и Тару чрез озеро, в виде канала, выходящего одним концом в Обь, другим в Иртыш. Для чего? Для 10 томских судов, раз в году плывущих по Оби с китайскими товарами. Но чего бы стоило устроить такой канал на пространной и жидкой плоскости, лежащей притом на разных планах.

Хлебородные земли лежат по большой части около речек и озер*.

По равнине уезда, освежаемой текучими и стоячими водами, покрываемой лесами, одинаковыми с тюменскими, открывались уже и тогда веселые местоположения. Постройка деревень на левой стороне Тобола была лучше, против правосторонней, как позже заселенной. Земледелие награждалось везде добрыми жатвами; просо вошло в круг посевов. Лен и тканье льняное развелись не позже, как и в уез. Шадринском. В 1767 г. было посеяно хлеба озимого 11 967, ярового — 9026 дес.

На площади уездной есть разные глины: кирпичная, горшечная, белая и кофейноцветная. Последняя употребляется на кровельную краску, белая — вместо мела. Во многих местах есть также земля селитровая, и в первой половине XVIII векабыл, говорят, завод для делания селитры.

В уез. Кураганском почва песчаниста, глиниста, супесчаниста, солонцевата и местами черноземна. Природа приглашает к земледелию, но по малой населенности оно было не обширно. Озера, как полные чаши, налитые водою вровень с зеленеющею почвою, придают поверхности уезда веселую физиономию. Кусты вишневых лоз цветут или зреют, украшают поле или островок и утешают сибиряка особенностью плода. Лесу строевого и дровяного, какой сказан по уез. Тюменскому, было достаточно. Тогда еще не был истреблен Илецкий бор, вверх по р. Тоболу, проходивший в степь до Илецкой защиты,

В уез. Ишимском, из которого ушли толпы киргизов, почва, стадами их утученная, наследована хлебородною, как черноземная, так белоглинистая и сероглинистая, особенно по Вагаю, лишь бы лето не было засушливое. К югу почва солонцевата. Есть места по низменным урочищам около р. Вагая, напитанные солью селитренною. Лес состоит из березника, тальника и частию осинника. Деревенские постройки, за недостатком красного леса, были неважны. Здесь земледелию открыта широкая перспектива, и несмотря на недавний уход киргизов, было в посеве, на землях дистрикта Ишимского и комиссарства Курганского, хлеба озимого 15 096, ярового — 13 803 дес.

В уез. Омском, недавно Тюкалинском (при открытии наместничества, составленного из дальних волостей Тарского уезда, состоявших под особым

* Хлебородные места в следующих волостях:

В Исетской	при озерах Теренкуле, Камышном, Чунышеве.
« Шереховой	при небольших речках.
« Поляковской	на высоких местах и по берегам Тобола.
« Агаракской	около озер Дубровного и Ернякуля.
« Асланинской	по берегам Тобола.
« Омутинской	при реч. Вагае, Краснояре, Сыпчуге, Боярке, Крутой, Окуневке.
« Новозаимской	при реч. Уке и Сосновке.
« Юринской	« « Хмелевке и Бачанке.
« Архангельской	« « Таловке, Среднем и Малом Бешкилах.
« Ермутлинской	« « Кизаке, Ершутле и Кашкаре.
« Ингалинской	около небольших озер.
« Терсютской	при р. Исети, речках Терсюке, Борисе, Камышевке и озерках Теплом и Мамолове.
« Кизакской	при реч. Кизаке, Манае, Камышенке, Сваловке и Хрещевке.
« Лыбаевской	при реч. Уке, Березовке и Черной.
« Соловьевской	при реч. Кизаках (Большом и Малом).

(Сведения о хлебородных местах получены от В. М. Голодникова.)

земским комиссаром, в ел. Чернолуцкой находившимся), почвачерноземна, к северу болотиста, к югу и юго-востоку глинопесчаниста или солонцевата. Сперва населенность и хлебопашество учреждались близ крепостей линейных, в видах провьянтских; впоследствии времени пахарями усмотрены лучшие земли близ вершин Оши, из оз. Салтаима вытекающей, близ Карасука, Иртыша и Оми. Лес тамошнего края состоял из березника, осинника и тальника. В сосновом лесе, который без пощады рубился частными солепромышленниками для постройки судов, вскоре почувствован недостаток. В 1765 г. начальник Сибирской линии представлял Сенату о необходимости запрещения рубить сосновый лес в Карагайском бору частным людям, которые ежегодно, по словам его, вырубали до 28 000 лесин. Он писал, что притаком попущении негде будет взять и бревна крепостям иртышским, и что это время недалеко. Шпрингер оправдан временем; но для чего бы не начать засевать леса в тамошнем крае.

В уез. Тарском почва черна не около одних болотных займищ, песчано-глиниста около боровых лесов, сыра и болотна по низям. Земледелие начиналось богато по обеим сторонам Оши, по увалистым местам Иртыша, Ишима и, кажется, по Таре и Ую. Тут, особенно по Оше, селились добровольные переселенцы из других мест, а не ссыльные, как видно и из прозваний их потомков, носящих имена знаменательные, а не имена отцов, по которым слывут ссыльные. Это подтверждается и нравственными свойствами тамошних крестьян. С ними не надобно смешивать крестьян аевских и других селений, зараженных расколом, живущих в трезвости, но потворстве чувственности. Изустное предание гласит, что гнездо раскола Тарского завелось с водворением московских стрельцов и малороссийских казаков, сосланных за раскол*.

В 1767 г. было посеяно по уезду хлеба озимого 8910, ярового— 6294дес. В числе деятелей землепашества не надобно разуметь татар, которые по писцовым выписям, владея лесами огромными и озерами рыбными, живут в лености доходами с угодий и звероловствуют от скуки.

Сказано о боровых лесах, состоявших в сосне, ели, пихте и проч., но еще не сказано, что липняк в уездах Тобольском и Тарском переходит на правую сторону Иртыша, и недалеко за ним исчезает, и появляется за Обью при р. Томи, как увидим на своем месте.

Нужно ли замечать, что край Барабинский представляет сырую плоскость, наклоненную более к двум долинам Иртыша и Оми, чем к долине Оби. Покатость к Оби на западной стороне нигде не шире 75 верст.

4. Вскрытие рек начинается в половине мая, снега сходят к 10 июня. По непостоянству погоды, с года на год переменяющейся, то идут ежедневные дожди, то сеется дождевой бус, то распространяются туманы. Деревья развертываются к 12 июня, едва только настанут теплые дни, все зеленеет, все растете необыкновенною торопливостию. Цветение, наливание, созревание идут почти вдруг, при жарах, возвышающихся до 25°. В Пелымском крае родится ярица, ячмень, овес, лен, конопель в небольшом коли-

* Многими сведениями по уездам Омскому и Тарскому, равно частию сведений, помещенных в статье о городе Таре, я обязан знанию П. С. Серебренникова.

честве, в огородах серая капуста, репа, морковь, лук, но картофеля, который ныне садится, в IV периоде еще не разводили, разве в огороде исторического Миниха*. И ягод, свободно производящихся: земляника, морошка, черника, смородина, черемуха, брусника, клюква и разные грибы. Многие из помянутых произведений родятся лучше и обильнее в юго-восточной стороне, где родятся рожь, пшеница и горох.

Русские и вогулы в Пелымском крае подвергаются болезням: весною простуде, цинге, осенью — воспалительной горячке, изнурительной лихорадке и глистам, по-видимому, от рыбной пищи, зимою — простудной горячке, а круглый год — недугу венерическому, усиливающемуся от цинги и самого рода жизни. К удивлению, сибирская язва в иные годы появляется по окрестностям ел. Гаринской, на людях и скоте.

Зима в Пелымском крае начинается почти в то же время, как и в Богословском округе. Поэтому домашнее по селениям птицеводство и скотоводство очень ограниченно.

5. Иртыш в Тобольске вскрывается между 21 апреля и 15 мая, закрывается между 22 октября и 19 ноября. Кроме двух больших и разорительных наводнений, от которых много терпел Тобольск с окрестными селениями в 1636 и 1739 гг. (о последнем помянуто у Гмелина), не меньшее наводнение было в 1761-м, в бытность Шаппа, рассказывающего, что большие глыбы земли отрывались от горы, с страшным грохотом падали в Иртыш, что много домов было разрушено, что несколько людей утонуло и что при затоплении подгорья, как само по себе разумеется, виднелись продольные линии некоторых веретей. Хотя в нашу пору и думают в Тобольске, что впредь не может случиться подобных разливов, но при соображении, что главные реки, наводняющие Иртыш, падают из хребтов снежных и что возвышение вод нередко бывает от скучения льдов на низу, мы отказываемся подкреплять современную самонадеянность.

В мартес 13-го холод умеряется,иниже 10°едваликогдабываетв7 ч.утраив9 вечера, разве во время лунных сизигий. Март был бы еще скромнее, если бы не веяли пронзительные ветры с С.-З. и С.-В.

В апреле продолжаются ветры, чаще западные, бывают метели и снега, но с половины месяца ртуть поднимается по утрам и вечером до 6°, днем — до 12°. В последней половине апреля, когда уже обнажаются проталины, можно наслаждаться первым шумным концертом чечеток, поднимающихся с проталин на березы нагорных рощей. И эти пичужки, поодиночке едва слышные, в совокупности производят на березовых хорах воздушно-мусукийский эффект. Весна начинается между 15 и 25-м месяца, потому что в это время зелень из-под талого снега оживает и в ложбинах уже подцвечивается. Осока зеленеет во всю прядь в последних числах.

В мае, когда свет бессолнечный в два часа пополуночи уже разливается по поднебесью, ртуть поднимается днем иногда до 16°. Ранний посев ярового хлеба начинается близ Тобольска около 12-го,

* Ныне в деревушке Вопнинской, волости Верхнепелымской, западнее плеса Тумана (в бГ-м ш., в 82°-м д.) вогулы сеют по несколько пудовок ячменя. Тут и конец ячменного хлебородия по реч. Пелым. Пониже, около Тумана (в 60°-м ш.), в 4-х деревушках похлымских и накатайских хлебопашество становится шире, а [пониже] села Пелымского, где ныне комиссарство, живут по Тавде крестьяне-пахари. По Конде в сел. Сатыгинском и Леушинском (в 60°-м) вогулы сеют ячмень, ярицу и овес, особенно в Леушинском.

в то же время рвут молодую крапиву, по полям изникают начатки травянистых растений, полнеют и втайне под плевою образуются почки древесные; первый гром раздается не ранее 15-го. Pulmonaria mollis, Tussilago farfara, Glecoma hoederacea, Leontodon taraxacum считаются первыми цветками майскими. Но эта легкомысленная весна прячется от людей; над ней издеваются холодные утренники, изморозь, пороша снега или крупы, при северном ветре, и эта разладица продолжается с 16-го до 25-го (не всегда точь-в-точь). Потом весна снова улыбается, прилетают ласточки, распукиваются почки листные на черемухе, березе, боярышнике, золотарнике, с Алтая пересаженном, и на липе. Хвойные деревья вполне зеленеют, и кедр восстановляет свой цвет с нежно-голубым отливом. Облака тонко-перистые развешиваются под вечер дугою, выше садящегося солнца, и сквозят пурпуром. Певчие птички перекликаются по нагорью в перелесках, около Кучумова укрепления и курганов.

Еще одно слово о весне. Самая нежная, самая пленительная весна блистает в тонко-зеленом покрове около 7-го и не позже 13-го июня. В эти дни она является по окрестностям Тобольска в девственной красе, и тотчас изменяется от жара, от ветра, пыли, тьмы насекомых и от самой полноты соков, как краса человеческой юности от заповедных смятений сердца. Вскоре вступают в соперничество с зеленью другие цветы: шиповник, махровая роза, украшающая реч. Серебрянку. Черемуха, тальник, липа, татарская жимолость, белоцветная таволга, багульник, дикий хмель, земляника и пр., красуясь на зеленых ложах, празднуют белыми цветами идею чистоты, на радость сердца невинного. В то же время, как дни проходят без ночей, с одними зарями, а зари, как две розовые ткани, алеют посменно, — в то же время испещряют землю другие два цвета: желтый и синий*.

Разноцветных растений наберется до 30-ти, из фамилий orchideis, compositis и прочих. С эпохи солнцестояния растительность цветет роскошно или выводит новые виды. Термометр поднимается между 2 и 4 часов пополудни до 25°. Прежде полуночи продолжается в за-

* Из желтых:
Caltha palustris,
Salix triandra,
Ветреница распушистая,
Cineraria campestris,
Обоюдный ландыш,
Cerastrium silvaticum,
Купавка,
Stellaria graminea et nemorosa,
Lathyrus pratense,
Dracocephalum Ruischiana,
Verbascum nigrum,
Barbarea vulg.,
Pedicularis incarnata,
Campanula Steveniana,
Thalictrum flavum,
Potentilla anserina et argentea,
Ветреница,
Dichotoma et pulsatilla,
Vicciacracca,
Menyanthes trifoliata,
Anthemis tinctoria,
Лютик, acris et polyanthemum,
Alectorolophus crista galli и пр.
Из синих:
Фиалка трехцветная,
Polemonium cocruleum,
Orobus verna,
Вероника,
Aquilegia vulg.,
Geranium silvaticum,
Snaphalium divicum,
Косаток сибирский,
Cynanthum acutum,
Solanum persicum,
Trifolium lupinator,
Dracocephalum nutans,
Echinospermum leppula,
Dianthus deltoides,
Epilobium spicatum и пр.

городных рощах романтический концерт певчих птичек до восхода солнечного. Вода в Иртыше перестает прибывать не позже 30 июля, иногда ранее 15-ю днями.

Около первых чисел июля бывают обильные дожди с громовыми грозами и с сотрясающими перекатами звука, особливо в пору сизигий. Редкий год проходит в Тобольске или около Тобольска без разрушительного приключения или без поражения молниею существа в животном царстве. В те же дни продается лесная земляника, дней через восемь — морошка, потом — княженика, около 24-го — клубника, далее — черника, смородина, малина*.

Не обременяя читателя вычислением цветущих растений, наименуем, однако ж, некоторые из них под графою**.

С 20-х чисел июля до 20-х августа, по большей части, бывают дожди и мешают уборке сена и хлебов. Они-то охлаждают преждевременно атмосферу чувствительным образом. Небеса уже не так веселы и нетаквысоки, по причине туманной подмалевки. По ночам звезды блестят ярко.

Жатва хлебов озимых и яровых начинается не ранее 5 августа. Ласточки, сбираясь к отлету с 19-го, имеют сбор-

* Шапп рассказывает, что один русский вывез из Москвы в Тобольск яблонь, давшую в теплице яблочко кислое, что в один церемониальный обед оно было вынесено на большом блюде для показу, потом измельчено в листочки и подносилось гостям и что Шапп съел свою долю как пилюлю. Стало быть, тогда еще не вывозили из Казани в Сибирь свежих плодов.

** Растения:
Silene nutans,
Lychnis dioica,
« viscaria,
« floscuculi,
Galium boreale,
« uliginosum,
« ruthenicum,
Plevrospermum uralcnse,
Archangelica offic.,
Pimpinella saxifraga,
Cotoneaster melanocarpos,
Potentilla pensilvania,
Centavrea scabiosa,
Inula salicina,
« britannica,
Matricaria chamomilla,
Hieracium sibiricum,
Sonchus sibiricus,
Tanacetum vulg.,
Centavrea cyanus,
« iacea,
« phrigia,
Achillea ptarmica,
Bidens cernua,
Solidago virgavrea,
Valeriana offic.,
Calla palustris,
Erodium stephanianum,
Calamogrottis silvatica,
Sinapis arvensis,
Lysimachia vulg.,
Delphinium cuneatum,
Poligamum hydropiper
Scutellaria galericulata,
Turitisglabra,
Campanula scrvicaria,
Linaria vulg.,
Hieracium quadringulare,
Alisma plantago,
Phlomis tuberosa,
Гравилат,
Potentilla strigosa,
Leonurus sibiricus,
Sisimbrium sophia,
Cynoglosium offic.,
Campanula glomerata,
Nimphea cilba,
Stachus sylvatica,
Cirsium canum,
Cacalia hastata,
Verbascum thapsum,
Cirsium palustre,
Carolina vulg.,
Adenophora communis,
Arabis pendula,
Adontilis rubra,
Parnassia palustris,
Angelica silvestris,
Cirsium serratoloides,
Senico communis и пр.

ное место за городским валом, откуда ежедневно прилетают поодиночке на короткое время под приветные крыши: вот как повелительно чувство родины. Около 31 -го уже их не видно.

В августе цветут или доцветают: Galeopsis hadanum, Inula palustris, Gentiana pratensis, Gentiana pnevmonanthe, сохраняющая свой небесный цвет до зимы. Hieracium umbellatum? Aconitum napellus, Poligonum persicaria, Potentilla comaram, Polygonum dumetorurn, Artemisia severgiana, Erisimum charanthoides, Crepis pulcherrima, Potentilla tormentilla, Sedum telephium, Equisetum palustre, Ledum palustre, Aster altaicus, и это последний из веселых цветков, поздно развертывающийся в захолустье нагорья полуденного. Тем заканчивается растительность, исключая плодов ягодных, поспевающих в сентябре: рябины, брусники и клюквы. Конец августа и сентябрь бывают, по большей части, прохладны, сухи и ясны. Мы говорим о том, что бывает по большой части, и вместе с тем напоминаем, что в больших широтах нет постоянства нормального.

Прелюдии снега начинаются с 20-х чисел сентября, в котором иногда пользуются ясною и приятною погодою. Громы бывают и в сентябре*.

Октябрь, иногда бесснежный, но пасмурный, чаще снежный, но ясный, в обоих случаях довольно холодноват. В ноябре свод небесный застилается туманами или сплошными облаками чугунного цвета, с просинью к горизонту. Солнце очень редко пробрасывает свои лучи сквозь толстую, навислую атмосферу, хотя и провертываются нечаянно ясные дни. Термометр опускается к 20° около 1 декабря и тогда начинается неумолимая зима**. Ртуть замерзает иногда дней 14, по утрам и вечерам, в декабре и январе. Морозы смягчаются обыкновенно к 1 февраля. Но бывают зимы, в которые морозы начинаются с половины января.

Годичная средняя температура за 1833 год +0, Г, за 1839-й +1,43 Г.

Средняя почвенная температура, которую наблюдали в одном колодце чрез весь 1830 г., равнялась +4,10°.

Почва в Тобольске на горе глиниста, под горою иловата и болотиста. Вообще, город окружен болотами по подгорью и по нагорью.

Почва в Тобольске промерзает:

а) в зиму раннего снега, на горе 6 четв.

под горою 5

под горою в иловатой почве 9

б) в зиму малоснежную, на горе 8

под горою 7

в иловатой почве 12

Во втором случае земля иловатая остается под верхним слоем неталою до июня.

Лет за 60, и может быть еще преждевременнее, северные сияния бывали видимы в Тобольске великолепные, но в

* Гроза в Тобольске была 8 сентября 1829-го и 19 сентября 1840 г. Первая гроза разрядилась над зенитом города в 3-м часу пополуночи и с час продолжалась с беспрестанно разливавшеюся молнией. Сильные удары следовали за ударами, и после страшного зенистого удара слышались небольшие выстрелы во всех сторонах. Туча откатилась к востоку.

** К удивлению, в ноябре по н. ст. 1840 г. были морозы:

в 8 ч. утра в 12 часов в 9 ч. вечера

15-го-22,5°-23,6°-24,8°

16-го-30,0°-27,8"-27,0°

17-го-29,2°-23,4°-19,8°

Степени стужи списаны с термометра гимназического.

последовавшие годы не случалось явлений, которые бы возбуждали особенное внимание. Нельзя полагать, чтобы электричество здесь иссякло, когда оно разряжается с энергиею, в летнюю пору до исхода почти сентября. Шапп также свидетельствовал об изобилии электричества в Тобольске. Если бы существенное условие северного сияния состояло в быстром замерзании паров, при электричестве, как иные думают, возможно ли думать, чтобы в здешней широте могла быть долголетняя помеха этому условию? Земной магнетизм, с которым находятся в тесной связи северные сияния, также развивается в своей силе. Магнетизм в Тобольске:

У Стралемберга в 1720 г. отклонение =	O 3° 45' 58" В.
УШаппав 1761-м	10° 8' 7" В.
В Месяцеслове 1831-го. наклонение	70° 56' 6"
У Федорова отклонение	10° 20' 18" В.

Здоров ли климат в Тобольске? Климат здоров, но почва, на которой стоит город, нездорова, как сырая, болотная и гнилая. В городе видят немало слепых, хромых, горбатых и калек. Природные тоболякй не переживают 90 лет, и столетних стариков неслышно. Молодой, но внимательный лекарь Юшков, разделяя Тобольский уезд на 3 участка: северный, юго-западный и юго-восточный, делает следующие замечания насчет каждого.

В уч. северном, населяемом бедными остяками, господствует долгопродолжительный худосочный недуг, являющийся в виде ломоты в костях, в суставах, а в мясистых частях, особенно в ногах, в виде язв худокачественных. Кроме местного сего недуга, превращающегося в золотушную и скорбутную болезнь и добавляемого иногда ядом венерическим, жители подвергаются другому долголетнему страданию глаз, являющемуся под видом глазного воспаления, за которым следуют бельма и даже слепота. Причина тому худое устройство чувалов, не выбрасывающих всего дыма. Случайные болезни: простудная горячка осенью, воспаление внутренних зимою, перемежающаяся лихорадка весною, понос летом.

В уч. юго-западном, примыкающем к уездам Ялуторовскому, Тюменскому и Туринскому, почти ежегодно открывается сибирская язва, в виде воспалительных затверделостей на лице, шее и под мышками. Она уничтожается соединением нашатыря, камфоры, селитры с табаком и вином. Случайные болезни: горячка простудная, завалы брюшных внутренностей, глисты, перемежающаяся лихорадка.

В уч. юго-восточном, прикосновенном к уездам Тарскому и Ишимскому, Юшков не видит никакой эндемической болезни, по выгодному возвышению участка. Касательно обыкновенных болезней, он упоминает горячку, лихорадку, воспаление и некоторые другие, случающиеся от влияния годовых времен и перемен космических. Итак, юго-восточный отдел уезда есть самый благоприятный для жителей. Если остяки, по местности сырой и по привычке к неопрятности, более других страдают, волею и неволею, то бухарцы и татары, по всему почти уезду водворившиеся, пользуются за свою воздержность плодами здоровья и доброго домостроительства. Одни русские поселяне, во время губернаторства чичеринского, хозяйством занимавшиеся, ныне от времени до времени тем более худеют в силах физических и нравственных, чем необузданнее предаются неумеренному употреблению вина. Зимою худо оде-

тые, беззаботные о домах и семействах, они обогреваются в кабачках, и в один праздничный день пропивают труды недели. Не зная пользоваться ни свободою, ни выгодами состояния, они позорят себя в идее человечества, и срамят даже дар словесности до того, что у них не услышишь ничего другого, кроме беспрерывных ругательств. Вот подгородные крестьяне! Ужли это потомки пресловутых промышленников.

6. Сколь ни мало расстояние между Тобольском и Ялуторовском, житель того и другого чувствует перемену во впечатлениях со стороны атмосферы, коль скоро переезжает из города в город. Здесь, кажется, начинается дыхание сибирского юга. Апрель и здесь, по какому-то своенравию зауральских широт, отличается лучшею погодою; между 9 и 29-м сего месяца вскрываются реки, оттаивают озера около 1 мая, ранее 18-го летят над городом гуси, журавли с прочими птицами, и криком своим приветствуют с весною. Вскоре видят и жаворонка, к своему зениту поднимающегося с песнею, между зеленеющего поля и голубого неба. Древесные почки распукиваются около 10 мая. Сохи в работе, невода развешиваются по берегам. Посев хлебных зерен и семян хозяйственных производится немного ранее против окрестных деревень Тобольска.

Летний зной, как слышно, восходит до 30°. Полынь, дикий лук, цикорий, анис, донник, богородская трава, зверобой, буквица, дикая ромашка, девясил (Inula helemium), земляной ладан (Valeriana phu) и другие растения, для домашнего обихода полезные, здесь собираются. Из многих кустарников, здесь растущих, можно упомянуть о курослепнике, ракитнике и вишневом лознике. Леса те же, какие по уезду Тюменскому; но нет уже лиственницы и кедра; береза и сосна преобладают. Неурожаи хлебные сызредка бывают, и главнейше от засух и преждевременных инеев.

Весною и осенью страдают от лихорадки и простудной горячки. Сибирская язва начинается в летние жары и поражает людей и лошадей.

Птицы с озер улетают в конце сентября, озера закрываются между 22 и 27 октября, реки покрываются между 28 октября и 1 декабря. Ноябрь бывает туманист или ветрен.

Морозы декабрьские и январские не уступают в жестокости тобольским.

7. Мы берем, по широте губернии, четвертую точку более южную — в кр. Петропавловской, дабы, познакомя с климатом в разных параллелях, за исключением северных пространств, предоставить самому читателю подводить прочие уезды под категорию того или другого климата. Наперед поместим приличные подробности о водах.

Озера, которыми пограничная часть степи очень изобильна, разлиты или особливо, или смежно и даже совокупно. Озера пресные, соляные и горькие лежат без разбора, одно после другого в плоских берегах. Дно у всех вязкое, иловатое, из которого произрастают травы водяные, способствующие размножению насекомых и покормке птиц прилетных. Вода в них желта и слизиста. Озера, даже рыбные, в которых водятся караси, окуни, щуки и лини, имеют в унции своей воды до полузолотника соли, в тех же, в которых одни караси, содержится соли до двух золотников. Караси и окуни велики, но не вкусны.

Р. Ишим, по слухам, вскрывается около 28 апреля с переходом сего подвижного срока назад и вперед до нескольких суток. С таким же *запозданием* или выпереживанием покрывается около 20 октября.

Со вскрытием озер, пресных и солоноватых, обрастающих разными травами, почве приличными, налетают на них разные птицы, и иные остаются тут до осени. Прекрасные синички (muscicapa mavra) весною оглашают воздух пеньем по веселым перелескам. Деревенские пашни разбросаны по разным привольным местам; засеваются пшеницей, рожью, овсом, ячменем, редко гречею и просом. В огородах: капуста, лук, чеснок, горох, бобы, морковь, репа, огурцы, тыквы, арбузы. Лен родится худо. Леса: береза, ольха, осина, осокорь, тополь, тальник. Кустарные растения: вишня, таволга, жимолость, шиповник и пр. Обыкновенные ягоды, в статье Тобольска сказанные, растут здесь мало и скудно. Также и растения, степь испещряющие, немногочисленны: ветреница, стародубка, ландыш, сарана, ковыль, вшивица, солянка и сольник около известных озер.

В летнее время жары весьма велики. Проливные дожди и сильные громы редки. Иногда бывают сильные ветры или бураны.

Зима жестока, снегу выпадает на 2 фута. Лед при крепости, на р. Ишиме стоящей, толщиною до 3 ф.

Кроме села Кривосуня, в 8 в. от крепости, населенного отставными солдатами и казаками, тогда еще не было других селений вблизи, хотя воздух в тамошнем крае чист и здоров. Может быть, крестьяне тогда удерживались от сближения с линией недостатком соснового леса, недостатком чистой воды, сухостию или соленостию почвы и внезапным вторжением воровских киргизских шаек; но за всем тем, при начале V периода, считалось крестьян, на пограничные места переселившихся, до 1500 семей.

8. Почва барабинская от д. Резиной продолжается на протяжении 700 в. до реч. Аеша (до д. Тырыжкиной) с неизменною иловатостию, с урочищами черноземными, и даже солонцеватыми между Баганом и Чулымом. Воздух, сгущаемый испарениями болотными, летом нездоров для человека и скота. В жары от удушливой атмосферы почти ежегодно открывается сибирская язва. Кроме сей опасности, человек и животное страдают от овода, который неусыпно и беспощадно тревожит их, днем и ночью, в летние месяцы. Сетка и дымокур, вот все спасение от бесчисленного и неутомимого неприятеля. Почва тамошняя очень жидеет весною, осенью и в дождливое время, но тем не менее, по существу своего тучного состава, она очень пригодна для хлебопашества.

При конце периода и в начале V линия поселений протягивалась вдоль Барабы, в направлении к Томску; леса расчищались под деревни и пашни, дорога осушалась и мостилась. В первые годы заселения летняя жизнь поселенцев была самая мучительная; но Бог помогал им выносить заслуженный жребий, и зима, как благодетельница, возвращалась облегчить их состояние и постепенно мирить с климатом, который и сам на людях принимает как бы людскость. Проходящие купеческие клади давали поселенцам помощь и отраду в их быту, платя за постой, кормы и пищу. Бараба с года на год, по распоряжению начальства, делалась люднее и жизнь становилась не столь тяжкою, а после и приятною. Да где обзаведение страны, даже благоприятствуемой природою, совершается без усилий и жертв.

С 1810 по 1827 г. мне случалось проезжать Барабу раза три в июне и июле. В каждой деревне, в воскресные дни, девицы, молодицы и молодцы, хорошо одетые, пели и плясали в хороводах по улицам, с веселою беспечностию, до

полночи. Надобно признаться, что между ними не много лиц правильных. Но какая разница с первобытным дедовским житьем! Со временем выправится и рисунок лицовый.

При немногих деревнях сбережены березники, в виде рощей, которые дают чувствовать некоторую выгоду, зимою защиту от вьюг, летом приют от зноя мелкому скоту. Лес по Барабе, исключая сосняков по боровым урочищам, преимущественно состоял из березника, осинника, тальника.

Не повторяя предыдущего, что ложа и берега барабинских рек, речек и озер, как и обширного озера Чаны, жидки, тундроваты или покрыты камышами, не следует, однако ж, заключать, чтобы страна сия была сравнительно низменна. Судя по барометрическим измерениям, Тара стоит выше Тобольска, а выше Тары и вдвое выше Томска стоит Каинск, средоточие всей Барабы. Это правда, что Бараба Тарская упала к долине р. Оми, но зато в северной ея части, между 56°, 58° или 59° широты, от пределов комиссарства Демьянского до Колывани тянется, как уже замечено, возвышенная полоса, которая на обе стороны (к Оби, на Барабу и на степь Кулундинскую) изобильно разливает речки. Нельзя между тем сомневаться, что Бараба Каинская возвышеннее и суше против Западной, и вот изъяснение, для чего сибирская язва умереннее в этой стороне.

9. Томская губерния может быть разбита на 3 пространства: а) на западное, которое отделяется мысленною чертою, прорезывающею 54°-й ш. в 94°-м и следующих градусах долготы по восточным краям озер: Чебаклы, Абышкана и Чанов, с поворотом на север, — чертою, округляющею уезд Каннский и возвращающеюся, чрез д. Ташаринскую по Оби на Крутиху, а оттуда на Иртыш в 99°-м долготы; б) на пространство гористо-волканическое, на котором с юго-восточной стороны подняты многие хребты, и к северу, до слияния Томи с Обью, возмущена поверхность земная, так что возмущение ушло и в губернию Енисейскую; в) на остроконечный нарымский отрезок, по ровной и болотной почве продолжающийся до слияния реч. Куль-Югана, льющейся в р. Вах. Первое пространство, в котором вмещаются западные части уездов: Бийского, Барнаульского, Колыванского и весь Каннский, сходствует физическими свойствами с уездами Омским и Тарским, кроме волнистой местности, от Семипалатинска начинающейся к востоку. Второе пространство, как принадлежащее к географии горной, у нас предлагается в одних главных проявлениях. Последнее пространство походит на северный конец уезда Тобольского и на начало Березовского.

10. Западные части помянутых 3-х уездов, по которым разметалась степь Кулундинская, могут быть рассматриваемы под ея именем. Степь, на которой доныне остается множество озер, более горьких и соляных, чем пресных, пригодна поэтому своими травами для утучнения рогатого скота и лошадей. Тут наилучшее пастбище для стад и табунов; лесу не так много, земледелие — дело постороннее. Только в близости к реч. Карасуку и в других немногих местах могли быть удобопахотные участки.

Оседлость завязывалась не при оз. Кулундинском, которое рисуется в плоских песчано-глинистых берегах, но при реч. Кулунде и других речках, вливающихся в тамошние озера.

Климат степи ныне описывается умеренным. Воздух сух и чист. Жары и холода, по словам одного наблюдателя, будто бы переходят от +20° до —35°. Осень

продолжается до ноября, потом наступает зима жестокая, чему причиною, конечно, почва горько-соляная и степь почти голая. Весна открывается с половины апреля. По Карасуку растут осока, полынь, солодковый корень, соляный косатик. Около иссохшего озера соляно-селитро-горького Палласом замечены: пушистая франкения, желтокорень, солянка и сольник, а около озер Каритских (вероятно, Карчунакских) косатик с портулаковыми листьями и камфоризмабез запаха камфорного. Из птиц там гостят морские сороки, черные и белые.

11. Огромность Алтая, распространяющегося внутрь Сибири, очень сбивчиво была понимаема, не только в IV периоде, но и гораздо позднее. В начале XIX столетия гигантский Алтай был рассматриваем, по тесной идее Рénованца, в виде шести рудных отделений, восточные же продолжения его назывались просто горами Кузнецкими. Ныне Алтай представляется в виде 4-х отдельных кряжей, которые, входя с Ю.-В. в пределы Томской и Енисейской губерний и простираясь на С.-З. и С., то постепенно понижаются, то раскидываются.

Первый из кряжей Холзун гранитового строения, идущий с Ю.-В. по правую сторону Иртыша и низливающий многие потоки с обеих покатей и отрогов, то в Иртыш, то в Обь, тянется из 106° до ЮГ долготы и отделяет вершины р. Катуни от вершин р. Бухтармы. Он в протяжении своем отбрасывает отроги с высокими пиками под именем белков. Один из пиков исполинский, с ослепительною белизною зернистого снега, слывет Белухою, или столбами Катунскими. Другой кряж, также гранитовый, со сланцем тальковым и хлоритовым, отделяясь от Холзуна, проходит по левой стороне р. Чулышмана, далее между Бией и вершин Чарыша и, оканчиваясь ниже Бийска, но выше Усть-Чарыша в 60-ти в., наименован кряжем Бийским. По речкам, с него бегущим, по Песчаной, Аную и пр., кочуют от Холзуна до оз. Телецкого то калмыки, отатаренные в 7-ми отделах арифметического счета, то татары 8-ми родов, больше или меньше омонголенные. Все эти обломки азийских племен, будучи безграмотными, принадлежат к шаманскому поклонению и верованию в духов злотворных и благотворных. Калмыки, к удивлению, говорящие не чистым татарским языком, живут по старине скотоводцами, а соседи их, 4 татарских рода, ведут жизнь оседлую и занимаются пашнею*.

Третий кряж, в котором господствует сланец тальковый, отделяясь от Алтая между р. Абакан и оз. Телецкое, тянется сперва почти прямо на С., по правой стороне Бии и, врезываясь близ Кузнецка между Чумышом и Кондомой, направля-

* Можно прибавить об алтайских инородцах пояснение, со слов Алтайской православной миссии. Из 7-ми калмыцких отделов, управляемых зайсангами, 4-е есть самое многолюдное. В татарских коленах, управляемых башлыками, многолюднейшее — кумандинское. Вот названия и прочих: колмяжское. кергетскос, кузенское, южское, тогульское, ачкаштинское, телеутское. Из них давние знакомцы Сибири: кергеты, кузны и телеуты. В крестьянский быт переходят: ачкаштинцы, кумашшнцы, тогулы и телеуты. Название татар, русскими данное, не истинное родовое; равно не свойственно им и название финнов, которых племя прибалтийское так наименовано Тацитом. В смысле историческом ближе им название торков омонголенных, хотя и это также подставное, до времени, пока сыщется точное. По 8-й переписи алтайских инородцев нашлось об. пола в Бийском уезде 18691 душа. Благочестивый и просвещенный начальник миссии (архим. Макарий) почтил меня подлинником и переводом телеутских песен и пословиц. Я помещаю перевод некоторых из них при конце книги, в прибавлениях.

ется наЗ., В этом направлении постепенно понижаясь и будучи рассечен далее реч. Бердью на две отрасли, оканчивается к западу между устьями Чумыша и Верди, а к северо-западу — между устьями Верди и Ини. Эти упоры, смеем думать, оттолкнули русло Оби к западу, а Чумыш и Пня, как две светлые черты, обрисовывающие раздвоенный кряж, надоумливают, что край Кузнецкий несравненно возвышеннее Барнаульского, склонившегося к Оби. Кряж раздвоившийся должен бы называться Кузнецким, но у горных прозван Салаирским.

Продолжение Алтая к северу, отдельное от третьего кряжа, есть четвертый кряж, называющийся Алатау. Он со многими отметами к западу и востоку. Вершины р. Томи и Белого Июса взялись из белогорьев Алатау*. Главные возвышенности хребта сего — суть горы, из которых вытекает, с одной стороны, Терсь, с другой — р. Кия. Верхи тех гор покрыты вечным снегом и неприступны, по упорству гранитовых утесов. Далее на запад, по хребту еще возвышаются несколько отдельных утесов, вечно снежных и называемых также белогорьями. Утесы, обвалы, стремнины, трущобы заграждают путь к исследованию и описанию. Этот величественный хребет, далее простираясь к С., отбрасывает от себя три отрога. Первый пошел по Урюпу. Второй сопровождает Кию и высится обнаженными известковыми скалами. Третий, параллельно Кийскому, простирается от вершин Кожуха на север. По вершинам его покоятся обширные равнины, гранитные же шатры на нем изредка поднимаются.

Это горное захолустье простирается в Томском уезде от С. к Ю. около 100 и от 3. к В. на 150 в. Если смотреть на него, говорит описатель, с известного белогорья, оно походит на взволнованное море; на западном горизонте белеют известняки, как взбитая пена, к югу мелькают уединенные пики, отчасти покрытые снегом. Вершины белогорьев одеты мхами и лишаями, пониже стелется кедровник горизонтальными с землею ветвями, ближе к подошве растут кедр, ель, лиственница, пихта, тополь, береза, березовник(betulafructicosa), ерник березовый, осинник, рябинник и тальник.

Но какой кряж пролегает между р. Томь и восточных ея притоков? Между вершин речек Пача, Ушайка, Киргизка, Мангидан и вершин Китата, Кисловки, Кула и т.д.? С точностию отвечать на вопрос не знаем; но, если от Кожуха Большого, текущего в Кию, тянутся на юго-запад пологие глинистые горы, не следует ли согласиться с тем замечанием, что вниз по Томи действительно пролегает огромная цепь глинопесчаников? Речное дно Томи, с правой стороны устланное сланцем (не знаем, на большом ли протяжении) в широких и длинных плитах, горизонтально лежащих, не боковое ли окончание этой цепи песчаников? Вот вероподобный эскиз гористого пространства губернии, оканчивающегося, как выше замечено, галечною пересыпью Оби и Томи. Здесь место сказать, что Томь и Чулым, обойдя продолжавшиеся кряжи Алтая с противоположных оконечностей, наконец погружаются в Обь, в недальнем между собою расстоянии.

12. Из вышеописанного можно вообще заключать, какими лесами одеты кряжи и отроги их, также какими бедными растениями прикрыты вершины,

Белогорья, или белки, называются таскилами у татар перхотомских и чулымских.

к снежной линии приближающиеся. Напротив, низменные места по Оби и по впадающим в нее речкам, также места ровные изобиловали борами сосновыми (прежде от ф. Семиярского начинавшимися), сверх того березою, тополем, робинией, ивою, а липа, по Томской губернии перемежившаяся, нечаянно возникает в дачах Кильтейского селения, верстах в 20-ти от Кузнецка*. Восточная Сибирь видит ее в смиренном кустарнике на одном острове р. Енисея.

Земли трех уездов: Бийского, Барнаульского и Кузнецкого, местами суходольны, более сенокосны и не менее хлебородны, кроме мест горно-каменных и солонцеватых. Последние редки и не обширны, как, напр., пореч. Алею, Барнаулке и Касмале, но и тут не сплошь. Особенно хлебородные места есть по Чумышу, Боровлянке, Крутоберезовке, поУбе Большой и Малой. Плодородие края дознано чрез поселение людей разного условия, начавшееся по линии Колывано-Кузнецкой с 1756 г. и продолжавшееся далее 1764-го. С последнего года пошло водворение выведенцев заднепрских, составивших деревни Секисовку, Бобровку и другие. Места веселые! Можно ли забыть радостный вид за Иртыш (за 80 в. открывающийся на последней станции к Усть-Каменогорску), видАблайкидских островерхих утесов, у подошвы которых рассыпалось навсегда отпетое капище джунгарское? Тем не менее оно памятно для Сибири.

Сказав о местах преимущественно плодородных Барнаульского и Бийского уездов, можно бы еще указать подобные вблизи самого Бийска. Далее Бийска к К).-В., в улусах калмыцких, есть места селитряные, способные для делания пороха, о чем в 1790 г. и представлял комендантбийский. В уезде Кузнецком особенно замечательно плодородие по рр. Мунгаю, Уксунаю, Касьме.Торевме и по прочим равнинам куез. Томскому.

В трех уездах родятся хорошо все растения нивяные: пшеница**, рожь, ярица, греча, просо, полба и пр., равно огородные от капусты до дынь и арбузов. Для цен того времени можно взглянуть на графу Барнаула в табл. А. В Кузнецком крае, сверх того, отлично произрастают лен и конопель. Холстов довольно вывозится отсюда. В этом уезде и в юго-восточной части Бийского растительность трав так богата и поспешна, что в одно лето она дарит двукратные сенокосы.

В сибирской климатологии можно считать климат трех уездов умеренным, судя по обильной прозябаемости и по богатству флоры чарышской. Весна начинается в апреле. Сильные жары, восходящие до 29°, бывают в июне и июле. В это время сибирская язва дает себя чувствовать людям, лошадям и скоту на западной стороне Оби, исключая гористых мест к Бухтарме. Осень, редко дождливая, бывает, по большей части, суха и тепла, и продолжается до половины октября. Зимний путь начинается с половины ноября и стоит до марта. В декабре и январе морозы доходят до —31°, следственно жесточее, чем в Златоусте,

* Отсюда привозят липу в Томск для рассадки в садах и огородах.

** С 1820 г. пшеница калмыцкая и китайская введена в число посевов, сперва испытанных около Семипалатинска. С 1790 г. пчеловодство перешло к подзаводским крестьянам из Усть-Каменогорска. Начинателем этой ветви был полковник Аршенсвский. Он возымел мысль о разведении сего хозяйства, вероятно из усмотрения, что пчелы прилетали в ф. Семиярский сосать медоносные цветы. Прах незабвенного Аршеневского покоится в предместий Усть-Каменогорска.

как видно из табл. В, хотя первый южнее последнего. В марте бывают бурные ветры с метелями; люди, вдороге застигнутые, подвергаются отморожению членов и даже оцепенению смертельному. Это случается на открытых местах.

В системе Сибирского Алтая замечались землетрясения не так часто. В 1761 -м в ноябре, в Колыванском заводе (что ныне гранильная фабрика) и по всем селениям качались в долинах висячие вещи. В 1771 г. 18 февраля чувствовано также волнообразное движение от Ю. к С. В 1786 г. 12 июнянареч. Коксе (Коксуне) землетрясение длилось с минуту; с утесов летели камни, от речных берегов отрывались глыбы, в лесу трещали деревья. В сказанные моменты еще не наблюдали там земного магнетизма.

Ныне не только годовые и часовые направления иглы, но и мгновенные изменения ея наблюдаются в Барнаульской обсерватории.

Отклонение восточное в	1831 г. *Т 26'*
	1839г. 8 26'
Наклонение	1831 г. 68 15*

13. В уезде Колыванском сторона юго-западная, в направлении к реч. Курье песчаниста, к северу глинопесчаниста и иловата, восточная же за Обью песчано-глиниста, местами черноземна. Вообще, почва хлебородна более или менее от реч. Орды по всему уезду до границы Томского. Поверхность земли весело волнуется между холмов отлогих, покрытых сосновыми или листными деревьями. Эта разновидная холмистость, характеризующая и Томский уезд, не произведение ли подземных волнований, распространявшихся при волканическом процессе Кузнецкого кряжа, а там при восстании отрогов, соприкосновенных хребту Алатау?

Как бы то ни было, уезд губернский везде хлебороден более или менее по Томи, Кие и Нижнему Чулыму. Посев хлебов яровых и гороха бывает между 1 и 10 мая. Посев льна— в начале июня, посев конопля и репы — в конце того же месяца. Жатва озимых полей начинается около 25 июля, яровых — в августе. Озимое зерно сеется около 13 августа.

Р. Томь, по 12-летнему наблюдению, вскрывается у Томска в апреле, а покрывается чаще в октябре, чем в ноябре.

Термометр Гмелина по Реомюру показывал холод в Томске за 1735 г. в—3,5°; но когда дойдет дело до температуры Иркутска, объяснится причина этого преувеличения. Из 12-летнего наблюдения, г. Новотроицким веденного в Томске, видно, что термометр по зимам три раза опускался до —33°, а в летние жары

* В Нерчинском заводе

Отклонение западное

1832, сент.	22-го	4°	4'	8"
1833	21		44'	8"
1834	22		18'	6"
1835	25		16'	5"
1836	25		25'	7"

[Заключают, что отклонение там уменьшается.

Наклонение

1832, сент.	21-го	66"	33'	4"
1833 «	21	66°	35'	O"
1834 «	21	66°	33'	4"
1835 «	25	66°	50'	O"
1836, март	25	67°	8'	3"

Наклонение увеличивается.

несколько раз поднимался до 30°. Средняя температура =0,3°.

Весна томская имеет своих певцов. Соловьи водятся выше и ниже города, по Томи. Капель их замечена в 17 местах, по речкам, в Томь катящимся, и по трем ея островам. Паллас сказывал, что по речкам, в Кию падающим, также водятся маленькие соловьи (motacilla cyanurus) с жарко-желтым брюшком и зеленоватыми к хвосту перьями. Это последние к востоку солисты весны. Климат Томска, по быстрым переменам атмосферы, не так-то благоприятен для здоровья.

Болезни местные: цинга, ревматизм, рожа, золотуха у детей, зобы у старух, и сибирская язва, с Барабы распространяющаяся, более во вред скоту, чем жителям. Но с году на год, говорят, она становится умереннее.

По *Месяцеслову* 1831 г., в Томске:
Отклонение вое. 8° 21,5"
Наклонение « 70 48,6.

14. Озера, болота, займища и леса по большой части покрывают почву уезда Нарымского. Редко провертывались места, способные для ячменя, в селениях, стоящих по Кети: в Пановой, Волковой и пр., не далее, однако ж, развалин бывшего монастыря, от которого осталась церковь, и к ней приютились два крестьянских двора.

В рассуждении деревень Пановой и Волковой, стоит заметить, что в речах их жителей доныне замечается московский выговор, хотя исковерканный, как и в Сургуте, но не в Нарыме.

По *Месяцеслову* 1831 г., в Нарыме:
Отклонение вост. 9° 56,2'
Наклонение « 72 51,0.

15. Енисейская губерния, как продолговатая выкройка из двух боковых губерний, лежит в 3-х полосах Сибири, а следственно, подлежит сильным изменениям почвы, атмосферы и неба. Тундра ея, прилегающая к морю, есть безлесная равнина, которая до ш. 60° обречена на промыслы звериные и отчасти рыбные, а с ш. 59° земля до подошвы Саяна становится более и более способною к земледелию и состоит из чернозема, глины и песка, в различном содержании трех этих пород, за исключением почвы Кемчугских гор, как единственно глинистой. Вообще от устья Верхней Тунгуски, в Енисей падающей, до погорья Саянского можно считать почву за отлично плодородную, хотя по большой части под нею подстилается плитняк и булыжник. Поля около рр. Тубоса, Кажыра, Шадата и пр. Енисея, при верховьях Рыбной, Кана, Конгула и Агула, у подножия гор Саянских, все эти поля, по словам первого губернатора, представляют почву рыхлую и мелкую, смешанную из песка, мергеля и чернозема.

По всем уездам, начиная с Енисейского, менее от природы благоприятствуемого, родятся рожь, ярица, пшеница, овес, ячмень, а по лучшим урочищам — просо и греча. Пахота и посев весною начинаются в двух южных уездах около 15 апреля, в прочих — около 1 мая. Хлеба поспевают в первых — к 1 августа, в прочих — к 15-му того же месяца. Если хлебопашество и ныне там производится без понятий агрономических, то можно ли предполагать что-либо лучшее за 80 лет, кроме почвы девственной, сильной и потому благодатной.

Леса хвойные, толистные покрывали все почти пространство губернии, от хребта Саянского до устья Турухана, т.е. до ш. 65°, а в ширину губернии — от Таза до Анабара. Л еса хвойные на взгляд величественны, в объеме огромны, но внутри дряхл ы, равномерно березы хрупки, с мелкими и редкими листьями, и вся эта недужность лесов приписывается каме-

нистому кряжу, подостланному под почвою в полуторе аршина. Есть тополь душистый, есть липа пигмейского размера, как кустарник, растущая на острову Енисея, недалеко от устья Качи. Травы растут от Чулыма до Бирюсы по холмам и равнинам, по обеим сторонам Енисея, до слияния с ним Верхней Тунгуски; но здесь становятся они не так мягки, как в благоприятнейших широтах.

В Енисейске, который стоит под 58° 27, стужа в 1735 г. у Гмелина замечена в —70° по Р. Он говорит, что в половине декабря (конечно, по н. ст.) встретился там с величайшим морозом. В воздухе была копоть при безоблачном небе. Отсгушения воздуха дым из труб едва поднимался. Воробьи и сороки падали и мертвели, оконницы в течение 24 часов обледенели на 3 линии толщины; но.все эти подробности далеки оттого, чтобы поверить действительному морозу в 70°. В 1739 г. на обратном пути он поверял стужу, и в полночь 21 октября заметил —2 Г, в конце января той же зимы —38°, и сильнее последнего мороза не дождался. Енисей вскрылся 8 апреля, и чрез три недели поля зазеленели. Губернатор Степанов писал, что между 59° и 57° широты термоме-ф ежегодно зимою опускается на несколько дней до —32° и 35°, алетом поднимается до 25°. Но прежде, нежели согласимся на изложенные наблюдения, надобно бы знать, чьего мастерства термометры и кто были наблюдатели, на которых полагается губернатор. Он же писал, что Енисей там вскрывается между 2 и 15 мая. Большая разница между показаниями Гмелина и Степанова!

16. Енисей в Красноярске, который стоит в ш. 56°, в течение 9 лет вскрывался между 2 и 30 апреля, покрывался между 3 и 19 ноября. Во время Палласова пребывания в Красноярске термометр Делилев, по переводе на Реомюров, показывал:

8 декабре		В январе	
8-го числа	—25°	5-го числа	—26°
9	-25	6	-30
10	-30	8	-33
11	-33	9	-25
12	-28		

Г. Степанов говорил насчет Красноярска, что в осенние месяцы термометр там опускается до —27°, что в декабре ртуть не выходит из шарика, в январе от —25° до 35°, в феврале от —20 до 32, и редко до 7°. В течение 3-х весенних месяцев maximum теплоты +11°, стужи —27°, в течение 3-х летних месяцев maximum теплоты +30, maximum холода —7°. Не зная достоинства термометров, какие употреблялисьдля наблюдений, мы воздерживаемся дать им полную веру и, по сомнениям, пропускаем выводы средней температуры.

Хотя таяние снега начинается в Красноярске и его окрестностях около 7 марта, но верной весны там нельзя надеяться до 15 и даже 20 мая. Тогда палевые анемоны и желтоцветный цикорий красуются по отлогим лугам. Черемуха, которая растет в изобилии по островам Енисея, разливает свежесть и благоухание. Сильные грозы замечены в окрестностях гор Кемчугских. Зимою звездное небо придает красноярским ночам великолепие, как и по всей Сибири в подобных широтах. Северное сияние изредка бывает видимо в Енисейске.

Красноярск стоит над морскою поверхностию выше Каинска только 4-мя фугами. Едва ли справедливо барометрическое измерение? Магнитная игла в Красноярске:

По *Месяцеслову* 1831 года:
Отклон. вост. 5° 25', 7 — наклон. 70° 56', 7.
По таблице Ж. в 1835 году:
Отклон. вост. 7° 25', 52 — наклон. 7 Г 8', 3.

17. Само по себе разумеется, что с 55° до 53° широты, где лежит долина Са-

гайская, весна начинается ранее, что в исходе апреля бывают громы, что тепло в мае доходит до +27°, в июне и июле оно постоянно держится от 20 до 28°, а в сильные жары до 35°. Зимою в декабре, январе и феврале стужа стоит между — 10 и — 26°. Так уверяет покойный Степанов!

Долина Сагайская, красующаяся на пространстве 250-ти в длину и 50-ти верст в ширину, между живописных гор, ограждающих ее от крепких ветров, давно к себе зовет умных обывателей, чтобы дать им наслаждаться благорастворением воздуха, благовонием растений, чистыми водами и заохотить их к искусственным насаждениям. Сколько редкостей можно на ней встретить! Весною и летом водятся отменные птички, зимуют пестрые дятлы и белые воробьи. Кандык, мучнистый кырлык, или самородная греча, и другие растения, здоровью услуживающие, там родятся без заботы человеческой. Хмель вьется по островам Енисея. Множество дикого льна или конопля по степи. На горах сколько угодно найдете ревеня черенкового, который, по словам Палласа, не уступал бы копытчатому, если б умели очищать и исподоволь сушить его. Впрочем, он признает лучшим ревенем не здешний, а с рр. Бирюсы и Уды. Что сказать о прочих прозябениях? Их множество, но у нас одно 75-летнее перо. Наименуем, по крайней мере, белокудренник (Ballota lanata), золотарник малорослый, деревцо арцу, кашкару пресловутую, белолозник (Axuris sibirica), гребенщик по утесам Абаканских гор, цимбарию даурскую по пригоркам к Енисею, таволгу каменнолистную и иволистную, жимолость голубую по Саяну, осокорь по Енисею и проч. Поля покрыты мареною, серпухою, дроком и другими красильными растениями. Мы не упоминаем о ягодах; клубника и крыжовник растут везде в южных местах. Не упоминаем также о полевых травах, служащих дополнением к огородным овощам. Как ни занимательнадолина Абаканская, но пчела там не жужжит и не слыхать соловья. Причина в возвышенности земли над океаном.

Болезни народные по сей губернии: цинга, воспалительная горячка, кровавый понос, катаракт, а об оспе, кори, сифилистической болезни говорить излишне. В 1762 г. оспа свирепствовала у каченцев. Болезни скотские: сибирская язва является не далее уезда Ачинского, в Минусинском бывает своя болезнь на рогатый скот, когда зима начинается гололедицею. Овечьи стада много страдают от вертежей и ножной боли.

18. В громадной Иркутской губернии даже ныне считают пустынных, не хлебопахотных земель, простирающихся по морским хребтам, горам, болотам и займищам до 1 200 000 (кв.) в.; песчаных же степей и в том числе солончаков — до 6815 таких же в.

Земли за реками Каном и Удою, в описываемое нами время, причислялись к ведомству Красноярска и оставались почти впусте, без заселения русского. Дубровы березовые или дремучие сосновые боры, укрывая эти хлебородные земли от сохи, берегли девственную их плодовитость, в пользу разноплеменных звероловов, которые во множестве толклись около верховьев рр. Маны, Кана, Бирюсы и Уды. Енисейская провинция удерживалась от заселений, вероятно в благовидном счете, чтобы не стеснять разноименных поколений, приносивших казне богатый ясак.

Когда лучше ознакомились с естественным состоянием Нижнеудинского края, увидели бесчисленные удобства для поселений, при ничтожных исключениях. Так, напр., там, где тянутся смежные

хребты гор, лежащие между ними узкие долы (пади) бывают наполнены трясинами или болотами. Болота, зимою промерзая сверху, делают внизу пустоту, опасную для проезда. Равно речки, с гор бегущие, в морозы вздувают нанизу или в речных побережьях накипи. Впрочем, таков характер всей почти поверхности в Иркутской губернии. Из ненаселенности Нижнеудинского края можно заключить, что и пещеры тамошние не были в то время оглашены*.

Хлебопашество Иркутского уезда производилось тогда в селениях по всем небольшим рекам, в Ангару падающим, начиная с Оки и Белой до Иркута. Оно испытывалось и около кр. Тункинской, в виду отрога Саянского. За Ангарою до Лены, за Леною от реч. Тутура до ел. Ангинской и Бирюльской соха была основанием русского быта. В Урике, Хомутовой, Кудинском селе (которое в 1656 г. было подведомо Илимску), в Аиоке, Манзурке, Качуге, Верхоленске и проч. занимались пашнею, среди живописных, гористых окрестностей. Земли легкие, песчано-глинистые были отлично хлебородны в те годы, в которые не случалось помехи от весеннего бездождия или преждевременных инеев. Есть также приятные долины по виду, но солонцеватые или сырые, или безводные; они выгодны только для скотоводцев-бурят. Буряты того времени, начиная с Тункинской степи до устья Куленги, или, иначе, от Шаманского Камня, в начале Ангары торчащего, до подобного ж Заверхоленского, принимались за соху очень нерадиво. Они весну и лето обыкновенно праздновали близ коров-доилиц, а в глубокую осень и к концу зимы зверовали.

В уез. Илимском**, оканчивающемся при границе ел. Витимской, пахотные земли лежали с промежутками между Окой и Ангарой от дер. Шеверской до ос. Братского, между Ангарой и Илимом почти до Кежмы, между Илимом и Леной до ос. Чечуйского. В южной части уезда родились все хлебные посевы, а к северу—толькоярица, овес, ячмень. По Лене пшеница не родилась далее ел. Орленской.

Далее, вел. Витимской, Олекминске, Якутске, в ел. Амгинской иногда родилась рожь, но лишь ячмень и овес считались благонадежным посевом. Бывальцы рассказывают, что есть тучные и удобные земли вверх по Алдану, к Аиму и Маймакану, начиная с Усть-Маи, чему и можно доверять по положению широты тех мест; но не помешает ли успеху хлебопашества чрезвычайное разлитие вод в тамошнем крае, по словам капитана Сарычева, поднимающихся до 30 ф. и более.

Кроме известного ячменного на Ине хутора, по всему Охотскому краю, между Северным заливом и Колымским плотбищем лежащему, нигде не замечено, вплоть до устья Таловки, пахотной десятины, потому что от простирания Станового хребта везде идут каменистые отметы или болота. Хвойные деревья и даже топольник, между ними возрастающий, недалеко от реч. Ассиглан, представляют небедную растительность, да и все тут.

19. В Охотском крае кочевые жители, ламуты и коряки, страдают чирьями, уг-

* В губернаторство Н. И.Трескина между 1807 и 1814 годами выстроены длинные селения от р. Кана до р. Уды, по дороге.

** Илимск управлял уездом, со включением Киренска, до 1775 года. Три деревянные строения городского быта представлены в рисунке в *Материалах* к *Российской статистике,* 1839 г.

рями и подобными воспалениями. Кроме того, повременно является среди них корь и оспа, уменьшающая их племя. В 1768 г. от последнего поветрия, среди коряков распространившегося в то же время, как и в Камчатке, опустел край Гижигинский*. Что ж касается до Охотского порта, о нездоровом климате его и бесплодной почве уже прежде было изъяснено.

В Якутске, где житель и животное обеспокоиваются морозами или насекомыми, зима продолжается 6 месяцев, лето 3, а прочие 3 месяца, пополам разделенные, служат предуготовлением или к лету, или к зиме. Наблюдения над температурою там делались мимоходом, и доныне никто из туземцев богатых не вменил себе в честь запасаться метеорологическими орудиями, с которыми можно было бы укорочивать время, по единообразию всегда там длинное, следственно и скучное.

Гмелин рассказывал, что, за несколько лет до его приезда в Якутск, один тамошний воевода, идучи в канцелярию, за 80 шагов стоявшую, отморозил руки, ноги и нос, хотя и был одет в теплую шубу. Верно, воевода шел к должности в каком-нибудь глубоком раздумье, чтобы в минутном переходе дойти до таких крайностей. Тот же Гмелин замечает, что Лена прошла 30 апреля и 3 мая очистилась от льдов**.

Известный адъюнкт Исленьев заметил в Якутске maximum тепла +24°, а зимою термометр его опускался не более как до 22,3°, что соответствует —37°, 5 по Реомюру. В начале марта нам случилось быть в Якутске, и с 11 до 2 часов пополудни можно было прохаживаться при лазурном небе и солнечном озарении. Надобно, однако ж, полагать, что декабрьские и январские морозы там доходят до —40°. Глубокие снега замечаются от Охотска до Киренска и вообще по всей северной половине полосы средней, как более лесистой; в северной же полосе, как безлесной, снега не так глубоки.

Ячмень родится на нивах Якутска, иногда затевали сеять и рожь, созревавшую года через 4. В Якутске почва жирна и питательна, но недостает теплоты. Адъюнкту сказывали, что при порядочном надсмотре могут там родиться огородные овощи, в чем и нельзя сомневаться, если бы женский пол приобык к занятиям огородным. Тогда бы не все, по крайней мере овощи, как бакалея, плавились из Киренска в Якутск на ярмарку.

По лугам и другим урочищам, изобилующим кормовыми травами, растут: дикий чеснок, дикий лен с голубыми и белыми цветками, земляной ладан, волосообразные растения, вместо хмеля употребляемые, также Polemonium grandiflorum, из кустарных ягод смородина, малина, из стеблевых брусника и пр. Наблюдатель говорил об этом мимоходом, не по науке. Г. Щукин, имея в своих руках до 400 видов растений, собранных около Якутска, не видит в них различия от иркутских, кроме 6-ти, принадлежащих тамошней почве.

По недальности ел. Амгинской*** от Якутска, можно утверждать, что хлебо-

* См. № 28575, том XXXVII П. С. Законов.

** Для сообразности с оглавлением иркутского климата здесь и впереди переложены числа и месяцы на с. ст.

*** В Биллингсов проезд слобода состояла из 168 человек. Домов было 20. В 4-х верстах есть особая Русская деревня.

пашество ячменное в ней не подлежит сомнению, что прежде и рожь у переселенцев созревала, пока они не объякутились и не стали лето праздновать в питье квашеного молока. Землемерами открыто, между Леной и Алданом, пахотной земли до 5700 десятин.

Гмелин писал, что в Олекминске (ш. 60° 22') холод стал чувствителен около 15 августа, что деревья обнажились от листьев, травы повяли, снег пал и сделалась гололедица. По Лене пошел лед 8 сентября, через несколько суток льдины стали толщиною в 2 ф. и вставлялись вместо стекол в окошки*, между Олекминском и ел. Витимской хлеб родился хорошо и жатва там оканчивается не позже 1 августа.

Само собою разумеется, что чем выше поднимаешься по Лене от ел. Витимской, тем сноснее становится температура, добрее климат и растительность свободнее. Хвойные деревья: лиственница, кедр, ель, сосна довольно высоки и довольно казисты, во все времена года. Пихта вниз по Лене продолжает расти только до р. Олекмы**, а осинадо р. Алдана.

Якуты выносят свои морозы и жары с удивительным равенством и легкоетию. Бодры и живы в обоих временах. Обыкновенные их болезни: ревматизм, опухоль плесней от мокроты, чирьи, шелудивости, страдание глазами. В 1758 и 1774гг. погибло множество якутов от оспы и кори. Около Верхоянска и вообще в тамошних широтах, где бывают туманы и вдруг наступают сильные морозы 36°— 42°, открывается среди жителей юрточных простудное поветрие с стеснением в груди, головною болью и стрельбою в ушах. Поветрие бывает смертельно. Там более сил у смерти, чем средств у жизни.

Между ел. Витимской и Киренском ячмень и овес ныне родятся каждогодне. Аббат Шапп в таблице, которую он приложил к 1-му тому *Путешествия,* для выражения сибирских морозов, означил в графе Киренсказа 1737 год-64°, в следующем году —68°, без наименования месяца. Два таких мороза, вместе с упомянутым енисейским в —70°, мы, по чувству жизненному, дозволяем себе оподозрить, пока точными орудиями и несколькими годами наблюдений не будет решена сбыточность или несбыточность объявляемых морозов. В ноябре, декабре и феврале, когда случалось нам останавливаться в Киренске на несколько дней в шесть зимних проездов, не довелось испытывать толь страшных морозов, какими Шапп с Гмелиным пугали Европу***. Не было ли погрешности в самом строении профессорского инструмента?

От Киренска до Иркутска, на полуденном пространстве 5° 30', нет в виду письменных метеорологических наблюдений? Путешественник видит зимою между деревень одни хребты гор и темно-зеленые леса, которыми увенчаны хребты. Между Киренским и ел. Орденской, на расстоянии 3-х степеней, хле-

* В 1814 и 1826 гг. видны были оконничные льдины только по некоторым станциям между Якутском и Олекминском.

** Сведения о пихте доставлены мне от иркутского гражданина, коммерции советника П. Т. Баснина.

*** Так, сильных морозов ни в ноябре, ни в декабре я не ощущал в Киренске. Отсюда ехал я днем и ночью до Витима, не отморозин носа, и в городе безбедно ездил излома в дом. Кстати примолвить, что в одном доме земского исправника г. Шевелева нашел я полы двойные. Упоминаю об этом чиновнике для того, что есть удовольствие желать продлить память о человеке, который оказывал в свое время всю попечительность об устройстве дома тамошнего уездного училища, который поощрял крестьян к расчистке пахотных земель и к распространению посевов.

бопашество ныне не прерывается. От Орленской до Верхоленска земля и атмосфера становятся мягче, человеколюбивее, и крестьянин представляется хозяином своего места*. Ели и другие деревья роста высокого и величавого. В Верхоленске проходит край средней полосы, которую мы расширяем с 63° до 54°, и 2-мя степенями полуденнее этой полосы стоит Иркутск.

20. Иркутск, существующий в начале южной полосы**, продолжающейся до полуденных очертаний Сибири, может считаться мерителем климата своего уезда, начиная даже с Верхоленска, кроме Байкальского, ксеверо-востоку, погорья, представляющего особое растворение воздуха. Весна в Иркугске и его уезде начинается в марте, и снегов уже не видно нигде по долинам. Реки проходят в апреле, кроме Ангары, вскрывающейся в городе между 3 марта и 17 апреля. Только в 1731 и 1750 гг., по словам *Летописи,* Ангара вскрылась 28 и 27 февраля***.

Мы офаничиваемся здесь означением десятилетней средней температуры Иркутска: +0,3 Г. Самая высшая теплота в Иркутске бывает +28°, а +29° — в редкие годы. Самая высшая теплота на солнце +46°, Самый большой холод —33,4°.

Г. Щукин берет в сравнение средние температуры 4-х европейских городов, имеющих почти одинаковую с Иркутском широту: Берлина, Ганновера, Лондона, Дрездена, и выводит, что Иркутск, в ш. 52° 17' стоящий, холоднее поименованных мест почти 7°-ю.

Г. Щукин, с давних лет наблюдая движение ртути в одном и том же термометре, под смотрением Лаксмана сделанном, замечал, что в некоторые зимы до 1810г. ртуть замерзала на несколько суток, что с 1810 по 1820 г. ежегодно почти замерзала на несколько часов, что с 1820 по 1830 г. замерзала только в 1821 и 1828 гг. и морозы в прочие зимы не превосходили —28°. С 1830 по 1840 г. ртуть, выставленная на открытый воздух, дважды замерзала в январе 1831-го и 16 декабря 1839 г. не далее как на час и в термометре не отвердевала****.

* В 1701 году, как видно из указа Сибирского Приказа к илимскому воеводе Качанову, велено водою сплавить в Якутск хлебных запасов: а) пахоты илимских слобод 180 четвертей ржи, б) пахоты бирюльской — 496, в) илгинской — 538, г) тугурской — 194, д) орленской — 93 четверти того же хлеба. Но в число 1321 не донято 243 четверти. Тут видна и постепенность плодородия по широтам, и где оно оканчивалось в ту эпоху. Из свертков мои. Кошшнского.

** Изменяя собственному намерению, я переступаю здесь, как и в Барнауле, среднюю полосу, и вхожу в южную, не по всем частям.

*** В Иркутске метеорологические наблюдения издавна ведутся, сперва Лаксманом и Лосевым, потом учителями народного училища и гимназии, а с июля 1820 г. продолжаются г. Щукиным, настоящим директором училищ губернии. От него я получил довольно обширную записку о климате и пользуюсь идеями дознанных выводов, а замечания, к настоящему времени относящиеся, сколи они ни любопытны, откладываю до поры.

**** Г. Щукин из наблюдений усмотрел:

а) что очищенная ртуть на открытом воздухе замерзает при меньшем холоде, чем в термометре, защищающем от давления внешнего. Ртуть, в термометре кристаллизуясь при —32°, остается жидкою до -33,3°.

б) что ртуть, опустившись до —33,3°, вдруг низится до —37°, —38 и даже —46 и это снижение зависит от длины термометрической трубочки. Некоторые из иркутских наблюдателей стали думать, что иркутский холод = -40°. Разве нет там спиртового термометра, для обличения этих метеорологов?

в) что ртуть, возвращаясь из состояния твердого в жидкое, вдруг также переходит из —38° или —46° в —32 и быстро восходит до —31. При таком переломе нередко растрескиваются шарики термометров.

Итак, это физическая истина, что ртутный термометр не вправе свидетельствовать холода свыше -33,3°, как бы низко ни падал. Нет сомнения, что Гмелин и Шапп, от подобного термометрического явления, впали в погрешительное заключение о холоде Соликамском, енисейском и киренском.

В Иркутске, продолжает г. Щукин, очень заметно сражение климата физического с математическим. Зимою в январе, при южном ветре, часто снег тает на крышах, и чрез несколько дней морозы являются в —28° или 30°. В марте термометр часто поднимается в тени от —12° до +16°, но в апреле по утрам опускается иногда до *—1°,* и даже в начале мая, при продолжении северного ветра, ртуть опускается по утрам ниже нуля.

По таким изъяснениям уже понятно, что весна открывается ранее или позднее, с разностию двух недель, что растительность не менее коснеет от северных ветров и холодного навевания Байкала, иногда вскрывающегося около 9 мая и разбрасывающего по берегам свои льды, которые продолжают таять до июня. В раннюю весну Draba lutea и распушистая ветреница цветут около 2 апреля, Cardamine тонколистная расцветает по болотистым местам около 5-го, ложбины окрестных гор покрываются нарядными цветами даурского багульника около 15-го того же месяца. Разумеется, что при поздней весне помянутые растения продолжают цвести при утренних холодах 10°—14°*.

В окрестностях Иркутска посев зерна ярового начинается около 20 апреля, посев озимого — в начале и половине сентября. Жатва начинается в половине августа. Из чего и видно, что сроки полевых работ, начиная с Енисея, поздают в Сибири Восточной против Западной. Периодические неурожаи, случающиеся в каждые 9 или 10 лет, с подразумеванием одного чрезвычайно урожайного года, то озабочивают жителей, то успокоивают их года на два. Корыстолюбивые люди издавна там привыкли обращать благословения природы в пользу своей мамоны, разными благовидными способами.

Из средней высоты барометрической г. Щукин вывел положение сего города выше океана на 1330 ф., или 190саж.

Дожди самые продолжительные бывают не долее трех суток, большее же продолжение сопровождается разлитием рек. Гром бывает не более 10 или 15 раз в течение лета. Град бывает очень редко, и притом незначительной величины. Горы, окружающие Иркутск, и стоящие нд них хвойные леса, по словам г. Щукина, служат искусственными громоотводами.

Иркутское небо, по большой части, представляется голубым; исключая ноябрь и декабрь, когда атмосфера, до закрытия реки, густеет от паров речных. При морозах за —20° образуется над Ангарою густо-желтоватый туман.

Снег выпадает на пол-аршина и менее в иные годы. Зимняя дорога становится около 15 ноября и прекращается около 18 марта.

Северные сияния бывают так неявственны, что приученный только глаз может их замечать.

Землетрясения бывают чувствуемы в Иркутске довольно часто, хотя и негрозно. *Летопись,* редко точная, замечает их года чрез два ил и три. В 1768 г. землетрясение замечено двукратно, сперва утром в 4 ч. 18 марта, потом в 2 ч. пополудни 5 августа. В 1769 г. утром около 8 ч. 13 октября дважды послышался удар, и последний был довольно крепок. В 1771-м утром в половине 10 ч. 28 июля чувствовали в Иркутске два удара — один легкий, другой чрезвычайно сильный. В то же время слышан был удар вверх по Анга-

* С. С. Щукин собрал обширный травник из растений Иркутской губернии.

ре до Балаганска, также по р. Иркуту, и троекратный сильный — в Прорве. В тот же день в 11 -м часу в Селенгинске чувствовали некоторое дрожание и потом сильный удар, который стихнул, не доходя до Кяхты*. Паллас выводит, что землетрясения байкальские распространяются короткими лучами, никогда не достигают до Даурии, ни до северных мест Лены. Хотя землемер Лосев и писал, что после поездки академиков было сильное землетрясение по Индигирке и низовью Лены, и хотя поэтому можно предполагать, что оно там бывало и прежде, но, без сомнения, прошло оно туда из восточного, а не южного горнила.

Воздушная сухость, которой верят в Иркутске, и верят на слово, не может быть имоверна, при множестве тамошних вод и болот, пока не будет поверена Сосюровым гигрометром. Из того, что орудия музыкальные ссыхаются, можно вывести противное заключение о сырости привозимых орудий и о сырости иркутского древоделия.

Судя по чувствительному изменению температуры, какое бывает на малом пространстве между каменных городских ворот и каменного Филофеевского памятника, нельзя думать, чтобы воздух Иркутска всегда был здоров. Простудные болезни с кашлем, более или менее жестоким, суть последствия ангарских туманов, с половины сентября до января продолжающихся. Весною там страдают все возрасты простудою, головною болью, жаром, горячкою, а в иные годы по общему жребию человечества появляется оспа. В 1745 г. оспа производила жатву по всему уезду и по другим смежным; но велика ли была смертность, *Летопись* не исчисляет.

Наконец, по принятому порядку, заметим из *Месяцеслова* 1831 г., что в Иркутске восточное отклонение иглы 1 ° 37', 2, наклонение 68° 26',5.

21. В округе Верхнеудинском, вмещающем и бывший Селенгинский, пахотные земли: а) прибрежные к Байкалу, по обеим сторонам р. Селенги; б) лежащие за р. Удою и в соответственность тому — на правой стороне Селенги, равно и около Кяхтинского тракта, и в) вновь разрабатываемые заднепрскими выведенцами в горах к р. Никою. Все помянутые земли, вместе с Кударинскою долиною, не включая солончаков и хрящеватых кряжей, более или менее песчанисты, суглинисты, легки и хлебородны. Земли 11-ти Хоринских родов, почти от Селенги до вершин Витима, от Оноыа до Ингоды и по Уде, равномерно земли 18-ти Селенгинских родов, по левой стороне Селенги до системы гор Хамар-Дабанских, служили тогда без разбора для одного скотоводства и звероловства. Одни жертвенники, по веснам бурятами из дерев устрояемые на верху гор, по древнему примеру семитических племен, вызывали душу примечателя к благочестивым воспоминаниям.

Смотря на карту, надлежало бы Верхнеудинскому округу, по географическому положению, быть отлично производительным, откр. Харацайской до Баунтовских базальтов, от Посольского до пере-

* В мою бытность в Иркутске с марта 1814 по ноябрь 1820-го и потом с июля 1824 по май 1826 года ежегодно были слышны сотрясения, довольно беззаботные. Г. Щукин с 1828 по 1840 г. вел записку, когда именно случались землетрясения, и из записки его видно, что они были чувствованы от I до 4 раз в году, во все времена года, кроме ноября и декабря. Землетрясение 24 февраля 1829 г. обнимало большое пространство; оно грозно продолжалось в пограничном Туранском карауле за Тункою и проходило в Монголию.

езда чрез хребет Яблонный, если бы обещания благословенной широты не уничтожались лесистыми и водянистыми хребтами, болотами, около них расширяющимися, навеванием холода со стороны Байкала и общею возвышенности^ тамошних равнин. Так, напр., площадь, между Селенгинском и Троицкосавском лежащая, высится над поверхностей) океана до 2300 ф. Лучшее хлебопашество тогда начиналось у заднепрских переселенцев, по гористым откосам, и плуг впервые явился в Сибири в их руках*.

Земли Заяблонного хребта не могут быть производительнее против верхнеудинских. Такое ж возвышение над океаном, гористость, лесистость и с тем вместе болотность отнимают у легких и выгодных тамошних земель постоянную плодородность. Гмелин, говоря о Большом Нерчинском заводе (в ш. 52° 18'), отзывается, что климат там холоден, что находится там много мест, где земля оттаивает не глубже 3-х футов, что у рудокопов сделаны в рудниках чуланы, в которых хранятся летом припасы, что лед в них не тает ни в какое время, что только 17 июля 1735 года ртуть в тех чуланах поднялась выше точки замерзания.

22. Несмотря натакие мелочные замечания, ничего не сказывающие о Заяблонном крае, мы знаем, что там воздух летом альпийский, что зимою веют пронзительные ветры, что в декабре и январе бывают морозы также лютые, как в Богословске, севернейшем 8-ю географическими степенями; но не верим, чтобы почва вообще Нерчинского.края оттаивала только на 3 ф. Мы знаем, что, начиная с ос. Читинского, на обеих сторонах Ингоды, Шилки и вверх по Аргуни, хлебный урожай бывает, по словам губернатора Соймонова, в добрые годы в 20 и 32 меры против посева. Мы знаем, что на плодоносных нерчинских землях частию черноземных, частию дресвяных, но по большой части из песков и глин, пропорционально составленных, родятся богато пшеница, рожь, просо, лен, конопель и прочие нивяные посевы. Бывают, правда, годы, когда не возвращаются и посеянные семена: какие ж причины толь противоположных крайностей? Возвышенность почвы** главнейше, потом — весенняя засуха, холодные утренники или иней, убивающие ниву, начинающую цвести, также род кобылки, и мухи, наседающие на колосья во время налива. Нам случилось в 1814 г., вверх по Ингоде, любоваться в июне роскошными нивами, обещавшими сильный урожай, как нечаянно одна безоблачная холодная ночь погубила утром труды и надежды поселян и продовольствие целого года. Желательно бы здесь сказать, чрез сколько лет неурожайных приходит благодатный, Соймоновский год с 32 мерами? По замечаниям одних — через 10, по замечаниям других — через 15 лет, только неоспоримо одно, что неурожаи заяблонные чаще случаются, чем забайкальские***.

Во всякое время, весною, или летом, или под осень, проезжая, видишь там

* Они первые в губернии начали с 1766 г. засевать и конопель.

** Яблонный хребет выше Хамар-Дабана на 2660 ф., как видно из описания гор по реч. Слюдянке. сделанного г. Злобиным в 1832 г. Соразмерно тому и площадь заяблонная должна быть выше верхнеудинской.

*** Почетный гражданин М. А. Зензинов заключает, что полный круг урожаев и неурожаев совершается в 19 и 20 лет, что в 7 и 8-й годы урожай бывает сильный, в 12-й — плохой, а с 15-го следуют неурожаи.

поля и луга, украшаемые разноцветными травами до сентября. Красивая даурская флора перебрасывает свои нарядные багульники и другие растения на возвышенности селенгинские. Леса за Байкалом и за Яблонным хребтом одни и те же, с одною разностию в числительное™, именно: сосна, лиственница, ель, кедр, осина, ольха, береза, тальник. Леса мелкие и кустарники также одни и те же: яблоньдикая, боярышник, рябина, крушина, илим под именем карагача, березовый ерник, березовник стланцевый, кедровник стланцевый, золотарник, гороховник, курослепник, кашкара и пр. Собственно за Яблонным хребтом: береза черная, осокорь душистый, слива сибирская, крошечный персик.

ЗаЯблонным хребтом, надобно прибавить, бывают грады, которые льдяными шариками обивают дочиста даже зеленевшие березники, — бывают бури, которые с корнем опрокидывают большие полосы сосновых лесов, — бывают сильные грозы, особенно после долгоденствия. Раз случилось и нам, при переезде чрез хребет, провести ночь в крайнем беспокойстве, среди беспрестанной молнии и не умолкавшего грома, тогда как дождь лился ливнем. В сентябре за Байкалом стоят дни ясные, веселые, но холод чувствителен. Зима по обеим сторонам Яблонного хребта жестока и малоснежна по равнинам. Весною повальные болезни на людей; гибель домашнего скота от продолжительных метелей; летом бывает падеж на лошадей от жаров.

К отраде и облегчению тамошних жителей от разных недугов, сама природа является более попечительною о их здоровье, нежели в прочих сторонах Сибири. У нея так много врачебных растений, так много вод целебных! Туркинские горячие воды сделались известными в 1753 г. Погроминские кислые, вкусом похожие на Зельцерскую воду, открыты в 1767-м. Сверх того, есть воды горячие около Баргузина, кислые Дарасунские — между Читой и Акшой*. Один из недавних путешественников сказывает, что в проезде по границе от Кяхты до Амура есть много минеральных вод, неупомянутых прежними академиками. Жаль, что природа не выдумала целебной купели для умягчения оспы, которая в разные времена делала столько опустошений среди племен сибирских. В 1767 г. множество тунгусов погибло от нея за Яблонным хребтом.

23. В южной части Камчатки осень и зима господствуют более полугода. Снега не сходят до мая. В это время зрение человека расстроивается от снегов, становящихся ослепительными чрез отражение лучей; но при всем том весеннее время приятнее летнего, потому что проскакивают дни ясные. Вот и вся тут весна!

Деревья начинают распускаться к концу июня. Лучший лес растет в вершинах рр. Быстрой и Камчатки. Курильская землица, [мыс] Лопатка, равномерно приморские места и берега рек в южной части — безлесны, за 20 в. от моря. Ольха, береза и тополь растут по высоким местам, откуда вытекают реки. Там пихтовник растет только около реч. Березовки, топольник — по Андреяновке. Боярышник двух видов, с ягодами красными и черными. Можжевельник во множестве. Кедровый стланец в почести у туземцев, как и жимолостные черные ягоды.

Восточный берег, прикрытый гористым отметом, как валом, благоприятнее

* Для удобного жительства страждущих посетителей устроены, во время губернатора г. Трескина, порядочные помещения при водах Туркинских, Погроминских и Дарасунских.

для лесов, для плодородия овощного и нивяного, потому даже, что почва утучнена пеплом сопочным. Плодородность восточного края доказывается: а) древними пахотными заимками Якутского монастыря, находившимися ниже Еловки, падающей в р. Камчатку, также между оз. Нерпичьем и той же Камчаткой; б) пахотными деревнями, Мильково и Ключевская. Берег покрыт по горам и равнинам, вниз по р. Камчатке, до самого моря, ольховником, березником, лиственничником, ельником. Недалеко от Машуры виден и сосняк. Травы так тучны и рослы, что можно бы косить их трижды. Жители собирают сарану, сладкую траву, кипрей, черемшу, пучки и другие растения, употребляя их в пищу, питье и лекарства. Для такого ж употребления собирается водянка, морошка, брусника, клюква и пр.

Петропавловский порт с востока окружен высокими горами, на которых произрастает лиственница, береза, боярышник и между ними — кусты диких роз. С гор бегут ключи чистой и прозрачной воды. На северо-западе расстилаются широкие долины, орошаемые Авачеюи Паратункою. Ключи Паратунки не замерзают зимою. На них и других теплых ключах гостят и зимою лебеди, красивые селезни, крохали, гоголи и чирки, особенно так называемые савки, скромные певуньи. На восточной стороне полуострова есть даже живописные места, но не надобно разуметь под этими словами исполинских сопок, внушающих удивление и ужас*. Живописная картина представляется от ключей до Нижнекамчатска, во множестве островов по судоходной р. Камчатке, во множестве ея протоков, озерков, лугов, дерев и гор. Взглянете ли на воды, рунные рыбы кипят в них, в свои месяцы, а по озерам плавают и ныряют разноцветные утки. Взглянете ли на утесы, над ними парят орлы, разными перьями отличающиеся. Над вами летают без страха белые кречеты, соколы и ястребы. Чуткое ухо пугается по ночам филинов и сов. В лесах вы увидите куропаток, тетеревов, услышите кукушку, дрозда, Камчатка не пустыня: везде бьется пульс жизни, под землею и в атмосфере, при свете курящихся лампад.

В Нижнекамчатске, от которого до моря 35 верст, и от которого гористый отмёт поворачивается к главному хребту, атмосфера теплее, чем во многих сибирских городах той же широты (56° 03'). Отклонение иглы замечено Берингом в Нижнекамчатске, а Куком — близ мыса Камчатского, восточное.

У первого в июле 1728 г. = 13° 10'.
У другого в 1770г. =10° 00'.

Западный берег полуострова низмен и бесплоден. Начиная с р. Быстрой растет на нем, по песчаной почве, один ивняк и ерник. Низменность продолжается до подошвы гор 100— 120 верст. Земля, к северу, близ Пенжинского взморья, замечена промерзлою на фут, а глубже — талою на 1 $^1/_2$ саж., еще глубже — заледеневшею, далее — жидкий ил, под илом камень. Широко или нет такое напластование, все показывает оно разновременную старобытность морского залива.

Лето по западному берегу, от тающих нагорных снегов, бывает туманно, дождливо и холодновато. Неделя ясная без дождя была бы там редкость. Равно-

* Зимою в 1762 г. ближайшая горелая сопка горела с сильным пламенем и страшным подземным шумом. Снег превратился в потоки, а окружность на 300 в. покрылась пеплом в дюйм толщины. Зимою 1767 г. слышался беспрерывный шум в горе, с трясениями земли. В 1768 г. сопка эта еще дымилась.

мерная ненастливость на Лопатке, между тем как тихая и приятная погода стоит в Большерецке. Вообще в местах не так близких к морю, продолжается ясная погода, так, напр., в Верхнекамчатске с апреля до половины июня. После долгоденствия идут дожди до конца августа. Проливных дождей и громов сильных не бывает по всей Камчатке. Град часто случается летом и осенью, с горошину величиною. Термометр в Большерецке, где от взморья потеплее, обыкновенно тогда стоит между +2,5° и 7,5° — в жары июльские +18°.

В Камчатке осень до половины сентября бывает приятна и светла, далее ж по большей части ненастлива. Реки становятся в начале ноября, и в ту же пору начинает падать снег при сильных ветрах. В декабре и январе мало тихих дней: более всего время проходит в сибирских пургах, или, иначе, — в снежной кутерьме с вьюгами. Снегу выпадает и наносится на Лопатке толщиною до двух саж., столько же около Верхнекамчатска, менее двумя третями — около рр. Авачи и Большой, не толще полутора футов — около Тигиля и Караги. Зима камчатская не слишком холодна. Ртуть опускается от —5° до — 18°, в январе — от -15° до —20°, и раз в течение 4-х лет замечено —30°. В феврале и марте бывает приятная погода, как иногда в сентябре и октябре.

Северные ветры зимою и летом дают ясные и приятные дни. Восточные и юго-восточные — продолжительнее и всехжесточее.

Температура камчатских горячих ключей разностепенна и восходит от +30° до +75° — до такого жара, какого не слышно в ключах европейских. Все сии климатические наблюдения, как мало изменяющиеся в напряжении замеченных сил, могут считаться вековыми физическими истинами, тем более что и написаны Крашенинниковым за сто лет*.

Местные болезни в Камчатке: угри, волдыри, чирьи, опухоли.

24. Из всего явствует, что линия, при которой оканчивается в Сибири земледелие яровое, проявляется по неложным усмотрениям при следующих точках: в Камчатке в ш. 57°; на северном берегу Охотского моря — не далее 59° 30'; по Лене — до ш. 62°; по Енисею в волости Анцыферовой — почти при 60°; по Иртышу в селе Реполовском — в ш. 59°; на восточном предгорий Урала - еще ближе последней широты. Притом по целой линии не видно возвышающейся постепенности в нивяном плодоносии от востока к западу. Не видно также, чтобы с углублением материка в Полярный круг простиралось плодоносие, пропорционально продолжению матерой земли**.

Не неприлично здесь сделать вопрос, увеличилась ли, и в какой степени увеличилась зажиточность земледельца в полосах средней и южной, во мзду полевых его трудов? Этому надлежало бы последовать, как кажется с первого взгляда. Земледелец имел, и имел с изобилием, даровую рыбу в реках и озерах, имел даровую птицу в водах и перелесках, любого зверя в лесу и на тундре, лошадей и скот, полгода даром кормящихся на лугах и пустынях; земли и лесу сколько ему угодно, а за все маетности

* В пополнение Крашенинникова, который наблюдал полуостров более из Нижнекамчатска, недостает дополнений из порта Петропавловского.

** Неизменяемость хлебородной линии на Енисейском материке несовпадаетли азиатско-холодным полюсом, который, по Ментцу, полагается близ мыса Таймурского.

и угодья в год платил с души подати и оброка 170 к. Сибирский крестьянин мог казаться помещиком. Но какие способы у него, чтобы пользоваться сказанными выгодами? Руки и время. Нотакие ли руки, чтобы в пору обхватить все выгоды, разметанные на пространстве, всегда ли готовое время, чтобы в пору поспеть ко всему и везде? Следственно, наш крестьянин был полномочен в одном праве, но маломочен наделе.

Возьмите в пример* крестьянскую семью среднего состояния [7 душ], и вы убедитесь, что если она достаточно питалась, так, напротив, с трудом могла окупить свои обязанности и казначейству и волости (сколь ни легки они были) по очевидной причине, что хлеб, установитель всех ценностей в стране земледельческой, продавался за бесценок. Поэтому не было средств к преспеяыию крестьянского состояния, разве только в тех семьях, где руки давали 5 или 6 сил человеческих. Но плодовитая семья Юшковых д. Овсянкиной — редкость.

Независимо от всех отрицаний, все племена, Сибирь населяющие, благодаря посильной производительности, питались из растительного царства хлебным зерном**, отчасти огородным овощем, в нужде кырлыком, сараною, борщом, в крайности — корою древесною, не видя возможности прибегать к помощи южных соседей. Итак, если Сибирь при безыскусственном хлебопашестве пропитывала своих обывателей, и не знала, до постройки Походяшиным винокуренных заводов, куда употреблять излишние остатки ржи, нетрудно предвидеть, как плодоносно расцветутея нивы, когда наука европейского полеводства, породнившись с смышленостию сибиряков***, ознакомит их с полезными агрономичес-

* Беру крестьян, семью, из 7 душ состоящую: 1 хозяина, 2-х сыновей около 15 лет, хозяйки, дочери, старика и старухи, — семью платящую подати за 4 д. — 680 к., — семью, равняющуюся $3^1/_2$ крестьянским силам в июле и августе, а в прочие месяцы — уменьшающуюся одною силою, для домового обихода. Т.е. одна сила отнимается для внутренней производительности, обделки конопля и льна, пряжи, тканья сукманины и холста, шитья, призора за овцами, коровами и для прочего домашнего обихода.

Семье надобно, для продовольствия, хлеба озимого 336 п. (или 8 д. ржи), 2 д. ярового для хлеба праздничного, для круп, квасу и для корма скотине.

Семье, чтобы очистить подать, надобно продать хлеба 170 п. (или 4 д.), в Иркутском крае — 3 д. без малого, по разности хлебных цен. По сю сторону Енисея средняя цена была 4 к. за п., а за Енисеем 6 к., зато там надлежало запасать лишнюю копейку на белье, чтоб купить пряжу у обозного или дабу на границе.

Не нужно спрашивать, могут ли $2^1/_2$ силы крестьянские вспахать и обработать 14 или 13 д.? Все, что можно, — 5 д.

След., в замене 9 или 8 д. надобно добыть ценность, равномерную числу этих десятин.

Но где добыть? Тогда, по малому провозу кладей, извозничество было неприбыточно, изделия деревянные, рыба, шкура белки или другого подручного зверя, рябчик, тетеря едва заслуживали продажную цену. След., надлежало хозяину удовлетворять обязанности податной и повинности мирской или предложением личной услуги в главных городах, или продажею скота, также дешевого. Корова стоила 2 р.

Могли при таких обстоятельствах земледелец богатеть? Я не сказал ни слова о неурожае, ни о поветрии на скот и лошадей.

** В 1759 г. в отдаленных от Якутска острогах умерло до 40 человек из воинских команд. Они, как сказано в указе 7 декабря 1760 г., ели кожи и ремни; но это несчастие произошло от нераспорядительности Иркутской провинциальной канцелярии.

*** В последние годы хлебопашество около Якутска поднялось с такою удивительною удачею, что урожай в сам сорок там не редкость. Вся тайна состоит в осенней заготовке поля и в возможно раннем посеве зерна. — Из письма С. С. Щукина от декабря 1840 г.

кими открытиями. Может быть, со временем откроются в каждой сибирской губернии образцовые усадьбы сельского полеводства; может быть, со временем возобновится водоходство из Обской губы в Архангельскую губернию, для сбыта сибирского хлеба. Природа так верна в циклах великого своего хозяйства, что бывалое опять сбудется в свое время.

Заключим все тем признанием, что, если сибирские хлебопашцы доныне не знакомы с орудиями ученого полеводства, ни с травосеянием, ни с искусственными орошениями, взамен того они прибегали, при бездождии или ненастье, к народному молению, испрашивая благорастворения и увенчания нив плодоносием. Вера и молитвадивным образом низводят в Сибири, особенно Западной, благословения небесные. Нам случалось проезжать мимо пашней вскоре после посевов, случалось и видать народные шествия с св. иконами и хоругвями по полям. Водосвящение и кропления нив, во имя Восстановителя Иисуса, видимо, возрождали косневшие силы природы.

Глава VII
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ИСКУССТВА

1. Промышленность торговая. 2. Промышленность морская. *3.* Морская Камчатская. 4 Торговля сухопутно-пограничная. Чукотская. 5.Даурская. 6. Кяхтинская. 7. Иртышская. 8. Ишимская. 9. Искусства. 10. В церковном зодчестве. 11. В рукодельности.

1. В естественной последовательности идет за земледелием промышленность торговая, в обширном значении слова разумеемая; но прежде, нежели прикоснемся к ея ветвям, посмотрим, под каким влиянием сама она пребывала, посмотрим на учреждения, более или менее содействовавшие ея жребию.

Таких учреждений было тогда четыре: 1) обеспечение 3-х гильдий и мещан судом своего сословия или восстановление губернских магистратов, под покровительством главного магистрата; 2) уничтожение внутренних пошлин и сборов; 3) отдача пограничных таможней и сборов по Сибири в частное заведывание Шемякина и Яковлева, в виде откупа; 4) отмена казенных караванов, через 3 года ходивших в Пекин, *с* передачею сего права в полную волю купечества*.

Первая мера уложена в мае 1743 г., с повторением красноречивого Петрова изречения, которым купечество его времени сравнено с рассыпанною храминою. Тем более правдоподобия с рассыпанной храминой усматривалось после бироновского временщичества и потом правления. По восстановлении двух уже магистратов в Сибири, в таком же патриотическом духе возглашено Сенатом в июле и сентябре того же года по всему государству постановление, чтобы не

* По канцелярии губернии Сибирской означалось, что от казенного каравана, в 1706 году возвратившегося из Пекина, получено казною чистой прибыли 261 778 р., от другого в 1711 г. чистой же прибыли 223 550 р. с алтынами.

дозволять иностранцам торга розничного, также чтобы никакое лицо, никакое место нигде: ни в дороге, ни на перевозе, ни на пристани — не делало купцам или промышленникам остановок, прицепок и озлоблений; на губернаторов же и вице-губернаторов предоставлено жаловаться Сенату. Это благотворное учреждение прибито было везде для всенародного ведения, чем и обнаруживается повсеместность зол, от которых страдали и сословье торговое, и торговля. Можно бы, кажется, понимать, и тогдашним исполнителям законов, что, придираясь к торговцу, посягают на свободу торговли, на ценность товаров и на собственность потребителей.

Вторая мера, в отвращение разорительных и самовольных требований, внутренними сборщиками причиняемых купечеству и крестьянам, решена в конце 1753 г. и приведена в исполнение в следующем. Внутренние сибирские таможни давали казне 112270р., но можно ли счесть, сколько они вымогали в свою пользу обдуманными притеснениями? Недаром *Сборник* записал для памяти, что при уничтожении внутренних пошлин, по городам и слободам сбиравшихся с предметов потребления, народ в Сибири обрадовался; он обрадовался, конечно, прекращению ненавистного вымогательства, которым лакомились сборщики. Сенат насчет сибирской торговли предварительно поставил 3 правила: а) недосматривать в Верхотурье товаров произведения или мастерства российского, идущих в Сибирь для потребления, и продавать их беспошлинно, в случае же отпуска за границу брать вместо пошлины тарифной по 5 % и внутренней по 13 %; б) не досматривать также в Верхотурье провозимых в Сибирь товаров, с которых взята в России пошлина тарифная и внутренняя, и беспошлинно выпускать их за границу из сибирских таможней; в) с привозимых из Китая или вообще из-за границы товаров брать в пограничной таможне обоюдную пошлину по 23 % и затем товары сии считать свободными везде в России, даже при отпуске в Европу. Сверх означенных правил, которыми восстановлялся торговый устав 1698 г., вероятно, утративший силу, в ноябре 1760 г. позволено всякому городу и купцу, не открывая своего имени, писать в комиссию коммерции обо всем, что будет им признано за полезное для преспеяния торговли. История не должна забывать, что, при суждениях об уничтожении внутренних пошлин, особенно подвизался, в Сенате и у Престола, генерал-фельдцейгмейстер граф Шувалов, в звании сенатора и генерал-адъютанта*.

Верхотурская таможня, как можно судить из буквального смысла 3-х правил, не только не отменена с уничтожением внутренних пошлин, но через 8 месяцев еще строго после того подтверждено о непровозе товаров чрез Екатеринбург. Итак, обе уральские таможни с своими заставами, при новом облегчительном порядке, оставались в прежнем действии; потому что не было таможенной линии, могущей ответствовать за невозможность беспошлинного заграничного провоза, не менее и потому, что в глазах Сибирского Приказа представлялась Верхотурская таможня благонадежною порукою за верность таможенных сборов (16).

Третья мера об отдаче Шемякину и Яковлеву таможенных сборов в России с Сибирью, на 10 лет, состоялась в марте 1762 года. Какими рассуждениями

Ему, как фельдцейгмейстеру, приписывается изобретение единорогов.

склонилось правительство к толь опасной мере, нам не известно. Оно, кажется, не предполагало того изворота, что, в последние годы откупа, легко будет откупщикам беспошлинно выписать огромные грузы и транспорты товаров, что никто им не воспретит пропускать запрещенные товары в оба направления, за границу и из-за границы, что скрытными мерами сего рода они подорвут государственную торговлю, подавят начальное развитие мануфактур и обсчитают доверчивость правительства в его доходах. Конечно, подобные опасения возникли в уме нового царствования, когда в 1763 г. сперва введен главный надзор над всеми таможенными сборами, потом при надзоре уничтожен откуп, и сборы возвращены в казенное управление, с наступлением 1764 года.

Четвертая мера, столь же благотворная, как и две первые, — отмена казенного в Пекин каравана, состоялась 31 июля 1762 года. В первые дни нового царствования блеснули новые идеи: признается за бесполезное перебивать торговлю у подданных, отдается им полная свобода в покупке и продаже заповедных статей, и уничтожаются грозные запрещения о непромене и непродаже за границу высокоценной рухляди, как то: камчатских бобров, якутских соболей, лисиц черных и т.п. Но при всех благотворных переменах, сибирская торговля пала в оцепенение оттого, что кяхтинские ворота заперлись на шесть лет, с 1762 до 1768 года.

Теперь приступим к изложению разных видов промышленности торговой, начав с промышленности морской.

2. К морской промышленности должно отнести те попытки, которые предначинал помянутый граф Шувалов по берегам Карского моря и двух губ, Обской и Газовской. Этот патриот и вместе откупщик, быв известен, что до учреждения Верхотурской дороги и таможни происходило водяное сообщение у жителей Архангельской губернии с Тазовскою губою, и также зная, что самоеды, питающиеся оленями и речными рыбами, не выходят на морские берега, полагал за полезное воспользоваться самими взморьями, как впусте лежавшими, и просил позволения кормщикам Архангельской промысловой конторы его строить по взморьям зимовья, не далее 25 в. от моря, для запасов хлебных и поклажи снастей, употребляемых при обработке ворванного сала из морских зверей*. В 1753 г. дозволено графу Шувалову желаемое право, но неизвестно, с каким успехом пользовалась его контора присвоением права на взморьях сибирских.

Около о. Белого, который шириною до 40 в., длиною до 60 и отстоит от берега на 35 в., промышляли рыбу и тюленей промышленники архангельские, а не сибирские. При устье р. Оби есть 3 островка, при устье р. Надыма столько же, и вдоль Обской губы 2, равномерно в Тазовской губе, при устьях рр. Пура и Таза 4; но ни жители березовские, ни туземные самоеды не думали на них основывать никаких промыслов.

Купа островов Л яховских, между 154° и 168° долготы лежащая, по всем вероятностям, издавна известна тунгусам и юкагирам, к концу IV периода была посеща-

* В 1804 г. чиновные сибиряки Куткины домогались, чрез сибирского генерал-губернатора Селифонтова, подобного права в Обской губе; но из опасения, чтобы не последовало стеснения пропитанию остяков и самоедов, последовал высочайший отказ чрез министра коммерции. В самом деле, в Обской губе при устье реч. Харасовой самоеды бьют моржей, а при других устьях — дельфинов, здесь называемых белугою.

ема артелью купца Ляхова, водворившегося в Усть-Я иске для звериных промыслов и добычи мамонтовых костей.

Без устюжан в Сибири не обойдется никакое дело. Купцы устюжские Иван Бахов и Никита Шалауров в 1755 г. просили позволения предпринять путешествие с Лены вокруг Чукотского угла до Камчатки. Сенат, одобрив их предприятие, не менее и потому, что недоконченное Камчатскою экспедицией будет довершено без казенных издержек, предписал губернатору Мятлеву содействовать купцам по возможности и требовал, чтоб они вели журнал плавания. Предприятие по смерти одного из товарищей сбылось чрез 7 лет, притом не с устья Лены*, а с устья Колымы. Шалауров в июле 1762 г. вышел в Ледовитое море к востоку и, по сказкам, окруженный льдами за Барановым Камнем, пытался пробиться сквозь них или остаться зимовать в одной бухте, но за недостатком леса и рыбы принужденно воротился к устью Колымы, где экипажам и построено зимовье, из двух изб и магазина состоявшее. Далее этого зимовья виднелась по берегу старая хижина капитан-лейтенанта Лаптева, а на горе стоял пирамидальный маяк в 25 ф. вышиною, с крестом, внизу которого подписано Шалауров, 1762 года**. Стало, что после первой неудачи Шалауров бродил по окрестностям, мечтал, унывал, искал утешения и заботился спасти свое имя во времени на древе жизни. Как бы то ни было, в 1764 г. Шалауров снова вышел в море, и об участи его разные носились вести. Одни, что судно его раздавлено льдами и выброшено на берег, а сам и экипаж погибли с голоду; другие, что в ту же осень видели судно его, носившееся около устья Колымы, и что хозяин с экипажем замерз в 30 верстах за Барановым Камнем. Но житель колымский Афан. Казимов сказывал Биллингсу, что около 1766 г. чукчи показывали в Анадырске образа русские и суконные камзолы, будто найденные на берегу Анадыря. Убит ли Шалауров чукчами, или замерз с своими спутниками, как рассказывал чукча Камакай г. Матюшкину***, только этот странник мира не обманулся в святом предчувствии и благовременно пригвоздил свою память и жизнь у подножия Креста Господня. Да, жизнь человеческая в тамошних широтах всегда есть жизнь крестная.

Мы уже видели в Анадырске соревновательный опыт морской промышленности, которая в добрый час начата нижнекамчатским сержантом Басовым. С тех пор порты камчатские и Охотский**** сделались верфью и гаванью морских предприятий.

3. Суда, на которых промышленники пускались в море, сперва строили небольшие, называемые шитиками, наконец, большие, несоразмерно высокие и в ходу тяжелые. Те и другие с их вооружением обходились складчикам очень дорого, потому что кроме леса все надлежало доставать издалека, из губернии, вино даже из Вятки, как условленось в Сенате с Юговым. Судовых служителей бывало на судах 30—70, из русских, из камчадалов, коряков и якутов.

Сенат, для ознакомления неученых наших мореходов с водами, прислал

* У Кокса без всякого основания оба плавания Шалаурова показаны с устья Лены.

** У Соура том I, гл. VII. Франц. издание Кастеры.

*** Во 2-й ч. *Путешествия* Врангелева на стр. 313.

****Несмотря на различие портов, Охотского и камчатских, под одним начальством состоявших, я называю морскую промышленность их камчатскою. В VI периоде можно будет воспользоваться записками о. Вениаминова об островах Алеутских.

карту, гидрографом Нагаевым составленную. Сибирские губернаторы, особенно Соймонов, и потом иркутские, предписывали канцеляриям приморским и управителю нижнекамчатскому оказывать мореходцам всякое законное вспоможение и садить на суда смотрителей (прикащиков) от казны, для описаний и сбора ясачного с островитян. По выходе груз оценивался в гавани, и десятина бралась в казну. С одного упомянутого Югова выговорена в Сенате 3-я доля из промыслов.

Богатства, на судах привозимые, состояли в голубых песцах, морских бобрах, называемых камчатскими (Enydris stelleri), выдрах, лисицах черно-бурых, сиводушчатых и красных, моржовых зубьях, китовых усах и морских котах. Берх, по ценам того времени, определял сумму всех грузов, начиная с 1745 до 1798 г., в девять миллионов рублей.

Суда, в течение первых лет, до 1756 г., ходили на острова Командорские сперва промышлять, пока не вывелись голубые песцы и бобры, потом зимовать, дабы оттуда следовать на другие острова. Всех судов, в продолжение 53 лет выстроенных в Камчатке и Охотске, было, по крайней мере, не менее числалет; некоторые из них делали по нескольку рейсов, другие же, не совершив первого рейса, разбивались. Хозяева судов были из числа купцов губерний: Иркутской, частию Тобольской, более Вологодской, частию Московской, Тульской, также из числа купцов Соликамских и, наконец, курских. Судоправители, или мореходы, выискивались из разных состояний, но лучшие из морских чинов. Мы вменяем себе в долг сказать имена тех и других, служивших отечеству открытиями островов или другими немаловажными оказательствами.

Тобольский крестьянин Неводчиков, прежде бывший серебренником в Устюге, потом служивший на боте Беринга, управляя судном Чебаевского и Чупрова, открыл в 1754 г. ближние острова, Ату и Семиши, казавшиеся Берингу призраками, и за открытие пожалован из крестьянина в подштурмана. В том же году архангелогородец Башмаков, которому вверено судно от московского купца Серебренникова, идучи к востоку, очутился среди оо. Лисьих, и разбил судно близ о. Умнака, который последовавшими мореходами описывается в окружности 200—300 верст. Купа сих островов названа Лисьими, по улову лисиц черных и сиводушчатых, которые, однако ж, за грубую шерсть не так ценны, какиндигирские. — Иркутский купец Н. Трапезников (прежде упомянутый), один из предприимчивых людей, пробыв в плавании 4 года, открыл большой остров Атху и в 1753 г. воротился с грузом. — Казак Пономарев, находившийся на судне московского купца Никифорова, промышлявшем 3 зимы подле Умнака и Уналашки, представил начальству карту 8 островов к С.-В. от Уналашки. — Судно иркутского купца Бечевина, **Гавриил,** превосходившее все прежние величиною и длиною по килю (в 62 ф.), вышло в море в 1760 г. и достигло полуострова Аляски, где зимовало дружно с туземцами, пока не возникли ссоры от буйства судовых служителей. — Селенгинский купец Андреян Толстых, в 1760 г. вышед из р. Камчатки, промышлял 3 зимы у о. Адаха в согласии с островитянами, взял с них ясак* и с помощию двух казаков пред-

* В последующее время думали, что наши открытели населенных островов будто увеличивали число островитян. Но правильнее думать, что число островитян убавилось со времени нашего знакомства.

ставил сведения об острове и о 5-ти смежных, прослывших после Андреяновскими. Императрица так была довольна донесением губернатора Чичерина о миролюбивом приобретении 6-ти островов, что приказала купцу Толстых возвратить 10-ю часть и казаков произвесть в звание сибирских дворян. Мещанин Глотов в 1763 г. первый достиг о. Кадьяка на судне Чебаевского и складчиков, и провел там зиму в осторожности и войне с туземцами. Штурман Потап Зайков, с 1772 г. вышед из Охотска на боте **Владимир,** принадлежавшем Орехову, Лапину и Шилову, промышлял у многих известных островов и, подвигаясь к В., в августе 1775-го остановился в проливе между о. Унимаком и Аляскою, в той же гавани, где прежде зимовал капитан Креницын. Здесь экипаж промышлял 3 года, как между тем штурман занимался описанием островов окружных и составлением общей карты, которая и познакомила мореходов с истинным положением Алеутской гряды. Замечательно, что Зайков поправил погрешность Креницына, положившего оо. Унимак и другие западнее 5°. Он в сентябре 1778-го возвратился в Охотск с грузом 300 000 р. оцениваемым, по таксе Американской компании в 1 603 588 р. С 1781 до 1789 г. подштурман Прибылов на судне **Георгий,** принадлежавшем Л ебедеву-Ласточкину и Шелехову, открыл, по уверению адмирала Сарычева, о-ва. Св. Павла и Георгия. В 1783-м мореходы и передовщики, по безнадежности промыслов при известных островах, согласились подчинить себя штурману Потапу Зайкову, чтобы он указал им новый путь к промышленности. Зайков, видевший в Камчатке карты Кука и слышавший от его спутников о проливе Виллиамове, отправился с судами к американскому берегу и достиг воображаемого места, ныне называемого Чугацким заливом. Промыслы шли удовлетворительно, как вдруг чугачи пустились нападать на промышленников и, не робея от ружейных выстрелов, принудили стрелами и дерзостию отступить к гряде Алеутской. В 1791 г. Лебедев-Ласточкин с компанией отпустил судно, в подкрепление двух прежних, к матерому берегу Америки, где около Чугацкого залива сделал водворения и уже отрядил артель, для разведывании, внутрь края. В это время, когда многие из промышленников-хозяев или разорились, или благоразумно уклонились от соперничества, или присоединились к полномочным, в это время образовались 3 товарищества: Лебедева-Ласточкина, Шелехова с Голиковым и Кеселева. Шелеховское, опасаясь борьбы и превозможения отлебедевского, успело в 1797 г. приобщить к себе дельного капиталиста Мыльникова с другими и, усиливаясь в связях, нашло в себе столько опытности и ума, что в июле 1799-го удостоилось испросить акт соединения частных товариществ в общую Российско-Американскую компанию. Соперничества кончились, кончились и разорения, разные, несвязные порывы соединились в одно намерение, и морская промышленность перестала быть лотереей.

Так протекло мимо Камчатки слишком 50 шумных лет! Как будто в это время не было там ни землетрясений, ни мора от оспы. Промышленность, то увлекаемая большими прибылями, то озабочиваемая уронами, заглушал а домашнюю скорбь страны. Сами камчадалы и коряки, среди которых свирепствовала оспа, осиротев в семействах или обессилев в способах продовольствия, бросались к промышленникам на суда, где труд и довольство, отвага и надежда не

давали места отчаянию. Глядя на камчатские порты того времени, нельзя не прельщаться кипевшею деятельностию столкнувшихся там соотечественников, которые, не уважая ни явных опасностей, ни испытываемых крушений, без страха и науки носились по безднам морским и, возвращаясь с богатыми грузами, в преданности повергали к стопам благополучной монархии добычи драгоценнейшие. Екатериналюбовалась, конечно, не приношениями, но доблестью духа русского; смышленостию простодушных подданных. Она в 1767 г. желала видеть лично кого-нибудь из среды двигателей промышленности и видела устюжского купца Шилова. Любопытная обладательница Севера расспрашивала о способах промышленности, об открытиях, об островитянах и жаловала его, как жаловала и прежде и после достойнейших предпринимателей, медалями в петлицу на голубой ленте. Эти медали, сохраняясь в семействах за святыню, продолжают царствование Екатерины в сокровенностях потомства.

Но спрашивают: от этой морской промышленности сделался ли богаче, счастливее северо-восток Сибири? Исчислено ли Верхом, прилежным счетчиком промыслов и ценностей промысловых, исчислено ли, сколько погибло людей при крушениях судов, сколько умерщвлено раздельных артелей алеутами на дальних промыслах, сколько перестреляно самих алеутов и сколько пало наших при открытых сшибках? Не трудно отвечать на первое, что обогащения промысловые принадлежат капиталам и предпринимателям, как собственным двигателям, а не местам или гаваням; что Камчатка была не целью, а первою, так сказать, верстою морских путей к промышленности; следственно, увенчание трудов, как и потеря их, относятся к своим началам. На второе, что если при производствах на суше люди лишаются жизни, разумно ли винить кого-либо, когда в предприятиях морских выпадают траты людей, добровольно пустившихся на путь отважных трудов? Нужно ли считать жертвы там, где справедливее измерять важность событий? Взвесьте открытия географические, взвесьте приобретения островов, полуостровов и берегов Америки! У Басова и его последователей до Шелехова стояли на первом плане бобры, но посмотрите, что у правительства стоит на плане первенствующем? Стяжание Берингова моря с поморьями, стяжание в математическом, гидрографическом и политическом отношении. Нет державы, которая могла бы оспоривать наше право открытия островов Курильских, Алеутских и берега американского, с ш. 66°дош. 54°, потому что на землю этого пространства прежде всякого европейца вступили: Гвоздев, Беринг и Чириков.

Не повторяя здесь о промыслах курильских, мы не знаем, что сказать об островах: Медвежьем, Феклистовом и 3-х Шантарских, которым собеседуют еще 2 островка. Мы знаем, что на некоторых из них есть леса, звери немалоценные, в водах есть рыба, тюлени, киты; знаем, что есть там заливы и Лебяжья губа, способная для отстоя судов, и что наши прибережные жители производят на островах сухопутно-звериную ловлю. Сим обозрением и оканчивается статья морской промышленности, пока капитан Станюкович, спутник искусного капитана Литке, не издаст своего осмотра островов Шантарских.

Вот как далеко, за пределы своего времени, увлеклись мы желанием высказать историю морской промышленности!

4. С чукчами — с племенем воинственным, свободолюбивым и не терпящим обмана в променах, мы вели сухопутно-пограничный торг, в известное время года, на реч. Ангарке, справа падающей в Большой Анюй*. Ярмарки всегда происходили в присутствии комиссара, обеспечивающего русских торгашей пушкою, воинскими запасами и приличным числом казаков — таких же торгашей. Чукчи привозили оленью одежду, моржовые зубы, китовые усы, росомах, разноцветных лисиц и куниц, получаемых с берега американского; они выменивали у нас табак, топоры, пилы, ножи, копья, корольки и т.п. вещи. Замечено, что чукчи, если видели в комиссаре человека беспристрастного, съезжались в следующем году на ярмарку в большем числе. Человека два из комиссаров бывали их любимцами. Честность бросается в глаза этим дикарям. Если бы с первого нашего знакомства с чукчами ряд комиссаров постоянно преемствовал в честности, как и в должности, вероятно, добрая соседняя свычка могла бы давно привлечь непокорное племя в подданство русское.

5. Торг Даурский, трактатом 1728г. установленный в Цурухайтуе нар. Аргуни, бывает единовременно в июле, т.е. в такое время, когда команды из Науна и Мергена прикочевывают к Аргуни для осмотра границы и привозят с собою на обмен ткани бумажные и шелковые, кирпичный чай и прочие потребности. С нашей стороны, по недостатку местных посадских, приезжают туда некоторые из купцов города Нерчинска и заводские торгаши. В первые три десятилетия ярмарка Цурухайтуйская представляла немалые выгоды, но впоследствии привозные статьи оскудели и в качестве понизились. Чему приписывать падение Даурского торга? Взаимной ли скудости обоюдных соседей или обдуманной холодности маньчжу-китайского правления, исстари не любящего растворять разные ворота в свое государство**, тому горделивому эгоизму, что поднебесное государство, независимо от соседей, изобилует всеми дарами жизни.

6. Две торговые слободы: Кяхта и Маймачины, населяемые купцами и прикащиками обеих империй, суть единственные двигатели российско-китайской торговли. После последнего казенного каравана, в 1755 г. в Пекине снаряженного, эта торговля упала на руки купечества, чему и надлежало последовать.

Кяхтинский меновный торг производится на основании упомянутого трактата, при котором уложена мнимопостоянная такса одним китайским товарам, напр., месту чая байхового 60р., месту цветочного — вдвое, тюню китайки — 15 и так далее, а в цене российских товаров предоставлено обеим сторонам торговаться по-купечески. Нечего говорить о странности вечной нормы для китайских товаров, когда она, как шутка, опровергается свободным оцениванием наших статей. Может быть, стоило бы сказать, чей торг в то время шел выгод-

* Ныне ярмарка бывает чрез два года в укр. Островном, на правой стороне Анюя, недалеко от скалы Оброма, стоящей в ш. 68° ОГ, вост. долготы 181° 42'.

** В царствование императора Павла, по соображениям тогдашнего министра коммерции князя Гагарина, основывавшимися на неплюевских предсказаниях, открыта в Бухтарме таможня; но мена, производимая одними маньчжурскими чиновниками, всегда была так маловажна, что штатные расходы таможни не покрывались доходами. Здесь не место говорить об усилиях, какие употреблялись для расширения торга, в управление министра коммерции графа Румянцева. Наконец, в 1839 г. Бухтарминская таможня закрыта.

нее: русский или китайский? Разумеется, китайский: потому что ел. Маймачинская, состоя из нескольких торговых товариществ, между собою условившихся, успевала понижать наши цены, не поддерживаемые равномерным соглашением. Наши купцы, тогда маломочные, пользуясьдешевизною кормов и продовольствия, лично и порознь привозили свои товары в Кяхту, во всякое время, и без совещания променивали китайцам, по соображению цен своей покупки с гадательною ценою продажи вымениваемого товара. Этим торгом снискивался только хлеб насущный. С такою ж безрасчетностию с нашей стороны шел и валовый торг, тогда производившийся с сентября до марта. Нередко также страдал наш торг от внезапных, своевольных прекращений, со стороны китайского управления, по случайностям маловажным, которые нарочно были преувеличиваемы, в Урге или в трибунале, по азиатскому коварству или чванству (17). Закулисная пружина таких коловратностей скрывалась в своенравном и властолюбивом характере богдохана Кян-луна, гордившегося разрушением Чжунгарии и овладением Туркестана, также Тибета. Студенты наши заметили в своих тетрадях, что невыгодность торговых разрывов была чувствована в самом Пекине (между 1763 и 1780гг.) министрами, придворными и богачами, любящими употреблять сибирские меха и камчатских бобров. Не обвиняя за случайности, служившие поводом к разрывам, ни купечества, ни местного начальства, не могшего усмотреть всех мелочей, мы удивляемся тому, что при возобновлении коммерц-коллегии торгтоль важный остался без начертания правил и обязанностей, для торгующих на Кяхте. Впрочем, торг сей, как ни безвыгодно шел для частных лиц, был довольно благотворен для Сибири, в двух отношениях: а) что от заграничного сбыта излишней мягкой рухляди оживлялись руки звероловных орд; б) что от прохода купеческих кладей на государственные ярмарки жители придорожных селений довольствовались платами за хлеб-соль и кормы. Ибо в Кях-тинском торге вмещалась мягкая рухлядь не одной Иркутской губернии и даже не одной Сибири, как усмотрим из наименований отпуска, — равномерно известно и то, что не все количество пушных товаров променивалось на Кяхте. Много рухляди отправлялось из Ирбита, Макарьева или Москвы в Немецию и Турцию.

Из Кяхты отпускались в Китай: кожи юфтевые и козловые, белка-зырянка (чердынская), иртышская, обская и других сибирских пород; бобры речные, камчатские, или морские, соболи, лисицы, выдры и пр., сукна иностранные в небольшом тогда числе, моржан или кораллы, кость моржовая и Мамонтова, рога и пр. Выменивались из Маймачин: китайки, дабы, камки или голи, фанзы, канфы, посуда ценинная, чай черный и зеленый, сахар-леденец, фрукты, в сахаре приготовленные, шелк сученый, тушь, тонкая бумага, духи, игрушки и разные художественные безделки; но покупка ревеня принадлежала исключительно казне. Сумма отпуска по объявленным ценам в лучший год, каков был 1759-й, простиралась не свыше 718 000 руб., следственно, и сумма привоза должна бы с нею равняться, но, по таможенным итогам того времени, последняя сумма всегда показывалась менее, до 1780 года*. Пошлинный доход восходил до 240 000 руб. и взимался, как прежде было замечено, по торго-

* Ни кредита, ни векселей заграничных не было, отчего ж привоз показывался менее против отпуска!

вому уставу 7207 / 1698 г. до 1761 года, а с сего времени до 1800-го — по тарифу помянутого 1761-го. Самая продолжительность тарифных учреждений изобличает страну и ея торговлю не в энергии, а в сонном коснении.

7. Против кр. Усть-Каменогорской, полевой стороне Иртыша до Омска, начали с 1758 г., по опустошении Чжунгарии, распространяться кочевья киргиз-кайсацких волостей, в скотоводстве зажиточных, что и было не бесполезно для нашей жилой границы. Между водворяющимися соседями и крепостными жителями завязалась мена; к тому ж не замедлили подходить к крепости для торга ташкенцы, кашкарцы и другие бухарцы (из Малой Бухарин), с своими и китайскими товарами. Часть их расходилась в Усть-Каменной, а более — в кр. Семипалатной, где с 1754г. существовал меновный двор и таможня, следственно, было кой-какое купечество. Капитан Андреев, служащий указателем по части иртышской торговли, не сказал ни о количестве променов в Усть-Каменной, ни о сборе таможенном.

В Семипалатной киргизы предлагали для мены: овец, лошадей, быков, коров, овчины, мерлушки, армяки из шерсти верблюжьей, войлоки, называемые полстями. От вышепоименованных торговцев получались: бязи, дабы, халаты, занавески, бумага пряденая и в охлопках, шкуры рысьи, барсовые, волчьи, лисьи, куньи, мерлушки, сарацынское пшено, плоды, китайские шелковые ткани. Отпуск российский состоял в разном хлебе, зерном и мукою, в вине, в чугунных и железных поделках, котлах, таганах, капканах, в кожах черных и красных, сукнах недорогой цены и пр.

Таможенный в Семипалатной доход, по определению директора и прочих чинов, постепенно увеличивался: 90 р. в 1754 г., 221 в 1759-м, 330 в 1760-м, 1467 в 1764-м, 4003 в 1769-м и несколькими сотнями выше — в 1784-м. Разумея пошлинный сбор десятою долею цены товарной, не стоит труда узнать валовую ценность торгов в упомянутые годы.

При кр. Ямышевской пограничный торг возобновился тотчас после примирения, в 1720 г. Лихаревым восстановленного и продолжавшегося до 1784-го. К Ямышеву приезжали чжунгары торговые, бухарцы и другие азиатцы с лошадьми, с яркенскими тканями, с ревенем копытчатым и другими статьями; оттуда они проезжали на ярмарку Ирбитскую, как видно из указа 1744 г., повелевающего сделать особливое клеймо для таможни Ямышевской. По соображениям, торгу тут надлежало быть немалому, но итоги его остались безгласными, до определения директора и таможенных чинов в 1754 году. С сего времени торговля ямышевская начинала мяться по известным обстоятельствам Чжунгарии и потому еще, что переходила на другие места. Таможенного дохода было: 125р. в 1754г., 394 в 1755-м, 894 в 1756-м,635 в 1757-м, 433 в 1758-м, 504 в 1759-м, 739 в 1760-м, 712 в 1761-м, 962 в 1762-м, 399 в 1763-м, 497 в 1764-м, 496 в 1765-м, а в следующих годах доход падает на 200, на 100 р. и менее. Всего доходас 1754 до 1784 г. выходит9507 р., следственно, весь торг 30 лет представляет движение ста тысяч рублей. Положим эту сумму серебром, а не бумажною монетою, которой тогда не существовало, и все-таки пограничный край того времени представляется скудным.

В кр. Железинской мена установлена в 1764 г.,дляприласкания прикосновенных киргизов. Таможенный доход в 18 лет, начиная с 1764-го до 1784 г., составил не более 518р., или, иначе, торг 18-летний заключался в 6000 р. серебром.

В кр. Омской таможенный сбор производился под смотрением местного начальства и доходил иногда до 500 р.

8. В кр. Петропавловской торг начался с 1759 г. и ничего не значил до 1766-го. С этого года торг усилился от значительного промена лошадей, быков, баранов широкохвостых, овчин и мерлушек. Киргизы на обмен получали котлы, вертелы, огнива, иглы, сукна, платки, позументы, разные ткани, нитки, с выгодою для сибиряков. Сверх того, приходили сюда караваны из Ташкента и Бухарин с такими же товарами, какие привозились в Семипалатную. Таможни еще не было.

В кр. Пресногорьковской, которая устроена между двух озер, пресного и горького, заведен также меновный двор, и торг начался с 1766 г., для привлечения и ознакомления ордынцев с порядком общежития.

Таков начин пограничносухопутной торговли в IV периоде*. Он и не мог быть важнее, потому что толща торговли склонялась к Оренбургу, как и прежде замечено. В Оренбурге пошлинный сбор давал следующие суммы: 4182 р. в 1743 г., 16 690 в 1748-м, 44 189 в 1749-м, 52 507 в 1750-м, 85 124 в 1751-м, 73 233 в 1752-м, 50 362 в 1754-м. После сборы там упали.

9. В такую же меру, как велика или мала торговая промышленность, являются и искусства. Перечень сибирских искусств не может быть нелюбопытен, но не надобно ожидать чего-либо важного там, где не умели даже печь хлеба.

10. Каменные церкви, во дни человеколюбивого времени, были созидаемы: в Екатеринбурге Святодуховская в 1754 г., соборная Екатерининская в 1758-м, — в Верхотурье Покровская, заложенная в 1744-м и освященная в 1753-м, —другая, двуэтажная, начатая в 1753-м заводчиком Походяшиным во имя Св. Варвары и Св. Иоанна Предтечи, — в Туринске Сретенская, заложенная 1745-м, конченная 1751-м,— в Тюмени Успенская, окончательно достроенная в 1765-м, —в Тобольске — зимний при архиерейском доме собор, перестроенный в 1745-м, Никольская на горе заложена в том же году, Богородицерождественская, на горе ж, в 1751-м, Златоустовский придел при летнем соборе, Междугорская Предтеченская в том же году, Сретенская, под горою, в 1757-м, Захарьевская в 1760-м и Покровская в 1763-м,— в Енисейске Спасский муж. монастырь в 1742-м, Вознесенская, вместо деревянной, в 1750-м, иждивением купца Тюшева, — в.Иркутске Знаменского девичьего монастыря, начатая иждивением купца Бечевина и за его смертию конченная в 1760-м, церковь Устюжских Чудотворцев в 1748-м иждивением купца Глазунова, Тихвинская, начатая в 1754-м помянутым Бечевиным и освященная в 1759-м, Крестовоздвиженская, начатая в 1758-м купцом Щербаковым и не скоро конченная, с узорною готическою щекатуркой. Сверх того нет храма преждесозданного, в котором бы не был приделан или освящен новый престол в течение IV периода.

* Выставим для сравнения торга тех же мест в 1 837 году:

	Отпуск	Привоз
Т. Троицко-Савская	8095314 р.	Столько же
З. Усть-Каменогорская	68927	39464
Т. Семипалатинская	916714	641 877
З. Омская	65990	47050
Т. Петропавловская	2531467	4204 196
З. Пресногорьковская	62634	87791

Томск, Тара* и даже Тюмень, смущаемые духом старообрядства, не участвовали в славе церковного зодчества; но зато дух камчатской морской промышленности, как видно из помянутых имен, дышит в основаниях многих храмов. Предложив соотчичам перечень богоугодного зодчества, которое около 1760 г. становилось понаряднее, мы надеемся тем воззвать их к назидательному воспоминанию деятельной веры их праотцев. Придет, может быть, время, когда и сибиряк станет глумиться подземельным храмам, иссеченным в берегах Египта, в Элоре или на островах Салсетте и Элефантине; но в духе страны мы думаем, что наши кирпичные храмы, упирающиеся в небо крестами, — храмы, в которых возносится к Триединому нелицемерная молитва и сердечное славословие, будут до скончания времени превосходнее древних рукотворений, сколь ни дивны их работы.

11. Посмотрим, где оказались ранние, так сказать, ростки рукодельности. В Исетском дистрикте явились на реч. Юзе и Духовке два завода стеклодельных, как прародители размножающихся доныне около р. Исети. Там же, на Бозкеке, шляпная фабрика. В Ялуторовском дистрикте на реч. Рогалихе, в Тобол падающей, завелась в 1751 г. у купцов Медведевых фабрика для писчей бумаги. В 1764 г. нар. Уке построен Походяшиным винокуренный завод. Верхотурского уезда в сл. Нижненевьянской, при конце периода, основалась ткацкая парусинного полотна при ключе, где после была винокурня**. Близ Туринска на р. Табаринке и Жилиной в 1760 г. заведена другая фабрика для писчей бумаги, продолжающаяся доныне. В Тобольском уезде, на реч. Ремзянке, основана купцом Корнильевым фабрика стеклодельная, с 45-ю покупных к фабрике рабочих, сверх которых воспрещено 5 ноября 1753г. прикупать людей. В имении духовном, на реч. Серебрянке, была крупчатка архиерейского дома***. На той же речке, ближе к Междугорскому монастырю, ходила пильная мельница, и горела печь стеклодельная; пламя и движение пил затихли, ныне одна прелесть уединения там почивает. В самом Тобольске, пониже Захарьевской церкви и рыбных рядов, была построена Ф. И. Соймоновым конная лесопильня, на которой действие 3-х пил производилось силою 6-ти лошадей. В Томске при конце периода заведена рукодельня для делания выбойки. В 1747 г. на выгоне Иркутска, полевую сторону Ангары, заведены посадским Прокофьевым две небольшие фабрики: стеклодельная и шелкоткацкая, на одной делалась посуда зеленого стекла, на другой ткались платки и кушаки, подобно как в Тюмени в то же время делались по разным домам кушаки из китайского же шелка. Замечательно, что мастерство фабричное издавна развивалось руками раскольниц, и другой такой пример виден в селе Каменке, где старообрядки также ткали ковры из верблюжьей и другой шерсти. Не оттого ли это досужество, что у них не бывает шумных вечеринок и резвых игрищ? Не удостоверяя, что будто только

* Павел Митрополит грамотою 1763 года 17 марта предлагал городу Таре восстановить дна рушившиеся монастыря, муж. и дев.; но ничего не последовало, по холодности ли его с губернатором Чичериным, или. что такая форма сношений с городами не приличествовал а беспосредственному письмоводству. Грамота, впрочем, благоразумно написанная, хранится в Софийской ризнице.

** В той же слободе, в начале XIX века, заведена купцами Зеленцовыми полотняная фабрика, на которой ткали столовое белье, платки, пестрели на мещанскую руку. Фабрика рушилась около 1818г.

*** Шапп жаловался на Тобольск, и не на один Тобольск, зато, что нельзя было на рынке купить хлеба, хорошо испеченного, и хвалил одну пекарню дома архиерейского. Француз прав.

и было заведений по всем городам обширной Сибири, сколько по дошедшим сведениям нами показано, мы склоняемся к той мысли, что их было бы более, если бы предприятия частные не сталкивались с бесчисленными преградами. В эпоху описываемого периода недостаток капиталов и недостаток рук дельных были главными препятствиями для начинаний, сколько-нибудь значащих.

При конце VI и последнего периода, будучи верны принятому долгу, мы не скроем удивления, насчет сибирского замедления в искусствах, и с тем вместе не оставим пояснить препятствовавшие тому обстоятельства; а теперь обратимся к истории важнейшего искусства, которого поприще столь же обширно, сколь обширны хребты гор, Сибирь опоясывающие.

Глава VIII
продолжение ИСТОРИИ ИСКУССТВА ГОРНОГО

1. Идея Урала. 2. ЗАВОДЫ по Уралу Южному. *3.* По Уралу Среднему — золотые **промыслы с другими заведениями. 4. ЗАВОДЫ прочие. 5. По провинции Кятской.** 6. Окончание о Шемберге. 7. Еще слово об Урале. 8. По Алтаю. 9. По Енисею. 10. Далее. 11. По Аргуни.

Опять бросаем мы свой взор на твою толщу, Княспавдинский Камень*, толщу, в июне все еще отсвечивающую желтовидными снегами для жителей завода Богословского, — опять подступаем к твоей подошве, гора Магнитная, между рр. Уралом и Гумбоем высящаяся! Мы подступаем к вам мысленно не для того, чтобы измерять ваши исполинские объемы или восхищаться дикообразными красотами, но чтобы взглянуть на работы и заведения горные, устроенные на пространстве, лежащем между вашими рубежами. Наше намерение то, чтобы слегка осмотреть: а) заводы Южного и Среднего Урала; б) работы колыванские; в) нерчинские и инде рассеянные. Труды, какие человек производил на земле и под землею, как исторические труды искусства, достойны памяти потомственной.

1. Урал, продолжающийся к северу, даже в Ледовитом море под именем Новой Земли, к югу — под именем Среднего, или Джамбу-Карагая, с разветвлением двух побочных хребтов, и оканчивающийся в степи к юго-западу Муготжарским (Маджарским) хребтом, распространяет свои рудные клады к востоку не далее 50-ти верст, к западу же — на дальние расстояния, и возвышается над океаном от 125 до 759 саж., в средней же вышине, выведенной г. Терлецким из 28 данных, определяется в 284 сажени**.

* Здесь подразумевается та громада, которая на подробной карте России ошибочно названа: гора Князь-Иавдинская. Она видима из з. Богословского, за озерами Княспинскими.

** Определение высот уральских взято из *Горн. журн.* 1831 г. Посмотрим, кстати, как другие путешественники говорили о вышине Урала. Известный наш Избранд Идее поднимает Урал на 250()тоазов, почти до $4^1/_2$ верст. Это походит на старую сказку, какую в старину летописцы рассказывали о вышине Югорского Камня и о чудных людях, прорубающих его, чтобы свидеться с пришельцами западными. Страленберг, военнопленный швед, не лучше Избранд Идеса говорил, что Сибирь выше всех европейских стран, и что за Уралом, сдучи к востоку, более поднимаешься, чем опускаешься. Гмелин барометрически измерял

Урал в нашем *Обозрении* делится на Северный, Средний и Южный. Самые большие возвышенности виднеются на Южном и Богословском Урале. Наше деление Урала подразумевается в тех же линиях широты, под которыми разделена Сибирь на три полосы, кроме линии южно-средней, заменяемой другою мысленною, проходящею между водных систем Уфы и Чусовой. В царстве горных пород надлежало бы, конечно, желать других линий разграничения, но Урал, бесконечно разнообразный в подробностях и довольно единообразный в сущности, воздвигнут на свою высоту по чертежу, не зависимому от наших метод. Граниты и порфиры, приподнимая Урал в несколько приемов, разломали горные породы его. Под именем порфиров разумеются змеевик и зеленый камень (диабаз, диорит и афанит) с прочими их изменениями. Пойдем с севера.

Образовательность* Новой Земли признается за продолжаемую образовательность Урала, как было нами замечено в первой книге. По восточной покатости Новоземельского хребта, который в обыкновенной вышине над морем разлегся на 300 футов**, преимущественно выказывается сланец глинистый, а на противоположной стороне первенствует тальковый, с переслойкою первого. Между обоими сланцами встречается известняк серого цвета, а черный известняк, лежащий на самой поверхности пуддинга, из сланцевых отломков состоящего, наполнен органическими остатками. Образовательность эта прорвана в нескольких местах породами плутоническими: авгитовым порфиром, инде миндальным камнем.

Сухопутно-Северный Урал, за исключением пространства, Горною Экспедицией пройденного за Тольинское зимовье (как изъяснено нами в пополнении полосы северной), хотя с строгостию геогностическою не исследован, предъявляет сходство с Богословским,

вышину Урала в д. Кырьеи,однакож, не вывел последнего результата. Шапп из той же деревни поднимался с барометром на верх Камня, конечно Павдинского, после него через 6 лет горевшего. Он определил вышину его в 471, да площадь, на которой стоит гора, во 150 тоаз., что и составило бы 429 русских саж., выше океана. Вообще, по Шаппу, самые высокие горы Урала в 429, а меньшие — в 222 саж. Меран, основываясь на какой-то географии Целлария, трубил, что горы Уральские всегда покрыты снегом, и Шапп ехал в Сибирь с этим предубеждением. Гумбольдт, прошу припомнить, определял вышину Урала в 550—733 саж. Измерения Шапповы, несмотря на неверность большую или меньшую, имели в свое время важную заслугу, потому что они клонились к решению физического вопроса: повышается ли кряж земли за Уралом, и сибирская стужа происходит ли от повышения кряжа, как тогда во Франции полагали. Шапп решил отрицательно, а Гумбольдт, в наше время, пользуясь идеею Гердера, пространно изъяснил причины тепла и стужи.

Здесь прилично выставить барометрические измерения Терлецкого, в пополнение к прежним (см. *Горн, жури.,* 1842, № 10):

Павдинский Камень, близ д. Кырьи	3690 ф.
Хребет Кваркут 5280	
Конжаковский Камень	3999
Качканар м. г. 3559	
Переезд чрез Уральский кряж в 4 в.	
отз. Билимбаевского 1336	

* Formation, в горных книгах говорится **формация;** но в слоге историческом, кажется, приличнее обрусить это слово. Образовательность, может быть, еще нужно заметить, означает, по Гумбольдту, систему минеральных толщей, в один период происшедших, несмотря на великие расстояния мест; по выражению же Ели де Бомона, она значит совокупность пластов, составившихся в промежуток времени между двух главных переворотов.

** Есть 3 или 4 пика, из коих самый высший поднимается до 4000 ф.

откуда у нас начинается Урал Средний. Тут преобладает диабаз, переходный известняк, а в северной части протогин, видоизменяющийся. В Гороблагодатском Урале сланцы: тальковый, хлоритовый, глинистый и порфир авгитовый. В Екатеринбургском господствуют, сверх диорита и змеевика, сланцы: тальковый, хлоритовый, и им подчиняются глинистый и слюдяной. К подчиненным также породам здесь принадлежат известняк и кварц, из которых первый переходит в мрамор и доломит.

В Южном Урале, начинающемся с Соймоновских рудников, первенствует сланец слюдяной, который в сближении с диоритовыми и сиенитовыми жилами, как с породами плутоническими, переходит в сланец хлоритовый. Гранит, гранитогнейс и кварц сильно выражаются в горах тамошнего Урала, равно как удерживают свое место, особливо на западе, переходные породы: глинистый сланец, серая вакка, черный и серый известняк, а на востоке — глинистый сланец с тальком. Тут целая аристократия пород.

Прибавим к тому, со слов г. Нельмерсена, о граните и магнитном железняке. Гранитный кряж, начиная с гор Мугоджарских, везде выказывается по восточной стороне и тянется прямою чертою чрез Степную, Миасск, Екатеринбург, Кушву, Верхотурье, и, если от пределов ведомства Богословского гранит сменяется диабазом, так на западной стороне опять он появляется, по отрогам Чердынского уезда в оснований горных пород, и обнаруживается не только в гребнях Улсуйского и Вишерского отметов, но и в самом кряже, который всегда белеет снежным, говоря без чинов, плюмажем. Почему, едвали несправедливо, один геогност почитает гранит за основную породу Урала, не везде выступившую надневную поверхность по пересилию порфиров. В параллель гранитному кряжу исполински выступает магнитный железняк на восточной стороне гор, в области зеленых камней и зеленокаменных порфиров. Торжественные выставки его суть магнитные горы, поименованные в первой нашей книге.

В этом сжатом очерке горных пород, осадочных и кристаллических, то господствующих, то подчиняющихся, то перепслоивающихся или на время скрывающихся, хотелось изобразить идею волканического Урала. Г. Соколов видит в составе Урала троякую образовательность, но, устраняясь от излишнего, мы упоминаем вскользь о разных мнениях насчет западно-уральской горной почвы. Один думает, что на значительном от Урала расстоянии залегает железистая глина, на которой основаны флецовые горы медистого песчаника, состоящего из зерн полевого шпата, кварца и слюды, что тамошние железные и медные руды не более как крупицы, по-видимому, отделившиеся от восточно-уральских сокровищ и туда отнесенные во время переворота. Другой считает помянутую почву каменноугольною, третий — красным песчаником, четвертый —древним песчаником. Наконец, нашелся геогност, который, испытывая проблематическую почву в некоторых заводских дачах, заключает, что пласты медистого песчаника лежат на соляной или гипсовой постели, начинающейся от Илецкой каменной соли и продолжающейся к северу за Чусовую*. Как не наше дело и не наш долг полагать решения о толь ученых мнениях, то и остается приступить к

* Обозрение Урала Мурчисоном, английским геологом, в 1841 г. сделанное, будет предложено в 3-й книге, вместе с его выводами об Урале и о проблематической почве.

историческому описанию заводов, явившихся по Уралу в нашем IV времени. Из этого видно, что, дорожа своим уроком, мы не чаровали читателя представлением грозного величия сопок или гор живописных, на западе Южного Урала красующихся; что не удивляли его редкими зрелищами, каковы, напр., волнующиеся на горах озера, по Ильменскому, Екатеринбургскому и Косьвинскому Уралу; что не думали показывать читателю пещер, какие на юге и на севере бывали воздвигнуты зодчествующею природою в известковых горах и ея же манией обрушены или обрушаются.

2. Заводы здешние сперва заведывались Оренбургскою губернскою канцелярией, потом, с 1754 года, оренбургским горным начальством под ведением **канцелярии главного управления заводов,** пребывавшей в Екатеринбурге.

Табынский солеваренный завод, в 90 верстах от Уфы, заведен прежде 1735 г., и это был первый памятник, которым одолжена южно-уральская минеральная промышленность балахонскому купцу Утятникову. Первый медеплавиленный Шильинской завод основан, среди Башкирского бунта, в 1736 г. Красильниковым, в 40 в. от Мензелинска. Есть положение, что каждый рудоносный кряж имеет металлопроизводительную породу, одну или более: и если, по словам г. Соколова, в Уральских горах металлоносную породу составляет зеленый камень с авгитовым порфиром, после гранит, потом диорит с змеевиком и траппом, то читатель, при нашем описании заводов, заимствованном у Германа, может в своей мысли поверять теорему учителя нашей геогнозии. Относительно Шильинского завода он, за неимением собственных руд, пользовался из постороннего рудника, лежащего в горах по реч. Заю и геогностически неописанного. Леса при заводе, кроме сосновых и других, есть также дубовые и ореховые. Воскресенский медепл. заведен в 1745 г. Твердышевым и Мясниковым на реч. Торе, в 170 в. от Уфы. Лесов множество, и притом разнородных, между которыми есть кленовые, ильмовые, собственно дубовые, осокоревые, липовые, осиновые, березовые, ольховые, но нет сосновых и еловых. Рудники лежат в равнинах, увалах и горах. Окольные горы состоят из каменных и песчаных пород, покрытых черною или красноватою землею. Рудная матка* состоит из жил рудных, иногда из тонкокоротких каменистых жилочек; руды добываются каменисто-песчаные, более сланцевые, с помазкою медной зелени. Гнезда и слои рудные простираются на 5—20 и 36 ар., толщиною до 1½, редко — до 2½ ар., притом с частыми пресечениями. Жилы рудные, каменистые, песчаные и сланцевые, толщиною от 2 верш, до 1½ар., также часто пересекаются и вглубь уходят на 15—70 ар. Преображенский медепл. построен теми же заводчиками в 1750 г. на реч. Тжелаире, в 200 в. от Оренбурга. Леса, кроме описанных в предыдущем заводе, есть также сосновые и еловые. Рудники лежат в ровных и гористых местах. Горы рудоносные состоят из песчаника серого, красноватого и белого, иные — из темно-красноватого и беловатого вапа (отверделой глины). Рудная порода есть твердый черноватый камень с прожилками медной зелени. Руды каменные с прожилками, песчаные, валовые, черепковые и сланцевые попадаются в камнях сером, красноватом и зеленоватом. Рудные пласты и жилы не более в толщину 10 верш., в ширину 20 ар., уходят вглубь на 3—50—

* Рудная матка то же, что масса жильная или порода жильная.

65 ар., при сопровождении разных пород, каменных, песчаных и сланцевых; но пространство и протяжение рудных направлений не определено, потому что работы продолжаются в старинных ордынских копях. Каноникольский медепл. в 1751 г. заведен туляком Масаловым нареч. Канаеве, падающей в Белую, в 360 в. от Уфы. Леса сосновые, березовые, осиновые и лиственничные. Рудники лежат в равнинах и горах. Горы рудоносные состоят из окреплой глины, песчаника, а под ними красная песчаная и валовая глина. Масса рудная есть темносерый и синий камень средственной твердости. Руды попадаются жилами и гнездами. Гнезда и пласты не более 5 ар., протяжение 20—50 саж., толщина руд не более 2 ар., вглубь уходят на 3—20 саж. и сопровождаются разноцветным песчаником и вапом. Иштеряковский медепл. в 1751 г. заведен купцом Иноземцевым на реч. Бакряшке, в 50 в. от Мензелинска. Леса березовые, осиновые, липовые, дубовые. Рудная матка состоит из песчаных и слоистых руд с мелкими прожилками. Руды попадаются гнездами и слоями, шириною 20—50, длиною 50—200 саж., не толще аршина, углубляются на 2—4 ар., сопровождаются песчаные песком и снизу вапом, слоистые — черным флацем, снизу белым камнем, вапом и глиною. Богоявленский медепл. в 1752 г. заведен Твердышевым и товарищем на реч. Усолке, в 100 в. от Уфы. Леса известные. Рудники общие с зав. Воскресенским и Архангельским. Архангельский медепл. в 1753 г. заведен теми же заводчиками на реч. Аксуне, в 70 в. от Уфы, с водворением крестьян. Рудники, в том числе и старинные копи, находятся в неблизких расстояниях от завода, то в степных равнинах, то в горах. Леса тех же пород, какие описаны по предыдущим заводам, кроме сосны и ели. Жильная порода состоит из крепкого черноцветного камня с зелеными прослойками. Руды каменные с прожилками, песчаные, валовые, черепковые и шиферные, попадаются в сером, красноватом и зеленоватом камне. Целого рудного положения еще не открыто.

Пласты и жилы толщиною до 10 верш., шириною 3—20 ар., вглубь уходят на 3—50—75 ар., и сопровождаются песчаными и шиферными породами. Верхнетроицкий и Нижнетроицкий, оба медепл., построены Осокиным нареч. Кидаше, в 5 в. один от другого, в 150-ти от Уфы; первый построен в 1754-м, другой в 1760 г. Леса березовые, осиновые, липовые. Руды находятся в сером и синем песках, лежащих местами на красном камне, и часто пересекаются. Толщина руд до 3 ар., углубление их на 2—20 ар. и сопровождаются песками и вапом. Покровский медепл. заведен в 1755 г. одним из Шуваловых на реч. Икс, падающей в Сакмару. Вознесенский медепл. в 1755 г. заведен графом Сиверсом, нареч. Иргизле, близ р. Белой. По недостаточности в рудах, завод ненадежен. Благовещенский медепл. построен в 1756г. Хлебниковым, в 40 в. от Уфы, на реч. Укашле. Леса еловые и пихтовые. Рудники находятся в степных ровных и гористых местах. Рудная матка открывается в песчанике прожилками с чернью, примазками зелеными и лазоревыми. Рудные слои и гнезда толщиною до 2 ар., неравномерно пересекаются, углубляются от 10 до 50 ар. и сопровождаются серым твердым песком и вапом серым и красным. Богословский медепл. в 1758г. построен Глазовым в 359 в. от Оренбурга, на реч. Качуе в Мензелинском уезде. Горы, в которых лежат пласты и жилы рудные, состоят из серых песков с раковинами; руды пластовые в серых песках, гнездовые — меж-

ду слоеватым красным вапом, а снизу белый камень. Толщина гнезд не более $^{3}/_{4}$, длина 1—5 саж., трубы песчаные толщиною не более 1 ар., длиною до 10 саж., и пр. Вглубь уходят на 15—30 ар. и сопровождаются серым пластовым и разборным песком, а с раковинами — красным вапом и белым камнем. Верхоторский медепл. построен в 1759 г.двумя известными заводчиками, на реч. Торе, в 90 в. от Стерлитамака. Леса листные дубовых и прочих пород. Рудники находятся в горах, увалах и на равнинах. Горы и увалы, в которых руды состоят из твердо-сероватого песчаника и покрыты черною или красноватою глиною. Рудные жилы медисто-железные попадаются в камнях песчаных и шиферных зеленоватого и бледно-зеленоватого цвета. Гнезда и пласты шириною 5—30 ар., толщиною до 1 $^{1}/_{2}$ ар., углубляются до 5 ар. и сопровождаются твердым песком и пустым камнем. У сень- Ивановский медепл. построен Осокиным в 1760 г. на реч. Усени, во 120 в. от Уфы. Рудники те же, что у Троицких заводов*. Итак, на Южном Урале число медеплавиленных заводов, не включая маловажных проб и шведских работ около Елабуги, Рычковым упомянутых, явилось до XV; теперь сочтем чугуноплавиленные и железоделательные заводы.

Назепетровский чугпл. и железд. построен Осокиным в 1747 г. на реч. Назе, в р. Уфу падающей, в 150 в. от Красноуфимска. Рудники на возвышенных плоскостях из дикого камня. Жильная матка — красная охра и глина. Руды каменистые и щебневатые попадаются гнездами. Толщина их 1—5, углубление 5—10 саж., при сопутствовании красной охры, глины и дикого камня. Кагинский железд. и Узянский чугпл. и железд., первый в 215, второй в 240 в. от Уфы. Оба завода по выданному в 1753 г. праву на постройку принадлежат к IV времени, но по самой постройке, как позднейшей, произведенной одним из Демидовых, должны бы поместиться не здесь. Скажем, однако ж, что рудники их лежат в отлогих горах. Жильная порода — черный кровавник. Рудные жилы развиваются длиною 15—20 ар., или 5—10 саж., шириною 1 саж., толщиною 2 ар. Жилы и пласты вглубь идут на 7—8 саж., в сопровождении камней с кремнистым хрящом. Верхнеавзянопетровский чугпл. и железд. построен гр. Шуваловым в 1755 г. на двух реч. Авзянках, в 100 вер. от Табынска. Леса сосновые, березовые, осиновые, липовые. Рудники в местах гористых из дикого камня. Матка состоит из действительной руды и камней, смешанных с колчеданом. Рудные жилы так богаты, что дают 50 %. Нижний завод того же имени построен будто бы гораздо ранее, но где плавилась руда для его молотов, когда не было доменной печи? Оба завода, как близкие к р. Белой, пользуются по весне удобным сплавом изделий на главные торжища. Катав-Ивановский чугпл. и железд. построен в 1757 г. двумя известными заводчиками, в 200 в. от Уфы, на реч. Катаве. Горы, в которых добываются руды, состоят из красной, желтой и синей глины и камня таких же цветов. Рудная масса — кровавик синеватый. Рудные пласты и жилы неравномерны в протяжении и толщине. Углубляются на 2—5 саж., при сопровождении синего песка, желтой глины и камня такого ж вида. Юрезенский чугпл. и железд. построен в 1758 г. теми же заводчиками, в 15 вер. от Катавского, на приятном местоположении. Леса сосновые, лиственничные,

* См. 12-ю главу 2-й ч. *Топогр. Оренбург,* относительно южных заводов.

березовые, осиновые. Рудники находятся на равнинах, увалах, горах и речных ярах. Руды лежат более в красноватой земле и глине, в синем, белом и черном мягком вале, нередко в белом кремнистом камне. Рудная масса — черно-синеватый кровавик. Протяжение руд на 2—3 саж. при частых пересечках. Толщина 1—2саж., ширина до 2 ар., углубление 10—20 ар., при сопровождении красноватой земли, глины и вапа синеватого или белого. Близлежащая известковая гора с поверхности загорелась в 1758 г. и продолжала гореть в проезд Палласа. Симский чугпл. и железд. построен теми же хозяевами в 1759 г., во 150 в. от Уфы, нар. Симе. Рудники находятся в равнинах, увалах и горах твердо-черного кровавика. Рудные жилы и гнезда лежат по большей части в красноватой земле и глине. Протяжение рудных мест, часто пересекающихся, бывает 2—3 саж. Толщина от 1 ар. до 2 саж., углубление 10—20 ар., при сопутствии красноватой земли и глины, теснящейся между мягким камнем синеватого и беловатого вида. Белорецкий чугпл. и железд. заведен в 1762г. теми же хозяевами, в 290 в. от Уфы, в60 в. от Верхнеуральска. Рудники окружаются высокими горами из дикого камня белого и серого. Рудные месторождения залегают в горах пластами, гнездами и жилами, между черной земли, красной глины, синего и черного камня. Протяжение руд малосаженное и переменчивое. Толщина жил от 1 ар. до 2 саж., положение их иногда верховое, до 2 ар. Кроме тех рудников, завод довольствуется рудою из Магнитной горы. В 50 в. от завода возвышается гораЯман, которой вершина, говорят, убелена вечным снегом. Пять немалых речек изливается из ея нагорных болот. По хребтам Ямана и других смежных гор живут олени лапландского отродья, лоси и медведи. Сколько тут климатов, от южного до полярного! Не швейцарский ли Кантон в окрестностях з. Белорецкого? Саткинский чугпл. и железд. в 1758 г. построен гр. Строгановым на двух реч. Сатках, в 250 в. от Уфы. Леса смешанные, хвойные и лиственные. Рудники находятся близ окрестных известных гор в пологих и плоских местах. Руды помещаются гнездами и жилами, в железистой глине, в желтой охре и кофейном кровавике. Рудные места тянутся 9—15 ар., углубляются на 7—8 ар. По дороге к Косотуру из Сатки встречаются живописные утесы известняка.

Златоустовский (Косотур) чугпл. и железд. заведен Масаловым в 1761 г. на р. Ае, в 294 в. от Уфы. Рудники находятся близ окрестных гор, в гористых и плоских местах. Рудная матка — кофейный кровавик, смешанный с железною охрою желтого и других видов. Руды гнездовые так богаты, что дают 40 и 47 %. Протяжение руд не длиннее 10—12, углубление до 8 ар. В известняке, который примешивается для плавки, замечены из зоофитов энтрахиты и кораллы. Завод, при быстротекущей реке с живописными берегами, красуется соседством группы Таганаев. Гордый Таганай, стоящий на оси Урала, возвещает своим составом из слоистого песчаника родной кряж глинисто-песчаный, несмотря на его вершины кварцевые и кварцо-слюдистые. Миасская долина тогда еще пустела, и хребет Ильменский еще не славился драгоценностями. Кыштымский чугпл. и железд.* основан в 1757 г. на реч. Кыштымке, в 140 в. от

* В дачах сего завода по реч. Борзовке найдены в 1823 г. в глыбах полевошпатовой породы сапфиры. В тех же россыпях после открыты корунды.

Екатеринбурга. Леса сосновые, еловые, березовые и осиновые. Рудники находятся в горах и пригорках глинистых и гранитоизвестковых. Охристая руда лежит в них жилами и гнездами, которые идут вглубь отвесно 2—5, в длину и ширину 5—10 саж. Сама жильная порода, расширяясь от полуверсты на версту, распространяется в длину от 1 до 3 верст. Каспийский чугпл. и железд. заведен в 1752 г. на реч. Каслах, во 120 в. от Екатеринбурга. Леса одинакие с кыштымскими. Руда охренная лежит в горах глинистой и кристаллической пород жилами и гнездами, которых длина, ширина и пр. мало разнятся от кыштымских. Оба последние заводы опоясаны с восточной стороны длинною перевязью озер.

Уфалейский железд. в 1761 г. заведен Масаловым на реч. Уфалейке, в р. Уфу падающей. Он стоит во 100 в. от Екатеринбурга. Рудники в плоских и гористых местах. Горы с поверхности из желтой глины и также из серого дикого камня. Руды лежат сплошь жилами и гнездами, в ноздреватом железняке, расширяются на 3—6, толщиною 1—3, углубляются на 3—5 ар., а иные пласты на 10—35 саж. и сопровождаются мягкою желтою глиной и серым диким камнем. Верхнесергинский и Нижнесергинский чугпл. и железд. построены Демидовым в малом виде в 1742 и 1743 гг., в 20 в. от Екатеринбурга, на реч. Сергах, падающих в р. Уфу, как и было упомянуто о том в первой книге *Обозрения,* по поводу права, данного в 1740 г. на возведение заводское. Рудники находятся на равнинах и горах. Окрестные горы состоят из твердых и рухлых сланцев разного цвета. Руды гнездовые и жильные образованы из кровавиков и прослойков красной и желтой охры. Лучшие из них ниже поверхности в 3,4,9 и 18 аршинах; гнездовые же, расширяясь от 2—5 ар., но, пересекаясь, уходят вглубь от 3 до 6 саж. Сопровождаются известняками, глинами и песком. Саранинский железд. заведен Осокиным в 1759 г. на реч. Саране, падающей в Уфу, в 19 в. от Красноуфимска. На нем обрабатывается чугун других заводов. Бисертский железд. построен в 1761 г. в 105 в. от Екатеринбурга, на реч. Бисерти, падающей в Уфу. За неимением своего рудника, куется чугун с другого завода.

Итак, заводов, которые работали над плавкою и расковкою чугуна, было XVI, не вводя в современное число двух заводов Кагинского и Узянского; следственно, заводов, производивших два металла, выходило XXXI. Воды, которыми заводы действо вали, за исключением трех, стекали в одно русло р. Белой, и по ней же сплавлялись изделия всех заводов, кроме Бисертского. Ни слова не сказали мы о силах и машинах заводских, потому что все, начиная с добычи руд, делалось руками человеческими или машинами самого простого и дешевого строения. Самою дешевейшею машиною тогда был человек.

3. В прозорливой мысли Петра Великого Екатеринбург представился средоточием богатства, устройства и управления уральского, и мысль сия повременно оправдывалась более и более. Березовские золотые рудники, залегающие между вершинами рр. Пышмы и Исети, по обеим сторонам реч. Березовки, вытекающей из оз. Шарташского, также по самой Пышме и по другим урочищам, начали открываться с 1745-го, а руды стали плавиться в 1754 г.

В 1745-м открыто рудников: первоначальный крестьянином Ерофеем Мокровым, Ключевской, Низменный, Небогатый, Шестой и, с 1752-го до 1766 г., еще IX. Окрестные горы рудников состоят из гранита, змеевика, соеди-

немного с асбестом, зернистого известняка и серо-красноватого глинистого сланца. Сланцы трех родов, пересекаясь огромными жилами березита (особого гранита), сами пересекаются прожилками кварцевыми, вмещающими в себя золото и другие минералы*.

Устраняясь подробностей, с нашим намерением несовместных, исчислим одни виды добываемого золота: самородное в разных очертаниях, золотистый железный колчедан, золотосодержащая рыхлая или затверделая охра, золотосодержащий кварц. Кроме того, в породе жильной попадаются руды: железные, медные, серебряные и свинцовые; также попадаются кварцевые кристаллы, халцедон, зеленый шерл, самородная сера, горный хрусталь, аметист и пр.**

Золотопромывательные заводы: Березовский, начатый в 1753-м и конченный в 1757 г., в 15 в. от Екатеринбурга, — Пышминский, в 1764-м построенный, в 7 в. от Березовска, — Уктусский, который, по оскудении лесов, обращен из чугпл. и железд. на промывку золота. Прочие промывальни устроены недавно.

В помощь разработки Березовских промыслов в 1760 г. отчислено от губернии к ним 9105 государственных крестьян, без освобождения от рекрутства.

Тиснение медной монеты в Екатеринбургском монетном дворе, при р. Исети устроенном, началось с 1735 года. С того времени до 1766 г. включительно выбито 16 миллионов рублей***.

С 1724 года к Каменскому чугпл. и железд. заводу, о начале которого сказано во II периоде, прибавлено литейное дело.

При заводе Екатеринбургском сначала были печи, доменная и медеплавиленная. Первая действовала до 1737 г., а последняя передана с 1769-го в ведение монетного двора.

4. Теперь посмотрим на среднеуральские заводы, проходя сначала по восточной стороне. Сысертский чугуно-медеплавиленный, прежде упомянутый под именем казенного, но с 1759-го поступивший в частное владение, вошел в особенную известность по связи с Полевским. Рудники железные залегают на ровных и болотных местах. Они окружаются горами дикого серовика и частию железняка. Руды распространяются гнездами между мягких охристых земель, глубиною от 5—12 саж., при плавке дают до 57 %. Медные рудники, Сисертский и Карабаевский, тогда не были еще исчерпаны. Хозяин завода и других многих, Турчанинов славился не только богатыми добычами руд, но также ранжереями и приветливыми угощениями. Верхнеисетский чугпл. и железд., сперва начатый казною, потом с 1758 г. проданный в частное владение, построен в $2^1/_2$ в. от Екатеринбурга. Горы, которыми окружаются рудники, состоят из серого известняка, белого и синего мрамора, месторождения рудные лежат в красной, желтой и белой глине, с диким серовиком, кремнием и красно-железистою затверделою глиной, небольшими пространствами, с частыми пересечками: вглубь уходят от 3 до 6 саж. Получается

* Можно об этом читать гг. Соколова и Щуровского. *Уральский Хребет* последнего, в 1841 г. изданный, есть цельное образцовое творение.

** В 1831 г. в лесах Березовского участка, близ дер. Белозерской, на левом берегу реч. Токовой, открыты крестьянином Белоярской волости Максимом Кожевниковым изумруды в жиле слюдистого сланца. О достоинстве уральского изумруда читайте в 13-й книжке 1832 г. *Горн. журн.*

***О прежнем механизме монетного двора и о способах тиснения можно читать у Лепехина во 2-й кн. со стр. 197-й втор. изд.

металла от 40 до 60 %. Верхнейвинский чугпл. и железд. построен в 1762г. на Нейве, в 57 в. от Екатеринбурга. Рудники лежат на ровных и болотных местах. В руднике Староборском руды лежат гнездами и прожилками между немалыми пространствами пустой породы; но в проплавке получается до 50 %. Бынговский железд., построенный в 1718 г. родоначальником Демидовых, в 92 в. от Екатеринбурга, служит з. Невьянскому помощником в переделе чугуна.

Но докуда о чугуне да о железе? Пускай отдохнет зрение в окрестностях завода! Вон цветут скерда сибирская, грушовка круголистная, Asperula cynanthica, Astragalus galegifermis, Phlomis tuberosa, Cineraria sibirica. При подъезде к известному з. Невьянскому, Паллас указывает на широколиственную таволгу. Красива таволга! Но все надобно докончить обзор славного завода. Леса сосновые, еловые, лиственничные, березовые, осиновые. Горы, которыми окружаются его рудники, сложены из белого песчаника, из охристых глин красного и желтого цвета. Рудная масса состоит из песчаников серого и белого, облепленных глиною и разновидною охрою. Руда тверда. Пласты, жилы и гнезда рудные, пересекаясь в длине, углубляются до 5 саж., при сопровождении глинами и охрами. Рудажестка. Получается чугуна от 52 до 65 %. Сын родоначальника Демидовых, примерный заводчик, любил Невьянский завод и украсил его башнею с музыкальными часами, в праздничный полдень услаждавшими слух мастеровых. Верхнесуанский железд., построенный в 1753 г., кует чугун алапаевский по примеру з. Нижнесусанского. Он в 107 в. от Екатеринбурга. Железные алапаевские руды находились в отлогих и крутых горах, состоящих из серовика; руды лежат под дерном пластами, гнездами и отчасти жилами, в желтом песке или в черной и охристой земле, ни в каком случае не толще 5 ар. Углубляются на 3—10 саж.

Нижнеалапаевский, в первой книге упомянутый в качестве чугпл. и железд., теперь представляется в виде медеплавиленного. Медные рудники находятся в местах плоских и холмистых. Руды лежат в сероватой сверху земле, пониже между глинистым и тальковым сланцами, в виде небольших гнезд и жил. Вглубь уходят на 5—9 саж. Верхнесинячихинский чугпл. и железд., построенный в 1769 г. на той же речке, на которой и Нижнесинячихинский, стоит в 140 в. от Екатеринбурга. Рудники его описываются в таких же почти чертах, как и железные алапаевские. Леса трех заводов и других им соименных состоят из сосны, ели, пихты, осины, березы и липы.

Не упоминая о двух железд. заводах, Шуралинском и Черноисточинском, как построенных в начале III периода и кующих не свой чугун, мы скажем слова два о Нижнетагильском (прошедшего также периода) втом отношении, что Высокогорский рудник его, неистощимый в толще магнитной, еще опоясуется при подошве рудою медною. Верхнелайский железд., построенный в 1742 г., в 160 в. от Екатеринбурга, обрабатывает чужой чугун, как и Нижнетагильский прошедшего периода. Нижнесалдинскийжелезд., в 1760 г. построенный нар. Салде, в 160 в. от Екатеринбурга, не имеет своих рудников и кует чугун чужой. Леса пройденных заводов одинаковы с верхнесинячихинскими. Кушвинский чугпл. и железд., построенный казною в 1735 г., за которым не замедлили выстроить в 1737 и 1747гг. Верхнетуринский с Баранчинским, и в 1764г. снова поступивший в казну, обзавелся

во время частного и казенного управления шестью заводами: 4-мя около Урала и 2-мя камскими.

Гора Благодать* — точно благодать металлического богатства. Восточный склон ея покрыт пластом магнитного камня, в верхней половине горы выступившего наружу и на вершине образующего чистый магнитный железняк. Толщина рудного пласта около 40 саж. На подошве восточной под пластом евритового порфира видны, так сказать, потоки стекшего железняка на неопределенное расстояние.

Не надобно пугать себя мыслию, что будто около Кушвы одна природа заводская и что нет другого лесу, кроме хвойного. Напротив, есть луга, есть деревья листные и разные кустарники. Тот, кто с ботаническим взглядом, увидит там серпуху альпийскую, каколию копьевидную, буквицу сибирскую, вшивицу шишковатую и другие многие травы. Прежде, нежели поступим далее, надобно оставить в памяти, что в тогдашнее время с невьянских и тагильских заводов сплавлялись по рр. Тагилу, Туре и пр. в Тобольск барки с железными полосами и изделиями. В Тобольске был и господский дом первых двух Демидовых.

Подле развалин Лялинского завода в 1760 г. выстроен туляком Ливенцовым Николаепавдинский чугпл. и железд. на реч. Павде, бегущей в Лялю, — в 60-й параллели, в которой Урал превзошел себя исполинскими громадами гор. Завод Л ивенцова стоит в 60 в. от Верхотурья и обладает лесами такими же, какие сказаны выше, с прибавкою лиственничных. В нем были печи доменные и медеплавиленные с молотами. Железный рудник, озерным слывущий, в 25 в. от завода. Лепехин, который не поленился всходить на Камень Конжаковский, советовал заводчику осмотреть прежние лялинские рудники, коих стены и расселины опять подернулись плевою медной зелени. Последствия не известны. Петропавловским медепл. застроен Походяшиным в 1757 г., пущен в действие в 1761 -м и докончен в 1764-м, на реч. Вагране, которая чрез Лозьву соединяется с р. Пелым или Тавдою. Как весь этот край с водами текучими и стоячими лежал в то время в черте Пелымского уезда, заселенного вогулами, нельзя сказать, чтобы Походяшин открыл руды в нежилой земле. Турьинские рудники тогда были известны: Васильевский, Ольховский и Суходойский, в 50 в. от главного хребта к востоку. Виды медных руд, какие добывались, исчислены в *Хозяйственном описании Пермской губернии* **. Господствующую породу там составляет переходный известняк, а жильную — диорит или диоритовый порфир.

Переходя на запад Урала Среднего, мы не принимаем на себя труда исчислять соляные варницы*** и ограничиваемся заводами металлическими. Пожевский чугпл. и железд. завод построен в 1756г. баронами Строгановыми близ Камы, в 86 в. от Соликамска. Леса подзаводские у Германа названы черными и красными, подразумевая в первой ста-

* Вышина горы над прудом в 460 пар. ф., а пруд над океаном 800 ф. К какой образовательное™ принадлежит г. Благодать, можно на сей конец читать в *Горн. журн.* 1836 г., в августе, статью г. Гельмерсена.

** В 1-й части с 17-й до 21-й стр. Но короче и дельнее определена порода турьинских рудников г. Соколовым на 198-й стр. XI книж. *Горн. журн.* за 1810 год.

*** О соляных варницах можно читать в *Журнале* капитана Рычкова, для сравнения тогдашних суждений о происхождении рассолов с настоящими сведениями.

тье породы дуба, ольху, березу, рябину, а во второй сосну, ель, лиственницу, пихту, кедр сибирский, но невероятно, чтобы породы дубовые могли прозябать в параллели Соликамска. Рудники находятся в гористых местах, состоящих из песчаников и серовиков, прикрытых черною и красною землями. Рудалежит гнездами в желтой охре, в красной глине и белом песке, то в рыхлом, то в твердом виде. Чермасский чугпл. и железд., построенный около 1764 г. теми же заводчиками на реч. Чермасе в 4 в. от Камы, в расстоянии 115 в. от Соликамска. Руда буро-охренная получается с Кызеловского рудника, где она лежит между разноцветных глин и других пород большими гнездами и жилами. Домбрянский медепл. близ Камы, в 1752г. построенный графом Строгановым, в 370 в. от Екатеринбурга. Руды доставлялись, за 100 в. от завода, с рудников яйво-романовских, по рр. Яйве и Каме, и руды пресеклись к 1785 г.

Кусье-Александровский чугпл. и железд., построенный в 1751 г. баронами Строгановыми на реч. Кусье, посредством Койвы вливающейся в Чусовую, стоит в 436 в. от Екатеринбурга. Горы, которыми окружаются рудники, состоят из известняка, вапа и красной глины, и самые руды, жильные, пластовые и гнездовые, залегают между теми же породами. Оне не толсты в своем положении и спускаются вглубь на 2—3 саж. Кыновский чугпл. и железд., в 1761 г. построенный нареч. Кыне, падающей в Чусовую, от Екатеринбурга в 265 в. Горы, которыми окружаются рудники, состоят из серого известняка и песчаника, с охрами и глиною. Рудные жилы и гнезда двух разборов: одне магнитные, другие охренные. Толщина их не выходит за сажень. Хохловский железд., в 1755 г. построенный баронессою Строгановою, подле Камы на реч. Хохловке, в 306 в. от Екатеринбурга. Здесь обрабатывается чугун с з. Чермасского. Курашимский медепл. построен в 1749г. между рр. Бабкой и Сылвой, в 33 в. от Кунгура, в 303 от Екатеринбурга. Леса хвойные трех пород, также и листные, со включением липы. Здешние рудники одинаковых условий с условиями з. Бизярского. Бизярский медепл. построен в 1740 г. нареч. Бизяре, падающей в Бабку, в 50 в. от Кунгура. Рудники лежат в горах различной высоты, иные на ровных местах или в логах. Окольные горы из глин, красной и бурой с гальками, из синих вапов и смурных песков, также из черных сланцев. Матку составляет крепкий, тяжелый камень зеленого и лазоревого цвета. Места, в которых лежат рудные жилы, гнезда, пласты, состоят из красной глины, синего песка, сланца, из красноватых и бурых вапов. Рудные места распространяются в длину на 30—60, в ширину на 20—40 саж., в толщину жилы и гнезда редко с аршин и часто пересекаются в глуби от 2 до 17 саж. Бымовский медепл., в 1736 г. построенный Демидовым, в 40 в. от Кунгура, достался в 1757-м Григорыо Демидову. Рудники находятся в таких же местах, как и в з. описанном. Горы почти такие ж. Рудные жилы лежат в песках, вапах, разнородных землях и в каменистом ржавце цвета зеленого, синего, голубого, желтоватого и песочного. Жилы распространяются в гору от 5 до 15 саж. Югокамский медепл. и железд. построен в 1740 г. нареч. Югокамской, близОханска, в 348 в. от Екатеринбурга. Леса многих родов, кроме дуба. Медная руда доставлялась за 300 в. с яйвинских рудников. Нытвинский железд. построен в 1756 г. нареч. Нытве, в Каму падающей выше Оханска, в 425 в. от Екатеринбурга. Чугун привозится для передела с дру-

гих заводов. Очерский железд. построен в 1761 г. на реч. Очере, в Каму падающей, недалеко от з. Нытвинского. Чугун привозится с з. Билимбаевского. Рожественский железд. и медепл. построен в 1740 г. близ Камы, в 454 в. от Екатеринбурга. Рудников железных здесь нет, а медные за бедностию оставлены. Боткинский железд., один из камских, принадлежащий к числу гороблагодатских заводов, построен в 1759г. в 12 в. от Камы, для передела кушвинского чугуна, по изобилию сосновых лесов в тех местах. Ижевский железд., другой из камских заводов, едва ли был готов на дело в 1764 г. Канбарский железд. строен одним из Демидовых между 1760 и 1767 гг. на реч. Канбарке, в Каму падающей. Он в 40 в. от Сарапула, в 558 от Екатеринбурга. Леса такие ж, какие в дачах з. Югокамского. За неимением руд чугун привозится с з. Уткинского.

Шермяитский медепл. построен в 1759г. генералом Глебовым на реч. Шермяитке, падающей чрез две речки в Каму. Он от Осы в 50, от Екатеринбурга в 310 в. Окрестные горы из серовика и песчаника. Руды, пластовые и гнездовые, лежат наиболее в песчаной породе, с частыми пресечениями, длиною от 1 до 25, вглубь от 1 до 15 сажен. Уинский медепл. в 1749 г. построен кунгурским купцом Шевкуновым на реч., падающей в Аспу, окончательно же в Чусовую. Он в 75 в. от Кунгура, в 260 от Екатеринбурга. Породы рудные и положения их одинаковы с шермяитскими рудниками. Юговский медепл., в прошедшем периоде в 1732 г. построенный на реч. Юге, в 40 в. от Кунгура, упоминается вторично здесь для того, чтобы сказать, что рудники его совершенно одинаковы с рудниками бизярскими. Рудники обоих, кажется, лежат в Бабкинской возвышенности. Ашабский медепл. и железд. построен Ак. Демидовым в 1745 г. на реч. Ашабе, в 50 в. от Кунгура, в 290 от Екатеринбурга. Окрестные горы из глин, красных вапов, синих песков и каменистых пород. Рудные жилы лежат в синих песках и пластовом ржавце вида зеленого, синего, голубого, желтого и песочного; оне простираются в гору от 5 до 15 саж., с толщиною от $^1/_4$ до $^3/_4$ ар. Иргинский чугпл. и железд. построен Осокиным в 1730г. на реч. Иргине, окончательно сливающейся с Чусовою. Он расстоянием от Красноуфимска в 35 в. между дикокаменных гор. Также и рудники лежат близ тех невысоких гор в ровных местах. Жилы, пласты и гнезда по большой части охристые и кровавиковые. Вглубь уходят на 1 —10 саж., при сопровождении белого дикого камня и разноцветных песков и глин. Леса Иргинского и Тисовского заводов одинаковы с югокамскими. Тисовский железд. построен в 1763 г. одним из Демидовых на р. Тисе, окончательно принадлежащей к руслу Чусовой. Он в 40 в.от Красноуфимска, в 220 в. от Екатеринбурга. Чугун сюда привозится с з. Уткинского. Придвинемся теперь к Уралу.

Обходя заводы Александропашинский, Бисертский*, Шайтанский и Сылвинский, первые два по причине позднейшей постройки, последние два по принадлежности к III периоду, мы опнемся на з. Серебрянском, относящемся к семье заводов гороблагодатских и заведенном во время шуваловского вла-

* В песках сего Бисертского завода открыты в 1829 г. небольшие алмазы. Также в конце 1838 г. вымыт алмаз весом $^7/_{16}$ карата, в 25 в. от Кушвинского завода, на восточной стороне Урала, верстах в 40 от главного хребта.

дения. В ведомстве сего завода Ослянская пристань на р. Чусовой, заметная по береговым водометам. Висимошайтанский железд. построен в 1741 г. на реч. Шайтанке, во 190 в. от Екатеринбурга. Чугун доставляется с других заводов. Обходя три завода, Шайтанский, Сылвинский и Уткинский, по причине постройки их в 111 периоде, можно остановиться на другом Уткинском чугпл. и железд., который в 64 в. от Екатеринбурга выстроен в 1748 и 1749 гг. и в 1758 г. передан графу Я тушинскому. Леса однопородные с вышепоказанными. Рудники, сверх участка в Высокогорской магнитной горе, находятся в местах плоских. Руды гнездовые залегают в красной, буро-желтой и белой глине и часто пересекаются серовиком, кремнием и затверделою красною глиною. Они распространяются в длину от 10 до 25, иногда до 150 саж., в ширину и толщину до 5 ар., вглубь — от 2—4 саж., при сопровождении известняка и диких пород. Пропуская Билимбаевский и Нижнешайтанский, оба чугпл. и железд., по постройке их в III периоде, говорим об одном Верхнешайтанском, также чугпл. и железд., построенном в 1759 г. в 44 в. от Екатеринбурга. Рудники лежат на возвышенных равнинах и пологих увалах. Горы, которыми они окружаются, сложены из гранита, гнейса и сланца. Рудная матка состоит из глин, с железистою охрою соединенных. Руды простираются в виде кабанов, от 200 до 300, в толщину от 5 до 10, в глубину от 1 до 7 саж., при сопровождении их породами глинистыми, известковыми и охристыми. Ревдинский чугпл. и железд., в 1733 г. построенный, в 44 в. от Екатеринбурга, упоминается здесь для того, чтобы сказать, что у него есть двоякие рудники, собственные и выделенные в северной части Высокогорской магнитной горы*. Собственные лежат в низких местах, пластами и жилами, между вязких глин, перемешанных с разноцветными охрами и землями. Полевский чугпл. и медепл., казною построенный в 1725 и в 1759г. отданный в частное владение Турчанинова вместе с Северским железд. и Сысертским преждеупомянутым, отстоит от Екатеринбурга в 52 в. Леса их одинаковы с предыдущими, к которым надобно прибавить лиственничные. Железные рудники находятся на возвышенных плоскостях, которые окружаются горами полосы гранитной и разных сланцев. Песчанистые земли, с разноцветными охрами смешанные, служат месторождениями железных рудных гнезд, которые идут в длину от 60 до 70, в толщину от 3 до 6 саж. Но владелец сих трех заводов в V периоде славился одним Гумешевским рудником, в 4 в. лежащим отз. Полевского**. Рудник сей, довольно возвышенный, окружен болотами. Горы, его облегающие, состоят из сиенита, змеевика и сланца. Руда, состоя вообще из талька, проникнутого медною зеленью и синью самородной меди и малахита, гнездится по большой части между крупнозернистым известняком и глинистым сланцем. Рудные гнезда распространяются от 6 до 8, вглубь от 25 до 30 саж. Блестящие малахиты того времени относились к подразделениям

* В первой книге участок завода Ревдинского в Высокогорской горе ошибкою назван Ревдинскою магнитною горою.

** О старом состоянии Гумешевского рудника можно читать во 2-й кн. *Путешествия Лепехина* со стр. 272.

жилковатых и плотных*, или, иначе, полирующихся и зелено-атласных.

Обозрев западно-уральские металлические заводы, нельзя не видеть, что горная промышленность наиболее развилась там в параллелях с половины 57° до 59°, в пространстве же долготы отчасти с 78°, отчасти с 77° до 73° или 72°**, что по обеим сторонам Среднего Урала вновь явилось заводов медеплавиленных XVI, чугуножелезоделательных XVII, не считая заводов III периода. К тому числу следует прибавить III золотопромывальных завода.

Искусственная часть приобрела в Екатеринбурге важное приращение, чрез введение правильного гранильного мастерства. В марте 1765 г. учреждено там особое начальство, под распоряжением генерал-майора Данненберга, пригласившего по контракту италианских мастеров для сыска цветных камней и мраморов и для их гранения. Мы уже видели, что один из Тумашевых еще в 1667 г. ощупью нашел около ел. Мурзинской, как написано в *Тобольском Сборнике,* 3 топаза, 3 камня с лаловыми искрами и 2 изумруда. Прежде мы усомнились вполне высказать толь важную находку, но, удостоверясь, что около ел. Мурзинской и Алабешки открывают сверх аметистов, тяжеловесов, еще аквамарины, турмалины розовые и малиновые, можно изъяснять находку подставлением аквамаринов вместо изумрудов и турмалинов вместо лалов. При этом воспоминании о Тумашевых нельзя утверждать, что открытие цветных камней началось будто со времени Геннинга***. Нужно ли упоминать о том, что в мае 1754 г. правительство опять дозволило всякому отыскивать металлы, краски, камни, глины и заводить заводы? Мы стоим только за то, что со времени Геннинга берг-коллегия узнала о самоцветных мурзинских камнях, которые с полвека крестьянами продавались без огласки и которые не ранее как со времени Данненберга вошли в почет Высочайшего Кабинета. Мы стоим также зато, что с последнего времени открылись на Урале: мраморная ломка, каменотесная фабрика в Горном Щите, Турьинская промывальня лазурной краски из руд и что с этой поры завелось в Екатеринбурге гранильное искусство, заводское и частное. Ильменский гранитный кряж со всеми драгоценностями оставался тогда в безвестности.

5. После заводов провинции Соликамо-Кунгурской заглянем и в Вятскую, не по точной уверенности, чтобы рудные месторождения там существовали при одинаких условиях песчаника и глины, но потому, что провинция сия некогда причислялась к составу неизмеримой Сибири. Месторождения меди, если можно верить капитану Рычкову, находятся там по большей части в сланце (в каком?), а руды чугунные нередко в желваках и сплавках странного вида.

В течение IV времени явились заводы: в 1759г. Пудемский железд., в 1768 — Буйский железд., в 1756 — Бемы-

* В мою бытность в Екатеринбурге говорили, что, по смерти заводчика Турчанинова, супруга его, вступив и управление заводами, нашла полные магазины малахитовых столовых досок, также атласных малахитовых кусков и дала приказание сбросить их в плавильни для умножения штыковой меди. Может быть, это сделано для освобождения себя от рассылки подарков. О прежних произведениях Гумешевского рудника можно читать в 1-й части со стр. 38 до 41-й *Хозяйст. описания Пермской губернии,* в 1811 г. изданного.

** В степенях долготы есть, кажется, погрешность, не моя, а подробной карты России, потому что на XXX листе дважды напечатано число 77°.

*** Так сказано в феврале 1836 г. в *Горн. журн.*

шевский медепл., в 1763 — Пыжманский медепл., в 1760 — Варзиноалексеевский медепл., в 1749 — Мешинский медепл., в 1741 г. —Тайшевский медеплавиленный. Для общего счета заметим, что и в 111 периоде там основаны два завода: Шурминский железд. в 1732 и в том же году Коринский медеплавиленный. Кроме того, что не по всем рудникам вятским руды покоятся в песках и глинах, заметно и другое отличие, что месторождения вятские опускаются в землю глубже, чем в Пермской и Оренбургской губерниях. Правда и то, что истинная глубина вообще уральских руд еще не была тогда дознана, по причине выступающей подземной воды.

Сведем счет заводов, основавшихся в трех последних периодах:

Во II	Чутпл. и железд.	VI	Медепл	IV
В III		XXV		VIII
В IV	и	XXXIV		XXXVII.

Всех вместе с золотопромывальнями выходит 107, не считая заведений искусства гранильного. Итак, искусственная жизнь распространилась по Уралу с 52° до 6 Г широты, или от Сакмарска до устья Ваграна. Трудно определить, сколько от того образовалось капиталов недвижимых, движимых, и в том числе денежных*.

6. Сходя с Урала, мы обязываемся своим словом досказать о Шемберге, бывшем генерал-берг-директоре. Сколь важное лицо он принял при вступлении в российскую службу, в столь же противоположном состоянии явился при отчете, когда правительство беспристрастно взглянуло на его дела. Ибо открылось: а) что Шемберг, взяв для продажи казенного железа на 64 000 р. и в другой раз на сумму, еще превышающую, не заплатил долга ни того, ни другого; б) что, присвоив открытие неблагонадежных медных руд в Лапландии, в предосуждение двух архангелогородцев, Ерофеева и Мырцова, просивших дозволения разрабатывать приискисвоим иждивением, Шемберг обличил себя в полном неведении горной науки, чрез завладение нерудоносным открытием, и хотя был наделен припискою крестьян более 2500 душ сверх полковых солдат, на тот же конец ему данных, с обязанностию платить по рублю с пуда меди и подушную подать за крестьян, не мое приступить в течение 3 лет ни к плавке руд, ни к взносу подушных; в) что, в 1739 г. обязавшись за содержание гороблагодатских заводов единовременно взнести 12 000 р. и ежегодно по 6000 р., ничего не исполнил. По рассмотрении толь недостойных поступков, Сенат присудил объявить ему, чтобы немедленно взнес 134 941 р., а в платеже остальных 99 000 представил порук, в случае же неготовности к удовлетворению казны, описать все его имение, опечатать все бумаги, посадить виноватого под караул и допросить, не утаил ли он денежных капиталов, или не отдал ли их кому-либо заимообразно. Приговор, как утвержденный императрицею, был исполнен в июне 1742 года. Вот несчастливец, долженствующий в своем злополучии сетовать на безрассудное покровительство герцога Бирона, который недостойно возвел его на чужую чреду, а отнюдь не на русскую ненависть к иностранцам, как писал современный Манштейн.

* Для настоящего состояния заводов оренбургских можно прочитать превосходное обозрение г. Ханыкова, напеч. во 2-м томе *Материалов для статистики.*

7. На росстанях с Уралом, еще одно слово. Для чего бы не припомнить здесь исторического предания, по которому хребет сей почитается прародиною многих уральских семей и также становьем подвигавшихся с востока племен монгольского, турецкого и финского происхождения, только не славянского*. Поясним предание тем: 1-е) что Урал Северный с незапамятного времени был действительно колыбелью и прародиною югры, т.е. вогулов, пермяков, зырян и напоследок самоедов-пришельцев; 2-е) что Южный, вместе с Алтаем, бывал вековым стойбищем гуннов**, торков, аваров, козаров, мордвы, черемисов, вотяков, болгаров и ногаев. Те или другие из сих племен оставили по берегам Белой, Демы, Черемшана и Нижней Камы оседлость, если не классическую, так засвидетельствованную огромными развалинами, как видно из *Журнала* кап. Рычкова.

8. Изложив в статье о Барнауле переход 3-х колыванских заводов в достояние короны и показав постоянную выплавку металла, мы обращаемся к заводу Павловскому, в 1763 г. начатому в том намерении, чтобы по богатству здешних лесов перевесть сюда из Барнаула главные работы. Плавка на новом заводе началась в октябре 1764 года. С годами плавильни умножались.

3. Сузунский, в 1764г. заведенный для содействия плавке прочих плавильней, между тем вместил в круг своих действий и двор медномонетный, на котором назначено тиснить из пуда меди не 16, а 25 р. с гербом Сибирского царства. Нарицательное возвышение монеты против чекана Екатеринбургского происходило от высшей ценности колыванской меди, как серебрознолотистой. В первые 4 года чеканилось сибирской монеты менее 250 000 р., этого нормального числа.

Из Змеиногородского рудника и других смежных, в которых самая рудоносная порода есть порфир сиенитовый, особенно переходящий в кератит или еврит, добывались: серебро золотистое, золото серебристое, серебристый блеск и пр., вместе с рудами медными, цинковыми и свинцовыми***. Главная штольня Иоанна Крестителя, в 1754 г. начатая в Змеиногорске, проведена в 1758 г. длиною до 585, в глуби ну до 32 саж. Сложение горы обнажилось, и открылся путь к выработкам глубочайшим. В 1764г. углубились под штольнею еще на 8 саж., под именем шахты Благовещенской.

Между тем, при продолжении многолетней выработки одного и того же рудника, надлежало заботиться о новых приисках, уже не по старинным копям. В самом деле, рудоведцы в то время, когда у линейного начальства было предположение (в 1764 г. не опробованное) возвести крепость на р. Бухтарме, рудоведцы барнаульские, пробравшись за линию, в горах не прочерченную, уже шурфовали между рр. Бухтарма и Нарым. Три кряжа: Холзун, Бийский и Кузнецкий (у горных Салаирский), с уничтожением владычества Чжунгарии, сами по себе упали в достояние Сибири. Непредвидимым образом, к счастию Сибири, впоследствии послужило и то,

* К удивлению, г. Горенкин этим же путем выводит славян из Сибири и называет славянским письмом начертания, на утесистых берегах видимые. Ч. III *Труд. Моск. Общ. Древностей.*

** В XV томе *Энц. Леке,* гунны уральские выдаются особою сволочью от хуннов восточных, будто бы туда из Монголии переселившихся. Г. Савельев сильно опровергает это мнимое переселение.

*** По части этой можно читать в 3-й кн. *Геогнозии* г. Соколова, начиная с 244-й стр.

что наши беглецы разных состояний, закравшись на юг в горы, куда не доходили горные партии, положили своими однодворками и огородами неожиданную грань с Китаем, от Сабинской грани к Усть-Каменогорску, как увидим в свое время.

Горный Колывано-Воскресенский округ, при конце периода, далеко не был так обширен, как нынешний*, и трудно было бы определить неравносторонний размер его. Он простирался с юга к северу, с половины 50° до 54°, по долготе же с половины 98° до 103°, в обоих случаях чресполосными выходами, а не сплошным протяжением.

По сходству дела поместим здесь и то, что между дер. Калтай и Томском найден томскими жителями в сосновом бору купоросный иловатый сланец и с ним вместе купоросная глина разных цветов. Горожане вываривали из нея купорос для продажи.

9. Горное производство по Енисею подчинялось канцелярии главного правления заводов казанских и сибирских.

Есагажский чугпл. и железд. завод, в 1764 г. застроенный при соименной речке, на левом берегу Енисея, верхотурским купцом Власьевым, впоследствии расстроил заводчика убожеством железных руд, хотя и был к нему придан другой, Ирбинский, отстоявший в 70 в. от запустелого на другом берегу з. Лугазского. Кварц ирбинский содержит крупицы меди,серебра и золота.

Карымский, или Иткульский, рудник, из которого добывалась железная руда, насчет Власьева, перешел в 1759 г. к горному чиновнику Клеопингу и, наконец, в 1764 г. поступил в казну, в надежде на металлоносность. Вообще можно сказать, что признаки рудные, открывавшиеся около Енисея Верхнего, искушали многих, и только что искушали. Перескажем лучше находку железной самородки,

В 1749 г. обер-штейгер Меттих, приискивая рудные месторождения, на правом берегу Енисея, между рр. Убеем и Сизимом, нашел на верху горы, заросшей сосняком, ком железа около 40 п. Ком был покрыт пленою, пока не отбивали от него кусков. Обнаженная толща показала железо мягкое, в изломе белое и ноздреватое, в ячейках же его вмещались хрусталики с горошину, прозрачные и так жесткие, что крупинками их, от удара разлетавшимися, можно было чертить обыкновенные стекла. Меттих удивлялся находке и, сколько ни осматривал окрестности, не нашел следа старинных плавилен, ни шлаковых огаров. Горные чиновники, Клеопинг и Ладыгин, над енисейскими рудниками начальствовавшие, не обратили внимания на такую диковину. Казак Медведев увез ее к себе, и кузнецы дер. Убейской иногда отколачивали куски для поделок. Толь редкая вещь оставалась 23 года безгласною, до приезда Палласа, который понаслышке отыскал ком у казака на дворе и известил Академию наук. Ученые рассуждения и сомнения, каким подлежало явление самородного железа, не принадлежат до нашего обозрения. Полагая, что это был аэролит, надлежало бы прилежнее осмотреть место падения, глубоко ли он вошел в землю? Если упал на камень, сплюснулся ли нижнею стороною или раздробил верхнюю часть камня?

* Нынешний округ, распространившийся по одному праву на приискu рудоносные, определяется в 390 000 кв. верст, но едва ли в этом умственном вымере нет преувеличения.

10. На том месте, где нынеТельминская суконная фабрика, прежде 1737 года бывал железный завод, известный только по преданиям. 3. Ангинекии чугпл. и железд., в 1739 г. устроенный при реч. Анге иркутским купцом Л аниным в 180 в. от Иркутска, в 12 от оз. Байкала, взят в казну за казенный долг, и с тем вместе уничтожился. Железная руда добывалась в ближних горах. В смежности с дачею Александровской винокурни недавно* был чугуножелезд. завод, Аркеновым заведенный в 75 в. от винокурни. Землемер Лосев писал, что руда добывалась за 50 в. от завода, что из 20 000 п. выплавлялось 9000 чугуна и что действие завода пресеклось за смертию заводчика. При вершине реч. Эндобур, с правой стороны впадающей в р. Алдан, был в половине XVIII столетия, по уверению г. Злобина, сереброплавиленный Андыбальский завод, который оставлен по недостаточности продовольствия. В Камчатке железная руда в 1760 г. открыта, как пишется в *Словаре* Щекатого, иркутским посадским Глазачевым, который чрез пять лет начал плавить руду и без труда получал 25 %. Известный Бем невдалеке от Верхнекамчатска устроил з. железный, покрывавашй все казенные потребности. Думать надобно, что завод сей был устроен в связи с рудником Глазачева.

11. Страну, по широте благословенную, омываемую рр. Шилкою и Аргунью, но по причине возвышения нетеплую и сильно охлаждаемую ветрами, где поселенный земледелец должен тягаться с природою альпийскою за кусок хлеба, страну Нерчинскую Россия обрекла на добычу минералов, за 160 лет, как было говорено. Сто сорок лет действительно добываются и плавятся руды; но кайла без сохи работает дорого, соха же там не всегда хлебородна; и вот отчего участь нерчинских заводов незавидна, каковы бы ни были тамошние месторождения металлов.

Прилагая в скобке (15) перечень выплавки, из 832 п. состоявшей с 1741 до 1768 г. (на каждый год по 22½), мы усматриваем наконец maximum выплавки в 1774 г. при управлении генерал-майора Суворова. Он в 1763 г. уже хвалился в своем донесении, что нерчинские заводы, при работах гораздо тягостнейших в сравнении с колыванскими, с меньшим притом числом рабочих рук, составлявших ⅕ против колыванских, дают серебра менее только вполовину. С 1774 г. выплавка, при постепенной сбавке, держится между 300 и 250 п.

Прежде чем возвысилась выплавка, послан на Аргунь Шлаттер, чиновник в металлургии и горном деле искусный, для местного осмотра зз. нерчинских. В апреле 1756 г. он представил проект к поправлению заводов: подчинить иркутскому вице-губернатору Вульфу заводы, определить туда известных ему иностранцев, прибавить крестьян для хлебопашества, увеличить отпускаемый на заводы капитал в шесть раз. В следующем году, увидев свою ошибку в одобрении Вульфа и прочих, он же представил Сенату к определению Клеопина начальником Нерчинской экспедиции и красноярских горных работ, с подчинением его Екатеринбургской канцелярии правления заводов.

Главные две статьи представлений Шлаттеровых, о приумножении суммы и крестьян, приняты правительством во внимание. Ибо вместо 10 т. р., с давних

* Не следовало бы, по моему правилу, преждевременно упоминать о заводе позднейшего времени, если б я не сомневался докончить два остальные периода.

лет отпускаемых на действие и содержание заводов, отпуск денежный с 1758-го возвышен до 60т., с 1759-го до 100 т., с 1764-го до 200 т. рублей.

Во время Шлаттерова осмотра (в 1755г.) число крестьян подзаводских состояло из 2132. По распоряжению губернатора Соймонова переведено туда с 1759-го из провинций Енисейской и Иркутской разных городских тунеядцев, также просрочивших пашпорты и приписных 3400. В 1764-м из разных ближних мест крестьян и разночинцев еще раз приписано и переселено до 5000, следственно, к концу исторического нашего времени находилось в ведомстве заводском 10 500 м. п.

Какие же сереброплавиленные заводы тогда существовали?

Нерчинский, или Главный, завод, в 1702 г. основанный на речке Алтачи, посредством Серебрянки вливающейся в р. Аргунь, получал руды из Троицкой горы, называвшейся Култуком. От города Нерчинска он в 277 в.* Калукченский, при реч. Калукче устроенный к Ю.-З. от з. Нерчинского и в 1763-м переименованный Дучарским. Кутомарский в 1764-м на правом берегу реч. Кутомары, к Ю.-З. в 70 в. от з. Нерчинского. Шилкинский, налевом берегу Шилки застроенный в 1767-м, в 300 в. от Нерчинского. Наименуем несколько первоначальных рудников. Благодатный найден в 1745-м, в 9 в. от з. Нерчинского. Чалбучинский найден в 1744-м, в 8 в. от завода. Новомонастырский в 1746-м, в 5 в. от завода. Цагенский в 1749-м,в 14 в. от завода. Горный рудник в 1747-м, в 4 в. от завода. Новозерентуйский в 1747-м, в 15 в. от завода, и он считался одним из лучших. Кадаинский в 1757-м, в 50 в. от завода. Покровский в 1764-м, при вершине речек Кашал и Дорогой, в61 в. от завода. Агинский медный рудник найден в 1737-м, при реч. Are, в 300 в. от завода Главного.

Оставляя исчисление прочих рудников, обратимся к главным породам тамошних гор, лежащих между рр. Аргунь, Борзя, Онон, ветвей Станового хребта и заключающих между сими гранями весь горный округ, даже нынешний**. Породы гор: а) гранит, изменяющийся в сиенит, гнейс и еврит; б) глинистый сланец и в) двоякий известняк, кристаллический и плотный. Последний, перемежаясь с глинистым сланцем, содержит месторождения руд серебро-свинцовых. Серебро и свинец, вот тамошние сокровища! Месторождениями бывают жилы, рудные мешки, штокверки и жилы пластовые.

Из камней: яшма, брекчия, агат, порфир, халцедон, горный кристалл, шерл, топаз и берилл — венец драгоценностей.

Таким образом оканчиваем, в самое цветущее время, в цветущее не по совершенству заводского устройства и меха-

* Не имея в этой книге особого отделения для памятников, я должен здесь упомянуть о гранитном камне с иссеченною на нем надписью, привезенном с реч. Кондуя в завод Нерчинский. По ходатайству Г. И. Спасского камень этот перевезен из завода в СПб., и академик Шмидт перевел надпись следующими словами:

«Чингис-хан

по возвращении своем от покорения сартогольского народа и по уничтожении древнейшей ненависти между монгольскими племенами, всем тремстам тридцати пяти Елиям (злым духам)... вootогнание их». (Этот монумент относится к 1219 или 1220 г. по Р. Х.)

** Нынешний горный округ лежит между 131 и 138° долготы в ш. 49 и 53°. Он тянется от дер. Терекинской к С.-З. до устья Газимура около 800 в., а ширина от реч. Урулюнгуя к С.-В. до селений по р. Куенге, около 300 в.

низма, но по богатству руд, еще неисчерпанных, и по блестящим надеждам на новые открытия, — мы оканчиваем известия о рудном деле, по всем хребтам Сибири. Нетрудно предвидеть, что придет время, когда там и здесь от обнищания руд понадобится прекратить механическое действие заводов или перенести заводские таборы и машины к другим месторождениям. Хорошо, если не найдется ничего сделанного для неподвижной пышности.

ГЛАВА IX

УСТРОЙСТВО ПОГРАНИЧНОЕ И СОСЕДСТВО ЗАГРАНИЧНОЕ

1. Устройство пограничное. 2. Линия Ишимская. *3.* Проекты для линии. 4. Линия Новокузнецкая. 5. Далее граница. 6. Соседство заграничное. 7. Киргизы. 8. Чжунгары. 9. Китайцы.

1. В первой книге *Обозрения было замечено,* что наше правительство, относительно границ с Чжунгарией и соседними ордами, никогда не обмолвилось, и никому из соседей не сказано: поп plus ultra. Так тому и следовало быть. Ибо степь, не обрабатываемая и не представляющая знаков оседлости, по праву народному принадлежит первому, кто выставил пушку на плацформе или провел там борозду сохою. Но знатная часть степи, киргизами занимаемой, принадлежит России по лучшему и непоколебимому праву: а) на ней обитала орда ногайская, поддавшаяся России со времен Иоанна Грозного; б) на ней обитали племена Чжунгарии, также за два с лишком столетия поддавшиеся; в) самые орды киргизские, Средняя и Малая, поступили в подданство России с 1732г. и подтверждали свою преданность в следующих годах. Прибавим насчет Чжунгарии, что земля ея, по добровольному и беспрекословному сознанию владетелей, Харахолоя, Батора, сына его, и их преемников, считалась с 1618 года под крепкою рукою российского монарха и, следственно, разумелась уделом России, что подтверждено и в грамоте Петра Великого к контайше Рабтану, писанной от 18 декабря 1716 года из Амстердама*.

Не иначе как в смысле сих политических понятий и заветов, коллегия иностранных дел от 17 октября 1760 г. давала наставление сибирскому губернатору и генералитетулинейному, чтобони знали: а) что прежние сказки чжунгар о границе, будто бы условленной по речч. Омь и Черная Томь, падающей в Чумыш, не имеют силы без письменных памятей или договорных листов, в столь важном государственном деле, каково дело границы; б) что реки, в Студеное море вливающиеся, исстари принадлежали России с их вершинами и что, если живали посторонние орды на землях, теми реками омываемых, всегда подразумевалось дозволение, ими испрошенное у сибирского начальства, и до тех только пор, пока государственная надобность не востребует их на собственное хозяйство. Такие ответы давались посланцам Чжунгарии и прежде 1760 г. от коллегии. Не прошло ста лет, как земли, лежащие в вершинах рек: То-

* См. 252-ю стр. пер. кн. *Обозрения.*

бола, Ишима и Оби, самым делом вошли в достояние Сибири*.

Мы сказали в предыдущем периоде, что Галдан-Церен в отношении к России вел себя миролюбиво и уважительно, но он так себя вел по расчету запутанных своих обстоятельств. Коль скоро удосужился в 1739 г. он войны с Китаем, стоившей ему не одной утраты людей, но и убавки владений, от Халхи до оз. Убсы, незадолго приобретенных, воинственная голова у него вскружилась и опять начал домогаться от России по меньшей мере уничтожения кр. Усть-Каменогорской, которая так близко угрожала неприкосновенности Чжунгарии. В 1744 г., в предвестие будущих вторжений, заведения Чарышского демидовского рудника сожжены шайкою чжунгаров. Если верить тогдашним слухам, Галдан придвинул свое войско к нашей границе, но вскоре отступил, потому ли, что наслышался о приближении пяти полков, об искусстве которых он не сомневался по пересказам своих офицеров, видавших батальонное и ротное учение в Тобольске и Оренбурге, или потому, что, быв небезызвестен о неоднократных предложениях Китая разделить с Россиею Чжунгарию, опасался побудить ее к согласию на раздел. Как бы то ни было, прежде чжунгарского набега на рудник было думано у нас об уничтожении верхней крепости, дабы уступчивостию расположить Галдана к скромному соседству, и вместе велено было умножить силы в Сибири. В 1745 г. под начальством генерал-майора Киндермана вступили в Сибирь пять полков: два пехотных (Ширванский** и Нотебургский) и три драгунских (Вологодский, Луцкий и Олонецкий).

В начале 1746 г. дошло до Тобольска известие о смерти Галдан-Церена, и вместе с известием тон сношений изменился с Чжунгарией. Перестали заботиться об ея удовлетворении, и вместо того, чтобы повести линию от Семипалатной на прикрытие колыванских заводов, как думано прежде Галдановой смерти, положено вести ее от УстьтКаменогорской прямо на оз. Телецкое.

Теперь будем говорить об устройстве линий: а) Ишимской; б) о разных проектах лучшей линии; в) об утверждении Новокузнецкой. Осуществление линии Бухтарминской принадлежит позднейшему времени.

2. Уже знаем, что до царствования императрицы Елисаветы предположена линия Ишимская так, чтобы от конца Уйской крепости продолжить ее чрез степь, между Тоболом и Иртышом расстилающуюся, и соединить ее с линией Иртышской. Дело стало затем, как выпрямить старую Ишимскую линию*** и

* Ныне пограничная русская крепость Ак-Тау выстроилась в ш. с лишком 48°, в долготе между 90 и 9 Г, между гор Улу-Тау и Ак-Тау, а впереди к югу и юго-западу разноименные пески и Голодная степь (Бед-Пяк-Дяля). В течение будущих ста лет, когда киргизские орды обрусеют чрез общежитие и возьмутся за хлебопашество, по примеру бурят забайкальских, не наскучит ли нам вечно смотреть на Голодную степь и пески? Не захочется ли напоить лошадей и скот из Сыр-Дарьи? Ираклововы столпы для Сибири на Яксарте.

** Полк Ширванский в 1746 г. квартировал в Тобольске и занимал 711 комнат, или 633 квартиры. Нотебургскому велено квартировать в подгородном Тобольском дистрикте, а конные полки прошли на границу. Луцкий и Олонецкий были расположены по линии Колывано-Кузнецкой, а помещение Вологодского мне неизвестно.

*** В первой книге означены места, чрез какие лежала граница до учреждения новой Ишимской линии. Но по омским сведениям, она точнее показывается вот как: от Чернолуцкой чрез форпосты Ботенисский, Пустынный при Иртыше, Большерецкий, Орский, Зудиловский, ел. Абацкую, Кайдалову,

чрез какие урочища вновь провести, а для сего предприятия требовались местные осмотры и поверки. В первой книге показано, что сибирский губернатор, по проекту подполковника Кутузова, полагал сократить линию отел. Чернолуцкой до форпоста Утяцкого в 426 в., вместо прежних 985 в.; но Киндерман, командовавший на границе, согласно с проектом географа Шишкова, из оренбургской команды присланного, представлял вытянуть линию к Тоболу еще прямее, именно на урочище, называемое Звериная Голова. Кутузов опровергал проект Шишкова тем, что линия, проходя чрез озера горькие, подверглась бы недостатку в пресной воде. Сенат, усматривая дельность обоюдных возражений, приказал в 1746 г. Киндермануc губернатором окончательно положить дело на мере, и Киндерман, лично осмотрев одобренную им линию, признал надобность отступить от нея в некоторых местах. Представление пошло в Сенат, а между тем Киндерман, в прибавок к демидовским укреплениям, исправил старые по Шульбе, Алею, при Змеиногорске, Барнауле, Старокузнецкие на Ануе, Бии, Катуни и сделал новые в нужных неприкрытых точках.

Проект и карты, по последнему исправлению Ишимской линии, утверждены Сенатом не ранее 1752 года, и с того времени начато, по смерти Киндермана, устройство границы. Предполагалось возвести 2 шестиугольные и 4 четыреугольные крепости с несколькими редутами, но при окончательном устройстве в 1755 г. явилось 10 крепостей с 16 редутами, и в том же году введены в укрепление два полка. Кр. Петропавловская в виде шестиугольника, против прочих вдвое пространнейшая, сделана на новой линии главною и кладовою оружейною. Она построена на высоком берегу Ишима, заложена в 1752 г.,окруженасверхдеревянных стен палисадами в два ряда. В 1765 г. вместо деревянных стен обведена земляным городом и рвом. На восточной стороне ея 4 крепости: Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская, с 9 редутами, считая и Елисаветский маяк налевом берегу Иртыша, против Омска. Первые 3 из 4 крепостей в 1771 г. обведены земляным валом вместо деревянных стен. На западной стороне 6 крепостей: Скопинская (она в 1767 г. обведена вместо деревянной ограды земляным городом и рвом), Становая, Пресновская, Кабанья, Пресногорьковская и Звериноголовская на правом берегу Тобола, с находящимися в их промежутках редутами. У первоначальных деревянных крепостей были по углам батареи и по башне с воротами. Площадь внутренняя от 70 до 100 саж., иногда поболее. Внутри крепостей церкви, казармы, магазины. Гарнизоны из небольших команд драгунских, казаков и башкир. В одной Петропавловской был в прибавок пехотный батальон. При всякой крепости есть предместье, в котором живут отставные и семьи казачьи. Пространство редутов и сила их менее вполовину против крепостей. Команды их, обязанные наблюдать за неприкосновенностию границ, прежде втыкали в землю лучки или полуобручи, для узнания, не ворвались ли в границу киргизы, нос 1771 г. вместо лучков делались пре-

Фирсову, Кошкорагайскую, Коркину, Безрукову, Усть-Ламинскую, Смутную; опять чрез форпосты Мамаевский, Усть-Малокузнецкий, Суерский, Арлагурский, Моревский, Максимовский, Марковский, Верхнеутяцкий, Чернавский, Лебяжий; и, наконец, притыкалась к укреплениям оренбургского ведомства.

грады из 2 жердей, в столбики вкладываемых. По раскидке жердей узнавались вторжения заграничных воров. Вообще, вся Ишимская линия вперед подвинута от 50 до 200 в., а до вершин больших рек оставлено расстояния около 300 в., дабы не стеснить скотоводства киргизов. Протяжение линии от Звериноголовской до Омска 579'/2 в-> от Омска до л. Кузнецкой 1493*, по л. Кузнецкой от Бийска до Кузнецка 300 в.

Быть может, читателю вздумается узнать, что за степь, на которой к 1755 году водружена черта крепкая? Степь в границе и за границей состоит из множества озер пресных, горьких, соляных (о которых говорено в статье петропавловского климата) и из равнин, к югу возвышающихся. Равнины по большой части песчаны, долины песчано-глинисты, а низменные урочища черноземны. Соленоватость в здешних местах увеличивается к югу. Вся степь открыта и обнажена от лесов ордами, не заботившимися о будущем. Сорочий бор, прежде упомянутый, да и только крупного леса. Осинник и березник у сибиряков идет только на дрова и поделки.

3. Едва достроилась Ишимская линия, как междоусобия и убийства, 10 лет между наследниками Галдан-Церена продолжавшиеся, перекинули судьбу Чжунгарии в посторонние руки, и уже в начале 1755 г. две китайские армии с авангардом Амурсаны шли для разделения Ойрадского ханства на 4 раздельные управления, чего не предполагал Амурсана, мечтавший быть единовластителем отечества. В 1756 г., как китайские военачальники считали дело конченным, Амурсана, отделясь от них для исполнения своей задушевной думы, принудил сею нечаянностью богдохана послать новое войско, которое открыло кампанию в 1757 году. Оренбургский губернатор Неплюев, предвидя уничтожение Чжунгарии, еще в 1756 г. представлял о завладении землею до оз. Зайсана. Последовало повеление описать те места, возвести крепости до оз. Зайсана; но было уже поздно. Чжунгария была в огне, и калмыки, укрывавшиеся в Сибирь, оплакивали свои бедствия и описывали ужасы маньчжу-китайских полчищ. Губернатор Мятлев не обнаружил никаких мер к достижению указанной цели потомули, что время ушло, или что не нашлось людей, способных к исполнению. Он и не выставил на границе для обуздания китайцев военной демонстрации, за недостатком, конечно, свободного войска, по причине стянутых в Оренбургском краю полков для потушения известного бунта.

Среди толь критического положения границы, близ которой маньчжу-китайцы предавали все огню и мечу, надлежало привести наши пределы в оборонительное состояние: и дело сие возложено на сибирского губернатора Соймонова вместе с линейным начальством. В 1759 г. посланы насибирскую границу инженеры для всех крепостей, со штабом и канцелярией, с нужными инструментами и чертежными припасами. Тогда усмотрено, что иртышским крепостям и форпостам нельзя остановить китайских судов, могущих выйти из оз. Зайсана, что линия Колывано-Кузнецкая не прикрывает рудников, далее в Алтае приисканных, что она и не защищаеттелеутов, около оз. Телецкого кочующих. По трем

* Протяжение линии Колыванской от Усть-Каменогорска до Бийска составляет 457 в., след., от Омска до Усть-Каменогорска 1036 в. Все эти расстояния старинного измерения.

сим усмотрениям признано за нужное распространить линию вверх по Иртышу, от Усть-Каменогорска, чрез ущелья, найденные доступными до р. Бухтармы, имея в виду и то, что новым обладателям Чжунгарии не будет надобности оспоривать наше обзаведение на Бухтарме, если мы не захотим выставиться на берегах Зайсана. С обзаведением на Бухтарме представится возможность препятствовать проходу неприятельских судов, прикрывать новые рудники и подавать защиту телеутам.

В сообразность сих заключений послан в 1760 г. из Усть-Каменогорска майор Шанский до вершин Бухтармы для описания мест и постановления знаков, где быть границе и укреплениям. В тоже время от ф. Бехтсмирского, вновь построенного на р. Бии, отправлен майор Эйден на западный берег оз. Телецкого, оттуда по р. Бишкаусу до вершин Бухтармы, где должен соединиться с Шанским, и на своем пути также сделать затеей для укреплений так, чтобы посредством их связать линию Бухтарминскую с Телецко-Кузнецкою. Первый дошел до вершин Бухтармы* и поставил, где следовало, столбы с надписями; второй, следуя по р. Катуни, вместо Бии до реч. Наймы** и оттуда влево до устья Чулышмана, падающего в оз. Телецкое, прошел 207 в. и далее идти вверх по р. Башкаусу не видел возможности. В этом направлении ему предлежало бы пересечь р. Чую и посредством р. Чаган-Узунь пробраться к отноге, а не к вершинам Бухтармы.

По неудовлетворительности принесенных сведений назначены в 1761 г. три экспедиции, с прикомандированием горнозаводских людей для рудных приисков. Первая при инженер-майоре Петрулине по пути Шанского, вторая, опять при майоре Эйдене, по р. Катуни, третья, с Чагирского рудника, при майоре Поливанове. Если все три экспедиции не принесли желаемых результатов, по крайней мере, удостоверили начальство со всею подробностию, сколь затруднительна постройка укреплений в гористых теснинах, сколь затруднительно их содержание в добром порядке, по несудоходности тамошних вод. Граничная черта, на какую надлежало бы по заключении экспедиций решиться, началась бы от устья Бухтармы чрез речч. Хаир-Кумин, Малый Хаир-Кумин, Сугаш, к вершинам и устью Семи, далее по левому берегу Катуни, потом от устья Иши чрез Катунь и Березовку к ф. Новиковскому Кузнецкой линии. Сия прожектируемая черта простиралась бы на 442 в.; но кроме того, что татара (собственно, торко-калмыки) и телеуты оставались бы за чертою, она представляется неудобоисполнительною по причине мест почти непроходимых, глубоких снегов по ущельям, летних топей и не везде удобных к заселению земель.

В 1762 г. командир линии Веймарн и бригадир Фрауендорф, которым надлежало рассмотреть важный предмет обезопасения линий, вместе с сибирским губернатором, отозвались, что по всем

* По описанию Шанского, у р. Бухтармы 3 истока: первый с С.-З., другой с Ю.-В. (оба текут с великой крутизны чрез камни), третий середний, по которому проходил Шанский, течет чрез расселину гор и выбегает из озерков, высоко лежащих и низливающих воду с грохотом. Этот исток соединяется с прочими, а с Иртышом, в качестве соединенной реки, через 110 верст.

** Ныне на реч. Найме (правильнее, Майме) водружена походная церковь православной миссии под начальством благоговейного архимандрита Макария, насаждающей веру во Христа Бога среди татар и телеутов. Бог с ними!

известным направлениям от Бухтармы до Бии или до оз. Телецкого нет удобства проложить черту укрепленную. Почему и полагали: а) провести линию от Усть- Каменогорска по северному берегу Ульбы на С.-В. к устьям Иши и Наймы, где приисканы удобные места; б) послать офицера с р. Бии к Енисею для продолжения линии к караулу Сабинскому; и в) для воспрепятствования судовому ходу китайцев из Зайсана выставить защиту выше Усть-Каменогорска за 4 в. у Пригонной сопки. Для исполнения сего положения устраивалась защита и отряжен к Енисею прапорщик Тарапановский.

В сентябре 1763 г. определен, для начальствования над всеми сибирскими линиями, генерал-поручик Шпрингерс поручениями: а) возвести на р. Бухтарме крепость, которая, будучи крайнею, должна служить преградою судовому выходу из Зайсана и быть в почтении у соседей; б) между сей крепостью и Усть-Каменогорском устроить редут; в) так расположиться, чтобы в новой крепости завести торг с Малою Бухарией и Индией и на сей конец обещать 10-летнюю льготу от пошлин. Мысль о заведении торга с Индией, представляемая правительству Неплюевым, подслушана им у Петра Великого, но надобно заметить, что эта мысль была давно завещана России Ордин-Нащокиным, министром отца Петрова*.

В 1764 г. Шпрингер послал инженер-прапорщика Зеленова с поручиком Генезером снова осмотреть следы Петрулина по р. Бухтарме, описать местности Зайсана и подняться до вершин Верхнего Иртыша, куда лет за сорок плавал грозный Лихарев. Сверх того, отряжен инженер-прапорщик Козьмин осмотреть места между рр. Биейи Енисеем для назначения точек под укрепления, за чем и прежде был посылай Тарапановский. Между тем деятельный Шпрингер распорядился: а) исправлять крепости иртышские по новым чертежам с перенесением Омской на правый берег Оми, Семипалатной выше по Иртышу, за несколько верст; б) крепости Ишимской линии ограждать земляными валами, вместо деревянных заборов, как и видно из самых цифр времени, в которое переправлялись крепости.

Зеленое и Генезер нашли по р. Бухтарме, что два столба, Петрулиным поставленные в 20-верстном расстоянии, были выкапываемы, и надписи с них стесаны, что крепостца, по реч. Песчаной заложенная, сожжена со всеми пристройками и что эти бесчинства сделаны, как можно судить, шайкою китайского караула, обронившего на поезде восчанку, платье, писанную бумагу и т.п. Потом оба офицера 18 июля вступили с командою на судне и лодках в оз. Зайсан, 22-го вошли в Верхний (Черный) Иртыш, между островов и мелей поднялись на 70 верст, пока можно было подниматься, и по открытым берегам видели камыши, тополь, ветлу, осину. С 28-го пустились обратно и плыли по другую сторону озера, обросшего камышами. Окружность представилась им в 300 верст. С возвратом офицеров получена уверенность о неосновательном опасении китайской флотилии, чему нет и следов по берегам озера, ни на верхней реке, да и лесу нет судового. Инженер Козьмин топографическим описа-

* В VII ч. *Моск. Общ. Древностей* можно прочитать любопытное известие об отправлениях в Индию российских гонцов.

нием мест, между Бией и Енисеем лежащих, удостоверил о бесполезности черты укрепленной. Отф. Новиковскогодо ос. Саянского, на Енисее стоящего, нашлось по измерению 417 верст. Кое-где живут ясачные татара, как в дикой пустыне. От Бии толпятся то горы высокие и крутые, то сплошные леса до р. Узасу, далее лес редеет, поверхность земли становится ровнее, и за реч. Нанупою* к самому Енисею образуется сухая бесплодная степь. Множество ручьев, речек и ключей, текущих с гор на север, разрезывают эту площадь и, орошая густые чащи, производят грязи, есть и болота небольшие. Почва, наводняемая протоками, способна для плодородия, есть и луга, которые можно умножить расчисткою. Лес: пихта, кедр, береза, осина, ветла и за р. Пызасом тополь и лиственница. В водах: таймени, хариусы, кускучи, щуки, окуни, чебаки, пескозобы, но сиги и язи только в Таштыпе и Абакане. Страна сия, в стратегическом отношении, не представляет надобности в устройстве линии по границе. Твердыни Алтая и Сабина, как и непроходимые их леса, служат естественными укреплениями края.

4. Шпрингер, препровождая полученные сведения к высшему начальству, полагал за нужное: а) выстроить крепость выше устья р. Бухтармы за 3 версты; б) усилить старые крепости по Иртышу; в) возвести новую крепость на р. Катуни; г) начать от Усть-Каменогорска новую линию внутрь Алтая и, не дожидаясь разрешения, приступить к устройству ея до р. Чарыша, начав с защиты Бобровской и продолжая устроивать р. Секисовский, ф. Убинский, р. Большерецкий, Плоский, Алейский, Ключевской, Белорецкий, ф. Тигирецкий, Чарышский. На представление свое Шпрингер получил разрешение: а) отложить постройку кр. Бухтарминской до удобнейшего времени, не строить новой крепости на Катуни; б) вести новую линию только до рудника Чагирского, оставляя Кошванскую линию, от Бийска идущую, без перемены; в) распространить кр. Усть-Каменогорскую, как главную, угловую точку, где смыкаются линии двух направлений. Причем замечено, что в постройке укреплений следует соразмеряться с величиною опасностей, а соседи не так грозны и не могут таскаться с артиллерией чрез хребты гор. На сем основании, в отмену прежней инструкции, продолжалось вооружение границы до новых дополнительных разрешений.

Устройство новой линии, по предположению Шпрингера, скоро приведено к окончанию, и прежние форпосты, позади линии оставшиеся, как то: Шеманаевский, Екатерининский и пр., заселялись хлебопашцами. Бийская крепость перенесена на другое, удобнейшее, место, и вверх по Бии выстроены маяки: Лебяжий, Салонский и ф. Сандыпский для сближения с оз. Телецким, а для обезопасения дороги к Кузнецку прибавлены чрез болотно-гористое чернолесье маяки: Нижнененинский, Урунский, Караканский, Верхнененинский и Сарычумышский, чем и сократилось 132-верстное расстояние между фф. Новиковским и Кузедеевским. Что касается до протяжения линии к Енисею, это оставлено, потому что надлежащей линии надобно прорезаться отУсть-Каме-

* На карте Панснера нет ни Нанупы, ни Узаса, ни Пызаса, но по Мрассу и в вершинах Томи есть подобные названия.

ногорска к пограничному Сабинскому знаку, чрез р. Бухтарму, а дело сие непомерно и не нужно.

По новой линии до самого Кузнецка размещались два драгунских полка, Олонецкий и Луцкий, с таким распределением, чтобы охранять полумаяк 4-м драгунам, маяк и форпост 12-ти, редут 50-ти. Кузнецк, внутренний город, назначен квартирою командира и сборным местом команд из всех постов, к востоку расставленных, начиная с Тулатинских шанцев. Пограничное казачье отделение Сабинского хребта, будучи подчиненным Сибирской губернии, извещало о пограничных обстоятельствах Кузнецкую военную канцелярию, как бывалой прежде, тем или другим путем, чрез старшин кочевого племени. Напр., один башлыкизтелеутов* в 1755 г. известил каптенармуса ф. Кузедеевского, что за трое суток скорой езды далее оз. Телецкого стоит 70 тысяч китайского войска, шедшего, без сомнения, на усмирение Чжунгарии. Не замечая преувеличения в китайской силе и оставляя прочие подробности, надобно смотреть особенно на благоразумие нашего правительства, что оно, вместо состязания с Китаем о своем праве на выдел из развалин Чжунгарии, ограничилось ближайшим делом привесть границу в почтение.

5. Не исчисляя караулов и форпостов по границе Сибирской губернии, представляющих неразрывную цепь от Сабинского пограничного знака до караула Окинского, ни дальнейших крепостей казачьей постройки** и караулов другой губернии, вновь открывающейся, мы намерены упомянуть только о 3-х тогдашних крепостях: Петропавловской, в просторечии называемой Стрелкою, Кударинской и Акшинской. Первая выстроена в 1729 г. при слиянии рр. Чикоя и Селенги, в пограничном понятии, но более для прикрытия судов, тут разгружавшихся и нагружавшихся китайскими товарами. Тут квартировал отряд из Якутского драгунского полка, и в некоторые годы IV периода происходила очистка и клеймение вымениваемых на Кяхте товаров. Кр. Кударинская, в пресечение тайных переправ товаров чрез Чикой, выстроена в 1764 году в 38 в. от Кяхты, на картинной равнине, орошаемой двумя речками и шумящим Чикоем, оттеняемым кедрами и другими деревьями***. В свое время крепость охранялась отрядом гарнизонным. Ныне тут нет военного шума, и прекрасная равнина, кажется, почивает в благоухании роз, лилий и яблоней диких, посреди холмов, в виду Киретского хребта и горы Могоя. Кр. Акшинская до 1755 г. была деревнею, но по разорении деревни шайкою монгольских разбойников, «харацирик» называемых, возведена деревянная крепость на Ононе, текущем среди красивых окрестностей, а в помощь казакам назначено для казачьей службы 400 тунгусов к охранению границы на определенном расстоянии.

Наконец, из Лосевского описания губернии включим сюда важное поручение, данное в 1757г. охотскому начальнику

* См. *Енисейскую губернию* Степанова (1-я часть, 107-я стр.).

** Все эти крепости, и даже позднее строенные, ныне существуют одним именем.

*** Я видел в Кударе остатки домов офицерских. Тут родина А. В. Игумнова, переводчика монгольского языка, впоследствии дослужившегося до чина статского советника. Казанская Монгольская кафедра одолжена ему первоначальным обучением студентов гг. Ковалевского и Попова, ныне с пользою занимающих эту кафедру.

Шипилову, о склонении в российское подданство гиляков, в [числе] 40 000 между удским и амурским устьями живущих, на не разграниченном доныне пространстве. Поручение сие, по-видимому, было изречено в виде возмездия за невежливые оказательства, китайцами сделанные, при завоевании Чжунгарии; но оно не увенчалось желаемым событием.

Теперь кстати смекнуть, как велико протяжение сибирской границы от кр. Звериноголовскойдокр. Горбицы. Протяжение линии до Бийска, и следственно до ф. Сандыпского, уже известно. Отсюда, проводя мысленно черту чрез оз. Телецкое к Сабинскому пограничному столбу, потом кос. Саянскому до караула Окинского выйдет сложная черта до 800 верст. Протяжение границы от кар. Окинского до Горбицы полагается в 3733 версты.

6. Соседями Сибири Западной и Восточной были киргизы ишимские, или западные, чжунгары, или калмыки, опять киргизы томско-енисейские, или восточные, иначе называемые бурутами итакжезакаменными, наконец, маньчжу-китайцы.

7. Киргизы ишимские, или западные, с первых лет Русской Сибири, везде и всегда оказывались нашими врагами или в толпе врагов наших. В конце предпоследнего и в последнем веке сделавшись известными под именем трех казачьих орд: Большой, Средней и Малой, не переставали вести себя в отношении к Сибири разбойниками. Они менялись с нами избытками и живали в соседстве; но, где бы ни жили, близко или далеко, всегда готовы ограбить, убить или полонить соседа; потому что буйство то и другое слывет в их мнении храбростию, а цель — приобрести корысть. Поэтому они, не помня ни гостеприимства, ни соседства, не знали и значения честного слова. Эти зверонравные люди, около половины XVIII века быв вынуждены обстоятельствами искать покровительства России, делались подданными в лице своих ханов и почетных людей; но и после торжественного подданства их ханов, Абуль-Хаира, Шемяки и впоследствии Абульмамета, Малая и Средняя орды жили как заклятые злодеи, без сознания обязанностей к покровительствующему народу.

Таким образом, когда в 1755 г. четвертый Башкирский бунт был затеян коварным Мещеряцким муллою, киргизы подданные включались в замысел бунта как верные соучастники. Благодаря оборотливому уму и быстрой деятельности губернатора Неплюева, киргизы воздержаны им от волнений; и злодейства, башкирами врасплох произведенные, подавлены призванными полками. Тому же действователю и всепрощению, сенатом провозглашенному, надобно приписывать, что замешательство не распространилось и не продлилось, что множество тысяч убежавших в Киргизскую степь башкир и магометан возвратились почти все восвояси. При всем, однако ж, благоразумии, с каким успокоен край, замешательство стоило правительству и жителям Южного Урала великих издержек, великих утрат, не считая гибели семей, бежавших к киргизам.

Да не ожидает здесь читатель последовательного взгляда на сношения наши с ордынскими ханами и султанами: дела сего рода исключительно принадлежали оренбургскому губернатору до 1782 года, хотя бы старейшины орд и кочевали невдалеке от линии Сибирской. Крепостным начальникам сей линии удавалось знать киргизов только в 3-х случаях: как торгашей, являвшихся в учрежденные для размена места, как гостей, приезжавших к комендантам крепостей, и как грабителей и разбойников.

О торгах с киргизами уже говорено. Для угощения доброжелательных старшин с 1764г. отпускается линейному начальнику тысяча рублей, которую он делил по известным крепостям, куда приезжали старшины, оставляя 400р. для угощений в самом Омске. Что касается до грабительских и разбойнических дел, нет им счета, особенно по линии Ишимской, как сухопутной. Киргизы уводили лошадей, жгли сена частные и драгунские или травили их для своих табунов, с которыми прокрадывались в границу, подходили близко к селениям, грабили и захватывали людей в полон. Они удачно пользовались для вторжений вьюгами, которыми заносятся следы верховой езды. Когда в 1754 г. киргизские волости Средней орды, преследуемые чжунгарскими ополчениями за подобные дела, как бывало и в 1740-х годах, убеждали сибирское пограничное начальство впустить, по крайней мере, жен и детей их в границу, было предписано не внимать подобным просьбам. И справедливо. Не прошло года, как уже в 1755 г., по заметке *Тобольского Сборника,* разбит киргизами один форпост из ишимских, и несколько драгун погибло.

Несмотря на испытанные и повременно испытываемые беды, наши удалые крестьяне, искатели кладов, не переставали уезжать за границу, где понаслышке узнавали о существовании древних могил. Бывало, что в то время, как рылись они в буграх, киргизские наездники убивали их на месте или брали в полон. В июле 1764 г., по случаю подобных несчастий, опять накрепко подтверждено, как и прежде, в 1727 г., повелевалось, чтобы никто из сибиряков тайно в степь не выходил.

Сколь ни малы описываемые опасности и беспорядки, в сравнении с теми бедствиями, какие в то же время деланы шайками Малой орды по Уйской и Уральской линиям, генерал-поручик Шпрингер, с 1763 по 1771 год поставивший линию Сибирскую в почтение как устройством ея, так и неослабным наблюдением, строго предписал не допускать кочевьев Средней орды ни в какое время к нашей границе ближе 10-верстного расстояния. Непослушные из киргизов усмирялись военною рукою, оплименные в винах наказывались телесно, и граница наслаждалась спокойствием и безопасностию. Филантропия утешительна, достохвальна, когда те, которых щадят, умеют искренно ценить любовь мудрую.

Что земля за р. Иртышом от Елисаветского маяка, по упразднении Чжунгарии, есть бесспорное достояние Сибири, преподаны нами неложные о том понятия; но, как Сибирь ни избыточествовала тогда излишнею населенностию, правительство России не препятствовало Средней и частию Большой орде отабариться на нашей наследственной земле. Пускай орды пользуются ею до времени и в возмездие пасут для нас стада и табуны большого и малого рогатого скота; они не мешают нам рассматривать касающийся до них вопрос: западные киргизы трех упомянутых орд одинакого ли происхождения с киргизами восточными, или закаменными?

Если выводы, г. Левшиным заимствованные чрез г. Сенковского из восточных писателей, верны в том, что издавна около Каспийского моря высовывалась орда, называвшаяся козаки, или косаки*, орда будто бы столь же давнего времени, как кергеты, как найманы и монголы, если

* Г. Шафарик пишет, что западные кавказцы, черкесы или адиги, некогда называли себя казаками и под этим именем доныне известны у осетинцев и мингрельцев. Вот орда казаков, но не киргиз-казаков.

достоверно, что Бабер, некогда владелец прибережья Сыр-Дарьи, потом основатель Делийской империи, свидетельствует о современной значительности хана казакского в степях Кипчака и Чете, если нынешние киргис-кайсаки слыли в старинных русских письменах ордою казачьего: то по справедливости можно усвоить западным киргизам, в характеристическое отличие, простое название Казачьей орды. Итак, давность орды, восточными писателями утверждаемая, значительность орды, известным Тимуридом свидетельствуемая, и русская наименовательность Казачьей орды, вот три начала, из которых почтенный описатель киргиз-казачьих орд выводит разность их происхождения от киргизов закаменных.

Не во гнев почтенного описателя, вот сомнения наши!

а) В начале нашей книги, именно в поправках, воевода Албазина упоминает о шаман-касаках, бежавших с р. Олекмы на Амур. Из слов его видно притом, что эти касаки шаманского верования вели разбойническую жизнь и перекочевывали с места на место. Одинаковость имени и поведения амурских бродяг с именем и поведением орды Казачьей не ведетли кдогадке о соплеменности тех и других? Если киргизы (кэргэты) вышли из восточного Херулюнского края, во время кутерьмы Чингисовой,тодлячего бы в этом племени не могло существовать двух поколений: киргизского и казакского?

Когда главная толща того и другого поколения передвинулась с места родины на запад, не могли ли отделения их по обстоятельствам уйти в другие стороны, одна в безводную долину Кырму близ Манзурки Иркутского уезда под именем бурутов, другие на р. Олекму под именем касаков?

б) К убеждению, что киргиз-казаки должны быть происхождения восточного, служат многие приметы:

Оклад лица монгольский, и, чтобыне приписывать этого случайности соседства, вообще считается у них идеалом красоты физиономия монгольская.

Качание избираемого хана на войлоке, раздирание войлока и прочего убора на лоскутки есть обычай монгольский.

Собрание законов старинных, приписываемое хану Тявке, есть подражение степным уложениям, какие известны среди орд монгольских.

Название волости Найманской, со многими отделениями в Средней орде, не доказательство ли, что киргиз-казаки потомки или старинные соседи восточных найманов?

Наименование киргизского поколения в составе башкирских родов не доказывает ли также, что часть восточных киргизов была увлечена до Урала движениями хуннов, имевших тут некогда свое стойбище, или нашествиями чингисханцев? Не таким же ли переворотам надобно приписывать и появление киргиз-казачьих орд на западе*?

в) С чего почетные фамилии их производят свое происхождение от Чингисхана?

Далее он же пишет, что русские называли их касагами. Г. Арцыбышев в старинных касагах видит нынешних киргиз-казаков. С обоими мнениями я готов согласиться только в том смысле, что известность о кавказских казаках и касагах относится к периоду истории новой, а не средней. Но предки их кавказцы ли? Относительно к истории древней, Иродот севернее Харезмин и Согдиан не представляет народных названий, которые бы походили на название киргиз-казаков. К северо-востоку он указывает на саков, — не сокращенное ли это имя казаков или кайсаков?

* У проф. Фалька написано, что Большая орда называет себя Koergrer.

С чего роды Средней орды мечтают, по словам капитана Андреева, что тамги (гербы) даны им самим Чингисханом?

Если по изложенным сомнениям, которые сами как бы высказались при чтении важного творения г. Левшина, было бы скоропоспешно, без положительной уверенности приступить к мнению Фишера, сибирского историка, то и нет ничего решительного, чтобы захотеть предпочесть мнение противное, мнение, впрочем, привлекательное по новости. Из значительности казакского хана, засвидетельствованной в XVI веке Бабером, равно и из старинного нашего названия трех орд казачьими, а не киргизскими, нельзя ничего навести о разноплеменности их с закаменными, при нашем обороте спорного вопроса, т.е. что предки тех и других должны быть уроженцами восточными. Г. Левшин, как писатель классический, дал нам достойную историю народа киргиз-казацкого и глубоко выразил нравственные черты его; к решению дела остается пожелать, чтобы другой кто-нибудь с таким же обширным взглядом и с таким же умом описал киргизов закаменных, дабы по неложным чертам сходства или несходства закончить прение о соплеменности или разноплеменности. Надобно с точностию означить деление орд, наименования их волостей и родов, тамги, нравы, обычаи, язык и повести о их древностях. Надобно вслушаться в их наречие, будто бы турецко-татарское, нет ли в нем таких же непонятных речений, какие замечают у киргиз-казаков.

Наконец, мы довольствуемся предложить в скобке (18) современные сведения об орде Закаменной и переходим к другим соседям, уже исчезнувшим политически.

8. Чжунгария, сильная и значащая при добром союзе 4-х поколений, пребывала соседкою Сибири около полутора с небольшим веков до 1758 года, без открытой войны, но редко без размолвки. Владение ея, в лучшую пору, простиралось в длину на 25°, начиная с 90° долготы, в ширину на 15° с 50° до 35°, и главное стойбище контайши находилось на р. Или. Полуполитическое сие ханство, издавна двоеданствуя России и Китаю, прежде и при 3-х последних контайшах: Галдан-Бошухту, Цаган-Рабтане и Галдан-Церене, вело себя не столь благоразумно против последней державы, как против первой. С нами ссорилось оно на словах за пустую, ненаселенную границу, ас Китаем, столь сильным неприятелем, состязалось мечом за обладание всеми соплеменными ханствами до Маньчжурии, не довольствуясь владением Хухонором, Малой Бухарией, Туркестаном, отнятым у киргиз-казаков, и порабощением Большой казачьей орды. Толь смелая предприимчивость проистекла не из воинских сил, сколь из предприимчивого духа трех контайшей, из упования на соплеменность ханств и на тайные благословения далай-ламы, неприязненного деизму китайского правительства. Что касается до числа войска чжунгарского в лучшую пору, можно полагать не более 50 000 всадников. Галдан-Бошухту, по изворотливости ума, употреблял против Кансия все хитрости: внезапность нападения, засады, коварство в переговорах, преданность на словах к Хуандию, вероломство наделе, не раз разглашаемую молву, как и в 1696 году, что к нему присоединяется 60 000 российского войска; и если бы племянник Рабтан не восстал против Галдана, он не скоро перестал бы тягаться с Кансием невоинственным. Таков же был и Кян-Лун, не могший преоборота Галдан-Церена, пока этот соперник был в живых.

Прошло 10 лет при недостойных преемниках Галдан- Церена, друг друга убивавших, один против другого коварствовавших до того, что один из них и последний, т.е. Амурсана, вызвал на помощь своего властолюбия повелителя китайского, который давно выжидал минуты, чтобы унизить дерзкое ханство, — прошло 10 лет бурного междоусобия, как в 1756 году Чжунгария раздирается на 4 части, в 1757-м превращается в провинции Китая, а в 1758-м совершается на земле ея кровавое побоище над всеми, кто защищал свою семью, кибитку, корову или укрывался в горы и дебри. Все живое пало под мечом победителя или к стопам его, кроме спасшихся бегством. С 10 000 кибиток Сэрен успевает уйти к нашим волжским калмыкам, а последний искатель ханства, Амурсана, спасавшийся в улусах Большой орды, чуть-чуть избежавший предательства, скрылся в горах, потом явился в июле 1757 г. в Сибири, чтоб умереть от оспы*. Все пало, все разрушено, кроме развалин Галдановой кумирни, доныне уцелевшей при минеральных водах к востоку от оз. Алакуля. Как прекрасно отзывается в памяти потомства благородная быль, что Россия, не раз приглашаемая к разделу Чжунгарии, не только не запятнала себя добычею из опустошенного ханства, но даровала еще великодушное убежище спасавшимся от меча и погибели.

В описываемое десятилетие не произошло ничего гласного между Сибирью и Чжунгарией, потому что одна пожиралась внутреннею гидрою, а другая обеспечивала свою границу; но, к удивлению, Шапп рассказывает, что в 1761 г. возвратились в Тобольск из Петербурга двое чжунгарских посланцев, ездивших для представления об уничтожении иртышских крепостей и не знавших до приезда в Тобольск о падении их отечества**. Трудно отгадать, при котором контайше были они отправлены; Давацию и Амурсане недоставало времени о том помышлять. Разве это могло случиться при первом преемнике Галдана, Цаган-Дордже, как человеке сумасбродном, но после убиения его, за 10 лет случившегося, могли ли посланцы проживать столько времени в России? Не приличнее ли думать, что под именем посланцев калмыцкие торгаши, в смутное время купившие верительное письмо, за печатью контайшинскою, приезжали под предлогом негоциации, для получения подарков и свободного торга? Этот почетный способ торга в обычае у азиатских переговорщиков.

9. Пока само правительство не озарит нашу историю нужными сведениями, относительно сношений с Китаем, мы должны довольствоваться или событиями, уже оглашенными, или одними именами проезжавших в Пекин чиновников, как намеками на неизвестные для публики переговоры.

Причем изъясняемся, что как прежде мы не упоминали о набожных посылках калмыцко-волжского хана к далай-

* Известно, что вслед за Амурсаною явилась на границе и жена его Битей с сыном Пунцуком. По смерти мужа она отправлена к волжским калмыкам, отсюда по желанию имела позволение приехать в 1761 г. в Петербург, где и умерла. Аббат Шапп пишет, что Амурсана жил несколько времени в Тобольске, будто бы в загородном архиерейском доме, или, как ныне говорят, в архиерейской роще, где нет уже ни прежнего дома, ни церкви во имя Всех Святых. Не знаю, можно ли этому верить, при недостатке местной наслышки; но покойник готов был божиться за свое сказание.

** Не мудрено, потому что в *Русских ведомостях* падение Чжунгарии описано от Ндекабря 1762 г.

ламе чрез Сибирь и границы китайские, так и в настоящем периоде пропускаем рассказ о калмыцких богомольцах, в 1754 г.„ ездивших в Хлассу для спасения живых и поминовения усопших.

В продолжении IV периода, начатого и конченного в царствование Кян-Луново (Цян-Луново), которое в долговременном своем цикле заключает падения или перевороты ханств и народов, с Китаем соприкосновенных, наш соседственный мир не был ни тогда, ни после нарушен в смысле военном, но не в политическом или торговом. Ворота Маймачена семь раз затворялись для Кяхты, как можно видеть в преждеозначенной (17) скобке.

В *Иркутской Летописи замечено, что* в апреле 1757 г. прибыли из Петербурга проездом советник Братищев и майор Якобий* с бумагами в трибунал и в мае отправились в Пекин. Они возвратились из Пекина в январе 1758 г., и через 4 дня отбыли в Петербург. Нет сомнения , что поездка сия относилась к судьбам Чжунгарии. Ибо в 1758 году, несмотря на продолжавшуюся войну с Пруссией и на замешательство Оренбургского края, драгунские полки умножены, по сведениям омским, на Сибирской границе, и на тот же конец формировалось в Тобольске небольшое ополчение. Нурали, хан Малой орды, как видно из *Описания* г. Левшина, приглашался грамотою от 19 марта 1758 г. к содействию против китайцев, равномерно и Аблай, султан Средней орды; оба они изъявили согласие воевать против отрядов китайских, согласие, впрочем, малонадежное и неверное. Они не могли бы исполнить обещания по слабому влиянию над улусниками и, если бы успели поднять ордынцев на коней, не удержали бы их от грабежа оплошного лагеря той или другой из воюющих сторон. Не подобное ли тому случилось в 1758 году со стороны партии киргизов Средней орды, когда китайский военный отряд, сопутствуемый сею партиею, для лучшего преследования укрывающихся калмыков, приблизился к кочевьям российско-чжунгарских двоеданцев, между оз. Телецким и р. Бухтармой обитавших? Киргизы разграбили нейтральных двоеданцев и более 200 человек увлекли в полон.

К счастию Сибири, не дошло до войны, а войны лучше, как говорится, и худой мир. Мир был худой, это видно по всему. Россия вправе была выговаривать Китаю, что без предварительного с нею соглашения и согласия ханство Чжунгарское, равномерно и ей подвластное, сперва раздроблено, потом завоевано, наконец, опустошено; что китайские воинские начальники, надмевавшиеся успехами варварства, оказывали в словах российским пограничным чиновникам высокомерие и дерзости; что воинскою рукою внесено разорение в пределы двоеданцев, Россиею покровительствуемых, и что сотни людей из их мирных кочевьев увлечены в полон, без всякой правды и приличия. Китай, с одной стороны, внушал, что он имел всю справедливость поступить по своему усмотрению с беспокойным и враждебным ханством; ставил в вину России, что она, потворствуя мятежникам, впустила к себе множество беглых калмыков и укрыла в Сибири вероломного возмутителя Амурсану. Для успокоения китайско-

* Этот Якобий после был иркутским и колыванским генерал-губернатором. В последнее время он представил правительству свое усмотрение о Заграничной Монголии.

го правительства даны приличные на все ответы, с извещением о смерти Амурсаны, и в удостоверение неложного известия дозволено от сибирского губернатора китайским комиссарам раз и еще раз осмотреть на границе вырытое тело Амурсаны.

В упомянутой же *Летописи* замечено, что в феврале 1763 г. прибыл в Иркутск гвардии капитан-поручик Кропотов, едущий с листами в Пекин, и чрез 7 дней туда отправился. Кропотов из Пекина возвратился в январе 1764 г. и в день приезда поспешил выехать обратно. Как имя сего офицера слывет в Сибири предзнаменованием торговли, то и посылка его в забайкальском мнении разумеласьдомогательством торговли, с 1762 г. прерванной на Кяхте и остававшейся без развязки до 1768 г. Надобно полагать, что в 1765 и 1766 гг. проезжали курьеры в Пекин и обратно; но наверное нельзя того утверждать, потому что под обоими годами в *Летописи* оставлены пробелы. В апреле 1768 года тот же Кропотов, проехав в Кяхту, в звании полномочного комиссара и в статском чине, заключил 18 октября с уполномоченными Китая дополнительные статьи к существующему трактату; после чего и торг между подданными обеих империй снова открыт. Но, отлагая сей предмет до своего времени, мы должны, отступая назад, сказать наперед, какою силою, во время китайского нашествия на Чжунгарию, ограждалась восточно-сибирская граница с Китаем.

Граница наша от Сабинского караула до укрепления нареч. Горбице ограждалась, как уже известно, непоколебимою силою Российско-китайского трактата 1728 года и двукратными в месяц съездами казаков одной дистанции с казаками другой дистанции, наведывавшимися о неприкосновенности границы*, по случаю же высокомерного тона, в китайских сношениях явившегося по завоевании Чжунгарии, в пресечение пограничных дерзостей, если бы еще оне могли где-нибудь оказаться, придумано сибирским губернатором Соймоновым привесть восточную границу в почтение следующими мерами. Первое, для усиления пограничной стражи, учредить на собственном содержании 4 шестисотных полка, из тех же селенгинских бурят, из которых и прежде были начаты кадры в половинном числе; второе, составить 4 конных ландмилицких полка, посредством отделения 2400 человек из 11 000 земских казаков Тобольской провинции, и поселить их с женами и детьми в Селенгинском и Нерчинском краю для охраны границы и вместе для хлебопашества.

Предложение первое утверждено Сенатом 22 июня 1764 г., с повелением исключить из ясачного оклада бурят, поступающих на службу. Относительно составления ландмилицких полков из переселяемых казаков военная коллегия, сочтя за несовместное смешивать оборону границы с пашнею, отвергла и план составления полков из переселения казачьего. Она полагала за бесполезное разорять в одном краю сословие казаков, выбранных на службу из 111 000 крестьян, и в другом худо упрочивать их: потому что переселение и переход семейный

* Старшины дистанций в известное время посещают монгольских старшин, а сии наших для взаимного удостоверения о мирном состоянии обоих государств. Пограничное выражение: сдавать следы, значит, что караул, российский или китайский, заметив след животного или человека, чрез границу лежащий, сообщает о том один другому, для поимки, и потом выдает соседу пойманного человека или животного.

не могли совершиться без чувствительной утраты людей.

В замену того положенною коллегиеюв 1763 г., с высочайшего утверждения, устроить семь ландмилицких полков из беглых русских, выводимых из Польши, разумея в том числе пять пехотных и два конных, из которых первые равняются против пехотных мушкетерских, а последние — против карабинерных. Пребывание назначено 3-м полкам около Иркутска, двум, с 1-м конным, около Селенгинска, остальному конному — около Нерчинска. Пехотным наречены имена Иркутский, Селенгинский, Нерчинский, Томский, Енисейский; конным: Якутский, который с данных лет существовал за Байкалом, и другому — Томский. Для двух полков присланы знамена и штандарты, также определены штаб- и обер-офицеры. Всем этим полкам велено формироваться в Тобольске из приходящих партий (которым также расписаны пути и препровождения) и на место отправляться полными числами.

Создание толь значительных сил из недостоверного числа людей (и каких людей!) пало на руки знаменитого губернатора Чичерина.

ГЛАВА X
разделение СИБИРИ НА две губернии, с ОБЩИМИ НА нее ВЗГЛЯДАМИ

1. Разделение. 2. Граница. *3.* Перемена в городах. **4. Разность между городами. 5. Черты посадского и поселянина. 6. Канцелярии. 7. Смягчение правосудия. 8. Неправды. 9. Населенность. 10. Рекрутство. 11. Войско. 12. Число монастырей. *13.* Попечение о здоровье. 14. Пропитание северное. 15. Пропитание** городское. **16. Лесные пожары.**

Эту покатую к Ледовитому морю площадь, простирающуюся от устья Кары до мыса Восточно-Чукотского на 124° долготы, притом лежащую на разных планах, разрезываемую водными руслами и горными отраслями, площадь, описанную нами во многих отношениях как физических, так и политических, площадь, населяемую господствующим племенем русских, вместе с племенами уральскими, алтайскими, саянскими, хинганскими, или нючжискими, и безродными поморянами, Екатерина II снова именует в 1764г. Сибирским Царством.

1. В Сибирском Царстве (так сказано в указе 19 октября) открывается вторая губерния, под именем Иркутске и, и тотчас вверена в управление Фрауендорфу, который отчасти известен читателю по службе на Иртышской линии*. В то же время установляется тиснение медной монеты с стариным гербом Сибирского Царства (20). Это прагматическое (деловое) надпоминание о царстве и эта особливая монета страны что такое значили? Не воздаяние ли за услугу, что Сибирь была царскою стезею к политическому и торговому содружеству с Китаем? Не

* Он был любитель наук. Чертежную Иркутскую перевел в свой дом и сам преподавал предметы геодезии ученикам.

воздаяние ли за новую услугу, что с расширением камчатской промышленности она утвердила на берегах Америки двуглавого орла и хоругвь Православия? Этого мы не предполагаем, как и того, чтобы правительство мыслило удерживать Сибирь в старинных формах, но что повторением любимого в Сибири титла, особенным орудием платежей и сдач, особенною мерою трудолюбия и богатства, оно мыслило сроднить зауральские сиротствующие семьи с семьею господствующей, как с представительницею России. Как бы то ни было, особливая монета, обращавшаяся в пределах своей страны, изъятая от перемен торгового курса и заменявшая образцовую серебряную монету, как излишнюю, поддерживала нарицательное достоинство бумажных денег в целую эпоху их понижения; но этому речь впереди.

2. Царство Сибирское разделено не по цифрам населенности, но по цифрам расстояний края от края, также не по разграничению, какое в мысли проводится между семей Уральских и Монгольских, относящихся к двум наиболее [близким) генеалогиям, но по особым, кажется, соображениям. При разделении, которым смешиваются племена, просвечивает намерение к большему их сближению. Граница между обеими губерниями положена по реч. Ие, текущей между Бартольским зимовьем и дер. Тулуном. В помянутом зимовье, на реч. Курзане поставленном, конец губернии Тобольской, а начало Иркутской в Тулуне, откуда пойдут к губернскому городу приятные и населенные места, украшающиеся березовыми рощами. Тобольская губерния удерживает за собою, на несколько лет, пограничный Окинский караул, расположенный у подошвы высочайших Саянских гор. К северу обе губернии разграничивались Анабарою, Илимпеею и перерезами между трех Тунгусок, до слияния Оки с Верхнею Тунгускою (Ангарою).

3. В одно время (11 октября 1764 г.) с разделением Сибири последовало уменьшение городов и воеводств по Тобольской губернии, в видах необходимого сбережения расходов; но существенное деление губернии оставалось прежнее. То есть губерния или провинция делились на города уездные, приписные и дистрикты. Тем и другим были присудны остроги, ямы, слободы с деревнями, ясачные зимовья и ясачные племена. С уменьшением городов сократилось число начальств, и в этом заключалась цель перемены, по причине скудости в монете металлической, а о бумажной еще не думано. К Тюмени приписан дистрикт Краснослободский, под одну воеводскую канцелярию. К Верхотурью — Пелым и Туринск также под одну канцелярию. В Сургуте, Нарыме и Кетске вместо воевод положены комиссары. В Березове и Туруханске, во уважение немалого ясачного сбора, прибавлено к комиссарам по товарищу классного чина. Тогда в первый раз выговорил закон, что уезду надобно состоять не свыше 30 000 душ, и это ограниченное число надобно почитать определением временным, а не нормальным: ибо тогда 30 тысяч размещались на огромном пространстве. О городах Иркутской губернии умалчивается для того, что в 1775 г. последует там преобразование градоправительства. Впрочем, частные сии преобразования предвещали общее образцовое учреждение со штатами.

4. Была разность между самими городами, по нравственной разности в расположениях их жителей. При направлении поселенцев к городам срединным или к пустырям южным естественная

веселость русского, не скоро обуздываемая, дичала, бесчинствовала там, на новосельях, как между тем северные водворения, именно: Верхотурье, Туринск, Сургуте слободами Демьянскою и Самаровскою, Нарым, равно Енисейск, принимали характер единообразного остепенения, в котором отсвечивал образец устюжский. Прибежность к церкви и благороднейшие занятия у жителей были чтение и пение церковное, в храме и дома. Посмотрите на артели витимских звероловщиков* и полюбуйтесь чувством их богобоязливости, которою они освящали, так сказать, леса и природу. Расходясь по лесам из первого стана, разделенные партии выслушивали от главного передовщика наказ ставить становья сперва во имя церквей, потом во имя Святых, которых иконы сопутствуют артелям. Соболи, изловленные около первых становьев, назывались Божиими и в свое время отсылались в церкви. Эти правила, исполняемые по Витиму и Лене, были вдохновляемы духом западным, а не киренским. Киренску и Якутску, куда не переставала прибывать сволочь людей и где нехотя перенималось кое-что из жилья инородческого, еще не наступали подобные очереди остепенения. Города срединные, судьбою своего положения назначенные к стечениям многолюдным, к помещению полков или немалых воинских команд, видели у себя примеры добродетелей и приличий, не менее того примеры пороков и бесчинств. Они стояли, так сказать, на распутий между добрым и худым. Такова была жизнь значительных городов страны исправительной!

5. Это ведет нас к слову о сибирских посадских и коренных поселянах. Прадеды их (нам это-известно из достоверных рассказов) издревле считали, во время установленных постов, также посевов яровых и озимых, и внуки их доныне считают поруганием поста или отвержением небесного благословения касаться ложа даже брачного. Этот угрюмый, несловоохотный посадский, этот крестьянин с черствым видом, но не сердцем, знаете ли вы, носят в себе тайну благоговейное™ и сострадание к неимущим братиям. Чтобы исторически засвидетельствовать истину обоих чувств, стоит перенестись в средину Святок. В эти в старину святые дни, а ныне только веселые для дев и молодежи, в эти дни и по прошествии их беспомощные или хворые хозяева скудных семей разъезжали по деревням из дальних мест и останавливались у ворот зажиточных домов. Странник входил с незазорною совестью и объявлял себя Христославцем. Тотчас затепливалась пред образом восковая свеча, вся семья от мала до велика становилась в молитвенном положении и с сладостию слушала песнопевца, прославляющего Рождество Вифлеемского Младенца, Бога Превечного. По пропетии праздничных стихов и по рассказе затверженного приветствия предлагалась певцу радушная хлеб-соль, потом старший семьянин шел отсыпать на воз Христославца муки, круп и наделять другими жизненными припасами. Странник скоро возвращался в свою деревню для утешения семьи. После сей эпизоды возвратимся к крестьянину и посадскому, чтобы досказать, что они не проходили мимо церкви или часовни без сло-

* Во второй ч. в 7-й гл. у Крашенинникова в Ж. Г. И. есть статья о киренских звериных промыслах. но в ней нет ничего особливого, кроме итогов настоящего звероловства.

. . . .

ва молитвенного, любили видеть сирого в своем доме и подавали нищему лепту у дверей церкви, ломоть у окошка. Надобно только развить, расширить оба чувства, надобно поднять завалившиеся сокровища со дна душевного, чтобы увидеть человеков любви; а это дело принадлежит пастырям и училищам. О, если бы города и села были наполнены такими посадскими и поселянами! Но, к несчастию, мы видели около Тобольска противоположную крайность расстроившихся поселян и душевно горюем, что Чичерин не дожил до поселян последних. Возвратимся к устройству властей.

6. В канцелярии губернской с 1763 г. положено быть при губернаторе 2-м товарищам, прокурору, 3-м секретарям и 20-ти канцелярским чинам, с переводчиком и толмачам и. В провинциальной, при воеводе 6-го класса, товарищ, прокурор, 2 секретаря и 17 нижних чинов. В уездной — при воеводе товарищ, секретарь и 11 нижних чинов. Оклад первого места 9336, второго — 3253, третьего - 1850р.

7. Законодательство, после милосердой отмены смертной казни, после отмены истинно бессмертной, становилось от времени до времени человеколюбивее и великодушнее. Не билось ли сердце от радости у наших отцов и дедов, когда они услышали во 2-й статье манифеста, в 21 -и день февраля 1762-го обнародованного: «отныне ненавистное выражение: **слово и дело** ничего не значит, и Петр III запрещает употреблять его». Это страшное выражение целый век тяготело над народом Русским*. При Екатерине 11 в первые три года дважды подтверждалось поступать в пытках со всею осмотрительностию, под тяжким ответом за безвинное кровопролитие: и к счастию человечества, пытка в уме Екатерины не признавалась уже святою исповедью истины. Довольно, что законодательство, эта глубокая дума веков о благоденствии человека, столько времени согласовалось с старинным, необдуманным жестокосердием. С 15 января 1763 г. возбранено делать пытки и в уездных городах, кроме отдаленных сибирских: Якутска, Охотека и прочих, но зато дела из последних уже не переносились в Иркутск. Порадуемся еще более тайному повелению законодательницы, 13 ноября 1767 г. состоявшемуся, чтобы канцелярии, ни провинциальные, ни губернские, не смели производить пыток без доклада губернаторам в тех случаях, где закон допускает сии истязания. Не драгоценны ли моменты, по которым мудрость спешит к человеколюбию?

К марту 1762 г. приглашены в столицу для слушания новосочиняемого Уложения четверо купцов из Тобольска и Иркутска. Мы упоминаем о толь лестном призыве с радостным изумлением, видя, что правительство признает сибиряков достойными совещателями в начертании законов, — сибиряков, которые за 62 года (в феврале 1699) названы со стороны Сибирского Приказа людишками худыми, скудными и неспособными к казенным поручениям. Если отзыв Приказа был неложен, то нравственное восстание сибиряков, удоста-

* Известный Геннинг, в Верхотурье увидев полковника Матигорова, в оковах провозимого, в силу слова и дела, писал к кн. Ромодановскому, что ссыльные и подлые люди, если не дадут кому-нибудь из них 10 коп. на вино, вскрикивают: «Слово и дело», и человек с заслугами везется в оковах на допрос. Но откровенность Геннинга не переменила тогдашнего хода дел. Люди, лишенные прав состояния, продолжали делать поругание драгоценному праву личной свободы.

иваемых назначения самого почетного, какое только можно вообразить в порядке общества, не возбуждает ли внимание наблюдателя времен? Выходит, что при добром направлении страны довольно, очень довольно одного поколения, чтобы изменить и облагородить дух жителей. Мы так хотели бы судить вообще, не прикладывая своего суждения к целому купечеству Сибири. Чтобы прикладывать к целому классу, предварительно требуется образование умственное, множество других содействий и содействие самого правосудия в отдаленной стране.

8. Спрашивали мы в конце минувшего периода: лучше ли стало в Сибири, после обещанного определения воевод из дворянства, с достаточным состоянием и с испытанною честностию? Спрашивали и не торопились отвечать. Теперь, по прошествии нового периода, считаем за приличное кончить нерешенный вопрос. Устраним собственные заключения, равно посторонние свидетельства, не всегда верные, и добросовестно послушаем императрицу Елисавету, беседующую (в 16 августа 1760 г.) к подданым так: «С каким прискорбием, при всей матерней любви к вам, мы видим, что многие законы, для вашего благоденствия изданные, теряют силу от внутренних врагов, предпочитающих беззаконную прибыль присяге, долгу и чести. Несытая алчба корысти дошла до того, что места правосудия сделались торжищем лихоимства, а потворство ободрило судей беззаконных. Мы, по любви к вам матерней, чувствительно болезнуем, что в воздание нашей кротости и милосердия преступники приносят толь горькие плоды». Этот сетующий с Престолаглас относится ли к Сибири, которую в то время управлял благомыслящий Соймонов? Конечно, нет повода относить клицу его, ни к предшественнику, ни к преемнику; но в необъятной губернии столько подчиненных вдалеке мест, столько невидимых исполнителей, — могут ли все они проходить должности в одном духе, в одних правилах с начальником? Без предосуждения к губернатору сибирскому полковник Вульф в 1749 г. проехал чрез Тобольске членами комиссии для исследования притеснений и неправд, причиняемых восточным ордам и камчадалам при сборе ясака. С таким же намерением, как было упомянуто в своем месте, был отправлен в 1763 г. в Сибирь гвардии секунд-майор Щербачев с командою для пресечения вопиющих хищений и разорений, совершавшихся при сборах ясака во всех ясачных племенах. Итак, если исполнители продолжали без страха преступать законы, не трогаясь бескорыстием начальников, остается решить вопрос, чему приписывать столь ожесточенную наклонность к злоупотреблению должности и к захвату чужой собственности? Приписывайте со стороны закона недостаточности условий в ясачных правилах, со стороны же лиц — ложному самопознанию и тому предуверению, что с правом шпаги и мундира офицерского будто соединяется право на роскошь, на жизнь, как говорится, благородную. Не странно ли, что таким ребяческим самоуважением поддерживалась в Сибири цепь вечных злоупотреблений? Но в самом основном и потаенном корне эта цепь началась и крепилась духом воеводческого правления, которое, с 1728 года раз установившись в самодельной форме, продолжалось после всех законных ограничений, с большим или меньшим искусством. Оно полюбилось и прочим, имевшим второй голос, и, при благовидном согласии их с мыслию старшего, успевало ставить волю свою выше закона. Отсюда укоренилась в Сибири, какмыс-

лил и говорил граф Сперанский в звании сибирского генерал-губернатора, вековая привычка ничего не ожидать от закона, а всего надеяться или страшиться от лица.

9. Русская податная населенность, по счету, в последнее время умолчанному, восходила к началу IV периода до 182 000 мужчин; в каком же количестве она является при конце сего периода? За недоступностию 2 и 3-й переписи, предъявив некоторые отрывки из них, мы теперь, в удовлетворение любопытства, заимствуем несомненное определение податного народонаселения из рекрутского указа 5 ноября 1768 года. Оно тут обозначено в 267 000, за исключением колыванских подзаводских крестьян 39 246, изъятых из рекрутской повинности, и эти 306 246 представляют итог 3-й переписи, известной под именем 1763 г. В том же итоге включалась населенность уральских горных слобод и заводов, по рекрутской повинности подчинявшихся ведению Сибирской губернии. Но должно ли в том же итоге разуметь 10 500 нерчинских подзаводских крестьян, также изъятых из рекрутства, но не выговоренных почему-то в рекрутском указе, ил и должно их прибавить к итогу переписи, чтобы выставить работящую населенность в 316 146 человек? Ограничимся указным итогом, без прибавки нерчинского счета, и приложим жителей свободного состояния, духовных, служащих по службе гражданской, отставных по военной и казачьей, всего до 6000 мужчин, не считая служащих казаков и войска строевого, ни жителей Исетской провинции. Прибавим еще раз 132 000 инородцев, что и составит, кроме войска и казаков, мужскую населенность тогдашней Сибири 444 246. Удвойте, если угодно, женскими душами и увидите страну, оживляемую 880 тысячами душ.

Держась чистого итога переписи, выходит, что населенность производительная увеличилась в 23 последних года более чем половиною против прошедшего периода, и тем она одолжена не одному естественному детородству и приводу осужденных преступников, но и притоку бродяг, притоку людей невинных, более ж переселению владельческих даточных с их семействами и польских выведенцев. Если бы подумать приложить к итогу еще статью подзаводских крестьян нерчинских, как бы не заключавшихся в итоге: тогда населенность податная увеличилась бы, против населенности прошедшего периода, двумя третями, что выходило бы из размера вероятности (20).

10. По учетам населенности, не вдруг вошедшей в полноту известного итога, мы клали взимание рекрутства средним числом с 200 000 душ и поэтому вывели число их не менее 11 000 человек. С присоединением сего количества к прежнему двух предыдущих времен Сибирь дала по 1768 год 39 000 рекрут.

11. Эта цифра, сколько тогда было войска в Сибири, очень любопытна, и она сыскивается в государственных актах 6-ю годами позднее нашего периода, но самое содержание цифры современно с периодом. В докладе военной коллегии (31 августа 1771 г.) исчисляется, что в губерниях Тобольской и Иркутской всего 7 батальонов: в Тобольске 3, с отделением по роте в Тюмень и Тару, в Томске 1, с отделением по роте в Красноярск и ос. Удинский (Нижнеудинск), в Иркутске 1, в Селенгинске 2, с отделением по роте в Удинский пригородок, Кудару и Акшу. Не упомянуто в докладе коллегии об Енисейске, также о 2-х губернских ротах в Тобольске, о губернской роте в Иркутске, о 3-х горных ро-

тах в Екатеринбурге, о горном батальоне *в* Барнауле, о роте в главном Нерчинском заводе. Сибирская линия (сказано в докладе) от Звериноголовской до Кузнецка защищается 8-ю драгунскими полками, расположенными в 9-ти главных крепостях, с подчиненными постами. Далее, условленная трактатом граница уездов: Красноярского, Иркутского, Селенгинского и Нерчинского, где нет линии до Горбицы, прикрывается досмотрами разъездами казаков, поселенных по границе, 4-мя полками бурятскими и одним тунгусским. Все они составляют с небольшим 9000 человек и не могут причисляться к войску, потому что неизменное их назначение состоит в пограничной страже на известных расстояниях. Там строевого войска, сверх селенгинских батальонов, один карабинерный Якутский полк, квартирующий в ос. Кабантском и посылающий конные команды на Стрелку и Кудару. Далее ж Горбицы до ос. Удского, можно прибавить, нет ни кола, ни двора. Но вскоре было поручено инженерам составить проекты укреплений по тамошней границе, и проекты передавались на рассмотрение губернаторов, на чем дело и приостановилось.

При уходе волжских калмыков (продолжает коллегия) командовавший Сибирскою линиею Станиславский едва мог, в течение месяца, собрать два эскадрона, подобно как у кр. Орской едва было собрано до 500 чел., в три месяца, когда уже калмыки пробрались далеко.

По сим уважениям коллегия ходатайствовала о прибавке в Сибири 5-ти гарнизонных батальонов, сверх прежних 7-ми, дабы занять ими 9 главных крепостей, а 7 полков полевых расставить в Петропавловске, Омске, Ямышеве, Усть-Каменогорске, Кузнецке, Красноярске и Селенгинске (21).

Где же 7 ландмилицких полков, за 8 лет предположенных коллегиею? Очевидно, что план ландмилиции не мог быть выполнен, за неспособностию польских выведенцев, которые все почти поступили в поселения барнаульские или забайкальские. Думать надобно, что, как в Сибири рекрутство было приостановлено с 1763 до ноября 1768 г., в это время 7 батальонов пополнялись из обученных выведенцев, и губернские роты, без сомнения, из них же составлялись.

Сколько же было казаков линейных и губернских, собственно зависевших от канцелярий, 2-х губернских и 1-й провинциальной, мы отказываемся принять на себя этот недоступный вопрос.

12. По перечислении в 1764 г. крестьян духовного ведомства в состав государственный есть повод согласиться с *Тобольским Сборником,* что к 3-й переписи могло их быть по Тобольской епархии до 22 000 м. п., кроме 2090, епархии Иркутской принадлежавших, как сказано у г. Семивского. Всех монастырей с Далматовским и Верхотурским осталось в Сибири, по введении штатов монастырских, 13 и 2 женских, в Енисейске и Иркутске.

13. В 1763 г. для призрения погибающих от оспы, по докладу Соймонова и Чичерина, велено завести в Тобольске аптеку и аптекаря с достаточным штатом, с определением 2 лекарей, 4 подлекарей. В Селенгинске заведена аптека в 1765г. для воинских команд. Первое прививание оспы начато в Змеиногорске с 1771 года подлекарем Андреевым, который исполнил небывалый в Сибири урок над 69 взрослыми и малолетними так счастливо, что ни один из них не умер. Как жаль, что мы не можем присовокупить подробностей о жизни столь достопамятного подлекаря и столь полезного человека, каков Андреев; но не

более ли должно жалеть о том, что не скоро здесь услышат о другом подобном подлекаре?

14. Общее установление, чтобы в весеннее время не стрелять птиц и не убивать зверей, служило в Сибири не столько для расположения царства животного, сколько для корысти земской полиции, придиравшейся к северным инородцам, которые, за недостатком хлебных или огородных запасов, обыкновенно питались добычами, какие природа по своему хозяйству посылает им на суше, в воде, на воде и в воздухе. Чичерин, вникнув в образ северного пропитания, испросил в 1764 г. разрешение стрелять птиц и бить зверей на заливных островах во все времена года, по всей Сибири.

15. Для определения довольства житейского не неприлично здесь сказать, что в порядочной городской семье тогда пили, раза по три вдень, чай с медом или леденцом, в Иркутской же Сибири чай затуран. На завтраке чарка вина или настойки, для гостя и хозяина, икра и рыба вяленая; на обеде опять чарка, пирог рыбный, щи, уха или пельмени, холодное, каша, молоко с шаньгою или ягодами. На ужине подавались остатки обеда. В столе гостином множество холодных, похлебки из живности, жаркие из гусей, уток, поросят; караваями, кашами и подобною стряпнёю обед оканчивался. Если гости много ели, то еще более пили. Гостиные или праздничные питья: пиво, брага, мед, разные ягодные наливки, а виноградные вина употреблялись только в начальнических домах. Пища постная: грибы, редька, паренки, толокно, рыба и неизменный во всякое время квас. Курмач (поджаренный на масле ячмень), который татары разносили по домам для продажи, составлял не пищу, а лакомство детей и сидячих женщин, между завтраком и обедом, между обедом и ужином. Тогда диеты не знали, лекарей не приглашали, да и что за лекаря были? Лечились травами, по преданиям старушьим. Баня, или мыльня, считалась главнейшею лечебницей. Язва венерическая как тайна стыдливости, редко как мзда развратности, усиливалась от незнания диеты и лекарств, также от климата. Она распространялась без вины и без ведома не только в целой семье, но и в соседях. История, зная неуменье того времени, конечно, посовестится бесславить поколение, в недуге, горе и стыде погасшее.

16. Начальнические предписания о сбережении заводско-уральских лесов от пожаров начались с 1732 г., о сбережении же промышленных лесов, в которых бывают соболиные промыслы, правительство изъявило свою волю не ранее 1744 года; следственно, не было еще тогда думано об общем охранении растительных богатств. Кажется, никто более ясачных племен, звороловством живущих, не чувствует более надобности в соблюдении хвойных лесов от огня; но в засушливое лето огонь, закрадываясь в глубокие мхи, опустошает обширные пространства дебрей и не может быть остановлен человеческою силою. Таким образом на Павдинском Камне, амфиболитового или диоритового образования, пожар продолжался в 1767 г. с Петрова дня до глубокой осени. Это было одно из великолепных возгорений, жителями края виденное, по вышине, на которой пламенел огонь ночью, а днем курился облачный столп, как жертвенный символ древнего мира. Наши северные жители обыкновенно приписы[1] вают причины пожаров молнии или трению лесины об лесину и никогда своему огниву или оплошности.

После пожара академик Лепехин поднимался на вершину горы. Он видел по

уступам огромные кабаны, также иверни, пожаром в дресву обращенные, видел истребленные огнем хвойные леса — ели, сосны, кедра, и вместо матерых исполинов — мелкое поколение березника, осинника и рябинника. На самой вершине, представляющей площадку в 90 шагов, наблюдатель видел ветреницу развилистую, нарциссообразную и другие сложные цветы. Стоя наверху, при солнечном освещении, он утешал свой взор разнообразием лесных оттенков светло-зеленых, темно-зеленых, желтоватых, так что в перспективной дали казались целые леса подровненными, как в садах. Конечно, он видел обнаженные верхи высящихся каменных громад той параллели, но, как созерцатель умаприятного, не любил прельщаться и прельщать описаниями картин диких. Один из недавних путешественников, г. Бегер, взбиравшийся на Денежкин Камень, превышающий будто бы тамошние высоты*, чувствовал в себе вместо ожидаемого восторга что-то унылое. Дикость природы, откуда ни смотри на нее, не в аккорде с душою, если нет котрастов гармонических.

Лесные пожары надпоминают об осенних разгульях по лесам, бывших в обычае у жителей иркутских. Семьи две или три из купеческого или посадского состояния**, запасшись пирогами, разною стряпнёю, чаем и пр., в сентябре езжали дня на три, на пять по Култучному тракту собирать бруснику и ночевали чаще в лесу при пылающем костре валежника, чем в окольных одноворках. Женский пол после завтрака и обеда действительно собирал ягоды, предавался болтовне и шутливости. Мужчины охотились ружьями, били тетерь и глухарей, возвращались на стан или в однодворку, чаевали, обедали, опять чаевали, в свое время ужинали, разговаривали о городском быте, о начальниках, о торгах, а в антрактах дня не забывали потчевать друг друга домашними наливками. Вся круговенька ввечеру развязывалась в мыслях и в словах, как водится за городом. Чему ж бы приписать эти лесные разгулья?

Они походили отчасти на сибирскую охоту домовитых жителей, в товариществе отправляющихся вверх рр. Белой, Бирюсы, Енисея, Ишима, Тобола и на Южный Урал для хмелеванья, ревеня, ягод и т.п. или для кедровых орехов в северные кедровники, начиная с Ураладо Лены. Но тут выражается одна домовитость трудолюбивых жителей, Как напротив в иркутских лесованьях играли ролю достаточные семьи. Не справедливее ли относить эту затею к духу неудовольствий, которые в начале XVIII столетия возникли между воеводами и гражданами, которые сильнее почувствованы при первом закрытии ратуши, не зависевшей от влияния воеводского, и которые при вторичном восстановлении магистратской свободы по времени развивались и укоренялись в душах первостепенных купцов, неравнодушно сносивших случайные неприятности со стороны административной. Посадская спесь, при возрастании кяхтинского торга, тем более брала на себя, чем непросвещеннее был человек; но надобно отложить эпизоду до своего времени.

*Этот Камень будто бы, по тригонометрическому измерению г. Федорова, имеет вышины над морем 8000—9000 ф. Так было писано в *Горн, журн.,* но, по сношению г. Щуровского с астрономом, Камень не выше 3284 ф. над поверхностию реч. Турьи.

** В сентябре 1814 г., возвращаясь из Забайкалья в Иркутск, я увидел в полночь пылающий огонь в стороне Култучного тракта и, остановив телегу, услышал человеческий говор при мелькающем движении лиц. Это были брусничницы и брусничники двух чиновных семейств, известных в городе.

заключение

При конце главы и самого периода нет уже надобности вопрошать, далеко ли подвинулись в своем шествии Православие и Правосудие, неразлучные подруги народного благоденствия. Было уже говорено, какие меры вновь приняты правительством для Правосудия и какие успехи ознаменованы сынами церкви вделе Православия. Но кончится ли когда-либо у Церкви и Правительства сугубая борьба с духом мира, по-видимому побеждаемым и вечно воинствующим, история не вправе предсказывать, как Сибилла.

Итак, оканчивая во время, полное надежд, когда состав государственных сил увеличился чрез соединение сил затерянных, когда заводы екатеринбургские, алтайские и нерчинские сделались горными колониями, когда монетное дело изменилось в одном году в трех металлах для Сибири и России, когда правительственный взгляд на почву и хлебопашество Сибири становился вернее и усматривал введение перемен, не замедливших последовать, когда кредит европейских банков и чудесность бумажной монеты возбуждали внимание министров России, когда они начинали слухом и чтением знакомиться с учением экономистов*, с новыми идеями политического управления и хозяйства, когда российская законодательница заготовляла уже наказ для проекта Уложения, под вдохновением человеколюбивой философии, мы предварительно восхищаемся помыслом достойно представить следующий расцветающий период и в ту же минуту теряемся в мыслях от величия новых соображений, державным манием пресуществляемых в государственные уставы. На заре этого блистательно-исторического времени управляли Сибирью достопамятные мужи: Чичерин, Фрауендорф недолголетний и вскоре Бриль, начальник также просвещенный и первовводитель нарядных празднеств. Первый и последний по светской образованности, подобно как тобольский первосвященник Варлаам по евангельской кротости, достойны слыть представителями времени екатерининского.

Хотят ли понять Чичерина, вот черты его! Требуя от городов порядка, от купцов честного торга, от посадских реме.сленности, от крестьян расчистки земель и доброй распашки, от чиновников исполнительности, он неослабно преследовал противные тому нарушения. Оказывал благосклонность значащему купечеству, принуждал скудных горожан к искусствам, крестьян и поселенцев к пашне, к домостроительству, строго наблюдал за поведением служащих. По крутости характера праводушный начальник легко выходил за пределы власти; но при самоуправстве, которое делало его страшным в народной молве страны, он скоро смягчался, в беседе любезничал, любил веселое препровождение времени, давал бальные вечера, ездил на охоту, как дворянин своего времени, и сообразно требованию времени отправлял торжественные дни с великолепием и пышно-

* Наставление о разведении земляных яблоков, или картофеля американского, обнародовано в России в мае 1765 г. В Тобольске увидели разведение картофеля на самом деле в огороде сосланного чиновника Запорожской Сечи не ранее 1776 г.

стию*. По живому и деятельному участию Чичерина во всех обстоятельствах губернии и в случаях частных имя его, как классическое, сохраняется в памяти Сибири. Не прискорбно ли мыслить, что имени Соймонова, начальника отлично просвещенного, которого правление было также не бумажное, а самое деловое, не слыхать в памяти сибирской, и причину понять не трудно.

Во дни губернаторства, столь же величавого, сколь благонамеренного, я был в отроческом возрасте и не могу забыть двух случаев, относящихся к лицу Чичерина: первый, как он пред своим отбытием из Сибири в 1781 г. приезжал в Знаменский монастырь приложиться к Св. Иконам и, проходя сквозь ряды учащихся, отвечал налатинское приветствие латинскими словами; другой, каким образом в его губернаторство оканчивалась вечерняя заря в мае, июне и частию в июле, по отбитии барабана. На мысу западно-северном, с которого дом губернаторский и губернаторская канцелярия глядели на подгорный город, становилась капель музыкальная, и, когда все затихало после отбоя барабанного, разносилось над городом усладительное пение из кларнетов и скрыпок, оживляемое тенором** или альтом, пение божественного стиха: «О Всепетая Мати, рождшая всех святых Святейшее Слово, нынешнее приемши приношение, от всякой напасти избави всех, и будущия изми муки тебе вопиющих: Аллилуйя!»

Не финал ли этого набожного царствования Елисаветы, еще продолжавшийся в начале другого звучного времени, которое иначе настроивается, под влиянием дум обширных?

приложения

Замечательные лица	Когда
Нижнекамчатский сержант Емельян Басов первый начал, в товариществе с купцом Серебренниковым, производить морскую промышленность на о. Берингове.	В 1743г.
Тобольский крестьянин Неводчиков из устюжских серебреников открыл в купе Ближних островов два: Ату и Семиши и пожалован в чин подштурмана.	В 1754г.

* Со слухов скажу, как Д. И. Чичерин праздновал масленицу. В избранный день у крыльца губернаторского стоят нарядные огромные сани, устланные коврами, с беседками, мягко и богато убранными. Д. И. с дамами и свитою садится на эту махину и отправляется в сопровождении гайдуков и драгун, а впереди другие, также огромные сани с музыкантами. У известных домов поезд останавливается, музыканты бегут в прихожую, хозяин и хозяйка ждут гостей у дверей. Первый гость подает руку хозяйке и, под музыку приплясывая, проходит комнаты при общем подражании всех гостей и тотчас выходит, уводя с собою хозяйку и хозяина. Таким же образом заезжают в прочие дома и увеличивают поезд. Потом катаются по городу и около гор с шумною музыкой и оканчивают веселый день в доме гостеприимного губернатора.

** Унтер-офицер Сабельников, тенористый, стоит быть упомянут как знаток итальянского пения. Он же в бытность архиепископа Варлаама назидал хор певческий.

Иркутский купец Никифор Трапезников*, мореход предприимчивый, открыл остров Атху. В 1753г.

Селенгинский купец Андреан Толстых открыл купу шести островов, по имени его прозванных Андреановскими. За то ему пожалована, 10-я часть взятых в казну пошлин.

ССЫЛКИ НА АКТЫ
и другие свидетельства

1. Сибирская губернская канцелярия имела в военной коллегии указ 31 декабря 1744 года, чтобы воинских людей, освобожденных из работы и ссылки, оставлять в Сибири по их желанию. (Из бумаг тарских, вытребованных в Тобольске после пожара 1788 года.)

2. Когда Иркутская провинция, в 1736 году поставленная на праве губернии отдельной, снова отдана в общее управление Сибири, это вопрос. В первой книге *Обозрения думал* я, что это случилось в губернаторство Соймонова, но, пересматривая П. С. 3., я уверился, что губернатор Мятлев управлял 'уже всею Сибирью. По единообразию царствования Елисаветиного с Петровым заключать надобно, что полномочие над всею Сибирью было присвоено еще Сухареву. Уповательно, найдется этот акт в архивах: Кузнецком, Нерчинском или Якутском. Также не отыскалось указа, когда именно и для чего, в царствование Елисаветы, учреждена была секретная комиссия при сибирском губернаторе. Она подтверждена и Екатериною при определении губернатора Чичерина и уничтожилась, вероятно, не ранее открытия наместничеств в Сибири.

3. В 1700 г. состоялся указ государев на имя тобольских воевод, кн. Черкасских, чтобы три семьи ружейников, посылаемых из Москвы в Тобольск, в числе 47 душ, определить на делание фузей и мушкетов, с назначением: а) выделывать в год от 5000 до 6000 штук; б) с уральских заводов отпускать им казенное железо по 40 к. за пуд, платить им за ствол ружейный по 50 коп., за мушкет по 60 коп., за замок и станок соразмернотому, адлинафузей назначена не более 1 $^1/_2$ арш. и 2 вершков. Велено для семей построить 3 избы, особо кузницы с угольными сараями и обнести весь ружейный завод валом или забором с башенками и пушечками, дабы заводские изделия не переходили в руки частные, особенно инородческие. Но был ли завод так устроен при устарелом кн. М. Я. Черкасском, неизвестно; а кузницы и мастеровые выстроились в улице Пиляцкой, так прозванной от пиления. (Взято из бумаг тобольского купца Н. С. Пиленкова, происходящего из рода этих полезныхлюдей.) Также были кузнецы, переведенные из Тулы, и они поселены на подгорной улице, прозванной Туляцкою, но официальной бумаги о них еще не отыскано. От тех и других мастеровых распространилось ружейное мастерство не только в Тобольске, но и в окольных деревнях, как можно видеть в наше время. Между тем, в течение IV периода, двора два или три из Пиляцкой улицы переведены в Енисейск, как в провинцию, нуждавшуюся в мастерстве ружей-

* Этот Трапезников из устюжских уроженцев и не родственник иркутским капиталистам Трапезниковым.

ном. На речке Ремзянке при деревне Почекуниной есть следы бывшего тут пруда. Старик сказывал купцу Д. И. Бабушкину, что тут давно был ружейный завод. Производителями завода были ли туляки или пиляты, неизвестно. Но есть вероятность думать, что этот завод построен при кн. Гагарине.

4. И* Сенатского указа 8 октября 1747 года видна жалоба татар на разломку мечетей по настояниям митрополита Антония. По жалобе также магометан велено было в 1754 г. губернатору Мятлеву наведаться, точно ли по воле митрополита Сильвестра, мужа христианских добродетелей, принужденно крестили каких-то татар.

5. Примеры. 30 июля 1745г. представлены в Тобольскую губернскую канцелярию двое разночинцев, Бурундуков и Соколов, зато, что во время крестного хода продолжали кулачный бой. В страх другим они наказаны плетьми, с подтверждением, чтобы во время крестных ходов и Литургии не делать бесчинств и не открывать кабаков. Другой пример. Тобольский купец Яков Маслов отдал серебряный крест и другие церковные вещи в магометанские руки для продажи. Указом 2 августа 1745 г. Сенат воспретил впредь это делать.

6. Навигацкая школа, по *Статистическому описанию* губернского землемера Лосева, который и сам в ней учился, установлена в Иркутске и Нерчинске указом Сенатским 20 июня 1753 г., но впоследствии школа Нерчинская присоединена к Иркутской, может быть, по усмотрению Ф. И. Соймонова, состоявшего прежде губернаторства по особым поручениям при Мятлеве и употреблявшегося в Восточной Сибири. Как бы то ни было, неизвестность большей еще важности предстоит в решении, когда именно учреждена в Тобольске геодезическая школа? По вероятностям, надлежало быть началу ея не позже, как и в провинции, если не ранее (разве только для Байкала и Амура заготовление людей там предускорено); но никаких следов к тому не найдено ни в старых деловых бумагах, ни в рассказах. Н. А. Абрамов, неутомимый разыскатель тобольских древностей, имел в виду, при пересмотре старых полицейских дел Тобольска, следить учреждение школы и ничего удовлетворительного не нашел. Он видел в делах 1734 и 1746 гг. упоминаемые имена двух учеников геодезии, но эти ученики были в должностях, по своей науке. Таким образом, одна наслышка и догадливость вели меня к тому заключению, какое насчет геодезической в Тобольске школы было мною предложено в первой книге. Что ж касается до геодезической школы в Томске, до меня дошел подлинный лист прапорщика геодезии Петра Григорьева, который, изобразив следы прохождения Венеры чрез южный край Солнца в 26 мая / 6 июня цифрами и против цифр отметив часы и минуты прохождения, изъяснил далее, что он делал наблюдение с учениками Томской школы, что назначал высоту и время на чертеже глазомерно при астрономическом квадранте; что на чертеже остаются пробелы без цифр, и след., без означения высоты и времени, так как те места закрывались облаками на небе. Этими подробностями утверждается только то, что в Томске учились геодезии.

7. Звание уездов, городов и число душ в сибирских духовных имениях по второй ревизии выписано из ХЫУтома П. С. 3.

В уезде		Тобольском	4529
«	«	Верхотурском	1218
«	«	Туринском	13
«	гор.	Тюмени	1028

«	уезде	Шадринском	2155
«	«	Исстском	1714
«	<<	Окуневском	1111
«	слоб.	Самарове	103
«	гор.	Таре	34
«	уезде	Мангазейском	101
«	«	Томском	444
«	«	Кузнецком	76
«	«	Красноярском	195
«	«	Енисейском	1032
«	«	Илимском	434
«	гор.	Иркутске	1185
«	«	Якутске	13
«	уезде	Нерчинском	150
«	«	Селенгинском	523
			16 128

8. Оба итога тобольских домов извлечены г. Абрамовым из старых дел Тобольской полицмейстерской конторы, которая в свое время давала сведения о домах профессорам Миллеру и Фальку. А кому принадлежали дома последнего итога, вот показание:

Казне	35
Богаделен	23
Караулен	15
Кузниц казенных и частных	70
Питейных домов	27
Штаб-обер-унтер-офицерских и солдатских	399
Штатских и приказно-служительских	84
Отставных штаб-обер-унтер-офицерских и солдатских	233
Дворянских и детей боярских	35
Казаков служащих и отставных	81
Оружейников тульских (и верно, пилят, особо не показанных)	13
NB. Из пилят сколько-то перешло в Енисейск.	
Священно- и церковно-служительских	52
Архиерейских и монастырских служителей	60
Купецких, посадских и их постоялых	688
Ямщичьих	150
Крестьянских	252
Новокрсщенно-татарских	12
Поселенческих	4
Присыльных	35
Татарских	20
Итого	2283

Половина домов принадлежит званиям производительным.

Отсюда я хочу отступить к старине Сибири. Во 2-й части *Русской Истории* на стр. 84 и 85-й г. Устрялов пишет:

«Более всех донских атаманов отличался в разбоях быстротою набегов, мужеством в боях Ермак Тимофеев». Откуда эта похвала взята? '

«Строгановы вызвали Ермака на подвиг чести и славы и указали Сибирь». Я не слыхал и нигде не читал, чтобы Строгановы вызвали Ермака.

«По назначении воеводы Волховского в Сибирь, царь поручил Ермаку главное начальство над покоренными землями». Это так же не согласно с делом. Надобно, чтобы почтенный сочинитель истории объяснил, на чем он основал свои особливые мнения.

«Ермак погиб в сече на берегах Иртыша». За подлинное известно, что Ермак утонул на левом берегу Иртыша, когда хотел перепрыгнуть на судно. Об этом можно читать в 3-м томе *Собрания сочинений,* выбранных из Месяцесловов. Да мне и ссылаться не для чего в гласной истине Тобольска.

9. Наконец, дошла до меня выписка из затерянной *Енисейской летописи,* в 1785 г. сделанная для С.-Петербургского Экономического Общества; вот содержание выписки: Енисейск основан в 1618г. сыном боярским Албычевым на самом берегу Енисея, под именем зимовья, огражденного палисадом с 3-мя стрельницами. Вскоре зимовье стало называться острожком и место управительное — избою съезжею. С 1667 г. назывался острогом будто бы до 1702 г., но

это ошибка, и во многих местах повторяемая. Енисейску надлежало называться с 1667 г. городом, потому что велено быть в нем столу и разряду, и несколько лет начальствовали в нем бояре. Ошибка взялась оттого, что в 1696 г. пожаловано знамя **городу Енисейску,** бывшему городом, а не вновь наименованному; но потомки протолковали навыворот. Место управительное называлось Избою Приказною до 1707 г., но вероятнее —до 1709 г., с сей же поры — Палатою Приказною до 1724 г. Потом открыта провинциальная канцелярия и продолжалась до 1783 г., или до превращения Енисейска в уездный город.

Воевод было 18 с самого основания Енисейска до пожалования в областной город. С этой поры до учреждения провинции воевод 11, с 1724 до 1783 года 21. Прокурорство введено в пров. канцелярию с 1764 г.

Начальными жителями Енисейска полагаются устюжане и между прочими — зыряне, которые будто бы и открыли за Енисеем железную руду при речке, поэтому названной Зырянкою, и научили плавить руду, также расковывать крицы. Этим известием, если оно верно, опровергается предание Миллерово, что железную руду указали Енисейску остяки енисейские.

Город опустошен пожаром в 1778 г. Если выписыватель не прокинул других, более любопытных преданий, то не для чего много горевать об утрате *Енисейской Летописи.*

10. Острог Иркутский с 1669 г. обнесен был стеною и рвом, и вмещал в себе Спасскую церковь. По 3 углам крепости были башни, и 4-я в средине. Окружность 288 саж. Другая, внешняя крепость, в виде палисада, окружала весь город. Воевод и управителей до учреждения провинции было около 20.

При начале провинции учреждены известные конторы, по уничтожении их в 1729г. — полковой двор для сбора податей. Провинциальных воевод, или вице-губернаторов, было 12, до первого губернатора. Наводнения, обыкновенно в Иркутске случающиеся среди лета от р. Иркута и при закрытии Ангары льдом, со дна реки поднимающимся, замечены: в 1718 г., 1721, 1747, 1758 г., а между последними двумя годами — в 1754г. Ангара семь раз покрывалась льдом. Извлечено из другой *Иркутской Летописи.*

11. В 1815 г. и еще раз я видел башни и стены Якутского замка и палаты воеводские, превращенные в казначейство. Эти развалины описаны г. Щукиным в поездке в Якутск в 1833 г. Первый острог Якутский стоял на правой стороне Лены, ниже настоящего места за 60 в., на горе Чабыдале, или Гимадае. Не считая управителей первого 8-летия, после было воевод в нем 17 с 1640 до 1717г., начиная со стольника Головина до ландрата Ракитина. После того Якутск поступил в ведение Иркутска.

Соур, секретарь Биллингса, наслышался в Нижнеколымске от 90-летнего казака Данила Третьякова, по службе в 1739 г. туда заехавшего, вот о чем: а) в то время в Верхнеколымске много было ссыльных, которые в том краю завели торги, о чем и сочинитель *Обозрения* слыхал от тамошнего уроженца г. Кривогорницына, что ныне директор Тельминской фабрики; б) что юкагиры тогда были многочисленны, что жившие из них по берегам Алазеи назывались оноки, по Омолону — чельтьеры, по Анюю и Анадырю — чуванцы и кудинцы; в) что тогда слышно было также о многолюдной орде кангиенисов, которых следы долго были видны по берегам Колымы, что вырывали там каменные топоры и

стрелы с каменными остроконечиями; г) что тогда мало было в том краю якутов, что самые давние старожилы их поселились там лет за 70 (около 1710 г.); д) что запасы в Анадырск и Камчатку отправлялись отсюда по Анюю и Анадырю; е) что по окончании Чукотской экспедиции пригнано было Павлуцким сюда множество чукотских женщин, много их отпущено, много послано в Якутск, но все они померли дорогою. Этот рассказ, не совсем маловажный, не хотелось мне закрыть от читателя. Но надобно заметить, что у Врангеля по Колыме кочевали омоки, а не кангиеницы. Впрочем, это два рода юкагирского племени.

12. У Лосева в 1748 г. так много прибавлено казаков, что всех воинов с прежними выходит 1430 человек, да нелегко согласиться и с тем, что будто майор Шмалев, с строевою ротою отправленный из Тобольска в Анадырск, командует $2^1/_2$ сотнями казаков, а строевыми солдатами — какой-то прапорщик. Теперь спрашивается, что делали 1430 воинов, когда Павлуцкий с 215 челов. прошел всю почти Чукотию и везде поражал встречавшиеся толпы? Или не было в наличности показываемого числа воинов, может быть, от цинги и без лазарета сильно гибнувших, или не было дельных офицеров после Павлуцкого; но Шмалеву, как отряженному из Тобольска, надлежало быть способным к командованию. К большему удивлению, в 1759 г. острог и без провианта и в бедственном облежании. Что действительно без провианта, это видно из Сенатского указа от 7 декабря 1760 г.; но что делает многочисленный гарнизон с пушками? Разве он точно уменьшился от болезней или разбрелся искать пропитание и зверовать? Во всей повести об Анадырске много темноты. Анадырская канцелярия, конечно во время Плестнера, насчитала, что с 1710 до 1765 г. вышло на содержание острога 1 387 007 р., а по другой смете — 3 381 000 р.; рухляди же в казну вступило так мало, что и сказывать нечего. Но Анадырск поддерживался, не забудьте, не для рухляди анадырской. Лосев и другие пишут, что Анадырск уничтожен в 1764г. Неправда! потому что в 1763 г. Плестнер туда прибыл, потому что втом же году пришла в острог рота и большая партия казаков, потому что в 1764 году возбранено посылать колодников, не по намерению уничтожения места, а по дороговизне хлеба, как означено в тексте *Обозрения.*

13. Изложение о приливах, отливах и морском течении в Камчатском и Охотском морях получено от г. Тридечного. В притяжении ли Луны скрывается причина возвышения и понижения вод океана, как думали ыевтонисты, или в упругости эфира, как начинают думать новейшие испытатели природы; в обоих случаях одно неоспоримо: Луна тут не чужая.

Общий характер этого явления тот, что в приморских местах, с пришествием Луны на полуденный меридиан, возвышается вода, доставляя кораблям возможность входить и в такие гавани, которые в другую пору недоступны для них; потом, с удалением Луны к западу, вода убывает; чрез шесть часов доходит до низшей степени убыли, обращается опять на прибыль, и в тот момент, когда Луна достигает полуденного меридиана, т.е. чрез 12 ч. 24' от первого момента, вода вторично доходит до большого возвышения, с которого вновь начинает убывать, опять чрез 6 часов обращается на прибыль и, со вторичным пришествием Луны на тот же полуденный меридиан, т.е. чрез 24 ч. 48' от первого

момента, опять бывает на высшей высоте. Такое двукратное, ежесуточное повышение и понижение вод океана на языке моряков называется приливом и отливом. Каждый прилив, в последнем возвышении, именуется полною водою; каждый отлив, в своем крайнем пределе, малою водою. Для различия двух полных вод та, которая бывает за пришествием Луны на полуденный меридиан, называется первою, другая — второю.

Заметим мимоходом, что при такой явной связи движения вод океана с обращением Луны, приписывая это явление притяжению ея и частию Солнца, нельзя дать удовлетворительного объяснения причины возвышения второй воды, особливо при новолунии, когда Луна и Солнце бывают на меридиане антиподов.

Следующие обстоятельства могут быть принимаемы как особенности явления приливов и отливов:

1) В сизигии, т.е. в новолунии и полнолунии, приливы и отливы бывают гораздо значительнее; притом в равноденствие и зимнее солнцестояние полная вода достигает до maximum возвышения; а малая — до minimum снижения; впрочем, вторые воды в это время бывают почти всегда несколько менее первых.

2) Полная вода не в самый момент пришествия Луны на меридиан случается, а несколько позже, судя по географическому и топографическому положению каждого порта; потому что за Луною непосредственно влечется та масса воды, которая находится в поясе океана между параллелями 28°28' северной и южной широты и далее, к северу или югу, разливается по берегам постепенно. Поэтому, во всяком порте, особенно замечается тотчас, в который исполняется первая полная вода во дни новолуния. Моряки называют его прикладным часом того порта потому, что для узнания момента полной воды на всякий другой день надо только счесть: до скольких часов и минут накопилось 48-минутное опоздание Луны, и к сумме приложить тот час в который исполняется вода в новолуние, т.е. в час прикладной.

3) Ветра с моря или берега, а тем более бури, имеют на приливы и отливы особенное влияние, споспешествуя или препятствуя.

4) Приливы и отливы в некоторых малых морях, как в Черном, Каспийском и Балтийском, вовсе не примечены; а в других — едва ощутительны, как в Средиземном и его частях.

5) Есть места, где приливы сопряжены с особливыми явлениями, как при устье р. Ориноко, где прилив приходит иногда внезапно и затопляет вдруг большое пространство земли. Это явление известно там под именем Поророко.

К последней категории можно отнести приливы и отливы, бывающие у камчатских берегов и во всех вообще портах Охотского моря. Их особливость в том, что во время сизигий там бывает по одной полной воде в сутки; напротив, при квадратурах Луны приходят две полные воды — первая и вторая. Чтобы составить об этом ясное понятие, достаточно приглядеть за явлениями в течение одного периодического лунного месяца.

Представим момент исполнения воды в день новолуния, например, в Охотском порте, где от слияния двух рек, Охоты и Кухтуя, составляется залив версты 4 шириною, соединяющийся с морем узким устьем. В этот момент вся поверхность залива, в тихий день особенно, стоит неподвижно, как в озере, и

вся вода синяя, соленая. Проходит четверть часа, и в средине устья рисуется тихая струя в море, и это значит — «вода дрогнула», по выражению тамошних моряков. Движение, едва приметное в первое мгновение, вскоре превращается в быстроту, с раскатистыми волнами, даже во время штиля; но потом, когда морская вода стечет в море, что очень приметно по мутности и белизне воды в заливе, быстрота уменьшается, и чрез 6 часов, когда бы надо ей прибывать, она, как бы подпертая морскою водою, останавливается на половине прежнего возвышения. Естественно, что приток речной воды может, при тщательном наблюдении, показаться даже прибылью; но в существе ея нет, и для простого глаза она вовсе неприметна. Простояв в таком положении часа три, вода пускается на убыль с новою быстротою, и чрез три часа, или чрез 18 часов от первого нами замеченного момента, т.е. по гражданскому счету, на другой уже день, когда бы следовало быть второй малой воде, она сбегает вся, так что весь залив представляет уже кучу песчаных островов или, лучше, оголившихся мелей, между которыми едва приметны протоки речные. Это момент самой низкой, или малой, воды: все суда, находящиеся в порте, лежат на боку; всякое сообщение чрез залив прекращается; вода в реке, при самом порте, делается пресною, к употреблению годною. Тогда и поверхность рейда на далеко видится белою: признак преобладания речной воды. В это время быстрина и волнение в устье прекращаются, и вдруг появятся всплески, медленно, с каким-то шепотом разливающиеся по берегу, в направлении к устью; вода как бы крадется занять утерянное ею место. Это начальный момент прибыли воды, который приятно наблюдать, особенно во время штиля. Вскоре показывается в море межа белой воды с синею. Приближаясь к устью дугою выгнутою, она беспрестанно уменьшается, пока, наконец, выпрямленная, входит в самое устье с шумом, с клокотанием и раскатами волн; это называется сулой, и в этот момент устье для гребных судов недоступно. Миницкий, в свое начальствование портом, понадеявшись на свой катер и на удалость гребцов, за дерзость заплатил жизнию нескольких человек и чуть не своею. Этот прилив, т.е. случающийся в первый день по новолунии, бывает почти всегда более предшествовавшего. После него, когда последует отлив, то во время, в которое накануне, как мы сказали, вода на убыли как бы приостанавливалась только, начинает уже быть ощутительною малая прибыль с моря, и эту рождающуюся вторую воду называют манихою; потому что она как будто поманит только. При простом наблюдении маниха оказывается не сомнительною чаще на третий день. Название самое перенесено от города Архангельска, где так называются вторые воды, тоже около сизигий, не выполняющиеся. Обозначившаяся манихою вторая вода день ото дня начинает более прибывать и более сбывать или в 8-й или 9-й день по рождении Луны, берет решительный перевес над первою полною водою, которая, уменьшаясь с каждым днем, к 15-му дню, или полнолунию, превращается в нуль. Между тем та исполняется в единственную полную воду и приходит в тот же почти час, в какой приходила вода в новолуние, 24 минутами только позже. Первая исчезнувшая вода в 16-й или 17-й день, возрождаясь из нуля манихою, к новолунию превращается подобным порядком в самую большую воду и как бы вступает в свои права, приходя точно в прикладный час. Для луч-

шеи ясности представим примерную таблицу полных вод за 15 дней, приняв за прикладный час 2 ч. пополудни.

	Первая полная вода		Вторая вода
Новолуние —	2 ч. пополудни, больш.,		Должна прийти в 2 ч. 24', но не приметна
По 1-й день	2 ч. 48'	Сам. больш.	3ч. 12' Маниха
—2-й—	3 ч. 36'	Уменьш.	4 ч. —
-3-й-	4ч. 24'		4 ч. 48'
-4-й-	5ч.12'		5ч. 36'
- 5-й -	6 ч. -		6 ч. 24'
-6-й-	6ч.48'		7ч.12'
- 7-й -	7 ч. 36'		8 ч. -
- 8-й -	8 ч. 24'		8 ч. 48'
	Вторая превышать начинает		
-9-й-	9ч. 12'		9ч. 36'
—10-й-	10ч.-		10ч. 24'
-11-й-	10ч. 48'		11ч. 12'
-12-й-	11 ч. 36'		12ч.-
—13-й-	124.24'		—ч. 48' Пополудни
— 14-й —	1 ч. 12' Пополуночи	Почти маниха	1 ч. 36' Большая
-15-й-	2ч.-	Нуль	2ч.24' Еще более
- 16-й-	2ч.48' Чуть маниха, с которой начнет возрастать.		3ч. 12' Самая большая, с которой начнет уменьшаться.

Замечательно, что в Петропавловской гавани и Авачинском заливе вообще приливы бывают менее, нежели в других речных портах. В последних, в новолуние, вода возвышается на 9 и даже на 10 футов; а в первой — едва на 5 идо 6.

Не менее достойно замечание, что при восточных берегах Камчатки течение моря сильнее к югу; а при западных — к северу. К Охотску течение превозмогает к западу; а от Охотска — к югу, по направлению берега. Это явление можно легко объяснить тем, что масса вод Тихого океана, которая во время приливов, воздымаясь наперед у берегов Америки, заливается с великим усилием чрез тесные проливы Алеутской гряды к Берингову проливу, при отливах не может возвращаться тем же путем и стекает в свободные пространства между ближними островами, Медным островом и берегами Камчатки. Подобным образом масса воды, которая приливается в Охотское море, скатывается преимущественно мимо Шантарских островов, Сахалина и обоюду Японии.

Но как объяснить одну полную воду в сутки, во время сизигий и особливо во время полнолуний? Это покамест casse-tete!

14. Пора здесь признаться, что напрасно я усомнился в начальствовании известного Скорнякова-Писарева над Охотским портом. Он действительно начальствовал до 1739 г., после него — товарищ злополучия Девьер по 1753 г. Последнему отдается больше похвалы в устройстве порта; но Бог знает, в чем было устройство. Есть повод здесь изъясниться о Гижигинске. Как в расписании Сибирской губернии, за время Елисаветиного царствования составленном, не упомянут Миллером (в *Ежвмес. сочинениях* до 1765 г.) Гижигинск ни под именем зимовья, ни острога, то и спрашивается: достоверно ли полагается начало Гижигинска около 1752г. Покойный Лосев относил начало его к этому году; но на чем он основывался? Подобным образом он полагал начало Кудинской и Витимской слобод в 1621 г., вопреки всякой вероятности и хронологии сибирских завоеваний. В подражение Лосеву, в XIV томе *Энциклопедического Лексикона,* барон Стакельберг основывает Гижигинск около 1753 г., помещая в нем пер-

вым обывателем сержанта Абрама Игнатьева. Скорее бы можно было с ним согласиться, если бы он поселил туг беглого из Анадырска колодника, изменившего начальству; но чтобы коряки того времени допустили поселиться сержанту, надлежало бы счесть это за чудо или почесть сержанта за кудесника. Академия наук, по причине путешествия ея сочленов к северо-восточному краю Сибири, хорошо знала тамошние места и нигде не промолвила о Гижиге. Две карты старой Сибири изданы Фишером в 1774г., и вовсе не видно Гижиги на берегах Пенжинского залива. Карта Сибири Шаппа, с концептов С.-Петербургской Академии сочиненная, издана при атласе в 1768 г., и также на ней нет ел еда Гижиги. Мне казалось, что Охотск позаботился учредить пост на устье Гижиги не прежде решения об уничтожении Анадырска, для обеспечения сухой езды в Камчатку через бывший Аклинск; и вот почему я полагал в первой книге начало Гижигинска не ранее 1765 года.

15. Выплавка серебра при Нерчинских заводах после 1740 года.

Год	п.	Ф.	з.	Кол. руд пропл.
1749	82	7	94	189 709 п.
1755	139	16	86	115 000 п.
1762	176	2	65'/2	627 707 п.
1767	435	35	92	1 007 430 п.
1773	523	28	48'/4	1 843 176 п.
1774	619	9'/2	—	1 763 080 п.

Имена управителей заводских и начальников:

Нерчинский воевода П. Мусин-Пушкин — по 1720 год.

Кабинет-курьер Ил. Голенищев-Кутузов — по 1726 г.

Комиссар Тим. Бурцов — по 1735 г.

Гитенфервальтер Дамес — по 1739 г.

Комиссар Утятников — по 1741 г.

Поручик Елизар Назарьев — по 1744г.

Бергмейстер Дмитрий Одинцов — по 1749г.

Асессор Игнатий Юдин — по 1754 г.

Асессор Баннер — по 1758 г.

Коллежский советник Никифор Клеопин — по 1760 г.

Асессор Баннер (прежний) — по 1761 г.

Обер-бергмейстер Лодыгин, главный же начальник — В. И. Суворов — по 1775г.

Статский советник Нарышкин — до половины 1776 г.

Губернатор Немцов ad interim — до 1777г.

Бригадир Аршеневский — по 1780 г.

С 1781-го— надворный советник Карамышев с подчинением генерал-майору Бекельману. Здесь надобно припомнить, что с 1711 по 1716 г. нерчинские заводы подчинялись сибирскому губернатору, потом Геннингу, Татищеву, Шембергу, иркутскому вице-губернатору Вульфу и канцелярии главного правления заводов, до определения особых главных начальников.

16. В апреле 1757 г., когда для границы европейской издан новый тариф, сказано в том же указе, что в Сибири все остается по-старому до нового тарифа. Но тариф сей состоялся для Сибири Западной и Восточной 31 мая 1761 г.,однако ж об уничтожении уральских таможней не сказано тут, пока существовал Сибирский Приказ, который крепко держался за старинный порядок. Для сведения скажем: а) что этим тарифом повелевалось брать пошлины российскою монетою или серебром и золотом, рассчитывая золотник серебра в 19'/2, золота — в 277 к.; б) запрещались к привозу ревень, табак-шар, медные пятикопеечники и полушки, вино хлебное, кани-

фоль, гарпиус, скипидар, мишура плащильная и пряденая, мышьяк и пр. ядовитые материалы. Запрещались к отпуску: соболи, черные и бурые лисицы, дорогие металлы, свинец, порох, все огнестрельные снаряды, серебро в деньгах и слитках, лосиные кожи, бобровая пуша, поташ, смольчуг, льняная пряжа.

Когда ж не стало таможни Верхотурской с ея заставами и с заставами екатеринбургскими? В 1762 г. китайский торг на Кяхте прекратился, и прекращение продолжалось до 1768-го, след., уральским таможенным местам нечего почти было делать, и они оставались, как признаки бывшего порядка, для наблюдения за таможнями иртышскими. Но надобно принять во внимание следующие два случая: 1-е, что манифестом ^декабря 1763 г. закрыт Сибирский Приказ, и Сибири повелено управляться на общем государственном порядке, с отчислением мягкой рухляди в заведывание Кабинета; 2-е, в штатах таможенных, поднесенных главным директором и 12 февраля 1764г. конфирмованных, нет уже внутренних на Урале таможней, ни застав. След., в этот промежуток они закрыты по распоряжению главного директора графа Миниха как излишние, на основании общего установления об уничтожении внутренних сборов.

17. Торг на Кяхте прерывался в 1744 г. на 17 дней; в 1747 — на 3 дня; в 1751 —на 2 дня; в 1753 — на 5 месяцев и 2 дня; в 1756 — на 1 месяц и 7 дней; в 1759 — на 11 дней; с 1762 по 1768 — на 6 лет, в 1775 — на 3 дня; с 1778 по 29 апреля 1780 — на 2 года и 13 дней; с 1785 по 2 апреля 1792 г. — на 6 лет, 11 месяцев и 23 дня, по случаю беглеца Уладзака. След., в течение 47 годов было неторговых 15 лет, 7 месяцев и 21 день.

18. Капитан Андреев, около 1770г. собиравший сведения о соседних с Сибирью ордах, пишет, что орда Закаменная, между хребтов водворившаяся, состоит из 10 волостей, 10-ю биями управляемых, конечно, по древним обычаям, и волости им повинуются без прекрекания. В случае войны бии действуют единодушно. Стало, общество это есть союзная разбойничья республика. Орда занимается хлебопашеством, скотоводством и, без сомнения, звероловством.

В 1784 г. в первый раз явились на линию посланцы Абдрахмак и Ширгиза, привезшие на Высочайшее имя от главного родоначальника Атяки-батыра 3 барсовых и 5 рысьих кож. Посланцы награждены в Петербурге, и послано родоначальнику в подарок 800 р. серебром.

В 1814г. явились в Омск, в качестве депутатов своей орды, два бия, Шаралик и Ноязбек, для утверждения дружественных сношений с омским начальством. Они награждены капитанскими чинами, один золотою медалью, другой саблею с золотой оправой.

В 1821 и 1824 гг. посланцы орды просили в Омске о принятии ея в подведомство России, с предложением доставлять нашим караванам безопасность в пути до Кашгара. Также просили о приписке к ним военного отряда по примеру, как это учреждено во внешних округах. Домогательство их произошло от опасения, что к их соседе гвенному неприятелю, Сюку Аблаеву, султану Большой орды, послан по прошении казачий отряд под командою подполковника Шубина. Но на отправление посланцев в Петербург разрешения не последовало; некоторым из них пожалованы подарки, старшинам — медали.

В 1821 г., при препровождении купеческого каравана, проходившего чрез землю Закаменной орды, находился с отрядом офицер Лещев. Он говорит, что палатки для отряда ставились женщина-

ми из белых полстей; что орда вмещает в себе беглецов из ташкенцев, татар и даже русских, владеет огнестрельным оружием, стреляет без фитилей, ненавидит соименные орды, хотя те и другие одного мусульманского поколения. Еще, что муллы тамошние, по безграмотности туземцев, из беглых татар; что приказы биев свято исполняются; что хлебопашество состоит в посеве проса, китайской пшеницы и гороха; что зерно мелется на мутовочных мельницах или ручными жерновами; что язык у них турецко-татарский.

Лещев не мог мне пересказать ничего из тамошней природы, кроме того, что есть там большое озеро, конечно Иссык-Куль, что оно безрыбно и никогда не замерзает; что по причине гор — множество речек; множество цветов и трав, а питательная трава кипец служит вместо овса. По маршруту того же офицера, от Семипалатинска до роздыха в орде Закаменной записано 1537 верст.

19. Указ о хождении новой медной монеты сибирского чекана состоялся 5 декабря 1763 г., но тиснение началось на Колывано-Сузунском заводе не ранее 1765 г., в котором открылась и губерния Иркутская. Фрауендорф прибыл в Иркутск 5 февраля; след., оба события одновременны.

Ради превосходства меди колыванской против екатеринбургской делалось из пуда ея 25, а не 16 рублей. Ибо по пробам содержалось в пуде колыванской меди с 1761 до 1768 г. золотистого серебра от $4^7/_8$ до $6^{23}/_{4s}$, а по словам Палласа, после ездившего, — до 31 '/$_2$ золотника.

20. В *Материалах для Российской статистики,* в 1839 г. изданных, помещены в статье *Об устройстве управления,* между прочим, счисления сибирской населенности:

В провинции		Тобольской	130998
«	«	Енисейской	126 323
«	«	Иркутской	37 599
Уральских подзаводских крестьян			100 206
			395 126

В этих глухих числах мне представилось много недоразумений: 1) не сказано, к какой эпохе или переписи они относятся? 2) не сказано, одно ли податное состояние тут вычислено? 3) если числа взяты из 4-й переписи, как можно судить по итогу иркутскому, то итог енисейский слишком огромен, чтобы не вздумалось подразумевать в нем и женского пола, чего, напротив, нет в иркутском; 4) число подзаводских уральских крестьян опять непомерно и, должно быть, смешано с другим полом; 5) если действительно не во всех 4-х числах одна стихия, то к чему повела бы такая арифметика? 6) в убеждении, что в 4-х числах, нет разнородной примеси, т.е. ни людей свободного состояния, ни женщин, ни инородцев, общий итог был бы чрезмерен для 4-й переписи. Все затруднения оттого, что умолчано время переписи. Я надеюсь, что почтенный сочинитель статьи не поставит этой откровенности в вину человеку, который умеет уважать прочие умственные труды его.

21. В царствование императора Павла сибирская дивизия состояла из:

2-х полков драгунских, стоявших между крр. Звериноголовской и Усть-Каменогорской;

3-х мушкетерских: Ширванского, Томского и Селенгинского, стоявших в Омске, Колывани и Усть-Каменогорске;

2-х батальонов егерских, 19 и 20-го;

6-ти мушкетерских и 2-х Селенгинских, под распоряжением местных комендантов.

прибавления

ВЫПИСКА из телеутских песен и пословиц

песни

1. мечты ОТЦА

Молодой ланшачок мой вырастет,
конь будет,
Грива и хвост в полную меру придут;
Малое детище мое вырастет, человек будет;
Ради кого я беспокоился,
будет моим приятелем.

Молодой жеребенок мой вырастет,
конь будет,
И хвост и грива в полную меру придут;
Малое мое чадо вырастет, человек будет;
Ради кого я погоревал,
будет моим приятелем.

2. горесть ОТЦА о сыне

Дитя птицы жаворонка
В поле щебечет;
И я, не находя моего детища,
Щебечу, подобно жаворонку,

Дитя чижи ка-птицы
Летает, распустив крылья, по полю;
И я, моего чада не находя,
Распустив крылья, летаю в чужой стороне.

3. честь и стыд человека

Белый цвет взойдет, украсит землю;
Родится человек разумный, будет править народом.
Голубой цвет взойдет, украсит землю;
Родится человекдаровитый,
будет управлять миром.
С пути разума сбившийся выродок
Дедовскую, отцовскую славу погубит;
С правой дороги рассудка
сбившийся выродок
Честь предков своих погубит.

4. КАК БЫ пожить получше

Шелковое ли платье буду носить,
все износится;
Мужественное лицо мое увянет.
Пока мужественное лицо мое не увяло,
Пожить бы порасчетливее.

Китайчатую ли одежду буду носить,
все останется после меня;
Румяное лицо мое поблекнет.
Пока румяное лицо мое не поблекло,
Пожить бы в доброй чести и славе.

5. ВЫГОДЫ ОТ РОДНЫХ

Скованная кольчуга хороша на войне;
Когда брат есть, хорошо и в народе.
Броня из колец соединенных
хороша на войне;
Когда сын родной есть, хорошо и в народе.

Без брата человек одинок,
В народе какое веселье ему?

Без сына родного одинок человек,
Какое веселье ему у чужих людей?

Одна зарница перед восходом солнца,
Как серебро — копытный конь-третьяк;
Единородное детище старца,
Нрав, как серебро литое!

Одна зарница перед восходом месяца,
Как златокопытный конь.
Единородное дитя у батюшки;
Нрав, как литое золото!

ПОСЛОВИЦЫ

Камень сам не может вверх лететь, и человек не может сам стремиться к Богу.

Долгой путь сократи; на гриву коню поставь котел. (Поговори-ка что-нибудь, да закури трубку, и мне подай.)

Что ты гордишься? Будь смирнее овцы, меньше зайца, ниже травы.

Раб знает иногда больше князя, да говорить ему не позволяют.

В бороде ума нет.

Суровый конь утрудит ноги твои, раздвоенье ума утрудит человека.

Если бы не было ветра, не сломилось бы дерево; если бы не было дьявола, не умирал бы человек.

Нет никого больше матери, которая давала сосать оба сосца.

Познакомив с песнями и пословицами, надобно сказать, что подлинные песни на телеутском наречии читаны были тобольскому имаму, учившемуся по-татарски в Казани, и он отозвался, что ничего не понимает, хотя и слышал несколько слов татарских. Я и прежде говорил в замечании, что татарский язык, при множестве поколений и наречий переродившихся, не может быть везде понятен татарину одного поколения. Один из недавних путешественников много ошибся, утверждая, что этот язык от Енисея до Казани может быть вразумителен во всех татарских селитьбах.

А) прибавление о военнопленных шведах

Я читал подлинную жалобу, на Высочайшее имя в 1716 году писанную, за подписью капитанов Гаренскельда и Менгера, от имени прочих капитанов, поручиков, прапорщиков и пасторов, в 22 пунктах. Главное содержание жалобы в том, что пленные, быв посланы в 1714 г. из Тобольска в Томск на жительство, получают квартиры, часто переменяющиеся, притом и худые, — что часто выгоняют их из дома в дом с ругательствами, выбрасывают их пожитки, - что у начальников не находят зашиты, что городничий Ребров, приказные и жители осыпают их грубостями, которые иногда сопровождаются пощечинами. Вот как выражалась невежливая народность того времени! Подлинная жалоба, переведенная и писанная по-русски, найдена в свертках Кондинского монастыря, за шведскою подписью капитанов.

Тут же есть следственное дело о корчемном вине и табаке, в 1716г. найденном близ Томска у пленного капитана Энгельгардта, который с своей стороны подавал две просьбы в Томскую приказную палату об отнятии у него 13 п. меда, на 32 руб., без причины. Последствий не сыскано, но могли беспомощный иноземец тогда найти уважение среди криводушных судей!

(Получ. чрез г. Абрамова).

е) ИЗ УКАЗОВ, СИБИРСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ ДАННЫХ*

a) Указом от 30 мая 1719г. велено приготовить к приезду Измайлова, чрезвычайного посланника, для даров богдохану соболей, пластиновый соболий мех и другие сибирские вещи, богдохану, для него приятные, на пять тысяч руб., да на иждивение Измайлову отпустить рухляди на три тысячи.

в) Из указа 9 февраля 1720 г. видно, что Лихарев не пошел далее оз. Зайсана за неприсылкою рекрутов, за недостатком пороха, провианта и амуниции. Государь приказывал губернатору поспешить снабдить его, как между тем Лихарев за болезнию уехал в столицу.

c) Из указа 14 марта 1731 г. видно, что велено Татищеву, чрез геодезистов, с ним посланных, сочинить карты Сибири с географическим описанием, взяв нужные сведения из Сибирской губернии. Но нигде не видно, чтобы важное это дело было кончено и даже начато.

d) Губернатор Бутурлин, несмотря на многие указы Кабинета, не отправлял 2000, ни даже 1000 казаков в пособие против Башкирского бунта, представляя, что, кроме провинции Иркутской, в Тобольской губернии состоит дворян, детей дворянских и казаков 5630 и что все раскомандированы по губернии. Но Кабинет от 1 апреля 1737 г. со строгоетию заметил ему, что в губернии по справке считается служивых того рода 9011, кроме нескольких тысяч рекрутов.

e) Из указа от 30 июня 1737 г. видно, что капитан Михалевский, приставленный с командою солдат содержать трех кн. Долгоруких с их сестрою княжной в Березове под крепким караулом, стал обедать у них, гулял с ними по городу, позволял им ходить в гости и за такое нарушение обязанности приговорен военным судом, вместе с воеводою майором Бобровским и с прочими соучастниками, которых нашлось более 30 человек, к лишению живота и к тяжким наказаниям. Но по указу Кабинета подсудимые освобождены от казни, и наказания уменьшены, соразмерно винам. В числе виноватых находились 4 духовных лица.

f) Из указа от 4 июня 1741 г. видно, что бывшему регенту Бирону с супругою назначено жить в Пельше в нарочно выстроенном доме, который окружен острогом, что команда, кроме гвардейского офицера Викентьева и товарища, 9-ти сержантов и капралов, состояла из 72 человек, что содержание регенту с супругою назначено в день по 15 р., в год 5475 р., а со служителями, придворными поварами, лекарем и пастором — 5985р.

g) Из указа от 12 мая 1747 г. видно, что доход с продажной в Сибири соли простирался до 25 000 р. с небольшим.

ж) В рапорте Чичерина в пр. сенат от 29 октября 1778 г. о сибирских дворянах и детях боярских значится:

1. Дети боярские начинают свое имя при княжении В. К. Иоанна Васильевича, и это служилое имя упоминается в походе воеводы кн. Курбского к Уралу.

2. По штату, в 1737 г. опробованному Сенатом, оставлено для сибирской службы с. дворян 76, детей боярских 277.

* Я получил эти указы из Перми чрез Ф. А. Прядильщикова. Они были в свое время извлечены из Сибирской губернской канцелярии, и некоторые из них могут служить пояснением для статей первой книги *Обозрения.*

3. По сенатскому указу 1744г. от 12 марта предоставлено тобольским губернатором определять в дети боярские их детей, потом повышать в дворян сибирских, не имеющих никакого преимущества, ни потомственного значения, разве когда удостаиваются за службу обер-офицерскими чинами.

4. По челобитью тобольских дворян Петра и Федора Толбузиных, повелено от 3 февраля 1694г. за многотрудные службы, голодное терпение, осадное сидение и за смерть, на албазинской стене отца их постигшую, прибавить к их окладам денежного, хлебного и соляного жалованья, как значится в грамоте.

5. За построение на р. Тоболе Усть-Суерской слободы*, также Белозерской (где была прежде того деревня), да на р. Пышме слобод Калинавской и Юрмытской, за водворение в них крестьян, велено 2 декабря 1711 г. тобольскому дворянину Феофилову быть дворянином по московскому списку.

6. В 1725 г. при губернаторе кн. Долгорукове положено для службы и посылок 50 дворян, 100 детей боярских.

7. В 1737 г. за распределением дворян и детей боярских в новоучрежденный драгунский полк и пехотный батальон оставлено для гражданской службы 76 дворян, 277 детей боярских, с жалованьем первым по 17р. 62 к., последним— по 8р., 81 к., сверх хлебного склада.

8. По окладной книге, в 1712 г. при кн. Гагарине писанной, выказано дворян по московскому списку, служивших в Сибирской губернии — 20, пожалованных в московское дворянство — 8, да в дальних до Енисея городах — московских дворян 5 фамилий.

9. В управление Чичерина было сибирских дворян по московскому списку 6 фамилий: Рачковские, Сухотины, Крутиковы, Годлевские, Куртуковы и Мельниковы; но ныне все перевелись. Что касается до Иркутской губернии, там боярские дети и дворяне производились из казаков и крестьян.

Примечание. Все прибавления, очень поздно и порознь до меня доходившие, можно будет в свое время разместить по своим местам, в приличные главы первых двух книг.

з) Князь М. П. Гагарин, по Сборнику, помянутому в последнем примечании, приехал в Тобольск на губернаторство в октябре 1711 г., а предместник его кн. М. Я. Черкасский отозван в Москву в 1710г. Это достовернее, чем торопливость краткого показания, оговоренная в 25-й скобке второго периода Обозрения.

Князь Гагарин от Верхотурья плыл на судне, обитом красным сукном, со многими чиновниками, для занятия должностей избранными, принимал нарядные встречи от лица городов, разным людям давал милостивые обещания, как полномочный вельможа. Он поступал с величавостию боярина. С его приезда воеводы по городам стали называться комендантами.

* Слоб. Суерская и Шумляцкая, при воеводе А. Ф. Нарышкине укрепленные по случаю киргизских набегов, существовали прежде 1686 года. Курган (Царево городище — выше слоб. Белозерской) и слоб. Утяцкая были заселены прежде 1682 года. В этом году в Утяцкой завелась без ведома пустыня, в которую крестьяне, как шальные, сбегались и постригались. Приезжал далмацкий игумен для убеждения, чтоб они возвратились восвояси, расставлены были заставы для воспрепятствования привалу народа, наконец, прислан был из Тобольска письменный голова Орлов с конными казаками для увещаний, но дело кончилось всесожжением множества людей, пустыни и слободы. Семь старцев увезены в Тобольск к допросам. Все это примечание извлечено из разных строчек Сборника духовных и летописных статей, присланного ко мне от Ф. А. Прядильщикова.

оглавление

КНИГА ВТОРАЯ
с 1742 по 1823 год

ПЕРИОД IV. От 1742 **до 1765 = 23 года**

Научно-популярное издание

Словцов Петр Андреевич

ИСТОРИЯ СИБИРИ
От Ермака до Екатерины II

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленскии*
Главный редактор *С.Н.Дмитриев*
Редактор *П. И. Руднев*
Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *И. В. Резникова*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Д. В. Грушин*

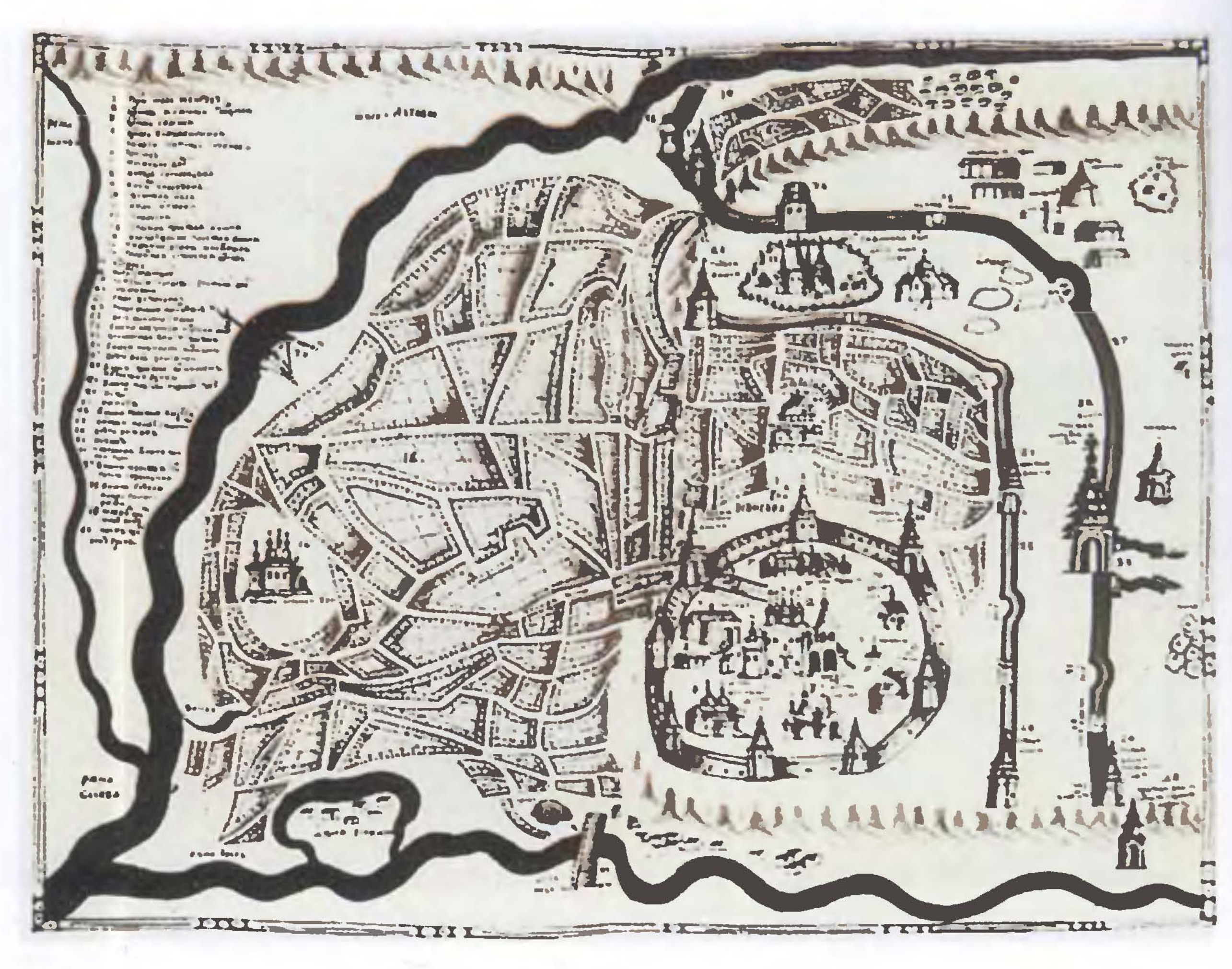
ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.001857.12.03. от 08.12.2003 г.

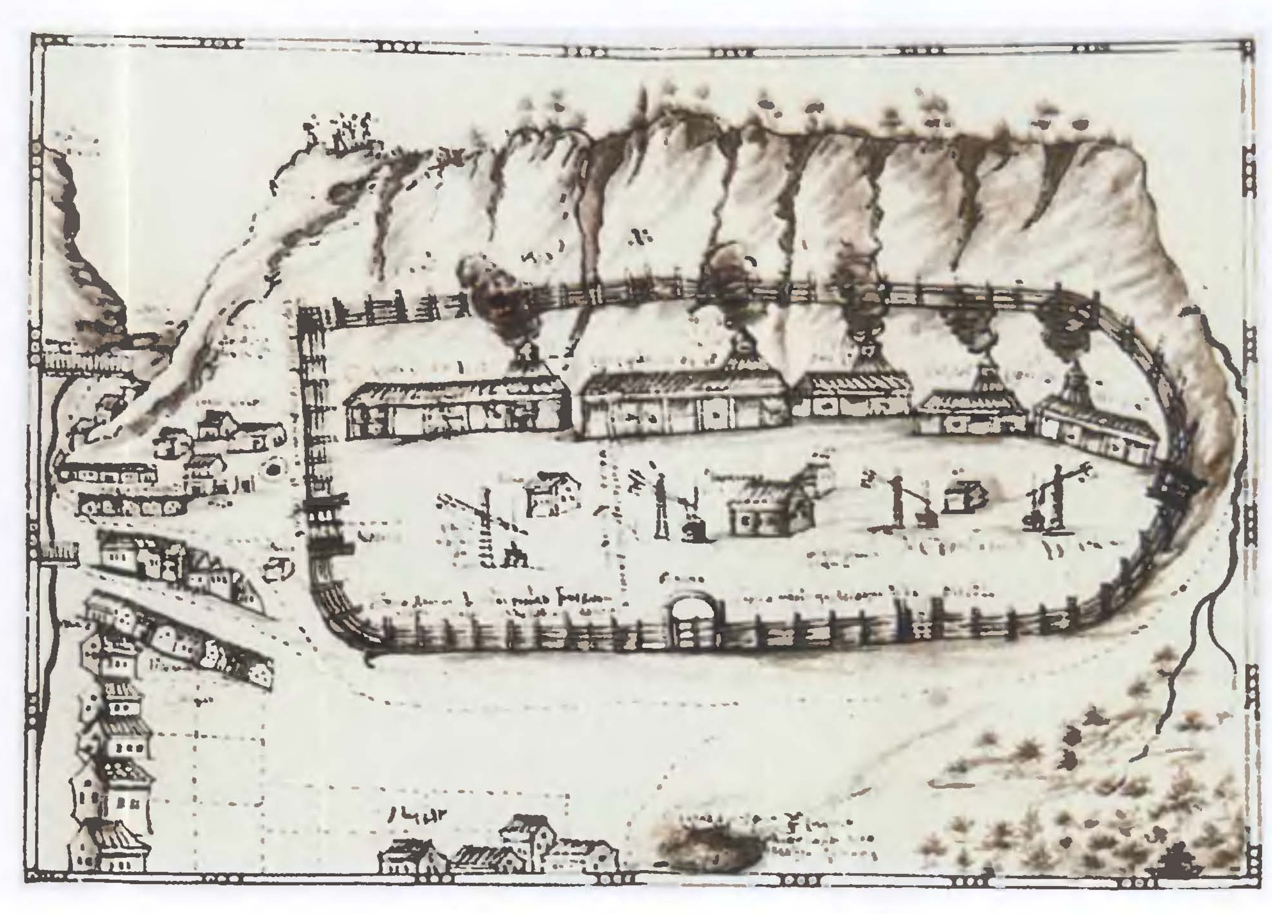
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 23.01.2006. Формат 70x100 '/16.
Гарнитура «НьютонС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 32. Тираж 3 000 экз. Заказ № 2599.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография"
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

План города Кунгура. XVII в.

План заводов на Панином Бугре. XVII в.

Покорение Сибири Ермаком. Картина В.И. Сурикова. 1895 г.

Ермак Тимофеевич.
Портрет XVIII в.

Уральский казак. Рисунок Г.-Ф. Паули
(Из альбома «Народы России». 1862 г.)

Меншиков в Березове. Картина В.И. Сурикова. 1883 г.

Э.-И. Бирон. Всевластному временщику также пришлось испытать тяжесть сибирской ссылки

Протопоп Аввакум за свои взгляды был отправлен в ссылку в Даурию

Рабочие уральских заводов привозят пушки Пугачеву.
Картина М.И. Авилова. Деталь. 1923 г.

Пейзаж Среднего Урала

Восточная часть Якутского уезда. 1772 г.

Полярные исследователи В.В. и Т.Ф. Прончищевы. Реконструкция С.А. Никитина

Семен Дежнев

Крест на могиле Василия и Татьяны Прончищевых на берегу реки Оленек. Таймыр

Карта Байкала. XVIII в.

Байкальские буряты.
Рисунок Г.-Ф. Паули
(Из альбома «Народы России». 1862 г.)

Западно-Сибирский ненец.
Рисунок Г.-Ф. Паули
(Из альбома «Народы России». 1862 г.)

Озеро Байкал

Алеуты. Рисунок Г.-Ф. Паули
(Из альбома «Народы России». 1862 г.)

Ительмен. Рисунок Г.-Ф. Паули
(Из альбома «Народы России». 1862 г.)

Камчатка. Ключевская сопка

Иркутская губерния. Восточная часть Иркутской губернии с прилежащими островами и западным берегом Америки

Тобольский кремль. XVIII в.

Томск. Архиерейский дом и Алексеевский мужской монастырь. Литография 1871 г.

Св. Иннокентий Кульчицкий.
Первый епископ Иркутский
и Нерчинский. Портрет конца XVIII в.

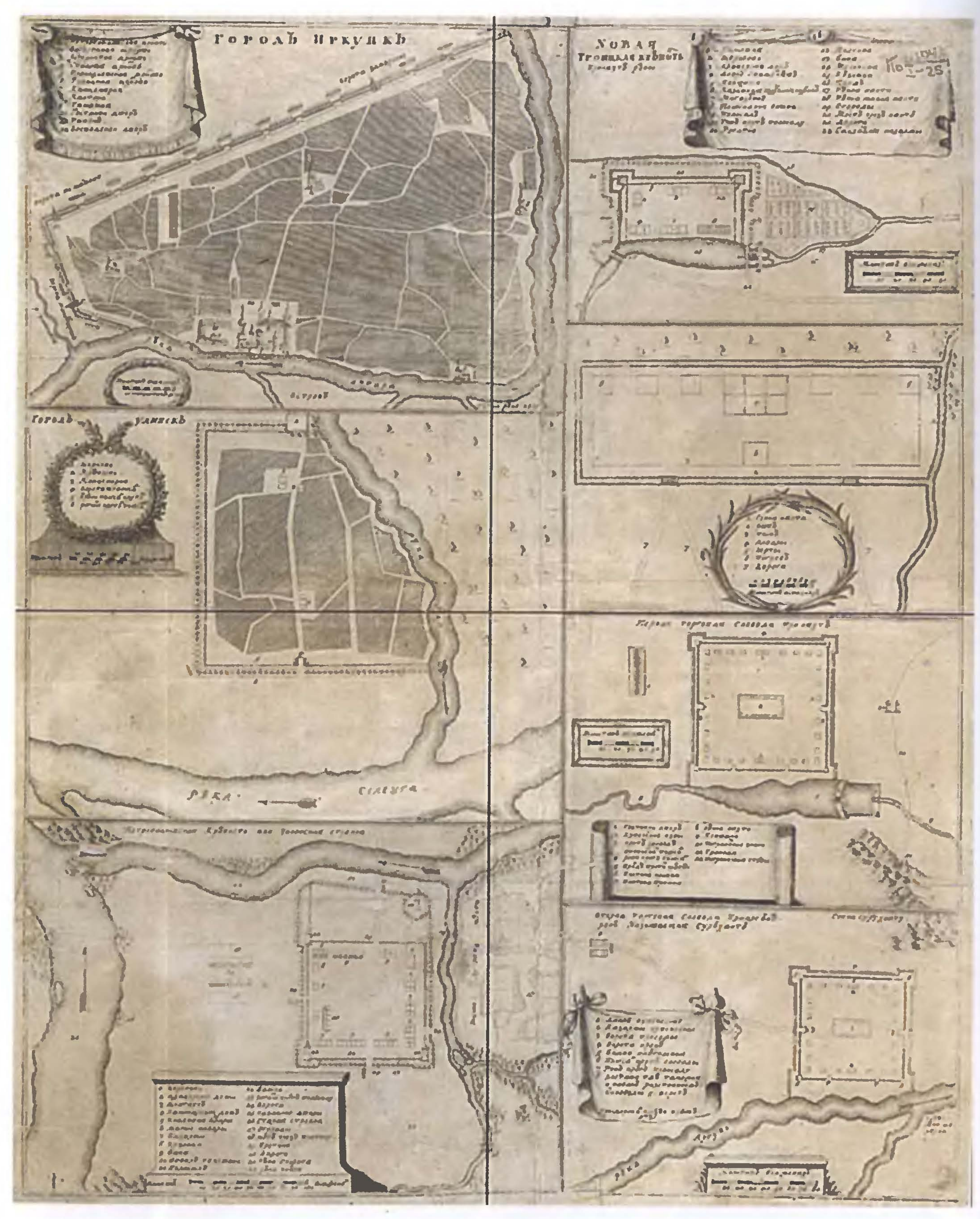
Св. Софроний Кристалевский.
Портрет конца XVIII в.

Епископ Иркутский и Нерчинский
Иннокентий Нерунович.
Портрет конца XVIII в.

Епископ Иркутский и Нерчинский
Михаил Миткевич.
Портрет конца XVIII в.

План города Иркутска, Ново-Троицкая крепость. 1730 г.

Сибирский губернатор князь А.М. Черкасский. Портрет работы И.П. Аргунова. 1760-е гг.

Сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский. Портрет работы М.А. Васильева. 1820 г.

Берега Енисея

Никита Демидович Антуфьев, основатель династии промышленников Демидовых. Портрет XVIII в.

Акинфий Никитич Демидов. Основатель железорудных и медеплавильных заводов на Урале. Портрет работы Г.-К. Гроота. Около 1745 г.

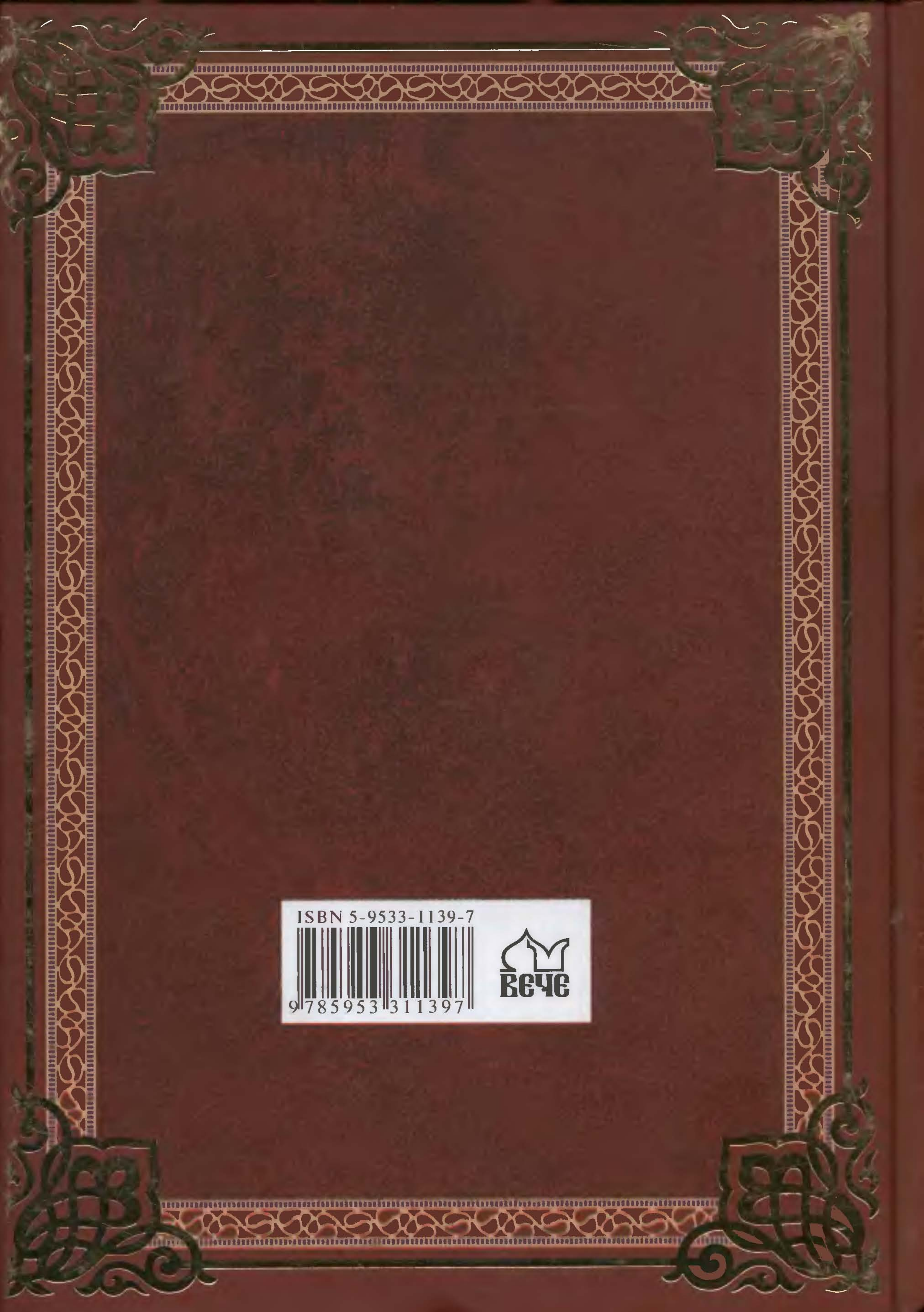
Иркутский купец первой гильдии Николай Тимофеевич Баснин. Портрет работы М.А. Васильева. 1824 г.

Иркутский купец Петр Дмитриевич Трапезников. Портрет работы П. Калмынина. 1839 г.

Пригон рабочих на уральские заводы в 1820-е гг. Картина Г.К. Савицкого

Вид Петровского завода в Нерчинском округе.
Картина В.В. Давыдова по акварели Н.А. Бестужева 1834 г.

ISBN 5-9533-1139-7
9785953311397
ВЕЧЕ